СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ НАРОДОВ МИРА

·АКАДЕМИЯ·

Mircea Eliade

ESSENTIAL SACRED WRITINGS FROM AROUND THE WORLD

Мирча Элиаде

СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ НАРОДОВ МИРА

МОСКВА
«КРОН-ПРЕСС»

ББК 86.37 СОЕ
Э46

Перевод с английского
В. ФЕДОРИНА

Оформление
В. ОСИПЯНА

Элиаде М.

Э46 Священные тексты народов мира / Пер. с англ. В. Федорина. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. — 624 с. — Серия «Академия».

ISBN 5-232-01036-0

Один из властителей дум образованной публики шестидесятых—семидесятых, Мирча Элиаде (1907—1986), был оригинальнейшим исследователем мифологических традиций человечества. Он много лет преподавал историю религий в Чикагском университете.

«Священные тексты народов мира» — это обширная антология, в которую вошли сакральные тексты из огромного множества источников мировой культуры: Коран, египетская Книга Мертвых, Ригведа, Бхагавадгита, Пополь Вух и др.

Антология построена по тематическому принципу.

Каждая тема (например, «Боги, богини и сверхъестественные существа», «Смерть, загробная жизнь, эсхатология» или «Мифы о творении и происхождении») раскрывается посредством мифов, религиозных сюжетов, сказаний из самых разных уголков земного шара.

Настоящее издание представляет уникальную возможность русским читателям познакомиться с духовными исканиями цивилизаций и народов мира.

52Р(03)—98

© 1967 by Mircea Eliade
© КРОН-ПРЕСС, 1998
© Перевод. В. Федорин, 1998

Предисловие

Поводом к составлению антологии религиозных текстов послужили для меня первые годы преподавания истории религий в Чикагском университете. Рассматривая одну специфическую проблему, я рассчитывал на то, что мои студенты прочтут по крайней мере некоторые основные первоисточники; но вскоре я обнаружил, что не в состоянии порекомендовать им ни одной монографии, где можно было бы найти собрание важнейших текстов, посвященных, например, верховным богам, космогоническим мифам, представлениям о смерти и загробной жизни и т. д. Хотя у нас имеется много сборников текстов (некоторые из них блестящи), посвященных важнейшим религиям, на английском языке нет ни одной всеобъемлющей антологии, в которой религиозные тексты были бы распределены по темам и рубрикам. Мне кажется, только прочитав некоторое количество религиозных текстов, посвященных одному и тому же предмету (космогонии, инициации, мифам о происхождении смерти), студент сможет уловить их структурные сходства и различия.

Любая тематическая классификация религиозных текстов чревата определенной произвольностью. Например, некоторые тексты, помещенные в главе о божественных существах, с таким же успехом могли войти в главы о космогониях или религиозных спекуляциях. Но эта книга написана для того, чтобы сначала быть *прочитанной* от начала до конца и только после этого использоваться в качестве справочника. Перекрестный указатель поможет читателю — при желании — последовательно изучить все тексты, относящиеся к отдельной религии или к особому культурно-географическому комплексу, будь то Месопотамия, Древняя Греция, Индия (или только одну часть индийской религии — ведизм, брахманизм, буддизм и т. д.) или «первобытные» общества (посетив по отдельности Австралию, Океанию, Африку, Азию, Северную или Южную Америку).

Непросто было решить, в каких пропорциях должны быть приведены тексты, представляющие различные религии и культурно-географические комплексы. По понятным причинам я стремился включить наиболее репрезентативные религиозные тексты; с другой стороны, тематическая классификация побуждала меня иллюстрировать все важные религиозные верования, представления, обряды и институты. Так, например, обильно цитируя Даодэцзин, ведийские гимны и упанишады, я был вынужден экономить на китайских и индийских ритуалах.

По очевидным причинам только ограниченное число текстов могли быть перепечатаны целиком. Пропуски в тексте отмечены многоточиями. В случае с пространными текстами (например, «Энума элиш» и «Эпос о Гильгамеше») пропущенные места заменены кратким изложением. Изредка, когда текст оказывался необычайно длинным (например, классическое радловское описание алтайского конного жертвоприношения и восхождения шамана на *небо, занимающее более пятидесяти книжных страниц), я давал резюме,* включая в него большие цитаты. Что касается йогических техник, то я счел более уместным представить систематическое изложение, уснащенное обильными цитатами из первоисточников, чем публиковать фрагменты Йога-сутры — текста, сложного для понимания даже тогда, когда он снабжен классическим индийским комментарием. Объяснительные примечания даны только в случае крайней необходимости; во многих случаях я использовал или адаптировал примечания переводчика. При необходимости я предварял текст или группу текстов кратким комментарием (см., например, инициацию, шаманизм, мифы о происхождении смерти). Мои комментарии выделены курсивом. Комментарии других авторов печатаются тем же шрифтом, что и тексты, которые они сопровождают; при этом в названии указывается источник. Использование круглых и квадратных скобок в перепечатываемых текстах следует стилю издания, из которого взят соответствующий отрывок.

Я пытался избегать использования материалов из редких или труднодоступных книг и журналов. Таким образом, читатель, заинтересовавшийся отдельным предметом, сможет легко найти дополнительные тексты. Выборочная библиография в конце книги готовилась, исходя из тех же соображений: в ней перечислены только самые полезные и важные книги. Если я мог сослаться на свежую монографию, посвященную данному предмету и содержащую богатую и хорошо организованную библиографию, я считал излишним указывать другие работы.

Я использовал только существующие английские переводы священных текстов. В случае с древними ближневосточными, индийскими, греческими, китайскими и японскими текстами я выбирал из всех доступных грамотных переводов, чтобы открыть читателю многообразие возможных переводов столь трудных и непривычных текстов. При подборе текстов, относящихся к «первобытным», дописьменным обществам, я придерживался

того же принципа: я ограничил свой выбор работами, написанными на английском или переведенными на английский. Спешу добавить, что, хотя термин «первобытный» вводит в заблуждение и должен быть заменен термином «дописьменный» или «архаический», я сохранил его, следуя большинству авторов, из соображений удобства.

Я попытался включить тексты практически из всех важных религиозных традиций, начиная от первобытной религии до Древнего Ближнего Востока, ислама, позднего буддизма и дзэн-буддизма. Я, однако, не включил хеттские и угаритские тексты, так как их фрагментарное состояние потребовало бы слишком обширного комментария; кроме того, имеется немало доступных и профессиональных переводов этих текстов. Более серьезным пропуском является отсутствие иудейских и христианских текстов. Однако представить эти религии без обильного цитирования из Ветхого и Нового Заветов невозможно, и я счел неразумным значительно увеличивать объем и цену антологии, воспроизводя столь хорошо известные тексты. Впрочем, сборник иудейских и христианских текстов, построенный по схожему тематическому принципу, был бы весьма своевременным. Теперь же отсутствие в антологии иудаизма и христианства может создать у читателя не вполне правильное представление о новизне и уникальности пророческого опыта Мухаммада, равно как и исламских мистических и богословских спекуляций о Едином Боге. Но конечно, я исхожу из того, что большинство читателей в той или иной мере знакомы с двумя другими, более древними монотеистическими традициями.

Составитель подобной антологии не может надеяться на то, что его работа удовлетворит всех его коллег и тем более всех его читателей. Не важно, сколь «объективен» составитель при сборе, классификации и подаче религиозных текстов, его выбор будет в конечном счете субъективным. Но я не могу не указать на то, что эту книгу следует судить как целое, а не с частной точки зрения антрополога, филолога-классика или востоковеда. Как я уже говорил, книга задумывалась для чтения от начала до конца, а не просто как справочник. По той же причине я попытался ограничиться минимальным научным аппаратом. Я собирался издать не очередной ученый труд исключительно для специалистов, но простую и читаемую книгу, доступную каждому *honnête homme**, интересующемуся религиозными верованиями других людей.

Я должен поблагодарить моего друга и коллегу профессора Джозефа Китагава за помощь в подборе японских материалов, госпожу Рихову Артур за перепечатку значительной части рукописи, господина Элана Миллера за вычитку ряда исламских текстов, господина Дэвида Найпа за редактирова-

* Порядочному человеку (*фр.*). — *Прим. ред.*

ние и комментирование индийских и скандинавских материалов. Я признателен мисс Нэнси Ауэр за перепечатку и редактирование большинства месопотамских текстов, за помощь на различных стадиях работы, а также за чтение корректуры. Наконец, я благодарен моей жене — не только за перепечатку некоторых текстов, но особенно за поддержку, позволившую мне продолжать и закончить этот труд, которым я занимался с перерывами последние пять лет. Конечно, знай я раньше, что потребуется столько усилий, я не осмелился бы затеять подобный проект. Единственное, чем я утешаюсь при мысли о потраченном времени и энергии, так это тем, что такой сборник поможет исследователю и заинтересованному читателю лучше понять религиозную жизнь древнего и незападного человечества.

Мирча Элиаде

Университет Чикаго

ГЛАВА I

БОГИ, БОГИНИ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА

БОЖЕСТВА ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ (дописьменные общества)

1
АВСТРАЛИЙСКИЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА

Верования племен Юго-Восточной Австралии

Ниже излагаются верования племени кулин — как о том повествуют их легенды и рассказали мне оставшиеся в живых вурунджерри. *Бунджиля* они представляют себе стариком, благосклонным Нгурунгаета, или вождем племени. У него были две жены Ганаварра (Черные лебеди) и сын Бинбеаль (Радуга), чья жена — это вторая радуга, которую можно иногда наблюдать. Бунджиль обучил племя кулин важнейшим искусствам. Одна легенда гласит, что в то время представители племени вступали в брак, не обращая никакого внимания на родство. Два лекаря (виррарап) поднялись к нему в Тарангалк-бек, и он ответил им, что кулин должны разделиться на две части — «Бунджиль здесь и Ваанг там, и Бунджиль должны вступать в брак с Ваанг, а Ваанг — с Бунджиль».

Другая легенда сообщает, что в конце он [Бунджиль] поднялся на небесную землю со всем своим народом (легенда говорит, со своими «сыновьями»), и в этом ему помог вихрь, который был выпущен мускусным вороном (беллин-беллин) из его кожаного меха по приказу Бунджиля. Старики рассказывают молодежи, что там он остается и поныне, наблюдая с высоты за кулин. В качестве хорошего примера может выступать следующая история: когда Берак был еще ребенком («у него еще не было бороды»), кангун (дядя по матери) вывел его ночью из стана и, указав копьем на звезду Альтаир, сказал: «Смотри! Это — Бунджиль. Ты видишь его, а он видит тебя». Было это еще до того, как Бэтман поселился на берегах реки Ярра, что свидетельствует о первобытности этого представления...

Обычно Бунджиля называли именем Мами-нгата, т. е. «наш отец», а не именем Бунджиль.

В легендах о нем поражает то, что человеческие черты преобладают над чертами животными. На самом деле в его образе последние совершенно не видны, потому что он всегда изображается чернокожим стариком, а не орлом (таково значение его имени); в то же время другим действующим лицом может выступать кенгуру, австралийская ехидна, журавль или существо, в котором от животного столько же, сколько и от человека.

У курнаи под воздействием инициационных обрядов знание о существе, равноценном Бунджилю, доступно лишь посвященным. Старухи знают о существовании сверхъестественного существа в небе, но они знают его лишь как *Мунган-нгауа*, «нашего отца». Только во время заключительной и самой тайной части обряда новичкам сообщают сведения о Мунган-нгауа, и это единственное имя, которым его называют курнаи.

Представления о *Байаме* могут быть почерпнуты из сообщений Ридли: та их часть, которая приводится мной, может восприниматься как вполне достоверная. Я опустил все прикрасы, которые, по-видимому, объясняются душевными пристрастиями этого миссионера. По его словам, Байаме на языке камиларои означает «создатель» (от биаи — «создавать» или «строить»), который творит и охраняет все вещи. Обычно невидимый, он неоднократно являлся в человеческом обличье и облагодетельствовал их род всевозможными дарами.

Ниже приводится сообщение одного из ранних поселенцев в земле камиларои. По моему мнению, содержащиеся в нем представления о Байаме исконно свободны от любых христианских наслоений. Если спросить человека из племени камиларои: «Кто сделал это?», указывая при этом на какой-либо предмет, он ответит «Байаме, деах», т. е. «Байаме, я думаю». Говорят, что Байаме пришел с запада в Голаринбри на Баруоне и оставался там четыре-пять дней, после чего отправился на восток со своими двумя женами. Они верят, что когда-нибудь он вернется обратно.

Вера в *Дарамулуна*, «отца», и *Биамбана*, или «господина», обща для всех племен, посещающих *Юин-Куринган*. Я описывал их подробно в главе IX, теперь же вкратце перескажу то, о чем говорится на их церемониях. Давным-давно Дарамулун жил на земле вместе со своей матерью *Нгалалбаль*. Первоначально земля была бесплодна, «как небо, тверда, как скала» и простиралась там, где сейчас находится море. Не было ни мужчин, ни женщин — только звери, птицы, пресмыкающиеся. Он посадил деревья в землю. После того как Кабока, дрозд, вызвал на земле великий потоп, заливший все побережье, на земле остались только те из людей, которые взобрались на гору Дромадер. Затем Дарамулун взошел на небо, где он живет и наблюдает за поступками людей. Он был первым

создателем Курингаль и трещотки, звук которой воспроизводит его голос. Он поведал племени юин, что следует делать, и дал им законы, которые передавались стариками от отца к сыну вплоть до настоящего времени. Он дает *Гоммера* способность пользоваться *Джойа* и другими магическими средствами. Когда человек умирает и *Тулугал* (дух) покидает умершего, его встречает и заботится о нем Дарамулун...

Представляется вполне ясным, что *Нурундере*, *Нурелли*, *Бунджиль*, *Мунган-нгава*, *Дарамулун* и *Байаме* — это различные имена одного и того же существа. К их числу можно с полным основанием отнести и *Коина* племен озера Макквейри, *Маамбу*, *Бирраля* и *Колина* племен реки Герберта: тем самым можно говорить о том, что это верование повсеместно распространено в Виктории и Новом Южном Уэльсе вплоть до восточных границ племен реки Дарлинг. Если к ним присоединить еще и племена побережья Квинсленда, тогда западной границей будет линия, проведенная из устья реки Мюррея к Кардвеллу, включая Великий Разделительный Хребет и захватывая часть Нового Южного Уэльса. Таким образом будет очерчена та часть Австралии, в которой имеет место вера в антропоморфное сверхъестественное существо, живущее на небе и якобы как-то влияющее на нравы аборигенов. В Австралии такое верование не встречается больше нигде, хотя имеются указания на то, что кое-где верят в антропоморфных существ, обитающих на небесной земле...

Как бы ни называли это сверхъестественное существо, все сходятся на том, что когда-то оно жило на земле, но потом взошло на землю над небом, где оно пребывает и поныне, наблюдая за людьми. Говорят, что Дарамулун способен «пойти куда угодно и сделать что угодно». Он может быть невидимым; становясь видимым, он принимает вид старика-австралийца. Очевидно, он вечен, потому что он существовал с самого начала и до сих пор жив. Но при этом он всего лишь пребывает в том состоянии, в каком, по представлениям этих аборигенов, находился бы каждый, если бы не безвременная гибель из-за чар злого колдовства.

A.W. Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*. London, 1904, pp. 491–500

См. *также текст 142.*

АФРИКАНСКИЕ ВЕРХОВНЫЕ БОГИ

Как и многие высшие существа «первобытных» народов, верховные боги великого множества африканских этнических групп считаются творцами — всемогущими, благожелательными и т. д.; но в религиозной жиз-

ни они играют довольно незначительную роль. Будучи либо слишком далекими, либо слишком благими, они не нуждаются в настоящем культе и призываются только в случае крайней нужды. (Ср. M. Eliade, 'Patterns in Comparative Religion', New York. Sheed and Ward, 1958, pp. 47—50).

2
НЗАМБИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ БАКОНГО

Племя баконго населяет низовья реки Конго.

Нзамби Мпунгу — это невидимое, но очень могучее существо, сотворившее все — людей и вещи, даже фетиши, которые он дал людям для их блага. «Если бы он не дал нам наши фетиши, мы бы все давно умерли». Он причастен к рождению каждого ребенка, он наказывает тех, кто нарушает его запреты. Ему не воздается культа, ибо он не нуждается ни в чем и недоступен. Живущий на земле человек испытывает бесчисленные потребности; пожилые люди находятся в привилегированном положении. Выше всех — Нзамби, единовластный неприступный Господин, который поместил человека внизу, чтобы однажды, в смертный час, унести его прочь. Он наблюдает за человеком, следит за ним повсюду и неумолимо уносит его прочь — молодого или старого... К числу законов относятся *nkondo mi Nzambi*, «запреты Бога», нарушение которых составляет *sumu ku Nzambi* [грех против Нзамби], и обычная кара за это — *lufwa lumbi*, «плохая смерть».

Van Wing, *Études Bakongo*. Brussels, 1921, pp 170ff.

3
ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО ИСОКО (ЮЖНАЯ НИГЕРИЯ)

Религия исоко начинается с верховного существа Cghene, которому приписывается сотворение мира и всех людей, включая исоко Он живет на небе, являющемся его частью, ниспосылает дождь и сияние солнца, выказывает свой гнев с помощью грома Cghene абсолютно недоступен человеческому разумению, его никто никогда не видел. Cghene беспол и познается только через свои действия, из-за чего люди говорят

о Cghene как о «нем», ибо он мыслится творцом, а значит, отцом всех исоко. О нем никогда не говорят «Мой Отец», но всегда — «Наш Отец». Cghene всегда наказывает злодеев и награждает праведников, и поэтому исоко видят во всяком несчастье, случающемся с хорошим человеком, результат колдовства. Но поскольку Cghene столь далек и непознаваем, у него нет ни храмов, ни жрецов и к нему не обращаются напрямую с молитвами или жертвоприношениями Чтобы заполнить пропасть между собой и человеком, Cghene назначил посредника, называемого oyise, или uko Cghene («посланник Cghene») Oyise — это шест примерно восьми футов в длину, из дерева oyise, воздвигаемый после семичастного приношения Cghene на участке старейшего из членов семьи — и только на нем. Перед этим шестом старейшина ежеутренне выбрасывает свою использованную жевательную палочку и молится за благополучие семьи и поселка. С помощью oyise можно призывать Cghene в случае беды или по необходимости.

James W Telch, *The Isoko Tribe, Africa*, VII (1934), pp 160—173, цитировалась с 163

4
НГАИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ КИКУЙЮ

Кикуйю — бантуязычное племя, живущее в Восточной Африке.

Сначала мы имеем дело с *готхатхайя Нгаи*, что означает «просить Нгаи» или «поклоняться Нгаи». Нгаи — это имя верховного бога. Разницу между поклонением богу и поклонением предкам иллюстрирует тот факт, что *готхатхайя* никогда не употребляется применительно к духам предков.

Представление о божестве. Кикуйю верят в одного бога — Нгаи, творца и подателя всех вещей. У него нет ни отца, ни матери, ни каких-либо сотоварищей. Его любовь или ненависть к людям определяется их поведением. Творец живет на небе, но имеет временные пристанища на земле, расположенные на горах, где он останавливается во время своих посещений. Посещения совершаются в целях своего рода «общей инспекции», *кироора тиа*, и для того, чтобы наградить или наказать людей... Нгаи недоступен взору смертных. Он весьма далек от людей и мало интересуется их повседневной жизнью. Однако в кризисных ситуациях он призывается на помощь При рождении, посвящении, же-

нитьбе или смерти каждый кикуйю вступает в общение с Нгаи. Церемонии, которыми сопровождаются четыре этих события, не оставляют никакого сомнения в значении духовной поддержки, столь существенной для кикуйю... В обычном течении повседневности у них нет молитв или религиозных церемоний, подобных «утренней и вечерней молитвам». До тех пор пока у людей все хорошо и благополучно, считается само собой разумеющимся, что бог доволен общим поведением народа и благосостоянием страны. В этом блаженном состоянии нет надобности молиться. Молитвы тут даже нежелательны, ибо Нгаи нельзя тревожить без необходимости. Лишь когда люди испытывают настоящую нужду, они должны обращаться к нему, не боясь его побеспокоить или навлечь на себя его гнев. Однако, собираясь для обсуждения общих дел, на суд или пляски, они молятся ему о защите и руководстве. Когда кого-то поражает молния, говорят: «Его разнесло вдребезги за то, что он видел, как Нгаи разминает суставы, чтобы отправиться разнести и прогнать своих врагов».

Говорят, что молния — это зримое оружие бога, которым он пользуется для того, чтобы загодя предупредить людей о своем приближении и о том, что им следует подготовить и очистить для него дорогу. Приближение Нгаи предвещается только звуками его собственных приготовлений. Гром — это хруст его суставов, разминаемых перед битвой.

Jomo Kenyatta, *'Kikuyu Religion, Ancestor-Worship, and Sacrificial Practices' Africa*, X (1937), pp. 308—328; цитировались с. 308—309.

5

ЛЕЗА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ БА-ИЛА (СЕВЕРНАЯ РОДЕЗИЯ)

Давным-давно ба-ила ничего не знали о делах Лезы— нет, все, что они знали о нем, это то, что он сотворил нас и что он не ведает устали. А теперь, когда приближается сезон дождей и никак не наступит, они просят Лезу о разных вещах; они тогда говорят: «Леза досаждает, не давая дождя», а потом, когда он посылает слишком большой дождь, они говорят: «Леза дождит слишком сильно». Если холодно, они говорят: «Леза делает холод», а если нет, они говорят: «Леза слишком горячий, пусть придут тучи». Все равно, раз Леза Сострадательный, то есть Милосердный, он не сердится, он не перестает посылать дождь, он не перестает творить им

всем благо, — ни когда они проклинают, ни когда они высмеивают его, ни когда они ворчат на него, он всегда и всем делает благо, и поэтому они всегда ему доверяют. Но что до знания о его делах, то нет, ба-ила их не знают, все, что они говорят — это: «Леза — благодушный; он тот, у кого ты просишь разные вещи. Это все, что мы, ба-ила, знаем о нем».

Edwin W. Smith, A.M. Dale, *The Ila-speaking People of Northern Rhodesia*, II, London, 1920, p. 199.

6
ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО ГЕРЕРО

Гереро — бантуязычная народность, живущая в Юго-Восточной Африке.

«Гереро знают верховное существо, которое они называют Нджамби Карунга. Имя Карунга происходит из языка овамбо и близко известно лишь тем из гереро, кто в прежние времена имел дело с овамбо... Нджамби — небесный бог. Он живет на небе, но вездесущ. Его самая поразительная черта — доброта. Своей жизнью человек обязан ему, и все блага в конечном счете восходят к нему. Умирающий естественной смертью забирается Нджамби. Поскольку его сущность — доброта, люди питают к нему не страх, а почтительную любовь. Поскольку его блага являются даром его доброты и не обусловлены какими бы то ни было нравственными требованиям, вера в Нджамби никак не связана с нравственностью, а поклонение Нджамби не превратилось в культ. В лучшем случае его имя призывается только в благодарственной молитве после какой-нибудь неожиданной удачи либо они взывают к нему, когда ничто другое не помогает. В остальное время произнесение его имени не разрешается. Когда я задал вопрос женщине из племени тжимба, живущей в Каоковельде, о том, где находится жилище Нджамби Карунга, она ответила: «Он находится на облаках, потому что, когда поднимаются облака, ясно слышен его голос», а дальнейшее расследование выявило, что тжимба считают Нджамби подателем дождя» (H. Vedder, *The Native Tribes of South-West Africa*, Capetown, 1928, p. 164).

Весьма существенно, что священное имя не должно произноситься. Отчасти, если не полностью, этим объясняется, почему миссионеры, жившие бок о бок с гереро с 1844 года, впервые услышали его имя только в 1871 году.

Edwin W. Smith (ed.), *African Ideas of God: A Symposium*, 2nd ed.; London, 1950, pp 132—133.

7
РАЛУВИМБА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ВЕНДА

Венда — бантуязычное племя, живущее в Северном Трансваале.

Это имя составлено из приставки *Ра-*, выражающей почтение и, возможно, связанно с идеей «Отца»; *лувимба* — это орел, парящая в вышине птица. Имя Ралувимба символизирует великую силу, пронизывающую космос и использующую небесные явления в качестве своих орудий.

«Ралувимба связан с началом мира и якобы обитает где-то на небе, поддерживая связь со всеми астрономическими и физическими явлениями... Падающая звезда — это путешествующий по небу Ралувимба: его голос слышится в громе; кометы, молния, метеоры, землетрясения, засухи, наводнения, мор и эпидемии — фактически все природные явления, затрагивающие целый народ, — это откровения великого бога. Во время бури он проявляет себя в виде большого огня близ крааля вождя, из которого он громовым голосом говорит о своих желаниях; этот огонь всегда исчезает из вида, прежде чем кому-нибудь удастся к нему притронуться. Во время этих посещений вождь входит в свою хижину и, обращаясь к Ралувимбе как к *Макхулу* (Дедушке), вступает с ним в разговор, причем голос бога отвечает ему или с крыши или с соседнего дерева; затем Ралувимба уходит, возвещая об этом новым раскатом грома. Иногда он гневается на вождя и мстит людям, насылая на них засуху или наводнение; порой он проделывает в небесах огромное отверстие и насылает на землю рой саранчи».

H A Stayt, *The Bavenda*, Oxford, 1931, p 236

Рассказывают, что Ралувимба имел обыкновение появляться время от времени в виде высокого пламени на каменном уступе, над входом в одну пещеру. Вместе с пламенем раздавался лязг железа, слыша который люди кричали от радости, и их воплями оглашалась вся страна. Вождь взбирался на уступ, откуда призывал Ралувимбу, благодарил его за то, что тот проявил себя, молился о ниспослании своему народу дождя, счастья и мира.

Иногда его внезапно приветствует весь народ, причем совершенно необычным для южных банту образом. Преподобный Г. Вестфаль из Берлинской миссии сообщает о том, что в 1917 году средь бела дня на землю упал метеорит, издавая странный гул, за которым последовал раскат грома. Это

знамение вызвало у людей не ужас, но крики радости. Другой миссионер, преподобный МакДональд рассказывает о том, как после слабого землетрясения туземцы подняли оглушительный шум — женщины улюлюкали, хлопали в ладоши и кричали. «Все племя приветствовало Ралувимбу, проходящего через их землю». Говорят, что во время землетрясения в небесах слышится звук, напоминающий раскат грома. Тогда туземцы хлопают в ладоши, приветствуя таинственного бога, и молятся: «Дай нам дождь! Дай нам здоровье!»

Доктор Х. А. Жюно́ говорит, что Ралувимба считается творцом и создателем всего, а также подателем дождя. Если дождь скуден и угрожает голод, люди жалуются: «Ралувимба хочет нас погубить». То же самое говорится, когда поля затопляются водой. Во время засухи совершаются молитвы и приносятся жертвы. Кое в чем Ралувимба подобен Провидению. Он заботится не только о целом племени, но и об отдельных его членах. Тот, кто едва не утонул, обязательно скажет: «Меня спас Ралувимба, Мудзиму».

Ралувимбу отождествляют с Мвари (или Нвали), чье земное жилище (подобно горе Синай для Яхве) находится на холмах Матопо в Южной Родезии. Ежегодно венда отправляли особого посланца (чья должность является наследственной) с черным быком и куском черной ткани для приношения Мвари. Черного быка отпускали на волю в лесу, где он присоединялся к большому стаду, которое скапливалось там и принадлежало богу.

Edwin W Smith, '*The Idea of God among South African Tribes*', in Smith (ed) *African Ideas of God. A Symposium*, 2nd ed., London, 1950, pp 124—126

См. также тексты 51, 67, 91, 126, 127, 299.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ

8

ВАКАН ТАНКА, ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО ИНДЕЙЦЕВ ДАКОТА

Ниже приведены слова Меча, представителя ветви оглала тетонских индейцев дакота, в записи Дж. Р. Уокера.

Каждая вещь в мире имеет своего духа, и этот дух называется *вакан*. Так, духи дерева и тому подобных вещей, хотя и отличны от духа человека, тоже являются *вакан*. *Вакан* происходит от существ *вакан*. Эти существа настолько же превосходят людей, насколько люди превосходят животных. Они не рождаются и не умирают. Они могут много такого, на что не способны люди. Люди могут молиться им о помощи. Этих существ много, но все они принадлежат к четырем видам. Словосочетание *Вакан Танка* означает всю совокупность существ *вакан*, потому что они все составляют как бы одно. *Вакан Танка Кин* — это вождь, или главный *вакан*, которым является Солнце. Однако самый могущественный из *вакан* — это *Наги Танка*, Великий Дух, который также *Таку Сканскан*. *Таку Сканскан* обозначает Голубое, иными словами, — Небо... Людям разрешается молиться существам *вакан*. Если их молитва обращена ко всем благим *вакан*, то они должны молиться *Вакан Танка*; но если молитва приносится лишь одному из них, тогда оно должно быть названо по имени... *Вакан Танка* — это как шестнадцать разных существ; но каждое существо — это *кан*. Поэтому они все равно что одно.

J.R. Walker, *The Sun Dance and Other Ceremonies of the Oglala Division of the Teton Dakota*, American Museum of Natural History, Anthropological Papers, vol. XVI, part II, 1917, pp. 152—153.

9
«ВЕЛИКИЙ ДУХ» ЛЕНАПОВ

Индейцы ленапы (или делавары), одно из значительных алгонкинских племен, занимали огромную территорию к югу от Онтарио до среднеатлантического региона, причем на западе их земли находились главным образом в Оклахоме.

Все ленапы, которых я спрашивал до сих пор — и последователи исконной религии, и христиане, — единодушны в том, что их народ всегда верил в вождя *Маниту*, главного из богов, иначе говоря, в Великого Духа или Верховное Существо, тогда как прочие *манитувук* — это по большей части назначенные им агенты, и не более того. Согласно современному словоупотреблению унами, его имя — *Гиселему каонг*, что обычно переводится как «великий дух», но буквально означает «создатель». Лично или с помощью своих агентов *манитувук* он

сотворил землю и все, что на ней, и дал ленапам все, чем они владеют, — «деревья, воды, огонь, высекаемый из кремня, — все». Ему молятся ленапы на своих главных церемониях, благодаря его за те блага, что он дал им. Но в основном они поклоняются напрямую его агентам *манитувук*, которым он дал власть над стихиями и с которыми ленапы чувствуют себя связанными более личными узами, ибо их действия зримы в каждом восходе солнца и буре и ощущаются в каждом дуновении ветра, веющего над лесом и прерией. Кроме того, так как Творец живет на двенадцатом или на самом дальнем от земли небе, чтобы достичь его слуха, необходимо обратиться к нему с двенадцатью криками или восклицаниями.

M.R. Harrington, *Religion and Ceremonies of the Lenape*, New York, 1921, pp. 18—19.

10
ТИРАВА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ПАУНИ

Некогда одно из сильнейших племен равнинных индейцев, пауни, жили по берегам реки Платт в Небраске, на юге их владения доходили до реки Арканзас. Сегодня в большинстве своем они живут в Оклахоме.

«Белый человек, — сказал Курахус, — говорит о небесном Отце; мы говорим *Тирава атиус*, Отец Вышний, но мы не думаем о Тираве как о человеке. Мы думаем о Тираве как о силе, которая устроила и ниспослала все, что нужно человеку. На что похожа Вышняя сила, Тирава атиус, никто не знает; никто там не бывал».

Когда Кавас объясняет Курахусу смысл знаков на Востоке, «она рассказывает ему, что там *Тирава атиус* наступает на Тьму, Ночь, и вынуждает ее родить Зарю. И именно дыхание Зари, дочери Ночи и *Тирава атиус*, ощущается всеми силами и всеми вещами наверху и внизу, давая им новую жизнь на новый день.

H.B. Alexander, *The World's Rim*, Lincoln, Neb.: University of Nebrasca Press, 1953, p. 132; цитируется и обобщается Alice C. Fletcher, *The Hako: A Pawnee Ceremony*, Bureau of American Ethnology, Twenty-second Annual Report, part 2, 1904.

См. *также тексты 44, 45.*

ПОЛИНЕЗИЯ, КОЛУМБИЯ, ЛАБРАДОР, НОВАЯ ГВИНЕЯ

11
ВЫСШЕЕ СУЩЕСТВО МАОРИ (ПОЛИНЕЗИЯ)

Средоточием эзотерической теологии маори было представление о Верховном Ио, остававшееся полностью скрытым от чужеземных исследователей на протяжении десятилетий после первых контактов маори с европейцами. Не могу избавиться от ощущения, что наше неведение относительно подобного верховного бога на других группах островов объясняется главным образом тем, что знание о нем было достоянием древнего жречества, чьи правила побуждали жрецов скрывать от пришельцев самые священные части их учения; в то же самое время личный инстинкт побуждал их утаивать свои сокровенные верования от чужаков, тем более что последним было присуще отношение, характерное для всех почти первых исследователей. Вместе с древним жречеством умерло и знание значительной доли наиболее священной полинезийской традиции. Нижеследующие заметки хорошо иллюстрируют отношение маорийских жрецов к неразборчивому любопытству и бестактности европейцев. Триджжер пишет:

«С.О. Дэйвис упоминает случай, когда старый жрец отказался отвечать на его вопрос о поклонении древних маори Высшему Существу, вежливо посоветовав ему обратиться к другому жрецу, живущему в ста милях отсюда. Вероятно, другой жрец отослал бы его еще к кому-нибудь, и так далее. Каждый посвященный в таинства рассматривал свое знание как доверенную ему ценность, которую надлежит охранять от внешнего мира и сведения о которой могли сообщаться только в самых исключительных обстоятельствах. Имена некоторых богов могли произноситься только в *Уаре Кура* и *Уареванагна* (храмах) племени. Назвать «неизрекаемое имя» (Ио) под крышей любого рода означало совершить ужасающее богохульство; подвигнуть на подобное святотатство могла только полная развращенность человека невежественного (в делах религии), например, европейца. Даже имена предков — поскольку последние происходят от богов — могли подвергаться угрозе умаления, если они упоминались в неподходящей для этого обстановке. Один европейский исследователь маорийского фольклора однажды осмелился заговорить со ста-

рым жрецом, которого он встретил в деревенской лавке, и задал ему вопрос относительно древней истории. Маориец брезгливо отвернулся и заметил: «Здесь не место говорить о важных вещах...» Только тот, кому был интересен этот ученый и кто осмелился пойти на страшный риск ради этой приязни, отвечал на подобные вопросы [о сакральных вещах] или повторял для него освященные гимны. Нет ничего необычного в том, что после продолжительного разговора жрец вдруг останавливается и говорит: «Если я скажу еще что-нибудь, то буду застигнут смертью» или: «Я не должен рассказывать больше, ибо среди живущих жрецов нет ни одного, в ком достаточно святости, чтобы совершить необходимые обряды для очищения меня от такого святотатства». Один жрец говорил: «Присутствие христианского Бога заставило замолчать маорийских богов, но боги маори по-прежнему имеют власть над нами, и если я нарушу их законы, то они покарают меня смертью».

Сам факт существования Ио был неизвестен большинству маори. Как пишет Бест:

«Число посвященных в культ Ио было очень невелико; к соответствующему ритуалу получали доступ только верхушка жречества и представители высшей знати. Простой народ, по-видимому, в нем не участвовал, и сомнительно, чтобы ему вообще дозволялось знать имя Высшего Существа. Культ Ио был эзотерическим, в отличие от культов низших племенных богов. Вся обрядность и церемониал, относящийся к Ио, были сосредоточены в руках высшего жречества, которое было крайне немногочисленным. Этот культ можно назвать аристократическим, доступным только знатокам и наиболее значительным вождям. Вполне вероятно, что это высшее вероучение было слишком возвышенным для обычных умов, так что последние предпочитали зависеть от более доступных и менее строгих богов.

Интересно отметить, что Ио не получал каких-либо жертв или приношений, что не существовало никаких его изображений и что, в отличие от низших богов, он не имел *ариа*, или земной инкарнации».

E.S. Craighill Handy, *Polynesian Religion*, Bernice P. Bishop Museum Bulletin 34, Honolulu, 1927, pp. 95—96; цитируются Edward Treager, *The Maori Race*, Wanganui, 1904, pp. 450—452, и Elsdon Best, *Some Aspects of Maori Myth and Religion*, Dominion Museum Monograph no 1, Wellington, 1922, p. 20.

См. *также текст 47.*

12
ВСЕОБЩАЯ МАТЬ И ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО

Верования кагаба — южноамериканской народности, живущей в Колумбии

«Мать наших песен, мать всякого нашего семени, родила нас в начале времен, и поэтому она мать всех людей, мать всех народов. Она мать грома, мать потоков, мать деревьев и всех вещей. Она мать мира и старших братьев, каменного народа. Она мать плодов земли и всех вещей. Она мать наших младших братьев — французов и чужестранцев. Она мать нашего снаряжения для танцев, всех наших храмов, и она — единственная мать, которая у нас есть. Она одна — мать огня и Солнца и Млечного Пути... Она — мать дождя и она — единственная мать, которая у нас есть. И она оставила нам знак во всех наших храмах... знак в виде песен и танцев».

У нее нет культа, к ней не обращаются с обычными молитвами, но, когда засеваются поля и жрецы распевают свои гимны, кагаба говорят: «И тогда мы думаем об одной-единственной матери всего растущего, о матери всех вещей». Одна из молитв была записана. «Наша мать растущих полей, наша мать потоков смилуется над нами. Кому мы принадлежим? Чье семя мы? Одной нашей матери мы принадлежим».

Paul Radin, *Monotheism among Primitive Peoples*, New York, p 15

13
ЮЖНО-АМЕРИКАНСКАЯ ЭПИФАНИЯ СОЛНЕЧНОГО БОГА

Апинайе, одно из индейских племен языковой семьи же (Восточная Бразилия), считают Солнце творцом и отцом людей. Они обращаются к богу-Солнцу как к отцу, а оно называет людей своими детьми. Нижеследующую быль антрополог Курт Нимуэндаху услышал от старосты индейской деревни.

«Я охотился у истоков ручья Ботика. Все время, пока я был там, я чувствовал возбуждение и постоянно вздрагивал — сам не знаю почему.

Вдруг я увидел его. Он стоял рядом с раскидистыми ветвями большого степного дерева. Он стоял прямо. Его дубинка упиралась в землю рядом с ним, его ладонь держала рукоять. Он был высокий и светлокожий, а его волосы спускались почти до самой земли. Все его тело было разри-

совано, а на внешней стороне ног были широкие красные полосы. Его глаза были точь-в-точь две звезды. Он был очень красивый.

Я сразу же понял, что это он. Тогда я совсем потерял храбрость. Волосы у меня встали дыбом, колени затряслись. Я отложил ружье, потому что про себя я подумал, что должен обратиться к нему, но не мог произнести ни звука, ведь он неотрывно смотрел на меня Тогда я опустил голову, чтобы прийти в себя, и стоял так очень долго. Когда я немного успокоился, я поднял голову. Он по-прежнему стоял и смотрел на меня. Тогда я собрался с духом и сделал несколько шагов к нему, потом не смог идти дальше, потому что колени у меня подкосились. Я снова долго стоял, потом опустил голову и снова попробовал опомниться. Когда я опять поднял глаза, он уже отвернулся и медленно шел по степи.

Тогда мне стало очень грустно. Я оставался там еще долго после того, как он пропал из виду, потом подошел к дереву, под которым он стоял. Я видел отпечатки его ног, по краям окрашенные *уруку* в красный цвет; рядом был отпечаток его дубинки. Я поднял ружье и вернулся в деревню. По дороге мне удалось убить двух оленей, которые подошли ко мне без малейшего страха. Дома я все рассказал отцу. Тогда все начали меня бранить за то, что мне не хватило смелости заговорить с ним.

Ночью, когда я спал, он снова явился мне. Я обратился к нему, и он сказал, что ждал меня в степи, чтобы поговорить со мной, но раз я не приблизился, то он ушел. Он вывел меня за дом и показал там место на земле, где, как он сказал, что-то для меня припрятано. Потом он исчез.

На следующее утро я немедля пошел туда и коснулся почвы кончиком ноги. Там что-то было. Но другие позвали меня на охоту. Мне было стыдно отставать, и я пошел с ними. Когда мы вернулись, я тут же пошел на место, которое он мне показал, но ничего уже там не нашел.

Теперь я знаю, что был тогда большим дураком. Я наверняка получил бы от него большой подарок, если бы смог поговорить с ним. Но я был еще очень молод; сегодня я действовал бы совсем иначе».

Kurt Nimuendaju, *The Apinaye*, Washington, D C , 1939, pp 136—137

14
ПОВЕЛИТЕЛЬ ОЛЕНЕЙ

Поверье индейцев наскапи (полуостров Лабрадор)

В глубине суши между заливом Унгава и Гудзоновым заливом лежит далекая земля, куда ни один индеец не зайдет ни при каких обстоятель-

ствах, и вот почему Там пролегает цепь высоких гор исключительной белизны Белизна эта не от снега, не ото льда и не от белой скальной породы, но от шерсти оленей Эти горы имеют форму дома, и поэтому они известны как Дом Оленей. Один человек из племени петисигабау говорит, что там находятся два дома В этой огромной впадине живут тысячи и тысячи оленей под властью белого человека, одетого в черное. Некоторые говорят, что их несколько и что они бородатые. Этот человек — повелитель оленей, и он никому не позволяет подойти к своему жилищу ближе, чем на сто пятьдесят миль, наказывая ослушников смертью. В его царстве разные животные в два-три раза превосходят свои обычные размеры Немногие индейцы, приближавшиеся к этой местности, говорят, что олени навещают и покидают свою страну каждый год, проходя через долину между двумя высокими горами, отстоящими друг от друга миль на пятнадцать. Утверждают также, что глубина оленьей шерсти, покрывающей там землю, — несколько футов, что на мили вокруг сброшенные рога образуют слой по пояс высотой, что протоптанные оленями тропки доходят человеку до пояса, и что когда молодой олень идет по ним в одиночку, видна только его голова.

F G Speck, *Naskapi, The Savage Hunters of the Labrador Peninsula*, Norman, Okla University of Oklahoma Press, 1935, p 84

15

ХАЙНУВЕЛЕ И «СОЗИДАТЕЛЬНОЕ УБИЙСТВО» (СЕРАМ, НОВАЯ ГВИНЕЯ)

Маринд-аним обозначают термином *дема* творцов и мифических героев, существовавших в незапамятные времена. *Дема* иногда представляются в человеческом облике, иногда — в облике животных и растений. Центральный миф повествует об убийстве божества-*дема* древними людьми-*дема*. Особенно знаменит миф о девушке Хайнувеле, записанный А. Е. Йенсеном на Сераме, одном из островов новогвинейского архипелага Содержание его следующее:

В незапамятные мифические времена человек по имени Амета, охотясь, наткнулся на дикого кабана. Пытаясь ускользнуть, кабан утонул в озере На его клыке Амета нашел кокосовый орех. В ту ночь Амете приснился этот орех, который ему было приказано посадить в землю, что он на утро и сделал. Через три дня выросла кокосовая пальма, а еще через три дня она зацвела Амета забрался на нее, чтобы срезать несколько цветков и приго-

товить из них напиток. Но он порезал палец, и кровь капнула на цветок. Девять дней спустя он нашел в цветке девочку. Амета взял ее и обернул в кокосовые листья. Через три дня девочка превратилась в девушку брачного возраста, и он назвал ее Хайнувеле («ветвь кокосовой пальмы»). Во время великого праздника Маро Хайнувеле стояла посреди площадки для плясок и девять ночей раздавала дары танцорам. Но на девятый день люди вырыли могилу посреди площадки и во время пляски бросили в нее Хайнувеле. Могилу засыпали, и люди плясали на ней.

На следующее утро, видя, что Хайнувеле не возвратилась домой, Амета догадался, что она убита. Он нашел ее тело, выкопал его из могилы, разрезал на части и похоронил их в разных местах — кроме рук Из погребенных останков родились прежде неизвестные растения, в частности клубни, которые с тех пор являются главной пищей людей. Амета отнес руки Хайнувеле к другой богине-*дема*, Сатене. Сатене начертила на площадке для плясок спираль с девятью оборотами и встала в центр спирали. Из рук Хайнувеле она сделала дверь и пригласила танцоров. «Раз вы убили, — сказала она, — то я не останусь здесь. Я уйду сегодня же. А сейчас вы должны прийти ко мне через эту дверь». Те, кому удалось пройти, остались людьми. Другие превратились в зверей (свиней, птиц, рыб) или духов. Сатене объявила, что после ее ухода люди будут встречаться с ней только после смерти, и исчезла с лица земли.

А. Е. Йенсен показал важность этого мифа для понимания религии и картины мира древних земледельцев. Убийство божества-*дема* руками *дема*, предков нынешних людей, завершает одну эпоху (которая не может рассматриваться как «райская») и служит началом новой — той, в которой живем мы. Что до убитой богини-*дема*, то она продолжает жить в своих «созданиях» (пища, растения, животные и т. д.) и в доме мертвых, в который она превратилась, либо в «загробном бытии», которое она учредила собственной гибелью.

M Eliade, *Myth and Reality*, New York, 1963, pp 104—105, сокращенный перевод из книги A E Jensen, Das religiose Weltbild einer fruhen Kultur, Stuttgart, 1948, pp 35—38

БОГИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ДРЕВНЕЙ ИНДИИ И ЯПОНИИ

16
ЭНКИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ШУМЕРОВ

«Энки и мироздание» — одна из самых длинных и лучше всего сохранившихся шумерских эпических поэм. Она начинается с хвалебного гимна, обращенного к Энки; часть ее испорчена и не поддается прочтению, но говоря в общем, она, по всей видимости, превозносит Энки как бога, следящего за вселенной и отвечающего за плодоношение поля и огорода, птицы и скота затем она продолжает развивать ту же тему: восхвалением Энки занимается то он сам, то другие боги. Далее чрезвычайно поврежденный фрагмент описывает, по-видимому, различные обряды и ритуалы, совершаемые самыми важными жрецами и духовными вождями Шумера в святилище Энки в Абзу. Картина снова меняется, и вот мы видим Энки в его лодке, он переезжает из города в город, чтобы «возвещать судьбы» и надлежащим образом превозносить каждый из них. Две враждебных страны оказались менее счастливыми; он уничтожает их и уносит их богатства.

Затем, поведав судьбы различных городов, составлявших шумерскую ойкумену, Энки совершает ряд деяний, жизненно необходимых для плодородия и производительности земли. Он наполняет Тигр жизненосной водой, затем назначает бога Энбилулу «надзирателем за каналами», чтобы тот следил за надлежащим функционированием Тигра и Евфрата. Он «призывает» болотистые местности и тростниковые заросли, наполняет их рыбой и камышом и назначает следить за ними особого бога. Он воздвигает собственное святилище у моря и вверяет его богине Наньше. Схожим образом он «призывает» плуг, ярмо и борозду, возделываемое поле, кирку и глину; обращается к возвышенности, покрывает ее зеленью и стадами, стойлами и овчарнями; устанавливает границы, города и государства; наконец, уделяет внимание «женской работе», в частности ткачеству. Для каждой сферы назначается свое божество.

Поэма завершается в неожиданном ключе: тщеславная и агрессивная Инанна сокрушается о том, что ею пренебрегли, оставив ее без каких-либо особых полномочий и прерогатив. Энки уверяет Инанну в обратном, перечисляя ее собственные знаки отличия и сферы компетенции.

Энки, царь Абзу, ошеломляющий величием своим, говорит непреклонно:

«Мой отец, властелин вселенной,
Во вселенной дал мне сиянье.
Предок мой, всех стран владыка,
Все сути собрал, вложил мне в руку!
Из Экура, храма Энлиля,
К Абзу моему в Эредуге все искусства, всю искусность мою принес.
Я — праведное семя, быка великого исторжение, я — сын первородный Ана!
Светоч, взошедший в Кигале, — я, владыка великий Шумера — я!
Надзиратель над властелинами — я, отец всех стран чужеземных — я!
Старший брат всех богов — я, изобилия творитель — я!
Писарь книги вселенной — я,
Разум Премудрый всех стран — я,

С Аном царем суд справедливый в чертогах небесных вершу — я!
С Энлилем вместе на горных вершинах, откуда он смотрит, судьбы решаю — я!
Решение судеб, там, где солнце встает, он вложил в мои руки!
Я тот, о ком нежно сказала Нинту,
Кому Нинхурсаг дала доброе имя,
Я — предводитель всех Ануннаков,
Сын первородный светлого Ана!»

После того как произнес возвышенные речи Владыка,
После того как великий Господин сам себе хвалу расточил,
Пришли к нему с мольбой и молитвой Ануннаки:
«Владыка, направляющий ремесло,
Принимающий решения, славный; Энки, восхваляй!»

Во второй раз в радости великой
Энки, царь Абзу, в своем величии говорит непреклонно:
«Я — господин, чье слово свято, всех я превыше, я властелин!
По слову моему загон построен, хлев возведен,
Слово мое к небесам приблизилось — с небес дождит изобилие!
Слово мое к земле приблизилось — рыб потоки несет половодие.

.....

[После почти не поддающегося прочтению описания своих обрядов, Энки приступает к оглашению судеб нескольких городов. Например, Ура.]

Он приступил к святилищу Ура,
Энки, владыка Абзу, там решает судьбы:
«Град, достойный омовений, словно бык, стоящий прочно!
Чертог изобилия страны, колени раздвинувший, подобно горе зеленеющий!
Рощи абрикосовой тень раскидистая, собою по праву гордая.
Твои Сути совершенные да будут прямы!
Могучий Утес, Энлиль, произнес на земле и в небе твое славное имя,
Град, кому судьбу решил Энки,
Ура святыня, к нему да воздымешь шею!»
.....
[Затем Энки наполняет страну различными благами: к каждому приставляется особое божество. Например:]
Плуг, ярмо и упряжь он направил,
Государь великий Энки, он быку велел идти прямо,
Борозде священной уста открыл он,
Полю доброму зерно рожать повелел.
Владыку, надевшего перевязь, достойную небесной равнины,
Наделенного силой, землепашца самого Энлиля,
Энкимду, хозяина каналов и дамб,
Энки надзирать и следить поставил,
Владыка к доброму полю обратился, ячмень пятнистый в него бросил,

Энки пшеницу, бобы и горох вывел,
Многие сорта он ссыпал в груды,
Энки удвоил груды и кучи,
Вместе с Энлилем по всей стране он умножил изобилие.
Ту, чье тело и глава пестры, чьи очи мед источают,
Госпожу, что дает сиянье, — силу страны, жизнь черноголовых,
Аншан, добрый хлеб, хлеб вселенной
Энки надзирать и следить поставил.

Он построил конюшни, направил обряды очищения,
Воздвиг овчарни, лучшим жиром и молоком их наполнил,
И возрадовались пирующие боги,
На зеленой от травы равнине благополучие возобладало.
.....
Он наполнил Экур, дом Энлиля, достояниями,
Энлиль возликовал вместе с Энки, Ниппур радовался,
Он провел границы и положил на них межевые камни,
Энки для Ануннаков
Воздвиг жилища в городах,
Установил для них поля в долине.

Героя, быка, выходящего из леса, рыкающего по-львиному,
Доблестного Уту, прочно стоящего быка, гордо выказывающего силу,
Отца великого города, места, где встает солнце,
Великого глашатая святого Ана,
Судью, вершителя богов,
С лазурной бородой, выходящего со святого неба,
Уту, сына Нингаль,
Энки назначил наблюдать за этим во всей вселенной.
[Дальнейшая часть сохранившегося текста посвящена сетованиям Инанны и ответу Энки.]

Вступительные замечания — сжатый пересказ S N Cramer, *The Sumerians. Their History, Culture and Character*, Chicago, University of Chicago Press, 1963, pp. 174—183, перевод (текст, выделенный курсивом) В.К. Афанасьевой: Сэмюэл Н. Крамер История начинается в Шумере. — М., 1991, с. 106—108.

См. также текст 133.

17
ЕГИПЕТСКИЙ ВЕРХОВНЫЙ БОГ В ЭПОХУ ТЕКСТОВ САРКОФАГОВ

Так называемые «Тексты саркофагов», начертанные на внутренних стенках гробов, датируются временем Среднего Царства (2250—1580 до н. э.)

Я был [духом в ?] Первоначальных Водах, не имея сотоварища, когда начало существовать мое имя.
Самый древний облик, в котором я явился, — облик утонувшего.
Я был [также] тем, кто возник как круг, кто был насельником яйца.
Я был единственный, кто начал [все], насельник Первоначальных Вод.
Первый Хаху[1] *произошел для меня и затем я начал двигаться.*
Я создал свои члены в своей «славе».
Я был творцом себя, ибо я образовал себя в согласии со своим желанием, в согласии со своим сердцем.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Хаху — ветер, начавший отделение вод и поднявший небо.

R.T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1959, p. 74.

18
АТОН, ДВУПОЛЫЙ ВЕРХОВНЫЙ БОГ

(«Тексты саркофагов», I, 161сл.)

Я Атон, творец Старших Богов,
Я дал жизнь Шу,
Я великий Он-Она,
Я тот, кто содеял то, что казалось мне хорошим,
Я обрел свое пространство в своей воле,
Мне принадлежит пространство тех, что движутся
подобно тем двум извивам змея.

R.T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1959, p. 80.

19
СПОР МЕЖДУ ОСИРИСОМ И ВЕРХОВНЫМ БОГОМ

(«Книга мертвых», глава 175)

После смерти Осирис оказывается в угрюмой преисподней и оплакивает свой удел.

ОСИРИС: О Атон! Что это за пустынное место, в которое я попал? В нем нет воды, в нем нет воздуха, его глубину не измерить, оно черно, как самая черная ночь. Я беспомощно скитаюсь. Здесь невозможно жить с миром в сердце, здесь не утолить любовную страсть.

АТОН: Живи с миром в сердце, я позаботился об освещении в месте воздуха и воды, и о довольстве и покое в месте хлеба и пива. Так сказал Атон.

ОСИРИС: Но увижу ли я твое лицо?

АТОН: Я не позволю тебе страдать.

ОСИРИС: Но все другие боги имеют свое место в Лодке Миллионов Лет.

АТОН: Твое место принадлежит теперь твоему сыну Гору. Так сказал Атон.

ОСИРИС: Но будет ли позволено ему распоряжаться Великими?

АТОН: Я позволил ему распоряжаться Великими, ибо он унаследует твой трон на Острове Огня.

ОСИРИС: Как было бы хорошо, если бы один бог увидел другого!

АТОН: Мое лицо будет смотреть в твое лицо.

ОСИРИС: Но как долго буду я жить? — спрашивает Осирис.

АТОН: Ты будешь жить дольше миллионов лет, эры в миллионы лет, но в конце я уничтожу все, что создал, земля снова станет частью Изначального Океана, как Бездна вод в ее исконном состоянии. Тогда я буду тем, кто останется, я и Осирис, когда я снова обернусь Древним Змеем, не видевшим человека и не знавшим богов.

Как справедливо то, что я сделал для Осириса, его судьба отлична от судеб всех прочих богов!
Я отдал ему страну мертвых, поместив его сына Гора наследником на его трон на Острове Огня;
Так я отвел ему место на Лодке Миллионов Лет, и Гор останется на троне, вершить свое дело.

ОСИРИС: Но разве душа Сета не будет послана на Запад — судьба, отличная от судеб всех прочих богов.

АТОН: Я буду держать его душу в заточении на Лодке Солнца — такова моя воля — так что он больше не будет устрашать Сонм Богов.

R.T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1959, pp. 139—140.

20
АМЕНХОТЕП IV (ЭХНАТОН) И ГИМН АТОНУ

В эпоху Нового Царства, когда Египет как мировая держава находился в зените своей истории, страна была потрясена революционным религиозным учением, которое грозило смести прочь теологические догмы прошлых столетий. Ключевой фигурой в этом иконоборческом движении был фараон Аменхотеп IV, воцарившийся ок. 1370 г. до н. э. в качестве соправителя своего отца Аменхотепа III (ок. 1397—1360 до н. э.). Этот хрупкий юноша с темпераментом мечтателя и фанатическим пылом реформатора дал повод отозваться о себе как о «первом индивидууме в истории человечества» (Дж. Брестед). Историкам он виделся столь романтической фигурой, что ему было приписано введение культа бога Атона и учреждение первой монотеистической религии.

Однако все возрастающее число свидетельств указывает на то, что культ Атона развился еще до Аменхотепа IV, вероятно, уже в эпоху Тутмоса IV (ок. 1411—1397 до н. э.). Похоже, что поклонение Атону развилось из древнего культа гелиопольского солнечного бога Ра. С течением времени синкретический характер египетского религиозного мышления привел к смешению бога Ра со многими другими божествами — в частности, с Атоном, Гором и Амоном, с последующим усвоением их характерных черт и функций. Новый культ воздавал поклонение вещественному солнечному светилу (по-

египетски называвшемуся атон), освобожденному от всех мифологических наслоений. Поэтому, если не считать раннего периода, в употреблении не было никаких изображений Атона, кроме фигуры солнечного диска с простершимися на землю лучами, каждый из которым завершался ладонью, благодетельно преподносившей иероглифический символ жизни... Стержневой для новой веры была идея о «жизни согласно *Маат*». Этот важный термин, переводимый по-разному — как «справедливость», «праведность» или «истина», — обозначал прежде всего божественно упорядоченный космический порядок. Ко времени Среднего Царства он приобрел дополнительное значение социальной справедливости. Но словоупотребление Эхнатона подчеркивает аспект истины, под которой понималась субъективная истина ощущений, а не традиционная объективная, вселенская истина. Это согласуется с другим наблюдением, согласно которому атонизм был скорее интеллектуалистической, нежели этической религией, как явствует из Гимна Атону.

При всем своем многостороннем благородстве, это учение не смогло снискать одобрения или поддержки ни у кого, кроме придворных и приверженцев Эхнатона. Для египетского народа с незапамятных времен богом был сам фараон, и Эхнатон не стремился здесь что-либо изменить. Только он и его семья обладали привилегией напрямую поклоняться Атону; народ возносил свои молитвы царю, через которого Атон ниспосылал египтянам свои блага. Нет ничего удивительного в том, что столь созерцательная и интеллектуальная доктрина оказалась непонятной простому народу, который либо игнорировал, либо прямо ненавидел ее. Этот факт, помноженный на полное отсутствие толерантности, столь существенной для синкретически настроенных египтян, обрек атонизм на поражение. При соправителе и преемнике Эхнатона Семнехкаре, возможно еще при жизни первого, началось движение за примирение с культом Амона-Ра. Прошло немного времени, и атонизм был забыт, а еретик царь Эхнатон был проклят позднейшими поколениями.

Первая строфа восхваляет блеск Атона, восходящего на небе. Ра, солнечный бог Гелиополя, отождествляется с Атоном в седьмой строке... Две следующие строфы описывают ужасы тьмы, когда Атона нет на небе, в противоположность радостям дня, когда он возвращается, чтобы излить свои благодетельные лучи на мир природы... Пятая и шестая строфы прославляют Атона как творца Вселенной... В седьмой строфе Атон возвеличивается как вселенский бог, творящий и поддерживающий весь народ... В восьмой строфе говорится о попечении Атона о чужеземных странах... Атон описывается как творец времен года в следующей строфе.

Ты сияешь прекрасно на склоне неба,
Диск живой, начало жизни!
Ты взошел на восточном склоне неба
И всю землю заполнил своею красотою.

Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над землей!
Лучи твои объемлют страны, до предела того, что создано тобою.
Ты, Ра, достигаешь пределов.
Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою.
Ты далек, но лучи твои на земле.
Ты пред людьми [...] твое движение.

Ты заходишь на западном склоне неба —
И земля во мраке, наподобие застигнутого смертью.
Спят люди в домах, и головы их покрыты,
И не видит один глаз другого,
И похищено имущество их, скрытое под изголовьем их, —
А они не ведают.
Лев выходит из своего логова.
Змеи жалят людей во мраке,
Когда приходит ночь и земля погружается в молчание,
Ибо создавший все опустился на небосклоне своем.

Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне;
Ты сияешь, как солнечный диск,
Ты разгоняешь мрак,
Щедро посылая лучи свои,
И Обе Земли просыпаются, ликуя,
И поднимаются на ноги.
Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою.
Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя,
Когда ты сияешь над всею землей.
И трудятся они, выполняя свои работы.

Скот радуется на лугах своих,
Деревья и травы зеленеют,
Птицы вылетают из гнезд своих,
И крылья их славят твою душу.
Все животные прыгают на ногах своих,
Все крылатое летает на крыльях своих —
Все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим.
Суда плывут на север и на юг.
Все пути открыты, когда ты сияешь.
Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим,
Ибо лучи твои проникают в глубь моря.

Ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине,
Ты даешь жизнь сыну во чреве матери его,

Ты успокаиваешь дитя — и оно не плачет, —
Ты питаешь его в во чреве, ты даруешь дыхание тому, что ты сотворил,
В миг, когда выходит дитя из чрева [..] день своего рождения,
Ты отверзаешь уста его, ты создаешь все, что потребно ему.
Когда птенец в яйце и послышался голос его,
Ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу и даешь ему жизнь.
Ты назначаешь ему срок разбить яйцо,
И вот он выходит из яйца, чтобы подать голос в назначенный тобою срок.
И он идет на лапках своих, когда покинет свое яйцо.

О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей,
Бог единственный, нет другого, кроме тебя!
Ты был один — и сотворил землю по желанию сердца твоего,
Землю с людьми, скотом и всеми животными,
Которые ступают ногами своими внизу
И летают на крыльях своих вверху.

Чужеземные страны, Сирия, Куш, Египет, —
Каждому человеку отведено тобою место его.
Ты создаешь все, что потребно им.
У каждого своя пища, и каждому отмерено время жизни его.
Языки людей различаются меж собою, несхожи и образы их,
И цвет кожи их, ибо отличил ты одну страну от другой.
Ты создал Нил в преисподней
И вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей, —
Подобно тому как даровал ты им жизнь, сотворив их для себя,
О всеобщий Владыка, утомленный трудами своими,
Владыка всех земель, восходящий ради них,
Диск солнца дневного, великий, почитаемый!

Все чужеземные, далекие страны созданы тобою и живут милостью твоею, —
Ведь это ты даровал небесам их Нил,
Чтобы падал он наземь, —
И вот на горах волны, подобные волнам морским,
И они напоят поле каждого в местности его.
Как прекрасны предначертания твои, владыка вечности!
Нил на небе — для чужестранцев

И для диких животных о четырех ногах,
А Нил, выходящий из преисподней, — для Земли Возлюбленной.

Лучи твои кормят все пашни:
Ты восходишь — и они живут и цветут.
Ты установил ход времени, чтобы вновь и вновь рождалось
сотворенное тобою, —
Зиму, чтобы охладить пашни свои, жару, чтобы [...]
Ты создал далекое небо, чтобы восходить на нем,
Чтобы видеть все, сотворенное тобой.
Ты единственный, ты восходишь в образе своем,
Атон живой, сияющий и блестящий, далекий и близкий!
Из себя, единого, творишь ты миллионы образов своих:
Города и селения, поля и дороги и Река созерцают тебя,
Каждое око устремлено к тебе...

Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя,
Кроме сына твоего Неферхепрура [Эхнатона],
Единственного у Ра,
Ты даешь сыну своему постигнуть предначертания твои и мощь твою.
Вся земля во власти твоей десницы,
Ибо ты создал людей;

Ты восходишь — и они живут, заходишь — и они умирают.
Ты время их жизни, они живут в тебе.
До самого захода твоего все глаза обращены к красоте твоей.
Останавливаются все работы, когда ты заходишь на западе.
Когда же восходишь, то велишь процветать [...] для царя.
Спешат все ноги с тех пор, как ты основал земную твердь.
Ты пробуждаешь всех ради сына твоего,
Исшедшего из плоти твоей,
Для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдою.
Владыки Обеих Земель, Неферхепрура, единственного у Ра,
Сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона...

Вступительные замечания — R J Williams, in D Winton Thomas (ed), *Documents from Old Testament Times*, London, Thomas Nelson, 1958, перевод М Коростовцева в книге *Поэзия и проза Древнего Востока* — БВЛ, М , 1973, с 68—70

См. также тексты *54, 133, 272, 273.*

21
ВАРУНА, ВСЕВЕДУЩИЙ БОГ

«Знает он путь широкого ветра...»
(Ригведа, I, 25, 1–3, 7–14)

1 *Бог Варуна, если твой завет*
Нарушать мы станем день ото дня,
Как [беззаконные] племена —
2. *В негодованьи не выдай нас*
На бойню оружию [своему],
Ярости в гневе [не выдай] нас!
3. *Песнями, Варуна, мы хотим*
Дух твой для милости развязать,
Как возничий — стреноженного коня.
<.. >
7. *Знает он путь-дорогу птиц,*
По поднебесью летающих,
Знает и путь морской ладьи.
8. *Верный завету, знает он*
Двенадцать месяцев с их детьми,
И того, кто за ними вослед рожден[1].
9. *Знает он путь широкого*
Ветра — высокого, сильного.
Знает [богов], что сидят горé.
10. *Варуна, верный завету, воссел*
Прямо в своих обителях,
Мудрый — на самодержество.
11. *Все чудеса он оттуда зрит,*
Все их видит, внимательный:
И прошлые, и грядущие
12 *Пусть этот мудрый адитья,*
Что ни день, нам ровный откроет путь,
Век нашей жизни пусть продлит!
13. *Вот, облачась в золотой доспех,*
Варуна яркий надел наряд.
Вкруг сидят соглядатаи[2].
14. *Бог он, которого не провести*
Ни обманщикам, ни лихим
Людям, ни неприятелям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дети двенадцати месяцев — дни, «тот, кто за ними вослед рожден», по всей видимости, вставной «тринадцатый» месяц Таким образом от Варуны не укроется никакое «время»

[2] *Возможно, другие адитьи (ср Ригведа, VIII, 47, 11)*

R T H Griffith, *The Hymns of the Rigveda*, I, Benares, 1889, pp 42–43, перевод А. Коваля

22

«ЦАРЬ ВАРУНА ЗДЕСЬ...»

(«Атхарваведа», IV, 16, 1–6)

1. Могучий вождь, из самой середины [богов] он видит, будто в упор. Кто-то думает, что он пробирается украдкой; но боги видят все это!

2. Кто стоит или движется, кто крадется, кто пробирается в убежище, кто — в логово; если двое сидят и что-то замышляют — царь это знает, Варуна с ними третьим.

3. И земля эта — царя Варуны, и то широкое небо, чьи пределы далеко. И эти два океана — чрево Варуны, и в этой капле воды он таится.

4. Даже тот, кто проберется за грань этого неба, не освободится от царя Варуны. Его соглядатаи[1] сходят сюда с неба; тысячеглазые, следят они сверху за землей.

5. Все это царь Варуна проницает взором: и то, что между небом и землей, и то, что за ними. Сосчитано у него, сколько раз люди моргнут. Как «псоубийца» (удачливый игрок) бросает кости, так он эти [порядки вводит][2].

6. О Варуна, те петли, что у тебя семижды семь да по три раза расставлены, широко распахнутые, сияющие — пусть все они опутают того, кто ложь говорит, а кто истину вещает, того да отпустят!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Соглядатаи Варуны — звезды, «глаза ночи» (РВ, X, 127, 1), «созерцатели людей» (АВ, XIX, 47, 3 сл)

[2] Как игрок совершает победный бросок, так Варуна устанавливает эти законы

M Bloomfield, *Hymns of the Atharva-Veda*, in *Sacred Books of the East*, XLII, Oxford, 1897, pp 88–89, перевод А Коваля

23
ВАРУНА И ИНДРА

(Ригведа, IV, 42, 1–7. 10)

(Варуна)

1. *Двойная держава — моя, и правлю*
Я всяким веком; бессмертные все нас
[Знают]. За Варуной следуют боги,
Я — царь народа высшего крова.

2. *Я Варуна-царь! Для меня впервые*
Воздвигли те асуровские силы[1].
Воле Варуны следуют боги,
Я — царь народа высшего крова.

3. *Я — Индра, Варуна. Оба этих*
Широких, глубоких, благих простора,
Зная, как Тваштар[2], все живое,
Я запустил, поддержал два мира.

4. *Я напоил текучие воды,*
Небо созиждил в оплоте Лада[3].
Адити сын[4] и Ладоблюститель,
Ладом я землю простер трояко.

(Индра)

5. *Меня — мужи на ристаньях конных,*
Меня зовут окруженные в битве.
Я распрю творю, я Индра Магхаван[5],
Я пыль поднимаю в избытке силы.

6. *Я все это сделал, и никакая*
Сила богов меня не удержит.
Когда пьянят меня сома и песни,
Оба мира бескрайних меня боятся.

(Поэт?)

7. *О твоих [делах] все живое знает.*
Варуне ты об этом вещаешь.
Ты прослыл убийцею Вритры,
Индра, ты выпустил воды на волю.

<...>

10. *Стяжав [добро], опьянимся богатством,*
[Как] боги — жертвой, коровы — пастьбою!
Индра-Варуна, изо дня в день давайте
Нам корову[6], что не лягается вовсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В строфах 1–4 Варуна говорит от своего лица, утверждая свое небесное владычество, которое по праву принадлежит ему — творцу вселенной, поддерживающему космический миропорядок (*рита*).

[2] Варуна, знаток *майи*, отождествляет себя с божественным ремесленником, Тваштаром, являющимся, что примечательно, отцом Индры и Вритры поздних самхит.

[3] *Рита*.

[4] Варуна, сын Адити.

[5] Индра, «Щедрый», отвечает в строфах 5 и 6. Он похваляется физической силой, подвигами в битве и «неукротимой силой» его порождающей мощи, показывая, что для него, бога-воителя, «сила есть право». Он царь по праву силы, и в следующей строфе (7) поэт в полной мере выражает свое изумление перед тем, что Индра с успехом бросил вызов самовластному господству Варуны.

[6] Т. е. богатство.

R T H. Griffith, *The Hymns of the Rigveda*, II, Benares, 1890, pp. 163–165, перевод А. Коваля.

24
«КАКОГО БОГА ПОЧТИМ ВОЗЛИЯНЬЕМ?»

(Ригведа, X, 121, 1–10)

1. *[Как] Златой Зародыш[1], возник в начале*
   Ставший единым владыкой творенья.
   Поддержал он землю и это небо.
   Какого бога почтим возлияньем?
2. *Жизнедатель кто́ и податель силы,*
   Чьи приказы чтят всё, чьи — даже боги?
   Чья тень — бессмертие вместе со смертью?
   Какого бога почтим возлияньем?
3. *Кто́ мира живых, что дышат-мигают,*
   Самодержцем стал по собственной мощи?
   Кто царь двуногих и четвероногих?
   Какого бога почтим возлияньем?
4. *Эти снежные горы чьи — по мощи?*
   Чьим зовут это море вместе с Ра́сой[2]?
   Чьи сто́роны света, чьи — обе руки?
   Какого бога почтим возлияньем?
5. *Кем крепки небеса и земля прочна́?*
   Кто́ солнце и небосвод подпирает?

Кто́ в поднебесье пространства измерил[3]?
Какого бога почтим возлияньем?
6. *На чью поддержку с трепещущим сердцем*
Уповают две враждебные рати,
Глядя, как солнце, взойдя, засияет[3а]?
Какого бога почтим возлияньем?
7. *Как ярые во́ды[4] пошли, вмещая*
Зародыш всего, Агни порождая —
Тут возникла богов святая сила[5].
Какого бога почтим возлияньем?
8. *Кто́ мощью своей обозрел те во́ды,*
Давшие да́кшу[6], родившие жертву?
Кто́ из богов был одним высшим богом?
Какого бога почтим возлияньем?
9. *Да не вредит нам земли родитель,*
Кто небо родил по истинной дхарме,
Кто ярые во́ды родил и лу́ны!
Какого бога почтим возлияньем?
10. *Праджапати[7]! Ты, не имея равных,*
Все рожденное собою объемлешь.
К тебе взываем: желанья исполни!
Да станем мы господами богатства!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Золотой зародыш (*Хираньягарбха*)». Ср. «первоначальное семя» (*ретас*, мужское семя) в РВ, X, 12, 4. В припеве, завершающем каждую строку, звучит вопрос: «Какого бога почтим возлияньем?» В этом гимне творения поэт стремится *назвать* Того Единого, кто является истинным источником бытия. Поздние декламаторы, которых смущал повтор одного и того же вопроса, *изобрели божество по имени* «Ка» («Кто?»), которому был якобы посвящен этот гимн.

[2] Мифическая река, окружающая землю и атмосферу.

[3] Как Варуна, творя мир (см. VII, 86, 1), разделил и снабдил опорами небо и землю, так и здесь Хираньягарбха совершает тот же разделительный акт, создавая поднебесье, промежуточное пространство (*антарикша*).

[3а] Тот же мотив в гимне к Индре: Ригведа, IV. 12. 8. — *Прим. ред.*

[4] Снова, как и в X. 129, зародыш творения находится в изначальных водах. Здесь из воды рождаются зародыш солнца и огненные проявления Агни. Хираньягарбха и Агни — золотые сыновья вод; они изображают ту уникальную точку совпадения в творении-из-хаоса, где *яркий огонь сверкает в лоне мрачного хаотичного океана.*

[5] «Святая сила», или жизненное дыхание, (*асу*) всех богов обнаруживается только тогда, когда Хираньягарбха появляется вместе с прибывающими водами.

[6] Разряд жертвоприношения.

[7] «Господин творения» — ответ на вопросительный рефрен. Это важный текст для позднейших Брахман, где Праджапати отождествляется с жертвоприношением и «создает все из себя самого».

R.T.H. Griffith, *The Hymns of the Rigveda*, IV, Benares, 1892, pp. 355–356, перевод А. Ковaля.

25

«ИНДРА, РОЖДЕННЫЙ ДЛЯ ПЕРВЕНСТВА, ОХВАТИВШИЙ БОГОВ СИЛОЙ ДУХА»

(Ригведа, II, 12, 1–5, 13)

1.Кто рожден [для] первенства, кто мудрейший
Бог, охвативший богов силой духа,
От ярости чьей, от мужеской мощи
Сотряслись оба мира — тот, люди, Индра[1]!
2.Кто зыбучую землю сделал твердой,
Кто шаткие-валкие горы смирил,
Кто во всю ширь поднебесье измерил,
Стал небу опорой — тот, люди, Индра!
3.Кто, змия убив, семь рек распечатал,
Кто выгнал коров, вскрыв [пещеру] Ва́лы,
Кто меж двух валунов огонь породил,
Добытчик в сраженьях — тот, люди, Индра[2]!
4.Кто вызвал все потрясения эти[3],
Кто низких дасов[4] таиться заставил,
Кто, как «псоу́бийца», добро чужака,
Будто ставку, сорвал[4a] — тот, люди, Индра!
5.О ком вопрошают: «Где он?» — о грозном,
И говорят: «Нет его!» — все о нем же.
Кто добро чужака, как броски — [в игре],
Губит — верьте в него: тот, люди, Индра!
<...>
13.Перед кем склоняются небо с землею[5],
Чьей ярости даже горы боятся,
Кто слывет сомопийцей с ваджрой в руке[6],
Кто с ваджрой в ладони — тот, люди, Индра!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В противоположность Варуне и *асурам* другая группа богов, дэвы, возглавляются Индрой, богом-воином, который является самодержцем (*сварадж*) в силу своей

динамичной сущности, а не потому, что, как Варуна, он является источником космического порядка

[2] Здесь упоминаются знаменитые подвиги Индры: убив змея Вритру, сковавшего космические воды, он освобождает для людей семь рек (Ригведа, I, 32), Вала, другой демон и брат Вритры, также был убит Индрой; Агни — молния был порожден Индрой из облаков, как высекается огонь из кремня Все экспансивные деяния Индры являются следствием его производительной бычьей природы

[3] *Чьявана*, «сотрясение», пришествие власти Индры усмирило землетрясения (строфа 2), он привел в движение и сделал преходящими все мировые явления.

[4] Неарийское население

[4а] «Псоубийца» (*шваглнин*) — термин игры в кости, означающий игрока, сделавшего удачный («убойный») бросок. Индра «выигрывает» имущество чужака, как удачливый игрок срывает большую ставку. В следующей строфе (5) эта метафора используется снова Применяется она и по отношению к Варуне в гимне из «Атхарваведы», IV 16. 5: см настоящее издание, № 22 . — *Прим. ред.*

[5] Постепенно Индра перенимает роли, прежде принадлежавшие Варуне, пока в конце концов не достигает верховенства (Ср. Ригведа, IV, 42 и X, 124).

[6] Индра — величайший любитель опьяняющего *сомы Ваджра*, его палица, постоянно обрушивается на его врагов.

A A Macdonell, *A Vedic Reader for Students*, Oxford, Clarendon Press, 1917, pp 45—54, перевод А Коваля

См. также тексты 56, 101, 115, 134—137.

26
ВЕДИЙСКИЙ ГИМН БОГИНЕ ЗЕМЛИ

(«Атхарваведа», XII, 1, выдержки)

1. Суть (*сат*), высокий вселенский лад (*рита*), мощь, посвящение (*дикша*), жар созидательной аскезы (*тапас*), молитва (*брахман*) и жертва поддерживают Широкую [Землю]. Пусть она, госпожа бывшего и будущего, сотворит нам вольное пространство!

2. Среди людей, не терпя [от них] притеснения, [раскинулось] множество ее высот, склонов и равнин. Она приносит всякие целебные травы. Пусть Широкая распахнется для нас, пусть угодит нам!

3. На ней море, реки и воды, на ней пища, на ней племена людские возникли. На ней роится все, что дышит и движется. Пусть Земля даст нам [право] пить первыми!

4. У Широкой четыре стороны, на ней пища, на ней племена людские возникли, она несет все многообразие того, что дышит и движется. Пусть эта Земля прибавит к нашим коровам — других!

5. На ней прежде сделались прежние люди[1], на ней боги повергли ниц *асуров*[2]. Пусть Широкая даст нам разных коров, коней и птиц, пусть даст [счастливую] долю и славу (*варчас*)!

6. Несущая [на себе] все, доставляющая богатство, опора, златогрудая, дающая приют всему живому, Земля несет Агни Вайшванару[3], ее бык — Индра[4]; пусть она сделает нас зажиточными (*дравинас*)!

7. Эту Широкую Землю боги стерегут неусыпно, неотступно и бдительно. Пусть она доится для нас приятным медом и молоком, пусть затем источает славу (*варчас*)!

8. Древле была она морем в океане, и мудрые мужи нашли ее благодаря своим чарам[5]. Сердце Широкой — на высшем небе, облеченное в истину, бессмертное. Пусть эта Земля даст нам блеск (*твиш*) и силу, пусть поместит нас в верховной державе!

<...>

10. Земля, которую измерили Ашвины[6], которую перешагнул Вишну,[7] которую расположил к себе Индра, супруг Шачи, — пусть эта наша Земля, как мать, напоит меня молоком, словно сына!

11. Твои горы и снежные вершины, твои леса, о Широкая, да будут удобны для нас! На бурой, черной, красной, разноцветной, неколебимой Широкой Земле, охраняемой Индрой, на Широкой поселился я: непобежденный, неубитый, невредимый.

12. Твоя середина, о Широкая, твой пупок, и мощь, что возникла из твоего тела — помести нас в них, стань чистой для нас! Земля — мать, а я — сын Широкой; Парджанья[8] — отец: да спасет он нас!

13. Та Земля, на которой [жрецы] огораживают жертвенник (*веди*), по которой они, зная все обряды, протягивают жертву, та Широкая, на которой они вымеряют жертвенные столбы — прямые, сияющие, обмазываемые спереди жиром, — пусть эта Земля взрастит нас, возрастая сама!

14. О Широкая, того, кто нас ненавидит, кто с нами воюет, кто враждует с нами мыслями и оружием — подчини нам его, о Земля, опережая делом [наши мольбы]!

15. Смертные, рожденные от тебя, ходят по тебе; ты носишь двуногих, ты — четвероногих. Твои — пять [рас] людей, и на них, смертных, Сурья (Солнце), восходя, проливает лучами бессмертный свет.

<...>

22. На Земле [люди] приносят богам жертву, верно приготовленное возлияние. На Земле живут люди, смертные [добывают себе] собственное пропитание. Пусть эта Земля даст нам жизнь и долгий век, да сделает Широкая так, чтобы я достиг глубокой старости!

23. О Широкая, то благоухание, что возникло из тебя, которое источают травы, которое — воды, которым услаждаются гандхарвы и апсары[9], — сделай так, чтобы я им благоухал, и чтобы никто не возненавидел нас!

<...>

40. Да укажет нам эта Земля богатство, которого мы вожделеем! Пусть примкнет к нам Бхага (Счастье), пусть Индра выступит нашим предводителем!

41. Эта Земля, на которой поют и пляшут непоседливые смертные, на которой они воюют, на которой громко грохочет барабан — пусть эта Земля вытолкает прочь наших соперников, пусть Широкая сделает так, чтобы не было у меня соперников!

42. Этой Земле, на которой пища, рис с ячменем, на которой пять [рас] людей, супруге Парджаньи, утучняемой дождем, — поклон!

43. Землю, на которой устроены крепости, созданные богами, и поля — эту Широкую, всеобщее чрево, пусть сотворит Праджапати[10] милой для нас во всяком ее пространстве!

45. Широкая выносит множество разноязыких народов с разнообразными обычаями, каждый [народ] по отдельности. Словно надежная корова, которая не лягается, пусть она доится для меня тысячеструйным богатством!

46. Твоя змея, и скорпион, жалящий жаждущего (сраженный зимним холодом, он лежит без сил, притаившись); червь и всякая тварь, что движется в пору дождей, пусть себе ползает, но к нам не подползает; яви свою милость к нам в [поведении] этих [созданий]!

48. Земля, носящая мудрого наставника, выносит и глупца, она терпеливо вмещает и праведника, и грешника. Водится Широкая с вепрем, открывается дикой свинье и оленю.

52. Земля, на которой вместе составлены мрак и заря, на которой порознь поставлены день и ночь, Широкая Земля, плотно окутанная дождем, — пусть она поместит нас во всякую благую, приятную обитель!

53. Этот простор [дали] мне Небо, Земля и Поднебесье, а мудрость мне дали Агни, Сурья[11], Воды и Все-боги (*Вишведева*).

<...>

63. Мать-Земля, дай мне прочное основание в добре! В союзе с Небом, о мудрая, помести меня [туда, где] процветание и успех![12]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пурваджана*, «люди прежних времен».

[2] Ко времени сложения «Атхарваведы», как и в поздней Ригведе, *асуры*, верховные боги под началом Варуны, превратились в демонов; *дэвы* — боги, их «превзошедшие».

[3] *Вайшванара*, «принадлежащий всем людям», — частый эпитет Агни, огня, указывающий на его вездесущность.

[4] Оплодотворительная сила Индры нередко находит выражение в его бычьей ипостаси: здесь, «земля (*бхуми*), чей бык — Индра».

[5] *Майя*

[6] *Божественные близнецы*, красавцы, добрые врачеватели богов, за один день объезжающие землю и небо на золотой колеснице.

[7] Вишну, в «Атхарваведе» еще не вышедший на первые роли, прославляется здесь за его три великих шага: уже первый из них покрыл всю земную ширь, второй измерил небо, а третий охватил занебесное пространство

[8] Второстепенное божество, связанное с дождевыми облаками и земным плодородием. В 42-м стихе назван мужем земли.

[9] Гандхарвы — класс небесных существ, которых иногда представляли себе живущими вместе со своими нимфами апсарами на водах земных. [*См. ниже текст 116 — рассказ о Пурураваса, Урваши и озерном лотосе. — М. Э.*]

[10] Повелитель живых существ и покровитель рождения.

[11] Солнце.

[12] «Вайтана-сутра», 27.8 предписывает декламировать этот стих при спуске с жертвенного столба (W.D. Whitney [trans.], *Atharva-Veda Samhita* [ed. by C.R. Lanman], Cambridge Mass.: Harvard University, 1905, p. 672). Сам гимн представляет собой редкий образчик вдохновенной и свежей поэзии в «Атхарваведе». «Главная сфера его применения — церемонии *аграхайяни*, завершение обрядов, посвященных змеям и проводимых в день полнолуния месяца Маргаширша». Он также связан с обрядами надлежащего учреждения дома, домашнего хозяйства или селения. (Bloomfield, pp. 639–640.)

M. Bloomfield, *Hymns of the Atharva-Veda*, in *Sacred Books of the East*, XLII, Oxford, 1891, pp. 199–207; перевод А. Коваля.

См. также текст 163.

27
ВИШНУ, КОСМИЧЕСКИЙ БОГ

(«Вишну-пурана», 3, 17, 14–34)

Ты — все: земля, вода, огонь, воздух и пространство.
непостижимый мир, Изначальная Природа (прадхана),
и Муж (пумс), всегда стоящий поодаль.

О сущность всех вещей!
От Создателя (Брахмы) до былинки —

все твое тело, видимое и невидимое,
разделенное пространством и временем.

Мы поклоняемся тебе как Брахме. Беспредельному Бытию, первой аватаре, возникшей из лотоса твоего пупка, чтобы создать миры.

Мы, боги, почитаем тебя в себе,
мы, Царь Неба, Солнце, Повелитель Слез,
Живущий-внутри, близнецы-боги земледелия,
Повелитель Ветра, Приношение — мы твои аватары,
а ты — наша сущность!

Мы поклоняемся тебе в твоих демонических аватарах, обманчивых и ошеломляющих,
диких страстями, недоверчивых к мудрости.

Мы почитаем тебя в духах, якшах,
с их ограниченным разумом, неподатливым знанию,
их притупленными способностями, алчных до предметов слов.

О Высший Человек! Мы склоняемся перед твоими устрашающими злыми аватарами,
блуждающими ночью, жестокими и обманчивыми.

О Подстрекающий людей (Джанардана)!
Мы почитаем тебя как Вечный Закон,
от которого добродетельные мужи, живущие на небе,
получают блаженный плод своих праведных дел.
Мы склоняемся перед Совершенными (сиддхи) — аватарами твоей радости;
не соприкасаясь ни с чем, они движутся внутри всех вещей.

О Золотистый (Хари)! Мы склоняемся перед твоими змеиными аватарами, похотливыми и кровожадными, чьи раздвоенные языки не знают пощады.

О Всепроницающий! Мы почитаем тебя как знание
в мирных аватарах провидцев,
беспорочных, свободных от греха.

О Живущий в лотосе Сердца! Мы склоняемся перед тобой
как перед сущностью Времени, которое, в конце веков,
неотвратимо пожирает все сущее.

Мы почитаем тебя как Повелителя Слез,
пляшущего среди разрушения,
пожирающего богов и людей.

О Подстрекающий людей! Мы поклоняемся твоей человеческой аватаре,
связанной двадцатью восемью несовершенствами (бадха),
управляемой силами тьмы.

Мы склоняемся перед тобой как перед растительной жизнью (мукхья рупа),
которой живет этот мир, шесть родов которой —
деревья, [ползучие растения, кусты, побеги, травы и бамбук] —
поддерживают жертвенные обряды.

О Вселенское «Я»! Мы склоняемся перед твоей изначальной аватарой,
из которой возникли звери и люди,
боги и живые существа, эфир и стихии,
звук и все качества.

О Трансцендентное «Я»! Мы склоняемся перед тобой как перед Причиной причин,
Изначальной аватарой, не доступной для сравнений,
по ту сторону Природы (прадхана) и Ума.

О Всемогущий (Бхагаван)! Мы склоняемся перед твоей аватарой,
которую созерцают только провидцы и в которой нет
ни белого, ни иного цвета, ни длины, ни иного измерения,
ни плотности, ни иного качества.

Чище самой чистоты она стоит
за сферой обладающего качествами.

Мы склоняемся перед тобой, нерожденный, несокрушимый,
вне которого только ничто.

Ты всегда присутствуешь во всех вещах
как внутреннее начало всего.

Мы склоняемся перед тобой, сияющий Живущий-внутри (Васудева)!
семя всего сущего.

Ты неизменен, незапятнан.
Сущность твоя — Совершенство, Вселенная — твоя аватара.
Ты — нерожденный, Вечный.

A Daniélou, *Hindu Polytheism*, New York, Bollingen Series, LXXIII, 1964, pp 367–368

28
ЭПИФАНИЯ КРИШНЫ

(«Бхагавадгита», XI, извлечения)

3.Ты таков, о Владыка великий,
как Ты сам мне сегодня поведал.
Но теперь, Пурушоттама, дай мне
лик Твой царственный въяве увидеть.
4.Если Ты, Господин, полагаешь,
что его лицезреть я способен,
то тогда, о Владыка йоги,
покажи мне твой облик бессмертный.
Благой Господь сказал:
5.Хорошо! Так смотри же, сын Притхи,
Мои тысячевидные формы:
дивным красок разнообразьем
и цветов они воссияют...
8.Но своим человеческим оком
ты увидеть Меня не способен.
Я дарю тебе новое зренье
властью йоги Моей чудесной.
Санджая сказал:
9.Так сказал. А затем этот Хари,
этот йоги великий Владыка,
высочайший свой царственный облик
показал изумленному Партхе...
12.Если тысячи солнц свет ужасный
в небесах запылает разом —
это будет всего лишь подобье
светозарного лика махатмы.
14.И тогда изумленный Арджуна,
божеству поклонившись всем телом,

руки вместе сложив, промолвил,
ощущая восторга трепет:
Арджуна сказал:

15.Вижу богов я в Твоем, Боже, теле,
вижу существ разновидные толпы,
вижу на лотосе Брахму-владыку,
вижу провидцев, божественных змиев.

16.Многоутробного, и многорукого,
и многоликого, и многоглазого —
вижу Я мир весь в Тебе, Вишварупа!
Нет ни конца у Тебя, ни начала.

17.Диск с булавою подняв, о безмерный,
Ты, труднозримый, в короне сияешь,
блеск Ты, сияние, жара лавина,
ярость огня, всепалящее солнце.

18.Ты — цель познанья, Ты — вечность бессмертья,
Ты — высочайшая мира обитель!
Ты — вечной дхармы хранитель нетленный!
Ты — вечносущий Пуруша! — так я знаю.

19.Ты — без начала, конца, середины,
очи Твои — словно месяц и солнце;
ярого пламени мощью безмерной
лик Твой вселенную испепеляет.

20.Все, что ни есть меж землею и небом,
страны все света — собою Ты обнял;
видя невиданный облик Твой страшный,
в ужасе, Боже, трепещут три мира.

21.Вижу: в Тебя богов толпы вступают,
славят и кланяются исступленно.
«Слава! О, слава!» — взывают провидцы,
сидхи Тебя без конца песнословят...

24.Пасти оскалив, глазами пылая,
Ты головой упираешься в небо;
вижу Тебя — и дрожит во мне сердце,
стойкость, спокойствие прочь отлетают.

25.Словно костры ненасытного времени,
пасти Твои, Твои челюсти страшные;
жутко мне; стороны света смешались;
сжалься, о мира Владыка! Помилуй!...

31.Кто Ты? — поведай, о ликом ужасный!
Слава Тебе, высший Боже! Помилуй!

О изначальный! Изведать хочу я,
что совершить Ты намерен — скажи мне!
Благой Господь сказал:
32 Время Я — мира извечный губитель.
Весь этот люд Я решил уничтожить.
В битву ты вступишь иль битву покинешь,
воинам этим пощады не будет.
33.Так поднимайся! Добудь себе славу!
Царством, врагов перебив, наслаждайся!
Их ведь заранее всех поразил Я:
будь лишь оружьем Моим, славный лучник!
34.Дрону, и Бхишму, и Карну, сын Притхи,
и Джаядратху — бойцов превосходных —
ты не колеблясь убей, Мной убитых!
С ними сразись! Ты их всех одолеешь...
Арджуна сказал:
36.Праведно, Кришна, Тебя восхваляя,
мир этот радуется и ликует;
ракшасы прочь убегают в испуге,
толпы же сидхов Тебя славословят.
37.Как же, Великий, Тебя им не славить?
Ты выше Брахмы — творец изначальный!
Мира обитель! Безмерный Владыка!
Ты — все: суть, несуть, и то, что за ними.
38.Ты — первобог, изначальный Пуруша!
Миры Ты — высший оплот и обитель!
Ты — знанье, знающий, свет высочайший!
Мир пронизал ты, бесчисленноликий!
42.[если] в насмешку Тебя не почтил я —
сидя, обедая, иль развлекаясь,
наедине иль в присутствии многих, —
о Непомерный! Прости мне все это!
43.Ты ведь отец всех вещей и всех тварей,
этого мира великий учитель.
Нет Тебе равных — и кто же превосходит
во всех мирах трех Тебя, безграничный!
44.И потому — пред Тобою простершись,
я умоляю, Владыка всехвальный:
милостив будь ко мне! Другом явись мне,
или отцом, иль наперсником милым.
45.Видя сокрытое прежде — ликую,
страхом, однако, исполнено сердце;

прежний свой облик, Кришна, яви мне!
Смилуйся, Боже, вместилище мира!

Перевод В С Семенцова (В С Семенцов, Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике — М, 1986, с 191–196)

29

КАЖДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ТАТХАГАТА ОТКРЫВАЕТ СВОЕ ИМЯ И ОБЪЯВЛЯЕТ О СВОЕМ ВХОЖДЕНИИ В НИРВАНУ

(«Саддхармапундарика», XV, 268–272)

Будда, рассматриваемый как духовный принцип, а не как историческая личность, зовется Татхагатой. Исконное значение этого имени нам неизвестно.

Господин сказал: благодаря моей сохраняющей силе этот мир с его богами, людьми и асурами образует понятие, до полного просветления пробужденное недавно на террасе просветления близ города Гайя Господином Шакьямуни, после того как он покинул свой дом среди народа шакьев.

Но не следует понимать это так, о сыновья из благородной семьи. В действительности много сотен тысяч мириад эонов тому назад я пробудился к полному просветлению... С тех самых пор непрестанно я являл дхарму существам в этом мире Саха, а также в сотнях тысяч мириад других миров. Но когда я говорил о других Татхагатах, начиная с Татхагаты Дипанкары, и о нирване этих Татхагат, то тогда я только вызывал их в воображении, чтобы показать искусность в средствах, с помощью которых я являю дхарму.

Более того, Татхагата обозревает несходство способностей и силу одного за другим поколений живых существ. Каждому поколению он открывает свое имя, объявляет о своем вхождении в нирвану и умиротворяет их различными беседами о дхарме. К тем, кто низок нравом, чьи заслуги малы, а пороки многочисленны, он говорит так: «Я молод, монахи, я покинул дом моей семьи, но не так давно я достиг полного просветления». Но когда Татхагата, будучи полностью просветленным столь долгое время, объявляет, что получил полное просветление совсем недавно, тогда такие речи о дхарме говорятся лишь для того, чтобы привести людей к зрелости и спасти их. Все эти речи о дхарме преподаются Татхагатой для того, чтобы воспитать людей.

И что бы Татхагата ни говорил, чтобы воспитать людей, и что бы он ни произносил — является ли он в своем облике или в чужом, говорит ли от своего лица или от чужого, — все эти речи о дхарме преподаются Татхагатой как фактически истинные, и нет в них лжи, вложенной Татхагатой.

Ибо Татхагата видел тройственный мир таким, каков он есть в действительности: *он не рожден и не умирает; в нем нет ни кончины, ни перерождения, ни сансары, ни нирваны; он не реален и не нереален, он не существует и не не существует, ни так, ни иначе, ни ложно, ни неложно.* Не таким увидел Татхагата тройственный мир, каким его видит тупое простонародье. Татхагата видит реальность дхарм лицом к лицу; поэтому он не может обманываться на их счет. Какие бы слова ни произносил о них Татхагата, они истинны, не ложны, и не иначе.

Он произносит, однако, различные речи о дхарме, разнящиеся своей объективной основой, людям, разнящимся образом жизни и намерениями, блуждающим среди различений и восприятий, чтобы породить в них корни добра Ибо Татхагата совершает дело Татхагаты. Полностью просветленный с тех давних пор, Татхагата обладает бесконечной протяженностью жизни, он живет вечно. Хотя Татхагата *не вступил в нирвану, он показывает, что входит в нирвану, ради тех, кто подлежит наставлению.* И даже сегодня мой древний путь Бодхисаттвы все еще не окончен, и протяженность моей жизни еще не завершена. Еще вдвое *больше сотен тысяч мириадов эонов пройдут с сего дня, прежде чем завершится протяженность моей жизни. И поэтому, хотя я еще не вхожу в нирвану (или угасание), я все же объявляю о моей нирване* Ибо таким способом я привожу людей к зрелости. Ведь если бы я оставался здесь слишком долго и меня можно было бы видеть слишком часто, то те, кто не совершил достойных дел, кто не имеет заслуг, жалкие жребием, охочие до наслаждений, слепые, уловленные в сети ложных взглядов, подумали бы (зная, что Татхагата остается [здесь все время]), что жизнь — это простая забава, и не поняли бы, что (зрения) Татхагаты трудно достичь. Убежденные, что Татхагата всегда тут, под рукой, они не упражняли бы свою силу ради того, чтобы покинуть этот тройственный мир, и не понимали бы, что состояния Татхагаты трудно достичь.

Edward Conze, in Conze *et al*, *Buddhist Texts through the Ages*
Oxford, Bruno Cassirer, 1954

30

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ СОСТРАДАНИЕ БОДХИСАТТВЫ

(«Шикшасамуччайя», 280–282 [«Вадржадхвала-сутра»])

Бодхисаттва решает: я беру на себя бремя всего страдания. Я решился на это, я выдержу это. Я не отворачиваюсь и не бегу прочь, я не дрожу, не устрашен, не испуган, не поворачиваю назад и не унываю.

А почему? Любой ценой я должен нести бремя всего сущего. Поэтому я не следую моим собственным склонностям. Я принес обет спасти все сущее. Все сущее я должен освободить. Весь мир живых существ должен я избавить от страхов рождения, старости, болезни, смерти и перерождения, от всех нравственных пороков, от всех скорбей, от всего цикла рождения-и-смерти, от чащи ложных взглядов, от утраты здравых дхарм, от спутников невежества, — от всех этих ужасов я должен избавить все сущее... Я обустраиваю царство непревзойденного знания для всего сущего. Мои усилия направлены не просто на мое освобождение. Ибо с помощью лодки всеведущей мысли я должен спасти все эти существа из потока сансары, через который так трудно переплыть. Я должен вытянуть их наверх из великой пропасти, я должен освободить их от всех бедствий, я должен переправить их через поток сансары. Я сам должен побороть всю тяжесть страдания всего сущего. До пределов терпения я испытаю все состояния скорби, обнаруживаемые во всех мирах, побываю во всех обителях страдания. И я не должен обманывать все сущее своими заслугами, я решился претерпеть каждое состояние скорби в течение бесчисленных эонов; и так я помогу всему сущему обрести свободу, во всех состояниях скорби, которые только есть в каждом мире.

А почему? Потому что, разумеется, лучше, чтобы я один страдал, чем все эти существа впадали бы в состояния скорби. Я должен пожертвовать собой, словно пешкой, через которую весь мир избавляется от ужасов преисподних, от животного рождения, от мира Ямы, и вот этим моим телом я должен испытать ради всего сущего всю тяжесть всех мучительных ощущений. И во имя всего сущего я даю уверение всему сущему и, поступая так, говорю правдиво, я верен и не отрекаюсь от своего слова. Я не должен покинуть все сущее.

А почему? Во мне пробудилась воля обрести всеведение, знание о всем сущем, для того чтобы освободить целый мир живых существ. И я устремился к высшему просветлению не из желания радостей, и не потому, что я надеюсь испытать радости чувственных качеств или предаться чувственным наслаждениям. И я не потому иду путем Бодхисаттвы, чтобы обладать россыпью наслаждений, обретаемых в различных мирах чувственных желаний

А почему? Воистину, все эти мирские радости — не радости вовсе. Ведь предаваясь чувственным наслаждениям, пребываешь в сфере Мары.

Edward Conze, in Conze *et al*., *Buddhist Texts through the Ages*, Oxford, Bruno Cassirer, 1954

31

БОГИНЯ СОЛНЦА АМАТЭРАСУ И БОГ БУРИ СУСАНОО

(«Нихонги», I, 40–45)

В японской традиции Аматэрасу и Сусаноо — это двое важнейших потомков изначальной пары Идзанаки и Идзанами

После этого поведение Сусаноо-микото стало чрезвычайно грубым В каком смысле? Аматэрасу [богиня, блистающая на небе] разбила величественные рисовые поля на полях Небесного узкого риса и на полях Небесного длинного риса. Когда семя было посеяно весной, Сусаноо разрушил перегородки между участками под рисом, а осенью спустил небесных пегих жеребцов и уложил их посреди рисовых полей. А когда он увидел, что Аматэрасу готовится справлять праздник первин урожая, он тайком испражнился в Новом Дворце Мало того Увидев, что Аматэрасу пребывает в своем священном ткацком покое, занятая изготовлением одеяний богов, он содрал шкуру с пегого небесного жеребца и, проделав дыру в черепице над покоем, забросил шкуру внутрь Аматэрасу в испуге вскочила и укололась челноком В негодовании она прямиком отправилась к Небесному гроту и, заперев Каменную дверь, поселилась в нем затворницей. Поэтому повсюду царила тьма, и была неизвестна смена дня и ночи.

Тогда восемьдесят мириад богов сошлись на берегу Тихой Небесной реки, совещаясь о том, как умилостивить Аматэрасу Наконец, Омоиканэ[1]-но-Ками измыслил глубокий и дальновидный план. он собрал издалека слышных птиц[2] Вечной Земли и заставил их долго перекрикиваться друг с другом Кроме того, он поставил Тадзикарао[3] рядом со входом в грот Затем Аме-но-коянэ-но-микото, предок вождей Накатоми, и Футодамано-микото, предок вождей Имибэ, выкопали из небесной горы Кагу истинное дерево Сакаки с пятьюстами ветвей К его верхним ветвям они привесили несказанную нить, на которой было пятьсот драгоценных камней Ясаки. На средние ветви они повесили восьмирукое зеркало[4]

На нижние ветви они привесили голубые мягкие приношения и белые мягкие приношения Затем они вместе прочли свою службу

Кроме того, Амэ-но-удзумэ[5]-но-микото, прародительница вождя Сарумэ[6], взяла в руку копье, перевитое травой, и, встав перед входом в Небесный грот, ловко исполнила подражательный танец[7] Кроме того, она взяла истинное дерево Сакаки с небесной горы Кагу и сделала из него головной убор, взяла плаун и сделала из него распорки, развела костер, поставила бадью днищем вниз[8] и произнесла боговдохновенное слово

Аматэрасу услышала это и сказала: «Раз я закрылась в гроте, то в Срединной земле плодородных тростниковых равнин должна быть не-

скончаемая ночь Почему же тогда Амэ-но-удзумэ так веселится?» Тогда своей величавой рукой она приоткрыла дверь и выглянула наружу Тут Тадзикарао-но-ками, не мешкая, схватила Аматэрасу за руку и вывела наружу Вслед за этим боги Накатоми-но-ками и Имибэ-но-ками тотчас провели границу с помощью подвязанной снизу веревки[9] (также называемой веревкой левой руки) и попросили ее не возвращаться в [грот]

После этого все боги осудили Сусаноо и наложили на него пеню в тысячу табличек[10], таким образом наконец наказав его Они также заставили его вырвать у себя волосы, чтобы искупить свою вину

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Сочетающий мысли» или «обнимающий мысли»

[2] Имеется в виду петух

[3] По-мужски-сильнорукая

[4] Рассказывают, что это зеркало почиталось в Исе как эмблема Солнечной богини

[5] Уродливая небесная женщина

[6] Обезьяно-женщина

[7] Отсюда якобы ведет свое начало кагура или пантомимический танец, исполняемый на синтоистских праздниках

[8] В отличие от «Кодзики», «Нихонги» почему-то умалчивает о том, что она плясала на чане, заставляя его звучать

[9] Веревка, сплетенная из рисовой соломы

[10] Имеются в виду вотивные таблички

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp 29–31

ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ И ГЕРОИ. ВЫСШЕЕ СУЩЕСТВО ИРАНЦЕВ, АХУРА МАЗДА

32
К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

(*Гомеровские гимны, III*)

Ликией ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном...
Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
Сын многославный Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на боге одежды бессмертные. Струны
Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись, оттуда
Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут, — неумелые, с разумом скудным, не в силах
Средства от смерти найти и защиты от старости гнусной.
Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,

Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова матерь, Лето́ златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты.
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам, многоконным Елатионидом?
Иль как Форбанта из рода Триопова, иль Амаринфа...
Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женою Левкиппа...
Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Эматию после того миновал, Эниены,
Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной, — но сердце твое не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые...

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей,
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает...

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный...
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.
Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:

«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь.
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:

«Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безупречные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
И у божественных наших истоков поимые мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могучей и лучше
Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила, —
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
Иэпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».

Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты,
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
Обращена она склоном на запад, над ней нависает
Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:

«Вон где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решаю,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлона широко и пространно. На том основанье

Входный порог из каменьев Трофоний возвел с Агамедом,
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.
Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей, на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасноструистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука, —
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.

Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
После того, как Афину преславную из головы он
На свет один породил...
Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало.

День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:

«Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей смертных!
Больше не будешь теперь ты свирепою пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифоэю,
Ни злоимянной Химере. На этом же месте сгниешь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона».

Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
Мы называем пифийским: на месте на этом сгноила
Острого Гелия сила останки свирепого гада.

Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон дальнострельный
Из-за чего он обманут прекрасноструистой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
Стал очень быстро пред нею и слово такое ей молвил:

«Ты обманула, Тельфуса, меня Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду
Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною»

Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
Царь — Аполлон-дальновержец и скрыл под обвалом теченье.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекрасно текущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его Тельфусийским,
Так как Тельфусы священной течение там посрамил он.

Перевод В В Вересаева (Античные гимны — М МГУ 1988, 64 сл)

См. также тексты 139, 304.

33
К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

(Гомеровские гимны, XXX)

Петь начинаю о Гее-всематери, прочноустойной,
Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей.
Ходит ли что по священной земле или плавает в море,
Носится ль в воздухе — все лишь твоими щедротами живо.
Ты плодовитость, царица, даешь и даешь плодородье;
Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно
Взять ее, если захочешь. Блажен между смертных, кого ты
Благоволеньем почтишь: в изобилии все он имеет.
Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
Бродит бессчетное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам. Богатство и счастие с ними.
Хвалятся их сыновья жизнерадостным, свежим весельем,
Девушки — дочери их, — в хороводах кружась цветоносных,

Нежные топчут цветы на лугах в ликовании светлом
Так отличаешь ты их, многочтимая, щедрая Гея!

Радуйся, матерь богов, о жена многозвездного Неба!
Сердцу приятную жизнь ниспошли благосклонно за песню!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю

Перевод В В Вересаева (Античные гимны — М МГУ, 1988, 136)

См. также тексты 59, 148.

34

ГЕРАКЛ: ЕГО ПОДВИГИ, СМЕРТЬ И АПОФЕОЗ

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека», II, IV, 8—VII, 7)

Еще до того, как Амфитрион прибыл в Фивы, Зевс, приняв его облик, пришел ночью (превратив одну ночь в три) к Алкмене и разделил с ней ложе, рассказав при этом все, что произошло с телебоями. Амфитрион же, прибыв к жене, заметил, что его жена не проявляет к нему пылкой любви, и спросил ее о причине этого. Та ответила, что он уже разделял с ней ложе, придя прошлой ночью, и тогда Амфитрион, обратившись к Тиресию, узнал о близости Зевса с Алкменой.

Алкмена же родила двух сыновей: Зевсу она родила Геракла, который был старше на одну ночь, Амфитриону же Ификла. Когда мальчику Гераклу было восемь месяцев, Гера прислала двух огромных змей к его ложу, желая погубить дитя. Алкмена стала громко звать Амфитриона на помощь Но Геракл, поднявшись с ложа, задушил змей обеими руками. Ферекид же сообщает, что сам Амфитрион, желая узнать, который из мальчиков является его сыном, впустил в их постель этих змей: когда Ификл убежал, а Геракл вступил с ними в борьбу, Амфитрион таким образом узнал, что Ификл его сын

Геракл учился управлять колесницей у Амфитриона, борьбе — у Автолика, стрельбе из лука — у Эврита, сражаться в полном вооружении — у Кастора, пению и игре на кифаре — у Лина Лин, брат Орфея, стал фиванцем, переселившись в Фивы. Он погиб от удара кифарой, который нанес ему Геракл, разгневавшийся на Лина за то, что тот побил его Когда же некоторые привлекли Геракла к суду по обвинению в убийстве, он прочел перед судом закон Радаманта, гласивший, что, кто ответит ударом на несправедливый удар, не подлежит наказанию, и был, таким образом, освобожден от ответственности.

Амфитрион из боязни, как бы Геракл не учинил вновь что-либо подобное, послал его к пастухам, охранявшим стадо быков, и там он рос, выделяясь среди всех необыкновенными ростом и силой. С первого взгляда можно было сказать о нем, что он сын самого Зевса. Ростом он был в четыре локтя, глаза сверкали огнем. Он всегда попадал в цель, стрелял ли он из лука или метал дротик. Восемнадцати лет, все еще оставаясь среди пастухов, он убил Киферонского льва. Этот лев, устремляясь с вершин Киферона пожирал коров Амфитриона и Теспия. Последний был царем в городе Теспии, и Геракл пришел к нему, чтобы отсюда вести охоту на льва Теспий радушно принимал Геракла в течение пятидесяти дней, и каждую ночь, перед тем как Геракл должен был выйти на охоту, посылал к нему на ложе одну из своих дочерей (а всего их было у Теспия пятьдесят). Этих дочерей родила Теспию Мегамеда, дочь Арнея. Теспий хотел, чтобы каждая из них родила ребенка от Геракла. Геракл же, полагая, что с ним каждую ночь спит одна и та же, сошелся таким образом со всеми. Убив льва, он надел на себя его шкуру, а пастью пользовался как шлемом...

Научившись у Эврита искусству стрельбы из лука, Геракл получил от Гермеса меч, от Аполлона — лук и стрелы, от Гефеста — золотой панцирь от Афины — плащ; дубину же он сам вырубил себе в Немейском лесу

После сражения с минийцами случилось так, что Геракл был ввергнут ревнивой Герой в безумие и кинул в огонь собственных детей, которых ему родила Мегара, вместе с двумя сыновьями Ификла. Осудив себя за это на изгнание, он был очищен от скверны Теспием. После этого он прибыл в Дельфы и стал спрашивать у бога, где ему поселиться. Пифия впервые тогда назвала Геракла его именем (прежде он назывался Алкидом) и повелела ему поселиться в Тиринфе, служить в течение двенадцати лет Эврисфею и совершить десять подвигов, которые ему будут предписаны Таким образом, сказала она, совершив эти подвиги, он станет бессмертным

Выслушав это, Геракл отправился в Тиринф и стал выполнять все, что приказывал ему Эврисфей. Прежде всего он получил приказ принести шкуру Немейского льва. Зверь этот, рожденный Тифоном, был неуязвим... Прибыв в Немею, Геракл отыскал льва и выстрелил в него из лука Увидев, что лев неуязвим, он поднял дубину и стал его преследовать. Зверь убежал в пещеру, из которой было два выхода. Тогда Геракл завалил камнями один из выходов и, проникнув в пещеру через второй, настиг льва Ухватив его рукою за горло, он задушил его и, взвалив на плечи, понес в Микены...

Вторым подвигом Эврисфей назначил Гераклу убить Лернейскую гидру. Эта гидра, выросшая в болотах Лерны, ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли. У нее было огромное туловище и девять голов, из которых восемь были смертными, а средняя, девятая, — бессмертной. Взойдя на колесницу, возничим которой был Иолай, Геракл прибыл в

Лерну. Там он поставил лошадей и нашел гидру где-то на холме у источника Амимоны: там находилось логовище гидры. Метая в нее горящие стрелы, Геракл заставил ее выйти и после упорной борьбы схватил ее Она повисла на нем, обвившись вокруг одной ноги. Геракл, сбивая дубиной ее головы, ничего не мог с ней сделать· вместо каждой сбитой головы вырастали немедленно две На помощь гидре выполз огромный рак, укусивший Геракла за ногу Поэтому Геракл, убив рака, позвал на помощь Иолая. Тот зажег часть близлежащей рощи и стал прижигать горящими головнями основания голов гидры, не давая им вырастать. Таким способом Геракл одолел возрождающиеся головы гидры и, срубив наконец бессмертную голову, зарыл ее в землю и навалил на это место тяжелый камень место это находится у дороги, ведущей через Лерну на Элеунт Разрубив тело гидры, Геракл обмакнул в ее желчь свои стрелы.

Эврисфей же заявил, что этот подвиг нельзя включить в число десяти, которые он должен был совершить, ибо Геракл одолел гидру не один, а с помощью Иолая.

Третьим подвигом Эврисфей назначил Гераклу принести живой в Микены Керинейскую лань Обитала эта лань в Ойное: была она золоторогой и принадлежала богине Артемиде Поэтому Геракл, не желая ее поранить или убить, выслеживал ее целый год, пока преследуемое животное, изнемогая от усталости, не взбежало на гору, так называемый Артемисий, и оттуда спустилось к реке Ладону Когда лань уже была готова переправиться через реку, Геракл захватил ее, ранив выстрелом из лука. Взвалив ее на плечи, Геракл со своей ношей поспешил через Аркадию Артемида вместе с Аполлоном встретилась ему на пути и, отбирая лань, стала бранить его за то, что он убил посвященное ей животное Геракл же сослался на необходимость, говоря, что виновником всему является Эврисфей Смягчив гнев богини, Геракл принес животное еще живым в Микены.

Четвертым подвигом Эврисфей назначил ему принести живым Эриманфского вепря. Этот зверь опустошал окрестности города Псофиды, устремляясь с горы, которая называется Эриманф...

Пятым подвигом Эврисфей назначил ему убрать в течение одного дня весь навоз, накопившийся в скотном дворе Авгия Авгий был царем Элиды и был, как говорят одни, сыном Гелиоса, по утверждению других, — сыном Посейдона, а по иным, — Форбанта и владел огромными стадами. Придя к Авгию, Геракл, ничего не говоря о приказе Эврисфея, заявил, что он за один день уберет весь навоз из скотного двора. если получит за это десятую часть всего скота. Авгий, не веря, что это возможно, согласился. Призвав в свидетели сына Авгия Филея, Геракл разобрал стену скотного двора и, отведя каналом воды текущих поблизости рек Алфея и Пенея, направил их в скотный двор, выпуская воды через противоположный выход...

Шестым подвигом Эврисфей назначил Гераклу прогнать Стимфалийских птиц. В области города Стимфала, в Аркадии, находилось болото называвшееся Стимфалийским, окруженное густым лесом. В этот лес слеталось бесчисленное множество птиц, спасаясь от волков. Когда Геракл оказался в затруднении, не зная, как выгнать птиц из этого леса, Афина дала ему медные погремушки, полученные ею от Гефеста. Геракл, сев под горой, расположенной поблизости от болота, стал ударять в эти погремушки и напугал птиц, которые не выносили шума и в страхе взлетали. Действуя таким способом, Геракл их всех перестрелял.

Седьмым подвигом Эврисфей назначил ему привести Критского быка. Об этом быке Акусилай сообщает, что это тот самый бык, который перевез нимфу Европу для Зевса, другие же — что этого быка Посейдон выслал из моря, когда Минос пообещал принести в жертву Посейдону то, что появится из моря. Говорят также, что Минос, пораженный красотой быка, отослал его на пастбище, а в жертву Посейдону принес другого и что разгневанный этим Посейдон разъярил быка.

Прибыв на Крит, Геракл стал просить Миноса отдать ему быка, и Минос разрешил Гераклу взять его, если он его одолеет. Одолев быка, Геракл доставил его Эврисфею, показал ему и затем отпустил на свободу. Бык пересек область Спарты и всю Аркадию, затем, перейдя Истм, прибыл в Аттику к Марафону и стал опустошать поля местных жителей.

Восьмым подвигом Эврисфей назначил Гераклу привести в Микены кобылиц, принадлежавших фракийцу Диомеду...

Девятым подвигом Эврисфей назначил Гераклу принести ему пояс Ипполиты. Она была царицей амазонок, которые обитали на берегах реки Термодонта. Это было воинственное племя, ведшее мужской образ жизни. Когда им приходилось сходиться с мужчинами и рожать, они вскармливали только девочек и сдавливали им правую грудь, чтобы она не мешала метать дротик, а левую оставляли, чтобы вскармливать детей. Ипполита обладала поясом, принадлежавшим Аресу: этот пояс был знаком того, что она являлась главной среди всех амазонок. Геракл и был послан за этим поясом, потому что им хотела обладать дочь Эврисфея Адмета.

Взяв себе в спутники пожелавших отправиться с ним, Геракл снарядил корабль и отплыл. В пути он причалили к острову Паросу, на котором жили сыновья Миноса Эвримедонт, Хрис, Нефалион и Филолай... Отсюда он приплыл в гавань города Темискиры. Здесь явилась к нему Ипполита, спросила, зачем он прибыл, и обещала отдать пояс. Но богиня Гера приняв облик одной из амазонок, прибежала к ним и закричала: «Царицу насильно увозят приехавшие чужестранцы!» Амазонки в полном вооружении поскакали на конях к кораблю. Когда Геракл увидел их вооруженными, он решил, что это произошло в результате коварного замысла, и, убив Ипполиту, завладел ее поясом. После сражения с остальными амазонками Геракл отплыл и причалил к Трое...

Десятым подвигом Эврисфей назначил ему привести коров Гериона из Эритеи. Эритея — это остров, расположенный вблизи океана: ныне он называется Гадейра. На этом острове обитал Герион, сын Хрисаора и Каллирои, дочери Океана. Он обладал телом, сросшимся из трех человеческих тел, соединенных между собой до пояса, но разделявшихся от подреберья и бедер. Ему принадлежали красные коровы, которых пас Эритион, а сторожил двуглавый пес Ортр, порожденный Ехидной и Тифоном.

Отправившись за коровами Гериона, Геракл прошел через многие степи Европы и пришел в Ливию. Придя в Тартесс, он поставил там памятные знаки о своем походе на границах Европы и Ливии — две одинаковые каменные стелы.

Обжигаемый лучами солнца во время похода, Геракл направил свой лук против бога Гелиоса, и тот, пораженный его мужеством, дал ему золотой кубок, в котором Геракл и пересек Океан. Прибыв в Эритею, Геракл расположился для ночлега на горе Абанте. Собака, учуяв его, кинулась к нему, но Геракл отогнал ее дубиной и убил пастуха Эвритиона, прибежавшего ей на помощь.

Менет, который пас там коров Аида, рассказал о случившемся Гериону, и тот, застав Геракла на берегу реки Антемунта угоняющим коров, вступил с ним в борьбу, но Геракл убил его, застрелив из лука. После этого он загнал коров в кубок и, переплыв в Тартесс, вернул кубок Гелиосу...

После того как все эти подвиги были совершены, за восемь лет и один месяц, Эврисфей отказался зачесть очищение Авгиевых конюшен и победу над гидрой и назначил Гераклу одиннадцатый подвиг — принести золотые яблоки от Гесперид. Эти яблоки находились не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы. Гея подарила их Зевсу, когда тот женился на Гере. Эти яблоки охранял бессмертный дракон, сын Тифона и Ехидны, у которого было сто голов: он способен был издавать самые разнообразные голоса. Вместе с ним охраняли яблоки девы Гесперид — Айгла, Эритея, Гестия, Аретуса...

Проходя через Аравию, Геракл убил Эматиона, сына Тифона. После того как он пересек Ливию, он прибыл к внешнему морю, где взял у Гелиоса его кубок. Переправившись на противоположный материк, он на Кавказе застрелил из лука орла, клевавшего печень у Прометея: этот орел был порождением Ехидны и Тифона. Геракл освободил Прометея, возложил на себя вместо снятых оков венок из оливы и предоставил Зевсу Хирона, который согласился стать смертным вместо Прометея.

Когда же Геракл пришел к гиперборейцам, где находился Атлант, то, помня о совете Прометея, сказавшего ему, чтобы он сам не отправлялся за яблоками, а, взяв на плечи небесный свод, послал за ними Атланта, все это выполнил. Атлант, срезав у Гесперид три яблока, пришел к Гераклу и, не

желая принять обратно на свои плечи небесный свод, сказал, что он сам хочет отнести яблоки Эврисфею, и попросил Геракла подержать небесный свод вместо него. Геракл согласился на это, но сумел с помощью хитрой уловки вновь переложить его на плечи Атланта. Прометей дал ему совет чтобы он предложил Атланту на время принять на свои плечи свод небес пока он сделает себе подушку на голове. Выслушав это, Атлант положил яблоки на землю и принял на свои плечи небесный свод. Так Гераклу удалось взять яблоки и уйти. Некоторые же сообщают, что Геракл не получал этих яблок от Атланта, а сам их срезал, убив сторожившего их дракона.

Принеся яблоки в Микены, Геракл отдал их Эврисфею, а тот в свою очередь подарил их Гераклу. Взяв эти яблоки от Геракла, Афина вновь унесла их обратно: было бы нечестием, если бы эти яблоки находились в другом месте.

Двенадцатым подвигом Эврисфей назначил Гераклу привести Кербера из Аида. У него были три собачьих головы и хвост дракона, а на спине торчали змеиные головы. Собираясь на свершение этого подвига, Геракл пришел в Элевсин к Эвмолпу, чтобы быть посвященным в мистерии. В те времена чужестранцев еще не посвящали в Элевсинские мистерии, и Геракл добивался посвящения в качестве приемного сына Пилия, но участвовать в таинствах он еще не мог, ибо не был очищен от скверны после убийства кентавров. Только приняв от Эвмолпа очищение, Геракл был допущен к участию в мистериях.

Прибыв к Тенару — мысу в Лаконике, где находится подземный вход, ведущий в Аид, Геракл спустился под землю. Души умерших, увидев Геракла, кинулись в бегство, за исключением Мелеагра и Горгоны Медусы Геракл извлек меч и замахнулся на Медусу, как на живую, и только от Гермеса он узнал, что перед ним призрак. Подойдя к самому входу в Аид, Геракл застал там Тесея и Пиритоя, пришедшего сватать Персефону и за это привязанного к скале. Увидев Геракла, они оба стали протягивать к нему руки, чтобы тот вывел их на свет своей могучей силой. Геракл, взяв Тесея за руку, вывел его. Он захотел вывести также и Пиритоя, но земля затряслась, и Геракл его оставил. Он откатил и скалу, которая покрывала Аскалафа. Желая напитать души умерших кровью, Геракл заколол одну из коров, принадлежавших Аиду. Менет, сын Кевтонима, который пас этих коров, вызвал Геракла на единоборство, но Геракл так сжал его, что переломал ему ребра, однако отпустил его по просьбе Персефоны.

Когда Геракл стал просить Плутона отдать ему Кербера, тот разрешил ему взять собаку, если он одолеет ее без помощи оружия, которое при нем было. Геракл нашел пса у ворот Ахеронта, и, будучи защищен со всех сторон панцирем и покрыт львиной шкурой, обхватил голову собаки и не отпускал, хотя дракон, заменявший Керберу хвост, кусал его. Геракл души

чудовище до тех пор, пока не укротил его, а затем вывел на поверхность земли в области города Трезена. Аскалафа Деметра превратила в филина, а Геракл, показав Кербера Эврисфею, вернул собаку в Аид...

Геракл, прибыв в Калидон, стал свататься к дочери Ойнея Деянире. В единоборстве за право стать мужем Деяниры с Ахелоем, принявшим образ быка, Геракл обломал быку один рог. Он женился на Деянире, а Ахелой получил обратно рог, отдав за него рог Амалфеи...

Вместе с Деянирой он подошел к реке Эвену, на берегу которой сидел кентавр Несс, перевозивший путников за плату, заявляя, что право перевоза он получил от богов за присущую ему справедливость. Геракл сам переправился через реку, Деяниру же отдал Нессу, чтобы он перевез ее за плату на другой берег. Но последний, переправляя Деяниру, попытался ее изнасиловать. Когда она закричала, Геракл услышал ее крик и выстрелил из лука в вышедшего из воды Несса, попав ему прямо в сердце. Умирающий Несс подозвал к себе Деяниру и сказал ей, что если она хочет иметь средство, которое сохранит ей любовь Геракла, то пусть она смешает семя, которое он пролил на землю, с кровью, вытекшей из раны, которую он получил от стрелы Геракла. Деянира так и поступила, как посоветовал ей Несс, и спрятала средство у себя...

Придя в Трахин, Геракл стал набирать войско, чтобы отправиться в поход на Ойхалию, желая отомстить Эвриту. Союзниками Геракла выступали аркадяне, мелийцы из Трахина и эпикнемидские локры. Убив Эврита и его сыновей, Геракл захватил город.

Похоронив погибших из числа тех, кто отправился с ним в поход: Гиппаса, сына Кеика, а также Аргия и Мелана, сыновей Ликимния, и разграбив город, Геракл увел Иолу в качестве пленницы. Причалив к Кенею, мысу Эвбеи, Геракл воздвиг алтарь Зевсу Кенейскому. Собираясь совершить жертвоприношение, он послал в Трахин глашатая, чтобы тот принес ему праздничную одежду. От глашатая Деянира узнала обо всем, что произошло у Геракла с Иолой. Боясь, как бы Геракл не полюбил Иолу больше, чем ее, Деянира, полагая, что вытекшая кров Несса действительно является любовным средством, вымазала этой кровью хитон.

Надев этот хитон, Геракл стал приносить жертву. Когда хитон нагрелся и яд гидры стал уязвлять кожу Геракла, он, схватив Лихаса за ноги, швырнул его далеко прочь. Он стал стаскивать с себя хитон, но тот уже сросся с телом: вместе со стаскиваемым хитоном отдирались и куски тела Несчастного Геракла привезли в Трахин на корабле. Деянира же, узнав о случившемся, повесилась.

Геракл приказал Гиллу, который был его старшим сыном от Деяниры, жениться на Иоле, когда он возмужает; отправившись затем на гору Ойту (эта гора находится в области трахиниев), он разложил там костер и, взойдя на него, приказал поджечь. Но никто не захотел этого сделать, и

только Пеант, проходивший мимо в поисках своего скота, зажег костер. За это Геракл подарил ему свой лук и стрелы Говорят, что когда огонь запылал, спустившееся облако с громом унесло Геракла. Став бессмертным и примирившись с Герой, он женился на дочери Геры, богине Гебе, от которой у него родились сыновья Алексиарес и Аникет.

Перевод В Г Боруховича, в кн Аполлодор Мифологическая библиотека — М , 1959, с 31—45

35

ДЕМЕТРА И УЧРЕЖДЕНИЕ ЭЛЕВСИНСКИХ ТАИНСТВ

(Гомеровские гимны, II, 184—299)

Аид похитил дочь Деметры Персефону. После тщетных поисков дочери принявшая облик старухи Деметра приходит в Элевсин, где царь Келей принимает ее в своем доме.

Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная матерь Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив
Пестрый тогда ей придвинула стул[1] многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом,
Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким
Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.

Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем
Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня
Выпила чашу Део С этих пор стал напиток обрядным[2]
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

«Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты происходишь, я вижу, родителей В царских родах лишь
Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры
Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
Поздно его и нежданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновеночная ей отвечала Деметра:
«Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастие боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку.
Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
Знаю и против вредительских чар превосходное средство»

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

Вскармливать стала богиня прекрасного Демофонта,
Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным
Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
Словно как факел, она погружала, и было им дивно, —
Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,

Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
Проговорила слова окрыленные в горе великом:
«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»
Так говорила, печалясь. Услышала это богиня.
Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
И взговорила при этом к Метаните с поясом пышным:
«Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянусь, водой беспощадного Стикса, —
Сделать могла бы навек не стареющим я и бессмертным
Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
Ныне же смерти и Кер уж избегнуть ему невозможно.
В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
Многие годы пройдут, и всегда в эту саму пору.
Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...
Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме
Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склонили».

Так сказала богиня и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,

С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая: на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далеко до прежней!

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилося утро.
Все рассказали Келею широкодержавному точно,
Что приказала Деметра прекрасновеночная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деметра выбирает более скромное сиденье вроде бы потому, что оно лучше подходит ее невысокому сану, в действительности же потому, что в горе она отвергает всякие удобства.

[2] Как акт причастия, испитие описанной здесь смеси (*kykeon*) являлось одной из важнейших частей Элевсинских таинств, служа напоминанием о скорби богини.

Перевод В. В. Вересаева (Античные гимны — М. МГУ, 1988, с. 101–104)

См. также тексты 148, 150, 155.

36
ЗАЛМОКСИС, БОЖЕСТВО ГЕТОВ

(Геродот, «История», IV, 93–96)

Залмоксис (Салмоксис) был верховным богом гетов (или даков), фракийской народности, которая населяла территорию современной Румынии, а также значительные области восточнее и северо-восточнее ее. Единственным значительным сообщением относительно этого загадочного божества

является приводимый ниже текст Геродота. Ученые интерпретировали Залмоксиса как небесного бога, бога мертвых, мистериального бога и т. д.

93. Но прежде чем подойти к Истру, он сперва подчинил гетов, уверявших, будто они бессмертны. Фракийцы Салмидесса, а также те, что населяют страну над Аполлонией и Месамбрией (их называют кирмеанами и нипсеями), сдавались Дарию без сопротивления; но геты, храбрейшие и самые законопослушные из всех фракийцев, сопротивлялись упорно и были тотчас порабощены.

94. Что касается их притязания на бессмертие, то вот что они говорят они верят, что не умирают, но что умерший отправляется к богу Салмоксису из Гебелексиса, как некоторые его называют. Раз в пять лет они выбирают по жребию одного из народа и отправляют его послом к Салмоксису, поручая поведать ему об их нуждах; и вот как они его посылают: специально назначенные держат три копья; другие берут посла к Салмоксису за руки и за ноги, раскачивают и подбрасывают его на острия копий. Если бросок его убивает, то они верят, что боги к ним милостивы; но если он остается жив, то виновником они почитают самого посла, провозглашают его негодяем и вместо него отправляют другого посла. Свои поручения к Салмоксису они дают этому человеку, пока он еще жив. Кроме того, в ответ на гром и молнию эти фракийцы стреляют в небо из луков, угрожая богу, не веря ни в каких других богов, кроме своего.

95. Что до меня, то греки, живущие у Геллеспонта и Понта, рассказывали мне, что этот Салмоксис был когда-то рабом на Самосе, а хозяином его был Пифагор, сын Мнесарха, вскоре, отпущенный на свободу и разбогатев, он вернулся в свою страну. Фракийцы были тогда бедным и недалеким народом, но этот Салмоксис знал ионийские обычаи и более полную жизнь, чем обычный фракиец; ведь он общался с греками, и даже с одним из величайших учителей греков — Пифагором; поэтому он устроил себе помещение, где он привечал и угощал вождей соплеменников, уча их, что ни он, ни его гости, ни их потомки не умрут, но что они отправятся туда, где будут жить вечно, обладая полным достатком. Поступая так, как я описываю, и проповедуя свое учение, он тем временем сооружал себе подземную комнату. Когда работа была окончена, он скрылся от фракийцев и спустился в помещение под землей, где прожил три года, пока фракийцы оплакивали его смерть и мечтали о его возвращении; на четвертый год он снова явился фракийцам, и так они уверовали в то, о чем учил их Салмоксис. Вот что рассказывают о нем греки.

96. Я сам и не то, чтобы совсем не верю, и не то, чтобы верю в рассказ о Салмоксисе и его подземной комнате; но я думаю, что он жил задолго до Пифагора; да и был ли человек по имени Салмоксис, или этим именем геты называют бога, я сказать не могу.

37
ЗАРАТУШТРА ИЗЛАГАЕТ ОСНОВЫ СВОЕГО УЧЕНИЯ

(*Гаты: «Ясна», 45*)

Данная Гата обращена к «широкой публике», или, по крайней мере, к не посвященным в тонкости слушателям. Как всегда, космогония излагается в соответствии с эсхатологией, которая является ее источником и исходным пунктом. Так, в начальных стихах уже содержится ссылка на «второе», или обновленное, существование.

1. *Я буду говорить: слушайте и внимайте Те, что пришли из близких или дальних мест для поучения, — Исполнитесь его мудрости, ибо он перед вами. Пусть лжеучитель не уничтожит второй, грядущей жизни. Тот, чей выбор дурен, кто сочтен злым за свой лживый язык.*
2. *Я хочу поведать о двух изначальных духах, Один из которых, святой, говорил лживому в начале существования: «Не согласны ни наши мысли, ни наши учения, ни силы наших умов, Ни избираемое нами, ни наши слова, ни наши дела, Ни наши совести, ни наши души».*
3. *Я скажу о началах этого мира, О том, что поведал мне Мудрый Владыка, тот, что знающ. Те из вас, которые выполнят мои слова иначе, Чем я их замыслил и сказал, — Концом их существования будет «Горе мне!»*
4. *Я скажу о вещах, наилучших в этой жизни. Тот, кто сотворил их в согласии с Праведностью, — Я знаю, о Мудрый, — он отец деятельной Благой Мысли, Чья дочь — благодетельная Почтительность. Не обмануть всеведущего Владыку.*
5. *Я скажу слово, которое Святейший Мудрый Владыка Сообщил мне, — человечеству не услышать лучшего: «Те, что ради меня будут внимать и повиноваться ему, Достигнут Целостности и Бессмертия благодаря деяниям Благой Мысли».*
6. *Я буду говорить о величайшем из всех, Восхваляя его как Праведность, благосклонную к живущим Пусть услышит Мудрый Владыка — Святой Дух, — Которого я восхвалял, когда спрашивал совета у Благой Мысли! Пусть силой своего ума он научит меня высшему благу,*
7. *Тот, который подает спасение или погибель Живущим, живших или будущим: Душа праведного вознаграждается Бессмертием, Вечные пытки — негодяю. Эти муки тоже сотворил Мудрый Владыка своею Властью».*

(Слушатели:)

8. *«Ищи завоевать его для нас молитвами поклонения — Ибо я увидел это своими очами, Зная Мудрого Владыку благодаря Праведности его Благого Духа, Зная о его благом деянии и его благом слове — И да вознесем ему хвалебные гимны в доме песни!*
9. *Ищи его благосклонности для нас с помощью Благой Мысли — Его, который по собственной воле дает нам счастье и несчастье Пусть Мудрый Владыка своею властью над поселением, Близостью Благой Мысли к Праведности Даст процветание нашему скоту и нашим людям!*
10. *Ищи прославить его гимнами Преданности, Того, кто созерцается в душе как Мудрый Владыка, Ведь он обещал своей Праведностью и Благой Мыслью, Что Целостность и Бессмертие будут принадлежать нам в его Власти, Сила и терпение в его доме!»*

(Заратуштра:)

11. *Поэтому для каждого, кто станет с этих пор питать вражду к лжебогам И к тем, кто питает вражду к спасителю, (То есть к тем, кто не подчинится ему), — Святая совесть грядущего спасителя, хозяина его дома, Будет вместо закадычного друга, брата или отца, о Мудрый Владыка!*

Перевод и вступительная заметка по книге J. Duchesne-Guillemin, *The Hymns of Zarathustra*, London, 1952, pp. 90–97

См. также тексты 60, 290, 303.

38

ГАТА ВЫБОРА: ЗАРАТУШТРА РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОБРАЗЦОВОМ ВЫБОРЕ, ПРОИЗОШЕДШЕМ В НАЧАЛЕ МИРА

(Гаты: «Ясна», 30)

«Ясна», 30 — одна из самых прозрачных и часто цитируемых гат. Заратуштра обнаруживает свою могучую самобытность в том, что сводит историю происхождения к истории выбора... Больше того, в гимне Зороастра рассказ об изначальном выборе уравновешивается провозглашением

того, что будет в конце, и потому выбор и воздаяние теснейшим образом переплетаются. Вся драма человечества, сведенная к своей сущностной структуре, запечатлевается в нескольких строфах.

1. *Я буду говорить к тем, кто хочет слушать, О том, что должны помнить посвященные; О хвалах и молитвах Благой Мысли к Владыке И о радости, которая воссияет тому, кто хорошо их запомнит.*
2. *Внимайте своими ушами тому, что́ есть наивысшее благо; Ясным умом разглядите две веры, Между которыми каждому надлежит сделать свой выбор, Памятуя прежде всего о том, что великое испытание может закончиться в нашу пользу*
3. *В самом начале два духа, подобные близнецам в сновидении, проявили свою природу, Благую и злую, В мысли, слове и деянии. И из этих двух Мудрые выбирают доброе, глупцы — иное.*
4. *И когда оба духа сошлись вместе, Они положили начала жизни и смерти, И тому, что худшее достанется худшему, А праведному — наилучшее.*
5. *Из этих двух духов злой избрал для себя наихудшее; Но Священный Дух, облаченный в небесную твердь, Примкнул к Праведности; И так поступили все, кто рад угодить Мудрому Владыке честными делами.*
6. *Из двух духов лжебоги и их почитатели тоже выбрали неправедного, Ибо, размышляя, они подпали заблуждению, Так что выбрали наихудшего. Затем они поспешили присоединиться к Бешенству, Чтобы исказить с его помощью жизнь человеческую.*
7. *А к другому отошли Почтительность вместе с Властью, Благой Мыслью и Праведностью; Она укрепляет тело и дает дыхание жизни, Чтобы дух его был отделен от них [лжебогов]...*
8. *И когда этих грешников постигнет их кара, Тогда, о Мудрый, пусть твоя Власть вместе с Благой Мыслью Будут дарованы тем, кто предал Зло в руки Праведности, о Владыка!*
9. *И пусть мы окажемся теми, кто возобновит эту жизнь! О Мудрый, и другие Силы, и Праведность, соединитесь для того, Чтобы мысли собрались там, где слаба мудрость.*
10. *Тогда прекратит процветать Зло, А те, кто стяжал добрую славу, Пожнут обещанную награду В блаженной обители Благой Мысли, Мудрого и Праведности.*
11. *Если вы, о люди, поймете наставления Мудрого — Благополучие и страдание — долгая пытка для грешников и спасение для праведников, — Все отныне пойдет к наилучшему.*

Перевод и вступительная заметка по книге J Duchesne-Guillemin, *The Hymns of Zarathustra*, London, 1952, pp 102–107

39
ВТОРАЯ ГАТА ВЫБОРА

(Гаты: «Ясна», 31)

«Ясна», 31 тесно связана с предшествующей главой, «Ясна», 30. В ней содержатся дополнительные призывы к верующим, необходимость которых обусловлена тем, что предлагаемый выбор был еще недостаточно разъяснен.

7. *Тот, чья мысль впервые наполнила блаженные просторы светом, Сотворил по своей воле Праведность, Которой он поддерживает Благую Мысль. Ты укрепил ее, о Мудрый, с помощью Духа, Который и сейчас составляет одно с тобой, о Владыка!*
8. *С помощью мысли, о Мудрый, я познал тебя как первого и последнего, Как отца Благой Мысли, Когда мои глаза узрели тебя как истинного творца Праведности, Как господина в деяниях жизни...*
11. *С тех пор как ты, о Премудрый, впервые сотворил для нас мыслью Жизнь, сознание и волю, Как ты дал телу душу жизни, Как ты сотворил деяния и слова, чтобы человек свободно решал,*
12. *С тех самых пор приверженец лжи возвышает голос, как и последователь истины, Посвященный и непосвященный, каждый согласно своему сердцу и мысли. Пусть почтительность испытает одну за другой смущенные души!...*
17. *Праведный или злодей забирает себе больший удел? Пусть знающий говорит; пусть неуч прекратит обманывать! О мудрый Владыка, будь нашим наставником Благой Мысли!*
20. *Всякому, кто стоит рядом с праведником, явится грядущая слава, Вечная тьма, скверная пища и плач — К такой жизни ваша душа Приведет вас через ваши деяния, о злодеи.*

Перевод и вступительная заметка по книге J. Duchesne-Guillemin, *The Hymns of Zarathustra*, London, 1952, pp. 108–117

ИСЛАМ: АЛЛАХ И ЕГО ПРОРОК

40

МУХАММАД ГОВОРИТ ОБ АЛЛАХЕ: «НЕТ БОГА, КРОМЕ НЕГО...»

(Коран, II, 256—259, VI, 102—103)

II. 256. Аллах — нет божества, кроме Него, живого, сущего, не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с его позволения? Он знает, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их, — поистине, Он — высокий, великий!

257. Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

258. Аллах — друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету.

259. А те, которые неверны, друзья их — идолы, они выводят их от света к мраку. Это — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

VI. 102. Это для вас — Аллах, ваш Господь, — нет божества, кроме Него, — творец всякой вещи. Поклоняйтесь же Ему! Поистине, Он — поручитель над каждой вещью!

103. Не постигают Его взоры, а Он постигает взоры; Он — проницателен, сведущий!

Перевод И. Ю. Крачковского

41

АЛЛАХ ВСЕЗНАЮЩИЙ, ВСЕМОГУЩИЙ — ТВОРЕЦ!

(Коран, XXVII, 60—65; XXX, 47—53; XXXV, 36—39)

XXVII. 60. Скажи: «Хвала Аллаху, и мир над Его рабами, которых Он избрал! Аллах лучше ли или то, что вы делаете Его сотоварищами?

61. Тот ли, кто создал небеса и землю и низвел вам с неба воду, и Мы вырастили ею сады, обладающие блеском, — вы не в состоянии были вырастить их деревья? Или какой-то бог вместе с Аллахом? Да, они люди уклоняющиеся!

62 Тот ли, кто сделал землю твердой, и устроил в расщелинах ее каналы, и устроил для нее прочно стоящие, и устроил между двумя морями преграду? Или какой-то бог вместе с Аллахом? Да, большинство их не знает!

63 Тот ли, кто отвечает утесненному, когда он взывает к Нему, и удаляет зло, и делает вас наместниками на земле? Или какой-то бог вместе с Аллахом? Мало вы вспоминаете!

64 Тот ли, кто ведет вас во мраке суши и моря и кто посылает ветры радостной вестью перед Своим милосердием? Или какой-то бог вместе с Аллахом? Превыше Аллах того, что́ Ему присоединяют!

65. Тот ли, кто впервые начал творение, а потом возобновляет его, и кто питает вас с неба и земли? Или какой-то бог вместе с Аллахом?»

XXX. 47. Аллах — тот, который посылает ветры, и они подымают облако. Он распростирает его по небу, как Ему угодно, и обращает его в куски. И ты видишь, как дождь выходит из промежутков. А когда Он пошлет его на тех из рабов Своих, которых желает, — вот, они радуются,

48. хотя прежде, чем это было ниспослано им, они были в отчаянии

49. Посмотри же на следы милости Аллаха: как Он оживляет землю после ее смерти! Поистине, это — оживитель мертвых, и Он над всякой вещью мощен!

50. И если Мы пошлем ветер, и они увидят это пожелтевшим, они и после этого останутся неверующими.

51. Ведь ты не заставишь слышать мертвых и не заставишь глухих слышать зов, когда они обратятся вспять.

52. Ты не можешь направить на прямой путь от заблуждения слепых Ты заставишь слышать только тех, кто верует в Наши знамения, и они предались.

53. Аллах — тот, который создал вас из слабости, потом после слабости дал вам силу, потом после силы даст вам слабость и седину Он творит, что пожелает. Он — знающий, мощный!

XXXV. 36. Поистине, Аллах сведущ в скрытом на небесах и на земле, Он ведь знает про то, что в груди!

37 Он — тот, кто сделал вас наместниками на земле, кто был неверным — против него его неверие, неверие увеличит для неверных у их Господа только ненависть; неверие увеличит для неверных только убыток!

38. Скажи: «Видели ли Вы ваших сотоварищей, к которым взываете помимо Аллаха? Покажите, что они сотворили на земле? Или у них есть участие на небесах? Или Мы даровали им книгу и они имеют ясное знамение от нее?» Нет! Обещают неправедные друг другу только обольщение

39 Поистине, Аллах держит небеса и землю, чтобы они не исчезли А если бы они исчезли, то никто бы их не удержал после Него, Он ведь — кроток, прощающ!

Перевод И Ю Крачковского

42

АЛЛАХ «ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ», ТВОРЕЦ, СОЗДАТЕЛЬ, ОБРАЗОВАТЕЛЬ... АЛЛАХ О ВСЯКОЙ ВЕЩИ ЗНАЮЩ

(Коран, LVII, 1—6; LVIII, 7—8, LIX, 22—24)

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

LVII. 1. Хвалит Аллаха то, что в небесах, и то, что на земле. Он — великий, мудрый!

2. Ему принадлежит власть над небесами и землей, он живит и мертвит: ведь Он — мощен над всякой вещью.

3. Он — первый и последний, явный и тайный, и Он о всякой вещи знающ

4. Он — тот, кто сотворил небеса и землю в шесть дней, потом утвердился на троне; Он знает, что́ входит в землю и что выходит из нее, что нисходит с неба и что́ поднимается там И Он — с вами, где бы вы ни были. Аллах видит то, что вы делаете!

5. Ему принадлежит власть над небесами и землей, и к Аллаху возвращаются все дела.

6. Он вводит ночь в день и вводит день в ночь, и Он знает про то, что в груди.

LVIII. 7. Разве ты не видишь, что Аллах знает и то, что в небесах и что на земле? Не бывает тайной беседы трех, чтобы Он не был четвертым, или пяти, чтобы Он не был шестым, и меньше, чем это, и больше, без того, чтобы Он не был с ними, где бы ни были они. Потом сообщит Он им, что́ они делали, в день воскресения· ведь Аллах о всякой вещи знающ!

8. Разве ты не видел тех, кому запрещена тайная беседа, а они потом возвращаются к тому, что им запрещено, и переговариваются о грехе, и вражде, и неповиновении посланнику А когда они приходят к тебе, то приветствуют тебя так, как не приветствовал тебя Аллах, и говорят в своих душах: «Отчего бы не наказать нас Аллаху за то, что мы говорим?» Довольно с них геенны, будут они в ней гореть! Скверно это возвращение!

LIX. 22. Он — Аллах, нет божества, кроме Него, знающий сокрытое и созерцаемое. Он — милостивый, милосердный!

23. Он — Аллах, нет божества, кроме Него, царь, святой, мирный, верный, охранитель, великий, могучий, превознесенный, хвала Аллаху, превыше Он того, что́ они придают Ему в соучастники!

24. Он — Аллах, творец, создатель, образователь У Него самые прекрасные имена. Хвалит Его то, что в небесах и на земле Он — великий, мудрый!

Перевод И Ю Крачковского

43

АЛЛАХ — СВЕТ...

(Коран, XXIV, 34—44)

34. Мы низвели к вам знамения ясные и притчу о тех, кто пришел до вас, и увещание для богобоязненных

35 Аллах — свет небес и земли Его свет — точно ниша; в ней светильник, светильник — в стекле, стекло — точно жемчужная звезда Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи

36. В домах, которые Аллах дозволил возвести и в которых поминается Его имя, — восхваляют Его там утром и вечером

37. люди, которых не отвлекает ни торговля, ни купля от поминания Аллаха, выстаивания молитвы, принесения очищения. Они боятся дня, когда перевернутся и сердца и взоры,

38 чтобы вознаградил их Аллах за лучшее, что они сделали, и чтобы умножил Он им от Своей щедрости Аллах дает пропитание, кому желает, без счета!

39 А у тех, которые не веровали, деяния — точно мираж в пустыне Жаждущий считает его водой, а когда подойдет к нему, видит, что это — ничто, и находит у себя Аллаха, который полностью требует с него расчета Поистине, Аллах быстр в расчете!

40. ...Или — как мрак над морской пучиной Покрывает ее волна, над которой волна, над которой облако Мрак — один поверх другого Когда он вынет свою руку, почти не видит ее Кому Аллах не устроил света, нет тому света!

41 Разве ты не видишь, что Аллаха славят, кто в небесах и на земле, и птицы, летящие рядами Всякий знает свою молитву и восхваление. И Аллах знает о том, что они делают!

42. И Аллаху принадлежит власть над небесами и землей, и к Аллаху — возвращение.

43 Разве ты не видишь, что Аллах гонит облака, потом соединяет их, потом превращает в тучу, и ты видишь, как из расщелин ее выходит ливень И низводит Он с неба горы, в которых град, и поражает им, кого желает, и отклоняет от кого пожелает. Блеск молнии Его готов унести зрение.

44. И Аллах переворачивает ночь и день. Поистине, в этом — назидание для обладающих зрением. Аллах сотворил всякое животное из воды Из них есть такие, что ходят на животе, и есть из них такие, что ходят на двух ногах, и есть из них такие, что ходят на четырех Творит Аллах, что пожелает Ведь Аллах над всякой вещью мощен!

Перевод И Ю Крачковского

См также тексты 231—237 252, 268—269

ГЛАВА II

МИФЫ О ТВОРЕНИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Космогонические мифы отличаются большим разнообразием. Однако они укладываются в следующую классификацию: 1) творение ex nihilo* (Верховное существо творит мир мыслью, словом, греясь в бане и т. д.); 2) мотив ныряльщика (Бог посылает водоплавающих птиц или земноводных либо ныряет сам на дно Первоокеана, чтобы достать комочек земли, из которого вырастает весь мир), 3) творение посредством разделения изначального единства на две части (различаются три варианта: а) разделение Неба и Земли, т. е. Мировых Родителей; б) разделение первоначальной аморфной массы, «Хаоса»; в) разрезание на две части космогонического Яйца); 4) творение путем расчленения изначального Существа, являющегося либо добровольной антропоморфной жертвой (Имир скандинавской мифологии, ведийский Пуруша, китайский Паньгу), либо водным чудовищем, побежденным после страшной битвы (вавилонская Тиамат). Тексты, публикуемые ниже, охватывают почти все эти типы и варианты. Мы добавили несколько образцов индейских космогонических текстов.

44
ТВОРЕНИЕ МЫСЛЬЮ

Рассказ индейца-виннебаго из Висконсина, записанный Полем Раденом.

«На чем лежал наш отец, когда к нему пришло сознание, мы не знаем. Он пошевельнул правой рукой, а затем левой рукой, правой ногой, а затем

* Из ничего (*лат.*)

левой ногой. Он задумался о том, что ему следует делать, и наконец запл-кал, и слезы потекли у него из глаз, падая вниз Немного спустя он посмот рел вниз и увидел что-то яркое. Это были его слезы, которые капали вни и образовали нынешние воды. Творец земли задумался снова Он дума «Вот, если я пожелаю что-нибудь, то это будет по моему желанию, точь-в точь как мои слезы стали морем». Так он думал Тогда он пожелал света и появился свет. Потом он подумал: «Все, как я и предполагал, вещи которых я пожелал, возникли, как я хотел». Тогда он снова задумался и пожелал землю, и возникла эта земля Творец земли посмотрел на землю и она ему понравилась, но она была неспокойной (После того как земля успокоилась), он снова задумался о том, почему вещи возникают точь-в-точь как он хотел. Затем он заговорил Он сказал «Раз вещи точь-в-точь таковы, как я желал, сотворю я существо, подобное мне» Так он взял комок земли и сделал его подобным себе. Тогда он заговорил с тем, что было им создано, но оно не отвечало. Он взглянул на него и увидел, что оно не имеет разума и мысли. Так он сделал для него разум Опять он заговорил с ним, но оно не отвечало Он снова взглянул на него и увидел, что у него нет языка. Тогда он сделал для него язык. Тогда он снова заговорил с ним, но оно не отвечало. Он снова взглянул на него и увидел, что у него нет души. Он сделал для него душу. Он снова заговорил с ним, и оно что-то пролепетало. Но понять его было нельзя. Тогда Творец земли дунул ему в рот и заговорил с ним, и оно отвечало».

Paul Radin, 'The Winnebago Indians', in *Thirty-seventh Annual Report*, Bureau of American Ethnology, Washington, D C , 1923 pp 212—213

45

КОСМОГОНИЯ ОМАХА: ВНАЧАЛЕ МИР ПРЕБЫВАЛ В УМЕ У БОГА

Индеец-омаха излагает верование своего племени о сотворении мира (запись Флетчера и Лафлеша)

«Вначале,—сказал омаха,—все вещи были в уме у Ваконда Все создания, в том числе и человек, были духами Они передвигались в пространстве между землей и звездами (небом). Они искали место, где они могли бы начать телесное существование. Они поднялись к солнцу, но солнце было непригодно для их жилища. Они приблизились к луне и нашли, что она тоже нехороша для их дома. Тогда они спустились к земле. Они увидели

что она покрыта водой. Они облетели по воздуху север, восток, юг и запад и нигде не нашли суши. Они были страшно опечалены. Вдруг посреди вод выросла большая скала Она взорвалась огнем, и вода взлетела на воздух, превратившись в облако Появилась суша; на ней росли трава и деревья Множество духов спустились и сделались плотью и кровью. Они питались семенами травы и плодами деревьев, и земля дрожала от их радостных криков, от их благодарности Ваконда, творцу всех вещей».

Fletcher, La Flesche, 'The Omaha Tribe', in *Twenty-seventh Annual Report*, Bureau of American Ethnology, Washington, D C, 1911, pp 570—571

См. также тексты 8, 9, 10.

46
ТВОРЕНИЕ ИЗ ЧИСТОЙ ВИДИМОСТИ

Поверье уитото (Колумбия, Южная Америка)

Вначале не было ничего, кроме чистой видимости, ничего по-настоящему не существовало. Наш отец прикоснулся к призраку, к иллюзии, то, за что он взялся, было чем-то таинственным. С помощью сна наш отец, Тот-который-только-видимость, Найнема, прижал призрак к своей груди, а затем погрузился в думу.

Не было даже дерева, которое могло бы поддержать этот призрак, и только своим дыханием Найнема скреплял эту иллюзию с нитью своего сна. Он попытался узнать, что находится на самом дне, но не нашел ничего. «Я скрепил то, что не существовало», — сказал он. Ничего не было.

Тогда наш отец попробовал снова и исследовал дно этого нечто, и его пальцы ощупывали пустой призрак. Он привязал пустоту к нити сна и прижал к ней магическое клейкое вещество. Так с помощью сна он держал ее, словно пух хлопка-сырца

Он вцепился в дно призрака и принялся его толочь, так что в конце концов он смог опереться о землю, которая ему снилась

Земля-призрак принадлежала теперь ему. Тогда он стал выплевывать слюну, чтобы выросли леса. Он лег на землю и установил над ней покров неба. Он вытянул из земли голубые и белые небеса и поместил их наверху

Paul Radin, *Monotheism among Primitive Peoples*, Basel, 1954, pp 13—14 обобщенный пересказ K T Preuss, *Religion und Mythologie der Uitoto*, Gottingen, 1921, pp 166—168

47
ИО И КОСМОГОНИЯ МАОРИ

Ио (Ихо), верховное существо новозеландских маори, считается вечным всеведущим, творцом вселенной, богов и человека. Как явствует из приведенного ниже текста, космогонический миф служит для маори парадигматической моделью для всех видов «сотворения»: рождения ребенка, поэтического вдохновения и т. п (Ср. M. Eliade, *'Myth and reality'*, New York Harper & Row, 1963, pp. 30 ff.)

Ио пребывал в дышащем просторе безмерности.
Мир лежал во тьме, всюду была вода
Не было ни проблеска зари, ни ясности, ни света.
И он начал, произнеся такие слова, —
Чтобы прекратить свое бездействие:
«Тьма, стань тьмой, обладающей светом».
И тотчас явился свет
(Он) повторил те же самые слова таким вот образом, —
Чтобы прекратить свое бездействие:
«Свет, стань светом, обладающим тьмой».
И снова опустилась густая тьма.
В третий раз произнес он слова:
«Пусть будет одна тьма наверху,
Пусть будет одна тьма внизу.
. . . . . .
Пусть будет один свет наверху,
Пусть будет один свет внизу,
. . . . . .
Владычество света,
Яркий свет».
И возобладал великий свет.
Затем (Ио) посмотрел на окружавшие его воды.
И в четвертый раз произнес такие слова:
«Воды Таи-кама, будьте разделены.
Пусть образуется небо». И нависли небеса.
«Произведи из себя Тупуа-хоро-нуку».
И тут же простерлась подвижная земля.

Эти слова (Ио, Верховного бога) запечатлелись в памяти наших предков, которые передавали их из поколения в поколение; наши жрецы в радости так говорили о них:

Древние и исконные речения.
Древние и исконные слова.
Древняя и исконная мудрость о происхождении мира (wānanga).
Они заставили прорасти пустоту,
Бескрайнюю, заполняющую пространство пустоту,
Как свидетельствуют воды прилива.
Простершееся небо,
Простершаяся родительница-земля.

И вот, друзья мои, у этих исконных речений имеется очень важное применение в наших священных обрядах. Во-первых, в обряде зачатия ребенка в бесплодном чреве.

Во-вторых, в обряде просветления души и тела. В-третьих, и в-последних, — в торжественных обрядах, связанных со смертью, войной, крещением, чтением родословий и другими важными событиями, которым жрецы придают особое значение.

Слова, с помощью которых Ио образовал вселенную, — иначе говоря, с помощью которых вселенная была зачата и был произведен мир света, — эти же слова используются в обряде зачатия ребенка в бесплодном чреве. Слова, с помощью которых Ио зажег свет во тьме, используются в обрядах, утешающих огорченное и отчаявшееся сердце, престарелых, дряхлых; для освещения тайных мест и пролития света на тайные дела, для вдохновения составителей песен и во многих других делах, поражающих человека отчаянием в годину тяжкой войны. Во всех этих случаях обряд просветления и утешения включает в себя слова (использованные Ио) для одоления и рассеивания тьмы. Наконец, существует приготовительный обряд, имеющий дело со сменяющими друг друга космогоническими этапами и генеалогической историей самого человека.

Hare Hongi, 'A Maori Cosmogony', *Journal of the Polynesian Society*, XVI, 1907, pp 113–114

См. также текст 11.

48

ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ ТЕОГОНИЯ И КОСМОГОНИЯ (ОСТРОВА ОБЩЕСТВА)

Та'ароа (Тангарароа) — это Верховное существо, несотворенный Творец мироздания. Он возник из скорлупы (Rumia), ставшей впоследствии миром.

Та'ароа был предком всех богов; он создал все. С незапамятных времен существует великий Та'ароа, Тахи-туму (Начало). Та'ароа развился в одиночестве; он был собственным родителем, не имел ни отца, ни матери...

Та'ароа извечно сидел во тьме в своей скорлупе. Скорлупа была подобна яйцу, вращающемуся в бесконечном пространстве, где не было неба земли, моря, луны, солнца, звезд. Все лежало во тьме, беспросветной, густой тьме... Далее предание рассказывает о том, как Та'ароа пробил скорлупу, которая стала небом, как он плыл в пустом пространсве и удалился в новую скорлупу, которая, после того как он снова вышел наружу... стала для него... великим основанием мира, землей и скалой, поддерживающей мир.

И скорлупа Румиа, разбитая первой, стала его домом, небосводом богов, обнимающим возникавшие тогда воды.

E S Craighill Handy, *Polynesian Religion*, Bernice P Bishop Museum Bulletin 34, Honolulu, 1927, pp 11–12

49

НЫРЯНИЕ ЗА ЗЕМЛЕЙ: МИФ О ТВОРЕНИИ ИНДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ МАЙДУ (КАЛИФОРНИЯ)

Вначале не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Все лежало во тьме и повсюду была одна вода. По воде приплыл плот. Он приплыл с севера, и на нем были двое—Черепаха (A'noshma) и Отец-Тайного-Общества (Pehe'ipe). Течение было очень быстрым. Потом с неба спустилась веревка из перьев, называвшаяся Po'kelma, и по ней сошел вниз Посвященный-Земли. Когда он достиг конца веревки, он привязал ее к носу плота и ступил на плот. Лицо его было закрыто, так что его нельзя было увидеть, но тело сияло, точно солнце. Он сел и долго молчал. Наконец Черепаха спросил: «Откуда ты пришел?», и Посвященный-Земли ответил: «Я пришел сверху». Тогда Черепаха спросил: «Брат, не мог бы ты сделать для меня хороший кусочек суши, чтобы я мог иногда выходить из воды?» Потом он снова спросил: «Будут ли на земле какие-нибудь люди?» Посвященный-Земли подумал немного, потом ответил: «Да». Черепаха спросил: «Скоро ты начнешь делать людей?» Посвященный-Земли ответил: «Не знаю. Ты хочешь кусочек суши: что ж, а где я возьму земли, чтобы его сделать?» Черепаха ответил: «Если ты привяжешь к моей левой руке камень, я нырну за нею»

Посвященный-Земли сделал, как просил Черепаха, потом нащупал рукой веревку и обвязал ею Черепаху. Когда Посвященный-Земли сошел на плот, веревки там не было: он просто протянул руку и нашел ее Черепаха сказал: «Если веревки не хватит, я дерну один раз, и тогда тащи меня вверх; если ее хватит, я дерну дважды, и тогда ты тяни меня быстрее вверх, потому что у меня будет столько земли, сколько я смогу унести». Как только Черепаха переступил через край плота, Отец-Тайного-Общества начал громко кричать.

Черепахи не было долго. Его не было шесть лет, а когда он поднялся наверх, то был покрыт зеленым илом, ведь он был внизу так долго. Когда он достиг поверхности воды, вся земля, что он принес, поместилась у него под когтями; остальное смыло водой. Посвященный-Земли взял правой рукой каменный нож из-под левой подмышки и бережно выскреб землю из-под когтей Черепахи. Он положил землю в ладонь и скатал из нее кругляшок размером с маленький камешек. Он поместил его на корму. Дважды ходил он взглянуть на комок; тот совсем не рос. Он подошел посмотреть в третий раз, комок вырос так, что его можно было обхватить руками. Он посмотрел в четвертый раз—комок был большой, как мир, плот стоял на земле, а вокруг, куда ни посмотри, были горы. Плот пристал к берегу в Тадойке, и это место можно увидеть и сегодня.

Когда плот оказался на земле, Черепаха сказал: «Я не могу все время оставаться во тьме. Не сделаешь ли ты свет, чтобы я видел?» Посвященный-Земли ответил: «Давай выберемся с плота, а там поглядим, что можно сделать». Все трое вышли. Тогда Посвященный-Земли сказал: «Посмотри туда, на восток! Я велю моей сестре взойти». Тут стало светлей, занялся день; тогда Отец-Тайного-Общества начал громко кричать, и взошло солнце. Черепаха сказал: «Каким путем направится солнце?» Посвященный-Земли ответил: «Я велю ей пойти так-то и зайти вон там». После захода солнца Отец-Тайного-Общества снова начал кричать и вопить, и стало очень темно. Посвященный-Земли спросил Черепаху и Отца-Тайного-Общества: «Ну, как вам?» И оба ответили: «Очень хорошо». Затем Черепаха спросил: «Это все, что ты собираешься для нас сделать?», и Посвященный-Земли ответил: «Нет, я собираюсь сделать больше». Тогда он назвал все звезды по имени, и они вышли на небо. После этого Черепаха спросил: «Что будем делать теперь?» Посвященный-Земли ответил: «Ждите, и я вам покажу». Затем он посадил дерево в Тадойке — дерево называлось Hu'kimsta, и Посвященный-Земли, Черепаха и Отец-Тайного-Общества просидели в его тени два дня. Дерево было очень большим, и на нем росли двенадцать разновидностей желудей.

Roland B Dixon, *Maidu-Myths*, Bulletin of the American Museum of Natural History, XVII, no 2, 1902—1907, pp 33—118, цитировались pp 39—40

50
НАЧАЛО МИРА

Миф индейцев йаулемани-йокут (Калифорния).

Сначала всюду была вода. Дерево (прут, палка, древесина, дерево) выросло из воды до неба. На дереве было гнездо. Те, что находились внутри, не видели никакой земли. Всюду была видна только вода. Их вожаком был орел. С ним находились волк, койот, пантера, сокол прерий ястреб и кондор. Орел захотел сделать землю. Он подумал: «Нам понадобится земля». Тогда он позвал маленькую утку *к'уйк'уи*. Он сказал ей: «Нырни и принеси землю». Утка нырнула, но не достала до дна. Она утонула. Орел позвал другую утку. Он велел ей нырнуть. Эта утка забралась глубоко вниз. Наконец она достигла дна. Она коснулась ила и тут же умерла. Потом она всплыла. Тут орел и шестеро остальных увидели под ее когтем немного грязи. Увидев это, орел выковырял грязь из-под когтя. Он смешал ее с семенами *телис* и *пеле* и растер. Он добавил в смесь воду и сделал тесто. Это было утром. Потом он поместил тесто в воду, и оно разбухло и распространилось повсюду, начиная от середины. (Растертые и смешанные с водой, эти семена разбухают.) Вечером орел сказал своим товарищам: «Возьмите немного земли». Они сошли вниз и взяли немного земли с собой на дерево. Рано утром, когда взошла утренняя звезда, орел сказал волку: «Лай». Волк пролаял, и земля исчезла, и все снова покрылось водой. Орел сказал: «Мы сделаем ее снова», потому что именно с этой целью они взяли себе земли в гнездо. Затем они вновь взяли семена *телис* и *пеле*, и растерли их вместе с землей, и положили смесь в воду, и она снова разбухла. Потом, рано утром, когда появилась утренняя звезда, орел опять сказал волку: «Лай!», и тот пролаял три раза. Земля задрожала, но устояла. Тогда койот сказал: «Я тоже должен пролаять». Он залаял, и земля слегка дрогнула. Теперь все было хорошо. Тогда они спустились с дерева на землю. Неподалеку от дерева было озеро. Орел сказал: «Мы будем жить здесь». У них был там дом, и они там жили.

A. L. Kroeber, *Indian Myths of South Central California*, University of California Publications, American Archeology and Ethnology, IV, no. 4, 1906—1907, pp. 229—231.

51
АФРИКАНСКАЯ КОСМОГОНИЯ

Миф бошонго, центрального бантуязычного племени группы лунда.

Вначале, во тьме, не было ничего, кроме воды. И Бумба был один.

Однажды Бумба почувствовал страшную боль. Его затошнило; он напрягся и изрыгнул солнце. После этого повсюду распространился свет. Жар солнца осушил воды, и вот показались черные края мира Можно было разглядеть черные песчаные берега и цепи скал. Но ничего живого не было.

Бумба изрыгнул луну, потом звезды, и после этого у ночи появился свой свет.

Бумбе по-прежнему было плохо. Он снова напрягся, и наружу вышли девять живых существ: леопард по имени Кой Бумба, хохлатый орел Понго Бумба, крокодил Ганда Бумба и рыбка по имени Йо; затем старая Коно Бумба, черепаха, и Цеце, молния, стремительная, губительная, прекрасная, как леопард, затем белая цапля Нйанйи Бумба, жук и козел Буди.

Последним вышел наружу человек. Людей было много, но лишь один был бел, как Бумба. Его звали Локо Йима.

Девять существ затем сами создали все живое. Цапля сотворила всех птиц воздуха, кроме коршуна. Она не создавала коршуна. Крокодил создал змей и игуану. Козел произвел на свет всех животных с рогами. Рыбка Йо сотворила всех речных и морских рыб. Жук сотворил насекомых.

Затем змеи в свой черед создали кузнечиков, а игуана создала животных без рогов.

Затем трое сыновей Бумбы сказали, что они завершат создание мира. Первый, Нйонйе Нгана, создал белых муравьев; но задача оказалась ему не по плечу, и он умер. Но муравьи, благодарные за жизнь и существование, отправились на поиски черной земли в глубь мира и покрыли ею бесплодные пески, чтобы похоронить и почтить своего создателя.

Чонганда, второй сын, произвел на свет удивительное живое растение, из которого произошли все деревья, травы, цветы и растения на свете. Третий сын, Чеди Бумба, хотел чего-то иного, но у него не получилось создать ничего, кроме коршуна.

Из всех существ только молния Цеце создавала неудобства. От нее было столько неприятностей, что Бумба прогнал ее на небо. Тогда люди остались без огня, пока Бумба не показал им, как добывать огонь из деревьев. «В каждом дереве есть огонь», — сказал он им и научил их делать палочки для добывания огня и извлекать огонь из деревьев. Иногда и в наши дни Цеце спрыгивает вниз, бьет в землю и причиняет вред.

Когда творение, наконец, было завершено, Бумба прошел по мирным поселениям и сказал людям: «Посмотрите на эти чудеса. Они ваши». Так от Бумбы, Творца, Первого Предка, произошли все чудеса, которые мы видим и используем, а также все братство животных и людей

Maria Leach, *The Beginning*, New York, 1956, pp 145–146 цитируется книга J A Joyce, *Les Boshongo*, pp 20f

52
«КНИГА БЫТИЯ» МАЙЯ-КИЧЕ

(«Пополь-Вух», глава 1)

«Пополь-Вух» — важнейшее из сохранившихся произведений литературы майя-киче. Впервые оно было записано после утверждения христианства.

Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественными были ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки, как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута на небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создали дыхание и создали мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света*, теми заботливыми мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море

Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это — первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, не было рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий трав, не было лесов, существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе

* Это выражение объясняется, видимо, христианским влиянием, которого не скрывали и сами составители книги «Пополь-Вух» Ср Лк 16 8, Ин 12 36, 1 Фес 5 5 — *Прим ред*

Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец, находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним И вот они говорили, обсуждая и совещаясь, они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан*.

Первый называется Какухла-Хуракан. Второй — Чипи-Какухла. Третий — Раша-Какухла. И эти три суть единое Сердце небес.

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что́ должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об (их) пище и пропитании.

— Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, — так говорили они. — Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! — так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» — воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была (земля) при своем сотворении, в начале своей телесности Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

---

* К имени это божества, на языке киче означающему «Одноногий», восходит слово «ураган» — *Прим. ред.*

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

— Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой Чипи-Какухла, и твой, Раша-Какухла!

— Наша работа, наше творение должно быть закончено! — ответили они

Перевод Р. В Кинжалова, в кн Пополь-Вух — М , 1959 с 9—12

53
ЯПОНСКАЯ КОСМОГОНИЯ

(«Нихонги» и «Кодзики»)

В начале восьмого века нашей эры ранние японские мифы были сведены воедино в двух сборниках — «Нихонги» («Анналы Японии») и «Кодзики» («Записи о делах древности»).

В давние времена Небо и Земля еще не были разъединены, а Ин и Йо еще не были разведены. Они образовывали хаотическую массу, похожую на яйцо, имевшее смутные очертания и содержавшее семена. Более чистая и ясная часть была разреженной и образовывала Небо, тогда как более тяжелый и грубый элемент оседал и становился Землей. Тонкий элемент легко стал единым телом; но сплочение тяжелого и грубого элемента совершилось не без затруднений. Поэтому Небо образовалось первым, а Земля утвердилась позднее. После этого между ними родились боги («Нихонги», с. 1—2).

Затем мы сталкиваемся с «семью поколениями богов», последние из которых — божества творения Идзанаки («Приглашающий») и Идзанами («Приглашающая»).

Вслед затем все Небесные Божества повелели Его Величеству Приглашающему и Ее Величеству Приглашающей: «Создайте, утвердите и породите эту жидкую землю». Пожаловав им небесное драгоценное копье они тем самым удостоили их поручением. Затем два Божества, встав на Плавучем Мосту Неба, опустили вниз драгоценное копье и принялись взбалтывать им воды океана до тех пор, пока они не загустели. Они вытянули копье наверх, и воды, капавшие с наконечника копья, собрались вместе и превратились в остров. Это остров Оногоро («Кодзики», с. 19).

Два Божества сошли на Оногоро-дзима и воздвигли там дом в восемь саженей с величественным центральным столбом. Затем Идзанаки спросил Идзанами: «Завершено ли твое тело?» Идзанами ответила: «Мое тело

полностью завершено, за исключением одной части». Тогда Идзанаки сказал: «Мое тело полностью завершено, и только одна часть в нем лишняя. Давай дополним то, что неполно в тебе, тем, что избыточно у меня, и так породим земли». Идзанами ответила: «Хорошо». Тогда Идзанаки сказал «Давай обойдем величественный небесный столб, и, встретившись на одной стороне, соединимся в браке». Получив согласие, он сказал: «Обходи слева, а я пойду справа». Когда они обошли столб кругом, Идзанами воскликнула: «Как чудесно! Я встретила миловидного юношу». Идзанаки сказал: «Как чудесно! Я встретил миловидную девушку». Потом он сказал: «Женщине не повезло, что она заговорила первой». Первым отпрыском их брака был Хируко (вшивец), который даже в три года не умел стоять прямо и поэтому был помещен в тростниковую лодку и пущен в плавание («Нихонги», с. 13; ср. «Кодзики», с. 20—21).

Затем супруги порождают Японский архипелаг и некоторых богов. Последний из них — бог огня, сжигающий свою мать во время родов. После смерти она нисходит под землю, Идзанаки отправляется на ее поиски, подобно Орфею, спустившемуся в Аид за Эвридикой. Под землей очень темно; но Идзанаки в конце концов встречается с женой и предлагает ей вернуться вместе с ним. Идзанами просит его подождать у входа в подземный дворец и не зажигать свет. Но муж теряет терпение; он зажигает зуб своей расчески и входит во дворец, где при свете своего факела видит разлагающееся тело Идзанами; охваченный паникой, он пускается в бегство. Мертвая жена гонится за ним, но Идзанаки удается ускользнуть тем же способом, каким он попал под землю, — закрыв отверстие огромной горой. Муж и жена разговаривают друг с другом в последний раз, находясь по разные стороны горы. Идзанаки произносит сакраментальную формулу развода и восходит на небо, а Идзанами навеки спускается в подземный мир. Она становится богиней мертвых, подобно хтоническим и сельскохозяйственным богиням, являющимся в одно и то же время божествами плодородия и смерти, рождения и возвращения в материнские недра.

Nihongi, tr by W.G. Aston, London, 1924 *Ko-ji-ki*, tr by. B H. Chamberlain, Tokyo, Asiatic Society of Japan, 1906.

54
ЕГИПЕТСКАЯ КОСМОГОНИЯ И ТЕОГОНИЯ

Нижеследующий отрывок взят из довольно позднего текста, сохранившего, впрочем, материал, восходящий к относительно раннему периоду.

Возникнув, Повелитель Всего говорит: «Я возник как Хефри (т. е Становящийся). Когда я возник, возникли существа, все существа возникли после того, как я появился. Многочисленны появившиеся, те, что вышли из моего рта, когда не было еще неба, когда не существовала земля, когда не были сотворены в этом месте ни черви, ни змеи. Утомленный, я был привязан к ним в Водной Бездне. Мне было негде стоять. Я задумался в сердце, я замыслил в себе, я отделил все формы прежде чем изверг Шу, прежде чем выплюнул Тефнут[1], прежде чем любая другая вещь, находившаяся во мне, появилась. Затем я замыслил в своем сердце, и многие формы существ возникли как формы детей, как формы их детей. Я замыслил рукой, я соединился со своей рукой, я излил из своего рта. Я изверг Шу, я выплюнул Тефнут. Их взрастил мой отец Водная Бездна, и моя зеница последовала за ними (?), пока они отдалялись от меня. Я стал одним богом, во мне больше не было трех богов. Когда я возник в этой земле, Шу и Тефнут возликовали в Водной Бездне, где они находились. Затем они принесли с собой мою зеницу. Соединив свои члены, я заплакал над ними, и люди возникли из слез которые текли у меня из зеницы[2]. Затем моя зеница разгневалась[3], вернувшись и обнаружив, что на ее место я поместил другую, что я заменил ее Сияющей Зеницей. Тогда я нашел более высокое место для нее у себя на лбу[4], и когда она начала править всей страной, ее ярость пала на цветник (?) и я заменил то, что она истребила. Я вышел из цветника (?), я сотворил всех змей и все, что возникло вместе с ними. Шу и Тефнут произвели на свет Геба и Нут; Геб и Нут произвели на свет из одного тела Осириса, Гора Безглазого[5], Сета, Исиду и Нефтиду. Их дети многочисленны в этой стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шу — воздух, Тефнут — влага

[2] Тот же миф в «Книге ворот», раздел 4 (*The Tomb of Ramsesses*, VI, p 169)

[3] Аллюзия на миф о Зенице (Глазе) солнечного бога, удаляющегося в чужую страну и возвращаемого Шу и Тефнут Другой аспект этого мифа можно найти в «Книге божественной коровы»

[4] Змея, изрыгающая огонь, урей на голове бога

[5] Старший Гор из Летополя

A Piankoff, *The Shrines of Tut-ankh-amon*, New York, 1955 p 24, ср ANET, pp 6–7

См. также текст 17.

55
МЕСОПОТАМСКАЯ КОСМОГОНИЯ

(«Энума элиш»)

Большой вавилонский космогонический эпос «Энума элиш» («Когда наверху»), названный по первым двум словам текста, рассказывает о череде событий, простирающихся от изначального выделения порядка из хаоса до творения специфического космоса, известного древним вавилонянам. Когда из смешения вод первородителей, Апсу и Тиамат, рождаются боги, их неугомонность раздражает Апсу. Вопреки желанию Тиамат он замышляет убить их, но мудрый Эйя узнает о его замысле и сам убивает Апсу. Теперь разгневана Тиамат; она порождает полчище чудовищ, чтобы отомстить за мужа и отнять власть у младшего поколения. Боги в ужасе обращаются за помощью к Мардуку, сыну Эйя. Мардук согласен сразиться с Тиамат, но взамен требует верховной власти над богами. Они незамедлительно собираются, провозглашают Мардука, вооружившегося ветрами и бурями, царем и посылают его на бой. Битва была недолгой; ветры надули тело Тиамат, точно воздушный шар, а стрела Мардука попадает в раскрытый рот Тиамат и вонзается в ее сердце. Затем он расчленяет ее тело и образовывает из двух половин землю и небо. Упорядочив небо, он просит Эйя помочь ему создать черноголовых людей Месопотамии из крови Кингу, начальника демонского воинства Тиамат. В конце поэмы боги воздвигают Мардуку храм и собираются в нем, чтобы восславить его могучие подвиги. Вероятно, поэма «Энума элиш» была составлена в начале второго тысячелетия до нашей эры.

Когда наверху небо не было названо,
Твердая земля внизу по имени не была еще названа,
Ни изначальный Апсу[1]*, их родитель,*
Ни Мумму[2]*—Тиамат*[3]*, породившая их всех,*
Еще не смешали воедино свои воды[4]*.*
Тростниковая хижина еще не была циновкой застелена,
Болотистая почва еще не появилась.
Когда не существовало еще ни одного бога,
Не было их имен, судьбы их не были предопределены —
Вот тогда-то внутри них[5] *и зародились боги.*
Лахму и Лахаму[6] *были произведены на свет, по имени были названы*
Долго, долго возрастали они веком и статью.
Аншар и Кишар[7] *зародились, превосходящие прочих.*
Они прибывали днями, прирастали годами.
Сын их Ану[8]*, соперник своих отцов;*

Да, первородный Аншара, Ану, был ему ровня.
Ану породил по образу своему Нудиммуда[9].
Этот Нудиммуд был владыкой своим отцам.
Широкомудрый, понимающий, могучий силой,
Куда более могучий, чем его дед Аншар.
У него не было соперника среди богов, его братьев.
Божественные братья собирались вместе,
Тревожили Тиамат, толпясь здесь и там.
Воистину, они раздражали Тиамат
Своим весельем в Обители Неба.
Апсу не мог утишить их вопли,
А Тиамат, видя их нравы, дар речи теряла.
Их деяния были омерзительны [...].
Безобразны были их нравы; они были несносны.
Тогда Апсу, породитель великих богов,
Воззвал к Мумму, своему советнику:
«О Мумму, советник мой, дух мой радующий,
Подойди сюда, и отправимся к Тиамат!»
Он пошли и сели пред Тиамат,
Советуясь о богах, своих первенцах.
Апсу, уста отворив, молвил блистательной Тиамат:
«Их нравы отвратительны мне до омерзения,
Ни днем мне нет облегчения, ни ночью — покоя.
Я уничтожу, я сокрушу их нравы,
Чтобы восстановить тишину. Давай отдохнем!»
Тиамат, как только услышала это,
Разгневалась, воззвала к мужу.
Она воззвала в муке, разъяренная, скорбящая:
«Что? Мы уничтожим тех, которых создали?
Да, они не дают покоя, но будем же добры к ним!»
Тогда ответил Мумму, советчик Апсу;
Злокознен и немилосерден был совет Мумму:
«Уничтожь, отец мой, мятежные нравы,
Тогда будет тебе днем облегчение и покой ночью!»
Услышал это Апсу, лицо его просияло,
Ибо он замыслил зло против богов, сыновей своих.
Что до Мумму, то он обнял его за шею,
Сидящего на коленях, чтобы поцеловать его.
И то, что они замыслили между собою
Было повторено перед богами, их первородными.
Услышав это, боги заметались,
(Затем), будто язык проглотили, хранили молчание.
Превосходящий мудростью, совершенный, находчивый,

Эйя[10], *всемудрый, проник в их*[11] *замысел.*
Отменный план придумал он и выполнил,
Составив искусное заклятье, превосходное и святое.
Он произнес заклятье и поместил в глубине[12],
Излив на него сон. Тот заснул беспробудно.
Когда Апсу был уложен, окутан сном,
Мумму, советник, не мог и пошевелиться.
Он распустил его пояс, сорвал его тиару,
Снял с него сияние и водрузил на себя.
Связав Апсу, он убил его.
Мумму он связал и посадил под запор.
Утвердив свое жилище на теле Апсу,
Он наложил руку на Мумму, подвесив его за нос на веревке.
Победив и растоптав своих врагов,
Полностью восторжествовав над супостатами,
Эйя глубоко заснул в священном покое.
Он назвал его «Апсу»[13] *и посвятил ему храмы.*
В этом самом месте он нашел свою священную хижину.
Эйя и Дамкина, его жена, жили (там) в блеске.
В обители судеб, в жилище рока,
Был порожден бог, из богов самый могучий и мудрый.
В сердце Апсу[14] *был сотворен Мардук.*
Породившим его был Эйя, его отец,
Зачавшей его была Дамкина, его мать.
Груди богинь он сосал.
Кормилица, вскормившая его, наполнила его внушающим ужас величием.
Привлекательна была его стать, воодушевление горело в его глазах.
Царственна была его походка, искони было в ней могущество.
Увидев его, Эйя, породивший его отец,
Возликовал и засиял от радости, преисполнилось радостью его сердце.
Он сделал его совершенным и наделил двойной божественной силой.
Великаном он возвышался над богами, превосходя их во всем.
Недосягаемое совершенство было в его членах.
Непревзойденный разум, труднопостижимый.
Четыре было у него глаза, четыре уха;[15]
Когда он шевелил губами, вылетало пламя.
Огромны были его уши,
И глаза, такие же числом, проницали все вещи.
Он был выше всех богов, подавляюща была его стать.
Его члены были огромны, он был выше всех прочих.
«Мой сынок, мой сынок!
Мой сын, Солнце! Солнце небес!»

Облаченный в сияние десяти богов, он был непревзойденно силен,
Их страшный блеск вспыхивал на нем.

.....

Сокрушена была Тиамат, металась она день и ночь.
Боги по злокозненности сами усилили бурю.
Их внутренность замыслила зло,
Вот что сказали эти братья Тиамат:
«Когда они убили Апсу, твоего супруга,
Ты не помогла ему, но осталась безучастна.
Хотя он изготовил страшную Пилу[16],
Твои внутренности разжижены, и мы не можем обрести покой.
Пусть Апсу, твой супруг, будет в твоем сердце
И Мумму, который был побежден! Ты осталась одна.

.....

[Текст сохранился фрагментарно. Боги побуждают Тиамат отомстить за Апсу и Мумму. Она внимает им благосклонно и предлагает вступить в битву с богами-обидчиками. Но сперва она производит на свет ужасное отродье своих помощников — одиннадцать чудовищ, «с острыми зубами, беспощадными жалами, с ядом вместо крови, которым она наполнила их тела».]

Из перворожденных богов[17], *составлявших ее собрание,*
Она возвысила Кингу, поставила его их главой.
Первое место в их рядах, власть на собрании,
Подъятие оружия, приближение к схватке,
Предводительство в битве —
Все это доверила она ему, посадив его в совете:
«Я произнесла над тобой заклятье, возвысив тебя в собрании богов.
Я дала тебе полную власть в совете богов.
Воистину, нет выше тебя, ты мой единственный супруг!
Все Ануннаки[18] *покорятся произнесенному тобой».*
Она дала ему таблички Судьбы, укрепив их у него на груди:
«Что до тебя, то твоя власть будет неизменна, слово твое не ослабеет!»
Как только возвысился Кингу, возведенный в положение Ану,
Богам, ее сыновьям, они[19] *судьбу провозгласили:*
«Ваше слово потушит огонь,
Унизит «Могучее Оружие», столь могучее в битве!»

[Эйя снова узнает об их замысле; но на этот раз у него нет готового решения. Он отправляется к своему деду Аншару и рассказывает ему все о ярости Тиамат и ее военных приготовлениях. Аншар приходит в смятение. Наконец, он отсылает Ану со словами: «Пойди и встань пред Тиамат, чтобы усмирить ее, чтобы ее сердце успокоилось». Но, увидев полчища Тиамат, Ану теряет отвагу и возвращается к Аншару.]

Понурившись, пошел он к отцу, Аншару.
Словно к Тиамат, к нему обратился:
«Не достанет моей руки, чтоб покорить тебя».
Ничего не говоря, Аншар вперил взгляд в землю,
Хмурясь и головой качая перед Эйя.
Все Ануннаки собрались в том месте;
Плотно сжав губы, сидели в безмолвии.
«Ни один из богов (думали они) не может пойти на битву и,
Столкнувшись с Тиамат, живым унести ноги».
Владыка Аншар, отец богов, поднялся, величественный,
И, поразмыслив в сердце своем, сказал Ануннакам:
«Тот, чья сила могуча, будет нашим мстителем,
Ярый в схватке, Мардук отважный!»

[Эйя извещает Мардука о замысле Аншара и советует ему смело предстать перед Аншаром. Мардук подчиняется, и Аншар при виде смельчака немедленно смиряет свой гнев.]

«Аншар, не молчи; широко раскрой свои губы.
Я пойду и выполню желание твоего сердца...
Кто тот герой, что подступает к тебе с битвой?
Это всего лишь Тиамат, женщина, на тебя ополчилась!
О мой отец-создатель, радуйся и ликуй;
Скоро ты будешь попирать выю Тиамат!
.....
Сын мой, знающий всю премудрость,
Усмири Тиамат своим святым заклятьем.
Спеши изо всех сил на колеснице бурь.
Они не прогонят тебя от нее! Обрати их в бегство!»
Владыка возликовал при слове отца,
Сердце запрыгало от радости, он сказал отцу:
«Творец богов, судьба великих богов,
Если мне, твоему мстителю, и в самом деле предстоит
Победить Тиамат и спасти вам жизнь,
Созови собрание, провозгласи доли моей верховенство.
Когда все вместе в Убшукинне[20] *вы восседаете, радуясь,*
Пусть не твое, а мое слово определяет судьбы.
Неизменным будет то, что я создам.
Повеление моих губ будет неотменимо и непреложно».

[Аншар готов принять условия Мардука. Он посылает своего советника Гагу к еще более старому поколению богов — Лахму и Лахаму. Гаге поручено изложить им все обстоятельства и пригласить богов собраться на пир для утверждения постановлений Мардука.]

Услышав это, громко возопили Лахму и Лахаму,
Все Игиги[21] *взвыли от горя:*
«Как странно, что они приняли это решение!
Нам не постигнуть деяний Тиамат!»
Они подготовились отправиться в путь,
Все великие боги, которые вершат судьбы.
Они приходили пред лицо Аншара, наполняя Убшукинну.
Они целовали друг друга в собрании.
Они беседовали, рассевшись на пиру.
Они ели праздничный хлеб, вкушали вино,
Увлажняли свои трубки для питья сладостным хмелем.
От крепкого питья их тела разбухли.
Они крепли духом, пока тела их никли.
Мардуку, мстителю за них, они определили судьбы.
Они воздвигли для него царственный престол.
Перед своими отцами он воссел, возглавив собрание.
«Ты — почтеннейший из великих богов,
Твои постановления не превзойти, твоя власть — Ану[22].
Ты, Мардук, почтеннейший из великих богов.
.....
Мы даровали тебе царскую власть над всем мирозданьем.
Когда ты будешь восседать в собрании, твое слово будет решающим.
Твое оружие не подведет — оно сотрет в порошок твоих врагов!
О господин, пощади жизнь того, кто доверился тебе,
Но вычерпай жизнь бога, ухватившегося за зло».
Поместив в гущу своих рядов кусок ткани,
Они обратились к Мардуку, своему первородному:
«Господин, воистину твое постановление — первое у богов.
Повели исчезнуть или появиться — и будет.
Открой уста: ткань исчезнет.
Заговори снова, и она вновь появится!»
При слове его уст ткань исчезла.
Он заговорил вновь, и ткань снова оказалась на месте.
Когда боги, его отцы, увидели плод его слова,
Они с радостью ему поклонились: «Мардук — царь!»
Они вручили ему скипетр, трон и палу;
Они вверили ему бесподобное оружие, отражающее врагов.
Утвердив так судьбу Бела[23]*, боги, его отцы,*
Вывели его на путь успеха и достижения.
Он сделал лук, назначив его своим оружием,
Приладил стрелу, натянул тетиву.
Он создал булаву, схватил ее десницей;

Лук и колчан перекинул через плечо.
Перед собой восставил молнию,
Тело свое наполнил пышущим пламенем.
Затем сделал сеть, чтобы опутать ею Тиамат.
Отрядил четыре ветра, от которых нельзя укрыться,
Южный ветер, Северный ветер, Восточный ветер, Западный ветер.
Крепко прижал к себе сеть, дар отца, Ану.
Он произвел на свет Имхуллу, «Злой ветер», Вихрь, Шквал,
Четвероякий ветер, Семеричный ветер, Смерч, Неодолимый ветер;
Затем выслал семь из созданных им ветров,
Чтобы тревожить нутро Тиамат, они восстали позади него.
Затем владыка воздвиг бурю-наводнение, свое могучее оружие.
Он взошел на колесницу бури — неодолимую и вселяющую трепет.
Впряг в нее четверку коней —
Убийцу, Безжалостного, Топталу, Стремительного.
Остры были их зубы, сочащиеся ядом.
Были они научены опустошению, умелы в уничтожении.
.....
Голову его венчало ужасное сияние.
Владыка выступил и отправился своим путем,
Перед разъяренной Тиамат показал он свое лицо.
В губах своих он держал [.....] красного теста[24].
Растение, выводящее яд, было в его руке.
Затем они завертелись вокруг него, боги завертелись вокруг него.
Владыка подходил, чтобы устремить свой взор во чрево Тиамат,
Чтобы постичь замысел Кингу, ее супруга.
От его взгляда шаг того[25] *стал неровен,*
Воля того ослабла, он растерялся.
И когда боги-помощники, выступившие на стороне Кингу,
Увидели доблестного героя, затмились их взоры.
Тиамат издала вопль, не поворачивая головы,
Дикий вызов слетел с ее уст:
«Слишком ты важен для владыки богов, чтобы подняться против тебя!
На своем ли месте они собрались или на твоем?»
В ответ владыка поднял наводнение-бурю, свое могучее оружие,
Разъяренной Тиамат послал такие слова:
«Могуча твоя стать, высоко ты надмилась;
Ты сама велела своему сердцу возбудить распрю,
Чтобы дети отвергли собственных отцов,
И тебя, родившую их, они возненавидели [...]!
Ты возвысила Кингу, сделала его супругом;
Властью, не принадлежащей ему по праву, ты заменила власть Ану.

Против Аншара, царя богов, ты замыслила зло;
Перед богами, отцами моими, ты доказала свою злобность.
Собравшая себе войско, препоясанная оружием,
Встань, чтобы я сразился с тобой один на один!»
Услышав это, Тиамат
Впала в неистовство; утратила она разум.
В гневе Тиамат возопила громко,
Ноги ее до самого корня подкосились.
Она прочла чару и не переставала накладывать заклятья,
Пока боги битвы острили свое оружие.
Затем в схватку вступила Тиамат с Мардуком, из богов мудрейшим
Они сошлись один на один, сцепились в битве.
Владыка распростер свою сеть, чтобы опутать ее,
Злой ветер, следовавший за ним, швырнул ей в лицо.
Когда Тиамат разинула пасть, чтобы проглотить его,
Он вогнал ей в глотку Злой ветер, чтобы она не могла сомкнуть губ
Когда яростные ветры ворвались в ее брюхо,
Тело ее растянулось, а пасть широко распахнулась.
Он выпустил стрелу, которая разорвала ей брюхо,
Пронзила ей нутро, рассекла сердце.
Расправившись с Тиамат, он погасил ее жизнь.
Он сбросил вниз ее тушу, чтобы встать на ней.
После гибели Тиамат, владычицы,
Отряд ее был рассеян, распалось ее войско.

[Помощники Тиамат в панике разбегаются, но Мардук захватывает и связывает их всех.]

И Кингу, сделавшегося вождем их,
Он связал и препоручил Уггае[26].
Он отнял у него Таблички судьбы, принадлежавшие ему не по праву
Запечатал их печатью[27] *и укрепил у себя на груди.*
Одолев и победив своих противников,
....
И снова обратился к Тиамат, которую он связал.
Владыка наступил на ноги Тиамат,
Своей беспощадной булавой раскроил ее череп.
Когда он отделил ее кровенные жилы,
Северный ветер унес (их) в неведомые края.
Видя это, его отцы радовались и торжествовали.
Они принесли ему почетные дары.
Тогда владыка остановился, чтобы осмотреть ее мертвое тело,
Чтобы расчленить чудовище и создать искусные вещи.
Он рассек ее, словно ракушку, на две части:

Одну половину сделал небесным сводом,
Поставил засов и назначил стражников.
Он велел им не выпускать ее воды на волю.
Он прошел по небу и осмотрел его области.
Очертил участок Апсу, обитель Нудиммуда,
Измеряя области Апсу.
Великую Обитель, ее подобие, он установил в Эсхарре,
Великая Обитель, Эсхарра, которую он сделал твердью.
Ану, Энлиля[28] *и Эйю поселил в их жилищах.*

[Бóльшая часть Таблички V отбита. Мардук упорядочивает небо, устанавливает солнечный путь и приказывает луне сиять.]

Когда Мардук слышит слова богов,
Его сердце побуждает его к искусным делам.
Открыв уста, он обращается к Эйя,
Чтобы сообщить свой замысел, он обращается к Эйя,
Чтобы сообщить свой замысел, родившийся в его сердце:
«Я соберу кровь и создам кости.
Я сделаю дикаря, «человек» будет его имя.
Воистину дикаря-человека я создам.
Ему будет поручено служение богам,
Чтобы они могли отдохнуть!
Нравы богов я искусно изменю.
Почитаемые равно, они разделятся на две (группы)».
Эйя ему ответил, слово ему молвил,
Чтобы рассказать ему о задуманной помощи богам:
«Пусть один из их братьев будет выдан;
Он один погибнет, чтобы можно было сотворить[29] *людей*
Пусть великие боги окажутся здесь, в собрании,
Пусть виновный будет выдан, чтобы их дни продлились»
Мардук созвал великих богов в собрание;
Милостивый владыка, он издавал постановления.
К речи его прислушивались боги.
Царь молвил слово Ануннакам:
«Если ваше предыдущее постановление было правдой.
Пусть теперь клятвой будет обнаружена правда!
Кто замышлял смуту,
Кто подстрекал Тиамат и вступил в битву?
Пусть будет выдан затеявший смуту.
Он понесет от меня наказание, чтобы вы жили в мире!»
Игиги, великие боги, ему отвечали,
Лугальдиммеранкии[30]*, советчику богов, своему владыке:*
«Затеявшим смуту был Кингу,

Он подстрекал Тиамат и вступил в битву».
Они связали его, держа его перед Эйя.
Они наложили на него вину его и отделили его кровеносные жилы.
Из его крови они сотворили человека.
Он[31] *назначил ему службу и отпустил богов.*

[Сотворив человека, Мардук разделяет Ануннаков и назначает каждому из них места пребывания, триста на небесах и триста на земле.]

После того как были изданы все постановления,
Ануннакам неба и земли он определил их доли,
Ануннаки открыли уста
И сказали Мардуку, своему владыке:
«Теперь, о владыка, причина нашего вызволения,
Каким даром почтим мы тебя?
Да построим тебе чертог, который назовется
«Чу! покой нашего ночного сна»; давай отдохнем там!
Да построим чертог, углубление в его обители!
В день, когда мы прибудем[32]*, мы отдохнем в нем».*
Когда Мардук услышал это,
Лицо его, как день, просияло:
«Пусть его кирпичная кладка будет такой, как в высоком Вавилоне,
О строительстве которого вы просили. Пусть имя его будет — «Святилище».
Ануннаки приступили к работе;
Целый год они кирпичи лепили.
Когда наступил второй год,
Они высоко воздвигли главу Эсагилы[33]*, равного Апсу*[34]*.*
Построив плоскую башню высотой с Апсу,
Они воздвигли в ней чертог для Мардука, Энлиля и Эйи.
В их присутствии они украсили его великолепной отделкой.
До основания Эсхарры доходят его рога.
Построив дом Эсагила,
Ануннаки сами возвели свои святилища.
[...]все они собрались,
[...] они построили ему чертог.
Богов, отцов своих, он рассадил на пиру:
«Это — Вавилон, здесь ваш дом!
Веселитесь в его пределах, занимайте его широкие площади».
Великие боги расселись по своим местам.
По местам рассевшись, праздничное питье получили.
Навеселившись вволю, в Эсагиле блестящем,
Совершили свои обряды.
Были установлены правила и все их знамения,

Все боги разделили небо и землю.
Пятьдесят великих богов заняли свои твердыни.
Семь богов судьбы поселили трехсот на небе.
Энлиль поднял лук, свое оружие, и положил перед ними.
Боги, его отцы, увидели сделанную им сеть.
Увидев лук, его искусную форму,
Отцы похвалили работу, им совершенную.
Подняв (лук), Ану заговорил в собрании богов,
Целуя лук:

[Оставшаяся часть эпоса — это пространный гимн Мардуку. Он завершается перечислением его пятидесяти имен, атрибутов, отражающих его могущество и подвиги.]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бог подземных вод; изначальный пресноводный океан
[2] Эпитет Тиамат; возможно, означает «мать».
[3] Водное божество; изначальный соленый океан
[4] Т. е. пресные воды Апсу и соленые воды Тиамат
[5] Воды Апсу и Тиамат.
[6] Первое поколение богов.
[7] Боги.
[8] Бог неба.
[9] Одно из имен Эйя, бога земли и вод.
[10] Эйя, бог земли и вод.
[11] Замысел Апсу и его советника Мумму.
[12] Т. е. поместил его в водах Апсу.
[13] «Бездна»
[14] См. примечание 13.
[15] Ср. Иезекииль, 1.6
[16] Оружие бога солнца.
[17] Боги, вставшие на сторону Тиамат.
[18] Собирательное имя богов подземного мира
[19] Тиамат и Кингу.
[20] Зал собраний богов.
[21] Собирательное имя небесных богов.
[22] Т. е. обладает властью Ану.
[23] Т. е. судьбу Мардука
[24] Красный цвет служил в магии для отвращения дурного глаза
[25] Кингу.
[26] Бог смерти.
[27] Этим поступком Мардук легализует свое владение Табличками судьбы.
[28] Бог ветра, т. е. земли.

[29] Из его крови
[30] «Царь богов неба и земли».
[31] Эйя
[32] На праздник Нового года
[33] Название храма Мардука в Вавилоне
[34] Очевидно, высота Эсагилы соответствовала глубине вод Апсу

E A Speiser, in *Ancient Near Eastern Texts*, Princeton, 1950 pp 60–72, примечания I Mendelsohn (ed), *Religions of the Ancient Near East*, Library of Religion, paperbook series New York, 1955

56
«КТО СКАЖЕТ, ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ЭТО?»

(Ригведа, X, 129)

Этот космогонический гимн является высшим выражением и поэзии, и философии *Ригведы*; к этому красноречивому ропоту сомнения восходят чувство глубины, тайны и единства творения, свойственное *Упанишадам* Во «тьме, спрятанной во тьме» (*тамас в тамас*), в тех «неразличимых водах», в которых не было ни сущего (*сат*), ни не-сущего (*асат*), под действием космического жара (*тапас*) зарождается первоначальная объединяющая сила То Одно (*тад экам*). После этого в качестве первичного семени «ума» (*манас*), первородного *тад экам*, зарождается «желание» (*кама*), и риши, «зрящие» начальный момент, когда еще не существовало богов, утверждают, что им ведомы узы сущего в не-сущем. «Но кто знает истинно», вопрошает поэт, исполненный благоговения перед тайной: быть может, То Одно, «чей взор следит за этим миром»; но, может, и оно не знает этого.

Не только умозрение *Упанишад*, но и эволюционистская философская система санхья находились под глубоким впечатлением от этого гимна Важно рассматривать эту спекулятивную космогонию наряду с другими сказаниями о творении в *Ригведе* (например, X, 90, см. с. 222, X, 112, см с. 41; или I, 32).

1. Тогда[1] ни не-сущего, ни сущего
Не было[2], ни поднебесья, ни неба.
Что́ сновало? Куда? Под чьим укрытьем?
Что́ за вода была, глубь и бездна?
2. Не было смерти, не было бессмертья,
Не было различья меж днем и ночью

То Одно[3] *дышало себе*[4], *не дыша,*
А кроме Того — ничего иного.
3. *Тьма была спрятана тьмою вначале.*
Неразличимые во́ды — все это[5].
Но в ничто завернуто было нечто,
Одно родилось оно силой жара[6].
4. *Вначале нашло на него желанье,*
Это стало первым семенем мысли.
Сущего узы[7] *с не-сущим открыли*
Мудрые, в сердце своем вопрошая.
5. *Протянулась наискось их веревка.*
А был ли верх-то? Ну, а низ-то был ли?
Семядавцы — были; громады — были;
Снизу — довольство, излиянье — сверху[8].
6. *Кто же ведает? Кто поведает здесь?*
Откуда взялось, откуда творенье?
Боги затем, из того сотворенья...
Кто ж ведает-то? Откуда возникло?
7. *Это творенье откуда возникло?*
Само по себе? Или все ж не само?
Кто сверху взирает, на высшем небе —
Он, может, знает. А может, не знает.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В начале

[2] Ни *сат*, ни *асат*

[3] *Тад экам*, «То Одно», что «дышит без воздуха»

[4] *Свадха*, энергия, имманентная сила, делающая возможным самопорождение

[5] Вода (*салила*) непроглядная (*апракета*)

[6] *Тапас*, архаическое слово, которое обозначает также те виды человеческой аскезы, которые, как и этот космический жар, порождают силу

[7] Благодаря «узам», или «родству» (*бандху*).

[8] Смысл четверостишия неясен A A Macdonell предположил, что «веревка» (*рашми*) отсылает к «узам» (*бандху*) предыдущего четверостишия, мысль измеряет расстояние между не-сущим и сущим и разделяет мужское и женское космогонические начала порыв, или предоставление семени (*прайяти*), вверху и энергию, или наслаждение (*свадха*), внизу (*A Vedic Reader for Students*, London Oxford University, 1917, p. 210.)

A L Basham, *The Wonder That Was India*, London, 1954, pp 247—248, перевод А Коваля

См. *также тексты 101, 292—294, 300.*

57
ИНДИЙСКАЯ КОСМОГОНИЯ

(«Законы Ману», I, 5–16)

«*Законы Ману*» (под таким названием известна на Западе «*Манава-дхарма-шастра*», или «*Манусмрити*») — это самый важный трактат о дхарме, т. е. началах, законах и правилах, которые управляют космосом и человеческим обществом. По мнению различных ученых, текст был составлен в период между вторым веком до нашей эры и вторым веком нашей эры. Публикуемый ниже космогонический фрагмент считается поздней вставкой.

5. Эта (вселенная) существовала в форме Тьмы[1], непроницаемой, лишенной отличительных признаков, недоступной рассуждению, умонепостигаемой, полностью погруженной, словно в глубокий сон.

6. Тогда явился божественный Самосущий[2], неразличимый, (но) творящий (все) это, великие стихии и прочее, различимое, — с неодолимой (творческой) силой, разгоняющей тьму.

7. Тот, кого может постичь (только) сверхчувственное[3], кто тонок, неразличим и вечен, кто содержит все созданное и непостижим, просиял по собственному (изволению)[4].

8. Желая произвести на свет всевозможные существа, первым делом он сотворил[5] мыслью воды и поместил в них [свое] семя.

9. Это (семя) превратилось в золотое яйцо[6], сиявшее подобно солнцу; в этом (яйце) он сам родился как Брахман, прародитель всего мира.

10. Воды назывались *нара*, (ибо), поистине, воды — порождение Нары, поскольку они были его[7] первым жилищем (*аяна*), он прозван Нараяна[8].

11. От этой (перво)причины, которая неразличима, вечна, реальна и нереальна одновременно[9], произошел на свет тот муж (Пуруша[10]), который славен в этом мире (под именем) Брахмана.

12. Божественный восседал в этом яйце целый год[11]; затем он сам (одной) своей мыслью[12] разделил его на две половины.

13. И из этих половинок он создал небо и землю, между ними срединное пространство, восемь точек горизонта и вечное жилище вод.

14. Из себя самого (*атманас*) он также извлек ум[13], который одновременно реален и нереален, а из ума — самостность[14], которой присуще самосознание (и которая) царственна:

15. Более того, великого[15], душу[16] и все творения, на которые влияют три качества[17], и, в подобающем порядке, пять органов, которые воспринимают чувственные предметы[18].

16. Но соединив мельчайшие частички этих шести[19], обладающих безмерной властью, с частичками себя, он сотворил все существа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тамас*, тьма — одновременно телесная и духовная. Система санкхья придает этому стиху важное значение: *тамас*, одно из трех искаженных начал (*гун*) космического вещества, олицетворяет косность

[2] *Сваямбху*, эпитет Брахмана (мужской род), который является безличным Абсолютом (Брахман, средний род), олицетворяемым в виде явленного бога.

[3] *Ати-индрия*, дух или ум, буквально, «превосходящий чувства».

[4] Т. е самопроявился

[5] Или выпустил.

[6] Как «форма Тьмы» (стих 5) и разлившиеся вокруг «воды» вызывают в памяти космогонический гимн Ригведы X, 120, так и это золотое «яйцо» (*анда*) и его семя (*биджа*) вызывают в памяти Золотого Зародыша — *Хираньягарбха* (Ригведа, X, 121).

[7] Брахмана

[8] Образчик народной этимологии; *нара* — первочеловек или вечный дух.

[9] Буквально, имеющий в качестве своей природы сущее (*сат*) и не-сущее (*асат*).

[10] Ср. «Пурушасукта» — «Гимн о Первочеловеке» (Ригведа, X, 90).

[11] Ранние комментаторы по-разному понимали данное место: одни говорили, что «год» — это «год Брахмана», другие утверждали, что имеется в виду человеческий год, как в схожей версии данного сказания («Шатапатха-брахмана», XI, 1, 6, 1 сл)

[12] Медитация (*дхьяна*)

[13] *Манас*, ум, или разумение, в отличие от духа (*атман*)

[14] *Ахамкара*, буквально, «созидание 'Я' (*ахам*)»; начало индивидуации

[15] *Махат*, «великий»; в санкхье также называется *буддхи*, сознанием

[16] *Атман*

[17] *Гуны*.

[18] *Танматры*, тонкие стихии.

[19] Индийские комментаторы расходятся также в своих толкованиях последних трех строк. Вероятно, «эти шесть» суть классы *таттвы* (стихий), упоминаемых в двух предыдущих стихах в таком порядке: *манас, ахамкара, махат, атман, таттвы*, на которые влияют гуны, *танматры* С этим описанием интересно сравнить развитие *пракрити* в санкхье Здесь двадцать пять *таттв*, являющиеся структурным развитием «тех шести», упомянутых выше, описываются с большей систематиченостью: (1) *пуруша*; и из *пракрити* — (2) *махат*, (3) *ахамкара*, (4) *манас*, (5) пять органов чувств и пять органов движения, (6) пять тонких элементов (*танматры*) и пять грубых элементов (*махабхуты*).

G. Buhler, in *Sacred Books of the East*, XXV, Oxford, 1886, pp. 2–8

58
СОТВОРЕНИЕ МИРА ПО УПАНИШАДАМ

1. Вначале не было вообще ничего. Смертью это осенялось, или голодом, ибо голод — это смерть. Он сотворил дух, думая: «Пусть у меня будет самость» (дух). Затем он пошел кругом, поклоняясь. Когда он поклонялся, из него произошла вода...

2. ...Плававшая по воде пена загустела; она стала землей. На ней упокоилась она [т. е. смерть]. Из покоившейся и согревавшейся [с помощью аскезы] смерти возникла его яркая сущность [в виде] огня.

3. Она разделилась на три части: огонь — это одна треть, солнце — еще одна треть, и воздух — другая треть. Она является также жизнью [букв дыханием], разделенной натрое («Брихадараньяка упанишада», I, 2, 1–3).

1. Солнце — это Брахман: таково учение. Объяснение этому [следующее]. В начале этот мир был несуществующим. Он стал существующим Он возрос. Он превратился в яйцо. Оно покоилось в течение года. Скорлупа лопнула. Так возникли две половинки яйца — одна серебряная, другая золотая.

2. Серебряная половинка — это земля; золотая — небо. Внешняя пленка — это горы; внутренняя пленка — туман с облаками. Прожилки стали реками. Жидкость, что внутри, — океан («Чхандогья упанишада», III, 19, 1–2)

[Но далее мудрец Уддалака излагает другое воззрение: в начале было только Бытие.]

1. «Так-то, милый мой: это Сущее было вначале; так-то· единое, не двоякое. А вот иные говорят: «Так-то: это Не-сущее было в начале; так-то: единое, не двоякое. Из этого Не-сущего рождается Сущее».

2. Только как же это, милый мой, быть-то может?» — сказал [Уддалака]. «Как из Не-сущего Сущее родится? Нет уж, милый мой: это Сущее было вначале; так-то: единое, не двоякое.

3. И решило оно: «Дай-ка умножусь я, дай-ка размножусь!» И породило оно Жар. И решил этот Жар: «Дай-ка умножусь я, дай-ка размножусь!» И породил он Воды. Вот отчего, когда жарко человеку, и потеет он, — так-то: тогда из жара воды рождаются.

4. И решили эти Воды: «Дай-ка умножимся мы, дай-ка размножимся!» И породили они Пищу. Вот отчего, когда дождик льет, — так-то тогда больше всего пищи бывает; да, когда так — вдоволь пропитания рождается!» («Чхандогья упанишада», VI, 2, 1–4, перевод А. Коваля).

S Radhakrishnan (ed. and transl.), *The Principal Upanishads* New York, Harper & Row, 1953, pp 151–152, 399, 447–449

59
ТЕОГОНИЯ И КОСМОГОНИЯ ГЕСИОДА

(«Теогония», 116–210)

Главные темы Гесиодовой «Теогонии» таковы: (1) возникновение Хаоса (Пустоты), Земли, Эроса, Неба и первого поколения богов (строки 116–153); (2) оскопление Неба его сыном Кроном по наущению матери Крона Земли (строки 154–210); (3) спасение Зевса от Крона, проглатывавшего своих детей (строки 453–500); (4) победоносная битва Зевса и богов-олимпийцев против титанов (строки 617–735). Мы приводим лишь два первых эпизода. Время жизни Гесиода установить невозможно, но он жил после Гомера, вероятно, в VIII веке до н. э. Сходства и отличия между эпосом Гесиода и древними ближневосточными космогониями рассматриваются Норманом Брауном в предисловии к его переводу «Теогонии» Гесиода, с. 36 сл.

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный, — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
Горы потом народила, — приятный приют для бессмертных
Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное Море бесплодное Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубкий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболе ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомощного он ненавидел.

Также Киклопов с душою надменною Гея родила, —
Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнию сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.

Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился.
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

Также другие еще родилися у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, —
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес, — надменные чада,
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появлялся,
Каждого в недрах Земли немедлительно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробою тяжко стонала Земля-великанша.
Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создав седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям,
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:

«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля ответствовал матери милой:

«Мать, с величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой схвативши огромный

Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на Землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их Земля приняла. А когда обернулися годы,
Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою, —
Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой
«Пеннорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной» — что в Кипре, омытом волнами, родилась.
К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.

Детям, на свет порожденным Землею, названье Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
«Руку, — сказал он, — простерли они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это».

Перевод В Вересаева, по кн Эллинские поэты — М , 1929, с 106—108.

60

ЗОРОАСТРИЙСКАЯ ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ: ОРМАЗД И АХРИМАН

(«Большой Бундахишн», I, 18—26)

Сказание о двух изначальных Духах и сотворении мира подробнейшим образом излагается в первой главе пехлевийской книги IX века «Бунда-

хишн», или «Книги Первотворения». Ограничение Времени — это первый творческий акт Ормазда, понимавшего, что Ахриман может быть уничтожен лишь в том случае, если его выманить из вечности, чтобы он воплотился в конечном времени и был извергнут прочь

18 До акта творения Ормазд не был Господом, после акта творения он стал Господом, — стремящимся к прирастанию, мудрым, свободным от вражды, сияющим, всегда повелевающим правое, щедрым, всеведущим

19. [Первым делом он сотворил сущность богов, красивое (упорядоченное) движение, тот дух, благодаря которому он улучшил свое тело], ибо он представил себе акт творения, от этого акта творения пошло его господство.

20. И своим ясным зрением Ормазд видел, что Дух-Разрушитель никогда не прекратит нападок, и что нападки эти станут бесплодны только вследствие акта творения, и что творение может сдвинуться с места только благодаря Времени; а когда возникнет Время, творение Ахримана тоже придет в движение.

21. И чтобы низвести захватчика до бессилия, ему не оставалось ничего другого, кроме как создать Время. А дело было в том, что Дух-Разрушитель не обессилел бы до тех пор, пока не вступил в битву...

22. Затем из Бесконечного Времени он сотворил и создал Время долгой Власти: некоторые называют его конечным Временем. Из Времени долгой Власти он произвел постоянство, дабы не погибли труды Ормазда Из постоянства явилось неудобство, дабы удобство не коснулось демонов Из неудобства явилось течение судьбы, идея неизменности, дабы оставались неизменными вещи, созданные Ормаздом в начале творения. Из идеи неизменности явилась совершенная воля [сотворить] материальный мир, согласие праведного творения.

23. В своем неправедном творении Ахриман был лишен знания, лишен порядка. А причиной и истолкованием этого было вот что: когда Ахриман вступил в битву с Ормаздом, то величественная мудрость, слава, совершенство и постоянство Ормазда проявились вместе с бессилием, своеволием несовершенством и туповатостью Духа-Разрушителя, а было это, когда создавалось творение

24. Ибо Время долгой Власти было первым его созданием; ведь оно было бесконечным до замутнения целости Ормазда. Из бесконечного оно сделалось конечным; ибо от времени начала творения до его завершения когда Дух-Разрушитель обессилеет, пройдет конечный срок в двенадцать тысяч лет. Затем творение смешается и соединится с Бесконечным, чтобы творение Ормазда всегда пребывало с Ним в чистоте.

25. Как сказано в Вере, «Время могущественнее обоих творений — творения Ормазда и творения Духа-Разрушителя. Время постигает любое

действие и устанавливает (закон). Время постигает больше, чем постигающие. Время знает больше, чем знающие многое; ибо решение должно приниматься во Времени. Время опрокидывает дома — гибель во Времени — и сотрясает кумиров. От него не ускользнет ни один смертный — ни взлетев вверх, ни выкопав яму и поселившись там, ни спрятавшись в холодной воде колодца».

26. Из собственной сущности — из материального света Ормазд создал форму своих созданий: форму огня — яркую, белую, округлую и видную издалека. Из материальной [формы] этого духа, отражающего нападение в двух мирах — будь это Сила или Время, он создал форму Вай, Блага, ибо Вай был необходим: некоторые называют его Вай долгой Власти. С помощью Вай долгой Власти он создал творения, ибо когда он создавал творение, Вай *был орудием, необходимым для деяния.*

R C Zaehner, *Zurvan A Zoroastrian Dilemma*, Oxford, 1955, pp 314–316

См. также тексты 37–39, 290, 303

МИФ О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ

61

СКАНДИНАВСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТВОРЕНИИ И ПРОРОЧЕСТВЕ О КОНЦЕ СВЕТА (ВЁЛЮСПА)

В Старшей, или Поэтической, Эдде историк религий не найдет ничего более увлекательного, чем Вёлюспа — «Прорицание вёльвы». В нескольких сжатых стихах эта в высшей степени оригинальная поэма повествует о первобытном хаосе и творении мира, о бурной жизни богов и об ожидающей их участи — гибели в Рагнарек.

«Прорицание вёльвы» — глубоко скандинавская поэма. Зловещие предзнаменования звучат в каждой строке разворачиваемого поэтом сказания о мире, излагаемого вёльвой (пророчицей, или колдуньей), которую вызвал из могилы верховный бог Один, изобретатель магии и повелитель мертвых. Вёльва, чье мрачное видение отрывочно и драматично, «созерцает» сначала бездну, Гиннунгагап, в ту эпоху, когда моря и «земли еще не было, и не было неба наверху». Усилиями богов хаос уступает место космосу, и вскоре землю населяют великаны, карлики и люди. Однако золотой век молодых богов заканчивается тогда, когда рызыгрывается первая, роковая, война — между асами и ванами.

Подобно Норнам (трем богиням, прядущим прошлое, настоящее и будущее), пророчица «видит» и грядущее. И вот она описывает Одину Рагнарёк — «судьбу (гибель) богов». Междоусобная схватка оборачивается великой космической войной добра и зла, света и тьмы, гармонии и хаоса, жизни и смерти. Земля не может вынести эту борьбу, и апокалиптические видения вёльвы пророчат ее гибель в огне и потопе. Мировое древо Иггдрасиль сотрясается до самых корней, гибнут невинный бог Бальдр, а затем и сам Один, «солнце становится черным, земля погружается в море» и «огонь разгорается до самого неба».

Однако прежде чем вернуться под землю, вёльва завершает свое пророчество сценой возрождения «Вот я вижу, как сызнова земля /вся в зелени подымается из волн». Возвращается Бальдр, плодоносит земля, и появляется новый золотой дворец богов.

Вероятность некоторого влияния христианской символики, особенно в заключительных стихах, позволяет отнести время составления поэмы к концу десятого — началу одиннадцатого столетия, когда христианство начало проникать к последним северным пределам. Тем не менее «Прорицание вёльвы» — лаконичное, мистическое, зачастую неясное — сохраняет свою уникальность и остается последним величественным выражением заходящего героического века.

1. Внимайте мне, все священные роды, великие с малыми Хеймдалля дети!

Один, ты хочешь, чтоб я рассказала о прошлом всех сущих, о древнем, что помню.

2. Великанов я помню, рожденных до века, породили меня они в давние годы;

помню девять миров и девять корней, и древо предела, еще не проросшее.

3. В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря,

земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла.

4. Пока сыны Бора, Мидгард создавшие великолепный, земли не подняли,

солнце с юга на камни светило, росли на земле зеленые травы.

5. Солнце, друг месяца, правую руку до края небес простирало с юга; солнце не ведало,

где его дом, звезды не ведали, где им сиять, месяц не ведал мощи своей.

6. Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные, ночь назвали

и отпрыскам ночи — вечеру, утру и дня середине — прозвище дали, чтоб время исчислить.

7. Встретились асы на Идавёлль-поле, капища стали высокие строить,

сил не жалели, ковали сокровища, создали клещи, орудья готовили.

8. На лугу, веселясь, в тавлеи играли, все у них было только из золота, —

пока не явились три великанши, могучие девы из Ётунхейма.

9 Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные

кто должен племя карликов сделать из Бримира крови и кости Блаина

17 И трое пришло из этого рода асов благих и могучих к морю,

бессильных увидели на берегу Аска и Эмблу, судьбы не имевших

18 Они не дышали, в них не было духа, румянца на лицах, тепла и голоса,

дал Один дыханье, а Хенир — дух, а Лодур — тепло и лицам румянец

19 Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, древо, омытое, влагою мутной,

росы с него на долы нисходят, над источником Урд зеленеет он вечно

20 Мудрые девы оттуда возникли, три из ключа под древом высоким, Урд имя первой, вторая Верданди, —

резали руны, — Скульд имя третьей, судьбы судили, жизнь выбирали, детям людей жребий готовят

21 Помнит войну она первую в мире Гулльвейг погибла, пронзенная копьями, жгло ее пламя

в чертоге Одина, трижды сожгли ее, трижды рожденную, и все же она доселе живет

22 Хейд ее называли, в домах встречая, — вещей колдуньей, — творила волшбу

жезлом колдовским, умы покоря лись ее чародейству злым женам на радость

23 Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные,

стерпят ли асы обиду без выкупа иль боги в отмщенье выкуп возьмут

24 В войско метнул Один копье, это тоже свершилось в дни первой войны,

рухнули стены крепости асов, ваны в битве врагов побеждали

25 Тогда сели боги на троны могущества и совещаться священные стали

кто небосвод сгубить покусился и Ода жену отдать великанам?

26 Разгневанный Тор один начал битву — не усидит он, узнав о подобном! —

крепкие были попраны клятвы, тот договор, что досель соблюдался

27 Знает она, что Хеймдалля слух спрятан под древом, до неба встающим, видит, что мутный течет водопад с залога Владыки, — довольно ли вам этого?

28 Она колдовала тайно однажды, когда князь асов в глаза посмотрел ей «Что меня вопрошать? Зачем испытывать? Знаю я, Один, где глаз твой спрятан скрыт он в источнике славном Мимира!» Каждое утро Мимир пьет мед с залога Владыки — довольно ли вам этого?

29 Один ей дал ожерелья и кольца, взамен получил с волшбой прорицанья, — сквозь все миры взор ее проникал

30 Валькирий видала из дальних земель, готовых спешить к племени гутов, Скульд со щитом, Скегуль другая, Гунн, Хильд и Гендуль и Гейрскегуль Вот перечислены девы Одина, любо скакать им повсюду, валькириям

31 Видала, как Бальдр, бог окровавленный, Одина сын, смерть свою принял стройный над полем стоял, возвышаясь, тонкий, прекрасный омелы побег

32 Стал тот побег, тонкий и стройный, оружьем губительным, Хед его бросил У Бальдра вскоре брат народился, — ночь проживя, он начал сражаться

33 Ладоней не мыл он, волос не чесал, пока не убил Бальдра убийцу, оплакала Фригг, в Фенсалир сидя, Вальгаллы скорбь — довольно ли вам этого?

34 Сплел тогда Вали страшные узы, крепкие узы связал из кишок

35 Пленника видела под Хвералундом, обликом схожего с Локи зловещим, там Сигюн сидела о муже своем горько печалясь — довольно ли вам этого?

36 Льется с востока поток холодный, мечи он несет, — Слид ему имя

37 Стоял на севере в Нидавеллир чертог золотой, — то карликов дом, другой же стоял на Окольнир дом, чертог великанов, зовется он Бримир

38. Видела дом, далекий от солнца, на Береге Мертвых, дверью на север,

падали капли яда сквозь дымник, из змей живых сплетен этот дом.

39. Там она видела — шли чрез потоки поправшие клятвы, убийцы подлые и те, кто жен

чужих соблазняет; Нидхегг глодал там трупы умерших, терзал он мужей — довольно ли вам этого?

40. Сидела старуха в Железном Лесу и породила там Фенрира род,

из этого рода станет один мерзостный тролль похитителем солнца

41. Будет он грызть трупы людей, кровью зальет жилище богов;

солнце померкнет в летнюю пору, бури взъярятся — довольно ли вам этого?

42. Сидел на холме, на арфе играл пастух великанши Эггдер веселый;

над ним распевал на деревьях лесных кочет багряный по имени Фьялар.

43. Запел над асами Гуллинкамби, он будит героев Отца Дружин;

другой под землей первому вторит петух черно-красный у Хель чертога.

44. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит — вырвется Жадный.

Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов.

45. Братья начнут биться друг с другом, родичи близкие в распрях погибнут; тягостно в мире, великий блуд,

век мечей и секир, треснут щиты, век бурь и волков до гибели мира. щадить человек человека не станет.

46. Игру завели Мимира дети, конец возвещен рогом Гьяллахорн;

Хеймдалль трубит, поднял он рог с черепом Мимира Один беседует.

47. Трепещет Иггдрасиль, ясень высокий,

гудит древний ствол, турс вырывается.

48. Что же с асами? Что же с альвами? Гудит Ётунхейм, асы на тинге;

карлики стонут пред каменным входом в скалах родных — довольно ли вам этого?

49. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит — вырвется Жадный.

Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов.

50. Хрюм едет с востока, щитом заслоняясь, Ермунганд гневно поворотился,

змей бьет о волны, клекочет орел, павших терзает, «Нагльфар» плывет

51. С востока в ладье Муспелля люди плывут по волнам, а Локи правит;

едут с Волком сыны великанов, в ладье с ними брат Бюлейста едет.

52. Сурт едет с юга с губящим ветви, солнце блестит на мечах богов;

рушатся горы, мрут великанши; в Хель идут люди, расколото небо.

53. Настало для Хлин новое горе, Один вступил с Волком в сраженье,

а Бели убийца с Суртом схватился, — радости Фригг близится гибель.

54. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит — вырвется Жадный.

Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов.

55. Сын тут приходит Отца Побед, Видар, для боя со зверем трупным;

меч он вонзает, мстя за отца, — в сердце разит он Хведрунга сына.

56. Тут славный приходит Хлодюн потомок, со змеем идет биться сын Одина, в гневе разит Мидгарда страж,

все люди должны с жизнью расстаться, — на девять шагов отступает сын Фьёргун, змеем сраженный — достоин он славы.

57. Солнце померкло, земля тонет в море, срываются с неба светлые звезды,

пламя бушует питателя жизни, жар нестерпимый до неба доходит.

58. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит — вырвется Жадный.

Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов.

59. Видит она: вздымается снова из моря земля, зеленея, как прежде,

падают воды, орел пролетает, рыбу из волн хочет он выловить.

60 Встречаются асы на Идавёлль-поле, о поясе мира могучем беседуют и

вспоминают о славных событьях и рунах древних великого бога.

61. Снова найтись должны на лугу в высокой траве

тавлеи золотые, что им для игры служили когда-то.

62. Заколосятся хлеба без посева, зло станет благом, Бальдр вернется,

жить будет с Хёдом у Хрофта в чертогах, в жилище богов — довольно ли вам этого?

63. Хёнир берет прут жеребьевый братьев обоих

живут сыновья в доме ветров — довольно ли вам этого?

64. Чертог она видит солнца чудесней, на Гимле стоит он, сияя золотом:

там будут жить дружины верные, вечное счастье там суждено им.

65. Нисходит тогда мира владыка,

правящий всем властелин могучий.

66. Вот прилетает черный дракон, сверкающий змей с Темных Вершин;

Нидхегг несет, над полем летя, под крыльями трупы — пора ей исчезнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

(*цифры обозначают номера строф*)

1. Хеймдалль — страж богов, сын девяти великанш, пращур людей. Один — «Отец Павших», верховный бог, принимающий погибших воинов в своем великом дворце Вальхалле («Дворец Павших»).

2. Вёльва вспоминает о космическом древе Иггдрасиль («конь Игга [Одина]»), которое охватывает «девять миров». Она напоминает (как в строфах 28—29) о том, как Один получил тайное знание (*сейд*): он добыл тайны рун, девять магических песен и бессмертный напиток («мед») поэзии, провисев девять ночей на древе и принеся себя в жертву себе самому.

3. Имир — великан, из чьего тела боги творят мир. Его роль в этом мифе о творении не ясна.

4. Бор — отец Одина и его братьев — Вили и Ве. (Согласно Эдде Снорри отец Бора, Бури, был создан возникшей из инея коровой Аудумлой.) Мидгард *страна людей, «средняя ограда», поднятая из вод богами.*

7. Идавёлль — твердыня богов, *см. строфу* 60.

8. Ётунхейм — страна великанов.

9. Бримир и Блаин — два великана или, вероятно, два имени великана Имира. Строфы 10—16, вставленный позже список карликов, здесь опущены.

17. «Трое» — здесь не великанши из строфы 8, но боги Один, Хёнир и Лодур, которые приступают к творению первых мужчины и женщины — Аска и Эмблы («Ясеня» и «Ивы»).

19. Иггдрасиль, древо судьбы, простирается от нижнего мира до небес. В центре мира он поддерживает вселенную, а под его корнями находится Урдабрунн, «источник Урд (Судьбы)».

20. Из источника возникли три норны, богини судьбы: Урд, Прошлое; Верданди, Настоящее; Скульд, Будущее. Участи людей вырезаются как магические знаки (руны) на древесине.

21. *Здесь начинается война между* асами («богами») и особым племенем богов — ванами. По всей видимости, вражда между богами порождена нападением на главную богиню ванов — Фрейю (здесь она названа именами Гуллвейг и Хейд). Гуллвейг была пронзена копьем и сожжена во дворце Хара (Одина), но продолжает жить как Хейд благодаря своей черной магии.

23. *Один объявляет войну ритуальным броском своего магического копья.* Ваны, вооруженные собственной магией, проламывают стену Асгарда, крепости асов.

24. Совет всех богов определяет дань, которую асы должны выплатить за преступление против Гуллвейг (Фрейи).

25. Од — супруг Фрейи.

26. Тор — сын Одина и Ёрд, *бог-воитель, сокрушающий своим молотом* (Мьёлльнир) великанов и демонов. Причина его гнева была, пожалуй, слишком хорошо известна слушателям «Прорицания вёльвы», чтобы нуждаться в пересказе. Эдда Снорри повествует о том, как великан, нанятый асами для восстановления стены Асгарда, потребовал в плату за труды солнце, луну и богиню Фрейю в придачу. Обманутый асами великан *разражается* угрозами и *гибнет от руки* Тора, *чем создается новый повод для вражды.*

27. Гьяллархорн («звонкий рожок») Хеймдалля, с помощью которого (строфа 46) он созывает богов на битву, лежит под космическим древом Иггдрасиль. Здесь же спрятан один глаз Одина, отданный в заклад мудрейшему из асов Мимиру в обмен на мудрость.

29. Вёльва знает, что Один, для которого дороже всего— зрение, пожертвовал глаз источнику Мимира, и из этого глаза Мимир пьет мед бессмертия. «Довольно ли вам этого?» — ее насмешка адресована Одину, который узнал прошлое и теперь ожидает услышать свою судьбу.

30. Валькирии, «Выбирающие Павших», переносят убитых воинов в Вальхаллу к Одину. Возможно, список дев-воительниц является позднейшей вставкой.

31. Пророчица предсказывает судьбу Бальдра. Подобно сказанию о Фрейе и великане-строителе, эпизод с гибелью Бальдра был хорошо известен слушателям поэмы *и нуждался только в кратком напоминании.* Со всех живых существ, кроме молодого побега омелы, Фригг взяла клятву, что они не причинят вреда Бальдру, ее сыну. Локи, бог-трикстер (плут и обманщик), принес омелу, чтобы использовать ее в

новой игре асов, метавших безобидные копья в бессмертного, как думали, Бальдра Вложив копье из омелы в руку Хёда, слепого брата Бальдра, Локи подстроил гибель юного бога. Скорбящий Один породил Вали («брата Бальдра» из строфы 32) чтобы тот отомстил за смерть Бальдра, убив Хеда.

33. Фенсалир — жилище Фригг, оплакивающей дни кровопролития

35. Вёльва провидит, что Локи не избегнет кары за свое участие в убийстве Бальдра. Сигюн сидит рядом со своим связанным супругом.

36. Слид — река в стране великанов.

37. Нидавеллир: «Темные поля», страна карликов. Окольнир, «Незамерзающий» возможно, — вулкан. Бримир: см. строфу 9.

38. «Берег Мертвых»: страна, где царит богиня Хель

39. Вёльва видит клятвопреступников и убийц, терпящих жуткую кару в стране мертвых: их терзают Нидхёгг, хищный змей, живущий под Игдрасилем, и волк, вероятно Фенрир, сын Локи.

40. Фенрир и безымянная великанша породили волков Сколля и Хати: Сколль похищает солнце, Хати — луну.

42. Эггдер — по-видимому, страж великанов, как Хеймдалль — страж богов Петух Фьялар, сидящий на виселице, пробуждает великанов к великой битве.

43. Гуллинкамби: «Золотой гребешок», петух, будящий богов в Вальхалле. В мире смерти «черно-красный петух» оказывается еще одним, третьим провозвестником Рагнарёк.

44. Вёльва видит, как Фенрир (Гарм) срывается со своей привязи у Гнипахеллира и оказывается на воле.

46. Эта строфа намекает на миф о том, как два аса, Мимир и Хёнир, были отправлены заложниками к ванам для подкрепления мирного договора. Ваны обезглавили Мимира и возвратили голову Одину, который сохранил ее и спрашивал у нее совета.

47. Турс (великан): Фенрир.

50. Хрюм — вождь великанов, кормчий корабля великанов «Нагльфара», сделанного из ногтей мертвецов. Змей Ёрмунганд, еще один отпрыск Локи, взбаламучивает море

51. Вырвавшись из своих оков (строфы 35 и 44), Локи (брат Бюлейста) и Фенрир выступают на битву.

52. Сурт — огненный великан, правящий в Муспелле, стране на юге; его родич — Фенрир. Губящий ветви: огонь.

53. Хлин — Фригг, жена Одина. Убийца Бели: бог Фрейр, один из ванов, брат Фрейи, убивший великана Бели ударом кулака. Один, «радость Фригг», обречен погибнуть в схватке с волком Фенриром.

55. «Отец Побед» — Один. Видар, знаменитый своим огромным щитом и не уступающий в силе Тору, переживет катастрофу и отомстит за отца, пронзив Фенрира «сына Хведрунга».

56. Хлодюн — Ёрд («Земля») — мать Тора; отец Тора — Один. Тор — «страж Мидгарда» и «сын Фьёргун (Ёрд)»; одолев змея, он сам падает замертво в девяти шагах от него.

60. «Пояс мира» — Ёрмунганд, змей из вод хаоса, опоясывающий землю. «Великий бог» — Один

61. См. строфу 8, где боги играют в игру, напоминающую шахматы или шашки.

62. Бальдр и Хед, непреднамеренный убийца брата, возвращаются в новый, гармоничный мир. Хрофт. Один

63. Хенир — см. строфу 18. В новую эпоху ему принадлежит дар предсказания будущего.

64. Гимле — дворец с золотой крышей, где будут жить достойные в новую эпоху.

65 Смысл строфы не ясен, новый владыка остается безымянным.

Перевод А. Корсуна (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. — М., 1975, с. 183—190)

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

62

СОТВОРЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ МАТЕРИ-ЗЕМЛИ (МАОРИ)

Таким образом, чтобы сотворить человека, бог Тане, Оплодотворитель должен был вылепить человеческую фигуру из глины на теле Матери Земли и оживить ее Это событие произошло следующим образом (Рас сказ, по словам Беста, приведен в той форме, «в какой он был поведан стариком—коренным жителем»)

Тане пришел к *puke* (венерину бугорку) Папа (Земли) и вылепил там человеческую фигуру из глины Его следующей заботой было наде лить фигуру жизнью, человеческой жизнью—какой ее знают люди и важно отметить, что в рассказе об этом акте его называют Тане те waiora Мать Земля была оплодотворена солнечным светом В без жизненный образ были внедрены *wairua* (дух) и *manawa ora* (дыхание жизни), полученные у Ио, Высшего Существа Дыхание Тане было направлено на образ, и в него проникло тепло Фигура впитала жизнь послышался слабый вздох, проявился жизненный дух, и Хине-аху-оне Девушка, Слепленная из Земли, чихнула, открыла глаз и встала—жен щиной

Таким было происхождение женщины, созданной из вещества Матери Земли, но одушевленной божественным Духом, происшедшим из Высшего Существа, Ио великого, Ио со Скрытым Лицом, Ио Родителя, Ио, не имеющего родителя

E S Craighill Handy *Polynesian Religion* Bernice P Bish Museum Bulletin 34 Honolulu 1927 p 39 цитируется Elsdon Best Maori Personifications *Journal of the Polynesian Society* XXXII 1923 pp 110—111

63
КНИГА БЫТИЯ ЗУНЬИ СОТВОРЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Миф индейцев-зуньи из Нью-Мексико

Перед началом нового творения существовал только Авонавилона (Творец и Вместитель Всего, Всеотчий Отец) В огромном пространстве веков не было ничего кроме него, только черная тьма и запустение повсюду

В начале нового творения Авонавилона углубился в себя, и мысль его вышла наружу, из-за чего развились и поднялись туманы возрастания, могучие пары роста Так с помощью врожденного знания, Всевмещающий принял облик и вид Солнца, которое мы почитаем нашим отцом и которое возникло и появилось таким образом С его появлением просторы окрасились светом, и с просветлением просторов огромные туманы-облака сгустились и упали, из-за чего возникла вода в воде, да, и поддерживающее мир море

Из вещества плоти, снятой с поверхности своего тела, Отец-Солнце образовал семенную материю двух миров, от чего забеременели воды, и — ого! в тепле его света эти воды моря позеленели, и выросла на них пена, все расширяясь и утяжеляясь, и — смотри! — они превратились в Awitelin Tsita, «Четверичную Приемницу Мать-землю», и Apoyan Ta'chu, «Всепокрывающего Отца-небо»

Происхождение людей и тварей

Возлежали эти двое на великих мировых водах наполняя их жизнью, и так была зачата земная жизнь, отсюда пошли все земные существа — люди и твари — из Четверичной утробы Мира

Вслед затем оттолкнула Земля-мать Небо-отца увеличиваясь размером и глубоко погружаясь в объятия вод под собой, чтобы отделиться от Неба-отца в объятиях вод над ним Как женщина предчувствует недоброе для своего первородного до того, как он родится, так и Земля-мать предчувствовала, долго воздерживаясь от порождения своего несметного потомства и ища в то время совета у Неба-отца «Как,—говорили они друг другу,— наши дети, произведенные на свет, отличат одно место от другого, даже при белом свете Солнца-отца?»

А как все превосходящие существа, были Земля-мать и Небо-отец *'hlimna* (изменчивы), подобно дыму на ветру, превращаемые, как мысль, являющие себя в какой угодно форме, словно танцоры с помощью масок

Так, словно мужчина и женщина, говорили они друг другу «Взгляни!— молвила Земля-мать, когда появилась у нее большая, с уступами, чаша, а внутри вода —Такими будут на мне дома моих крохотных детей Будут

они бродить по ободу каждого мира-страны, горы с уступами будут стоять, разделяя одну землю на многие, так что распознаваться каждая страна будет по стране, а внутри каждой место—по месту. Взгляни опять! — сказала она, плюнув на воду, потом быстро ударяя и размешивая ее пальцами. Образовалась пена, собирающаяся вокруг уступчатого ободка, вздымающаяся выше и выше. — Да,—сказала она,—и из моей груди они будут извлекать пропитание, ибо в этом они найдут вещество жизни, которым мы сами кормились, ибо посмотри!» И своим теплым дыханием она обдула уступы; белые пятна пены разлетелись и, качаясь на водной глади были рассеяны холодным дыханием внимающего Неба-отца, и тотчас вниз обрушился обильный туман и струи воды! «Вот так будут всплывать вверх белые облака из великих вод на краю мира и, собираясь вокруг горных уступов на горизонте, будут носиться повсюду дуновениями могучих душ-существ и детей, и затвердеют и разорвутся от холода, проливая вниз потоками дождя воду жизни даже в пустоты моего лона! Ибо прежде всего там будут гнездиться наши дети—люди и звери, ради тепла на твоем холоде»

Ого! даже деревья на высоких горах вблизи облаков и Неба-отца гнутся долу к Земле-матери ради тепла и защиты! Тепла Земля-мать холоден Небо-отец, ведь женщина—тепла, а мужчина—холоден.

«Пусть так!—сказало Небо-отец.—Но не только ты будешь помогать нашим детям, ибо гляди!» — и он простер руку свою ладонью вниз, и во все морщинки и трещины ее поместил подобие сияющих желтых зерен кукурузы; во мраке раннего утра мира они блестели, точно искры огня, и двигались вместе с его рукой над чашей, сияя и двигаясь к глубинам воды внутри чаши «Смотри!—сказал он, указывая на семь звезд, сжатых большим и четырьмя другими пальцами.—Ими будут ведомы наши дети; ибо гляди, когда Солнца-отца нет поблизости и твои уступы словно сама тьма (ибо они спрятаны в ней), тогда наши дети будут ведомы их светом—светом всех шести областей, обращающихся вокруг центра—внутри и вокруг этого центра, где будут обитать эти наши дети, лежат все другие области пространства! Да! И как эти зерна блестят в воде, так и зерна-семена, подобные им, но бессчетные вырастут из твоей груди, когда их коснутся мои воды, чтобы питать наших детей». Это и многое другое измыслили они для своего потомства.

Тотчас в самом низу четырех пещер-утроб мира образовались и возросли семена людей и тварей земных; как в теплых местах внутри яиц быстро появляются черви, которые растут, разрывают скорлупу и становятся—как придется—птицами, головастиками, змеями, так и люди и все твари росли многообразно и размножались во множестве видов. [Но это еще несовершенные существа: громоздясь и сбиваясь в кучу во тьме, они вскарабкиваются друг на друга, словно пресмыкающиеся, ворча, плача, брызжа слюной, непристойно и яростно ругаясь. Однако кое-кто из них пытается ускользнуть Один надо всеми, отличается от всех остальных своим разумом всесвятой

повелитель Пошаийанкйа, который некоторым образом причастен к божественности. В одиночестве он выбирается наружу, по порядку пройдя все четыре пещеры-утробы в недрах земли. Он выходит на поверхность Земли, которая имеет вид огромного острова—влажного и неустойчивого; и он направляется к Солнцу-отцу с мольбой выпустить человечество и всех тварей на свет. После этого Солнце повторяет процесс творения, но на сей раз это творение другого порядка. Солнце желает произвести на свет разумных, свободных и могучих существ. Оно снова оплодотворяет пену Земли-матери, и из нее рождаются близнецы. Солнце наделяет их всевозможными магическими силами и велит им стать предками и повелителями людей.] Наученные Солнцем-отцом, на великой облачной дуге они поднимают его высоко в зенит, чтобы земля согрелась и сделалась более тучной для своих детей—человечества и тварей земных. Затем по следам ищущего Солнце Пошаийанкйа они спешат во всю прыть на своем пловучем щите-тумане на запад—к горе Порождения. Магическими ножами, сделанными из удара молнии, они вскрывают недра горы и на своем облаке-щите, подобно пауку в своей паутине, безошибочно спускаются во тьму подземного мира. Там они поселяются с людьми и тварями, внимая им, знакомясь с ними и знакомя их с собой как с господами и отцами, ища способы вывести их наверх.

Рождение и появление на свет людей и тварей

Вот, росли теперь вещи в глубине — травы и вьющийся виноград. И теперь Возлюбленная Двоица дохнула на стебли трав (выросших высоко, как бывает с травой, тянущейся к свету, под отверстием, которое они прорубили и через которое спустились), и трава пошла в стремительный рост—ведь они обходили вокруг и вытягивали стебли и — ого! — трава уже достигла света. И там, где они хватались за траву, образовались рубцы и отметины, откуда произрастали листья. Так эти двое построили большую лестницу, по которой люди и твари могли подняться выше—во вторую пещеру, чтобы не быть насильственно выброшенными потом потугами Земли-матери,—ведь тогда они были бы одержимыми и изуродованными.

По этой лестнице вверх устремились люди и твари, неотступно следуя за Двумя Малыми, но Могучими. Но многие падали вниз и, пропадая во тьме, населили подземный мир, откуда они вышли потом в пору ужасного трясения земли, став чудищами и страшными, ни на что не похожими существами давнего времени. Ого! — в этой второй утробе было темно, как ночью в бурное время года, но здесь было просторнее и выше, чем в первой, ибо она была ближе к пупку Земли-матери, почему и назвали ее K'olin tebuli (Пупковое Чрево, или Место Беременности). Вот и здесь люди и звери возрастали, а вопль их жалоб становился громче и проситьельнее. И снова Близнецы, способствуя росту великой лестницы, повели

их вверх—не всех вместе, но шестью отдельными отрядами, ставшими со временем отцами шести типов людей (желтой, золотисто-коричневой, красной белой, смешанной и черной расы), а с ними богов и всех тварей. Но и на этот раз многие отстали или потерялись. Третья великая пещера-мир, куда взобрались теперь люди и твари, более просторная и высокая, чем вторая была светлее, словно долина в звездном свете, и называлась Awisho tehuli— Влагалищное Чрево, или Место Зачатия, или Беременности. Ибо здесь различные народы и существа начали размножаться по родам отдельно друг от друга, а раз народности и племена людей и тварей стали многочисленными, как прежде, то и это место оказалось переполненным Как и прежде, поколения народов одно за другим выводились (но, как и до того многие пропадали) в следующую и последнюю пещеру-мир, Terahaian tehuli, Верхнюю-неприкрытую, или Чрево Рождения.

Здесь был свет, словно на заре, и люди начали видеть и учиться сообразно их натуре, поэтому Близнецы научили их сначала отыскивать наше Солнце-отца, которое, сказали они, откроет им мудрость и знание путей жизни, в которых Близнецы наставляли их, как мы — детей малых. Но как и другие пещеры-миры, этот тоже, спустя много времени, наполнился их потомством, и в конце концов, поочередно, Близнецы выводили наружу народы людей и роды существ в этот великий верхний мир, который носит название Tek'ohaian ulahnane, или Мир Рассеянного Света и Знания, или Ви́дения.

F H Cushing, *Outlines of Zuni Creation Myths*, in *Thirteenth Annual Report*, Bureau of Ethnology, Washington, D C , 1896 pp 325—447, процитированы с 379—383

64

БОГ И ПЯТЬ ЖЕНЩИН: МИФ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ, ОГНЯ, ВОДЫ И ЖЕНЩИНЫ

(ТОМПСОНОВСКИЕ ИНДЕЙЦЫ С СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ТИХОГО ОКЕАНА)

Старик, или Вождь, спустился из верхнего мира на облаке к поверхности великого озера, или водной пустыни, кроме которой тогда ничего не существовало. На озеро оперлось облако. Старик вырвал пять волосков из своей головы и бросил их под ноги: они превратились в пять стройных девушек Он спросил по очереди каждую, кем та хочет быть.

Первая ответила: «Женщиной, чтобы рожать детей. Я буду плохой и глупой и искать только собственное удовольствие. Мои потомки будут

воевать, красть, убивать и прелюбодействовать». Вождь сказал, что ему очень жаль, ведь из-за ее выбора в мир войдут смерть и горе.

Вторая ответила: «Женщиной, чтобы рожать детей. Я буду хорошей и добродетельной. Мои потомки будут мудрыми, миролюбивыми, честными, верными и целомудренными». Вождь похвалил ее и сказал, что ее путь приведет к победе.

Третья предпочла стать Землей. Из нее, сказал Старик, все произрастет и в нее все возвратится после смерти

Четвертая предпочла стать Огнем—в траве, деревьях и во всем деревянном на благо человеку. Пятая стала Водой, чтобы «очищать и делать мудрым» народ. «Я буду помогать всем вещам на земле сохранять жизнь».

Тогда Вождь превратил их: первой создал Землю, второй—Воду, третий—Огонь. Он поместил двух женщин (дурную и хорошую) на землю, и они понесли. Он сказал им, что они будут родительницами всего народа. Поначалу зло окажется более многочисленным, но в конце концов добро возобладает, пообещал он. Тогда наступит конец. все мертвые и живые соберутся вместе, Земля, Огонь и Вода вернут себе первоначальный облик, все преобразится и обновится

Сокращенный парафраз из James A. Teit, *Mythology of the Thompson Indians*, Publications of the Jessup North Pacific Expedition, vol 8, pt 2, Leiden and New York, Brill and Stechert, 1912, pp 322—324

65

МИФ ТОМПСОНОВСКИХ ИНДЕЙЦЕВ О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

До образования мира Звезды, Луна, Солнце и Земля жили вместе (словно люди). Земля была женщиной, Солнце—ее мужем. Она всегда была им недовольна, называя его гадким, уродливым и слишком горячим. В конце концов Солнцу надоела ее брань, и оно ушло Луна и Звезды ушли вместе с ним. Земле-Женщине было очень грустно

Появился Старик и дал этим людям их нынешний облик. Солнцу, Луне и Звездам он назначил небо, повелев никогда более не оставлять землю. Мать Земля стала твердой сушей· ее волосы превратились в деревья и траву, плоть—в глину, кости—в скалы, кровь—в ручьи. «Ты будешь как мать народа, ибо из тебя возникнут их тела и в тебя возвратятся. Люди будут жить, словно у тебя на груди, и спать у тебя на лоне. Они будут извлекать пропитание из тебя и использовать все части твоего тела».

После этого Земля родила людей, видом похожих на нас; но они ничего не знали и не нуждались ни в пище, ни в питье. У них не было стремлений, желаний или мыслей. Тогда Старик отправился бродить по миру и среди людей, наделяя их стремлениями и желаниями. Он произвел на свет все виды птиц и рыб, которым дал имена и назначил обязанности. Он научил женщин делать березовые корзины, циновки и жилища, научил выкапывать коренья, собирать и сушить ягоды. Он научил мужчин разводить огонь, ловить рыбу, стрелять дичь и т. д. Он научил супругов соитию и порождению детей.

Обучив людей, он простился с ними: «Я покидаю вас; но если вам нужна моя помощь, я снова приду к вам. Солнце—ваш отец, Земля—тело вашей матери. Вы будете укрываться ее плотью, как одеялом, под которым будут в мире покоиться ваши кости».

Сокращенный парафраз из James A. Teit, *Mythology of the Thompson Indians*, Publications of the Jessup North Pacific Expedition, vol 8, pt 2, Leiden and New York, Brill and Stechert, 1912, pp 321—322

66

МИФ ПАУНИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ: МАТЬ КУКУРУЗА ВЫВОДИТ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ НА ПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛИ

Из описания обряда, о котором индеец пауни Четыре Кольца рассказал доктору Мелвину Гилмору.

Прежде чем возник Мир, мы все были во чреве Земли.
Мать Кукуруза вызвала движение. Она дала жизнь.
Получив жизнь, мы направились к поверхности:
Мы встанем прямо, как люди!
Это существо стало человеком! Он—особый!
К особому облику добавлена сила·
Когда соединились облик и разум, мы готовы выйти на свет —
Но Мать Кукуруза предупреждает нас, что Земля пока под водой
Вот Мать Кукруза возвещает, что вода сошла, и Земля теперь зеленая
Мать Кукуруза велит людям восходить к поверхности.
Мать Земля собрала их вместе, они прошли половину пути;
Мать Кукуруза доставляет их на поверхность. Появляется первый свет!

Мать Кукуруза выводит их наружу. Они вышли уже по пояс!
Они ступают на поверхность Земли.
Вот все уже вышли; и Мать Кукуруза ведет их с Востока на Запад.
Мать Кукуруза ведет их к месту их расселения...
Все свершилось! Все великолепно!

H B Alexander, *The World's Rim*, Lincoln, Neb University of Nebraska Press, 1953, p 89

67
АФРИКАНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА (ШИЛЛУК, НАРОДНОСТЬ, ЖИВУЩАЯ НА НИЛЕ)

Обращаясь теперь к Африке, мы находим легенду о творении человечества из глины у народа шиллук с Белого Нила; легенда остроумно объясняет происхождение цветов кожи представителей разных рас различием в цветах глины, из которой они были вылеплены. Они говорят, что создатель Иуок вылепил всех людей из земли; занимаясь делами творения, он бродил по свету. В стране белых он нашел чистую белую землю или песок, и из него он сотворил белых. Затем он пришел в Египет и из нильского ила сделал красных, или коричневых, людей. Наконец он пришел в край шиллуков и, найдя там черную землю, создал из нее чернокожих. Он лепил людей вот каким способом. Он брал комок земли и говорил про себя: «Я создам человека, но он должен уметь ходить, бегать, работать на полях, так что я дам ему две длинных ноги, как фламинго». Затем он снова обращался к себе: «Человек должен уметь возделывать свое просо, так что я дам ему две руки, чтобы одна держала мотыгу, а другая вырывала сорняки». Он дал ему две руки и снова подумал: «Человек должен видеть свое просо, так что я дам ему два глаза». Сказано — сделано. Потом он подумал про себя: «Человек должен есть свое просо, так что я дам ему рот». И он дал ему рот. После этого он подумал про себя: «Человек должен плясать, говорить, петь и кричать, и для этого у него должен быть язык». И он дал ему язык. Наконец, божество сказало себе: «Человек должен слышать звук пляски и речь великих людей, и для этого ему нужны два уха». Так он дал ему два уха и отправил в мир совершенного человека.

J G Frazer, *Folklore in the Old Testament*, I, London, 1919, pp 22—23, сокращенный перевод из статьи W Hofmayr, 'Die Religion der Shilluk', *Anthropos*, VI, 1906, pp 128ff

МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СМЕРТИ

Дж. Фрэзер различал четыре типа мифов о происхождении смерти (1) на сюжет о двух вестниках; (2) на сюжет о прирастающей и убывающей луне; (3) на сюжет о змее и его сброшенной коже; (4) на сюжет о банановом дереве. Примеры трех последних типов читатели найдут в текстах 68—70. Цитируемый ниже миф аранда (текст 71) иллюстрирует еще один мотив: смерть возникает из произвольного и жестокого акта мифического звероподобного существа.

Мотив двух вестников, или «неудачной вести», особенно распространен в Африке. Бог послал хамелеона к мифическим предкам с вестью о том, что они будут бессмертны, и ящерицу с вестью о том, что они умрут. Хамелеон двигался не спеша, и ящерица прибыла первой После того как она сообщила свою весть, в мир вступила смерть Другой африканский сюжет — это сюжет «смерти в свертке». Бог позволил первым людям выбирать из двух свертков, в одном из которых была жизнь, а в другом — смерть. Согласно третьему африканскому сюжету, смерть — это следствие нарушения человеком божественной заповеди.

68
СБРОШЕННАЯ КОЖА: МЕЛАНЕЗИЙСКИЙ МИФ

Сначала люди не умирали, но, становясь старше, сбрасывали кожу, как змеи и крабы, и выходили из нее, вернув себе молодость. Одна стареющая женщина подошла к потоку, чтобы поменять кожу. Она сбросила старую кожу в воду и увидела, что ниже по течению кожа зацепилась за палку. Она пошла домой, где ее ждал ребенок. Но ребенок отказался

узнать ее и закричал, что его мать была старой и совсем непохожей на эту молодую незнакомку. Чтобы утешить дитя, она вернулась за сброшенной оболочкой и надела ее. С тех пор люди перестали сбрасывать кожу и начали умирать.

R H Codrington, *The Melanesians*, Oxford, 1891, p 265

69
КАМЕНЬ И БАНАН: ИНДОНЕЗИЙСКИЙ МИФ

Так, коренные жители Посо, одного из районов Центрального Сулавеси, рассказывают, что вначале небо находилось очень близко от земли и что живший на нем Создатель спускал, бывало, свои дары людям на веревке. Однажды он опустил им камень; но наши прародители не захотели его взять и крикнули Творцу: «Что нам делать с этим камнем? Дай нам что-нибудь другое». Создатель внял им и втянул веревку наверх; камень поднимался и поднимался, пока совсем не скрылся из вида. Потом веревка была спущена снова, но на этот раз к ее концу был привязан банан вместо камня. Наши первопредки подбежали к банану и взяли его. Тогда с небес раздался голос. Он сказал: «Раз вы выбрали банан, то ваша жизнь будет подобна его жизни. Когда у бананового дерева появляется отросток, родительский ствол умирает; так и вы будете умирать, и ваши дети будут заступать на ваше место. Если бы выбрали камень, ваша жизнь была бы подобна жизни никогда не меняющегося и бессмертного камня». Мужчина и женщина принялись оплакивать свой роковой выбор, но было слишком поздно; так-то через поедание банана в мир пришла смерть.

J G Frazer, *The Belief in Immortality*, I, London, 1913, pp 74–75, цитируется A C Kruijt

70
ЛУНА И ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ: АВСТРАЛИЙСКИЙ МИФ

В одной легенде вотйобалуков говорится, что в ту пору, когда все животные были людьми, некоторые из них умирали, и тогда луна гово-

рила: «Ты встань-поднимись», и они снова оживали. Один старик как-то сказал: «Пусть остаются мертвыми». После этого никто больше не оживал, кроме луны, которая до сих пор всегда возвращается к жизни.

A W Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*, London 1904, p 429

71
ЖЕСТОКАЯ ПТИЦА: АВСТРАЛИЙСКИЙ МИФ (ПЛЕМЯ АРАНДА)

Из подошвы скалы они появились, к югу от Илкакнары, из небольшого отверстия в скале. Первой открыла скалу поддерживающая огонь женщина, которая просунула свой нос сквозь твердый камень. За ней вышла вторая женщина, за той третья, четвертая, пятая и так далее. А затем появился первый поддерживающий огонь мужчина, а за ним второй, третий, четвертый, пятый и так до последнего. Наконец все они оказались снаружи.

Мужчины, вышедшие наружу последними, рассердились на того, что выбрался первым, так как он слишком близко следовал за женщинами Перворожденный развел большой яркий костер; другие же указали на него колдовской костью. Обреченный вытянулся на земле; две ночи он лежал без движения. Затем он умер, и остальные закопали его к востоку от скалы. Некоторые женщины, погруженные в глубокую скорбь пошли в Тжоланкута, другие пошли в Лкебалинжа; остальные расселись у входа в глубокое ущелье, где ручей Илкакнара пробивается сквозь горный хребет. Они пустились в женский пляс под возгласы мужчин «бау, бау, бау, бау».

Но умерший начал выкапываться из-под земли. Сначала на поверхности показался его лоб, затем виски, наконец видна была вся его голова до шеи. Однако плечи его застряли.

Тогда Урбура, сорока, пришел из Урбуракана. Он бежал со всех ног ведь еще издалека увидел, что происходит: «Смотрите, он начал выкарабкиваться мгновение назад; но его плечи крепко застряли и по-прежнему пригвождают его к земле». Мертвец еще немного приподнялся. К нему приблизились пляшущие женщины; они окружили его отовсюду. Урбура помчался в страшной ярости наверх — на соседнюю гору Убуринка. Там он схватил тяжелое копье и глубоко вогнал его в шею мертвеца, яростно

топча и вдавливая того в землю пяткой со словами: «Оставайся внизу навсегда; не пытайся восстать из могилы».

Затем все мужчины и женщины превратились в птиц и полетели к Бегущим Водам; не осталось никого. Их жалобные крики раздавались не умолкая; их слезы текли непрестанно, они были в страшном горе.

Урбура тоже воспарил, как птица, и возвратился домой, где и остался навсегда.

Мой рассказчик вкратце добавлял, что, если бы не жестокость Урбуры, мертвец снова вернулся бы к жизни; и если бы он воскрес по собственной воле, то все люди, которые умирали бы после этого, оживали бы таким же образом. Но Урбура окончательно добил мертвеца и вторично вогнал его в могилу: «И теперь все мы умираем и уничтожаемся навсегда; и нет для нас воскресения».

T G H Strehlow, *Aranda Traditions*, Melbourne, 1947, pp 44–45

72

МАУИ И ХИНЕНУИТЕПО: ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ МИФ

Тогда Мауи решил обязательно покинуть деревню, где жил Иравару, и вернуться к родителям. Побыв с ними какое-то время, однажды он услышал от отца такие слова: «О, мой сын, я слышал от твоей матери и от других, что ты очень доблестен и что ты преуспел во всех — больших или малых — делах, предпринятых тобою в твоей стране. Но сейчас, когда ты пришел в страну твоего отца, ты, может быть, наконец потерпишь поражение».

Мауи спросил: «О чем ты говоришь? Что может победить меня?» Отец ответил: «Это твоя великая прародительница Хиненуитепо, которая, если ты посмотришь, мерцает и, так сказать, открывается и закрывается там, где горизонт встречается с небом». Мауи возразил: «Отбрось эти пустые мысли, и давай вместе бесстрашно разузнаем, суждено людям умереть или жить вечно». Отец сказал: «Дитя мое, нам было дурное предзнаменование Когда я окроплял тебя, я забыл часть надлежащей молитвы, и это, я знаю, будет причиной твоей погибели».

Тогда Мауи спросил отца: «На что похожа моя прародительница Хиненуитепо?» Тот отвечал: «Вон то ярко-красное сияние — это ее глаза. А ее зубы остры и тверды, как обломки вулканического стекла. Ее тело схоже с телом человека. Зрачки ее глаз из яшмы. Волосы ее

подобны спутанному клубку водорослей. А ее рот подобен пасти барракуды». Сын ответил ему: «Ты думаешь, что ее сила столь же велика, как сила Тамануитера, пожирающего человека, и землю, и сами воды своим яростным жаром? Разве прежде мир спасался не благодаря той скорости, с которой тот двигался? Если бы тогда, в дни своей полной силы и могущества, он двигался так же медленно, как и сейчас, то на земле поистине не осталось бы ни одного человека и вообще ничего не осталось бы. Но я одолел Тамануитера, и теперь он ходит медленно, потому что я отдубасил его, и теперь он ослаб и небыстро совершает свой путь, и печет уже не так сильно, ведь его ослабили удары моего заговоренного оружия. Тогда я пробил его во многих местах, и из этих ран теперь исходит множество лучей, распространяющихся во всех направлениях. Кроме того, раньше море было куда просторней, чем земля, но силой последнего из твоих детей часть земли была вытянута наружу, и появилась суша». Отец отвечал ему: «Все это правда, о последний из моих сыновей и сила моей старости! Что же, будь храбр, пойди и навести свою великую прародительницу, которая так ярко вспыхивает там, где край горизонта сливается с небом».

Договорив с отцом, молодой герой тут же отправился подыскивать себе сотоварищей для своей затеи. Сотоварищами его стали малая малиновка и большая малиновка, дрозд и желтая овсянка, и всякие мелкие пичуги и водная трясогузка. Они собрались возле Мауи и вечером все вместе тронулись в путь и пришли в жилище Хинену итепо и застали ее крепко спящей.

Тогда Мауи обратился к ним всем со словами: «Мои маленькие друзья, если вы увидите, как я забираюсь внутрь этой старой владычицы, не смейтесь над тем, что вы увидите. Поистине, не смейтесь, умоляю вас, но когда я полностью проникну в нее и как только я буду выходить из ее рта, — кричите и смейтесь сколько душе угодно». Его маленькие друзья, напуганные тем, что они увидели, отвечали: «О, господин, ты наверняка погибнешь». Он ответил им: «Если вы засмеетесь, когда я буду забираться в нее вы ее разбудите и она тут же меня прикончит, но если вы не станете смеяться до тех пор, пока я не скроюсь внутри нее и пока не буду готов вылезти у нее изо рта, тогда я буду жить, а Хинену итепо умрет». Его маленькие друзья отвечали: «Приступай же к задуманному, отважный господин, но, пожалуйста, будь осторожен».

Молодой герой плотно обмотал тетиву своего лука вокруг запястья и вошел в дом. Он снял одежду, и кожа на его бедрах была пестра и прекрасна, словно чешуя макрели, благодаря татуировке, сделанной с помощью резца Уэтонги [внука Ру, бога землетрясений; Уэтонга научил татуировке Матаору, а тот обучил ей человека], и вступил в старуху владычицу

Птички изо всех сил пытались подавить смех. В конце концов крохотная Тивакавака не удержалась и громко расхохоталась, весело и мило защебетав. Это разбудило старуху. Она открыла глаза, вскочила и убила Мауи.

Так погиб Мауи, о котором мы говорили. Но перед тем как погибнуть, он обзавелся детьми, и были у него сыновья. Кое-кто из его потомков по-прежнему живет на Гаваики, другие — на Аотэароа Большая часть его потомков остались на Гаваики, но некоторые из них пришли сюда, на Аотэароа. По преданиям маори, такова была причина появления смерти в мире. (Хиненуитепо — богиня смерти. Если бы Мауи невредимым прошел через нее, тогда не умер бы больше ни один человек, а уничтожена была бы сама смерть.) Эта мысль выражена у нас в таких словах: «Водная трясогузка, рассмеявшаяся при виде Мауи-тики-тики-о Таранга, пробудила Хиненуитепо, которая его задушила». И еще у нас есть поговорка: «Люди оставляют наследников, но смерть уносит их с собой».

Sir George Grey, *Polynesian Mythology*, London, 1855, pp 56—58

МИФЫ О ПОТОПЕ

73
РАССКАЗ О ПОТОПЕ ИЗ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ

Гильгамеш проделал долгий и трудный путь, чтобы разузнать, как Утнапишти обрел вечную жизнь. Отвечая на его расспросы, Утнапишти рассказывает следующую историю. Однажды боги уничтожили великий город Шуриппак страшным наводнением. Но Утнапишти, предупрежденному Эа, удалось спастись, построив большой корабль. Бессмертие было даром раскаявшихся богов, которые воздали должное его находчивости и верности (Утнапишти восстановил практику жертвоприношений).

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на бреге Евфрата, —
Этот город древен, близки к нему боги.
Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещали отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб[1] Эннуги,
Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
Но хижине[2] он их слово поведал:
«Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуриппакиец[3], сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое.

Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан[4], покрой его кровлей!»
Я понял и вещаю Эа, владыке:
«То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню.
Что ж ответить мне граду—народу и старцам?»
Эа уста открыл и молвит,
Мне, рабу своему, он вещает:
«А ты такую им речь промолви:
«Я знаю, Эллиль меня ненавидит,—
Не буду я больше жить в вашем граде,
От почвы Эллиля стопы отвращу я.
Спущусь к Океану, к владыке Эа!
А над вами дождь прольет он обильно,
Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
На земле будет всюду богатая жатва,
Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь вы узрите воочью»[5].

Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался.

[плохо сохранившийся участок текста]

Всех мужей я призвал на повинность —
Дома сносили разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряженье носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотою,
По сто двадцать локтей края его верха.
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими,
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряженье.
Три меры[6] *кира в печи расплавил;*
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,

Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
Народ поил, как водою речною,
И они пировали, как в день новогодний...
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали—он был тяжелым,
Подпирали кольями сверху и снизу.
Погрузился он в воду на две трети.

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверей, всех мастеров я поднял.
Время назначил мне Шамаш:
«Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты увидишь воочью, —
Войди на корабль, засмоли его двери».
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.
Я взглянул на лицо погоды—
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери —
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.

Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
Адду[7] *гремит в ее середине,*
Шуллат и Ханиш[8] *идут перед нею,*
Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль[9] *вырывает жерди плотины*[10],
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым,—во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,

Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.
Не видит один другого,
И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган—потоп прекратился.
Я открыл отдушину—свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море—тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море—
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился,
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.

При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;

Отправившись, ласточка назад вернулась.
Места не нашла, прилетела обратно
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
Как только прибыла богиня-матерь[11],
Подняла она большое ожерелье,
Что Ану изготовил ей на радость:
«О боги! У меня на шее лазурный камень—
Как его воистину я не забуду,
Так эти дни я воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!
К жертве все боги пусть подходят,
Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
Ибо он, не размыслив, потоп устроил
И моих человеков обрек истребленью!»
Эллиль, как только туда он прибыл,
Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов[12]*:*
«Какая это душа спаслася?
Ни один человек не должен был выжить!»
Нинурта уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою·
«Кто, как не Эа, замыслы строит,
И Эа ведает всякое дело!»
Эа уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
«Ты—герой, мудрец меж богами!
Как, как, не размыслив, потоп ты устроил?
На согрешившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты,—
Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше волк бы явился, людей поубавил!

Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
Я же не выдал тайны богов великих —
Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он
А теперь ему совет посоветуй!»
Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу,
На колени поставил жену мою рядом,
К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:
«Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!»

[1] «Ороситель», «ведающий ирригацией»
[2] Вероятно, жилище Утнапишти Бог Эа обращается к нему (через стену), сообщая о решении богов наслать потоп и советуя ему построить корабль
[3] Утнапишти.
[4] Подземные воды
[5] Цель—обмануть жителей Шуриппака относительно подлинных задач дождя
[6] Мера—около 8 000 галлонов, или 36 368 литров
[7] Бог бури и дождя
[8] Глашатай Адду
[9] Т е Нергаль, бог подземного мира
[10] Мировой плотины
[11] Иштар
[12] Небесные боги

Перевод И М Дьяконова, в кн Поэзия и проза Древнего Востока, БВЛ — М Художественная литература, 1973, с 212—217, примечания—Isaac Mendelsohn (ed), *Religions of the Ancient Near East*, New York, 1955

74
ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ МИФ О ПОТОПЕ

(«Шатапатха-брахмана», I, 8, 1—6)

1. Утром принесли Ману воду для умывания, как и сегодня приносят [воду] для мытья рук. Когда он умывался, ему в руки попалась рыба

2. Она сказала ему такое слово: «Вырасти меня, и я спасу тебя!» «От чего ты меня спасешь?» «Потоп унесет прочь все живые создания, вот от чего я спасу тебя!» «Как же мне тебя вырастить?»

3. Она сказала: «Пока мы мальки, нас подстерегает великая напасть рыбы пожирают рыб. Сначала держи меня в кувшине Когда он станет мне тесен, вырой яму и пусти меня туда Когда и яма станет мне тесна выпусти меня в море: ведь тогда напасть мне будет уже не страшна».

4. Вскоре она стала *джхашей* (огромной рыбиной), ведь растет она очень быстро. После этого она сказала: «В таком-то году случится потоп Тогда послушайся меня — построй корабль, а когда воды поднимутся взойди на корабль, и я спасу тебя».

5. Вырастив ее таким способом, он перенес ее в море. И в том самом году, который указала ему рыба, он послушался ее и построил корабль, а когда воды поднялись, взошел на него. Тут всплыла к нему рыба, и к ее рогу он привязал корабельную веревку, и так он быстро добрался до северной горы.

6. [Тогда] она сказала: «Я спасла тебя Привяжи корабль к дереву Но, чтобы тебя не смыло, пока ты будешь на горе, [сделай так]: по мере того как вода начнет убывать, ты постепенно спускайся вниз». Вот так он постепенно и спускался вниз. Поэтому этот [склон] северной горы и называют Спуском Ману. А потоп унес всех живых существ, и остался один только Ману.

Julius Eggeling, in *Sacred Books of the East*, XII, Oxford, 1882 pp 216—218 Перевод А Коваля

ГЛАВА III

ЧЕЛОВЕК И САКРАЛЬНОЕ

САКРАЛЬНЫЙ МИР, САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, САКРАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Одно из самых ярких свойств традиционных обществ — это противопоставление обжитой территории неизведанному, неопределенному пространству, ее окружающему Первая — это Мир (или, точнее, «наш мир»), космос, все, что находится вне нее, это уже не космос, но некий «иной мир», чужое, хаотическое пространство, населенное привидениями, демонами, «чужаками» (которые уподобляются демонам и духам мертвых) Мир — это вселенная, в которой уже произошло проявление сакрального (Ср M Eliade, *'The Sacred and Profane'*, pp 29 ff)

75
САКРАЛЬНЫЙ МИР ДАЯКИ БОРНЕО

Публикуемый ниже текст описывает религиозные представления даяков нгаджу Южного Борнео, схожие идеи обнаруживаются в бесчисленных архаических и традиционных обществах

Область, населенная сакральным народом, — это сакральная земля Она была дарована божеством, которое создало ее из остатков луны и солнца Она находится среди изначальных вод, между Верхним и Нижним мирами, и покоится на спине Водного Змея Ее границы — поднятые хвост и голова божества Нижнего мира В мифах мы также обнаруживаем представление о том, что мир заключен в круг, образуемый Водной Змеей, кусающей собственный хвост Таким образом, мир поддерживается и ограничивается божеством, человек живет под его покровительством в божественном мире и благоденствии Человек живет в сакральной, божественной стране Матаханы и Йаты Горы сакральной земли достигают Верхнего мира Божество сходит на них и встречается там с людьми, преподнося им свои священные

дары. Человек живет в сакральной земле в общении с высшими божествами. Он взбирается на сакральную гору и там предается аскезе (*батапа*), и Матахала приближается к нему и разглядывает его. В ночной тиши он плавает по реке на маленьком плоту, и Водный Змей выныривает и смотрит на него. Божество повсюду, и человек может появиться перед ним повсюду, ибо он живет в стране божества и под его покровительством, а божество открыло ему пути в Верхний и Нижний миры.

Описанный мир — это первобытная деревня Бату Ниндан Таронг, о возникновении которой рассказывается в космогоническом мифе и которая изображается в священных рисунках. Голова и пояс Водного Змея рисуются обычно в виде Древа Жизни, и это изображение исполнено смысла, поскольку Водный Змей и Древо Жизни тождественны. В этой деревне жили первые люди, и там у них родились три сына; об этом времени так рассказывается или поется в священных преданиях и песнях: «В те времена, в начале, когда наши предки все еще жили во рту свившегося клубком Водного Змея [который свернулся кольцом вокруг деревни], случилось то-то и то-то», и в этой деревне были учреждены первые священные обряды.

За исключением Махараджи Сангена, три брата не остались в Бату Ниндан Таронг. Они покинули деревню и поселились в Верхнем мире и в нашем мире. Но сакральный народ не сохранил единства в этом мире. Племенной строй распался, члены племени ушли к другим рекам и поселились среди чужаков, и идея сакральной земли поблекла. Вместо племенной области теперь существует деревня, с которой вверху и внизу по течению соседствуют другие поселения. Мир и человечество (*калунен*) или человек как его часть — синонимы и называются одним и тем же термином *калунен*. Мир — это не что иное, как сакральная земля, а в сакральной земле живет только сакральный народ. Нгаджу называют свой мир (сейчас, свою деревню) различными именами, например *бату леву*, «родная деревня», *леву данумку*, «моя деревня и моя родная река». В мифах и песнопениях постоянно выступает словосочетание *леву инджам тинганг*, «деревня, предоставленная Водным змеем»; в других случаях она описывается как деревня, где птица-носорог радовалась Водному Змею. Подлинная родина человечества находится не в этом мире: Бату Ниндан Таронг существует в Верхнем мире. Здесь, на земле, человек живет лишь какое-то время, ему «одолженное», и когда приходит срок и он старится, то он навсегда возвращается в родной дом. Эта идея никак не связана с христианским влиянием; это древнее даякское представление, понять которое помогают изначальные сакральные события и связанный с ними образ мышления.

Даяки любят мир, в котором они рождаются и вырастают. Деревня даяка — самое большое и прекрасное место в целом свете, и он не променяет ее ни на что другое. Уходя из деревни, он берет с собой священные снадобья, которые гарантируют благополучное возвращение, а если он не

вернется, то его кости или его прах всегда будут доставлены в деревню, чтобы он обрел последний приют в сакральной земле. Описания деревни и мира в мифах и жреческих песнопениях проникнуты поэтической силой и красотой. Некоторые даяки, чаще всего женщины, до самой старости не покидают своей деревни: не потому, что им не представилось случая, но потому, что они просто не видели в этом никакой необходимости. Зачем покидать деревню? Зачем скитаться среди чужаков? Мир, безопасность, счастье и благополучие можно найти только в своей деревне, в своем мире, где тебя охраняет божество, где вокруг тебя по-матерински свился клубком изначальный Водный Змей, чье тело дает опору, а голова и хвост образуют замкнутый круг.

Любовь к собственному миру выражается в прощальной песни умершего, навсегда оставляющего родную деревню, чтобы войти в деревню мертвых. Его отпускает на волю Темпон Телон, и он странствует по Верхнему миру. Его лодка останавливается перед входом. Умерший еще раз смотрит вниз на свой мир и поет, обращаясь к своей деревне, реке и всем, кого он любил:

Я не могу до конца выразить мою сокровенную мысль,
Невозможно высказать, что наполняет мое сердце.
Я отбросил деревню, предоставленную Птицей-Носорогом,
как бросают бесполезное блюдо,
Я оттолкнул место, где широко рассеялись птицы-носороги,
как отвергают разбитую тарелку,
И я сам стал как брошенный камень, который никогда не вернется,
Я как отброшенный ком земли, который никогда не возвратится домой.

Это не безнадежность, это просто последнее «прости» покойного, и с этими словами лодка отплывает вверх — к истинному и вечному дому, куда возвращается мертвый и где его радостно встретят предки и все те, кто прошел по этому пути до него.

Мир, покоящийся на спине Водного Змея и окруженный его телом, — это благая, сакральная земля. Окрестность деревни, т. е. территория, которая не отграничена и не огорожена телом Водного Змея, — это чужая, страшная и жуткая земля, где даяк уже не чувствует себя дома, где он неохотно будет строить жилище, куда он ни за что не войдет без серьезнейших предосторожностей, не захватив с собой спасительные снадобья. Умершие дурной смертью лежат за пределами деревни, там же погребаются преступники, т. е. те, кто был исключен общиной и даже самим богом из сакрального народа. Они не обретают покоя среди сакрального народа и сакральной земли, Водный Змей не оберегает их прах, и хоронят их в невозделанной почве. Богу и человеку больше нет до них дела, и они навсег-

да извергаются ими, обреченные на одиночество и бесприютность, изгнанные в зловещие края. Там они живут в обществе тех, кто умер дурной смертью, т. е. погиб неестественным образом, в результате несчастного случая или вызывающей особый ужас болезни (*проказы, оспы*) в наказание за известный или неизвестный проступок. Божество навело на них «незрелую смерть» (*мантей манта*), отметило их знаком и навсегда извергло из общины живых и общины предков. Эта община несчастных и бездомных душ ведет существование злых духов в кустарниках и лесах, обступающих деревню. Иногда они нападают на людей, насылают на них болезни и лишают жизни...

Собственный мир — это центр всех миров, фокусная точка всего божественного миропорядка и гармонии. Это относится и к деревне, которая после крушения племенного строя переняла вышеописанные функции сакральной земли. Деревня также олицетворяет социальную и космическую целостность; деревня, как и космос, разделена на две части. Верхняя часть деревни (т. е. часть, лежащая вверх по течению, *нгаджу*) населена верхушкой племени, а в нижней части (*нгава*) живут низшие группы и рабы...

Сакральная земля — это земля божества. Она не только сотворена и охраняется божеством, она сама — божество, олицетворяющее целостность Верхнего и Нижнего миров, Махаталы и Йаты. Человек живет не просто в божественной земле, не просто в мире с божеством, но поистине в самом божестве, ибо сакральная земля — это часть Древа Жизни, она была создана из солнца и луны, расположенных по бокам от Древа потомков Золотой горы и Самоцветной горы, т. е. целостного божества.

Hans Scharer, *Ngaju Religion The Conception of God among a South Borneo People*, tr by Rodney Needham, The Hague 1963, pp 59–62, 65, 66

76
САКРАЛЬНЫЙ МИР И САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНАПОВ

Индейцы делавары (*или, как они сами себя называют, «ленапы»*) населяют огромную территорию на востоке Северной Америки — в частности, канадскую провинцию Онтарио, — а также Оклахому. Важнейший их публичный обряд назывался Новогодней церемонией Большого Дома и справлялся осенью, после сбора урожая. На лесной поляне устанавливалась громадная прямоугольная хижина — символ вселенной. Возведение

«Большого Дома» представляло собой ритуальное восстановление мира и обозначало начало нового года. В первый вечер обряда зажигался костер и участники, разодетые в свои лучшие одежды, занимали свои места вдоль стен. Вождь открывал церемонию молитвой Творцу:

«Благодарим за то, что столь многие из нас встретились здесь снова, и за то, что мы в силах добросовестно исполнять свои обряды. Мы будем собираться здесь двенадцать вечеров подряд, чтобы молиться Gicelĕmŭ'kaong, который научил нас поклоняться таким образом. И эти двенадцать лиц Misi'ng (вырезанные на столбах дома) присутствуют здесь, чтобы слышать и доносить наши мольбы до Gicelĕmŭ'kaong на верхнем небе. Мы пляшем сейчас затем, чтобы до него дошли наши мольбы.

Когда мы входим в этот наш дом, мы радуемся и благодарим за наше благополучие и за все то, что приносит нам радость и что Творец поместил здесь для нашей пользы. Мы приходим сюда, чтобы молить Его о милости в наступающем году, чтобы Он подал нам все, что нам нужно для счастья. Пусть у нас будет добрый урожай и пусть нас минуют ураганы, наводнения и землетрясения Мы все понимаем, что́ Он дал нам всем, дав жизнь; понимаем, что Он позволил нам молиться Ему и благодарить Его. Мы благодарны Востоку, ибо каждый радуется утром, пробуждаясь и видя яркий свет, идущий с Востока; а когда Солнце заходит на Западе, мы радуемся и благодарим за то, что нам хорошо; тогда мы благодарны Западу. И мы благодарны Северу, ибо, когда приходят холодные ветры, мы радуемся тому, что дожили до того времени, когда вновь облетает листва; и благодарны Югу, ибо, когда дует южный ветер и все дает весенние всходы, мы рады, что дожили до того, чтобы увидеть растущую траву и зелень вокруг. Мы благодарны Громам, ибо они — это *манитовук*, приносящие дождь, которым они повелевают по установлению Творца. И мы благодарны нашей матери — Земле, которую зовем матерью, ибо Земля носит нас и все, в чем мы нуждаемся. Когда мы едим, пьем, смотрим вокруг, мы знаем, что это Gicelĕmŭ'kaong доставляет нам радость. Он наделяет нас самыми чистыми мыслями, какие только бывают. Мы должны молиться Ему каждое утро.

У человека есть дух, и тело — это, похоже, одежда для духа. Вот поэтому люди должны заботиться о своем духе, чтобы достичь Неба и быть допущенными в обитель Творца. Нам отпущен некоторый срок для жизни на земле, а потом наш дух должен уйти. Когда наступает время покидать эту землю, следует идти к Gicelĕmŭ'kaong, радуясь в пути. Мы все должны молиться Ему, чтобы приготовиться к грядущим дням и чтобы мы могли оказаться вместе с ним после того, как покинем землю.

Все мы должны собраться с мыслями на этой встрече, чтобы Gicelĕmŭ'kaong смотрел на нас и подал нам все, о чем мы просим. Вы все приходите сюда молиться; вам приходится тянуться к Нему всю жизнь. Не думайте о злом; всегда старайтесь думать о том хорошем, что Он нам дал.

Когда мы туда придем, нам не нужно будет ничего делать, ни о чем заботиться — только жить счастливо. Мы знаем, что многие из наших отцов покинули эту землю и пребывают теперь в этом счастливом месте в Стране Духов Когда мы прибудем туда, мы увидим там наших отцов матерей, детей и сестер А подготовившись к тому, чтобы уйти туда, где пребывают наши родители и дети, мы чувствуем себя счастливыми

Там все выглядит более красивым, чем здесь, все выглядит молодым и новым, вода, плоды и все остальное — прелестно.

Там светит не солнце, *но свет куда более яркий*, чем солнце, Творец делает его ярче своей властью Все, *кто здесь умерли*, молодые и старые будут там сверстниками, увечные, искалеченные, *ослепшие будут выглядеть* там не хуже, чем остальные. Увечья наносятся только плоти; духу ничего не делается. Вот почему людей увещевают всегда помогать калекам и слепым Все, что вы делаете для них, будет вознаграждено Все, что вы делаете для *других*, потом зачтется. Пока в нас те мысли, что вложил Gicelĕmû'kaong *нам всегда будет хорошо*».

M R Harrington, *Religion and Ceremonies of the Lenape*, New York, 1921, pp 87—92

77

КОСМИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ КУЛЬТОВОГО ДОМА ДЕЛАВАРОВ (ЛЕНАПОВ)

Большой Дом символизирует Вселенную, его пол — земля, четыре его стены — четыре стороны света, его свод — небесный купол, на вершине которого восседает Творец в своем неописуемом величии. Как говорят делавары, если *Большой Дом — это мир*, то центральный столб — это посох Великого Духа, *упирающийся в землю*, а навершием касающийся руки Верховного Божества. Пол Большого Дома — это земная плоскость, на которой восседают три группы людей — социальные группы, каждая из которых занимает надлежащее место, восточная дверь — это точка восхода, где начинается день, и в то же время символ завершения, северная и южная стены обозначают соответствующие горизонты, крыша храма — это видимый небосвод. Земля под Большим Домом — это подземное царство, тогда как над крышей пролегают двенадцать расходящихся вширь слоев, или уровней, которые простираются вверх к обители «Великого Духа, самого Творца», как выражаются делавары Здесь уместно сказать о вырезанных лицах . изображениях на центральном столбе, являющихся зримыми символами Высшей Силы; изображения на вертикальных сто

бах — по три у северной и южной стены — олицетворяют маниту соответствующих зон; изображения на столбах восточной и западной дверей — маниту востока и запада... Но самая захватывающая аллегория проступает в образе Белого Пути, символа жизненного перехода, который мы встречаем в виде овальной, протоптанной танцорами дорожки, прочерченной на полу Большого Дома. От восточной двери дорожка сворачивает вправо, к северной стороне, ведет мимо второго костра к западной двери, затем двойным изгибом проходит вдоль южной стороны строения и восточного костра, возвращаясь к началу. Это путь жизни, которым человек направляется к северной двери, где все заканчивается Я предполагаю, что ему соответствует Млечный Путь, царство духов, где совершается посмертное путешествие души. Величаво шествуя Белым Путем на церемонии Большого Дома, своей ритмичной поступью танцоры идут по дороге существования. В этой церемонии находит свое символическое выражение не только жизненный путь, но и странствие души после смерти.

Frank G Speck, *A Study of the Delaware Indians Big House Ceremony*, Publications of the Pennsylvania Historical Commission, vol 2, Harrisburg, 1931, pp 22—23

78
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ АВСТРАЛИЙЦЕВ

С точки зрения аборигена, жизнь — это цикл, хотя он не всегда решится сказать, прерывистый это цикл или непрерывный. Найденный отцом в духовном мире, он воплощается в матери, чтобы вступить в земную жизнь. Но несколькими годами позднее, через врата инициации, он частично возвращается в сакральное время-сновидение, или небесный мир, покинутый им на время. Все дальше и дальше углубляясь в него — насколько позволяют нужды земной жизни, — он умирает и через другие врата, переходный обряд погребения, окончательно возвращается в сакральную жизнь духа на небе, в доме духов или тотемном центре, возможно, для того, чтобы повторить этот цикл позднее или навсегда окончить его. Для женщины центральная часть цикла отсутствует — говорить об этой части можно лишь в той мере, в какой эта женщина является средством воплощения для священных предсуществующих духов.

Имеется ряд интересных символов такого возвращения к духовному существованию. В северо-западной Австралии дух человека приходит через источник, ассоциирующийся с духом плодородия или жизни, инициация помогает ему осознать исток своей жизни и после прощальной погребаль-

ной церемонии прах покойного помещают в расположенную поблизости пещеру. В некоторых пустынных областях головная повязка из волос умершего, сохраняющая часть его духа, в конце концов возвращается в пещеру или источник мифического змея, из которого дух появился для воплощения. На северо-западе, в Земле Арнхема, прах помещают в тотемный гроб, отождествляя его с тотемом, а значит, с истоком жизни человека и природы. Наконец, кое-где в Восточной Австралии посвящаемый юноша входит в небесный мир, символизируемый на площадке для посвящения помеченными деревьями, а после смерти место его погребения также помечается для того, чтобы символизировать небесный мир, из которого произошла вся жизнь и куда он теперь возвращается.

A.P. Elkin, *The Australian Aborigines*, Garden City, New York, Doubleday and Co, 1964, pp. 336–337.

См. также текст 86.

79
СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (АВСТРАЛИЙСКИЕ АБОРИГЕНЫ)

Мы часто не способны понять, сколь малоосмысленным предстает наш образ жизни в глазах аборигенов, даже тех, кто по всем внешним признакам приобщился к цивилизации. Мне известны районы, где аборигены живут бок о бок с нами около шестидесяти лет и где по шесть месяцев в году, в засушливый сезон на севере, они играют очень ценную роль в нашей сельской жизни, прежде всего на овечьих пастбищах; они носят нашу одежду, бреются и моются, едят нашу пищу и выглядят весьма презентабельно. В конце этого срока они получают на руки небольшую долю своего заработка, которой им разрешено пользоваться, покупают кое-какие вещи (часто за непомерную цену), которые, на наш взгляд, смешны в руках взрослых мужчин, и затем вместе с семьями отправляются в дикие местности, сбрасывая с себя все вещи и все прочие атрибуты нашей культуры. Они расписывают себя, устраивают стоянки, охотятся, совершают ритуальный танец корробори, участвуют в тайных обрядах, и все это вопреки тому факту, что их социальная жизнь чрезвычайно деградировала и дезорганизовалась за те полвека, что они общаются с белыми. Мы, разумеется, можем думать, что их поведение, выражающееся в ежегодном возвращении к первобытной жизни, иррационально и обнаруживает неспособность оценить более высокий уровень жизни, к которому они приспосабливаются на шесть месяцев в

году. Но мы должны помнить две вещи: во-первых, единственная сторона нашей жизни, с которой эти коренные сезонные рабочие близко знакомы, — сторона экономическая и материальная, и поэтому у них нет оснований полагать, что наш образ жизни представляет для них бóльшую ценность, чем их собственный; он им небезынтересен, главным образом, потому, что помогает им, по всей видимости, удовлетворять нас и приобретать кое-какие предметы, которые, на их взгляд, полезны или привлекательны. Во-вторых, наша экономическая жизнь не является их жизнью, будучи лишь внешним средством, или орудием, благодаря которому они достигают очевидных практических целей, но эта жизнь не связана с их духовной жизнью; с другой стороны, время, проводимое на природе, охота, раскраска, ритуальные церемонии — это их жизнь, обладающая для них значением. То, что они делают там, они делают для себя, и с помощью обряда они поддерживают связь с древними героями и предками, осуществляют свою общинную жизнь и утверждаются в надеждах на будущее.

Данный факт помогает понять, почему для туземной молодежи сохраняют свою привлекательность посвящение и тайная жизнь несмотря на другие соблазны и влияние миссионеров и других «агентов» цивилизации. Но это означает, что они движутся в двух направлениях, выглядящих несовместимыми друг с другом. Каков же итог? Существуют две возможности: миссионер или агент цивилизации может добиться успеха и положить конец инициации и другим тайным обрядам либо настолько овладеть умами подрастающего поколения, что старики сделают инициацию чистой формальностью, не дающей доступа к полноценной тайной жизни племени. Но это означает подрыв авторитета племени и утрату знания, не говоря уже об уважении к идеалам, — знания эмоций и санкций, необходимых для сплоченности племени; в Австралии такое состояние сопровождает вымирание племени и служит причиной этого явления. Другая возможность — по крайней мере, временная — это неудача миссионеров и других агентов цивилизации. Старики и романтический ореол тайной жизни побеждают. Миссионер может и не осознавать этого, так как он легко полагается на внешнее соблюдение требований и учения, и если он не сведущ в языке и тайнах племени, то иначе и быть не может. Однако медленно и неотвратимо, шаг за шагом, молодежь продвигается по тайному пути и в глубине души отходит все дальше и дальше от учений и мировоззрения белого человека. Утром вы увидите аборигена, который на первый взгляд исполняет свою роль на пастбище, на территории миссии или в церкви. Но после полудня вы увидите его же, полностью увлеченного совершением тайного обряда или священным мифом, рассказываемым старейшинами, — возможно, это происходит всего в миле от миссии или пастбища, но они разделены целой эпохой. Да, когда вы увидите его там, вы поймете, где он отыскивает смысл жизни, кодекс поведения и надежду на будущее. И пока жизнь племени не

будет поколеблена, раньше или позже он потратит немало времени, путешествуя по тропам и местностям, освященным странствиями и подвигами великих героев старины и совершая обряды, от которых зависит жизнь племени и природы.

Итак, в чем же заключается тайная жизнь аборигенов? Это жизнь существующая отдельно, — жизнь обряда и мифологии, священных обрядов и предметов. Это жизнь, в которой человек находит свое настоящее место в обществе и природе, в которой он соприкасается с невидимыми вещами из прошлого, настоящего и будущего. Всегда и всюду можно найти племя или группы аборигенов из нескольких племен, покидающие пределы будничного мира. Устраивается особый лагерь, где женщины остаются до тех пор, пока некоторых из них не позовут играть вспомогательную роль в церемонии. Затем мужчины отходят примерно на милю в тайное место, где они проводят часы, а может, даже дни, недели и месяцы, поют, совершают обряды, иногда даже едят и спят. Когда же они позднее возвращаются в обыденный мир, их ум и дух освежены. Они готовы противостоять превратностям повседневности с новой отвагой и силой, почерпнутыми из общего участия в обрядах, с освеженным пониманием своих социальных и нравственных идеалов и моделей жизни, с уверенностью в том, что правильное и добросовестное исполнение обрядов обеспечит благополучие им самим и той части природы, с которой столь тесно связана их жизнь

A P Elkin, *The Australian Aborigines*, Garden City, New York Doubleday and Co , 1964, pp 168–171

80
ФАЗЫ САКРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (ДАЯКИ НГАДЖУ, ЮЖНЫЙ БОРНЕО)

Жизнь — это не гладкий непрерывный процесс, но череда последовательных стадий. Есть жизнь и смерть, становление и убывание, и благодаря этому чередованию человек постоянно возвращается в первоначальную эпоху тем самым он становится объектом творческой деятельности божества которая вводит его на новую жизненную стадию в качестве нового человека, пока он не достигнет высшей стадии подлинного и совершенного человека, пока, наконец, восхождение не приведет его к высшей точке — не просто богоподобия, но настоящей божественности. Все обряды перехода связанные с рождением, инициацией, браком и смертью, сходны тем, что в каждом случае они повторяют драму первотворения. Человек умирает и возвращается в божественную цельность, к Древу Жизни, после чего бож

ство возобновляет творение, и человек снова возникает из Древа Жизни как новое создание...

Брак Брачная церемония со всеми ее обрядами длится довольно долго и проводится старейшинами, которые время от времени сообщают молодой паре, что той надлежит делать Невеста должна обхватить Древо Жизни правой рукой с поднятым указательным пальцем. Затем и жених обхватывает палец невесты и Древо жизни правой рукой с поднятым указательным пальцем...

Что в действительности обозначает свадьба? Из сказанного выше явствует, что она имеет более глубокий смысл и как-то связана с представлением о Боге и творении. Это не просто социальный акт, речь идет не столько об образовании семьи, сколько об одном из важнейших религиозных действ. Жениться — значит вступить в новую стадию сакральной жизни. Свадьба означает безвозвратный уход чего-то старого и появление нового, это смерть и жизнь, уход и возникновение. Это событие такого же порядка, как рождение, инициация и смерть. Молодая пара умирает Умирание осуществляется через представителя, каковым может быть, например, голова, захваченная в набеге или отсеченная у принесенного в жертву раба: в голову втыкается копье, или ствол Древа Жизни. По старому сообщению Шванера, в прежние времена молодых приводили на реку, к воде которой подмешивалась кровь принесенного в жертву раба, и погружали в воду Погружение означает смерть, но умирание совершалось через посредника, т. е. раба. Ныне в качестве замены используется кокосовый орех. Таким образом, молодожены возвращаются в мифическое изначальное время. Они возвращаются к Древу Жизни. Об этом возвращении свидетельствует обхватывание Древа Жизни женихом и невестой. Обхватывание означает нахождение внутри Древа Жизни, единение с ним В обрядовых действиях божество возобновляет творение, и благодаря этому молодожены покидают Древо и возвращаются в жизнь, начиная новое существование в новом мире, в новом статусе, в новой жизни. Свадьба — это возобновление творения, возникновение первой пары людей из Древа Жизни. Молодожены — это первая пара людей, и в своем брачном союзе с его функциями, обязанностями и правами они суть также цельное божество... Освященный обрядом брак по сути своей моногамен, как был моногамен брак двух первопредков. Но чем является брак с точки зрения божественных заповедей? Брак приносит с собой телесный союз, половое общение, порождение детей Если эти условия не выполняются, брак перестает напоминать Древо Жизни, порождающее детей· это засохшее дерево, более не являющееся браком Подобный брак, может быть расторгнут (в соответствии с правом), либо в дополнение к первой может быть взята вторая жена, что не является нарушением *адата*[1], в отличие от ситуации, когда первая жена отвергается просто потому, что она состарилась и муж влюбился в молодую.

или когда мужчина имеет более двух жен. В этом отношении концепция брака также весьма возвышенна. Разделение труда между мужчиной и женщиной, равно как и взаимные права и обязанности, регулируются посредством творения и божественных заповедей, и эти правила характеризуются замечательным нравственным уровнем. Во многих отношениях женщины даяков защищены законами лучше, чем их европейские сестры

Рождение. Мы воздержимся от описания всех религиозных ритуалов и церемоний, предшествующих рождению, окружающих его и следующих за ним. Мы зададимся лишь одним вопросом: что означает рождение с точки зрения представлений о Боге. Период беременности — это сакральное время. Количество *пали*[2] многократно возрастает. *Пали* относятся не только к будущей матери, но и к отцу, и эти правила демонстрируют неразрывное и органичное религиозное единство мужа и жены. Они суть цельное божество и Древо Жизни, в их соединении и приходе новой жизни — зрелого плода с Древа Жизни. Любое погрешение против этого единства любое нарушение *пали*, окружающих это единство, словно прочная изгородь, ведет к гибели Древа Жизни и его плода. Ребенок происходит от Древа Жизни... Эти единство и цельность существуют не только в продолжение беременности, но и во время родов, и длятся до сорокового дня после разрешения от бремени.

Инициация. Два вышеописанных обряда принадлежат к инициационным обрядам, в которых осуществляется переход с одной стадии сакральной жизни на другую, но ими никоим образом не исчерпывается список подобных церемоний. Совершается также ритуальное омовение младенца в реке или в доме, через несколько дней или недель после рождения. Ребенка отвозят на середину реки в священной лодке, имеющей вид Водного Змея, разукрашенного тканями и флагами, и здесь, при входе в Подземный мир, погружают в воду. Смысл этого обряда ясен. С помощью божества (лодки) община целиком возвращается в Подземный мир и предает ребенка воле божества, одаривающего дитя новой жизнью, чтобы оно могло вернуться в мир как новое человеческое существо. Хотя изначально это дело Йаты[3], божество Верхнего мира тоже принимает участие в ритуальном омовении. Перед началом обряда жрец призывает обоих высших богов и просит их открыть источники живой воды и впустить ее в реку, чтобы ребенок погрузился в воду жизни, проистекающую из Верхнего и Нижнего миров. Речная вода сама по себе бесполезна, и весь обряд был бы тщетен если бы его не освящали согласие, присутствие, живая вода и участие цельного божества. Сакральное омовение обозначает здесь (как всегда и всюду, где оно совершается) возвращение к божеству и возобновление жизни в божестве и с помощью божества.

Другие посвятительные обряды связаны с первым шагом ребенка по земле, первым прикосновением к плодовому дереву и так далее.

Настоящие посвятительные церемонии, совершаемые в течение и по окончании отрочества, имеют большое значение. Прежде юноши проводили целые ночи в *балаи* (дом собраний и гостевой дом), а не у себя дома. Там они находились под присмотром одного из старейшин, отвечающего за их обучение правам и обязанностям взрослых мужчин, которыми им предстоит стать. В это время они обучались праву, тайнам охоты за головами и войны, мужским работам, военным пляскам и играм. В это же время им (как и девушкам) подпиливались зубы, и они совершали тайное обрезание. Мы мало знаем о том, что означают два этих действия. Анимистическая и динамистическая интерпретация почти не выдерживает критики, и вероятно, мы должны видеть в этих поступках частичное самопожертвование, связанное с полным обновлением человека, так как они не стоят особняком, но образуют единое целое со всеми другими. Молодой мужчина становится полноправным членом общества благодаря прохождению посвятительных обрядов, первому соучастию в человеческом жертвоприношении и охоте за головами, приобретению дорогого имущества из разряда *пусака* (священные сосуды, гонги, оружие)...

В прежние времена с приближением полового созревания девушек запирали (*баково*) — иногда на два или три года — в отдельную пристройку над спальней родителей или рядом с нею. Это помещение (*ково*) тождественно *рахан*, упоминаемому в мифах и изображаемому на жреческих картах, где оно обозначает изначальные воды. Все обряды, связанные с этим периодом, демонстрируют, что девушку уводят в Подземный мир. Она остается там определенное время, по окончании которого превращается в водную змею. На церемонии, посвященные окончанию периода *ково*, собирается вся община; люди приходят из соседних поселений и сообща приступают к ритуальному разрушению помещения, после чего ведут девушку к реке для ритуального омовения. После омовения она возвращается из Подземного мира на землю и в качестве нового человека начинает новую жизнь полноценного — в социальном и религиозном смыслах — члена общины. Во время периода *ково* девочкам обычно прислуживала старая и уважаемая рабыня, обучавшая их женским правам, обязанностям и заботам. В даякской литературе имеется множество мифов о *баково*; в них повествуется о том, что после уничтожения всего космоса (обычно по вине людей) в живых осталась только девушка, находившаяся внутри высокого дерева или скалы. С ней можно было разговаривать через крохотное отверстие, но увидеть ее было нельзя. Ей давалось сырье для искусных работ (ткачества или плетения циновок), и некоторое время спустя она возвращала прекрасно выполненные вещи. В период *баково* девушка неприкасаема. Это может окончиться не только ее смертью (т. е. тем, что она останется в Подземном мире

навсегда), но и крушением всего мироздания, спасением от которого может стать только принесение в жертву человека. Об этом тоже недвусмысленно говорится в мифах. Обычно речь идет о юноше, сгорающем от любви к заточенной девушке. Он пытается вызволить ее из дерева или скалы и потерпев неудачу, в отчаянии отсекает руку своей любимой. После этого отверстие закрывается, и девушка исчезает навсегда. Период *ково* сакрален. Девушка живет с божеством. Она пребывает в другом мире и в другом времени — среди первых вод в первоначальном времени, в нем зреет творческая, благая деятельность того времени, которую ничто не должно нарушить или уничтожить, ибо любое нарушение означает вмешательство в дела другого мира, и гневный, мстительный божественный судия карает за него уничтожением космоса. По окончании периода *ково* девушка вновь подчиняется земным законам...

Смерть. Самой важной и завершающей стадией человеческой *жизни* является смерть. Она означает не уничтожение и не гибель жизни, но *возвращение в родной божественный мир, в социальное и божественное* единство мифического первовремени. Смерть — это переход в новое существование, в новую и настоящую жизнь. Таким образом, это событие того же рода, что и *рождение, инициация,* брак; смерть не просто важнейшая из всех жизненных стадий, она удостаивается самого полного и детализированного церемониального выражения: все другие стадии достигают своей кульминации и окончательного разрешения в этой, последней.

Умерший выводится из обыденного времени и законов этого мира и вновь помещается в эпоху мифической древности. Это демонстрируют погребальные обряды и изготовление гроба. Гроб имеет форму лодки. Но это не только лодка, изначальное назначение которой — служить в путешествии умершего в деревню мертвых, в путешествии по озерам и рекам. Этим не объясняется форма гроба. Гроб — это не только лодка, но и Птица-Носорог или Водный Змей. Гроб в виде Птицы-Носорога предназначен умершей, в виде Водного Змея — умершему. Стенки гроба украшают нарисованной или вырезанной лианой, олицетворяющей Древо Жизни и носящей его название. Весь гроб украшается разноцветными точками. Они символизируют *золото и драгоценные камни* и носят названия Золотой Горы и Горы Драгоценных Камней мифической древности. Гроб снабжают тотемными эмблемами: *тканью — женский, трубкой для* отравленных стрел и мечом — мужской.

Что означает этот гроб? Это лодка, Древо Жизни, божество и первоначальная гора. Мы вправе сказать, что это материальное воплощение космогонического мифа. Два гроба тождественны двум лодкам, в которых первая супружеская пара плыла по водам жизни. Они называются так же как и те две лодки (*банама хинтан* и *банама булау* соответственно). Более того, они тождественны Древу Жизни (лиана), ибо они произошли из

него и потому они — само Древо. Они также божество, ибо целостное божество — это в действительности Древо Жизни. Наконец, они тождественны также двум изначальным горам, ибо из их соприкосновения произошел головной убор Махаталы, откуда берет начало Древо Жизни. Таким образом, гроб — это космическая/божественная цельность правремени, и эта цельность тесно связана — логически и теологически — с космогоническим мифом. Умершие возвращаются к целостному божеству и спасительному состоянию изначального времени, чтобы слиться и навсегда остаться с ними.

Погребение, как и многие важные обряды, отчетливо демонстрирует, что умершие разделяются на две категории: одни ассоциируются с Верхним, а другие — с Нижним миром. Однако эта дихотомия вытекает не просто из различия полов, но, как мы уже видели, связана с божественной и социальной дихотомией. Поэтому нам следует говорить не просто о мужском или женском гробе, так как прежде оба вида гробов, несомненно, принадлежали двум группам, одна из которых была связана с Верхним миром и использовала гробы в виде Птицы-Носорога, тогда как другая была связана с Нижним миром и использовала гробы в виде Водного Змея.

Несмотря на эту дихотомию, которая также играет важную роль в проводах умершего во время погребальных обрядов, сегодня гораздо сильнее подчеркивается идея единства. Умерший возвращается к мифической изначальной древности, к божественной целостности, в первобытную деревню Бату Ниндан Таронг. В правремени он снова оказывается в Древе Жизни и в божестве, и божество заново творит его. Умерший вновь становится первым человеком, плывущим в лодке, которая сама является божеством, по первоначальным водам, пока он не попадает в деревню мертвых, где навсегда соединяется с предками. Человек произошел из божества. Божество вело его через различные этапы жизни до самой смерти, пока он не возвратился в божество и не получил новую жизнь и новое существование в Верхнем мире, который он когда-то покинул и с которым он больше никогда не разлучится.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закон, обычай, правильное поведение

[2] Табу

[3] Божество Подземного мира и первоначальных вод

Hans Scharer, *Ngaju Religion The Conception of God among a South Borneo People*, tr by Rodney Needham, The Hague, 1963, pp 81–94

81
САКРАЛЬНАЯ ЭРА
(ДАЯКИ НГАДЖУ, ЮЖНЫЙ БОРНЕО)

Сакральная эра этого мира, созданного и подаренного божеством, имеет начало и конец. Началом было его сотворение, конец произойдет по прошествии времени. Строго говоря, эта эра длится всего год. Ее начало — появление *патендо* (созвездие Ориона) и начало полевых работ. Течение года прежде всего определяется разнообразными трудами на рисовых полях, начинающимися во второй половине мая. В это время мужчины под руководством деревенского старейшины отправляются в лес на поиски мест, где можно разбить поля. Каждая семья разбивает собственное поле, помечая просеку как свое владение. Первым делом вырубаются кусты, лианы и высокие деревья. С середины августа до середины сентября срубленные и высохшие стволы сжигаются, удобряя землю золой. С середины сентября до середины октября засевается рис. Урожай собирают с февраля по март. В течение сакрального года жизнь, работа и разделение труда между мужчинами и женщинами неукоснительно подчиняются божественным установлениям и сообразуются с волей целостного божества.

Труднейшие полевые работы — рубка и сожжение деревьев, постройка изгородей и полевых хижин — исполняются только мужчинами. В севе и сборе урожая участвуют и мужчины, и женщины. Охрана полей от набегов зверей (обезьяны, олени, дикие кабаны) и прополка — удел женщин. На это время мужчины отправляются торговать или на поиски лесных плодов.

В течение сакрального года трудовые соглашения не могут расторгаться. Вся община образует единое целое, и произвольное или намеренное разрушение единства навредит не только участникам, но и посевам.

Сакральный год (а вместе с ним мировая эра) завершается сбором урожая. Два-три месяца между сбором урожая и возобновлением полевых работ называются *хелат ньело*, межсезоньем. В течение нескольких недель этого периода справляется так называемый праздник урожая или нового года. Однако исполняемые церемонии показывают, что этот праздник имеет гораздо более глубокое значение. Дело не только в том, что снят еще один урожай или прошел еще один год: дело куда серьезнее, ибо миновала целая эпоха в существовании мира, период творения завершен. И люди возвращаются с полей не просто в деревню, но в изначальное мифическое время начала всего. Люди возвращаются в Древо Жизни и божественную целостность, живут и действуют в них. Как нельзя лучше это явствует из снятия всех мирских ограничений и подчинения заповедям мифической древности и целостного/амбивалентного божества.

Особое внимание мы должны уделить периоду *хелат ньело*. Как мы уже сказали, это период, когда все возвращаются с полей в деревню. Это время, когда собираются представители всей общины, когда жители различных деревень любой области (которая равноценна былой цельности и единству племени) сообща справляют праздники, совершают обряды, устраивают спортивные состязания, рыбачат или охотятся, ритуально украшая свои копья и снаряжение (копья — лентами или плетеными повязками, снасти — космическими расцветками). Этот обычай свидетельствует о подчеркивании целостности в ее космическом/божественном и социальном значении. Это радостный и возвышенный период, когда совершаются большие жертвоприношения, и по истечении мировой эры (старого года) повторяется акт творения, обновляющий весь космос. В это время Йата[1] *выныривает из первоначальных* вод, а Махатала[2] спускается с изначальной горы, соединяясь — лично и своими тотемными эмблемами — в Древе Жизни, от которого берет начало новое творение. (Воздвижение Древа Жизни — один из важнейших актов церемонии.) В это время происходит убыль и становление космической/божественной и социальной целостности. Жизнь и законы не уничтожаются, но рождаются, ибо старое погибает, и возникает новое. Речь идет не о беспорядке (хотя нам может показаться, что дело обстоит именно так), но об ином порядке. В продолжение этого сакрального периода имеет место возвращение к космическому/божественному, социальному и половому единству и цельности. Люди живут и действуют в целостном/амбивалентном божестве и в Древе Жизни. В это время они суть амбивалентное божество и амбивалентное Древо Жизни, и они остаются таковыми до возобновления творения, возрождения мира, отделения групп от Древа Жизни и нового утверждения всего мирского, космического/божественного и социального порядка. Когда праздник достигает кульминации, его участники обмениваются супругами и вступают в половое общение. Этот групповой половой акт не является прелюбодеянием или прегрешением против *адата*[3], не нарушает и не уничтожает космический/божественный порядок; это единение Верхнего и Нижнего миров, Махаталы и Йаты в личной и половой цельности и единстве. Он совершается в согласии с заповедями целостного/амбивалентного божества, и совершающие его отождествляются с самим целостным божеством. Считать это действо беспорядком или развратом либо видеть в нем рудимент древнего промискуитета — значит смотреть на него глазами европейца, с европейской точки зрения. Оно совершается в строгом соответствии с законами, упорядочивающими период «межсезонья» и может быть понято лишь в связи с концепцией Бога и космогоническим мифом. В них его основание и религиозный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Божество Подземного мира или первоначальных вод.
[2] Божество Верхнего мира.
[3] Закон, обычай, правильное поведение.

Hans Scharer, *Ngaju Religion: The Conception of God among a South Borneo People*, tr. by Rodney Needham, The Hague 1963, pp. 94–97.

82
ОХОТА КАК СВЯЩЕННОЕ ЗАНЯТИЕ (ИНДЕЙЦЫ НАСКАПИ, ПОЛУОСТРОВ ЛАБРАДОР)

С точки зрения индейцев наскапи — охотников, обладающих самыми скудными средствами к существованию, — между животными, обитающими в лесу, тундре, внутренних и прибрежных водах, и людьми существуют особые отношения. Они стали объектами увлекательной магико-религиозной деятельности, так как для наскапи охота — священное занятие. Чувства и жизненные цели животных мало чем отличаются от человеческих. Различие между людьми и животными, по их представлениям, заключается преимущественно во внешней форме. В начале мира, до появления людей, все животные жили по «племенам» своего рода, умели говорить, подобно людям, и даже пользовались такой же защитой. Обращаясь к животным в своих песнопениях или ударяя в барабан, заклинатель использует выражение, которое означает примерно следующее: «Ты и я покрыты одним и тем же покровом, мы имеем один ум и одну духовную силу». Это утверждение не означает ни того, что человек покрыт шерстью, ни того, что животные носят одежду, — просто их духовное равенство превосходит и затмевает физические различия.

Эти местные учения не претерпели никаких изменений с XVII века, когда они были записаны французскими священниками. «Они верят в то, что многие виды животных имеют разумную душу. Они суеверно воздерживаются от осквернения определенных костей лося, бобра и других зверей и не дают их грызть собакам. Они бережно их хранят или бросают в реку. Они воображают, будто души этих зверей присматривают за тем, как обращаются с их телом, а затем рассказывают живым и мертвым сородичам, так что при плохом обращении звери данного вида больше не будут даваться им в руки ни в этом, ни в ином мире» (отец Ле Клерк, 1691).

Аналогичное верование центральных алгонкинов сжато описывает Уильям Джоунз: «Считалось, что каждое живое существо обладает душой и что овладение душой позволяло завладеть носителем души. В полном согласии с подобной теорией охотились оджибве».

Таким образом, убийство животных влечет за собой немалую ответственность. Поскольку после смерти и перед последующей реинкарнацией духи животных собираются в надлежащих местах, с теоретической точки зрения их убийство ставит охотника в положение их врага. Однако в обычном смысле слова это не так, потому что таков установленный порядок вещей, к которому они приспособились и привыкли. Но в обращении с животными существуют требования, которые охотник обязан знать и соблюдать. От этих знаний зависит его успех; а поскольку, утверждают они, никто не может знать всего и поступать совершенно, предмет магико-религиозной науки становится — даже с их точки зрения — неисчерпаемым. Поэтому неудача на охоте, исчезновение дичи в охотничьих угодьях и, как следствие, нехватка пищи, голод, слабость, болезнь и смерть объясняются пренебрежением охотника к некоему принципу поведения с животными или намеренным неуважением к ним. Первое — это невежество. Второе — грех. Две этих сферы и составляют образовательный горизонт наскапи, и учеба эта весьма трудна, хотя цивилизованному воображению она может показаться не более чем пародией на умственную подготовку.

F.G. Speck, *Naskapi. The Savage Hunters of the Labrador Peninsula*, Norman, Okla. University of Oklahoma Press, 1935.

83

СВЯТОСТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ: АХУРА МАЗДА НАСТАВЛЯЕТ ЗАРАТУШТРУ

(«Видевдат», фрагард III)

«Несчастна земля, долго лежавшая незасеянной семенем сеятеля и ждущая доброго хозяина, как статная девица, остающаяся бездетной и ждущая доброго мужа.

Возделывающему землю, о Спитама Заратуштра! левой рукой и правой, правой рукой и левой, она родит плоды в изобилии: так возлюбленный возлежит с невестой на ее постели: невеста родит детей, земля родит плоды в изобилии.

Возделывающему землю, о Спитама Заратуштра! левой рукой и правой, правой рукой и левой, так сказала Земля: «О человек, возделывающий меня

левой рукой и правой, правой рукой и левой, вот, я всегда буду плодоносить, рождая всевозможную пищу, рождая хлеб тебе первому».

Не возделывающему землю, о Спитама Заратуштра! левой рукой и правой, правой рукой и левой, так сказала Земля: «О человек, не возделывающий землю, левой рукой и правой, правой рукой и левой, ты всегда будешь стоять у чужих дверей среди тех, кто выпрашивает хлеб; объедки и крошки принесут тебе те, чье огромно богатство».

[Спрашивает Заратуштра:] О создатель телесного мира, Святой! Какая пища насыщает веру Мазды?

Отвечает Ахура Мазда: «Засевай хлеб вновь и вновь, о Спитама Заратуштра!

Сеющий хлеб сеет праведность; он поддерживает веру Мазды, он поддерживает веру религию Мазды, словно у него ноги ста мужей, груди тысячи жен, десять тысяч жертвенных формул.

Когда был создан ячмень, дэвы содрогнулись, когда он начал расти, сердца дэвов впали в уныние, когда набухли зерна, дэвы взвыли, когда поднялись колосья, дэвы бежали. В том доме поселяются дэвы, где гибнет пшеница. И словно раскаленное железо ворочается в их глотках, когда в доме много хлеба».

J. Darmester, *The Zend-Avesta*, part I, in *Sacred Books of the East*, IV, Oxford, 1895, pp. 29–31

84
ПОЧТЕНИЕ К ЖИЗНИ У ДЖАЙНОВ

(«Ачаранга-сутра», I, 1)

Земля удручена и несчастна, трудно учить, нет способности различения. Непросвещенные, страдающие от последствий прошлых деяний, приносят великую боль в мир, который и без того полон боли, ибо на земле души облекаются в особые тела. Если, замышляя достичь хвалы, почести или уважения... или обрести доброе перерождение... или удостоиться спасения, или избежать боли, человек погрешает против земли либо вынуждает других поступать так... он не обретет ни радости, ни мудрости... Причинить ущерб земле — все равно что избить, изрубить, искалечить, убить слепца... Зная это, человек не должен грешить против земли либо принуждать к этому других или позволять им. Понимающий суть греха против земли зовется истинным мудрецом, понимающим карму...

И в воде получают воплощение многие души. Поистине, вода... живая... Причиняющий ущерб живущим в воде не понимает природы греха и не отвергает его... Зная это, человек не должен грешить против воды либо принуждать к этому других или позволять им. Понимающий суть греха против воды зовется истинным мудрецом, понимающим карму...

По злобе или легкомыслию можно уничтожить существа, живущие в огне, и более того — навредить другим существам с помощью огня... Ибо есть создания, живущие в земле, траве, на листьях, на деревьях, в навозе или пыльных кучах, скачущие создания, которые... попадают в огонь, оказавшись поблизости от него. Тронутые огнем, они сморщиваются... теряют чувства и умирают... Понимающий суть греха в отношении огня зовется истинным мудрецом, понимающим карму.

И как человеку подобает родиться и стареть, так и растению подобает родиться и стареть... Он наделен разумом, и оно наделено; он болеет, терпя ущерб, и оно болеет; он растет, и оно растет; он меняется со временем, и оно меняется... Понимающий суть греха против растений зовется истинным мудрецом, понимающим карму...

Всем существам с двумя, тремя, четырьмя или пятью чувствами... поистине, всякой твари ведомы личное удовольствие и неудовольствие, боль, страх и скорбь. Все существа исполнены страхов, подступающих отовсюду. И все равно находятся люди, которые причиняют им еще бóльшую боль... Одни убивают животных для принесения в жертву, другие — ради шкур, мяса, крови... перьев, зубов или бивней... одни убивают преднамеренно, другие — непреднамеренно; одни убивают из-за понесенного прежде ущерба, другие — из опасения будущего ущерба. Вредящий животным не понял деяний греха и не отрекся от них... Понимающий суть греха против животных зовется истинным мудрецом, понимающим карму...

Человек, которому противно причинить вред даже ветру, знает скорби всего живого... Знающий, что дурно для него, знает, что дурно для других, а знающий, что дурно для других, знает, что дурно для него. Об этой обоюдности нужно помнить всегда. Те, чей дух пребывает в мире, те, кто свободен от страстей, не желают жить [за чужой счет]... Понимающий суть греха против ветра зовется истинным мудрецом, понимающим карму.

Короче говоря, тот, кто понимает суть греха в отношении всех шести типов живых существ, зовется истинным мудрецом, понимающим карму.

Theodore de Bary, *Sources of Indian Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp 62–63

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУДЬБА ДУШИ — СИЛЫ МАНА

85

ДУШИ, СНОВИДЕНИЯ, СМЕРТЬ, ЭКСТАЗ

(Теория анимизма Э. Б. Тейлора)

Для понимания распространенных представлений о человеческой душе или духе поучительно обратить внимание на те слова, которые были сочтены подходящими для их выражения. Призрак, или фантом, являющийся спящему или духовидцу, пребывает в несубстанциональной форме, подобно тени или отражению, и в силу этого для обозначения души используется знакомое нам слово *тень*. Так, у тасманийцев тень и дух обозначаются одним и тем же словом, алгонкины называют душу человека *отахчук*, «его тень»; в языке киче *натуб* означает «тень, душа»; аравакское слово *уэха* имеет значения «тень, душа, образ», а абипоны используют слово *лоакаль* в значениях «тень, душа, эхо, образ». Мало того, что зулусы обозначают словом *тунзи* тень, дух, призрак: они считают, что после смерти тень человека каким-то образом отлетает от тела, чтобы стать духом предка. Басуто называют дух, остающийся после смерти, *сериmи*, или «тень»; кроме того, они полагают, что, когда человек ходит по берегу реки, крокодил может схватить его тень на воде и утащить его к себе; в то же время в Старом Калабаре мы обнаруживаем аналогичное отождествление духа с тенью, или *укпон*, потеря которой оборачивается гибелью. Таким образом, у первобытных народов обнаруживаются не только типы уже знакомых нам классических понятий — *skia* и *umbra* (тень, греч. и лат.), но и представления, которые, видимо, лежат в основе историй о человеке без тени до сих пор весьма распространенных в европейском фольклоре и известных современному читателю по новелле Шамиссо о Петере Шлемиле. Так, мертвец в Чистилище понял, что Данте жив, когда увидел, что

отличие от умерших, тот отбрасывает тень. В понятие души и духа вкладываются и другие атрибуты, причем особое внимание уделяется им как первопричине жизни. Так, карибы, связывающие пульсацию сердца с духовными существами и особо подчеркивающие, что в сердце обретается главная душа человека, которой уготована небесная жизнь, с полным основанием обозначают одним и тем же словом душу, жизнь, сердце. Тонганцы считали, что душа распространена по всему телу, но главное ее седалище — сердце...

Акт дыхания, неотъемлемо присущий высшим животным при жизни, прекращение которого столь тесно совпадает с отлетающей жизнью, постоянно и вполне естественным образом отождествляется с самой жизнью или душой... Поэтому западные австралийцы обозначают «дыхание, дух, душу» одним словом *вауг*; в калифорнийском языке нетела *пиутс* — это «жизнь, дыхание, душа»; некоторые гренландцы приписывают человеку две души — его тень и его дыхание; малайцы утверждают, что душа умирающего ускользает через ноздри, а на Яве пользуются одним словом *наua* для «дыхания, жизни, души». Сколь тесно объединяются представления о жизни, сердце, дыхании и призраке в одном понятии духа или души и сколь в то же время смутны и неотчетливы такие идеи у варварских народов, явствует из ответов, полученных в ходе религиозного дознания 1528 года от коренных обитателей Никарагуа. «В миг смерти из уст исходит нечто, похожее на человека и называемое *йулио* [ацтекское *йули*, что значит «жить»]. Это существо отправляется туда, откуда приходят мужчины и женщины. Оно подобно человеку, но не умирает, а тело остается здесь».

...Представление о душе-дыхании прослеживается также в семитской и арийской этимологии, а стало быть, в главных течениях мировой философии. Еврейское слово *нефеш* «дыхание» имеет также значения «жизнь, душа, разум, животное», в то время как *руах* и *нешамаш* совершают схожий переход от «дыхания» к «духу»; им соответствуют арабские *нафс* и *рух*. Такова же эволюция санскритских *атман* и *прана*, греческих *псюхе* и *пневма*, латинских *анимус*, *анима*, *спиритус*. Так, славянский *дух* проделал путь от «дыхания» к «душе» и «духу», а в диалектах цыган имеется слово *дук*, обозначающее «дыхание, дух, привидение», причем не вполне ясно, принесено ли оно этими париями из Индии и составляет ли оно часть арийского языкового наследства либо оно было заимствовано во время цыганских миграций по славянским землям. Очень может быть, что немецкое *гайст* и английское *гост* также изначально обозначали дыхание. И если кто-либо решит, что такие выражения имеют чисто метафорическое происхождение, то о силе предполагаемой связи между дыханием и духом

---

* В Ригведе упоминаются «бестенные» кони Индры То же самое слово есть и в Авесте «бестенные» кони Митры — *Прим ред*

можно судить по примерам, не подлежащим двоякому толкованию. Когда среди флоридских семинолов женщина умирает во время родов, новорожденного держат над ее лицом, чтобы он принял в себя ее отходящий дух, приобретя тем самым силу и знания, которые пригодятся ему в будущем. Индейцы-семинолы прекрасно поняли бы, почему ближайший родственник древнего римлянина склонялся над его смертным одром, чтобы принять последний вздох умирающего (*et excipies hanc animam ore pio* — «и тебе надлежит благоговейно принять устами эту душу»). Схожее умонастроение господствует и ныне среди тирольских крестьян, которые до сих пор воображают, что душа праведника вылетает в момент смерти из его уст подобно *белому облачку*.

Мы продемонстрируем, что в своих сложных и запутанных представлениях о душе люди связали друг с другом множество проявлений жизни и мысли, еще более разнородных, чем перечисленные выше. Однако, стремясь избежать подобных хитросплетений, иногда они предпринимали попытки дать более точное определение и классификацию, особенно часто прибегая к теории, согласно которой человеку присущи несколько духов, душ, или образов, наделенных различными свойствами. Такие классификации изобретались или усваивались еще варварским миром. Так, фиджийцы отличали «темный дух» человека, или его тень, попадающую в преисподнюю, от его «светлого духа», или отражения в воде или зеркале, остающегося рядом с местом его смерти. Малагасийцы утверждают, что *сайна*, или разум, исчезает после смерти, *айна*, или жизнь, растворяется в воздухе, но *матоатоа*, или призрак, витает над могилой. В Северной Америке двойственность души имеет отчетливое алгонкинское происхождение: одна душа выходит из тела и видит сны, тогда как другая остается в теле; по смерти одна из душ живет вместе с телом, ей-то и приносят подношения живые, тогда как *другая отправляется в страну мертвых*. Известно и трехчастное деление; индейцы дакота говорят, что у человека имеется четыре души, одна из которых остается с мертвым телом, другая — в деревне, третья — уходит в воздух, а четвертая — в страну духов. Карены проводят различие между «ла», или «келах», личностной жизнью-призраком, и «тхах», душой, несущей нравственную ответственность... Ранняя анимистическая теория жизненной силы, видя в душе причину функции жизни, предлагает разуму дикаря объяснения нескольких телесных и ментальных состояний, трактуя их как следствие удаления души или некоторых составляющих ее духов. Эта теория прочно связана с жизнью дикарей. Южные австралийцы имеют в виду ее, когда называют бесчувственного или лишенного сознания словом «*ульямарраба*», т. е. «бездушный». Североамериканские алгонкины объясняют болезнь тем, что «тень» пациента пребывает в расстройстве или удалена от тела; выздоравливающего порой упрекают за то, что он показывается на людях прежде, чем его тень найдет в нем оконча-

тельное успокоение; там, где мы сказали бы, что человек болел и поправился, они сочли бы его умершим, но воскресшим. Другое объяснение, которое дают алгонкины состоянию летаргии или транса, гласит, что душа такого человека побывала на берегах Реки Смерти, но оттуда ее прогнали и вынудили снова оживить свое тело. «Когда кто-нибудь из фиджийцев падает в обморок или умирает, его дух якобы можно вернуть, позвав его назад; иногда можно стать свидетелем забавной сцены, когда мужчина в расцвете сил лежит простершись на земле и что есть силы вопит, призывая вернуться собственную душу...» Немудрено, что в различных странах возвращение потерянных душ становится неотъемлемой частью профессии колдуна или жреца. Индейцы салиш из Орегона проводят различие между духом и жизненным началом, причем первый способен ненадолго покидать тело, так что больной не сознает его отсутствия; однако во избежание роковых последствий дух должен быть восстановлен как можно быстрее, и ввиду этого знахарь совершает торжественную процедуру возвращения духа, опуская его на голову больного... Бирманские карены носятся по округе и кричат, что схватили бродячую душу больного, или, как они выражаются вместе с греками и славянами, «его бабочку» (*лейп-пья*), и в конце концов опускают ее ему на голову. Учение каренов о «*ла*» и в самом деле представляет собой совершенную и ярко выраженную виталистическую систему. Ла, душа, призрак, или гений, может отделяться от тела, которому принадлежит, и карены глубочайшим образом заинтересованы в том, чтобы удержать свое ла при себе: ему совершаются приношения, его призывают и так далее. Особенно часты странствия души во время сна; если она задерживается некоторое время, наступает недомогание, если уходит навсегда, человек умирает. Когда «ви», или знахарь, призывает удалившуюся тень или жизнь карена и ему не удается вернуть ее из страны мертвых, он может взять тень живого человека и перенести ее на мертвого, тогда как ее истинный владелец, чья душа покинула его во время сна, заболевает и умирает. Когда же карен чувствует недомогание и вялость, сетуя на пропажу своего ла, друзья совершают церемонию с одеждой болеющего и курицей, которую готовят и подносят вместе с рисом, молитвами призывая дух вернуться к недомогающему...

Такое же учение образует один из аспектов теории снов, доминирующей среди примитивных народов. По замечанию Кранца, некоторые гренландцы полагают, будто ночью душа покидает тело и отправляется охотиться, плясать, посещать знакомых; к этому мнению они пришли благодаря частым и очень ярким сновидениям. Североамериканские индейцы утверждают, что душа спящего покидает тело и уходит на поиски привлекающих ее вещей. Бодрствуя, человек должен попытаться заполучить эти вещи, иначе душа его потеряет покой и покинет тело навсегда. Новозеландцы считали,

что душа спящего оставляет тело и возвращается, порой навещая даже царство мертвых, чтобы побеседовать с друзьями. Тагалы с Лусона не советуют будить спящих, так как в это время их душа отсутствует. Карены, чья теория блуждающей души только что описывалась выше, объясняют сны как то, что увидело и испытало ла, когда оно путешествовало, покинув спящее тело. С немалым остроумием они объясняют и тот факт, что нам снятся люди и места, которые мы знали прежде; *лейп-пья*, говорят они, может посещать лишь те области, где ранее бывало тело, которому она принадлежит...

Североамериканские индейцы допускали, что сновидение является либо визитом человека или предмета, увиденного во сне, либо зрелищем, достающимся разумной душе, вышедшей погулять, в то время как чувствующая душа остается в теле. Так, зулуса во сне может посетить тень предка *итонго*, который приходит известить его об опасности; иногда во сне *итонго* переносит его издалека к сородичам, оказавшимся в беде; что же до человека, претерпевающего переход в болезненные состояния профессионального провидца, то призраки постоянно навещают его для бесед во сне, пока он не превратится, по меткому выражению его соплеменников, в «жилище снов». В низших культурах, пожалуй, чаще всего само собой разумеется, что появление человека во сне — это визит его освободившегося от тела духа, тогда как видящий сон, по яркому выражению оджибве, «видит, когда во сне». Данное представление свойственно и фриджийцам, по их мнению, дух живущего может покинуть тело, чтобы терзать других во сне. Недавно зафиксирован случай со старухой-индианкой из Британской Колумбии: она послала за знахарем, чтобы он отогнал мертвецов, являвшихся ей каждую ночь. Описанные современным наблюдателем умонастроения западноафриканских негров чрезвычайно характерны и поучительны. «Все свои сновидения они толкуют как визиты духов их умерших друзей. Предостережения, подсказки и предупреждения, поступающие к ним из этого источника, они воспринимают серьезнейшим и почтительнейшим образом, всегда следуя им наяву. Повсеместно распространенная привычка рассказывать о том, что приснилось, чрезвычайно способствует привычке видеть себя во сне, и поэтому во сне они общаются с умершими не меньше, чем наяву — с живущими. Такова, вне всяких сомнений, одна из основных причин их чрезмерной суеверности. Они обладают столь развитым воображением, что с трудом способны отличать сны от происходящего наяву, реальное от идеального, вследствие чего они лгут, не имея дурных намерений, и уверяют, будто видели вещи, на деле никогда не существовавшие».

Для древних греков душа-сновидение была тем же, чем она и поныне является для дикарей. Сон, устраняющий душевные заботы, приходит к Ахиллу, лежащему на берегу гулко шумящего моря, и перед ним вырастает

душа Патрокла, во всем подобная погибшему герою — и статью, и прекрасными глазами, и голосом, и платьем, что облекало его тело; Патрокл говорит, и Ахилл простирает любящие руки, чтобы обнять его, но терпит неудачу, и клубясь, точно дым, душа исчезает под землей. На протяжении столетий, отделяющих эпоху Гомера от нашего времени, явление во снах людей, живых или мертвых, оставалось предметом философских размышлений и суеверного страха. В типичном рассказе Цицерона фигурируют и призрак живущего, и дух умершего. Двое аркадцев приехали вместе в Мегары; один остановился в доме у товарища, другой — на постоялом дворе. Ночью последний привиделся своему спутнику, умоляя его о помощи, ибо хозяин постоялого двора замыслил его погубить; спящий вскочил в тревоге, но не принял видение всерьез и снова улегся спать. Затем друг явился ему опять. «Хотя ты и не оказал мне помощь, — сказал он, — по крайней мере не оставь мою смерть неотмщенной: хозяин убил меня и спрятал мое тело в телеге с навозом; приди же поутру к воротам прежде, чем телега выедет из города». Потрясенный вторым сновидением, путник исполнил просьбу и нашел у ворот телегу; в ней оказался труп погибшего, и хозяин постоялого двора понес наказание...

В первобытных теориях души видения играют не меньшую роль, чем сны, причем два этих класса явлений подкрепляют и дополняют друг друга... Человеческие призраки занимают одно из главных мест среди этих фантасмагорических фигур. Не подлежит сомнению, что честные духовидцы описывают призраков такими, какими те действительно воспринимаются их воображением, тогда как шарлатаны, прикидывающиеся провидцами, верны утвердившемуся способу описания. Так, в Западной Африке, душа человека, *кла*, после смерти превращающаяся в призрака, *сиса*, может оставаться в доме рядом с телом, видимая только знахарю вонг. Иногда призраку присуще свойство оставаться невидимым в собрании людей. Коренные жители Антильских островов верят, что мертвец является на дороге только одинокому путнику, а не группе из нескольких человек; у финнов духи мертвых видны только шаманам, но не обычным людям (последним они являются только во сне). Возможно, таков же смысл и в описании призрака Самуила, созерцаемого Аэндорской колдуньей, но не Саулом, который вопрошает ее о том, что она видит...

То, что призрачная человеческая душа обладает сходством со своим телом, имплицитно признается всеми, кто верит в то, что она действительно и объективно присутствует во снах и видениях. Я считаю, что только сны и видения могли внушить людям представление о душах как об эфирных образах тел. Таким образом, в анимистической философии — будь то философия дикарей или людей цивилизованных — обычно считается само собой разумеющимся, что души, освободившиеся от земного тела, узнаются по сохраняющемуся с ним сходству — предстают ли они

как призрачные странницы по земле или как обитательницы загробного мира... Чтобы проиллюстрировать эту мысль, нет необходимости собирать отдельные примеры данного представления, обнаруживаемого во множестве случаев на самых разных стадиях развития культуры. Однако особая и не всегда выделяемая группа верований показывает, насколько последовательно душа мыслится образом тела. Из этого неизбежно вытекает то, что телесному повреждению соответствует повреждение души и даже очень слабо развитые дикарские народности располагают достаточной философичностью, чтобы развить эту идею. Так, один старинный европейский путешественник сообщал о бразильских индейцах, что они «верят, будто мертвые прибывают в иной мир ранеными или изрубленными на куски — в том же виде, в каком они покинули этот мир». Так и австралиец, убивший своего врага, отрубает у трупа большой палец на правой руке: хотя дух убитого и станет враждебным, он не сможет метнуть свое призрачное копье изувеченной рукой; поэтому пусть себе бродит — злопамятный, но безвредный...

Изучая природу души по представлениям низших народов и прослеживая их развитие среди высших, мы наталкиваемся на весьма существенные подробности. Всему человечеству свойственно считать, что души, или призраки, имеют голос и видимые очертания, причем свидетельства в пользу обоих мнений имеют тождественную природу. Люди, отчетливо сознающие, что души разговаривают во сне или видении, естественно, считают само собой разумеющейся объективную реальность как призрачного голоса, так и той зримой формы, от которой он исходит. Так возникают различные повествования об общении духов с живущими — известные как среди первобытных, так и среди цивилизованных народов, в то время как более современное учение о субъективности подобных явлений признает сами явления, но предлагает иное их объяснение. Отдельного разговора заслуживает одно специфическое представление, согласно которому голос духа представляет собой глухое бормотание, чириканье или свист, словно речь идет о призраке голоса. Североамериканские алгонкины полагают, что тени-души мертвых стрекочут наподобие кузнечиков. Вступая в общение с живущими, божественные духи новозеландских мертвецов произносят слова со свистом; писк, характерный для подобных бесед, упоминается и другими полинезийскими народностями. Домашние духи зулусского прорицателя — это тени предков, разговаривающие низким свистящим голосом, почти неотличимым от свиста, почему их и называют «имилози», или свистунами Эти идеи соответствуют классическим описаниям голоса призраков как «щебета» или «тонкого бормотания»...

Мнение о том, что сны и видения вызываются присутствием объективно существующих фигур, и отождествление иллюзорных душ с тенью и дыханием привели к тому, что душа стала пониматься как нечто субстан-

циальное и материальное. Так, нет ничего необычного в проделывании отверстий в твердых предметах, через которые могла бы проходить душа. В старину ирокезы оставляли отверстие в могиле, чтобы остающаяся на земле душа могла навещать тело, и некоторые из них до сих пор просверливают дырки в гробах с той же самой целью... Чтобы выпустить душу после смерти, китайцы проделывают дыру в крыше. И наконец, обычай открывать окно или дверь для души, отлетающей от тела, остается распространенным суеверием во Франции, Германии и Англии. С другой стороны, считается, что душу умершего можно избить, ранить и прогнать, как любое другое живое существо. Так, квинслендские аборигены в ежегодной потешной битве бьют воздух, чтобы напугать и прогнать души, покинувшие умерших на протяжении прошедшего года. Североамериканские индейцы, замучив своего врага, бегают, кричат и стучат палками, чтобы отогнать призрака...

Точные суждения относительно субстанции души имеют место и среди низших, и среди высших народов, находя свое выражение в яркой череде дефиниций. Тонганцы представляют себе душу как более тонкую и воздушную часть тела, мгновенно покидающую его в момент смерти; она подобна аромату или запаху цветка в сравнении с более твердой тканью растения. Гренландские прорицатели описывают душу такой, какой она является им в их видениях; по их словам, она бледная и мягкая, и тот, кто пытается схватить ее, не чувствует ничего, так как у нее нет ни плоти, ни костей, ни жил. Карибы не считают душу столь нематериальной, чтобы она была невидимой, однако говорят, что она тонка и нежна, словно очистившееся тело. Обращаясь к высшим расам, возьмем сиамцев как образец народа, полагающего, что души состоят из тонкой материи, ускользающей от взгляда и прикосновения, либо соединены со стремительно движущимся воздушным телом. В классическом мире Эпикуру приписывается мнение, что «называющий душу бестелесной несет вздор, так как в этом случае она не могла бы ни действовать, ни претерпевать». Один из отцов Церкви, Ириней считает души бестелесными в сравнении со смертными телами, а Тертуллиан упоминает о видении или откровении одной монтанистской пророчицы, которая видела душу облеченной в тонкое и прозрачное человеческое тело цвета воздуха...

По-видимому, нецивилизованные народы изначально мыслили душу как некое эфирное или парообразное тело, и с тех пор это представление играло весьма существенную роль в истории человеческой мысли. В действительности позднейшее метафизическое понятие нематериальности мало что могло бы сказать дикарю. Более того, следует отметить тот факт, что в понимании природы и действий призрачных душ низшая философия избегает различных затруднений, до самого последнего времени озадачивавших метафизиков и богословов цивилизованного мира. Считая, что тонкое эфирное тело души является достаточным и подходящим основанием зримости, дви-

жения и речи, первобытный анимист не нуждался в дополнительных гипотезах для объяснения этих проявлений...

Покидая тело после смерти, душа, или дух, выходит на волю, чтобы пребывать подле могилы, странствовать по земле, порхать в воздухе или отправиться в страну духов — загробный мир... Люди не останавливаются на мысли о том, что смерть освобождает душу для вольного и деятельного существования, но вполне логичным образом начинают помогать природе убивая людей для того, чтобы освободить их души, которые будут служить умершим. Так зарождается один из самых распространенных, отчетливых и понятных обрядов анимистической религии — обряд человеческого жертвоприношения на похоронах. Когда знатный человек умирает и его душа отправляется к своему месту — где бы оно ни находилось, первобытная философия вполне рационально заключает, что души слуг, рабов и жен, принесенных в жертву на его похоронах, проделают тот же путь и продолжат служить ему и в следующей жизни, и зачастую данное умозаключение доводится до логического конца, так что для последующего служения умершему приносятся в жертву люди. Этнографические данные относительно этого обряда покажут, что он не слишком характерен для низших уровней цивилизованности; возникая на низшей, примитивной стадии, он получает полное развитие на более высоком уровне варварства, и с этих пор существует либо сам по себе, либо в виде пережитков.

Sir Edward Burnett Tylor, *Religion in Primitive Culture*, New York, Harper Torchbook, 1958, pp. 14–42

86

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ ПРИ ЖИЗНИ И ПОСЛЕ СМЕРТИ

(*Мурнгин*)

Любой мужчина и любая женщина мурнгин имеет две души. Одна мыслится основной и реальной; ее считают истинной душой, душой «от сердца». Другая же душа — это ловкая обманщица, не имеющая особой ценности, лишь самым отдаленным образом связанная с «истинным человеком». Первую душу называют *биримбир* или *варро*, вторую — *мокои*, или душой-тенью. *Варро* — тотемный благой дух. Его отражение можно увидеть, посмотрев на себя в воду. Он является в благих сновидениях. После смерти *варро* становится «совсем как рыба». Он живет вместе с тотемными эмблемами и внутри них...

Душа-обманщица зовется душой-тенью перед смертью и *мокои* после того, как оставит тело и отойдет в буш и на пустоши. «Наши старики считают, что душа-тень — это все равно что злой дух. Это она причиняет мне зло. Моя тень всегда ходит со мной. Тени других вещей и тварей [кроме человека] — это не души, но просто тени». Душа *мокои* живет, как будто облегая тело. Ее можно уподобить неотчетливому его двойнику. Иногда можно услышать, что только голова становится после смерти *мокои* и что *мокои* не имеет тела. На рисунках и в изображающих *мокои* танцах *мокои* всегда наделено телом, но телом непропорциональным, уродливого и отталкивающего вида.

Варро претерпевает постоянное изменение статуса. Он берет свое начало из тотемного колодца, чудесным образом является отцу человека во сне, проникает в материнское лоно, живет в нем, в положенный срок появляется на свет, а затем живет в сердце нового человеческого организма до его физической смерти, если только не будет похищен черным колдуном. После смерти человека *варро* пребывает в некотором затруднении, не решаясь остаться в стране живых или отправиться в страну мертвых, но в конце концов возвращается в тотемный колодец, откуда он произошел. В этом-то символе души, в его отношении к сакральному и профанному элементам мурнгинской цивилизации и отражаются структура и ценности мурнгинского общества. Душа обеспечивает присутствие вечного в культурной жизни отдельного мурнгина. Она возвышает человека над простым, профанным, животным уровнем и позволяет ему полностью приобщаться к сакральным, вечным ценностям цивилизации, которая была, есть и будет. Окончательно и навечно она связывает человека, чье сердце занимает, с тотемом, символом общеродового единства в мурнгинской культуре, ибо душа после смерти представляет собой один из самых заметных родственных элементов, находящихся в тотемной воде рода — воде, являющейся сущностью жизни. В ней обитают великие тотемные предки, жившие во времена сестер-создательниц Вавилак, когда тотемы Вонгар ходили по земле, их священные имена простые смертные называют лишь тогда, когда они прошли великое очищение, стали частью сакральных и вечных элементов культуры, когда человек и его тотемы как единое целое участвуют в тотемных ритуалах. Здесь же, в колодце, покоятся тотемные предки, умершие в начале времен, равно как и те, кто умер недавно и чьи эмоциональные связи с живущими еще довольно крепки. Не столь давние предки, прошедшие через долгий очистительный похоронный обряд, устранивший все профанные личностные элементы (их *мокои* удалился на пустоши вместе со товарищи), обладают, по природе своей, такой святостью, что могут слиться с телом самого тотема. И когда тотемическая сущность тотемных животных переводится в эмблему, они приходят, чтобы соучаствовать в духовной жизни мурнгин во время великих ритуалов, после

которых они возвращаются в отверстие со святой водой. После обряда эмблему зарывают в ил тотемного колодца, где она остается гнить, а духи предков и тотемный дух возвращаются в подземные глубины. Человек проходит точно такой же цикл существования, что и тотемический дух. Тотемический дух входит в отверстие со святой водой, проходит сквозь обычную воду на поверхности колодца в подземные глубины и оказывается наконец в глубокой тотемной воде, где живут предки Вонгар, становясь частью сакральной системы. То же самое происходит и с душой.

Душа, тотемный дух, Вонгар или тотемные предки суть выражение фундаментальной сакральной сущности, чей высший символ — это тотемный колодец, вместилище всех индивидуальностей, когда-либо воплощавшихся или имеющих возможность воплотиться в человеке или его религиозных святынях.

W Lloyd Warner, *A Black Civilization*, New York, Harper Torchbook, 1964, pp 435–437.

87
ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ У СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Общим для ряда областей является то, что в них жизненное дыхание считается исходящим от Творца и возвращающимся к Нему после смерти. Даже не уточняя связи с дыханием, происхождение души возводят к Творцу или к культурному герою. Так, белла коола и шошоны с Винд-Ривер почитают Высшее Существо за подателя жизни и жизненной души (life-soul) Индеец саук называет своего Творца «тем, кто дает нам жизнь». Сородичи саука, лисы, верят в то, что жизненная душа — это дар Великого Духа

В большинстве случаев наши источники говорят о творении жизненной души — или, скорее, жизни — но у нас также имеются данные, относящиеся к происхождению свободной души (free-soul). Высшее существо белла коола «создало душу для каждого из тех, кто должен был вот-вот родиться; один из младших богов оформил ее лицо, а богиня убаюкала ее и отправила вниз, чтобы родиться». Синкаетки утверждают, что душа-сновидение (dream-soul) пришла от Бога — в противоположность сверхъестественной силе, приобретенной от животных. Лисы верят, что если Высшее существо наделило их жизненной душой, то культурный герой дал им свободную душу... Небесный бог Скан индейцев оглала наделил человека всем богатством психических явлений, включая жизненную и свободную души. Шошоны с Винд-Ривер называют свободную душу даром верховного бога...

Там, где нам ничего не дают прямые высказывания, мы можем с успехом обращаться к данным мифологической традиции, повествующей о сотворении первых людей: события первоначальной космической эры во многих деталях повторяются в событиях позднейших эпох, а души первого человека и современных людей, конечно, рассматриваются как имеющие общее происхождение. Так, в мифе навахо о первых людях рассказывается: «Жизнь им дал ветер. Ветер, выходящий из наших уст, дает нам жизнь...»

Но если верховное божество считают творцом мира, то естественно ожидать, что его также будут считать творцом человеческой души (душ), даже если об этом прямо не говорится. Но нам следует помнить об опасности реконструкции с помощью логических предпосылок верования, о существовании которого ничего не известно. Это верно, что происхождение души часто возводится к богу, сотворившему землю. Но даже подчиненные божества могут соучаствовать в творческом акте, ведущем к возникновению души (навахо).

Однако в нескольких случаях представляется оправданным (при определенных обстоятельствах) из характеристик Высшего Существа вывести его значение для происхождения души. Его часто называют Создателем Дыхания или Повелителем Души. Первый из этих терминов, использовавшийся некоторыми мускогскими народами (криками, чикасо, семинолами), конечно же, говорит сам за себя. Второй термин, которым преимущественно называли Творца алгонкины (и которым чаще всего обозначается в литературе высший бог ленапов), предположительно отсылает к функциям бога — подателя и стража души. В некоторых случаях верховное божество зовут Повелителем Жизни и Смерти. Это означает, среди прочего, что он также является владыкой царства мертвых — эту же функцию он исполняет даже тогда, когда его называют только Повелителем Жизни...

Как правило, индейцы Северной Америки верят в то, что начало человеческого духа восходит к самому божеству — будь то посредством творения или частичной эманации. Правда, в ряде случаев утверждается, что отец порождает не только тело, но и душу ребенка. Но эти исключения редки и являются, вероятно, плодом домысла, пытавшегося заполнить пробел в знаниях о душе или о душах.

Душа, которая по общему мнению, происходит от богов, не является *ipso facto** обычным профанным созданием. Рассматривают ли ее как дар божества или как эманацию его бытия, благодаря своему происхождению она принадлежит к сверхъестественному миру. С другой стороны, по существу она не обязательно является сверхъестественной в том же смысле, как мистическая сила.

---

* Тем самым (*лат.*)

Сверхъестественное происхождение человеческой души находит особенно ясное выражение в идее предсуществования. Здесь мы имеем в виду не то предсуществование, которое воплощенный заново индивид имел в своей прошлой земной жизни, когда он был человеком или животным, мы имеем в виду довоплощенное существование, жизнь человека, прежде чем он был воплощен на земле. Под «человеком» здесь подразумевается индивидуальная реальность, которая, с психологической точки зрения, является внетелесной душой, свободной душой, и которая, следовательно, представляет собой человеческое «я» в довоплощенном состоянии...

Там, где имеет место вера в описанное здесь предсуществование (а о нем есть сообщения почти изо всех уголков Северной Америки), довоплощенное существование мыслится протекающим в самых разных местах. На юго-западе племена пуэбло считают подземное царство мертвых тем местом, где живут нерожденные. Естественно предположить, что новорожденные — это последовательно воплощающиеся души умерших. Но это не всегда так, ибо, согласно земледельческой идеологии пуэбло, подземный мир — это также место обновления жизни и первоначальное жилище человечества. Также за пределами ареала пуэбло мы находим представление о подземном мире как о постоянном месте порождения человека. Так обстоит дело, например, у хидатса, которые, возможно, различали это место и царство мертвых...

Там, где исконный пренатальный дом не совпадает с царством мертвых, он все же локализуется в областях, напоминающих о жилище мертвых. Индейцы ингалик верят в то, что «существует место, наполненное душами маленьких детей, охваченными нетерпением быть *призванными*, т. е. родиться в этой жизни». По убеждению квакиутль, в лесной чаще находится таинственный дом. «Поскольку одним из обрядов, совершавшихся в этом доме, был обряд деторождения, постольку, вероятно, верили, что в этом доме происходит порождение всех поколений людей, животных и растений». Индейцам северо-западной окраины США известна «страна младенцев», где еще не родившиеся дети живут и играют прежде, чем явиться на землю. До рождения дети индейцев чинук жили на солнце, в дневном свете. С другой стороны, предание индейцев-горцев, гласящее, что дети приходят с туч, очевидно, является педагогическим вымыслом. По мнению восточных шауни, нерожденные дети живут на звездочках Млечного Пути. Но мы также встречаем представление о том, что они живут вместе с Творцом — «Нашей Бабушкой»...

Рассказы о знахарях, которые, прежде чем воплотиться в человека, были духами, известны во многих частях Северной Америки. Ле Мерсье сообщает о гуронском знахаре, который заявлял, что, будучи *оки* (духом), он жил под землей вместе с женским духом. Испытывая неодолимое желание стать людьми, они в конце концов спрятались рядом с тропинкой и пересе-

лились в проходившую мимо женщину. Она родила их слишком рано; знахарь выжил, но его подруга, с которой он сражался в утробе, появилась на свет мертворожденной.

Центральные алгонкины и их соседи сиу верят в то, что их знахари были в предыдущей жизни молниями. Так, меномини думают, что «некоторые младенцы — это маниту в человеческом обличье, как в случае с мальчиками-молниями, которые суть не кто иные, как эти могущественные божества, сошедшие ненадолго на землю; девочки же олицетворяют кого-нибудь из священных сестер восточного неба». В таких условиях имя человека также существует до его рождения, и в его земной жизни имя это должно оставаться неизменным. Сдержанность и склонность к размышлениям является решающим критерием при определении сверхъестественного происхождения ребенка...

Умозрительные построения относительно человеческого предсуществования нигде не отличаются такой утонченностью и возвышенностью, как в представлениях о предсуществовании знахарей, бытующих среди дакотских племен. Блестящее описание Понда заслуживает того, чтобы его процитировать. Он пишет: «Исконная сущность этих мужчин и женщин — ибо они обретаются среди обоих полов — впервые пробуждается, паря в эфире. Как крылатое семя чертополоха или тополя парит в воздухе, так и они мягко плывут, несомые «четырьмя-ветрами» — «Таку-скан-скан» — по мировым просторам, пока в назначенное время они не окажутся в доме одного из высших богов, которые их приближают к себе. Там зародыш знахаря пребывает до тех пор, пока он не узнает характеры, способности, желания, причуды и занятия богов. Его сущность уподобляется их сущности, он проникается их духом и знакомится со всеми песнопениями, праздниками, постами, плясками и жертвоприношениями, которые потребуются ему среди людей»...

Эхо схожих представлений мы обнаруживаем в верованиях шаманов мохаве, согласно которым «в начале мира они были духами — тогда, когда учреждались и распределялись все — в том числе и шаманская — силы ..»

На стадии предсуществования еще не рожденному часто предоставляется возможность избрать народ, среди которого он хочет жить на земле, и женщину, от которой он хочет родиться. Шаман айова «наблюдал за многими племенами, прежде чем решить родиться среди айова. Он не захотел стать виннебаго, так как от них пахнет рыбой, поэтому он кружил до тех пор, пока не открыл племя айова. Оно ему подошло, потому что айова отличались опрятностью, поддерживали чистоту в своих поселениях и далеко отсылали женщин во время менструации. Он спустился и вошел в темный вигвам с дверью из медвежьей кожи, а затем вышел наружу (т. е. родился). Выбор родителей дакотским шаманом тоже обусловлен этноцентрической точкой зрения: он не желает рождаться от белой матери как оттого,

что хочет «соблюдать дакотские обычаи и носить дакотскую одежду», так и оттого, что его сородичи — «громовники» — убьют его, если он станет белым и тем самым пренебрежет их наставлениями...

Что касается вхождения души в эмбрион и ее роли в развитии эмбриона, то здесь среди североамериканских индейцев нет согласия...

Данные, приведенные ниже, демонстрируют, сколь разнообразны представления о воплощении души (или душ).

Некоторые эскимосы полагают, что дети, подобно яйцам, живут в снегу и пробираются в чрево матери украдкой. Эскимосы Маккензи придерживаются множества взаимоисключающих представлений о воплощении. Одни верят в то, что душа (*наппан*) входит вместе с водой, которую пьет женщина, или поднимается от земли, когда женщина мочится. Другие верят в то, что ребенок обретает душу в момент рождения. Третьи же верят в то, что душа входит во время беременности, но «как и когда, неизвестно». Дыхание будущего ребенка матери-танайна входит во чрево подобно холодному дуновению ветра. (Свободная) душа индейца тлинкита не воплощается до тех пор, пока не родилось тело, с которым она должна соединиться. Душа индейцев хисла — это часто дух дяди, завладевающий телом еще до рождения. Единая душа, по представлениям санпойл, появляется уже в эмбрионе. У равнинных кри свободная душа поселяется в теле в момент рождения. Индейцы наскапи получают своего «Великого Человека» на эмбриональной стадии. Согласно шауни, «душа сходит на землю и впрыгивает через материнское влагалище в родничок ребенка перед самым рождением». Джоунз пишет, что, согласно верованию оджибве, «маниту по другую сторону мира» наделяет людей душами перед рождением. Лисы считают, что жизненная душа пребывает вместе с растущим эмбрионом, тогда как свободная душа находится в этот период снаружи и попадает в тело ребенка только при рождении.

О том, что ребенку якобы присуща душевная активность на эмбриональной стадии, свидетельствует индейское представление об утробном сознании: дитя, находящееся во чреве матери, способно ощущать и мыслить. Иногда это сознание обостряется настолько, что становится вровень с пророческим ясновидением.

Белла коола считают, что ребенок, кричащий в утробе, наделен выдающимся интеллектом. Шаман из района Большого Медвежьего озера заявлял, что еще до рождения он видел звезду, которая открыла ему все снадобья, имеющие силу над людьми. По мнению индейцев-чиппева, зародыш предупреждает мать о приближении злого духа. Нерожденный индеец-лумми слышит разговоры своих будущих родственников и ведает их мысли; если их помыслы недобрые, то он покидает их до рождения. Один умный ленап заявлял, что приобрел сверхъестественные знания еще до рождения... Солто рассказывают, что прежде индейцы обладали сознанием еще

на эмбриональной стадии, имели определенное представление относительно содержания земной жизни, а также пророческой способностью, являвшейся одним из знаков магической силы. Теперь такое редко бывает. Однако вот что рассказывал один солто Хэллоувеллу: «За четыре ночи до рождения я знал, что буду рожден. При рождении мой разум был столь же ясен, как и сейчас. Я видел отца и мать, и знал, кто они. Я знал вещи, используемые индейцем, их названия и на что они годятся...» Такая определенность основывается якобы на том факте, что данная личность прежде уже жила среди людей. Нерожденный ребенок у лис понимает речь матери, и покидает ее, если она оказывается сварливой. Знахарь виннебаго, исходящий в женское чрево из своего предсуществования, сохраняет сознание как при зачатии, так и в течение всего эмбрионального периода. Шаманы вахпетон знают все о своем будущем существовании еще до рождения.

События после воплощения, и особенно момент самих родов, драматически описаны одним заново воплотившимся шаманом виннебаго: «Затем я был спущен на землю. Я не входил в женское чрево, но был взят в какое-то помещение. Там я оставался, сохраняя сознание. Однажде я услышал возню детей снаружи и некоторые другие звуки, так что мне пришло в голову выйти наружу. Потом мне показалось, что я вышел через дверь, но в действительности я снова родился из женской утробы. Выходя, я был оглушен внезапным порывом холодного воздуха и заплакал».

Ake Hultkrantz, *Conceptions of the Soul among North American Indians*, Stockholm, 1954, pp. 412–426.

88

ДУША ЧЕЛОВЕКА ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ С ОСИРИСОМ И С ПРИРОДОЙ

(«Тексты саркофагов», 330)

Данный текст содержит самое ясное отождествление души с природой из тех, что оставили нам древние.

Живу я или умираю, я Осирис,
Я вхожу и снова являюсь в тебе,
Я угасаю в тебе, я расту в тебе,
Я опадаю в тебе, я падаю набок.
Боги живут во мне, ибо я живу и расту в зерне,
поддерживающем Чтимых.

Я покрываю землю,
живу я или умираю, я — ячмень.
Я не уничтожаюсь.
Я вступил в Миропорядок,
Я опираюсь на Миропорядок,
Я становлюсь Господином Миропорядка,
Я проявляюсь,
Я — Владыка Шеннет (Мемфисское зернохранилище?)
Я вступил в Миропорядок,
Я достиг его рубежей...

R T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1959, p 142

89

МАНА: МЕЛАНЕЗИЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КАТЕГОРИЯ

Над умом меланезийца нераздельно властвует вера в сверхъестественную силу, или влияние, которое практически всюду называется *мана*. *Мана* создает все то, что не под силу обычным способностям человека, что выходит из ряда обычных природных процессов: она присутствует в жизненной атмосфере, присоединяется к людям и вещам, проявляясь в результатах, которые могут быть приписаны только ее действию. Овладев ею, можно ее использовать и направлять, но сила *мана* способна прорваться в какой-то новой точке; ее присутствие удостоверяется посредством испытания. Человек случайно находит камень, захватывающий его воображение; его очертания единственны в своем роде, он что-то напоминает, это явно не обычный камень, в нем должна присутствовать *мана*. Примерно так нашедший рассуждает про себя, после чего приступает к испытанию; он кладет камень у корней дерева, плод которого он определенно напоминает, или зарывает его в землю, разбивая сад; обильный урожай на дереве или в саду доказывает его правоту, камень — это *мана*, он наделен силой. Обладая этой силой, он может сообщать *мана* другим камням. Таким же образом некоторые формы слов, чаще всего в песнях, способны служить достижению некоторых целей; заклинание зовется *мана*. Но эта сила, будучи сама по себе безличной, всегда связана с неким направляющим ее лицом, ею обладают все духи, чаще всего призраки, и некоторые люди. Если оказывается, что камень обладает сверхъестественной силой, то это потому, что с ним связал себя какой-нибудь дух; кости мертвеца обладают *мана*, так как при них

пребывает его призрак; человек может находиться в столь близком контакте с духом или призраком, что *мана* передастся и ему; он сможет управлять ею так, чтобы достичь желаемого; заклинание действенно потому, что имя духа или призрака, выраженное в словах, привносит в них силу, которую дух или призрак претворяет в жизнь с их помощью. Таким образом, любой зримый успех — свидетельство того, что данный человек обладает мана; его влияние зависит от впечатления, сложившегося у других людей и свидетельствующего о его обладании *мана*; благодаря ей он становится вождем. Поэтому власть, будучи по характеру своему политической или социальной, — это *мана*; данное слово естественным образом согласуется с местными представлениями, согласно которым любая власть и влияние имеют сверхъестественную природу. Если человек был успешен в сражении, то не естественная сила рук, быстрота глаз, находчивость принесли ему успех; он наверняка приобрел *мана* духа или некоего мертвого воина, которая и наделила его силой, передавшейся ему через амулет в виде камня, висящего на шее, или пучок листьев у него на поясе, или зуб, висящий на пальце руки, натягивающей тетиву лука, или слова, которые доставляют ему сверхъестественную поддержку. Если свиньи его плодовиты, если сады приносят хорошие урожаи, то дело не в его трудолюбии и не в его заботе о своем добре, но в камнях, которые полны *мана* для его свиней и бататов. Конечно, посаженные бататы растут вполне естественным образом, это хорошо известно, но батат не будет слишком большим, если в игру не вступит *мана*; каноэ не будет быстрым, если на него не сойдет *мана*; без *мана* ни сеть не принесет хорошего улова, ни стрела не поразит насмерть.

R H Codrington, *The Melanesians*, Oxford, 1891, pp 118–120

90
ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МАНА

Одно из значений слова *мана* имеет немало общего с *тупу*[1], однако они коренным образом отличаются друг от друга. Оба слова обозначают разворачивающуюся деятельность и жизнь; но если *тупу* обозначает природу вещей и человека, как она разворачивается изнутри, то *мана* выражает нечто сопричастное, деятельное товарищество, которое по своей природе не связано неразрывно с отдельным предметом или отдельным человеком...

Таким образом, *мана* есть то, что обнаруживается в вожде, племени и стране, иными словами, нечто, общее коллективу; однако в их отношении к

этой *мана* есть то существенное отличие, что вождь обладает *мана* других. Именно поэтому его *мана* намного превосходит *мана* других, «распространяясь» на всю страну и народ.

Это товарищество, *мана*, несет в себе нечто безличное, так что оно может быть отнято у вождя и передано другому человеку. Однако безличностность — это лишь одна из сторон *мана*, обусловленная тем фактом, что она содержит в себе *мана* племени, страны и — добавим, пожалуй, — *мана* самого вождя С другой стороны, по отношению к племени, стране или вождю в *мана* есть что-то личностное, в силу того что все они имеют в ней свою долю. Это станет очевидным, когда мы подробнее рассмотрим отношение *мана* к *тупу*.

Тупу и *мана* человека теснейшим образом связаны между собою. Мы вправе сказать, что его *тупу* присоединяет к себе его *мана*, или, точнее говоря, распространяется и на его *мана*, что делает их частично тождественными. Их соединение составляет репутацию человека. Подарки, приносимые кровными родственниками жениха на свадьбе, тут же раздаются родственникам жены, «*мана* хватит на двоих, т. е. на обоих супругов», иными словами, слава даров принадлежит им... Как сочетание *тупу* и *мана* показывает сходство, но нетождественность обоих понятий, так из ряда других сочетаний, где выступает *мана*, мы можем узнать, что сопутствует *мана*, не отождествляясь с нею:

«*Мана*, сила и проницательность Тане закрепили Небо вверху».

«*Мана* и сила божества священного места».

«Эти головы [т. е. головы врагов] в качестве трофеев были приготовлены для того, чтобы свидетельствовать, что племя обладает *мана* и даром победы».

«Его имя (т. е. слава) и его *мана* были весьма велики».

«Тяжко бежать от врага... это значит, что *мана* и имя (т. е. слава) племени сокрушены ударами оружия победившего племени».

«Поэтому страхом его имени, величием *мана* и знатностью он далеко превосходил всех своих предков».

«Ты имеешь *мана*, ты должен говорить, т. е. ты обладаешь авторитетом».

Проницательность, победоносная отвага (*мана*), сила, имя (т. е. слава), ужас, внушаемый великим именем, авторитет теснейшим образом связаны с *мана*. Они не суть *мана*, но сопровождают *мана*, и мы видим, каким образом *мана* превращает внутреннюю жизненную силу *тупу* в мощь, храбрость — в победоносную отвагу, честь — в имя (славу) и авторитет...

Мана относится только к стремлению что-то осуществить; но это стремление проявляется в действительности после своего осуществления. «Если бы Мауи не погиб от этой богини (Хиненуитепо), то желание Мауи получило бы *мана*, и люди жили бы вечно»; желание Мауи осу-

ществилось бы благодаря его *мана*. Так же и в следующем отрывке: «Лишь сейчас они повторили *каркиа* (заклинание) к Ранги, чтобы он снял запоры с ручьев и выпустил воду. Затем их желание получило *мана*, и вода потекла».

Динамический элемент *мана*, развертывание, ярко проявляется тогда, когда данное слово используется в качестве глагола. Глагольный характер оттесняет на второй план *мана* как сопричастность и товарищество, но мы не должны забывать о том, что активность динамического элемента возможна только на фоне этого второго плана.

Мана, общая вождю, родственному коллективу и земле, принадлежит вождю; этим обусловлено его особое положение. Это также означает, что его *тупу* охватывает бóльшую область, чем *тупу* других смертных. Возможно, на европейские языки это можно перевести фразой о том, что его личность имеет более широкое поле деятельности. Мы можем сказать, что он получает свое поле деятельности вместе со своей *мана*, но насколько он сможет ею воспользоваться, зависит от его личных качеств. О вожде с сильным умом, мощью и храбростью, иными словами, с великим *тупу*, можно сказать, что он пронизывает *мана* родственного коллектива и страны собой, своей собственной *мана*. О Купе, вожде с Гаваики, говорили, что «его *мана* проникала в людей с островов».

Мана, пронизывающая родственную группу, является основой авторитета вождя. На практике это демонстрируется тем фактом, что он может заставлять других поступать по собственной воле. В прощальном письме к губернатору Грею некоторые маори писали: «Твоя *мана* положила конец беспорядкам в нашей земле». Разумеется, маори видели в Грее своего рода великого вождя и ощущали его *мана* в том авторитете, с помощью которого он преуспел в миротворчестве...

Таким образом, великий вождь пронизывает собой *мана*, простирающуюся на страну и народ. *Мана* есть не мистическая субстанция, но товарищество, на котором он может оставить свой след и над которым он может господствовать благодаря своим личным качествам. Поэтому нет ничего парадоксального в утверждении, что чем огромнее *мана* вождя, чем дальше она простирается, тем больше она сосредоточивается в его личности. Она может стать столь существенной его частью, что маори скажет: «Вождь — это *мана*». «Прощай, *мана* страны», — будут петь маори на похоронах умершего вождя...

Отсюда очевидно, что родственная группа должа почитать (*манааки*) своего вождя, чтобы поддержать его *мана*. «В нем *мана* вождя идет рука об руку с честью». Однако, как и подобает природе товарищества, вождь также должен уступить толику собственной жизни, и мы видим в новом свете причины того, почему он должен уметь чтить свой народ Тем самым он творит *мана*, и, пронизывая товарищество собственной личностью, он

привлекает к себе народ. Величайшим средством к этому является принесение даров. «Это *мана* Регуа», — говорит восхищенный маори, видя щедрого вождя, а поскольку Регуа имел божественную природу, понятно, что своими дарами вождь стяжает себе великую *мана*.

Благодаря тесной связи между *манааки* и *мана* мы понимаем также, почему невозможно решить, чтит ли человек других ради себя самого или ради них. Затруднение обусловлено тем, что почитание совершается ради *мана*, или товарищества...

Мана дает пластическую картину маорийского сообщества, так как отражает жизнь в нем. Каждый свободный человек наделен *мана*, т. е. участвует в товариществе. Поэтому каждый имеет право голоса в меру своей *мана*, т. е. своей доли в товариществе. Так что вождь отнюдь не является абсолютным властелином, но вносимая им *мана* всегда будет давать ему соответствующее влияние. Прибавьте к этому то, что он занимает положение вождя, что выражается во фразе, что *мана* родственной группы находится при нем. Это означает, что его личности предоставлена наилучшая возможность самоутверждения. Родственная группа как целое не станет предпринимать ничего, не посоветовавшись с ним...

Представляется, что весьма важный момент в понятии *мана* — *мана* как жизнь общины — до сих пор не получил должного осмысления; но по крайней мере Бест отлично понимал, что *мана* означает жизнь; он пишет: «Когда о *мана* будет написана отдельная монография, мы увидим, что *мана* и *ора* (жизнь) почти синонимы, когда они относятся к древним маори».

Тайна *мана* в том, что жизнь общины, «товарищество», пронизывает всех членов общины до глубины души; мы вправе сказать, что они живут благодаря *мана*. Одна сильная личность способна по-своему окрасить все товарищество. Происходит это не путем внешнего принуждения, но в силу того факта, что само товарищество характеризуется тем, что все его члены обретают свое «бытие» или «природу» сообразно доминирующему элементу *мана*.

Мана вождя — это не только *мана* родственной группы, но и *мана* страны. «Великая *мана* этой земли пребывает в нем одном», — сказано где-то о Те Раупараха. Так *мана* страны, само собой, является частью *мана* родственной группы, а поскольку последняя находится в таком же отношении ко всей стране, как и вождь к родственной группе, то маори вправе сказать, что *мана* страны пребывает в родственной группе, не впадая в противоречие.

Мана страны уносится с собой при переселении, и с этих пор каждое племя и каждый вождь стремится удержать ее при себе. В согласии со смыслом *мана*, они достигают этого, просто живя на земле: «Этот обычай пошел от наших предков — мы жили в какой-то части нашей страны; потом племя переходило в другую область, жило там и возделывало там

землю, чтобы сохранить за нами *мана* нашей страны, чтобы наши костры по-прежнему горели на просторах нашей страны и чтобы ее не отняли у нас другие племена».

Конечно, маори должен быть готов к тому, чтобы подтвердить свое право на землю с помощью оружия, но процитированный отрывок свидетельствует о том, что если обладание землей на практике тождественно обладанию *мана*, то это обусловлено тем, что обладание позволяет жить в стране так же, как отдельный член племени живет на своей земле, возделывая ее и используя для своих нужд. Фактор, упомянутый последним, отнюдь не последний по значению. Обладание *мана* страны должно проявляться в истинном товариществе со страной, т. е. в умении пожинать ее плоды...

В целом, *мана* играет для маори столь большую роль потому, что он не в состоянии благотворно воздействовать на свое окружение, не вовлекая его в товарищество, т. е. не завладевая его *мана*, или, иными словами, не пронизывая его *мана* собою. Он должен владеть *мана кумара*[2], чтобы *кумара* давала обильный урожай, и если эта *мана*, воплощенная в *маури*[3], похищена, он должен вернуть ее себе.

Мана, товарищество, столь необходима, что маори должен обладать даже *мана* врага, с которым он сталкивается в открытом бою. В этой связи следует также упомянуть тот факт, что врага называют *хоа-рири*, или, реже, *хоа-вхаваи* и *хоа-нгангаре*; буквальное значение всех трех слов — «друг в битве» (*хоа* — «друг, товарищ», относится ли это слово к жене или к спутнику). Таким образом, упоминание товарищества в данном контексте не лишено смысла, хотя товарищество это имеет совершенно иной смысл, чем в случае с кровнородственной группой. Такое товарищество обусловлено тем, что маори не могут сражаться в чисто внешнем смысле; они обязательно должны находиться в некотором внутреннем отношении к врагу. Внешние проявления битвы — это в действительности лишь вопрос о том, кто обладает большей *мана*, или кто способен одолеть противника изнутри, лишив его силы и воли к сопротивлению и предоставив оружию пожинать плоды этой победы.

В противоположность товариществу мира для «товарищества» битвы характерно то, что каждая сторона пытается полностью им овладеть — отняв ли *мана* у противника или обеспечив господство своей *мана*. Это не более чем два аспекта одного и того же. С этой точки зрения различие между товариществами войны и мира состоит лишь в степени, но это очень важное различие...

На фоне этих примеров, показывающих, каким образом *мана* может побеждать и терпеть поражение, мы понимаем, почему *мана* приписывается *тонгата хаэре*, страннику. В отличие от вождя, он не может обладать *мана* своего народа и своей страны, но, очевидно, это означает, что он

представляет собой, так сказать, сильную личность, которая, где бы она ни оказалась, подчиняет людей и вещи своей воле путем завладения — это нужно отметить — их жизнью, создания сферы своей *мана*, которая тем не менее остается товариществом, вовлекающим других в свою орбиту. И действительно, странник стал одним из великих предков одного из племен ваикато, так что оно было названо нгатимахута в честь его сына...

Более того, теперь мы создали фундамент для полного понимания того, почему *мана* носит то личный, то безличный характер. Персональный аспект определяется тем фактом, что обладатель самой большой *мана*, т. е. человек, живущий в товариществе с наибольшим напряжением, в силу этого окрашивает товарищество своими личными характеристиками. Безличный аспект тяготеет к другому полюсу: будучи товариществом, *мана* может быть захвачена кем-то другим, если он способен к этому. Поэтому товарищество приобретает характер безличной силы, которая может быть использована тем, кто умеет это делать.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Букв . «разворачивать собственную природу», чтить.
[2] Сладкий картофель.
[3] Сакральные предметы.

J. Prytz Johansen, *The Maori and His Religion*, Copenhagen, Ejnar Munksgaard, 1954, pp 85—99.

ТИПЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

91
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НУЭР

Нуэр — народ скотоводов, обитающих в Судане, на Белом Ниле. Их религиозные обряды и верования с большим тщанием и пониманием изучались Эвансом-Причардом. Результаты его двадцатилетних исследований опубликованы в книге «Религия нуэр», откуда и взят приводимый ниже отрывок.

Нуэр приносят жертвы по множеству поводов: когда кто-то болен, когда совершен грех, когда женщина бесплодна, иногда после рождения первенца или близнецов, при посвящении сыновей, по случаю свадьбы, похорон и погребальных церемоний, после убийства и при замирении кровных врагов, на периодических церемониях в честь того или иного из великого множества духов умершего отца, перед войной, когда в человека или в его имущество ударит молния, когда угрожает эпидемия или голод, иногда перед большой рыбалкой, когда докучает призрак и т. д.

Рассматривая все эти поводы, мы видим, что жертвоприношения нуэр распадаются на два больших класса. Большинство жертвоприношений совершаются для предотвращения некой угрозы, нависшей над людьми, например ввиду прегрешения, для умиротворения рассерженного духа или после рождения близнецов; они совершаются также для ослабления или прекращения бедствия, как это бывает во время эпидемии или обострения болезни. Во всех этих случаях в дела человеческие вмешивается или может вмешаться Дух — к добру или, чаще, к худу, — а его вмешательство всегда опасно. Любое бедствие, любая серьезная опасность — это знак активности духов. Такие жертвоприношения совершаются в интересах одного или нескольких человек, а не общественных групп, и в основе их лежат идеи умилостивления, искупления и иные, схожие мотивы. Поскольку эти жертвоприношения более всего распространены и носят самый специфический религиозный ха-

рактер, основное внимание будет уделено именно им. Имеют место и другие жертвоприношения, которыми сопровождаются различные общественные события, в основном относящиеся к типу *rites de passage*[*], — инициация, свадьба, смерть. Мы не можем провести абсолютно четкую грань между двумя классами жертвоприношений. Жертвоприношение, связанное с обрядами перехода, содержит смысловые элементы, характерные для жертвоприношений другого класса. Жертвоприношения во время брачных церемоний — помолвки, свадьбы, бракосочетания — являются лучшими образчиками жертвоприношений второго типа. Жертвоприношение, предназначенное отвратить последствия тяжкого инцеста, — хороший пример первого типа. Жертвоприношение в конце траура — пример смешения двух типов. Это рядовое жертвоприношение в контексте обрядов перехода, но оно также преследует цель освободиться от скверны смерти и всякого зла в людских сердцах. Данная дистинкция необходима для рассмотрения смысла или смыслов жертвоприношения, несмотря на частичное совпадение двух типов. Один тип жертвоприношения я буду называть личным жертвоприношением, другой — коллективным. Эти термины обращают внимание на формальное различение жертвоприношений, совершаемых в интересах конкретных лиц или в интересах социальных групп, но, как мы убедимся, они различаются также намерениями: в то время как исконный мотив первого класса жертвоприношений — искупительный, жертвоприношения второго класса имеют подтверждающий характер; или, если воспользоваться терминами Юбера и Мосса, к первому классу относятся жертвоприношения «десакрализации» (профанируя сакральное, они избавляют человека от Духа), ко второму — жертвоприношения «сакрализации» (они сакрализуют профанное, приводят Дух к человеку).

Исходная цель коллективных жертв, равно как и их главная функция, — подтвердить, установить или укрепить изменение социального статуса (мальчик становится мужчиной, девушка — женщиной, живой — призраком) или новые отношения между социальными группами (появление нового поколения, укрепление родственных связей посредством свойства, прекращение кровной вражды), призвав в свидетели Бога и призраков, непосредственно связанных с происходящими изменениями. Такие церемонии неполны и неэффективны без жертвоприношения, которое, однако, есть лишь эпизод в комплексе всевозможных церемоний, плясок и обрядов, не имеющих самостоятельного религиозного значения. Его смысл заключается в том факте, что оно сакрализует социальное событие и возникающее из него новое отношение Оно освящает изменение статуса или отношения, обеспечивая его религиозным подтверждением. В таких случаях оно со всей очевидностью носит праздничный, евхаристический характер...

---

[*] *Обряды перехода (фр.)*

Для религиозной мысли нуэр показательно, что жертвоприношения, совершаемые как часть социально значимых событий, имеют дело с отношениями внутри социального строя, а не с отношениями между человеком и его природным окружением. В сообщениях об африканских народах часто утверждается, что их жертвоприношения имеют дело с погодой, дождем, плодородием почвы, севом, оплодотворением, сбором урожая, рыбной ловлей и охотой. Обычно нуэр не устраивают никаких обрядов, которые были бы связаны с этими процессами, во всяком случае, у них не существует регулярного и обязательного обряда; если же в определенных обстоятельствах таковой и имеет место, как в случае с обрядом, предшествующим большой рыбалке, он редко оборачивается жертвоприношением, а если и оборачивается, то такое жертвоприношение не считается ни необходимым, ни существенным. В какой-то мере это может быть обусловлено отсутствием интереса к земледелию и охоте, но дело еще и в том, что нуэр считают природу некоей данностью, по отношению к которой они пассивны и равнодушны. Они не считают, будто смогут повлиять на нее к собственной выгоде, несмотря на то что являются всего лишь невежественными людьми. То, что случается в природе, — это Божья воля, и в этом качестве ее нужно принимать. Поэтому нуэр не особенно интересуются ритуалом вызывания дождя, а попытки просить Бога о дожде перед севом расценивают как самонадеянность. Это умонастроение иллюстрируется одной из легенд нуэр, рассказывающей о том, как смерть настигла девочку, просившую, чтобы солнце не садилось за горизонт, пока она не кончит работу. Вместо этого нуэр обращают свой взгляд внутрь, к закрытому социальному мирку, в котором живут они — они вместе со своими стадами. Их обряды связаны с нравственными и духовными, а не природными кризисами.

Сначала необходимо задаться вопросом, кому же предназначаются жертвоприношения. Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой одного и многого. Когда жертвоприношением искупается грех или смывается скверна, его адресатом является только Бог. Схожим образом обстоит дело и при тяжких бедствиях — например, эпидемиях или падеже скота. То же можно сказать о случаях, когда человека убивает молнией, или о болезнях, которые нельзя приписать какой-либо конкретной причине. Здесь перед нами обстоятельства, общие всем людям, универсальные явления — нравственный закон, действительный для всех, общие интересы и заботы, опасности и бедствия, поражающие всех и каждого. Однако в некоторых случаях жертвы приносятся тому или иному духу, например духу воздуха перед битвой или тогда, когда его считают (потенциальным) виновником болезни; тотемному или иному низшему духу приносятся жертвы в случаях, о которых уже шла речь в предыдущих главах Здесь мы имеем дело с чем-то более частным и специфическим, с отношением некоторых лиц к Духу, который проявился перед ними, а не перед кем-то еще, в том или ином

своем специфическом виде. Тем не менее, как я уже разъяснял ранее, эти духи могут рассматриваться в качестве ипостасей, представителей или преломлений Бога, и в очерченном выше смысле мы можем говорить, что жертвоприношение любому из них является также жертвоприношением Богу...

Бык — это жертвенное животное *par excellence**, и в важных социальных церемониях, совершаемых по случаю свадьбы или примирения кровных врагов, в жертву должен приноситься именно бык. Быков приносят в жертву также во времена великих бедствий, иногда — опасных болезней, изредка — в честь духов. Заменой быка может служить яловая корова. Буйволы приносятся в жертву только в одном из ритуалов, кладущих конец кровной вражде, и изредка (только дикие особи) в честь покойного отца. За исключением этих случаев приносимый в жертву самец должен быть кастрированным. В противном случае кастрация производится до начала обряда. Стельные коровы умерщвляются только на погребальных церемониях и при этом исключительно в честь старейшин в знак почтения к их положению в обществе. Цвет жертвы не имеет значения, хотя в некоторых жертвоприношениях предпочитаются животные с определенными отметинами...

Мы выяснили, кому и что приносится в жертву. Теперь мы должны задаться вопросом: кто совершает жертвоприношение, когда и где. Во-первых, надлежит различать лицо (или общественную группу), от чьего имени оно совершается, кого мы вправе называть жертвователем, хотя и с риском недопонимания, так как он может и не принимать активного участия в обряде, совершаемом от его имени, и теми, кто действует от его имени, актерами в драме. Их может быть несколько. Несколько человек могут участвовать в освящении, несколько — взывать к Богу. Один представляет жертву, другой освящает ее и взывает к Богу, третий ее закалывает. Тем не менее всегда есть один или несколько главных действующих лиц — людей, занимающихся освящениями и взываниями, которые (а не само убийство) и являются для нуэр основными действиями в череде обрядов, составляющих жертвоприношение; и поэтому того, кто после освящения жертвы произносит над ней слова взывания, мы с полным правом можем называть руководителем жертвоприношения, или жрецом. Жрецов может быть несколько. В некоторых жертвоприношениях, особенно коллективного характера, независимо от того, кто действительно взывает к Богу, считается обязательным или, по крайней мере, желательным, чтобы с взыванием выступило конкретное должностное лицо. Обычно личным жертвоприношением может руководить любой старейшина, как правило, глава семьи жертвователя. Чаще всего, но вовсе не обязательно это будет один из родствен-

* По преимуществу (*фр.*)

ников жертвователя по отцовской линии. Жертвоприношение предназначается Богу, а не призракам, и поэтому не важно, кто им руководит. Жрецом не будет юноша, если рядом находится старший его по возрасту, но это не более чем социальная условность: ритуальными правилами это не возбраняется. Женщины не приносят жертв. Они могут помогать в акте освящения посредством пепла, могут молиться, но они не произносят взываний и не убивают жертву. Ни жертвователь, ни жрец не обязаны находиться в состоянии ритуальной чистоты. Это требование совершенно неизвестно нуэр...

Почти все жертвоприношения, личные или коллективные, имеют одни и те же общие черты. Поэтому не вдающееся в детали описание одного жертвоприношения будет действительным практически для всех. Жертва доставляется на место обряда, где последовательно совершаются четыре акта, составляющие драму жертвоприношения: представление, освящение, взывание и заклание. Могут добавляться и другие действия — возлияния, окропления и, в большинстве жертвоприношений духам, пение гимнов, но эти действия факультативны. Неотъемлемыми обрядами жертвоприношения как такового являются названные четыре акта. Они образуют, так сказать, канон жертвоприношения...

Бог забирает *yiegh*, жизнь. Человек забирает *ring*, плоть, остающуюся после жертвоприношения. Туша разрезается и освежевывается сразу после того, как животное упадет на землю. В большинстве жертвоприношений мясо поедается членами семьи и сородичами лица, от чьего имени оно было совершено. В свадебном и большинстве других коллективных жертвоприношений оно распределяется между родственниками по отцовской и материнской линии традиционными порциями; ровесники хозяина жертвы и его родственники по боковой линии также иногда имеют право на свою долю. Если руководитель жертвоприношения является не членом семьи и близким родственником, но семейным церемониймейстером, жрецом или пророком, он также получает свою долю. Эта часть процедуры представляет интерес для всех, а не только для тех, кто непосредственно участвует в обрядах. Если вообще речь идет об общественном событии, то люди, затрагивает их оно или нет, собираются, чтобы наблюдать за нарезкой мяса и его надлежащей раздачей; нередко распределение кусков сопровождается криками и добродушными спорами, одни тянут тушу на себя, а другие выхватывают или выпрашивают куски мяса. Даже чужаки, оказавшиеся поблизости и проявившие достаточную настойчивость, имеют большие шансы получить свой кусок мяса. В зависимости от обстоятельств получающие мясо либо уносят его по домам, иногда в разные деревни, для приготовления и трапезы, либо оно приготавливается женщинами стойбища, в котором принесена жертва, и поедается группами, составленными по признаку соображений пола, возраста и родства Мясо готовится, подается и поедается

таким же образом, как если бы то было мясо зверя, добытого на охоте. Его варят, а лакомые кусочки зажаривают в раскаленной золе. Хочу пояснить, что расчленение жертвы, приготовление и поедание ее мяса не являются частью обряда. Рассматривать трапезу как часть жертвенного обряда — это все равно что считать свадебное застолье частью бракосочетания в нашей стране. Но если она не есть часть обряда и не имеет сакраментального смысла, она не перестает быть частью церемонии в более широком значении слова и не утрачивает социального смысла. Всегда следует помнить, что жертвоприношение, даже искупительное жертвоприношение, является приуготовлением к пиру, а в тех обстоятельствах, в которых живут нуэр, и в силу традиции это означает, что соседи так или иначе тоже примут в нем участие.

E. E. Evans-Pritchard, *Nuer Religion*, Oxford, Clarendon Press, 1956, pp. 197–215.

См. также текст 299.

92
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕДВЕДЯ У АЙНОВ

*Айны, обитающие ныне на Хоккайдо (Северная Япония), Сахалине и Курильских островах, являются потомками древнего этноса, чьей родиной была, вероятно, Центральная или Северная Сибирь**. *Медвежий праздник «Ийоманте», или «Камуй Оманте» (буквально, «прощание», или «отправка» камуй, т. е. духа), — главный айнский обряд.*

Айны — охотники на медведей — чрезвычайно гордятся, если им удается привести живьем одного или двух медвежат для большого медвежьего праздника. Известны случаи, когда охотники рисковали жизнью, лишь бы добыть медвежонка, а добыв его, они возвращаются домой в ликующем расположении духа и по такому поводу, конечно же, напиваются в дым. Иногда совсем маленьких медвежат можно увидеть прямо в хижинах, где они живут вместе с людьми, играют с детьми и окружены величайшей заботой. Фактически с некоторыми медвежатами обращаются лучше, чем с самими детьми, и мне известны случаи, когда айны горько оплакивали умершего медвежонка. Но как только они становятся достаточно больши-

* Чаще всего подчеркивается сходство айнов с полинезийцами, т. е. с южными народами. — *Прим. ред.*

ми и сильными, чтобы причинить хотя бы малейшую боль своими объятиями, как только их когти станут чересчур мощными, их помещают в крепко сбитую бревенчатую клетку. Здесь они обычно и живут, пока им не исполнится два или три года, когда их убивают во время праздника...

Когда молодому медведю приходит срок быть принесенным в жертву, за день до того, как устраивается этот кровавый и варварский, с нашей точки зрения, праздник, хозяин зверя посылает вестников к односельчанам с приглашением прийти и принять участие в торжествах... Последней из слышанных мною пригласительных формул была следующая: «Я, такой-то и такой-то, готовлюсь принести в жертву дорогое мне божественное существо, живущее среди гор. Мои друзья и повелители, приходите на пир, чтобы соединиться со мной в великой радости отправки бога прочь. Приходите...»

Прибывая на место жертвоприношения, гости входят в хижину и рассаживаются вокруг очага: мужчины впереди, женщины сзади. Отвариваются и поджариваются просяные клецки, из проса же варится густой белый напиток, напоминающий пиво. Женщины пьют столько, сколько наливают им мужья, а наливают они, как я заметил, столь скупо, как будто это не просяное пиво, а куда более дорогой сакэ. Но это еще не пир, а что-то вроде предварительного завершения поста.

Когда все гости уже собрались, мужчины изготавливают несколько *инау*[1], вставляют их в очаг и молятся. Поклонение совершается всем богам, которых приглашают принять участие в празднике. После этого бóльшую часть *инау* благоговейно вынимают из очага и выносят наружу в место *нуса*[2], где их втыкают в землю. Затем в качестве их основания укладываются два длинных и толстых шеста. Мужчины выходят из хижины, украсившись тотемными венками, и торжественно приближаются к клетке с медведем. За ними следуют женщины и дети, которые поют, пляшут и хлопают в ладоши. Мало-помалу все собираются подле *нуса* и рассаживаются большим кругом, причем впереди восседают старики. После этого выбирается айн, который подходит к медведю и, усевшись перед зверем, сообщает ему, что его собираются отправить к его предкам. Он просит прощения за то, что они намереваются сделать, выражает надежду, что тот не будет сердиться, рассказывает, какая ему будет оказана честь, и утешает, сообщая о множестве *инау*, о вине, пирогах и других лакомствах, которые будут отправлены вместе с ним. Он также извещает его о том, что если тот окажется добрым и спокойным медведем, то в будущем вернется снова, чтобы с ним поступили таким же образом. Последняя из слышанных мною речей такого рода звучала так: «О божественный, ты был послан в мир для нашей охоты. О дорогой божественный малыш, мы поклоняемся тебе; молю, услышь нашу молитву. Мы кормили тебя и растили, не жалея трудов и усилий, а все потому, что мы тебя очень

любим. Теперь, когда ты вырос, мы собираемся отправить тебя к твоему отцу с матерью. Когда ты придешь к ним, пожалуйста, отзывайся о нас хорошо и расскажи, как добры мы были к тебе; пожалуйста, возвращайся к нам, и мы принесем тебя в жертву».

После произнесения молитвы другой айн направляется к клетке с медведем и захватывает голову жертвы с помощью специально приготовленной петли на веревке. Затем эта петля продевается вокруг шеи и под передней лапой, чтобы зверь не задушил себя, пытаясь освободиться. Делается другая петля, которая продевается под головой так же, как и первая, только ее конец свисает с другого бока медведи. Таким образом, когда животное выходит из клетки, его ведут двое мужчин — по одному с каждого бока. Иногда, однако, когда медведь крупный, веревкой обхватывают еще и заднюю его часть, и сзади идет еще один мужчина, который крепко держит веревку, готовый прийти на помощь в случае опасной вспышки ярости.

Как только несчастный зверь выводится из клетки, люди, образовавшие кольцо, кричат и хлопают в ладоши, пока его вводят в центр круга; затем они берут тупые стрелы, которые называются *хепере-ай*, т. е. «медвежьи стрелы», и обстреливают животное, пытаясь его разъярить. Крик становится оглушительным, медведь впадает в ярость. Но чем сильнее ярится медведь, тем большее удовольствие получают собравшиеся. Если же животное отказывается сдвинуться с места, то его валят наземь дубиной, называемой *такуса*, конец которой сделан из тростника. Когда возбужденное и отбивающееся животное подает первые признаки усталости, в центр людского кольца втаскивается кол, к которому привязывают медведя. Этот кол украшен стружкой *инау* и листьями тростника и носит название *тушоп-ни*, т. е. «дерево с веревкой».

Как только все подготовлено, тупые стрелы мечутся с возобновленным одушевлением, и зверь плачет и ревет, пока окончательно не выбьется из сил. Тут наступает самый будоражащий момент, истинное испытание доблести. Сразу несколько храбрых молодых айнов бросаются вперед и хватают животное за уши и мех на морде, в то время как еще один айн внезапно хватает его за заднюю часть. Они тянут медведя что есть мочи. Медведь разевает пасть. Тут выбегает еще один юноша с круглой деревяшкой в два фута длиной и вгоняет ее в пасть медведя. Несчастный зверь в ярости вгрызается в деревяшку и крепко сжимает ее зубами. Еще двое выходят вперед и становятся с обоих боков медведя; они хватают его за передние лапы и вытягивают их, насколько хватает сил. Затем следующая пара принимается за задние лапы. После того как все это проделано удовлетворительным образом, вперед выносят два длинных шеста, положенных рядом с *нуса* и называемых *ок-нумба-ни*, т. е. «шесты для удушения». Один вставляется под горло, другой кладется на загривок.

Тут в дело вступает выбранный заранее мужчинами хороший стрелок из лука и посылает стрелу прямо в сердце зверя, оканчивая его страдания. Застрелить медведя следует без пролития крови, ибо в силу определенных причин считается несчастливым предзнаменованием, если хотя бы капля крови упадет на землю...

Как только медведь поражен в сердце, его относят к двум шестам, предварительно положенным на землю, и на один из них кладут голову, а другим придавливают шею. В этот момент поднимается крик, все бросаются вперед, охваченные желанием придавить животное, пока в нем еще теплится жизнь. Говорят, они должны позаботиться о том, чтобы несчастный зверь *не издал ни звука во время агонии*, ибо это считается большим несчастьем; почему, узнать мне не удалось. К этому времени возбуждение достигает такого накала, что люди иногда топчут друг друга, стремясь приложить руку к жертве. Так погибает несчастный зверь, и завершается первая часть жертвоприношения.

С только что задушенного медведя сдирают шкуру, потом ему отрубают голову, но шкуру с нее не снимают. Ее относят к восточному окну и кладут на циновку, называющуюся *инау-со* и украшенную стружками *инау*, серьгами, бусинами и другими вещицами, однажды я даже видел циновку, украшенную рукоятками старых мечей и японским зеркалом. После того как голову поместили на циновку, *от нее отрезают кусочек* мяса и кладут его под морду. Его название — *нот-пок-омап*, т. е. «находящийся под пастью».

Затем перед медвежьей головой кладут кусочек вяленой рыбы, немного просяных клецок, чашу с вареным мясом самого зверя и немного сакэ. Вяленая рыба называется *сат-чеп шике*, т. е. «связка вяленой рыбы». Чаша с вареным мясом — это *марапто итанщ*, т. е. «чаша пиршества». После этого мужчина читает молитву: «О медвежонок, мы даем тебе эти пироги, *инау* и вяленую рыбу; отнеси их своим родителям и скажи: «Меня долго взращивали отец и мать айны, оберегавшие меня от забот и вреда. Теперь я вырос и пришел к вам. Я также принес с собой эти *инау*, пироги и вяленую рыбу. Пожалуйста, радуйтесь». Если ты скажешь им это, они будут очень довольны».

Другая молитва гласит: «Мой дорогой медвежонок, молю тебя, услышь меня. Я заботился о тебе немалый срок, а теперь подношу тебе эти инау, пироги, вино и другие дорогие вещи. Поезжай на *инау*, вместе с другими добрыми вещами, поднесенными тебе, отправляйся к отцу с матерью. Доберись благополучно и обрадуй их. Когда приедешь, созови толпы божественных гостей и задай большой пир. Возвращайся в этот мир, чтобы я, тебя взрастивший, встретил тебя снова и снова принес тебя в жертву. *Я приветствую тебя, мой дорогой медвежонок».*

После произнесения молитвы просяные клецки насаживают на палочки и помещают рядом с головой. Говорят, что они предназначены для пира в новом мире, потому что никогда не следует появляться перед предками без маленького подношения, достаточного для того, чтобы обеспечить трапезу яствами. Их называют *имока-шике*, т. е. «остатками пиршества». Собравшиеся приводят себя в порядок или надевают венки, так как они либо лежали на боку, либо растрепались, терзая и убивая медвежонка. Затем они пускаются в пляску... После пляски они возвращаются в хижину и делают множество *инау*, заботливо укладываемых на медвежью голову. Тем временем часть мяса уже сварилась. Кусочек мяса кладут в чашу, выставляемую перед медвежьей мордой, который якобы вкушает из *марапто итанги*, т. е. «чаши пиршества».

Вскоре председательствующий на пиру говорит: «Маленькое божество поело; давайте-ка, друзья, поклонимся». Он берет чашу, приветствует ее и разделяет содержимое на крохотные порции, получаемые всеми присутствующими гостями, так как представляется абсолютно необходимым, чтобы все — и молодые и старые — получили кусочек. «Чаша пиршества» носит и другое название — *ипуни итанги*, т. е. «чаша приношения». Это название обусловлено тем, что чаша подносилась божеству, только что принесенному в жертву.

После этого изготавливают новые *инау*, а тем временем остальная туша готовится на пару́ в горшках. Внутренности тонко нарезаются, солятся и поедаются сырыми. Сыроедение, равно как и питье крови, имеют своей целью обрести отвагу и другие доблести медведя. Я должен также упомянуть, что некоторые мужчины перемазывают кровью себя и свою одежду с целью обеспечить себе успех на охоте. Этот дикий обычай называется *йай-ишо-уши*, т. е. «измазывание в доброй охоте»...

После того как мясо вполне приготовилось, его раздают присутствующим, и сколько бы народу ни собралось — хватает всем, пусть и по маленькому кусочку. Таким образом осуществляется причащение дорогому божку, как айны называют жертву. Мне кажется, что этот обычай служит специально для того, чтобы продемонстрировать свое социальное и религиозное товарищество со своим тотемным богом и народом. Неучастие в пире и изготовлении *инау* было бы равнозначным признанию своего неучастия в айнском товариществе. Когда-то требовалось съесть каждую частичку медведя, за исключением костей, даже внутренности, но сегодня это требование соблюдается не столь строго.

Наконец голову медведя освобождают от шкуры и относят к насыпи *нуса*, где ее помещают среди других черепов. Воздвигается высокий шест с рогатиной наверху, украшенный *инау*. Этот шест называют *кеоманде-ни* — «шестом отправления прочь».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заостренные с одного конца деревянные палочки, используемые в культовых и церемониальных целях.

[2] Груда *инау*.

John Batchelor, *The Ainu and Their Folk-Lore*, London, 1901, pp. 483–495. Другое, более подробное описание этого обряда см. в статье J.M. Kitagawa, 'Ainu Bear Festival', in *History of Religion*, I, 1961, pp 95–151.

93
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ И ВОСХОЖДЕНИЕ ШАМАНА НА НЕБО (АЛТАЙ)

Данное Радловым классическое описание алтайского ритуала основывается как на его личных наблюдениях, так и на текстах песен и заклинаний, записанных в начале XIX века миссионерами, посещавшими Алтай, и изданных отцом В. Л. Вербицким. Такое жертвоприношение время от времени совершается в каждой семье, а вся церемония продолжается два-три вечера подряд.

Первый вечер посвящен приготовлениям к обряду. Выбрав место на лугу, *кам* (шаман) ставит там новую юрту, помещая внутрь нее молодую березу, очищенную от нижних ветвей и снабженную девятью ступенями (*тапты*) или насечками на стволе. Макушка кроны со шпажником на самом верху выдается из отверстия на потолке юрты. Вокруг юрты строится небольшой загон, а у входа ставится березовая палка с узлом из конского волоса. Затем выбирается конь светлой масти; убедившись в том, что животное приятно божеству, шаман доверяет его одному из присутствующих, называемому по этой причине *паш-туткан-кижи*, или «повелитель вершин». Шаман машет березовой веткой над крупом животного, выгоняя душу и подготавливая ее к полету к Бай Ульгеню. Он повторяет этот жест над «повелителем вершин», так как его «душа» должна сопровождать душу коня в течение всего путешествия по небу, а поэтому должна находиться в распоряжении *кама*.

Шаман возвращается в юрту, бросает ветки в огонь и окуривает свой бубен. Он начинает вызывать духов, прося их войти в бубен; при восхождении все они ему понадобятся. На каждый призыв дух отвечает: «Я здесь, *кам*!», и шаман трясет бубен, словно ловя духа. Собрав духов-помощников (все они — небесные духи), шаман выходит из юрты. В нескольких шагах от него находится ритуальное изображение гуся; шаман поглаживает «гуся», быстро взмахивая руками, словно птица, и поет:

Под белым небом,
Над белым облаком;
Под синим небом,
Над синим облаком:
Поднимись к небу, птица!

На это призывание гусь отвечат кряканьем: «Унгайгакгак унгайгак, кайгайгакгак, кайгайгак». Разумеется, птичий крик имитирует сам шаман. Сидя на гусе верхом, *кам* гонится за душой коня (*пура*[*]), которая якобы улетела, и ржет, как боевой конь.

С помощью присутствующих он заводит душу коня в загон и усердно изображает ее поимку; он хнычет, становится на дыбы и делает вид, что петля, наброшенная на коня, стягивается вокруг его собственной шеи. Иногда он выпускает бубен из рук, показывая, что душа животного ускользнула. Наконец она снова схвачена, шаман окуривает ее можжевельником[**] и отпускает гуся. Затем он освящает коня и с помощью нескольких зрителей жестоко его убивает, разбивая ему хребет так, чтобы ни капли крови не пролилось на землю и не окропило жертвующих. Шкура и кости выставляются на всеобщее обозрение и подвешиваются на длинном шесте. После приношений предкам и духам-хранителям юрты мясо приготовляется и церемониально поедается, причем лучшие куски достаются шаману.

Вторая и важнейшая часть церемонии происходит следующим вечером. Именно тогда шаман демонстрирует свои шаманские способности, отправляясь в экстатическое путешествие к небесной обители Бай Ульгеня. В юрте горит огонь. Шаман подносит конину Владыкам Бубна, т. е. духам, персонифицирующим шаманские способности его семьи, и поет:

Возьми его, о Кайра Кан,
Владыка бубна с шестью хозяевами!
Приди, позвякивая, сюда ко мне!
Если я крикну: «Коок!», поклонись!
Если крикну: «Мёё!», возьми его себе!..

Со схожими словами он обращается к Владыке Огня, символизирующему священную силу хозяина хижины, устроителя праздника. Подняв чашу, шаман подражает губами причмокиванию жадно пьющих невидимых гостей; затем он нарезает конину и раздает кусочки присутствующим (изобра-

---

[*] *Пур* — основное значение — «самец верблюда светлой масти, приносимый в жертву». Конь его в известном смысле замещает. — *Прим. ред.*

[**] Можжевельник использовался при камлании и другими народами, например ненцами. — *Прим. ред*

жающим духов), которые с чавканьем их поедают. Затем он окуривает девять одежд, висящих на веревке как приношение хозяина дома Бай Ульгеню, и поет:

Подарки, которые не унесет ни один конь,
Ах, ах, ах!
Которые не поднимет ни один человек,
Ах, ах, ах!
Платья с тремя воротниками,
Трижды обернувшись, посмотри на них!
Пусть они будут одеялами путнику,
Ах, ах, ах!
Повелитель Ульгень, радостный!
Ах, ах, ах!

Надев шаманский наряд, *кам* присаживается на скамейку и, окуривая бубен, начинает взывать к сонму духов, великих и малых, которые в свой черед отвечают: «Я здесь, *кам*!» Таким образом он взывает: к Яйык Кану, Повелителю Воды, Кайра Кану, Пайсин Кану, затем к семье Бай Ульгеня (к его матери Тазыган с девятью дочерьми по правую и семью — по левую руку) и, наконец, к Повелителям и Героям Абакана и Алтая (Мордо Кану, Алтай Кану, Окту Кану и т. д.). После этого долгого моления он обращается к Меркютам (беркутам), Птицам Неба:

Птицы Неба, пятеро Меркютов,
С могучими медными когтями,
Из меди лунный коготь,
И изо льда лунный клюв;
Широки твои крылья, могуч их размах,
Подобен опахалу твой длинный хвост,
Закрывает луну твое левое крыло,
Закрывает солнце правое крыло.
Ты, мать девяти орлов,
Не сбивающаяся с пути, летящая через Яйык,
Не тоскующая по Эдилю,
Приди ко мне с песней!
Прийди, играя, к моему правому глазу,
Усядься на мое правое плечо!..

Подражая крику птицы, шаман возвещает ее прилет: «Казак, каак, каак! Я здесь, *кам*!» При этом он опускает плечо, словно прогибаясь под тяжестью огромной птицы.

Призывы к духам продолжаются, и бубен тяжелеет. Заручившись многочисленными и могучими покровителями, шаман несколько раз обходит березу, стоящую внутри юрты[1], и становится на колени перед входом, чтобы помолиться о руководстве Духу-Привратнику. Получив благосклонный ответ, он возвращается в центр юрты, бьет в бубен, трясется всем телом и бормочет непонятные слова. Затем с помощью бубна он очищает всех собравшихся, начиная с хозяина дома. Это долгая и сложная церемония, в конце которой шаман впадает в восторженное состояние. Это сигнал к самому восхождению, ибо вскоре шаман внезапно оказывается у первой зарубки на березе, неистово стуча в бубен и крича: «Коок! коок!» Он также делает движения, показывающие, что он взбирается на небо. В «экстазе» он кружит вокруг березы и огня, подражая звуку грома, а затем спешит к скамье, накрытой конской шкурой. Она изображает душу *пура*, или жертвенного коня. Шаман взбирается на нее и восклицает:

Я вскарабкался на ступеньку,
Айгай, айгай!
Я забрался на плоское место,
Сагарбата!
Я вскарабкался на вершину тапты,
Сагарбата!
Я поднялся к полной луне,
Сагарбата![2]

Шаман приходит во все большее возбуждение и, продолжая стучать в бубен, приказывает своим *паш-туткан-кижи* поспешить. Ибо душа «повелителя вершин» покидает его тело одновременно с душой жертвенного коня. *Паш-туткан-кижи* жалуется на трудность пути, и шаман ободряет его. Затем, вскарабкавшись на вторую ступень *тапты*, он символически вступает на второе небо и кричит:

Я прошел через вторую землю,
Я вскарабкался на второй уровень,
Смотри, земля лежит прахом.

И снова, подражая грому и молнии, он возглашает:

Сагарбата! Сагарбата!
Вот я поднялся на два уровня...

На третьем небе *пур* чрезвычайно устает, и, чтобы помочь ему, шаман призывает гуся. Птица прилетает: «Кагак! Кагак! Я здесь, *кам*!» Шаман садится на него верхом и продолжает свое небесное путешествие. Он описывает восхождение и имитирует кряканье гуся, который, в свою

очередь, жалуется на трудность путешествия. На третьем небе делается остановка. Шаман сообщает о своей усталости и усталости своего коня. Он также рассказывает о предстоящей погоде, о грозящих несчастьях и эпидемиях и жертвах, которые нужно сообща принести. После того как *паш-туткан-кижи* хорошо отдохнул, путешествие продолжается. Шаман взбирается на одну зарубку за другой, последовательно проникая в одну небесную область за другой. Для оживления действа вводятся различные эпизоды, некоторые весьма гротескные: *кам* подносит табак *Кара-Кушу*, Черной Птице, которая служит шаману, и Кара-Куш прогоняет кукушку; он поит *пура*, воспроизводя фырканье пьющего коня; шестое небо служит сценой для последнего комического эпизода: охоты на зайца. На пятом небе шаман имеет длинную беседу с могучим Яйууджи (Верховным Творцом), открывающим ему некоторые тайны будущего; одни из них шаман сообщает громким голосом, другие — бормочет под нос. На шестом небе шаман кланяется Луне, на седьмом — Солнцу. Он переходит с неба на небо вплоть до девятого, а если он действительно могуч, то до двенадцатого и выше; высота восхождения целиком и полностью зависит от способностей шамана. Поднявшись так высоко, как только может, он останавливается и смиренно обращается к Бай Ульгеню со словами:

Владыка, к которому ведут три лестницы,
Бай Ульгень с тремя стадами,
С голубым склоном, что появился,
С голубым небом, что показалось!
Голубую тучу, плывущую прочь,
Голубое небо не достать,
Белое небо не достать,
До водопоя год пути!
Отец Ульгень, трижды высокий,
Которого щадит лезвие луны,
Который пользуется конским копытом!
Ты сотворил всех людей, Ульгень,
Все, что шумит вокруг нас,
Весь скот оставил ты, Ульгень!
Не выдай нас беде,
Помоги устоять перед Злом!
Покажи нам Кёрмеса [злой дух],
Не выдай нас в его руки!
Ты, вращающий звездное небо
Тысячу тысяч раз,
Не осуди мои грехи.

Шаман узнает от Бай Ульгеня, принята ли жертва, и получает предсказания относительно погоды и ближайшего сбора урожая; он также узнает каких еще жертв ожидает божество Этот эпизод является кульминацией «экстаза»: шаман падает на землю в изнеможении *Паш-туткан-кижи* подходит и берет у него из рук бубен и палку Шаман лежит молча и неподвижно Спустя некоторое время он трет глаза, словно пробуждаясь от глубокого сна, и приветствует присутствующих, словно после долгой разлуки

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Береза символизирует Мировое Древо, стоящее в Центре Вселенной, Космическую Ось, соединяющую небо, землю и преисподнюю, семь, девять или двенадцать зарубок (*тапты*) изображают «небеса», или небесные равнины Следует отметить, что экстатическое путешествие шаман всегда совершает поблизости от «Центра Мира»

[2] *Все это очевидное преувеличение, вызванное опьянением, которое связано с* прорывом через первую космическую плоскость Ибо в действительности шаман достиг только первого неба и не взбирался на высшие ступени, он не поднялся даже до полной луны (которая находится на седьмом небе)

M Eliade, *Shamanism*, tr by W R Trask, New York, Bollingen Series, LXXV, 1964, pp 190–197, сокращенный перевод из книги W Radlov, *Lose Blatter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten*, 2 vv , Leipzig, 1884, pp 20–50 (Консультант перевода докт филол наук О А Мудрак)

См. также тексты 205, 207, 208

94

МАЗДАЯСНИЙСКОЕ (ЗОРОАСТРИЙСКОЕ) ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СОЛНЦУ

(«Хуршед Яшт», 1–5)

1 Мы приносим жертву бессмертному, блистающему, быстроконному Солнцу.

Когда воссияет Солнце, когда Солнце станет жарче, тогда сотнями и тысячами встают небесные язаты*, они собирают его Славу**, они создают его

---

* *Язаты* — (букв «достойные жертвы») — в «Авесте» — благие божества — *Прим ред*

** *Хварно*, сакральная сила богов и царей — *Прим ред*

Славу, они передают его Славу вниз, они изливают его Славу на землю, сотворенную Ахурой, чтобы прирастал мир святости, чтобы прирастали создания святости, чтобы прирастало бессмертное, блистающее, быстроконное Солнце

2. И когда Солнце встает, тогда земля, сотворенная Ахурой, освящается, текущие воды освящаются, воды колодцев освящаются, воды моря освящаются, стоячие воды освящаются, все святые создания, создания Святого Духа, освящаются

3. Если бы не вставало Солнце, дэвы уничтожили бы все, что есть в семи каршварах*, а небесные язаты не смогли бы противостоять им и отражать их в телесном мире

4. Приносящий жертву бессмертному, блистающему, быстроконному Солнцу — чтобы противостоять тьме, чтобы противостоять дэвам, отродью тьмы, чтобы противостоять ворам и грабителям, чтобы противостоять колдунам и ведьмам, чтобы противостоять незаметно подкрадывающейся смерти — приносит жертву Ахуре Мазде, приносит Святым Бессмертным, приносит своей душе. Всех небесных и земных язатов веселит тот, кто приносит жертву бессмертному, блистающему, быстроконному солнцу

5. Принесем жертву Митре, владыке широких пастбищ, у которого тысяча ушей, десять тысяч глаз.

Принесем жертву палице Митры, владыки широких пастбищ, обрушивающейся на башки дэвов.

Принесем жертву лучшей из всех дружб — дружбе, что царит между Луной и Солнцем

J. Darmesteter, *The Zend-Avesta*, part II, in *Sacred Books of the East*, XXIII, pp. 85–87

95
ГОМЕРОВСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕРТВЫМ

(Гомер, «Одиссея», XI, 20–50)

Говорит Одиссей:

Судно, прибыв, на песок мы вытащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея
Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши

---

* Каршвары — части света — *Прим. ред.*

Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.

Перевод В. А. Жуковского (Гомер, «Одиссея» — М.. Художественная литература, 1986, с 109)

96

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ РЕЕ, ФРИГИЙСКОЙ БОГИНЕ-МАТЕРИ

(Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», I, 1078—1150)

После того бушевали жестокие бури в теченье
Целых двенадцати дней и ночей, и мешали им снова
В плаванье выйти. В ближайшую ночь все герои, что за день
Приутомились, теперь в часть последнюю ночи вкушали

Сладостный сон: среди них лишь Акаст один с Мопсом совместно
Ампикидом на страже их сон охраняя, сидели.
Этой порой начала над главой белокурой Язона
Гальциона порхать, звонким гласом своим предвещая
Прекращение бурных ветров. Мопс ее сразу понял,
Лишь услыхал он пророческий глас этой птицы прибрежной.
Тут отогнала богиня ее, и она, ввысь поднявшись,
На верхней части кормы, красиво прогнутой, села.
Мопс же Язона, что спал, протянувшись на мягких овчинах,
Сразу толкнул и, от сна пробудив, ему вот что промолвил:
«Друг Эзоонид, тебе надо взойти на Дидим островерхий
В тамошний храм и с мольбою припасть к пышнотронной богине,
К матери всех всеблаженных богов, и тогда прекратятся
Страшные бури. Такой ныне глас я недавно услышал,
Глас Гальционы морской, что, кружась над тобою, пока ты
В крепком покоился сне, обо всем мне об этом сказала.
Ведь от нее, от богини, зависят и ветры, и море,
И вся земля, и обитель покрытого снегом Олимпа.
И отступает пред нею, когда на великое небо
С гор она всходит, Зевес сам Кронид. Равно и другие
Боги бессмертные чтят наводящую ужас богиню».
Молвил, — для слуха Язона приятным его было слово.
Радостный, с ложа вскочил он и сразу товарищей поднял
Всех он поспешно. Когда же они вокруг него собрались,
Им прорицанье, что Мопс Ампикид ему дал, он поведал.
Младшие сразу герои, быков выводя из стоянки,
Прямо на самую кручу высокой горы их погнали,
А от Священной скалы отвязали другие причала
И во Фракийскую гавань приплыли. Потом же, оставив
Только немногих с ладьей, сами тоже на гору поднялись.
Тут стали видимы им, словно были у них под рукою,
И Макриадские кручи, и Фракия, что насупротив.
Видим в тумане Босфора стал зев, стали видны высоты
Мизии, а на другой стороне все теченье Эдепа,
А в Адрастее и город Кеней и долина Кенея.
Ствол там нашелся возросшей в лесу очень крепкой оливы,
Высохшей вплоть до корней. Его срезали, чтобы соделать
Горной богини священный кумир из него, и искусно
Аргом отесан он был, и на круче потом островерхой
Был водружен, что дубы высочайшие сплошь затеняли,
Из всех дубов остальных выше всех на корнях утвердившись.
Жертвенник после из мелких сложили камней, увенчали
Листьями дуба его и взялись за свершение жертвы,

Многовладычную мать Диндимию к себе призывая,
В Фригии что обитает, и Тития с ней и Киллена,
Их, что одни «сопрестольников» и «сопричастников» имя
Матери носят Идейской из всех, сколько их ни найдется,
Дактилей, многих числом, Идейских и Критских, которых
В гроте Диктейском явила на свет Анхиала когда-то
Нимфа, коснувшись земли Ойакидской руками своими.
Много и долго богиню молил отвести от них бури
Эзонид, припадая к стопам, и творя возлиянье
При сожигании жертв. Молодежь же по слову Орфея,
Во всеоружии, с топотом ног закружилася в пляске
И ударяла мечами в щиты так, чтоб в воздухе не был
Слышен тот горестный вопль, что еще издавался народом
При погребенье царя. (С той поры постоянно фригийцы
Бьют и в тимпаны и в бубны, когда умоляют богиню.)
И к чистым жертвам тогда свое сердце склонила богиня,
К коей припали с мольбой, и явилось ко времени чудо.
Дали деревья плодов без числа, и земля под ногами
Сразу по воле своей расцветилася мягкой травою.
Дикие звери, оставив свои логовища и норы,
Вышли, махая хвостами. Но, кроме того, и другое
Чудо свершила боогиня. До той поры не было вовсе
На Диндиме воды, а теперь вдруг с вершины, томимой
Жаждой, источник забил неустанный, и ключ этот водный
Стали Язоновым звать все окрест живущие люди.
И устроен был пир на Медвежьей горе в честь богини,
И воспевали на нем многовластную Рею. С зарей же,
Ветры когда улеглись, на веслах отплыли герои...

Перевод Г. Ф. Церетели

97

ИСКУПЛЕНИЕ УМБРСКОГО ГОРОДА: АРХАИЧЕСКОЕ ИТАЛИЙСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Ниже публикуется перевод текстов, написанных на умбрском диалекте на бронзовых табличках из Губбио, древнего Игувия. Игувий расположен в ста милях к северу от Рима. Описываемый ритуал был, вероятно, типичен для ранней италийской религии вообще.

(VI. A) (1) Обряд сей начинать, выждавши птиц: *parpu* (parra) и ворону — на западе, дятла и сороку — на востоке. Кто вестей (angla) [от птиц] выжидать (2) будет — тому, в шалаш севши, жреца просить: «Накажи (stiplo), чтоб выжидал я *parpu* на западе, ворону на западе, (3) дятла на востоке, сороку на востоке, на востоке — птиц, на востоке — жертвенных». Жрецу же — так в ответ наказать (anstiplatu): (4) «Выжидай там *parpu* на западе, ворону на западе, дятла на востоке, сороку на востоке, на востоке — птиц, на востоке — (5) вестей жертвенных: для меня, для града игувинского, на сем просторе распростертого (esmei stahmei stahmeitei)». Как усядется тот, кто вестей (6) выжидать будет —чтоб [никому] не пикнуть, в священнодействие не вмешиваться, покуда не вернется тот, кто вестей выжидать (7) пошел. Если пикнет кто или в священнодействие вмешается — [обряд], по указаниям, бесполезен.

<...>

(16) Если [птицы] вести пропоют (procanurent), в шалаше сидящему — так (17) воскликнуть, жреца по имени назвав: «[Слышу] *parpu* на западе, ворону на западе, дятла на востоке, сороку на востоке, (18) на востоке — птиц, на востоке — вести жертвенные: для тебя, для града игувинского, на сем просторе распростертого (esmei stahmei stahmeitei)». Чтобы с этими жертвенными словесами (19) народ кругом обойти и кремль (ocre) искупить — носить [ему] жреческое одеяние (или «посох»: perca). Пока кремль очищаться будет, у врат Треб[у]ланских очаги, (20) как положено, соорудить; и так их соорудить, чтобы огонь от огня занялся. То же — у врат Тесенакских. То же (21) —у врат Вейских.

(22) Пред вратами Треб[у]ланскими Дию Грабовию трех быков уложить (fetu). Закалая, так молвить: «К тебе взываю, к тебе воззвал, (23) к Дию Грабовию, ради кремля Фисии, ради града игувинского, ради имени[1] кремля, ради имени града: милостив будь, благосклонен будь ко кремлю Фисии, (24) ко граду игувинскому, к имени кремля, к имени града. Жертву принося, к тебе я взываю, к тебе воззвал, к Дию Грабовию; на жертву полагаясь, к тебе я взываю, к тебе (25) воззвал, к Дию Грабовию. Дий Грабовий, тебе [жертвую] этого тучного (?) быка ради кремля Фисии, ради града игувинского, ради имени кремля, (26) ради имени града.

Дий Грабовий, если в [ходе] этого священнодействия в кремле Фисии пожар начнется, [если] во граде игувинском обряды жрецов (27) в небрежении останутся — [считай], что это неумышленно.

Дий Грабовий, коли в обряде твоем что нарушат, в чем погрешат, что преступят, (28) в чем обманут, чем пренебрегут, обряду твоему ущерб какой нанесут — зримый ли, незримый ли — Дий Грабовий, коли воля (persei mersei) [твоя], сим тучным (?) быком (29) [во] искупление да искупится [это] (pihaclu pihafei)!

Дий Грабовий, искупи кремль Фисии, искупи град игувинский! Дий Грабовий, искупи имя кремля (30) Фисии, града игувинского: вождей [и] жрецов, людей [и] скот, начатки [и] плоды искупи! Будь милостив, благосклонен в мире своем ко кремлю Фисии, (31) ко граду игувинскому, к имени кремля, к имени града. Дий Грабовий, в целости храни кремль Фисии, в целости храни град игувинский. Дий (32) Грабовий, в целости храни имя кремля Фисии, града игувинского: вождей [и] жрецов, людей [и] скот, начатки [и] плоды храни (33) в целости! Будь милостив, благосклонен в мире своем ко кремлю Фисии, ко граду игувинскому, к имени крепости, к имени града!

Дий Грабовий, тебя этим тучным (?) быком (34) во искупление кремля Фисии, града игувинского, имени кремля, имени града — тебя, Дий Грабовий, призываю!

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Умбр. nomneper. «Ради имени» — т. е. ради народа. — *Прим. ред.*

Перевод А. Коваля

98
ПРИНОШЕНИЕ ЮПИТЕРУ ПЕРЕД СЕВОМ

(Катон, «О сельском хозяйстве», 132)

Сочинение Марка Порция Катона о сельском хозяйстве, написанное около 160 г. до н. э., содержит множество отсылок к архаическим обрядам, обычаям и суевериям.

Приношение должно совершаться следующим образом: поднеси Юпитеру Дапалию чашу вина какого хочешь размера. Соблюдай этот день как день отдыха [*feria*] для быков, их погонщиков и совершавших приношение. Когда совершаешь приношение, скажи: «Юпитер Дапалий, ибо надлежит и подобает [*oportet*], чтобы чаша вина была поднесена тебе в моем доме моей семьей на твой священный праздник; поэтому будь почтен этим праздником, тебе посвящаемым». Омой руки, а затем возьми вино и скажи: «Юпитер Дапалий, будь почтен этим праздником, тебе посвящаемым, и будь почтен вином, которое поставлено перед тобой». Если хочешь, соверши приношение Весте. Трапеза в честь Юпитера состоит из жареного мяса и кувшина вина. Посвяти ее Юпитеру благочестиво, надлежа-

щим образом [*Jovi caste profanato sua contagione*]. После того как совершишь приношение, засевай просо, чеснок и чечевицу.

F C. Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion paperbook series, New York, 1957, p. 34

99

РИМСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПЕРЕД СБОРОМ УРОЖАЯ

(Катон, «О сельском хозяйстве», 134)

Принесение в жертву свиньи, предваряющее сбор урожая, изначально, по-видимому, имело своей целью умилостивить богов Маны, рассерженных тем, что люди вольно или невольно потревожили почву во время сева, роста или созревания хлебов. В конце концов связь обряда с манами забылась, и он начал восприниматься как имеющий отношение исключительно к сбору урожая.

Перед сбором урожая надлежит принести в жертву *porca praecidanea** следующим образом: заколи свинью как *porca praecidanea* Церере прежде, чем начнешь собирать полбу, пшеницу, ячмень, бобы и поспевшие зерна. Перед жертвоприношением соверши молитву ладаном и вином Янусу, Юпитеру и Юноне. Поднеси горку пирогов (*strues*) Янусу со словами: «Отец Янус, поднося тебе эти пироги, я смиренно молю тебя быть благосклонным и милостивым ко мне и моим детям, моему дому и моим домочадцам». Затем поднеси пирог (*fertum*) Юпитеру со словами: «Поднося тебе этот пирог, о Юпитер, я смиренно молю тебя, чтобы ты, радуясь этому подношению, был благосклонен ко мне и к моим детям, к моему дому и к моим домочадцам». Затем поднеси Янусу вино и скажи: «Отец Янус, я смиренно молился тебе, поднося тебе пироги, так будь же почтен и этим вином, поставленным перед тобою». Затем так помолись Юпитеру: «Юпитер, будь почтен, приняв этот пирог; будь почтен, приняв это вино, поставленное перед тобой». Затем заколи *porca praecidanea*. Вынув внутренности, поднеси Янусу пироги и помолись так же, как прежде. Поднеси пирог Юпитеру, помолясь точно так же, как прежде. Таким же образом поднеси вино Янусу и Юпитеру, точно так же, как ты подносил горку пирогов и посвящал пирог (*fertum*). Затем поднеси внутренности и вино Церере.

F C Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion paperbook series, New York, 1957, p. 34–35.

---

* Свинья, которую закалывали в качестве жертвы перед началом сбора урожая — *Прим. ред.*

100
DEVOTIO: САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ДЕЦИЯ

(Тит Ливий, «История Рима», VIII, 9, 1–11; 10, 3)

Этот легендарный случай произошел предположительно в период Самнитских войн, около 340 г. до н. э.

Прежде чем повести войско в битву, римские консулы совершили жертвоприношения. Говорят, что прорицатель [*haruspex*] указал Децию на то, что верхушка печени расположена на благоприятной [правой] стороне, и что его жертва и в других отношениях приятна богам, а жертвоприношение Манлия оказалось особенно удачным. «Довольно и того, — сказал Деций, — что мой коллега получил благоприятные предзнаменования». В описанном выше порядке они выдвинулись на поле боя. Манлий командовал правым крылом, Деций — левым. Сначала сражение шло с равным ожесточением и упорством сторон; но потом римские *hastati* [копейщики] на левом крыле, не в силах сдержать напор латинян, отступили, смешавшись с *principes* [тяжеловооруженными воинами]. В этот тревожный миг консул Деций громко крикнул Марку Валерию: «Нам нужна помощь богов, Марк Валерий! Иди сюда, государственный понтифик римского народа, произнеси слова, чтобы я мог посвятить себя ради [спасения] легионов». Понтифик велел ему надеть окаймленную пурпуром тогу и накрыть голову, одной рукой из-под тоги коснуться подбородка и, встав ногами на копье, произнести такие слова: «Янус, Юпитер, отец Марс, Квирин, Беллона, Лары, боги Новенсилы, боги Индигеты, боги, в чьей власти мы и наши враги, и вы также, боги Маны, — я призываю и умоляю, вашей благосклонности я прошу и ищу, благословите войско и победу римского народа квиритов и посейте страх, ужас и смерть среди врагов римского народа квиритов. Произнося эти слова во имя государства римского народа квиритов, войска, легионов и союзников римского народа квиритов, я посвящаю вражеское войско и союзников вместе с собой богам Манам и Земле [Tellus]».

Промолвив эти слова, он приказал ликторам тотчас идти к Титу Манлию и объявить тому, что он посвятил себя подземным богам ради блага войска. Затем, опоясавшись габинским поясом и вскочив во всеоружии на коня, он ворвался в гущу врагов на виду у всех сражающихся, и в облике его было что-то, что внушало великое благоговение, словно он был послан небом искупить весь гнев богов и отвратить гибель от своего народа, обернув ее погибелью врагов. Итак, его сопровождали величайший страх и ужас, и, внеся сумятицу в первые ряды латинян, они распространились на

все боевые порядки. Более всего это проявлялось в том, что, куда бы он ни прискакал, воины дрожали, словно пораженные некой гибельной звездой; а в тот миг, когда он пал под градом дротиков, паника латинских когорт была уже несомненной — они повсюду бежали с поля битвы. Одновременно с этим римляне, чьи души уже освободились от суеверных страхов, усилили натиск, словно только сейчас был дан сигнал к бою, и нанесли решительный удар. Легковооруженные воины бежали между двумя первыми разрядами пехотинцев и усиливали порыв копейщиков и тяжеловооруженных, в то время как воины третьего разряда, опершись на правое колено, дожидались сигнала консула, готовые подняться [и двинуться] на врагов...

Впрочем, главной славы у всех граждан и союзников удостоились консулы, один из которых [Деций] навлек на себя все угрозы и опасности от небесных и подземных богов, тогда как другой выказал в бою такую отвагу и искусность, что римляне и латиняне, рассказывавшие о той битве, были согласны в том, что победительницей оказалась бы любая сторона, во главе которой стоял бы Тит Манлий. Латиняне бежали к Минтурнам. После сражения их лагерь был захвачен и многие — в основном кампанцы — были захвачены в плен и казнены. В тот день тело Деция найти не смогли, так что поиски продолжались и ночью. На следующий день его пронзенный множеством дротиков труп был найден среди груды мертвых врагов, и коллеги похоронили Деция так, как подобает хоронить консула, встретившего такую смерть.

Представляется уместным добавить к этому то, что консул, диктатор или претор, посвящающий вражеские легионы подземным богам, не обязательно должен посвящать вместе с ними самого себя. Вместо себя он может посвятить любого гражданина из рядов римского легиона. Если посвященный погибает, то это свидетельствует о том, что все в порядке. Если он остается в живых, тогда его изображение [*signum*] закапывают на глубине семи или более футов и приносят искупительную жертву [*piaculum*]; на то место, где погребено изображение, не вправе подниматься ни один римский магистрат.

Если же он, как Деций, предпочитает посвятить себя, но не погибает, то он не имеет права приносить жертву ни от своего имени, ни от имени народа — будь то жертвенное животное или иное приношение. Посвящающий себя может посвятить свое оружие Вулкану или любому другому богу [как правило, оружие врагов посвящалось Вулкану]. Копье, на котором стоял и молился консул, ни в коем случае не должно попасть в руки врагов. Если же это случается, то Марсу приносят искупительную жертву, состоящую из свиньи, овцы и быка [*Marti suovetaurilibus piaculum fieri*]. Хотя память о божественных и человеческих обычаях потускнела ввиду предпочтения, оказываемого новым и чужеземным, а не древним и

отеческим установлениям, я счел уместным изложить эти подробности теми самыми словами, которые были записаны и донесены до нас [древними].

F C Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion paperbook series, New York, 1957, pp 23–25

101
КОСМИЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

(Ригведа, X, 90)

Пуруша-сукта заметно отличается от восхваления безличной творческой силы *тад экам* (Ригведа, X, 129, см. с 110) и от гимна Праджапати (Ригведа, X, 121, см. с. 41). Пуруша — это и высшее существо, космос, и (буквально) «человек», который приносится в жертву, знаменуя тем самым начало творения. Явлена только одна четверть Пуруши — космического существа; три четверти Пуруши вечно сокрыты [подобно Брахману (ср. род) — абсолютной творческой силе].

Будучи актом самопожертвования, творческий акт Пуруши становится прототипическим: с этих пор все жертвоприношения суть его повторения, воспроизводящие жертву, алтарь и даже следствия того первого жертвоприношения. Иными словами, в соответствии со своим макрокосмическим образцом совершаемое человеком микрокосмическое действие воссоздает мир каждым новым жертвоприношением, творя, как *in illo tempore*, не только все живые существа, небесные тела, три мира и самих богов, но и субстанцию трех вед.

Особый интерес представляет то, что здесь перед нами единственное в Ригведе упоминание четырех социальных классов: расчлененный Пуруша дает жизнь брахманам, раджаньям (или *кшатриям*), вайшьям и шудрам, которые появляются из его рта, рук, бедер и ног соответственно. Так ведийский космогонический гимн объясняет происхождение неарийской зависимой касты (*шудра*), равно как и архаическое трехчастное разделение на жрецов, пекущихся о священном слове (*брахман*), воинов и силу (*кшатра*) их оружия, наконец, на вайшьев, возникших из бедер Пуруши, ведающих тайнами богатства и плодовитости животных и растений.

1. Тысячеглавый Пуруша, очей и ног по тысяче,
Всю землю он собой накрыл, на десять пальцев встал над ней.

2.Что было и что сбудется — все это вправду Пуруша:
Владеет он бессмертием, и пищей возрастает он[1].
3.Таков он по величию, и даже больше Пуруша:
На четверть он — все сущее, на три — бессмертен на небе.
4.Поднявшись на три четверти, он на одну остался здесь.
Затем шагнул во все концы над всем, что ест и что не ест.
5.Вирадж возникла из него, а из Вираджи — Пуруша[2].
Родившись, распростерся он с начала до конца земли[3].
6.Покуда жертву <первую> тянули боги Пурушей,
Был тук — весной, дровами — зной, а осень — возлиянием.
7.Травой[4] *кропили Пурушу, в начале дней рожденного:*
Так стал он жертвой для богов, для С а д х ь я[5] *и для р и ш и <стал>.*
8.Из жертвы той всежертвенной был собран тук разбрызганный
И живность: та, что в воздухе, лесная и домашняя.
9.Из жертвы той всежертвенной родились р и ч и, с а м а н ы,
Напевы стихотворные и я д ж у с — тоже из нее[6].
10.<Все> из нее: и лошади, и все обоезубые,
Коровы — тоже из нее, и козы вместе с овцами.
11.Когда пластали Пурушу — на сколь частей разрезали?
Как рот назвали? Ноги — как? Как — бедра и ступни его?
12.Рот Пуруши брахманом стал, а руки стали раджаньей,
Из бедер вайшья сделан был, а шудра — из ступней его.
13.Из духа месяц был рожден, из глаза — Сурья-солнышко,
Агни да Индра — изо рта, а Вайю — из дыхания.
14.Пупок его стал воздухом, и небом — голова его,
Ступни — землей, простором — слух: так боги мир изладили.
15.Обкладок[7] *было семь тогда, поленьев было трижды семь;*
Связали боги, как скота, тянули жертву Пурушу.
16.Жертвой жертве пожертвовали боги:
Вот каковы были первые дхармы.
Достигли могучие свода небес,
Где остались древние боги Садхья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хотя Пуруша — это «все, что есть», жертвоприношения способствуют его возрастанию

[2] Что такое *Вирадж*, не вполне понятно Как и в других космогонических гимнах (X, 129, X, 121), естественно видеть в нем первичную материю Здесь основой являются не бесформенный океан и не слившиеся небо-земля, а космический «человек», хотя, по-видимому, подразумевается некая промежуточная стадия «Из него» (сокрытой четверти Пуруши) возникает это вторичное космическое начало, которое, в свой черед,

порождает (явленную четверть) Пурушу. «Айтарейя-брахмана», I, 4 отождествляет, мистически, Вирадж с пищей, очевидно, сопоставив данный текст со строфами 2 и 4.

[3] С *одного конца земли (бхуми) до другого.*

[4] Трава для жертвоприношения.

[5] *Садхья*, класс древних небесных существ; «те, к кому нужно устремляться [в молитвах]».

[6] Здесь описано возникновение трех вед — Ригведы, Самаведы и Яджурведы Очевидно, что данный гимн вошел в Ригведу одним из последних.

[7] Ограничители жертвенного огня; обычно три зеленых прутика, но здесь названо священное число семь.

Перевод А. Н. Коваля по изданию: Th. Aufrecht, *Die Hymnen des Rigveda*. Dritte Auflage. Berlin, 1955.

См. также текст 56.

ОБРЯДЫ, ОРАКУЛЫ, ПРЕДПИСАНИЯ, БОГОПОЧИТАНИЕ

102
ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ (АВСТРАЛИЯ)

По общему убеждению племен, составляющих народность карамунди и обитающих на реке Дарлинг, дождь может быть вызван с помощью следующего обряда. Одному из мужчин вскрывают вену на руке, и кровь капает на углубление в коре, пока не натечет маленькая лужица. В нее насыпают немного мелко истолченного гипса и перемешивают до тех пор, пока не образуется густая масса. Из бороды того же мужчины вырывают несколько волосков и подмешивают к получившейся массе, которую затем помещают между двух кусочков коры и все вместе кладут на дно какой-нибудь реки или лагуны, где прикрепляют к заостренным, врытым в землю колышкам. После того как смесь полностью растворится, чернокожие ожидают прихода большой тучи, которая принесет дождь. С самого начала обряда до выпадения дождя мужчинам запрещено прикасаться к женам, иначе заклятие не подействует, и старики говорят, что, если бы это табу соблюдалось надлежащим образом, дождь выпадал бы после каждого такого обряда. Во время засухи, когда дождя ждут как манны небесной, для совершения обряда собирается все племя.

A.W. Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*, London, 1904, pp. 396–397.

См. также тексты 198–201, 210.

103
ОЖИВЛЕНИЕ ОСИРИСА

(«Тексты пирамид», §§ 258—259)

Один из самых ранних гимнов, относящихся к ритуалам в честь Осириса, сохранился в пирамиде Униса (2355—2325 до н. э.).

Привет тебе, о Знающий!
Геб сотворил тебя заново,*
Божественные снова произвели тебя на свет!
Гор доволен своим отцом,
*Атон** доволен своим отпрыском.*
Боги Востока и Запада радуются великому событию,
произведенному действием Божественного Отпрыска.
Ах! Осирис! Смотри! Узри!
Осирис! Слушай! Внимай!
Ах! Осирис! Поднимись, встань! Выполни, что я велю!
О Ненавистник Сна! О Онемелый!
*Восстань, низвергнутый в Недит***!*
*Счастливый, ешь свой хлеб в Пе****!*
*Возьми свой скипетр в Гелиополе*****!*
Это [говорит] Гор, он повелел оживить отца,
он выказал себя повелителем бури,
он отразил разбушевавшегося Сета,
и тот [Сет] должен теперь нести тебя —
ибо ему предначертано влечь того, кто [снова] цел.

R.T. Rundell Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London 1959, p. 111.

104
ЗАКЛИНАНИЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕЕ ОСИРИСА

(«Тексты саркофагов», 74)

Ах, Беспомощный!
Ах, Беспомощный Спящий!

---

* Бог Дуата (Преисподней), отец и защитник Осириса — *Прим. ред.*

** Диск Солнца — *Прим. ред.*

*** Место, где Сет убил Осириса. — *Прим. ред.*

**** Город в дельте Нила; *греч* Буто. — *Прим. ред.*

***** Город в Нижнем Египте, *егип* Иуну — *Прим. ред.*

Ах, Беспомощный, [пребывающий] в том месте,
которого ты не знаешь — но я знаю!
Смотри, я нашел тебя [лежащим] на боку —
великого Равнодушного.
«Ах, сестра! — говорит Исида Нефтиде. —
Это наш брат,
Давай поднимем ему голову,
Давай соединим его кости,
Давай соберем его члены,
Давай прекратим все его беды,
чтобы, насколько это в наших силах, он не страдал впредь.
Пусть соберется влага для этого духа!
Пусть тобою будут наполнены каналы!
Пусть тобою будут сотворены реки!
Осирис, живи!
Осирис, пусть великий Равнодушный восстанет!
Я — Исида».
«Я — Нефтида.
Будет, и Гор отмстит за тебя,
Будет, и Тот охранит тебя —
два твоих сына Великого Белого Венца —
Будет, и ты нападешь на тех, что напали на тебя,
Будет, и Геб увидит,
Будет, и Божественные услышат.
Тогда власть твою узрят на небе,
И ты повергнешь в смятение [враждебных] богов,
ибо Гор, твой сын, захватил Великий Белый Венец,
захватил у того, кто напал на тебя.
Тогда твой отец Атон призовет: «Приди!
Осирис, живи!
Осирис, пусть Равнодушный восстанет!»

R T. Rundell Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1959, pp. 125—126.

См. также тексты 88, 167, 168.

105
СВЯЩЕННАЯ ТРУБКА (ИНДЕЙЦЫ ДАКОТА)

Священная трубка играет главную роль в обрядах многих североамериканских индейских племен. Дым, выполняющий функцию фимиама, выдувается в направлении небесных Существ, земли и четырех сторон света.

...Однажды в голодную пору двое юношей рыщут по прерии, ища добычу. Они встречают одинокую красавицу. Одного охотника посещают сладострастные мысли — его окутывает облако; поднявшись, оно оставило от него одни кости. Второй же почтителен в своем сердце, и красавица наказывает ему поспешить в племя и подготовить соплеменников к встрече незнакомки. Воздвигается Знахарский Вигвам, и на восходе следующего дня дожидающимся ее индейцам является таинственная дева со священной курительной трубкой. Ее она жалует стражам племени как огромную ценность, одновременно разъясняя членам племени их обязанности в отношениях друг с другом. Рассказ Одинокого из племени тетонов передает самую полную версию основного учения. Рассказ записан Фрэнсисом Денсмором.

Сплетенная душистая трава была погружена в бизоний рог с дождевой водой и преподнесена Деве. Вождь сказал: «Сестра, теперь мы готовы слушать добрую весть, которую ты принесла». Трубка, которая была в руках Девы, была опущена на подставку. Потом Дева отпила воду с душистой травой.

Потом она снова взяла трубку, поднялась и сказала: «Мои родичи, братья и сестры! Вакантанка взглянул вниз и улыбается, видя нас сегодня, ибо мы встретились как члены одной семьи. Лучшее, что может быть в семье, — это доброжелательность по отношению к каждому члену семьи. Я горжусь тем, что стала членом вашей семьи — сестрой вам всем. Солнце — ваш дед, солнце — дед и мне. Ваше племя всегда выделялось исключительной верностью своим обещаниям, а также большим уважением и почтением к священным вещам. Известно также, что в племени преобладает доброжелательность и что любой ваш соплеменник, уличенный в каком-нибудь зле, исторгается из племени и никогда не допускается к общению с другими членами племени. За все эти добрые качества вашего племени вы были признаны достойными всевозможных добрых даров. Я представляю племя бизонов, пославшее вам эту трубку. Вы должны принять эту трубку во имя всего простого народа (индейцев). Возьмите ее и используйте, как я предписываю. Чашка трубки — из красного камня: камень этот необычный и находится в одном определенном месте. Эта трубка будет служить примирению. Наступит время, когда вы прекратите воевать с другими народами. Всякий раз, когда между двумя племенами или сторонами в споре заключается мир, эта трубка будет орудием, скрепляющим обязательства. Этой трубкой вы будете призывать знахарей, чтобы они оказали помощь больным».

Обратившись к женщинам, она сказала:

«Дорогие мои сестры, женщины! трудно вам живется в этом мире, но без вас эта жизнь не была бы такой, какая она есть. Вакантанка хочет, чтобы вы переносили немало скорби — утешали других во время скорби. Ваши-

ми руками движется семья. Вы получили умение делать одежду и кормить семью. Вакантанка с вами в ваших скорбях, он присоединяется к вам, когда вы в печали. Он дал вам великий дар доброты ко всякому живому созданию на земле. Вас он избрал, чтобы вы сохраняли чувства к умершим. Он знает, что вы помните умерших дольше, чем мужчины. Он знает, что вы горячо любите своих детей».

Потом, обратившись к детям:

«Мои маленькие братья и сестры! Ваши родители были когда-то маленькими, как и вы, но с течением времени они стали мужчинами и женщинами. Все живые создания были когда-то маленькими, но если бы никто не заботился о них, они никогда бы не выросли. Ваши родители любят вас и многим пожертвовали ради вас, чтобы Вакантанка услышал их и с вами не случилось ничего плохого, пока вы растете. Я принесла эту трубку им, но и вам она принесет благо. Научитесь уважать и почитать эту трубку, но прежде всего живите чистой жизнью. Вакантанка — ваш великий дедушка».

Обратившись к мужчинам:

«Теперь, мои дорогие братья, давая вам эту трубку, я ожидаю, что вы будете пользоваться ею только с добрыми помыслами. От нее будут зависеть все нужды племени. Вы знаете, что все, необходимое вам для жизни, исходит из земли внизу, неба вверху и четырех ветров. Если вы погрешите против этих стихий, они всегда отомстят вам. Вы должны почитать их. Приносите жертвы с помощью трубки. Когда вам понадобится бизонье мясо, раскурите эту трубку и попросите то, что вам нужно, и это будет дано вам. От вас зависит быть крепкой опорой женщинам в воспитании детей. Разделяйте женскую скорбь. Вакантанка улыбается человеку, который добр к женщине, ибо женщина слаба. Возьмите эту трубку и каждый день приносите ее Вакантанка. Будьте добры и справедливы к детям».

Обратившись к вождю:

«Мой старший брат! ты избран народом, чтобы получить эту трубку от имени всего племени сиу. Сегодня Вакантанка радуется и весел, ибо ты сделал то, что требуется и что должен делать любой добрый вождь. Этой трубкой будет жить твое племя. Ты обязан позаботиться о том, чтобы трубку уважали и почитали. Я горжусь, что меня называют сестрой. Пусть Вакантанка призрит на нас и смилуется над нами и даст нам то, что нам необходимо. А теперь раскурим трубку».

Она взяла бизоний рог, лежавший на земле, разожгла трубку и, указав на небо черенком трубки, промолвила: «Я приношу это Вакантанка за все благое, что исходит свыше». Указывая на землю: «Я приношу это земле, откуда происходят все благие дары». Указывая на стороны света: «Я приношу это четырем ветрам, откуда происходят все благие вещи». Затем она пыхнула трубкой, передала ее вождю и сказала: «Теперь, мои дорогие

братья и сестры, я сделала то, ради чего была послана сюда; я уйду, но мне не нужны провожатые. Я только прошу расчистить мне путь».

Она поднялась и отправилась в путь, оставив трубку вождю, который приказал народу хранить молчание, пока их сестра не скроется из виду. Очень медленным шагом она вышла из левого входа в вигвам; оказавшись снаружи, она обратилась в белого теленка.

H.B. Alexander, *The World's Rim* (Lincoln, Neb.: University of Nebrasca Press, 1953), pp. 155–157, цитата из кн. F. Densmore, *Teton Sioux Music*, Bureau of American Ethnology, Bulletin 61, 1918, pp. 65–66.

106

СМЫСЛ И ЦЕННОСТЬ РИТУАЛОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНФУЦИАНСТВА

(«Сунь-цзы», глава 19, «Об обрядах» [«Ли»])

Наряду с Конфуцием и Мэн-цзы, Сунь-цзы был одним из выдающихся мыслителей эпохи Чжоу. Точные даты его жизни неизвестны, но его расцвет приходится примерно на 298–238 годы до н. э.

Обряды (*ли*) покоятся на трех основах: Небе и земле, истоке всего живого; предках, истоке рода человеческого; государях и учителях, истоке управления. Если бы не было Неба и земли, то откуда бы возникла жизнь? Если бы не было предков, то откуда возникли бы потомки? Если бы не было государей и учителей, то откуда возникло бы управление? В отстутствие одного из трех или не было бы людей, или люди не знали бы мира. Поэтому обряды должны служить Небу вверху и земле внизу, чтить предков и возвышать государей и учителей. Такова тройная основа обрядов...

В целом, обряды начинаются с немудреных действий, совершенствуются и, наконец, достигают красоты и стройности. Когда обряды совершенны, то человеческие эмоции и чувство прекрасного выражаются самым полным образом. Когда они на предыдущем уровне, то преобладают или эмоции, или чувство прекрасного. Когда же они на низшем уровне, то эмоции возвращаются в состояние первобытности.

Благодаря обрядам пребывают в гармонии Небо и земля, ярко светят солнце и луна, упорядочиваются четыре времени года и следуют своим путем звезды, текут реки и царит процветание, любовь и вражда умеряются,

радость и гнев сдерживаются. Они внушают послушание подданным и доставляют славу правителям. Держащийся обрядов никогда не мечется даже посреди многообразных перемен; отошедший от них потерян. Разве не обряды — высшее выражение культуры?..

Обряды требуют от нас чуткости к жизни и смерти. Жизнь — начало человека, смерть — его конец. Когда человек благополучен и в конце, и в начале, то путь его исполнен. Поэтому благородный уважает начало и чутко заботится о конце. Уделять равное внимание концу и началу — вот в чем путь благородного и красота обрядов и праведности...

Обряды укорачивают слишком длинное и удлиняют чересчур короткое, умаляют слишком большое и увеличивают слишком малое, выражают красоту любви и почтения и развивают изящество праведного поведения. Посему в обрядах равно используются изящное украшение и грубая дерюга, музыка и плач, ликование и скорбь, хотя они и противоположны. Изящное украшение, музыка и ликование уместны по счастливым случаям; грубая дерюга, плач и скорбь уместны в злоключениях. В обрядах есть место изящным украшениям, но они не ослепляют, грубой дерюге, но она не унижает и не оскорбляет, музыке и ликованию, но они не изнеживают и не расслабляют, плачу и скорби, но они не удручают и не подавляют. Таков средний путь обрядов...

Погребальными обрядами живущие украшают мертвых. Мертвые удостаиваются проводов, как если бы они были живыми. Тем самым мертвым услуживают как живущим, отсутствующим как присутствующим. Таким образом, равное внимание уделяется началу и концу жизни...

Обрядами по случаю рождения украшают радость, по случаю смерти — украшают скорбь, по случаю жертвоприношения — украшают почтение, по случаю военных действий — украшают достоинство. В этом отношении обряды всех видов сходны, древность и современность согласны, и никому не ведомо, откуда они появились...

Жертвоприношение должно выражать чувство памяти и любви, ведь нельзя навсегда отрешиться от горя и страдания. Когда люди наслаждаются хорошим обществом, верный слуга или любящий сын испытывают порой горе и страдание. Эти чувства трогают его и возбуждают. Если они не получат должного выражения, тогда его эмоции и воспоминания остаются неутоленными, и не хватает надлежащего обряда. Ввиду этого цари древности учредили обряды, и с этих пор полностью осуществляется принцип выражения почести чтимым и любви любимым. Поэтому я говорю: жертвоприношение должно выражать чувство памяти и любви. Что же до полноты чувства верности и привязанности, богатства и красоты обряда — то их не постиг никто, кроме мудреца. Жертвоприношение — это то, что ясно постигается мудрецом, удовлетворительно совершается благородными и учеными людьми, почитается за обязанность чи-

новниками, за установленный обычай принимается простым народом Благородные видят в нем путь человека; простонародье считает, что оно имеет дело с духами.

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Chinese Tradition* New York, Columbia University Press, 1960, pp 123—124

107

ВОЗДВИЖЕНИЕ СВЯТИЛИЩА АМАТЭРАСУ

(*«Нихонги», I, 175—176*)

Публикуемый ниже отрывок из *«Нихонги»* (см. с. 96) относится к двадцать пятому году правления императора Суинина (5 г. до н. э., согласно традиционной хронологии, но, вероятнее, примерно 200 г. н. э.) и описывает основание великого святилища Аматэрасу в Исэ. Переезд Солнечной Богини несомненно соотносится с перемещением зеркала, мыслившегося ее воплощением.

Третий месяц, 10-й день. Великая богиня Аматэрасу была взята у [принцессы] Тойо-суки-ири-химэ и доверено [принцессе] Ямато-химэ-но-микото. Ямато-химэ принялась искать место, где она могла бы посвятить Великой Богине храм. Поэтому она отправилась в Сасахату, что в Уде Повернув оттуда, она вступила в землю Оми и направилась на восток в Мино, откуда прибыла в провинцию Исэ.

Тут великая богиня Аматэрасу обратилась к Ямато-химэ с наставлением: «Провинция божественного ветра Исэ, — это земля, которую одна за другой омывают волны из вечного мира. Это уединенная и приятная земля. В этой земле я хочу поселиться». Поэтому, во исполнение наказа великой богини, в провинции Исэ было воздвигнуто святилище. Дворец Воздержания[1] был построен также в Каваками в Исудзу. Он был назван дворцом Исо. Именно там великая богиня Аматэрасу впервые спустилась с Неба.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Дворец Воздержания, или Дворец Поклонения*

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition* New York, Columbia University Press, 1958, pp. 34—35

108
СИНТОИСТСКИЙ ПРАЗДНИК ИСПРАШИВАНИЯ УРОЖАЯ

(Норито)

Моление ради урожая, или Тосигои но Мацури, совершалось в четвертый день второго месяца каждого года в столице в Дзингикуване, или Доме Почитания синтоистских богов, а в провинциях — главами местных администраций. В Дзингикуване собирались государственные министры, служители Дома, жрецы и жрицы 573 храмов с 737-ю святынями, которые содержались на средства казны микадо, тогда как наместники провинций в управляемых ими округах контролировали исполнение обрядов в честь 2395 других святынь.

Служба начиналась без двадцати семь. Служители Дзингикувана раскладывали на столах и под столами приношения сообразно рангу святынь, от лица которых они выставлялись. После завершения последних приготовлений государственные министры, девственные жрицы и жрецы, в храмы которых посылал приношения микадо, входили друг за другом и занимали отведенные им места. Затем из конюшни микадо приводились кони, составлявшие часть приношения, и все собравшиеся подходили ближе, в то время как чтец декламировал или читал *норито*. Этот чтец был выходцем из жреческой семьи или из племени накатоми, ведущих свою родословную от Амэ-но-коянэ, бывшего одним из главных советников внука солнечной богини, когда тот впервые сошел на землю.

Самое раннее сообщение о торжествах по этому случаю содержится в анналах за 871 г. н. э. Ритуал, предваряющий сбор урожая, в переводе Сатоу, содержит 13 молитв и обращений. Приводимый ниже текст — третий по счету в этой серии.

Говорю[1] *смиренно перед царственными богами священного риса*[2]*:*
«Этот поздний рис священный, что дарują боги царственные,
Этот поздний рис священный, что собирают —
И с локтей пеной вода стекает,
И спереди к ногам грязь прилипает[3] *—*
Восемь связок колосьев, пышных колосьев[4]*,*
Коли дарują боги царственные,
То первые колосья —
Тысячу метелок, восемь сотен метелок

Подношениями разложив, славословия вознесу.
Верхушки сосудов высоко воздымая,
Утробы сосудов наполнив, рядом поставлю, —
И соком, и метелками хвалы вознесу.
В Равнинах Великих Полей растущее — сладкие травы,
горькие травы;
В Равнинах Синих Морей живущее — с плавником широким,
с плавником узким,
До водоросли морской, водоросли прибрежной;
Одежду священную —
Яркое тканье, блестящее тканье,
Мягкое тканье, грубое тканье, —
Этим хвалы вознесу.
Перед царственными богами священного риса —
Коня белого, вепря белого, петуха белого[5] —
Подношения всех видов и образов выставив,
Драгоценные дары божественного внука[6] *подношу вам,*
И пусть хвалы вознесутся!» — так возглашаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чтец, говорящий от лица микадо.

[2] Кто такие боги урожая, неизвестно. Согласно «Кодзики», Сусаноо породил великого бога урожая, О-тоси-но Ками, который породил бога урожая, Митоси-но Ками, а в других мифах встречаются имена еще нескольких божеств, которые дали людям зерновые. Самые известные из них — богиня, почитаемая во Внешнем Храме в Ватараи, что в Исэ, и бог Ука-но митама, или Дух Пищи, которому посвящен храм Инари.

[3] Здесь описана подготовка влажной почвы перед засеванием рисовых полей.

[4] Слово *kahi*, переведенное здесь как «колос», означает скорее рисовое семя в пленке.

[5] Конь — для того, чтобы бог на нем ездил, петух — чтобы бог определял с его помощью время, а кабан (одомашненное животное, а не дикий вепрь) — чтобы пойти в пищу богу.

[6] Т. е. внук солнечной богини Аматэрасу. Эпитет «божественный» впервые был применен по отношению к основателю земной династии микадо, но со временем стал прилагаться к каждому его преемнику.

Вступительная статья и примечание — E. Satow, *Ancient Japanese Rituals*: no 1 — The Praying for the Harvest'. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, vol. VII, part I, 1879, pp. 97–132; цитируется с. 113 сл.; пер. Л. М. Ермаковой; цит. по: Норито. Сэмме. — М., 1991, с. 91–92.

109
ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ОМОВЕНИЕ НОВОРОЖДЕННОГО У АСТЕКОВ

(Бернардино де Саагун)

Жрец обращается к богине Текущих Вод:

«Милосердная Госпожа Чальчиутликуэ, этот твой слуга пришел в этот мир, присланный твоими отцом и матерью, Ометекутли и Ометеотль, обитающими на девятом небе. Мы не знаем, какие дары он приносит; мы не знаем, что было предначертано ему до начала мира, не знаем, какая участь облекает его. Мы не знаем, благая эта участь или злая, не знаем, почему его будет преследовать злосчастье. Мы не знаем, какие недостатки или пороки он мог унаследовать от отца или матери. Воззри на него — он в твоих руках! Омой его и освободи его от нечистоты, как должно, ибо он доверен твоей власти. Очисть его от скверны, которую он получил от родителей; пусть вода унесет грязь и нечистоты, освободив его от всего пятнающего. Будь милостива, о богиня, пусть очистятся его жизнь и сердце, чтобы он мог жить в этом мире безмятежно и мудро. Пусть эта вода унесет все болезни — ради этого дитя предано в твои руки, в руки матери и сестры богов, единственной, кто достойна обладать этим и давать это. Смой с него зло, которое было на нем до начала мира. Снизойди к нашей просьбе, вот он, перед тобой, этот ребенок».

H.B. Alexander, *The World's Rim* (Lincoln, Neb.: University of Nebrasca Press, 1953), p. 177; из кн. Bernardino de Sahagún, *Historia de las Cosas de la Nueva Espana*, Mexico, 1946, книга VI, глава XXXII.

110
ЕГИПЕТСКАЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ»

(«Книга мертвых», глава 125)

Войдя во Двор богинь Истины, усопший говорит:

«Привет тебе, о великий бог, Владыка Истины. Я пришел к тебе, мой Владыка, чтобы узреть твою красоту [т. е. испытать на себе твою милос-

тивую доброту]. Я знаю тебя, я знаю твое имя. Я знаю имена Сорока Двух богов, живущих с тобою в этом Дворе Истины, — они отвращают тех, кто совершил зло, они питаются их кровью в тот день, когда жизни людей разбираются в присутствии Уннефера [Осириса]. Воистину, я пришел к тебе. Я принес истину к тебе Я отринул несправедливость ради тебя». [Затем умерший перечисляет преступления, которых он не совершал.]

1. Я не грешил против людей.
2. Я не угнетал (не причинял вреда) [моим] родичам.
3. Я не совершал зла в месте Истины.
4. Я не знался с недостойными.
5. Я не творил омерзительных дел.
6. .....
7. Я не искал почестей своему имени.
8. Я не был деспотом для рабов.
9. Я не кощунствовал.
10. Я не отнимал у бедняка его добра.
11. Я не делал того, что отвратительно богам.
12. Я не побуждал хозяина причинить вред его рабу.
13. Я никого не заставлял страдать.
14. Я никого не отпускал голодным.
15. Я не был причиной слез.
16. Я никого не убивал.
17. Я не приказывал убивать.
18. Я не причинял людям страданий.
19. Я не крал храмовых приношений.
20. Я не осквернял хлебы богов.
21. Я не похищал приношениям духам.
22. Я не запятнан противоестественным блудом.
23. Я не осквернял себя в чистых местах бога моего города.
24. Я не обманывал, отмеряя зерно.
25. Я не крал земли и не прибавлял к ней.
26. Я не посягал на чужие поля.
27. Я не давил на гирю.
28. Я не мошенничал с весами.
29. Я не отнимал молока от уст младенцев.
30. Я не сгонял стада с их пастбищ.
31. Я не ловил в силки гусей в заповедниках богов.
32. Я не ловил рыб на наживку из плоти их.
33. Я не преграждал путь воде, когда она должна течь.
34. Я не прорезал дорогу канала с текущей водой.

35. Я не гасил пламя, когда оно должно гореть.
36. Я не пропускал дней принесения отборных приношений.
37. Я не изымал скот из владения богов.
38. Я не отвергал бога в проявлениях его. Я чист. Я чист. Я чист. Я чист.

E A Wallis Budge, *Osiris. the Egyptian Religion of Resurrection*, vol I, 1911, pp. 337-339, см также E A Wallis Budge, *The Book of the Dead*, vol. II, 1901, pp 365—371

111
ИСПОВЕДЬ И ПОКАЯНИЕ У АСТЕКОВ

(*Бернардино де Саагун*)

...исповедующий обращается к кающемуся со словами: «О брат, ты пришел туда, где тебе грозит огромная опасность, предстоят великие труды и ужасы... ты пришел туда, где сгрудились и сплелись силки и сети, так что никто не может пройти, не запутавшись в них... это твои грехи, которые являются не только силками, сетями и ямами, в которые ты уловлен, но и дикими зверями, которые убивают и терзают тело и душу... Когда ты был создан и послан сюда, твой отец и мать, Кетцалькоатль, сотворил тебя подобным драгоценному камню... но твои собственные воля и выбор запачкали тебя... а теперь ты признался... ты раскрыл и явил все свои грехи нашему господу, который оберегает и очищает всех грешников; и не считай это за насмешку, ибо поистине ты вступил в источник прощения, подобный чистейшей воде, которой наш господь и бог, оберегающий и хранящий нас всех, смывает грязь с души... теперь ты родился заново, теперь ты начинаешь жить; и даже теперь наш господни и бог дает тебе свет и новое Солнце; теперь ты тоже начинаешь цвести и пускать побеги, словно драгоценный камень чистой воды, происходящий из чрева твоей матери, где ты сотворен... Тебе надлежит нести покаяние, трудясь год в доме бога; там ты будешь истязать себя и будешь пронзать свое тело колючками; ты будешь нести покаяние за прелюбодейства и прочие проступки, дважды в день протягивая ивовую лозу через уши и через язык, — не только за плотские грехи, которые уже упоминались, но за слетевшие с твоего злого языка слова и оскорбления, которыми ты нападал и вредил своим ближним. А также за неблагодарность перед благодениями нашего господа, за бесчеловечность к своим ближним — ты не приносил богу жертвы из благ, что он дал тебе, и не делился с бедняками временными благами, которыми наделил тебя наш господь. Ты должен будешь преподнести пергамент и смолу копал, а также давать милостыню нуждающимся, которые голодают,

не имея ни пищи, ни питья, ни одежды, хотя для этого тебе самому придется отрывать от себя пищу, и делай все, что можно, чтобы одеть тех, кто наги и в лохмотьях, считай их плоть своей плотью, а их самих — такими же людьми, как ты сам.

Laurette Sejourne, *Burning Water*, London, 1957, pp 9—10, цитата из кн Bernardino de Sahagun, *Historia de las Cosas de la Nueva España*, Mexico, 1946, vol II, p 275

112
КИТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЙ

(Дун Чун-шу, Чунь-цю фань-лу, § 30)

Дун Чун-шу жил в 179?—104? гг. до н. э. Заглавие его пространного трактата, из которого взят следующий фрагмент, можно перевести как «Глубокое значение Весенних и Летних анналов».

Иногда небесные и земные создания необычным образом изменяются, и эти изменения называются предзнаменованиями. Менее значительные из них называются зловещими предзнаменованиями. Предзнаменования всегда приходят первыми и сопровождаются чудесами. Предзнаменования — это предупреждения Неба, чудеса — угрозы Неба. Небо сначала посылает предупреждения, и если люди не разумеют, тогда оно посылает чудеса, чтобы напугать их. Об этом и говорится в «Книге песен»: «Мы трепещем в ужасе и страхе перед Небом!» Такие предзнаменования и чудеса всегда являются прямым следствием государственных неурядиц. Когда в государстве появляются первые признаки неурядицы, Небо посылает зловещие предзнаменования и бедствия, чтобы предупредить людей и указать на неурядицу. Если, несмотря на эти предупреждения и указания, люди по-прежнему не сознают своих заблуждений, тогда Небо посылает всевозможные чудеса, чтобы устрашить их. Если и после этих угроз люди не ведают ни страха, ни ужаса, тогда их посещает бедствие или несчастье. Из этого явствует, что воля Неба благожелательна, ибо оно не желает загнать людей в ловушку или обмануть их.

Тщательно изучив эти чудеса и предзнаменования, мы сможем различить волю Неба. Воля Неба желает, чтобы мы делали одно и не делали другого. Что касается вещей, угодных и неугодных Небу, то если человек поищет в себе, он, несомненно, найдет указания на них в собственном сердце, а если он оглянется на происходящее вокруг, то он найдет под-

тверждение этим указаниям в государстве. Итак, мы способны различить волю Неба в этих предзнаменованиях и чудесах. Следует не ненавидеть эти знаки, но устрашаться их, считая, что Небо желает исправить наши недостатки и спасти нас от наших ошибок Поэтому таким путем оно нас предупреждает.

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Chinese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1960, p 187

113
ЯВЛЕНИЕ БЕЛОГО ФАЗАНА, БЛАГОПРИЯТНОЕ ЗНАМЕНИЕ (ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ)

(«Нихонги», II, 237–239)

Император сказал: «Когда в мир приходит мудрый правитель и правит Империей, Небо отзывчиво к нему и являет ему благоприятные знамения. В древности, когда Западной Страной (т. е. Китаем) правил Чжэнь-ван из династии Чжоу и когда правил Мин Ди из династии Хань, люди видели белых фазанов. В Нашей стране Японии во времена императора Омуда белая ворона свила свое гнездо во дворце. При императоре Осадзаки на западе появился конь-дракон. Это показывает, что с древних времен до сих пор было много случаев благих предзнаменований, явленных добродетельным правителям. Все эти фениксы, единороги, белые фазаны, белые вороны и тому подобные птицы и звери, даже деревья и травы, иными словами, все вещи, похожие на осмысленный ответ, являются благоприятными знамениями и благими знаками, производимыми Небом и Землей. Нет ничего удивительного в том, что мудрые и просвещенные владыки получают такие благие знамения. Но почему Нам, таким пустым и полым, должно было выпасть такое счастье? Этим, несомненно, Мы полностью обязаны Нашим Помощникам, Министрам, Полководцам, Священнослужителям, Придворным и Местным Блюстителям, каждый из которых верен до конца и исполняет предписания. Давайте поэтому все мы — от Министров до чиновников — с чистым сердцем поклонимся богам Неба и Земли, и, приняв радостное знамение, обеспечим процветание Империи».

И еще он приказал:

«Небо поручило Нам провинции и округа в четырех частях света — Мы осуществляем высшую власть над Империей. В провинции Анато, которой правили Наши божественные предки, было явлено это благое знамение. Посему Мы провозглашаем общую амнистию по всей Империи

и начинаем новый годичный период, который будет назван годом Белого Фазана. Более того, Мы запрещаем соколам летать в пределах провинции Анато».

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition* New York, Columbia University Press, 1958, p 80

114

ОРАКУЛ ТРОФОНИЯ В ЛЕБАДИИ

(Павсаний, «Описание Эллады», IX, 39)

По словам Павсания, Трофоний — это фигура, сопоставимая с Асклепием, так как в пещере Геркины, где находятся истоки одноименной реки (в действительности Геркина — местная речная нимфа), помещены «статуи в виде стоящих прямо фигур с жезлами в руках, а вокруг жезлов обвились змеи. Всякий легко догадается, что это статуи Асклепия и Гигиеи; но они могут быть также статуями Трофония и Геркины, так как змеи считаются посвященными столько же Асклепию, сколько и Трофонию... Самые замечательные вещи в роще — это храм Трофония и его статуя, тоже похожая на статую Асклепия; изваял эту статую Праксителъ». Павсаний далее пишет:

«Что касается прорицалища, то там установлен такой порядок посещения. Если какой-либо человек решит спуститься в пещеру Трофония, то прежде всего он должен прожить определенное число дней в особом здании; это здание — храм Доброго Демона и Доброго Случая (Тихи). Живя здесь, он совершает различные очистительные обряды и, между прочим, воздерживается от теплых омовений; для омовения ему служит река Геркина. Мяса он получает много от жертв: всякий, решающий спуститься в пещеру, приносит жертвы самому Трофонию и детям Трофония, а кроме того, Аполлону, Кроносу, Зевсу, именуемому Царем, Гере Гениохе (Вознице) и Деметре, которую называют Европой (Широкоглядящей) и говорят. что она была кормилицей Трофония. При каждом жертвоприношении присутствует предсказатель; он вглядывается во внутренности жертвенных животных и, рассмотрев их, дает <предварительное> предсказание собирающемуся спуститься в пещеру — милостиво ли и благосклонно примет его Трофоний. Но внутренности не всех жертвенных животных в равной степени знаменуют волю Трофония: в ту ночь, в которую каждый должен спуститься в пещеру, в эту ночь приносят в жертву барана над ямой, призывая имя Агамеда. Благоприятные знамения, объявленные при первых жерт-

вопринощениях, не имеют никакого значения, если внутренности этого барана не говорят того же самого. Но если и они подтверждают прежние знамения, то каждый спускается в пещеру, преисполненный доброй надежды. А спуск этот совершается следующим образом. Прежде всего в эту ночь его ведут к реке Геркине, моют его и умащают маслом. Ведут его два мальчика лет по 13, из числа горожан — их называют Гермесами; они-то и моют и служат во всем другом этому нисходящему в пещеру как мальчики-рабы. Затем он переходит в руки жрецов, которые ведут его не прямо в пещеру прорицаний, а к источникам воды, правда, они находятся близко один от другого. Здесь он должен напиться из одного воды Леты (Забвения), чтобы он забыл о всех бывших у него до тех пор заботах и волнениях, а из другого он таким же образом опять пьет воду Мнемосины (Памяти), в силу чего он помнит все, что он видел, спускаясь в пещеру. Показав ему статую, которую, как они говорят, сделал Дедал и которую жрецы не позволяют видеть никому, кроме тех, кто намерен идти в пещеру Трофония, поклонившись и помолившись этой статуе, они ведут его в прорицалище. На него надевают льняной хитон, подпоясывают хитон лентами и надевают специальную местную обувь. Сам оракул находится за рощей на горе. Здесь сделана ограда из белого мрамора, окружность которой — как самый небольшой молотильный ток, высота же меньше двух локтей В эту ограду вделаны шесты из меди, так же как и поперечные полосы, связывающие их. В этой загородке проделаны двери. За этой оградой есть отверстие в земле, не природное, но выложенное со всем искусством и роскошью каменной кладки. Внешний вид этого сооружения похож на печь для печения хлеба; диаметр его, на глаз, локтя четыре, а в глубину никто, кто бы ни прикинул на глаз, не даст больше восьми локтей. В самые недра пещеры схода не сделано никакого, но когда кто-нибудь идет к Трофонию, ему дают узкую и легкую лестницу. Между этим сооружением и внутренностью пещеры спускающийся встречает щель шириной в две ладони, а высотой в одну. Спускающийся ложится на пол, держа в руках ячменные лепешки, замешанные на меду, и опускает вперед в щель ноги и сам подвигается, стараясь, чтобы его колени прошли внутрь щели. Тогда остальное тело тотчас же увлекается и следует за коленями, как будто какая-то очень большая и быстрая река захватывает своим водоворотом и увлекает человека. Те, которые таким путем оказываются внутри тайного святилища, узнают будущее не одним каким-либо способом, но один его видит глазами, другой о нем слышит. Спустившимся возвращаться назад приходится тем же самым путем, через ту же скважину, ногами вперед. Они говорят, что никто из спускавшихся туда не умер, исключая одного из телохранителей Деметрия. Говорят, что этот не совершил ничего из установленных при святилище обрядов и спустился туда не для того, чтобы вопросить бога, но надеясь в этом тайном храме набрать золота и серебра. Говорят, что и труп

его был найден в другом месте и не был выкинут через святое отверстие. Из многого другого, что рассказывают об этом человеке, я привожу самое важное. Того, кто вернулся наверх из пещеры Трофония, жрецы опять берут в свои руки, сажают на так называемый «Трон Мнемосины» (Памяти), который стоит недалеко от святилища, и, посадив его там, спрашивают, что он видел и что слышал. Узнав все, они поручают его только тогда родственникам. Взяв его на руки, они несут его в то помещение, где он прежде жил, в храм Доброго Случая (Тихи) и Доброго Демона. Подняв его на руки, они приносят его сюда, охваченного ужасом и в таком состоянии, что он не сознает самого себя и не узнает близких. Но впоследствии к нему вполне возвращается разум и даже прежняя способность смеяться. Это я пишу не на основании слухов, но иных я видел своими глазами и сам вопрошал Трофония».

Перевод С.П. Кондратьева (Павсаний. Описание Эллады. — М.: Ладомир, 1994, т. II, с. 387–389). См. также комментарии Дж. Фрезера в кн. *Pausanias's Description of Greece*, London, 1898, Bk V, pp. 196–204.

115

«ИСПИЛИ МЫ СОМЫ И СТАЛИ БЕССМЕРТНЫМИ»

(Ригведа, VIII, 48, отрывки)

1.Мудрый, отведал я сладостной пищи
Дающей волю и добрые мысли.
Все боги <тут> со смертными сходятся,
Называя этот <напиток> «медом»[1].
3.Испили мы Сомы и стали бессмертными[2],
К свету пришли мы, богов отыскали.
Что нам может теперь причинить вражда?
Что нам, бессмертный[3]*, нападки смертного?*
4.Придись нам по сердцу, выпитый Инду[4],
О Сома, как сыну — любезный отец,
Как другу — друг! Прозорливый, преславный,
Продли нам срок нашей жизни, о Сома!
5.Славный напиток дает избавленье,
Суставы крепит, как ремни — повозку.
Перелом ноги да предотвратят мне,
Пусть хромоты не допустят те капли!

8.Сома-царь, будь милостив нам на счастье:
Мы твои по обету, знай об этом!
Взыграет душа, распалится гнев —
Не выдай нас, Инду, как враг желает!
9.О Сома, ты нашего тела пастух,
В каждом члене воссел ты, мужезритель.
Если твои мы преступим обеты —
Бог благой, помилуй нас, как добрый друг!
11.Прочь отошли те недуги-болезни,
Дурманящие — затряслись от страха:
Это мощный Сома до нас добрался,
Мы пришли туда, где жизнь продлевают.
13.Ты, Сома, с предками объединившись,
Распростерся над землею и небом.
Тебя мы, Инду, почтим возлияньем,
Чтобы стать нам господами богатства.
14.Спасители боги[5], за нас вступитесь,
Чтоб ни сон нас не брал, ни бормотанье[6],
И пусть мы, вседневно Сомою тешась,
В общине с мужами творим молитву!
15.Ты, Сома, нас подкрепляешь повсюду,
Солнце стяжаешь; войди, мужезритель!
Ты, Инду, с помощниками заодно
Сзади храни нас и спереди тоже!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Madhu*, «сладкий» выжатый сок, известный как *сома*. Родственные слова (греч. *μεθυ*, древнеславянск. *медъ*, исландское *miqdr*, англо-саксонск. *meodu*) наводят на мысль о том, что частью индоевропейского культа был, возможно, хмельной медовый напиток небесного происхождения, к которому возводились религиозно значимые опьянение и производящая сила; в религии индоиранцев *сома* (авестийск. *хаома*) безусловно играл существеннейшую роль. Центральное место жертвоприношения сомы в ведийском ритуале стало причиной того, что по количеству посвященных ему гимнов его превосходят только Индра и Агни, которые и сами были тесно связаны с божественным растением и его соком. Все 114 гимнов в девятой книге Ригведы обращены к божеству Соме.

[2] В кульминационный момент Ваджапейи, одной из семи разновидностей жертвоприношения сомы, жертвователь взбирается по ритуальному шесту «на небо» и объявляет о своем свершении, достигнув верхней точки (ср. Тайттирийя-самхита, 1, 7, 9).

[3] *Амрита*, буквально «не мертвый»; как и амбросия, сома — напиток бессмертных.

[4] «Яркая капля», Сома.

[5] Ашвины.

[6] Бодрствование и молчание могут обозначать обеты в *дикше* (посвятительном обряде) перед жертвоприношением сомы (A.A. Macdonell, *A Vedic Reader for Students*, London, Oxford University Press, 1917, p. 163).

Перевод А. Н. Коваля по изданию: Th. Aufrecht, *Die Hymnen des Rigveda*. Berlin, Dritte Auflage, 1955.

116

МИФ И РИТУАЛ: КАК СТАТЬ ГАНДХАРВОЙ

(«Шатапатха-брахмана», XI, 5)

Фрагмент из весьма поздней и очень известной брахманы представляет собой увлекательную разработку любовной истории, начатой, но не завершенной, в известнейшем из «диалогических» (самвада) гимнов Ригведы (X, 95). Этот же сюжет встречается в «Махабхарате» и пуранах, его использовал Калидаса в своей драме «Викраморваши».

Гандхарвы и Апсары — древние классы небесных существ, в поздних самхитах часто ассоциируемые с водой и деревьями — как и многие другие лесные существа, иногда дружелюбны, иногда враждебны к людям. Царь Пуруравас и апсара Урваши полюбили друг друга, но гандхарвы хитростью разлучают любовников, и оставшийся в одиночестве царь ищет обряда, с помощью которого он тоже мог бы сделаться настоящим лесным существом, гандхарвой.

Апсара Урваши полюбила Пурураваса, сына Иды[1]. Выходя за него замуж, она сказала: «Ты должен пронзать меня тростником трижды в день, но никогда не ложись со мной против моей воли. Более того, я никогда не должна видеть тебя нагим, ибо так и приличествует вести себя нам, женщинам!»

Она долго жила с ним и за это время родила ему ребенка. Тогда гандхарвы сказали друг другу: «Эта Урваши уже так долго живет среди людей! Мы должны найти способ вернуть ее!»

К ее кровати была привязана овца с двумя ягнятами, и гандхарвы унесли одного из ягнят. «Они уносят моего малыша, — закричала она. — Как будто в этом доме нет ни воина, ни мужчины!» Тогда они унесли и второго, и она повторила свои слова.

Тогда он подумал: «Как это там, где живу я, нет ни воина, ни мужчины?» И как был, нагой, он выскочил за ними, так как думал, что одевание отнимет слишком много времени.

Тогда гандхарвы подстроили вспышку молнии, и она увидела его, словно при свете дня, — и исчезла...

Горько рыдая, он исходил всю Курукшетру[2]. Там есть озеро с лотосами, которое называется Аньятахплакша. Он вышел на берег и увидел нимф, плававших по озеру в облике лебедей[3].

И она заметила его и сказала: «С этим мужчиной я жила!» — «Давайте покажем себя ему», — сказали они. «Очень хорошо», — ответила она, и они предстали перед ним [в своем настоящем облике][4].

(Пурураваc)
1.Погоди жена образумься злая
нам же нужно перемолвиться словом
ибо наши несказанные мысли
не приносят нам радости в грядущем.
(Урваши)
2.И что мне делать с твоими словами
я же минула как ранняя зорька
и ты Пурураваc ступай обратно
ибо догнать меня трудней чем ветер...
14.(Пурураваc)
Что же если твой возлюбленный сгинет
дальше дальнего уйдет не вернется
если упокоится в лоне смерти[5]
если сожрут его лютые волки.
(Урваши)
15.Не сгинешь ты не умрешь Пурураваc
да не сожрут тебя лютые волки
ведь с женами дружества не бывает
потому что сердца у них шакальи[6].
16.В чужом обличье с тобой среди смертных
четыре осени[7] *я ночевала*
а в день единожды каплей масла
*сыта я жертвенным маслом доныне**.

Но ее сердце сжалилось над ним, и она сказала: «Приходи в последний вечер года, когда у тебя родится сын, и ты проведешь со мной ночь».

Он пришел последним вечером года и увидел там золотой дворец. Ему велели войти и отвели к ней.

Она сказала: «Завтра гандхарвы окажут тебе благодеяние: ты должен будешь сделать выбор». Он сказал: «Выбери за меня». Она ответила: «Скажи: «Пусть я стану одним из вас!»

---

* Стихотворное переложение В. Тихомирова по пер. Т. Я. Елизаренковой; цит. по: Да услышат меня Земля и Небо. Из ведийской поэзии. — М., 1984, с. 88, 90. — *Прим. ред.*

Наутро гандхарвы оказали ему благодеяние, и он попросил: «Пусть я стану одним из вас».

«У людей нет огня, — ответили они, — настолько священного, чтобы человек стал одним из нас с помощью огненного жертвоприношения». Поэтому они положили огонь в горшок и сказали: «Совершив жертву с его помощью, ты станешь одним из нас».

Он взял огонь и сына и пошел домой. По дороге он оставил огонь в лесу и зашел с сыном в деревню. Когда он вернулся, огонь исчез. На его месте рос баньян, а вместо горшка он увидел мимозу. Тогда он вернулся к гандхарвам.

Они сказали: «В течение года ты должен готовить достаточное количество риса на четверых [каждый день]. Всякий раз [как будешь его готовить], клади на огонь три баньяновых прутика, умащенного ги[8]... и огонь, который ты получишь [в конце года], будет огнем [который сделает тебя одним из нас]. Но это довольно трудно, — добавили они, — так что тебе придется изготовить верхнюю палочку из баньяна, а нижнюю — из мимозы, и огонь, полученный из них, [сделает тебя одним из нас]. Но и это весьма трудно, — добавили они, — так что ты должен будешь изготовить и верхнюю и нижнюю палочки[9] из баньянового дерева, и огонь, полученный из них, будет тем самым огнем».

Итак, он изготовил и верхнюю и нижнюю палочку из баньяна, и полученный из них огонь был огнем [который превратил бы его в одного из них]. Он принес жертву на этом огне и стал гандхарвой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И Буддхи, сына Сомы. Интересно отметить, что Пуруравас принадлежит к лунной династии царей, часто связываемых в мифах, как и сами гандхарвы, с небесным Сомой. Он предок Пуру, Бхараты, Куру, Панду и других протагонистов «Махабхараты».

[2] Священное «поле Куру», великая равнина на севере Индии, где произошла битва, прославленная в великом эпосе.

[3] Какая-то водоплавающая птица (*ати*).

[4] Следующие пять строф взяты из Ригведы, X, 95, 1, 2, 14–16, «диалога», сохраненного жрецами, рецитирующими Ригведу. Наша Ригведа содержит восемнадцать строф, «Шатапатха-брахмана» знала, по всей видимости, пятнадцать первых строф.

[5] Ниррити, «Гибель», жена Адхармы и мать смерти (Hopkins, E.W., *Epic Mythology*. Strassbourg: Trubner, 1915, p. 42).

[6] *Салаврика*, значение неясно. Дж. Эджелинг переводит его «гиены», тогда как А. Вебер предполагает, что, возможно, в виду имеются «оборотни» (J. Eggeling, *Shatapatha-brahmana*, Oxford, 1990, SBE XLIV, p. 71, n. 4.)

[7] Т. е. четыре года.

[8] Перетопленное жидкое масло из молока буйволицы.
[9] Палочки для разведения огня.

A L Basham, *The Wonder That Was India*, London, 1954, pp 405–407

117
СОВЕРШАЙ ДЕЯНЬЯ, ОТРЕШАЯСЬ ОТ ИХ ПЛОДОВ...

(«Бхагавадгита», III, 8–9, 19–24, 31, 35)

8.Совершай неизбежное действие,
оно лучше бездействия, Партха:
ведь и тело твое погибнет,
коль от действий ты отрешишься.
9.Кроме действий, что лишь ради жертвы,
этот мир цепью действий связан:
потому — ради жертвы действуй,
все привязанности покинув...
19.Совершай же, что следует, Партха,
ни к чему никогда не привязан;
отрешенный, свершая деянья,
обретает нетленное благо.
20.Путем действия Джанака мудрый
и иные пришли к совершенству:
поступай так и ты, сын Притхи,
укрепляя миров целокупность.
21.В этом мире — что делает лучший,
совершать начинают другие:
он являет пример делами,
а они ему все подражают.
22.В трех мирах отыскать невозможно
ничего, что свершить бы Я должен,
ничего, чем бы не обладал Я, —
все же в действии Я пребываю.
23.Если б Я не вращал, Арджуна,
колесо своих дел прилежно —
по пути Моему бы тотчас
устремились повсюду люди.
24.Стоит Мне устраниться от действий —
все три мира, Партха, погибнут!

Так Я стал бы причиной смуты
и губителем этой вселенной...
31. Тех, кто следует неуклонно
по пути, указанном Мною,
независтливых, полных веры,
никогда не свяжут деянья...
35. Лучше плохо свершать свою дхарму,
чем в чужой преуспеть, Арджуна:
путь другого, Партха, опасен,
смерть принять на своем пути — благо.

Перевод В С Семенцова (В С Семенцов Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике — М., 1986, с 158—161)

См. также тексты 28, 264, 295—296.

118
ЛИЧНЫЙ КУЛЬТ: ПУДЖА (ИНДУИЗМ)

Очищение и освящение тела.

Освящение тела верующего — необходимое предварение церемониального поклонения божеству. Этим обрядом адепт очищает и освящает каждую часть своей личности, чтобы появиться перед богом подобающим образом.

«Никто не должен поклоняться божеству, пока он сам не стал божеством. Если повторение священных формул совершается без предварительного посвящения частей тела различным божествам, то такое повторение мантр — бесовство и совершенно бесполезно. Чтобы поклониться божеству, человек должен стать Самостью этого божества через посвящение, дыхательную дисциплину и концентрацию, чтобы его тело стало жилищем божества» («Гандхарва Тантра»).

1. Первый шаг — это очищение адепта и культовых принадлежностей.

«Особа верующего очищается омовением. Очищение тонких элементов (*бхута-шуддхи*) тела осуществляется через дыхательную дисциплину и посвящение шести главных частей тела шести божествам, которым они соответствуют. Затем совершаются другие виды посвящения».

2. «Место поклонения очищают, тщательно его убирая, обставляя раскрашенными в пять цветов украшениями, устанавливая сиденье и полог,

используя благовония, лампы, цветы, венки и т. д. Все это должен сделать сам верующий».

3. «Ритуальные формулы, мантры, очищают, повторяя слоги, их составляющие, сначала в правильном, а затем в обратном порядке».

4. «Принадлежности очищают, окропляя их водой, освященной с помощью основной мантры и мантры-оружия (*астра-мантра*, т. е. звук *пхат*), а затем делая жест коровы (*дхену-мудра*)».

5. Божество очищают, помещая его изображение на жертвенник и призывая его присутствовать с помощью его тайной мантры и дающей жизнь мантры дыхания (*прана-мантра*), трижды омывая изображение, одновременно с этим читая основную *мантру* и, наконец, наряжая его в одежды и драгоценности. После этого следует совершить приношение благовоний и света» («Куларнава Тантра»).

Устранение помех

«Верующий должен почтительно поклониться божествам дверей, сначала у восточной двери дома поклонения, затем у южной, западной и северной двери. После этого он должен сделать поклон избранному им божеству, пристутствующему в облике своей *янтры* [мистической диаграммы]» («Нигама-кальпалата», 14).

Если святилище имеет только один вход, поклонение божествам трех других сторон света должно совершиться мысленно. «В дом жертвоприношения следует входить правой ногой» («Шиварчана Чандрика»); если войти левой, то и жертвоприношение будет не с той ноги.

«Верующий должен устранить препятствия небесного происхождения с помощью богоподобного взгляда (взгляда широко открытых, немигающих глаз). Препятствия промежуточного мира устраняются водой, освященной с помощью *астра-мантры*. Земные препятствия удаляются тремя притоптываниями пяткой правой ноги» («Шамбави Тантра»).

Восхваление божества

«Как золото очищается от окалины с помощью огня и приобретает свой блеск благодаря жару, так и дух живого существа, очищенный от грязи своих поступков и желаний любовью ко мне, преображается в мое трансцендентное подобие. Дух очищается, слушая и произнося восхваляющие меня священные гимны» («Бхагавата-пурана», 11, 14, 25).

Прославление божества коренным образом отличается от бессмысленной хвалы. В «Брихад-девата» (I, 6) сказано: «Хвала какой-нибудь вещи состоит из произнесения ее имени, описания ее формы, перечисления ее деяний, упоминания ее рода».

«Мы не можем знать вещь, не зная ее заслуг, ее качеств. Всякое знание, или наука, основывается, так сказать, на хвале. Словарь есть не что иное, как хвала словам. Научные работы наполнены прославлением. Все, что представляет собой объект знания, является в силу этого божеством и прославляется в относящемся сюда Писании» (Vijayānanda Tripāthi, 'Devatā tattva', *Sanmārga*, III, 1942).

Медитация

«Медитация бывает двух видов — грубой и тонкой. Тонкая медитация сосредоточивается на «теле звука», т. е. мантре, божества. Грубая медитация сосредоточивается на телесном образе с руками и ногами... Сверхчувственное редко постигается умом; поэтому необходимо сосредоточение на грубой форме» («Ямала Тантра»).

«Верующий должен погружаться в медитацию, постепенно сосредоточивая свой ум на всех частях тела избранного им божества, на одной за другой, с ног до головы. Этим путем он может достичь столь высокого уровня сосредоточения, что в продолжение непрерывной медитации его духовному оку явится все тело избранного божества как неделимая форма. Благодаря этому в своем формальном аспекте медитация о божестве постепенно становится глубокой и устойчивой» (Siva Candra Vidyārnava Bhattācharya, *Principles of Tantra*, ed. by Woodroffe, II, 1916, 134, или p. 874 [по изданию 1952] с незначительными изменениями).

Джапа, рецитация мантр

«Джапу, или повторение мантры, сравнивали с действиями человека, который трясет спящего, чтобы его разбудить» (Woodroffe, *The Garland of Letters*, p. 211).

«Как только с помощью сосредоточения в уме создастся образ выбранного божества, следует повторить мантру-семя (*биджа-мантра*), отрешившись умом от все других мыслей... Джапа бывает трех родов — слышимая, артикулированная, но не слышимая, и мысленная... Когда таким способом достигается концентрация джапы, сознание верующего переносится к божеству, представленному формулой, и он перестает обладать индивидуальностью, отличной от индивидуальности этого божества» (Baradā Kantha Majumdar, *Principles of Tantra*, ed. by Woodroffe, II, 1916, pp. 77–78, или pp. 648 ff. [по изданию 1952]).

A Danielou, *Hindu Polytheism*, New York, Bollingen Series LXXIII, 1964, pp 377–379

119
ПУДЖА ВИШНУ И ДРУГИМ БОГАМ

(«Агни-пурана», XXIII, 1–23)

Нарада сказал: Я опишу теперь способ [совершения] *пуджи*, исполняя которую, *випра* [мудрецы] достигают всех целей жизни. Омыв голову, прополоскав рот и контролируя речь, нужно, хорошо защитившись, сидеть в *свастика*, *падма*, или любой другой позе лицом на восток. Затем следует медитировать в центре пупка, сосредоточившись на мантре *ям*, имеющей цвет дыма и тождественной страшному ветру, и очищать все нечистоты тела. Затем, медитируя над мантрой *кшум*, океаном света, расположенным в лотосовом сердце, надлежит пламенем, распространяющимся вверх, вниз и в противоположных направлениях, выжечь все нечистоты. Затем надлежит медитировать над мантрой *ван*, имеющей вид луны, находящейся в небе. А затем разумный верующий должен окропить свое тело каплями нектарина, начиная с лотосового сердца, через трубчатый орган *сушумна*, проходя через порождающий орган и другие трубки.

Очистив *таттвы* [элементы культа], надлежит указать их назначение. Затем должно очистить руку и утварь. Во-первых, нужно возвести пальцы обеих рук, начиная с большого пальца правой руки, к главным членам. Затем с помощью шестидесяти двух мантр нужно возвести двенадцать членов к телу, а именно сердце, голову, волосы на голове, кожу, два глаза, живот, спину, руки, бедра, колени и стопы. Затем, совершив *мудру* и прочитав свое имя сто восемь раз, верующий должен медитировать над Вишну и поклоняться ему. Поставив слева кувшин с водой, а справа предметы культа, он должен вымыть их в утвари, а затем украсить цветами и сдобрить ароматами. Произнеся восемь раз *восхитительный свет вездесущности и сознания*, он должен зачерпнуть воду ладонью и произнести мантру *пхат*, а затем медитировать над Хари [Вишну-Кришна]. Повернувшись лицом к юго-востоку, которым правит Агни, он должен помолиться о добродетели, знании, разъединении с мирскими вещами и надменной властью; он должен сбросить грехи и телесную нечистоту йогическими позами, начиная с востока. В позе *курма* (черепахи), он должен почтить Ананту [Вишну], Яму, солнце и другие светила. Созерцая их в своем сердце, призывая их и почитая их в круге, он должен снова выставить приношения, воду для омовения ног, воду для полоскания рта и *мадхупарка* [медово-молочное приношение]. Затем, будучи сведущим в искусстве поклонения лотосоокому божеству [Вишну], он должен выставить воду для омовения, ткань, священную нить, украшения, ароматы, цветы, ладан, светильники и пищу.

Сначала он должен поклониться [своим] конечностям у восточных ворот, а затем Брахме. Потом он должен соотнести с южной стороной света диск и дубинку, а раковину и лук — с той частью света, которой правит луна. Стрелы и колчан он должен назначить левой и правой сторонам божества. Он должен назначить кожаную изгородь и благополучие левой стороне, а пропитание — правой. С помощью мантр он должен почтить гирлянду диких цветов, мистический знак *Шриватса* [Вишну], драгоценный камень *кустава* и всех богов внешних частей света — все атрибуты и всех помощников Вишну. Полностью или частично он должен прочесть мантры поклонения членов и поклониться им, обойти вокруг них, а затем совершить приношения. Он должен мысленно произносить: «Я — Брахма, Хари» и вслух сказать «приходи» в церемонии *ахвана*[1] и «прости меня» в обряде *висарджана*[2]. Ищущие спасения должны, таким образом, совершать *пуджу* с помощью восьмибуквенной мантры. Я описал один вид поклонения. Слушай, и я расскажу тебе о поклонении девяти *вьюхам* [частям тела].

Он должен свести Васудеву, Балу и других сперва к двум своим большим пальцам, затем последовательно голове, лбу, рту, сердцу, пупку, ягодицам, коленям, снова голове, а потом поклониться им. Затем он должен почтить одну *питху* [местопребывание божества] и девять *вьюх*. Как и прежде, он должен поклониться в девяти лотосах девяти формам и девяти частям тела. В середине этого обряда он должен почтить Васудеву.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Призывание» бога, часть обряда, в которой божество водворяется в свое изображение.

[2] «Отпускание», заключительный обряд, в котором изображение отбрасывается

Manmatha Nath Dutt, *A Prose English Translation of Agni Puranam*, vol I, Calcutta, 1903, pp 96–98, примечания Дэвида Найпа.

120
ЗАСЛУГИ СТРОИТЕЛЯ ХРАМА (ИНДУИЗМ)

(«Агни-пурана», XXXVIII, 1–50)

Агни сказал: Я опишу теперь плоды построения храмов — жилищ Васудевы и других богов. Пытающиеся воздвигнуть храмы богам свобод-

ны от грехов тысячи рождений. Замышляющие построить храм освобождаются от грехов ста рождений. Одобряющие человека, строящего храм, чтобы Кришна отправился в область Ачьюты [Вишну], освобождаются от грехов. Пожелавший построить храм Хари немедленно переносит миллион своих рождений, прошлых и будущих, в область Вишну. Души умерших строителей храма Кришны живут в области Вишну, великолепно украшенные и свободные от адских страданий. Постройка храма божества рассеивает даже грех убийства брахмана. Строя храм, человек пожинает плод, который он не обретает даже принесением жертвы. Строя храм, он обретает плоды омовения во всех святилищах. Возведение храма, дающего небесную [жизнь], приносит плоды, пожатые теми, кто пал в битве во имя небесных богов. Воздвигая один храм, человек отправляется на небо; воздвигая три, он отправляется в область Брахмы; воздвигая пять, отправляется в область Шамбху; воздвигая восемь, отправляется в область Хари. Воздвигая шестнадцать, человек достигает всех целей радости и освобождения. Бедняк, построивший самый малый храм, пожинает то же благо, что и богач, построивший самый большой храм Вишну. Обретя богатство и построив храм на малую его толику, человек обретает благочестие и стяжает благосклонность Хари. Воздвигая храм за сто тысяч рупий, или за тысячу, или за сто, или за пятьдесят, человек отправляется туда, где восседает божество, чья эмблема — Гаруда. Тот, кто в детстве, даже потехи ради, строит храм Васудевы из песка, отправляется в его область. Строящий храмы Вишну в священных местах, у святынь, в местах отшельничества пожинает тройные плоды. Украшающие храм Вишну благовониями, цветами и священным илом, отправляются в град Господина. Построив храм Хари, человек, даже падший, готовый пасть или падший наполовину, пожинает двойные плоды. Тот, кто является причиной падения человека, — это еще и покровитель падшего. Создавая храм Вишну, достигают его области. Пока существует собрание кирпичей храма Хари, основатель его семьи со славой живет в области Вишну. Он становится благочестивым и достойным поклонения и в этом мире, и в следующем.

Строящий храм Кришне, сыну Васудевы, рожден как человек благих деяний, и его семья очищается. Строящий храмы Вишну, Рудре, богу солнца и другим божествам обретает славу. На что ему богатство, загребаемое невеждами? Бесполезно стяжать богатства тому, кто не построил храм Кришне на тяжко нажитые деньги, чьи богатства не разделены с Питри (предком), брахманами, небесными существами и друзьями. Тот, кто не тратит свои деньги на увеселения или благодеяния, но копит их груды, глуп и закован еще при жизни. В чем заслуга того, кто, обретя богатство благодаря случаю или мужеству, не тратит их на славные дела или ради религии? [В чем заслуга того,] кто, отдав свое богатство виднейшим дважды рожденным, пускает свой дар в оборот или говорит о большем, чем

роздано им в милостынях? Поэтому мудрый человек должен строить храмы Вишну и другим богам. Вступив в область Хари, он обретает почтительную веру в Нароттаму [Вишну]. Он проходит все три мира, в которых содержатся подвижное и неподвижное, прошлое, будущее и настоящее, грубое, тонкое и все низшие предметы. От Брахмы до колонны, все происходит от Вишну. Обретя доступ в область Великой Души, Вишну, вездесущего бога богов, человек не рождается больше на земле.

Построивший храм другому богу пожинает тот же плод, что и построивший храм Вишну. Построивший храм Шиве, Брахме, солнцу, Чанди и Лакшми обретает заслугу в вере. Бóльшая заслуга достается устанавливающему изображения. В жертвоприношении, следующем за воздвижением кумира, — бесчисленные плоды. Изображение из дерева дает бóльшую заслугу, чем из глины. Из камня — бóльшую, чем из кирпичей. Изображения из золота и других металлов дают величайшую заслугу в вере. Грехи, накопленные в семи перерождениях, рассеиваются в момент их совершения. Строящий храм идет на небо и никогда — в преисподнюю. Яма говорил своим посланцам: «Не приводите в преисподнюю тех, кто строил храмы и почитал кумиры. Приводите ко мне тех, кто не строил храмов. Итак, распределяйте справедливо и следуйте моим велениям.

Люди никогда не смогут пренебрегать вашими велениями, за исключением тех, кто находится под покровительством бесконечного отца вселенной. Всегда обходите тех, чей дух прикован к Господу. Жизнь здесь не для них. Далеко обходите тех, кто поклоняется Вишну. Воспевающих хвалы Говинде и почитающих Джанардану [Вишну или Кришна] ежедневными и особыми обрядами сторонитесь и близко к ним не подходите. Даже и не смотрите в сторону тех, кто достиг этого местоположения. Люди, почитающие Его цветами, благовониями, одеяниями и излюбленными украшениями, не могут быть отмечены вами. Они идут в область Кришны. Умащающие его тело [Вишну] умащениями, окропляющие его тело, должны быть оставлены в жилище Кришны. Даже сына или другого члена семьи, построившего храм Вишну, не трогайте. Не смотрите со злым намерением на сотни тех людей, которые построили храмы Вишну из дерева или камня».

Построивший золотой храм освобождается от всех грехов. Построивший храм Вишну пожинает великий плод, получаемый тем, кто приносит жертвы каждый день. Построивший храм для Владыки переносит свою семью — на сто прежних и сто будущих поколений — в область Ачьюты Вишну тождествен семи мирам. Строящий храм спасает бесконечные миры и сам достигает бессмертия. Сколько тысячелетий существуют кирпичи, столько будет жить на небе строитель [храма]. Создатель кумира достигает области Вишну, а освящающий его установление погружается в Хари. Тот, кто строит храм и делает изображение, как и освящающий их, идут впереди него.

Обряд *пратиштха* [установления] Хари был поведан Ямой. Для создания храмов и изображений богов Хайяширша описал его Брахме.

Manmatha Nath Dutt, *A Prose English Translation of Agni Puranam*, vol I, Calcutta, 1903, pp 142—146

121
ПРЕДАННОСТЬ БУДДЕ: ДЕЯНИЯ И ВОЗДАЯНИЕ

(«Шикшасамуччайя», 299—301 [«Авалочана-сутра»])

Поистине, в продолжение бесчисленных эпох он не переродится слепцом или хромым,
Если, решившись обрести просветление, он почитает Ступу Учителя.
Прочны мощь и сила героя, прочна отвага,
Стремительно он обретает счастье, обойдя кругом Ступу.
Если кто-то в этот последний, ужасный век почитает Ступу, то более велика его заслуга,
Чем если бы в продолжение сотен тысяч эпох он поклонялся такому же числу Будд.
Ибо Будда все превосходит, несравненный, он, как никто иной, достоин приношений — он, прошедший благороднейшим превосходным путем.
Поклоняющийся этому Вождю людей имеет лучшее и несравненное воздаяние.
Умерев среди людей, он идет на небо Тридцати Трех,
И там обретает сияющий дворец из камней драгоценных.
Если здесь он дарует остроконечную башню, там его будут ждать апсары.
Если он украшает Ступу гирляндой, он возродится среди Тридцати Трех.
И там он получает небесный лотосовый пруд, полный отменной воды, с дном из золотого песка, устланным бирюзой и хрусталем.
А когда он насладится этой небесной радостью и завершит свою жизнь там,
Мудрец, усопший в мире богов, становится богачом.
В продолжение бесчисленных эпох рождений он повсюду
Будет почитаем, ведь он украсил святилище гирляндой.
Отдав даже клочок ткани Спасителю мира, Защитнику,
Он будет преуспевать во всех своих делах и среди богов, и среди людей.

Он недоступен низшим и несчастливым жизням и не рождается в них.
Свив беседку из цветов над реликвиями Спасителя мира,
Он становится могучим царем с верной свитой.
Его встречают с распростертыми объятьями, почитают и восхваляют
Боги и наги и мудрецы в этом мире.
Где бы ни родился этот доблестный человек, прославленный славой своей заслуги,
Там почитают его семью, страну и город.
Услышьте от меня о преимуществах того, кто берет щепотку благовония, меньшую даже, чем горчичное зерно,
И воскуряет ее в святилищах Господа: безмятежный сердцем, он устраняет все препятствия и все пятна;
Где бы он ни был, он полон заслуг, полон здоровья, крепок умом и зорок:
Он отвращает беду и идет своим путем, будучи дорог и приятен многим.
Если он должен обрести царство, он почитает высшего Джину (Победителя), мудрого, могучего властелина Вселенной,
Золотой — его цвет, украшенный знаками, тело его благоухает во всех мирах.
Уже при рождении он получает лучшие одежды, шелковые платья — небесные, превосходные, добрые.
Он благословлен прекрасным телом, ведь он одевал святилища Спасителя в прекрасные одежды.
Почитавший святилища несравненных Спасителей прекрасными одеждами
В этом мире отличается несравненным телом и отмечен тридцатью двумя (благоприятными) знаками.

E. Conze et al., *Buddhist Texts through the Ages*, Oxford, Bruno Cassirer (Publishers) Ltd., 1954.

122

МУХАММАД ПРОВОЗГЛАШАЕТ ПРЕДПИСАНИЯ ИСЛАМА

(Коран, II, 167–175, 179–181, 183, 186–192)

167. О вы, которые уверовали! Ешьте блага, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему поклоняетесь.

168. Он ведь запретил вам только мертвечину, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото не для Аллаха. Кто же вынужден, не будучен нечестивым и преступником, — нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд!

169. Поистине, те, которые скрывают то, что низвел Аллах из писания, и покупают за это малую цену, — они пожирают в свои животы только огонь; не заговорит с ними Аллах в день воскресения и не очистит их, и для них — мучительное наказание!

170. Они — те, что купили заблуждение за прямой путь и наказание за прощение. И как они терпеливы к огню!

171. Это — потому, что Аллах ниспослал писание воистину, а те, которые разногласят о писании, конечно, в далеком расколе.

172. Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, — и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, — это те, которые были правдивы, это они — богобоязненные.

173. О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, и раб — за раба, и женщина — за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то — следование по обычаю и возмещение ему во благе.

174. Это — облегчение от Господа вашего и милость; а кто преступит после этого, для него — наказание болезненное!

175. Для вас в возмездии — жизнь, о обладающие разумом! — может быть, вы будете богобоязненны!

179. О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! —

180. на отсчитанные дни; а кто из вас болен или в пути, то — число других дней. А на тех. которые могут это, — выкуп накормлением бедняка. Кто же добровольно возьмется за благо, это — лучшее для него. А чтобы вы постились, это — лучшее для вас, если вы знаете.

181. Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран в руководство для людей и как разъяснение прямого пути и различения, — и вот, кто из вас застает этот месяц, пусть проводит его в посту, а кто болен или в пути, то — число других дней. Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас, и чтобы вы завершили число и возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас, — может быть, вы будете богобоязненны!

183. Разрешается вам в ночь поста приближение к вашим женам: они — одеяние для вас, а вы — одеяние для них. Узнал Аллах, что вы обманываете самих себя, и обратился к вам и простил вас. А теперь прикасайтесь к ним и ищите того, что предписал вам Аллах. Ешьте и пейте, пока не станет различаться пред вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выпол-

няйте пост до ночи. И не прикасайтесь к ним, когда вы благочестиво пребываете в местах поклонения. Таковы границы Аллаха, не приближайтесь же к ним! Так разъясняет Аллах Свои знамения людям, — может быть, они будут богобоязненны!

186. И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!

187. И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!

188. Если же они удержатся, то... ведь Аллах — прощающий, милосердный!

189. И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к неправедным.

190. Запретный месяц — за запретный месяц. И запреты — возмездие. Кто же преступает против вас, — то и вы преступайте против него подобно тому, как он преступил против вас. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах — с богобоязненными!

191. И расходуйте на пути Аллаха, но не бросайтесь со своими руками к гибели и благодетельствуйте, — поистине, Аллах любит добродеющих!

192. И завершайте хадж и посещение ради Аллаха. Если вы затруднены, — то из жертвенных животных, что легко. И не брейте своих голов пока не дойдет жертва до своего места. А если кто из вас болен или у него страдание в голове, то — выкуп постом, или милостынею, или жертвой. А когда вы в безопасности, то тому, кто пользуется посещением для хаджа, тому — то из жертвенных животных, что легко; а кто не найдет, то — пост три дня во время хаджа и семь, когда вернетесь; вот — десять полных. Это — для тех, у кого семья не находится при запретной мечети. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах силен в наказании!

Перевод И Ю Крачковского

123

ТЕ, КОТОРЫЕ ОБРАТИЛИСЬ ПОСЛЕ ЭТОГО И СОВЕРШИЛИ БЛАГОЕ

(*Коран, III, 78–83*)

78. Скажи: «Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, и Исмаилу, и Исхаку и Йакубу, и коленам, и в то, что

было даровано Мусе, и Исе, и пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся».

79. Кто же ищет не ислама как религии, от того не будет принято, и он в последней жизни окажется в числе потерпевших убыток.

80. Как Аллах будет вести прямым путем людей, которые отрекались после того, как они уверовали и засвидетельствовали, что посланник — истина, и пришли к ним ясные знамения? Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!

81. Этим воздаяние — в том, что на них — проклятие Аллаха, и ангелов, и всех людей.

82. Вечно пребывающими в нем они будут, — не будет облегчено им наказание, и не будет дано им отсрочки, —

83. кроме тех, которые обратились после этого и совершили благое. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!

Перевод И Ю Крачковского

124
ПАЛОМНИЧЕСТВО В КОРАНЕ

(Коран, XXII, 27–38)

27. И вот Мы устроили для Ибрахима место Дома[1], [сказав ему]: Не придавай Мне в сотоварищи ничего и очисти Дом Мой для обходящих его, и стоящих, и кланяющихся с преклонением.

28. И возвести среди людей о хадже [паломничестве]: они придут к тебе пешком и на всяких тощих, которые приходят из всякой глубокой расщелины,

29. чтобы свидетельствовать о полезном им и поминать имя Аллаха в определенные дни над дарованными им животными из скота: ешьте их и накормите несчастного бедняка!

30. Потом пусть они покончат со своею неопрятностью[2] и полностью выполнят свои обеты и пусть обойдут кругом древнего Дома

31. Так! И кто почитает запреты Аллаха — это лучше для него пред его Господом. Разрешены вам скоты, кроме того, о чем вам читается[3]. Устраняйтесь же скверны идолов, устраняйтесь слова лживого,

32. будучи *ханифами* пред Аллахом, не придающими Ему сотоварищей. А кто придает Аллаху сотоварищей, — точно он упал с неба, и схватят его птицы, или занесет его ветер в далекое место.

33. Так! А кто почитает обряды Аллаха[4], то это от богобоязненности сердец.

34. Вам в них (т. е. в скоте) польза до указанного срока, а потом место их у древнего Дома.

35. И всякому народу устроили Мы обряд поклонения (*манаск*), чтобы они поминали имя Аллаха над животными из скота, которых Он им даровал. Ибо бог ваш — Бог единый: Ему предайтесь; а ты обрадуй смиренных, —

36. тех, у которых страшатся сердца, когда поминается Аллах, и терпеливых к тому, что их постигает, и выстаивающих молитву, и которые расходуют из того, что Мы им даровали.

37. Тучных Мы сделали для вас из отмеченных [жертвенных животных — *будн*) для Аллаха; для вас в них благо. Поминайте же имя Аллаха над ними, стоящими в ряд. А когда их бока повергнутся, то ешьте их и кормите сдержанного и просящего стыдливо. Так Мы подчинили их [скот] вам, — может быть, вы будете благодарны!

38. Не дойдет до Аллаха ни их мясо, ни их кровь, но доходит до Него богобоязненность ваша.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т. е. Каабы в Мекке, где он является центральным святилищем. Арабское слово *бейт*, «дом», соответствует еврейскому *бет*, корень которого мы находим в таких словах из Ветхого Завета, как Бет-эль, Бет-дагон, Бет-пеор, Бет-шемеш и т. д.

[2] *Тафатх* означает здесь состояние самоотречения, в котором паломники пребывают в силу ритуальных запретов, налагаемых на них их сакральным статусом. После окончания обрядов они наконец могут остричь ногти, побрить бороды и т. д., совершая тем самым десакрализацию, позволяющую им вернуться к обыденной жизни.

[3] Имеются в виду те места из Корана, где указываются виды пищи, запретные для мусульман: свинина, мясо издохшей скотины, мясо любого животного, принесенного в жертву не Аллаху. Подобные запреты перечислены в XVI, 115/116; II, 173/168; V, 1-3/4.

[4] Под *шааир* здесь, возможно, следует понимать обряды и церемонии, совершаемые не у Каабы, а в других святилищах.

Перевод И. Ю. Крачковского. Примечания из кн.: A. Jeffry, *Islam: Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp. 200—201.

МОЛИТВЫ И ГИМНЫ

125

БУШМЕН ТРЕБУЕТ ПОМОЩИ У СВОЕГО БОГА (ЮЖНАЯ АФРИКА)

Гаува должен помочь нам убить зверя
Гаува, помоги нам. Мы умираем с голода.
Гаува не помогает.
Он обманщик. Он врун.
Гаува даст нам убить что-нибудь завтра,
Когда поохотится и поест мяса сам,
Когда сам будет сыт и доволен.

Lorna Marshall, 'I Kung Bushman Religious Beliefs', *Africa*, XXXII 1962, p 247

126

МОЛИТВА ИМАНЕ, ВЕЛИКОМУ ТВОРЦУ РУАНДЫ-УРУНДИ

Имана — великий Творец, Первопричина всякого блага. Он совершенно не вмешивается в обычную жизнь, однако люди постоянно о нем думают; все его деяния вершатся по его произволу, и люди на них повлиять не могут. Его почитают, но не боятся, так как он не имеет вредоносной силы; ему не посвящен культ, как Риангомбе...

Имане молятся редко, если молятся вообще. Весь культ посвящен Риангомбе. Существует, однако, крик о помощи, известный как *квамбаза*. Любой человек, которому грозит беда, где бы он ни находился, может громко

воззвать о помощи к Имане. Поскольку этот крик в обеих странах [т. е. в Руанде и Урунди] один и тот же, я привожу его без оригинального текста, так как различие в двух языках столь велико, что ни одна из версий не может заменить другую:

«О Имана Урунди (Руанды), если бы ты только помог мне! О Имана жалости, Имана дома моего отца (или страны), если бы ты только помог мне! О Имана страны хуту и тутси, если бы ты только помог мне как раз сейчас! О Имана, если бы ты только дал мне *руго*[1] и детей! Я простираюсь перед тобой, Имана Урунди (Руанды). Я кричу тебе: дай мне потомство, как ты даешь другим! Имана, что мне делать, куда податься? Я в беде, где осталось место для меня? О Милосердный, о Имана милосердия, помоги мне сейчас!»

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Руго* — изгородь, окружающая жилище, и, метонимически, само жилище.

Rosemary Guilleband, '*The Idea of God in Ruanda-Urundi*', in Edwin W. Smith (ed.), *African Ideas of God: A Symposium*. London, 1959, pp. 186, 192–193.

127
ГИМН МВАРИ, БОГУ МАШОНА
(ЮЖНАЯ РОДЕЗИЯ)

Великий Дух!
Громоздящий скалы друг на друга, поднимающий горы!
Когда ты ступаешь на камень,
Поднимается пыль и наполняет землю.
Круча обрыва;
Воды озера, превращающиеся
В дождь и туман, когда их возмутят.
Сосуд, через края которого течет масло!
Отец Рунджи,
Сшивающий небо, как ткань:
Пусть он соединит то, что внизу.
Вызывающий к жизни ветвистые деревья:
Ты производишь побеги,

Чтобы они стояли прямо.
Ты наполнил землю людьми,
Высоко вздымается пыль, о Господин!
Удивительный, ты живешь
Среди скальных сводов,
Ты даешь людям дождь:
Мы молимся тебе,
Услышь нас, Господин!
Яви милость, когда мы умоляем тебя, Господин.
Ты вверху вместе с духами великих.
Ты поднимаешь травянистые холмы
Над землей и творишь реки,
Милостивый.

F.W.T. Posselt, in Edwin W. Smith, '*The Idea of God among South African Tribes*', in Smith (ed.), *African Ideas of God: A Symposium*, London, 1950, p. 127.

128
МОЛИТВА АРАПАХО

Арапахо — алгонкинское племя, живущее ныне в Оклахоме. Молитва произносится жрецом, освящающим женщину. Женщина олицетворяет Мать всего живого.

Отец мой, пожалей нас! Вспомни, что мы твои дети с тех пор, как ты создал небеса и землю, мужчину и женщину!

Наш Дедушка, Светило, Движущееся в центре, дающее свет, взгляни на нас, когда мы расписываем пояс, как поручил нам Отец! Теперь заговори со своей слугой, которая будет носить пояс! Надели ее благими дарами, и пусть она делает это на благо новых людей (детей), чтобы это племя имело силу и власть в будущем!..

Мы не перестанем молиться тебе, Отец, Человек-Наверху, ибо мы хотим жить на этой земле, которую мы собираемся расписать по такому случаю. Мы отдали этот пояс душистому дыму, чтобы быть чистыми после этого. Пусть наша мысль достигнет неба, где обитает святость. Подай нам хорошую воду и еду в изобилии!

G.A. Dorsey, *The Arapaho Sun Dance*, Field Columbian Museum Anthropology Series, IV, 1903, p. 74.

129
«ВОЗДАЙ БЛАГОДАРНОСТЬ МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ...»
(ПЛЕМЯ ПАУНИ, ОКЛАХОМА)

Смотри! Здесь лежит наша Мать-Земля.
Смотри! Она дает от своей плодоносности.
Поистине, она дает нам свою силу.
Возблагодари Мать-Землю, лежащую здесь.

Смотри на растущую жатву Матери-Земли!
Смотри! Она обещает плодоносить!
Поистине, она дает нам свою силу.
Возблагодари Мать-Землю, лежащую здесь.

Смотри на раскидистые деревья Матери-Земли!
Смотри! Она обещает плодоносить!
Поистине, она дает нам свою силу.
Возблагодари Мать-Землю, лежащую здесь.

Мы видим бегущие потоки Матери-Земли!
Мы видим, что она обещает плодоносить!
Поистине, она дает нам свою силу.
Возблагодари Мать-Землю, лежащую здесь.

Alice C. Fletcher, *The Hako, a Pawnee Ceremony*, in Twenty-second Annual Report, part 2, Bureau of American Ethnology Washington, D.C., 1904, p. 334.

130
ТАИТЯНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ МОЛИТВА

Когда-то эта древняя молитва была ежевечерней.

«Спаси меня! Спаси меня! это ночь богов. Внимательно следи за мной, мой Бог (*атуа*)! Рядом со мной, ох, мой Господь (*фату*)! Защити меня от чар, внезапной смерти, дурного поведения, от того, чтобы убить или быть убитым, от недоброжелателей, от споров о границах поля. Пусть вокруг нас

царит мир, ох, мой Бог! Укрой меня от яростного воина, сеющего ужас, с ощетинившимися волосами! Пусть я и мой дух живут и покоятся в мире этой ночью, о Бог!»

E.S. Craighill Handy, *Polynesian Religion*, Bernice P. Bishop Museum Bulletin 34, Honolulu, 1927, p. 201; из кн. J.A. Moerenhout, *Voyages aux îles du Grand Ocean*, II, Paris, 1837, p. 83.

131
ГАВАЙСКИЙ ПЛАЧ

В чем мое великое преступление, о бог!
Может, я ел стоя или
Не воздал благодарности,
Или мой народ ел запретное.
Да, это преступление, о Канэ-воды-жизни.
О, пощади; оставь жизнь мне, твоему ревнителю,
Не будь ко мне безразличен.
Я призываю тебя, о, ответь мне,
О бог моего тела, который на небе.
О Канэ, пусть вспыхивает молния, пусть рокочет гром,
Пусть сотрясается земля.
Я спасен, мой бог взглянул на меня,
Я омыт. Я избежал опасности.

E.S. Craighill Handy, *Polynesian Religion*, Bernice P. Bishop Museum Bulletin, 34, Honolulu, 1927, p. 242; цитируется Abraham Fornander.

132
ШУМЕРО-АККАДСКИЙ ГИМН ВСЕМ БОГАМ

Эта молитва является, по существу, обобщенной молитвой, испрашивающей у любого бога прощения за любые прегрешения. Автор, оказавшийся в беде, допускает, что преступил некий божественный закон. Но он не ведает ни того, в чем заключается его проступок, ни того, кого из богов он оскорбил. Кроме того, утверждает он, весь род человеческий не ведает воли богов и потому постоянно грешит. Поэтому боги должны быть милосердны и устранить его проступки.

Пусть гнев на меня остынет в сердце моего владыки.
Пусть неведомый бог не будет ко мне жесток;
Пусть неведомая богиня не будет ко мне жестока.
Пусть бог, который ведом мне или нет, не будет ко мне жесток;
Пусть богиня, которая ведома мне или нет, не будет ко мне жестока
Пусть сердце моего бога не будет ко мне жестоко;
Пусть сердце моей богини не будет ко мне жестоко.
Пусть мой бог и богиня не будут ко мне жестоки.
Пусть прогневавшийся на меня бог не будет ко мне жесток;
Пусть прогневавшаяся на меня богиня не будет ко мне жестока.
(Строки 11—18 не поддаются достоверной реконструкции.)
По незнанию я ел запрещенное моим богом;
По незнанию я вступил в урочище моей богини.
О владыка, многочисленны мои проступки; велики мои грехи.
О мой бог, многочисленны (мои) проступки; велики (мои) грехи.
О моя богиня, многочисленны (мои) проступки; велики (мои) грехи
О бог, ведомый мне или нет, многочисленны (мои) проступки; велики (мои) грехи
О богиня, ведомая мне или нет, многочисленны (мои) проступки; велики (мои) грехи.
Проступок, ведомый мне или нет, мне и вправду неведом;
Грех, который я совершил, мне и вправду неведом.
Запретное, съеденное мной, мне и вправду неведомо;
Урочище, в которое я вступил, мне и вправду неведомо;
Владыка во гневе своего сердца посмотрел на меня;
Бог в ярости своего сердца обрушился на меня;
Когда богиня была на меня разгневана, она наслала на меня болезнь
Бог, ведомый мне или нет, ополчился на меня;
Богиня, ведомая мне или нет, навела на меня муку.
Хоть и ищу я повсюду помощи — никто не берет меня за руку;
Когда я плачу, они не приходят ко мне.
Я возглашаю жалобы, но никто меня не слышит;
Я в беде; я потрясен; я ничего не вижу.
О мой бог, милостивый, я обращаюсь к тебе с молитвой: «Всегда снисходи ко мне»
Я целую стопы моей богини; я пресмыкаюсь перед тобой.
(Большинство строк 41—49 испорчено и не поддается достоверной реконструкции.)
Сколько еще, о моя богиня, ведомая мне или нет, не уляжется гнев в твоем сердце?
Человек нем; он ничего не знает;
Люди, каждый из них, — что они знают?

Совершает он грех или делает добро, он даже не знает.
О мой владыка, не низвергни твоего слугу;
Он погружен в трясину; возьми его за руку
Грех, который совершил, оберни на благо;
Проступок, который я допустил, да развеется ветром;
Множество моих злодеяний сорви, как одежды
О мой бог, проступков (моих) семижды семь; устрани мои проступки;
О моя богиня, проступков (моих) семижды семь; устрани мои проступки;
О бог, ведомый мне или нет, проступков (моих) семижды семь;
устрани мои проступки;
О богиня, ведомая мне или нет, проступков (моих) семижды семь;
устрани мои проступки
Устрани мои проступки, (и) я пропою тебе хвалу.
Пусть твое сердце, как сердце настоящей матери, не будет ко мне
жестоко;
Как сердце настоящей матери и настоящего отца, пусть не будет
оно ко мне жестоко.

Ancient Near Eastern Texts, Princeton, 1950, pp 391—392, repr in I Mendelsohn (ed), *Religions of the Ancient Near East*, Library of Religion paperbook series, New York 1955, pp 175—177

133
ВЕЛИКИЙ ГИМН ШАМАШУ

Входя в число самых пространных и прекрасных гимнов, донесенных до нас клинописью, этот оценивается как один из лучших образцов месопотамской религиозной литературы.

21. Ты взбираешься на горы, обозревая землю,
22. Ты подвешиваешь с неба круг земель.
23. Ты печешься обо всех людях земель,
24. И обо всем, что Эа, царь советчиков, сотворил и доверил тебе.
25. Ты пастырь всего, что дышит,
26. Ты поддерживаешь дышащее вверху и внизу
27. Постоянно и непрерывно ты пересекаешь небо,
28. Каждый день ты проходишь над широкой землей...
33. Пастырь того, что внизу, хранитель того, что наверху,
34. Ты, Шамаш, направляешь, ты освещаешь все
35. Ты беспрепятственно проходишь широкую протяженность моря,

36. Глубину которого не знают Игиги.
37. Шамаш, твое сияние достигает бездны,
38. И чудовища глубин зрят твой свет...
45. Среди Игигов нет никого, кто трудится, как ты,
46. Никого, кто был бы, как ты, выше всех богов.
47. Когда ты поднимаешься, собираются боги земли;
48. Твое жаркое сияние накрывает землю.
49. Всех разноязыких стран
50. Ведомы тебе замыслы, ты проницаешь путь их.
51. Весь род человеческий склоняется перед тобой,
52. Шамаш, мироздание жаждет твоего света...
88. Тот, кто желает жены ближнего своего,
89. Будет [...] перед назначенным ему днем.
90. Мерзкие силки уготованы ему. [...]
91. Твое оружие поразит его, и никто не спасет его.
92. [Его] отец не встанет на его защиту,
93. И с велением судьи не поспорят его братья.
94. Он будет схвачен в медную ловушку, которой не предвидит.
95. Ты сокрушаешь рог злоумышленника,
96. Жаждущего [...], подрываются его опоры.
97. Неразборчивого судью ты познакомишь с оковами,
98. Принимающего дар и все равно попускающего несправедливости, ты караешь.
99. Отклоняющий же дар, но принимающий сторону слабого
100. Любезен Шамашу, и он продлит его дни...
124. Потомство злодеев [пресечется].
125. Отрицающие — их дело перед тобой.
126. Тотчас же ты различаешь их речь;
127. Слышишь и исследуешь их; ты решаешь тяжбу обиженных.
128. Каждый человек доверен твоим рукам.
129. Ты управляешь их знамениями; смутное разъясняешь.
130. Ты наблюдаешь, Шамаш, за молитвой, мольбой и благословением,
131. Верностью обетам, коленопреклонениями, обрядовым шепотом, земными поклонами.
132. Слабый взывает к тебе из пустоты своего рта,
133. Смиренный, мягкодушный, несчастный, бедняк,
134. Та, чей сын то и дело в плену, и непрестанно стоит перед тобой.
135. Тот, чья семья вдали, чей город далек,
136. Пастырь посреди страшной степи стоит перед тобой,
137. Пастух в схватке, сторож овец среди врагов.
138. Шамаш, стоит перед тобой караван, шествующий во страхе,
139. Странствующий купец, порученец, везущий добро.

140. Шамаш, стоит перед тобой рыбак со своей сетью,
141. Охотник, стрелок, загоняющий дичь,
142. Со своей сетью для птиц стоит перед тобой птицелов
143. Бродячий вор, враг Шамаша,
144. Придорожный грабитель — стоят перед тобой.
145. Блуждающий мертвец, скитающаяся душа —
146. Они стоят перед тобой, и ты слышишь всех.
147. Ты не препятствуешь тем, кто стоит перед тобой...
148. Ради меня, Шамаш, не проклинай их!
149. Ты жалуешь откровения, Шамаш, родам людским,
150. Ты даруешь свой строгий лик и жаркий свет...
154. Небеса — слишком малы, чтобы быть сосудом для твоего взора,
155. Вся совокупность земель недостаточна как чаша для тебя, Владыка...
159. Ты спасаешь тех, кого окружили бурные волны,
160. Взамен принимая их чистые, прозрачные возлияния ..
165. Они, поклоняясь, прославляют имя твое
166. И почитают твое величие вовеки...
174. Какие горы не одеваются твоими лучами?
175. Какие области не согреваются твоим ярким светом?
176. Озаряющий мрак, освещающий тьму,
177. Разгоняющий тьму, освещающий широкую землю.

W G Lambert, *Babylonian Wisdom Literature*, Oxford, 1960. pp 127 ff

См. *также текст 20.*

134

«ОСЛАБЬ ГРЕХ НА МНЕ, СЛОВНО ПОЯС»: ГИМН ВАРУНЕ

(Ригведа, II. 28)

1. Это <восхваление> поэта, Адитьи[1], самодержца,
Пусть превзойдет величием все существующие,
<Восхваление Варуны,> который как бог очень приятен
для почитания!
Я прошу доброй славы у Варуны обильного.
2. Да будем мы счастливы в твоем завете,
Восхвалив <тебя,> о Варуна, с добрыми намерениями,

При приближении богатых коровами утренних зорь
Бодрствующие, словно <жертвенные> костры, день за днем!

3. *Да будем мы под защитой у тебя, обладающего многими героями,*
<У бога,> чья хвала далеко раздается, о Варуна-вождь!
Вы, сыновья Адити[2], не поддающиеся обману,
Снизойдите до союзничества с нами, о боги!

4. *Адитья выпустил их течь, <и> разделил <их>:*
Реки движутся по вселенскому закону Варуны[3].
Они не устают, не отдыхают.
Быстро, как птицы, летят они по кругу.

5. *Ослабь грех на мне, словно пояс![4]*
Пусть будет нам удача <в том, чтобы достигнуть> источника твоего закона[5], о Варуна!
Да не порвется нить у меня, ткущего произведение!
Да не сломается прежде времени мерка умельца!

6. *Прогони же, Варуна, страх от меня!*
Прими меня <к себе>, о законный вседержитель!
Сними с меня узость, как веревку с теленка!
Вдалеке от тебя я не могу <быть> ни мгновения!

7. *Не <порази> нас твоим смертельным оружием, о Варуна,*
Которое ранит, когда ты ищешь сотворившего грех, о Асура!
Да не отправимся мы в путешествие прочь от солнца!
Ослабь же <наши> прегрешения, чтобы мы жили!

8. *Поклонение тебе, о Варуна, <мы> прежде <выражали>, и теперь.*
И в будущем мы хотим его выразить, о рожденный силой!
Ведь на тебя, как на гору, опираются обеты <человека>,
<Чтобы быть> неколебимыми, о <бог,> которого трудно обмануть!

9. *Уничтожь же долги, сделанные мной!*
Да не выплачу я <долг,> сделанный другим, о царь!
Много ведь еще не зажегшихся зорь:
Определи нам жить при них, о Варуна!

10. *<Если> какой мой союзник, о царь, или друг*
Во сне мне сказал страшное, чтобы испугать,
Или вор, который преследует нас, или волк, —
Ты сохрани нас от этого, о Варуна!

11. *Не хотел бы я, о Варуна, испытывать недостаток*
В милом, щедром дарителе, в друге, много дающем!
Не хотел бы я лишиться, о царь, легко управляемого богатства!
Мы хотим провозгласить жертвенную раздачу, <чтобы иметь> прекрасных мужей!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Адитьи, верховные существа, возглавляются богом Варуной, который является вселенским правителем (*самрадж*), охранителем космического закона (*рита*) и *асурой* по преимуществу. Как защитник правды и нравственного порядка, Варуна должен также выступать в качестве карающего за грех, и «этой высшей хвалой» поэт пытается не только испросить у Варуны материальных благ, но и избежать ужасного воздаяния за прегрешения.

[2] Мать Адитьев, богиня, к которой часто обращаются с мольбой об отпущении греха.

[3] Будучи небесным существом, Варуна просто упорядочивает течение вод; с другой стороны, Индра (Ригведа, II, 12, 3) должен уничтожить враждебные силы, чтобы вызволить космические воды.

[4] Важно, что Варуна не только «связывает» грешников, но и прощает и освобождает от оков (*pasha*) раскаявшихся.

[5] *Рита*.

Перевод Т Я Елизаренковой; цит. по: «Ригведа Мандалы I–IV. — М., 1989, с. 268—270.

135

«КОГДА ЖЕ Я К ВАРУНЕ ВНОВЬ ПРИБЛИЖУСЬ?»

(Ригведа, VII, 86)

1. *Мудрость в роде людском — от мощи того,*
   Кто врозь расставил два мира широких[1],
   Двинул высокое быстрое небо,
   Расширив надвое звезды и землю.
2. *И вот я беседую сам с собою:*
   Когда же я к Варуне вновь приближусь?
   Какую жертву он примет без гнева?
   Когда мне на доброго глянуть кротко?
3. *О грехе спрошу Варуна: каков он?*
   Подойду к знатокам, чтоб расспросить их, —
   Одно и то же молвят мне мудрые:
   На тебя этот Варуна разгневан[2].
4. *За какой же, Варуна, грех великий*
   Ты хочешь убить славотворца — друга?
   Скажи, проницательный, самовластный, —
   И безгрешным приду к тебе с поклоном.
5. *Отпусти нам прегрешения предков*
   И те, что совершили мы сами,

Царь! Как вора, что рад скоту <чужому>[3],
Отвяжи Васиштху[4], словно теленка!
6. *Не нарочно, Варуна, ум мутится:*
Это хмель и гнев, зернь и безрассудство.
В погрешности младшего есть и старший,
Даже сон порой ведет к непотребству.
7. *Быть мне верным рабом милосердному,*
Безгрешным рабом гневливого бога.
Надоумил бог благой неразумных,
Умного к богатству ведет мудрейший.
8. *Самовластный Варуна! Пусть эта песнь*
И хвала тебе по сердцу придется.
Да будет нам счастье в мире и в битве:
Храните нас, боги, благословеньем!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Небо и земля, составлявшие изначально единое целое, раздвигаются Варуной, столпом космического порядка (*rita*).

[2] Варуна связывает путами тех, кто преступает его вселенский закон в его ритуальном или моральном аспекте. Поэт, возможно, страдающий от недуга, хочет исповедаться в грехе, за который он несет кару, чтобы Варуна простил и отпустил его. Его вина — тяжкое бремя, его грех безымян, и восхвалитель Варуны пытается только восстановить правильные отношения с богом.

[3] Не вполне ясное место. Другие толкования: «как вора, крадущего скот» (Макдоннелл); «как вора, прикармливающего скот» (Гриффит)

[4] Знаменитый *риши*, которому по традиции приписывается этот гимн.

Стихотворное переложение В Тихомирова в редакции А Коваля, ср «Да услышат меня Земля и Небо. Из ведийской поэзии». — М., 1984, с. 54—55.

136

«ДАЙ ТЫ МНЕ БЕССМЕРТИЕ»: ГИМН СОМЕ ПАВАМАНЕ

(Ригведа, IX, 113, 7—11)

7. *Где свет неиссякающий,*
В тот мир, где светоч солнечный —

Цедимый[1], *помести меня*
В нетленный мир бессмертия.
Для Индры, Инду[2], *вкруг теки!*
8. *Где сын царит Вивасвата*[3],
Где часть небес укрытая,
Где воды эти юные —
Там дай ты мне бессмертие.
Для Индры, Инду, вкруг теки!
9. *Где всюду вольный путь лежит*
На третьесвод трехнебия[4],
Где области сияния —
Там дай ты мне бессмертие.
Для Индры, Инду, вкруг теки!
10. *Где страсти и хотения,*
Где маковка Буланого[5],
Где пища[6] *и утехи где —*
Там дай ты мне бессмертие.
Для Индры, Инду, вкруг теки!
11. *Блаженства где и радости,*
Отрадам где радешеньки,
Где все хотенья сбудутся —
Там дай ты мне бессмертие.
Для Индры, Инду, вкруг теки!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Цедимый» (*Павамана*: букв. «очищаемый») — обычный эпитет сомы. Этот напиток выдавливали под прессом и процеживали через особый фильтр из овечьей шерсти, а затем собирали в чан.

[2] Инду — букв. «капля»: частое обращение к Соме, по созвучию напоминающее о его связи с Индрой, убившим змея Вритру, предварительно напившись сомы.

[3] Яма, царь умерших.

[4] В оригинале довольно вычурное выражение: «*тринаке тридиве дивах*» — букв. «на трехнебосводе, трехнебе неба». Имеется в виду верхнее небо, отмеченное третьим шагом Вишну, где живут Яма и предки. Сома присутствует во всех трех мирах, и в ритуале сома, выжимаемый трижды в день, помещается в три сосуда

[5] Солнца.

[6] В оригинале *свадха* — неясное слово, которое Саяна толковал как «пища».

Перевод А Н Коваля по изданию Th. Aufrecht, «Die Hymnen des Rigveda» Dritte Auflage. Berlin, 1955

137
ГИМНЫ АГНИ

(Ригведа, I, II, III, VII, отрывки)

1. Агни зову· п у р о́ х и т у,
Ритвиджа, жертвы божество,
Х о́ т а р а прещедрейшего[1].
2. К Агни — призывы мудрецов,
И прежних, и теперешних:
«Пусть он богов сюда везет!»[2]
7. День ото дня к тебе, Агни,
Идем, во тьме сияющий,
С молитвой, с поклонением,
8. Царящий над обрядами,
Пастух Закона[3]*, блещущий,*
Растущий в доме собственном
9. Как сыну — <милый> батюшка,
Так нам, Агни, доступен будь,
Сопроводи нас к счастию.

(Ригведа, I, 1. 1–2, 7–9)

1. Ты, Агни — со днями, ты блещешь-сияешь,
Это ты — из вод, это ты — из каменьев,
Это ты — из деревьев, ты — из растений;
Ты, Владыка людей[4]*, рождаешься чистым.*
2. Твоя, Агни, х о т р а, урочная потра
И н е ш т р а, ты — а г н и д х у праведника.
Твоя прашастра, и ты а д х в а р и й с т в у е ш ь,
Ты — б р а х м а н, и ты — в нашем доме хозяин[5].
9. О Агни, к тебе — люди в мольбах, как к отцу,
Краснотелый, к тебе — побрататься в жертве;
Ты сыном станешь тому, кто почтит тебя,
Как любезный друг, защитишь от напасти.
14. В тебе, Агни, все благие, бессмертные
Боги жертву едят твоими устами.
Ты смертным даешь услаждаться напитком,
Ты чистым рожден, <словно> отпрыск[6] *растений.*

(Ригведа, II, 1. 1–2, 9, 14)

2. О Агни, твой жар в небесах, на земле,
В водах, в растеньях, о достойный жертвы,
Коим ты вширь растянул поднебесье —
Тот острый блеск, мужезрящий, подвижный

(Ригведа, III, 22. 2)

4. Агни, орлу[7] небесному,
Сейчас я новый гимн родил —
Добром да наградит он нас!
8. И днем, и ночью ты пылай:
С тобой у нас огонь благой.
Богат мужами ты, наш друг!
10. Агни ракшасов[8] гонит прочь —
Бессмертный, ярко блещущий,
Хвалимый, очистительный.
13. Агни, спаси от ужаса,
От наших, бог, противников,
Жги жаром, нестареющий!
14. Большой железной крепостью,
О неприступный, стань для нас,
Стостенной, чтоб мужей щитить.
15. Храни ты нас от ужаса,
От бед, во тьме сияющий,
Неуязвимый — день и ночь!

(Ригведа, VII, 15. 4, 8, 10, 13–15)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По своей популярности в Ригведе Агни, к которому обращен первый из 1028 гимнов этого собрания, уступает только Индре. Разжигание, или, скорее, постоянное возрождение этого космического или ритуального «Огня», является темой более чем 200 гимнов. Характерно, что в этой первой краткой строфе он восхваляется как домашний жрец (*пурохита*), совершитель (*ритвидж*) жертвоприношения (*яджня*), призывающий и рецитирующий священные тексты жрец (*хотар*), податель богатства тем, кто его почитает.

[2] Агни не только доносит жертвы богам, но и привлекает богов к жертвоприношению.

[3] *Рита*

[4] Агни Фактически, его характеристики постоянно проявляют трехчастную структуру Здесь он признается животворящим огнем в водах, земле и растениях земного мира Схожим образом, он — дитя небесных вод и как таковой является отдельным божеством — Апам Напат, он порождается как искра в воздухе меж двух камней, как порождает его Индра в молнии среди облаков (ср Ригведа II, 12 3), и, в-третьих, на земле Агни — это огонь, разжигаемый с помощью дров

[5] Здесь более подробно, чем в I, 1 1, перечисляются жреческие функции Агни, иллюстрируя не только сложность раннего ведийского ритуала, но и то, как мыслилось присутствие Агни в разных областях жертвоприносительного действа Он — *хотар*, *потар* («очиститель»), *нештар* («выводящий» вперед жену жертвователя) *агнидх* (помощник *адхварью*, разжигающего огонь с помощью трения), *прашастар* (первый помощник *хотара*), *адхварью* (который совершает физические работы, связанные с обрядом· строит жертвенник и приготовляет сому), *брахман* (в поздневедийском обряде он является руководителем жертвоприношения, но здесь, возможно, выступает в роли помощника) и, наконец, Агни — это сам хозяин дома

[6] *Гарбха* Агни — это жизнетворное тепло, зерно жизни

[7] Как посреднику между царством людей и богов, Агни часто приписывается «летучесть» Он именуется божественным орлом или соколом (*шьена*) в «Агничаяне» («Яджурведа»), обряде сооружения огненного жертвенника в форме летящей птицы из 10 800 кирпичей Железная крепость с сотней стен в строфе 14, возможно, является реминисценцией похищения сомы орлом в Ригведе, IV, 26—27

[8] Хтонические демоны, осаждающие и пожирающие людей

Перевод А Н Коваля по изданию Th Aufrecht, *Die Hymnen des Rigveda* Berlin, Dritte Auflage, 1955

См. также тексты 25, 56, 101, 115.

138

МОЛИТВА СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО

(Тит Ливий. «История Рима», XXIX, 27, 1—4)

Перед отплытием с Сицилии в великий поход против Карфагена (204 г до н. э.) Сципион Африканский на своем флагманском корабле обратился с такой молитвой о благополучии своего предприятия.

«Боги и богини, живущие в морях и на земле, я молю и прошу вас о том, чтобы все, что свершалось, свершается или свершится под моим началом, обернулось к моему благу и ко благу народа и людей Рима, союзников и латинов, которые следуют за мною по суше, морю или рекам, [признав] верховенство, авторитет и ауспиции римского народа; поддержите их и помо-

гите им своей помощью, даруйте им, чтобы, живые и невредимые, победившие врага, обремененные добычей и трофеями, они с триумфом вернулись со мной на родину, даруйте нам сил отмстить нашим врагам и противникам, даруйте мне и римскому народу силу подвергнуть карфагенян гому, что они замышляли против нашего города, и явить образец [божественной] кары»

139
ГИМН КЛЕАНФА К ЗЕВСУ

(*Стобей, «Эклоги», I, 1, 12*)

Клеанф из Асса (*331–233* до н. э.) был учеником и преемником Зенона во главе стоической школы Он был настоящим основоположником стоической теологии.

Ты, из бессмертных славнейший, всесильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону.
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы — порожденье твое, и все твой образ мы носим,
Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.
Все мироздание это, что землю обходит кругами,
Движется волей твоей, тебе повинуясь охотно
Держишь в своих ты руках, никогда пораженья не знавших,
Молнии блеск огневой, ослепительный, вечно живущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;
Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду проносится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка
Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило
Ты согласуешь в единство дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечноживущий,
Разум, чья сила страшна одним лишь дурным между смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают,
Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;

Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят
Ты же, о Зевс, всех даров властелин темнокудрый, громовый,
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнанья;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам
К мудрости вечной, которой ты правишь над всеми справедливо,
Честь от тебя восприняв, и тебе будем честь воздавать мы,
Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награжденья прекрасней для смертных и нет для бессмертных,
Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость.

Перевод М Е Грабарь-Пассек (Античные гимны — М 1988, с 175—176)

См. также текст 304.

140

МУХАММАД ПРЕДПИСЫВАЕТ МУСУЛЬМАНАМ ЕЖЕДНЕВНЫЕ МОЛИТВЫ

(Коран, XVII, 80—83)

80. Выполняй молитву при склонении солнца к мраку ночи, а Коран — на заре. Поистине, Коран на заре имеет свидетелей!

81. И ночью усердствуй в нем добровольно для себя, — может быть, пошлет тебе твой Господь место достохвальное!

82. И скажи: «Господи! Введи меня входом истины и выведи выходом истины, и дай мне от Тебя власть в помощь».

83. И скажи: «Пришла истина, и исчезла ложь; поистине, ложь исчезающа!»

Перевод И Ю Крачковского

141

МОЛИТВЫ ДЕРВИШЕЙ

У меня нет ничего, кроме моей нужды,
Чтобы оправдаться перед Тобой.

В нищете своей я выставляю нужду своим оправданием.
У меня не осталось сил ни на что — только стучать в Твою дверь,
И если Ты отвергнешь меня, мне не к кому будет стучать
К кому мне взывать, призывая его имя,
Если Твоему бедняку отказано в Твоем великодушии?
Пусть великодушие Твое не повергнет в отчаяние ослушника!
Ведь великодушие более щедро.
Низкий и жалкий, стою я у Твоих дверей,
Зная, что здесь находит помощь умалившееся.
В полном самоотречении я полагаюсь на Тебя,
Простирая руки к Тебе, как нищий ходатай.

[приписывается Абд ал-Кадиру ал-Джилани, а также Абуйаду ал-Тиджани]

О Господь, ниспошли благословение на Мухаммада в ворковании голубей, в парении птиц, в пастьбе стад, в превосходстве сильных, в мощи взрослых, в дреме спящих... в заре утра, в ропоте ветров и топоте стад, в препоясании мечом и потрясании копьем, в здоровье телесном и духовном.

[ал-Салат ли-ал-Бусири] Constance C Padwick, *Muslim Devotions*, London, 1961, pp 218, 257

МОДЕЛИ ИНИЦИАЦИИ

142
АВСТРАЛИЙСКАЯ ПЛЕМЕННАЯ ИНИЦИАЦИЯ

Термины «племенная инициация», «обряды половой зрелости» и «инициация в возрастную группу» обозначают класс обрядов, функция которых — осуществить переход из детства или отрочества во взрослое состояние и которые обязательны для всех членов данного общества. Половозрелая инициация представляет собой прежде всего раскрытие сакрального — а для первобытного мира сакральное означает не только все то, что мы понимаем под религией, но также весь корпус мифологической и культурной традиции племени. Посредством инициации кандидат выходит из природного состояния — состояния ребенка — и получает доступ к культурному состоянию; иными словами, он знакомится с духовными ценностями. (Ср. M. Eliade, *Birth and Rebirth*, New York, Harper&Row, 1958.)

Говоря в общем, австралийская инициационная церемония включает следующие стадии: во-первых, подготовку «сакрального участка», где мужчины изолированы в продолжение праздника; во-вторых, отделение посвящаемых от матерей и вообще от всех женщин; в-третьих, их уход в дикую местность или в особый изолированный лагерь, где их будут наставлять в религиозных традициях племени; в-четвертых, определенные операции, совершаемые на посвящаемых, обычно обрезание, удаление зуба, надрезы, иногда — выдергивание волос. В период инициации посвящаемые должны вести себя особым образом, подвергаться ряду испытаний и соблюдать различные пищевые запреты. Каждый элемент этого инициационного сценария имеет религиозное значение.

Отделение посвящаемых от матерей происходит более или менее драматическим образом, сообразно обычаям разных племен. Наименее драматичного метода придерживаются курнаи, чья инициационная церемония вообще довольно проста. Матери сидят позади посвящаемых; мужчины

выстраиваются в шеренгу между обеими группами, тем самым их разделяя. Наставники несколько раз поднимают посвящаемых над землей, посвящаемые простирают руки как можно выше к небу. Смысл этого жеста ясен: неофиты посвящаются Небесному богу. Затем их уводят в священную ограду, где, лежа на спине и скрестив руки на груди, они накрываются лохмотьями. С этого момента они не видят и не слышат ничего. Под звуки монотонной песни они засыпают, позднее женщины удаляются. Вождь курнаи объяснял Хоуитту, из чьей книги взята приводимая ниже цитата: «Если бы женщина подсмотрела или услышала бы то, что мы рассказываем мальчикам, я бы ее убил». Пробудившись, неофиты получают «пояс мужественности», и начинается их обучение.

Центральное таинство инициации курнаи называется «Показ деда».

«Показ деда». Эта таинственная фраза описывает центральное таинство, в действительности означающее представление посвящаемых *Тундуну* и разъяснение верований предков. Ее используют, например, *буллавангu* в разговоре со своими питомцами, как бы говоря им: «Сегодня мы возьмем вас и покажем вам вашего деда».

У курнаи есть две трещотки: большая называется «Тундун», или «мужчина», а меньшая — «Рукта-Тундун», «женщина», или «жена Тундуна». Большую трещотку также называют «Дед», *Вентвин* или *Мукброган*. В этом курнаи расходятся с мурринг, у которых есть только одна трещотка, но совпадают с несколькими другими австралийскими племенами. Я думаю, хотя и не до конца в этом уверен, что там, где используются две трещотки, налицо свидетельство церемоний, в которых известную роль играют и женщины, тогда как в племенах, где трещотка только одна, как у мурринг, женщины исключатся полностью.

Итак, пока посвящаемые находились под опекой в течение дня после «сонной» церемонии, а большинство мужчин были на охоте, вождь и несколько его помощников уходят, чтобы подготовить великую церемонию деда. Выбранное место, как я позднее определил, было удалено от лагеря *Тутнурринг* более чем на две тысячи шагов. Сидя там и беседуя с *буллавангами*, я несколько раз слышал характерный звук «женского *Тундуна*», когда изготавливавшие их мужчины проверяли, хорошо ли у них получается работа. Когда они были готовы, примерно за час до захода солнца, *буллавангам* было приказано привести своих подопечных в назначенное место под таким предлогом: «Пойдем пройдемся. Вы, наверно, устали сидеть весь день на одном месте».

Придя на место, что было на краю протяженных и густых зарослей дерева *ти* (*Melaleuca*) с небольшой открытой равниной акров в пятьдесят перед ними, посвящаемые были остановлены: их выстроили в ряд и заставили опуститься на колени, натянув на головы одеяла, чтобы помешать им

что-либо видеть. Перед каждым из них встал на колени один *буллаванг*, а сзади в полный рост стоял другой. Верховный вождь стоял неподалеку, сжимая в руке орудие для бросания копья. После того как все было удовлетворительным образом устроено, церемония началась. Второй вождь вышел из чащи ярдах в ста пятидесяти отсюда, держа в руке «мужской *Тундун*», он начал его раскручивать, производя глуховатый рев. Сразу за ним шел мужчина с «женским *Тундун*»; таким образом медленно вышли шестнадцать мужчин, каждый из которых, оказавшись на открытом месте, начинал раскручивать свой инструмент, усиливая ревущий и скрежещущий шум. К тому моменту, когда на открытую местность вышел последний «музыкант», вождь был уже на противоположном конце цепи из коленопреклоненных *тутнурингов*; затем исполнители выстроились полукругом и произвели финальный разноголосый аккорд. Когда звук смолк, вождь повелел посвящаемым встать и поднять лица к небу. Затем он направил копьеметалку в небо, и *буллаванги* сняли с голов мальчиков одеяла; все посвящаемые смотрели в направлении, указанном копьеметалкой, и вождь сказал: «Смотрите туда! Смотрите туда! Смотрите туда!» При этом он показал сначала на небо, затем ниже, затем на мужчин с *Тундунами*. Двое стариков тут стали перебегать от одного новичка к другому, с серьезнейшим видом им сообщая: «Ты никогда не должен рассказывать об этом. Не должен рассказывать ни матери, ни сестре, никому, кто не *джераэйл*». В старину в этот момент на новичков направлялись копья, как бы подчеркивая весомость угроз тому, кто незаконно разгласит тайны. После этого старый вождь впечатляющим образам открывает новичкам верования предков, которые я могу резюмировать следующим образом.

Давным-давно жило на земле великое Существо по имени *Мунган-нгаua*; оно научило курнаи изготавливать орудия, сети, лодки, оружие — словом, всем ремеслам, какие они знают. Оно также дало им личные имена, которые они носят, например, Тулаба. У *Мунган-нгаua* был сын по имени *Тундун*, который был женат и стал прямым предком (*Вентвин*, или отец отца) курнаи. *Мунган-нгаua* учредил [тайное общество] *Джераэйл*, которое возглавил *Тундун*, изготовивший инструменты, носящие его имя и имя его жены.

Однажды какой-то предатель нечестиво разгласил женщинам тайны *Джераэйл* и тем самым навлек на курнаи гнев *Мунгана*. Он ниспослал огонь (Aurora Australis), наполнивший все пространство между небом и землей. Люди обезумели от ужаса и забросали друг друга копьями: отцы убивали детей, мужья — жен, братья — братьев. Потом море нахлынуло на землю, и почти все люди утонули. Уцелевшие стали предками курнаи. Некоторые из них превратились в зверей, птиц, пресмыкающихся, рыб, а *Тундун* и его жена превратились в бурых дельфинов. *Мунган* покинул землю и взошел на небо, где пребывает и поныне.

С тех пор, по словам курнаи, знание о *Джераэйл* и его таинствах передается от отца к сыну вместе со знанием о каре беззаконно их разглашающим, нарушителям веления *Мунгана* — их ждет гибель в огне или от рук людей, блюдущих его законы.

Итак, новичкам, получившим подобающие наставления, велят взять *Тундун* и сыграть на нем, что они и делают — с явной неохотой и опасением

A W Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia* London, 1904, pp 628–631

См. также текст 1

143
ДУКДУК: МЕЛАНЕЗИЙСКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Есть одно чрезвычайно любопытное и интересное установление, с помощью которого старшие члены племени сплачивают свои ряды и, воздействуя на суеверие остальных, обеспечивают себе комфортную старость и безграничное влияние... *Дукдук* — это дух, который принимает зримый и, предположительно, осязаемый облик и является в определенное, фиксированное время. Его прибытие неизменно привязывается к дню, когда впервые появляется новая луна. Старики объявляют о нем за месяц до его прибытия; говорят, что он всегда принадлежит одному из них. В течение этого месяца вовсю запасаются едой, и если кто-нибудь из молодых не внес надлежащий вклад в обеспечение предыдущей встречи, то ему недвусмысленно внушают, что *Дукдук* им недоволен, и можно не опасаться того, что молодой человек оскорбит его дважды. Если вспомнить, что старики, единственные, кто способен вызвать *Дукдука* из его дома на дне моря, слишком слабы для работы или для снабжения себя пищей, или *деварра*, то мотивы внушения станут, на мой взгляд, совершенно очевидными. За день до ожидаемого прибытия *Дукдука* женщины обычно исчезают или — невзирая ни на что — сидят по домам Женщину, взглянувшую на этого беспокойного духа, ожидает неминуемая гибель. Перед рассветом все собираются на берегу, причем молодежь в большинстве своем выглядит довольно испуганной. В ближайшие две недели им предстоит пережить немало неприятных ощущений, к тому же *Дукдук*, как известно, чрезвычайно хорошо информирован о всех их проступках за предыдущий месяц. При первых лучах зари со стороны моря доносятся пение и стук барабанов, а когда достаточно рассветет, в поле зрения появятся пять или шесть каноэ, соединенных с помощью надстроенной

платформы и медленно приближающихся к берегу. На платформе появляются две на редкость необычные фигуры, которые пляшут, издают пронзительные крики, напоминающие щенячий визг. Кажется, что их рост достигает десяти футов, но их движения настолько быстры, что тщательно рассмотреть их очень трудно. Как бы то ни было, их видимый облик напоминает гигантского казуара с самым отвратительным и гротескным человеческим лицом. Одежда, изготовленная из листьев *draconaena*, имеет чрезвычайное сходство с оперением этой птицы, но голова не похожа ни на что — это голова *Дукдука*. Конической формы, футов пяти в высоту, она сделана из очень тонкой плетенки, поверхность которой сплошь вымазана смолой, чтобы придать лицу злобное, демоническое выражение. Не видно ни рук, ни ладоней, а одежда доходит до колен. Старики, несомненно, знают, в чем хитрость, но по встревоженным лицам остальных легко понять, что они воображают, будто в посетителях нет ничего человеческого. Как только каноэ достигают берега, два *Дукдука* спрыгивают с платформы, а туземцы отступают, чтобы не соприкоснуться с ними. Если дотронуться до *Дукдука*, даже случайно, то он очень часто тут же поражает неудачливого туземца топориком. Причалив, *Дукдуки* танцуют вокруг друг друга, подражая неуклюжим движениям казуара и издавая пронзительные птичьи крики. За все время своего пребывания они не произнесут ничего более членораздельного. Они никогда не говорят, потому что в этом случае их можно было бы узнать по голосу. Больше не происходит ничего до самого вечера, и они проводят время, бегая взад и вперед по берегу, наведываясь в деревню и на необжитые территории. похоже, что им очень нравится совершать самые неожиданные выходки, пугая туземцев до потери сознания. В этот день на пустоши строится домик для *Дукдуков*. Никто, кроме стариков, не знает его местонахождения, которое тщательно скрывается. Здесь, как можно предположить, неугомонный дух немного расслабляется и питается. Разумеется, никто не решается его побеспокоить. Вечером собирают огромное количество еды, которую старики уносят на пустошь; свой вклад в трапезу вносит каждый мужчина. Если *Дукдук* доволен, то он сохраняет полное молчание; если же собранная трапеза кажется ему недостаточной, то он демонстрирует свое недовольство, скуля и прыгая. После того как пища будет унесена, молодые мужчины должны подвергнуться весьма неприятному испытанию, цель которого — подготовить их души к разъяснению таинств *Дукдука*, которое состоится в достаточно далеком будущем. Они выстраиваются в ряды по шесть-семь человек, высоко поднимая руки над головами. Когда *Дукдуки* приходят из своего жилища на пустоши, то у одного из них при себе связка толстых шестифутовых палок, а у второго — большая дубинка. *Дукдук* с палками выбирает одного из юношей, приплясывая, приближается к молодым людям и наносит сокрушительный удар, после кото-

рого кровь растекается по всему телу. Юноша, однако, даже не вздрагивает и не подает никаких признаков боли. После удара палкой юноша должен упасть ниц на пораженную часть тела, что, конечно же, очень неприятно. За вечер каждый из молодых людей должен пройти это испытание около двадцати раз, после чего они, прихрамывая, расходятся по домам. Тем не менее, они буду готовы к повторению этой процедуры и в следующии вечер, и так в течение двух недель Мужское посвящение зачастую продолжается около двадцати лет, а поскольку *Дукдук* обычно появляется в каждом поселении шесть раз в году, новички должны претерпеть множество порок, чтобы купить свободу полноправного члена общества. Хотя я и не был свидетелем этого, но *Дукдук* обладает правом убивать любого на месте и часто этим правом пользуется. Он просто вприпрыжку подходит к жертве и разбивает ей голову топориком или дубиной. Никто не смеет оспаривать это право и никто не дерзает прикоснуться к трупу. *Дукдук* подхватывает тело и уносит его с собой в безлюдное место, где избавляется от него; каким образом, можно только догадываться. Женщину, захваченную на пустоши врасплох, куда-то уносят, и она исчезает навсегда, и никто не отваживается на ее поиски. Несомненно, именно право *Дукдука* безнаказанно убивать любого внушает туземцам такой страх перед ним. Прежде всего это необходимо для поддержания секретности, и способ, которым это достигается, весьма остроумен. Человек, изображающий *Дукдука*, удаляется в домик, снимает с себя одежду и смешивается с остальным племенем, чтобы никто не заметил его отсутствия; когда собирают пищу, он вносит и свой вклад, делая подарок самому себе. В последний день перед исчезновением луны исчезают и *Дукдуки*, хотя никто и не видит, как они уходят; их дом на пустоши сжигается, а одежда уничтожается. С превеликим тщанием уничтожается все, к чему они прикасались, а палки и дубины каждый день сжигаются стариками.

H. Romilly, *The Western Pacific and New Guinea*, London, 1886, pp 27–33

144

ДИКША: ИНДИЙСКИЙ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЙ РИТУАЛ (ИНДУИЗМ)

Каждый, кто готовит жертвоприношение *сомы*, должен совершить *дикшу*. Ригведа, по-видимому, еще ничего не знает о *дикше*, засвидетельствованной, однако, в «Атхарваведе», где *брахмачарин*, или новичок, который совершает посвятительный обряд, подтверждающий достиже-

ние половой зрелости, называется *дикшита* («тот, кто совершает *дикшу*»). Герман Ломмель справедливо подчеркивал важность этого отрывка («Атхарваведа», XI, 5, 6); посвящаемый претерпевает перерождение, чтобы быть достойным совершить жертвоприношение *сомы*. Этот обряд подразумевает предварительное освящение жертвователя, для чего последний как бы возвращается в материнское чрево. Тексты говорят об этом совершенно недвусмысленно. Согласно «Айтарее-брахмане» (1,3), «того, кому они даруют *дикшу*, жрецы снова превращают в зародыш. Они окропляют его водой; вода — семя человеческое... Они отводят его в особое помещение; это помещение — чрево для *дикшиты*; так они вводят его в чрево, которое ему подходит... Они накрывают его одеждой; одежда — это сорочка... Над нею они помещают черную шкуру антилопы; поистине, плацента находится над сорочкой... Он смыкает руки; поистине, руки зародыша сомкнуты, пока он внутри, дитя рождается с сомкнутыми руками... Он отбрасывает черную антилопью шкуру, чтобы подвергнуться последнему омовению; поэтому плод входит в мир с отброшенной плацентой. Он держится за свою одежду, и поэтому дитя рождается в сорочке».

Параллельные тексты подчеркивают эмбриологический и родовспомогательный характер этого обряда с помощью богатой образности. «*Дикшита* — это зародыш, его одеяние — это сорочка», и т. д., гласит «Тайттирия-Самхита» (I, 3, 2). Здесь же (VI, 2, 5, 5) повторяется образ *дикшиты*-зародыша, дополняемый образом хижины, сравниваемой с чревом, — исключительно древним и широко распространенным образом; когда *дикшита* выходит из хижины, он подобен зародышу, выходящему из чрева. «Майтраяни-Самхита» (III, 6, 1) говорит, что посвящаемый покидает этот мир и «рождается в мире богов»; хижина — это чрево для *дикшиты*, антилопья шкура — плацента. Причина возвращения в чрево разъясняется многократно. «В действительности человек не рожден. Он рождается только через жертвоприношение» (III, 6, 7). Также подчеркивается, что это истинное рождение человека носит духовный характер. «*Дикшита* — это семя», — добавляет «Майтраяни-Самхита» (III, 6, 1); иными словами, чтобы достичь духовного состояния, которое позволит ему заново родиться среди богов, *дикшита* должен символически стать тем, чем он был в самом начале. Он упраздняет свое биологическое существование, уже прошедшие годы своей человеческой жизни, чтобы вернуться к ситуации, одновременно эмбриональной и изначальной; он «возвращается» в состояние семени, т. е чистой потенциальности.

M. Eliade, *Birth and Rebirth*, New York, Harper & Row, 1958 pp. 54–55.

145
ИНИЦИАЦИЯ ВОИНА: СОТВОРЕНИЕ БЕРСЕРКА

(«Сага о Вельсунгах», главы 7–8)

В отрывке, которому было суждено стать знаменитым, «Сага об Инглингах» изображает спутников Одина: «Они двигались без щитов и были разъярены, как псы или волки; они грызли свои щиты и были сильны, как медведи или быки; мужей они убивали, и ни сталь, ни огонь ничего не могли с ними поделать; вот это-то и называется яростью берсерка». Эта мифологическая картинка была правильно отождествлена с описанием реально существовавших мужских обществ — знаменитых *Männerbünde* древней германской цивилизации. Берсерки — это, буквально, «воины в медвежьих (*бер*) рубашках (*серк*)». Это означает, что они магически отождествлялись с медведем. Вдобавок они могли иногда превращаться в волков и медведей. Мужчина становился берсерком в результате посвящения, включавшего специфические воинские испытания. Так, например, Тацит рассказывает о том, что у хаттов кандидат не стриг ни голову, ни подбородок, пока не убьет врага. У тайфалов юноша должен был одолеть вепря или волка; у герулов он должен был сражаться безоружным. Посредством этих испытаний кандидат облекался в звериный образ существования; он становился страшным воином в той мере, в какой вел себя как хищный зверь. Он преображался в сверхчеловека, ибо ему удавалось овладеть магико-религиозной силой, свойственной плотоядным.

«Сага о Вельсунгах» сохранила память о некоторых испытаниях, типичных для инициаций берсерков. С помощью предательства *конунг* Сиггейр захватывает в плен девятерых своих зятьев, Вельсунгов. Прикованных к балке Вельсунгов пожирает волчица; спастись удается одному Сигмунду благодаря хитрости его сестры Сигню. Спрятанный в хижине посреди дремучего леса, куда Сигню приносит ему еду, он дожидается часа возмездия. Когда двое ее старших сыновей достигают десятилетнего возраста, Сигню отсылает их к Сигмунду для испытания. Сигмунд обнаруживает, что они трусы, и по его совету Сигню их убивает. От кровосмесительной связи с братом Сигню рождает третьего сына, названного Синфьотли. Незадолго до того как ему исполнилось десять лет, мать подвергает его первому испытанию: она пришивает рубашку к его рукам. Сыновья Сиггейра, подвергнутые тому же испытанию, воют от боли, но Синфьотли остается невозмутимым. Затем мать сдирает с него рубашку вместе с кожей и спрашивает, почувствовал ли он что-нибудь. Мальчик отвечает, что Вельсунгу нет дела до такого пустяка. Затем мать отсылает его к Сигмунду, который подвергает его той же провер-

ке, которую не выдержали когда-то двое сыновей Сиггейра: он приказывает ему испечь хлеб из мешка муки, в котором находится змея Возвратившись вечером домой, Сигмунд застает испеченный хлеб и спрашивает Синфьотли, не нашел ли тот что-нибудь в муке. Мальчик отвечает, что он и вправду что-то видел, но не придал этому значения и замешал все, что было. После этого доказательства отваги Сигмунд берет мальчика с собой в лес. Однажды они находят две волчьих шкуры, висящих на стене хижины. Двое сыновей *конунга* превратились в волков и могут сбрасывать шкуру только на десятый день Сигмунд и Синфьотли надевают шкуры, но не могут их снять. Они воют по-волчьи и понимают речь волков. Они расходятся, договорившись, что не будут звать друг друга на помощь, если только им не придется сразиться одновременно более чем с семью воинами. Однажды Синфьотли слышит призыв о помощи и убивает всех напавших на Сигмунда. В другой раз на самого Синфьотли нападает одиннадцать человек, которых он убивает самостоятельно. Тогда Сигмунд налетает на него и вгрызается ему в глотку, но вскоре находит способ залечить рану. Наконец, они возвращаются в хижину, чтобы дожидаться момента, когда они смогут сбросить с себя волчьи шкуры. Когда это время приходит, они бросают шкуры в огонь. Этим инициация Синфьотли завершается, и он готов отмстить за убийство Вельсунгов.

Инициационная топика очевидна: испытание отваги, сопротивление физической боли, наконец, магическое превращение в волка. Но составитель «Саги о Вельсунгах» уже не помнил исконного смысла превращения. Сигмунд и Синфьотли находят шкуры случайно и не знают, как их снять. Так вот, превращение в волка — т. е. ритуальное облачение в волчью шкуру — составляло существеннейший момент посвящения в тайное мужское общество. Надев шкуру, посвящаемый усваивал повадки волка, иными словами, он становился диким зверем в обличье воина — неудержимым и неуязвимым. Волками называли членов индоевропейских военных обществ.

M Eliade, *Birth and Rebirth*, New York, Harper & Row, 1958 pp 81–83

146
ИНИЦИАЦИЯ КУХУЛИНА

(«Похищение быка из Куальнге»)

Согласно древнеирландской саге «Тайн Бо Куальнге» Кухулин, племянник короля Ульстера Конхобара, однажды подслушал, как его наставник,

друид Катба, говорит: «Мальчик, который возьмется за оружие сегодня, будет блестящим воином, славным своими воинскими подвигами... но жизнь его будет скоротечной». Кухулин вскочил и, испросив у дяди оружие и колесницу, отправился к замку троих сыновей Нехта, злейших врагов Ульстерского королевства. Хотя троица героев считалась непобедимой, мальчик одолел их и отрубил им головы. Однако подвиг разгорячил его настолько, что одна колдунья предупредила царя о том, что, если не принять мер предосторожности, мальчик убьет всех воинов в Ульстере. Царь решил послать навстречу Кухулину «трижды пятьдесят» нагих женщин. Дальше говорится: «Вскоре вышли за ворота все юные девушки и показали мальчику свою наготу и срам. Отрок спрятал лицо и обратил свой взгляд к колеснице, чтобы не видеть срам и наготу женщин. Потом отрока ссадили с колесницы. Его посадили в три бочки с холодной водой, чтобы остудить его ярость (*ферг*); и первая бочка, в которую его посадили, треснула, словно расколотый орех. Вода во второй бочке закипела пузырями величиной в кулак. Воду из третьей бочки стерпел бы не всякий. После этого ярость мальчика пошла на убыль... и его нарядили в праздничные одежды».

M Eliade, *Birth and Rebirth*, New York, Harper & Row, 1958, *pp* 84–85

147
ДИОНИС И ВАКХАНКИ

(Еврипид, «Вакханки», 677–775)

По сообщениям древних, культ Диониса пришел в Грецию из Фракии или из Фригии (фригийцы — одно из фракийских племен). Этот культ носил неистовый и экстатический характер, что так ярко иллюстрирует приводимый ниже отрывок из Еврипидовых «Вакханок». Пастух рассказывает фиванскому царю Пенфею о нападении менад (вакханок) на царское стадо.

В тот час, как солнца первые лучи
Греть начинают землю, полегоньку
Коров на пастбище я в гору гнал
Вдруг подо мной из женщин три дружины.
В одной заметил Автоною я,
В другой — Агаву, мать твою, а в третьей —
Ину. Все спали на привале, кто

Под спину веток ели подложив,
А те — в листве дубовой утопая...
И чинно как! А ты-то уверял,
Что, пьяные вином и звуком флейты,
Они по зарослям Киприду ловят...
Но вот, средь стана спящего вскочив,
Агава-мать их зычным криком будит:
Мычанье стад заслышала она.
И, легкий сон сгоняя с вежд, вскочили
Те на ноги — все чудо как скромны:
Старухи, и молодки, и девицы...
Все кудри распускают по плечам;
А у кого небрида развязалась,
Те подтянуть спешат и пестрой лани
Святой покров змеею подпоясать.
И змеи их не жалили, а только
Беспечно щеки языком лизали.
Те на руки волчонка брали, те
От лани сосунка к грудям набухшим
Прикладывали — знать, детей они
Новорожденных бросили. Венками
Они плюща, иль дуба, или тиса
Цветущего украсились потом.
Вот тирс берет одна и ударяет
Им о скалу — оттуда чистый ключ
Воды струится. В землю тирс воткнула
Другая — бог вина источник дал.
А кто хотел напиться белой влаги,
Той стоило лишь землю поскоблить
Концами пальцев — молоко лилося.
С плюща ж на тирсах капал сладкий мед...
Хулишь ты Вакха, царь; но, раз увидев
Все это, — ты молился бы ему.
Мы, пастухи коровьи и овечьи,
Сошлись тогда и все наперерыв
О чудесах невиданных судили...
Бывалый человек нашелся тут
И мастер говорить — мы стали слушать.
И вот что он сказал нам: «Пастухи,
Священных высей жители, давайте
Похитим с игрища царицу-мать!

Мы угодим владыке». Тут, конечно,
Все согласились. В зелени кустов
Устроили засаду, притаившись.
Сидим, сидим — и вот в условный час
Под взмахи тирсов игрище открылось,
И в голос стали жены Вакха звать.
Все ликовало с ними — горы, звери;
От топота задвигалась земля.
Случись, что около меня в раденье
Агава очутилась; чтоб схватить
Ее, я выскочил — и все открылось.
И-их! Закричала: «Борзые, за мной,
За мною, быстрые! Мужчины ловят.
Тирс в руки, борзые, и все — за мной!»
Бегом едва спаслись мы от вакханок,
А то бы разорвали. Там стада
У нас паслись; так с голыми руками
На них менады бросились: корову
Мычащую с набрякшим вымем эти
Волочат; те рвут нетелей; там бок
Растерзанный; там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо и сочится кровью.
Свирепые быки, что в гневе раньше
Пускали в ход рога, — теперь лежат,
Поверженные тьмою рук девичьих.
Быстрее кожу с мяса там сдирали,
Чем очи царские ты б мог сомкнуть...
Но вот снялись вакханки: легче птиц
Бегут в поля на берега Асопа,
Что свой дают фиванцам тучный колос,
В Эрифры, в Гисии, под Киферон —
Они несут повсюду разрушенье:
Я видел, как они, детей похитив,
Их на плечах несли, не подвязавши,
И на землю не падали малютки.
Все, что хотели, на руки они
Могли поднять; ни меди, ни железа
Им тяжесть не противилась; на кудрях
У них огонь горел — и их не жег.
Крестьяне, видя, что их скарб вакханки
Разносят беспощадно, — попытались

Оружие поднять. И вот-то диво:
Их дротик хоть бы раз вакханку ранил.
Вакханка тирс поднимет — и бегут
Мужчины; сколько раненых осталось!
Менадам тут не смертный помогал
Но вот туда вернулися вакханки,
Где бог для них источники открыл.
В прозрачной влаге смыли кровь, а змеи
Лизали капли, щеки освежая.
О господин, кто б ни был этот бог,
Но он — велик; прими его в наш город!
Не знаю, так ли, только я слыхал,
Что это он, на утешенье горю,
Дал людям виноград, — а без вина
Какая уж любовь, какая радость!

Перевод И Анненского (Еврипид, *Трагедии* — М Искусство, 1986, т II, с 404—407)

148
ЭЛЕВСИНСКИЕ ТАИНСТВА

Счастлив тот из земных мужей, кто видел эти таинства; но непосвященный и не принимающий в них участия никогда не имеет доброго жребия после смерти, но пребывает во мраке и тоске.

«Гимн к Деметре», 480—482

Трижды счастливы те смертные, которые отходят в Аид, повидав эти обряды; ибо только им дарована там истинная жизнь, для остальных все что находится там, — зло.

Софокл, фрагмент 719 (Dindorf)

Счастлив тот, кто, увидев эти обряды, нисходит в земное чрево, ибо ему ведом конец жизни и ведомо ее ниспосланное богом начало.

Пиндар, фрагмент 102 (Oxford)

Воистину прекрасно Таинство, дарованное нам блаженными богами: смерть для смертных уже не зло, но благословение.

Надпись в Элевсине (S Angus, *The Mystery Religions and Christianity*, London, 1925, p 140)

В Афинах было укоренено мнение, что всякий, наученный Таинствам, после смерти будет сочтен достойным божественной славы. Поэтому все горели желанием принять посвящение

Схолии к Аристофану («Лягушки», 158), см S Angus, *op cit*, p 140

Павсаний избегал распространяться о Таинствах и воздержался от описания строений, находившихся на священных участках Деметры в Элевсине и Афинах.

Я намеревался заняться этим предметом и описать все то, что разрешено описывать в афинском святилище, называемом Элевсиний, но во сне мне было видение, предостерегшее меня от этого. Поэтому я обращусь к тому, что позволено рассказывать всем.

Павсаний, I, 14, 3

Мой сон запретил мне описывать то, что находится за стенами святилища; да и понятно, что непосвященному не подобает слушать о том, что ему запрещено видеть.

Павсаний, I, 38, 7

А *синтема* (пароль) в элевсинских таинствах такова: «Я постился, я пил *кикейон*; я вынимал из сундука, выполнив это, я положил обратно в корзину, а из корзины — назад в сундук».

Клемент Александрийский. *Протрептик*, II, 21 [Толкование этой священной формулы см G E Mylonas, *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*, pp 294–305]

Фригийцы, по словам наасенов, утверждают, будто Бог — это свежесрезанный колос пшеницы, и вслед за фригийцами афиняне, когда они посвяща-

ют в Элевсинии, в молчании показывают *эпоптам* великое, чудесное и наиполнейшее эпоптическое таинство — срезанный колос пшеницы.

Ипполит, «Философумена», V, 8

[Согласно Вальтеру Отто, «не может подвергаться сомнению чудодейственная природа события. Колос пшеницы, растущий и зреющий со сверхъестественной быстротой, является частью таинств Деметры в той же мере, в какой виноград, вырастающий за несколько часов, является частью пиров Диониса». W. Otto, *Meaning of the Eleusinian Mysteries*, p. 25, in *The Mysteries*, New York, 1955, pp. 14–31; *см. также* Mylonas, op. cit., pp. 305–310.]

Аристотель утверждает, что посвящаемому нет нужды что-либо знать: чтобы стать достойным кандидатом, должно получить [определенные] впечатления и настраивать себя на определенный лад.

Синезий, *О Дионе*, 10 (Ср. Jeanne Groissant, *Aristotle et les Mystères*, Paris, 1932).

См. также текст 35.

149
СМЕРТЬ И ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА

(Плутарх, «О душе»)

[В миг смерти] душа переживает то же, что и посвящаемый в великие таинства... Сначала он блуждает и мечется в изнеможении, полный страхов, бредет через тьму, словно непосвященный; затем на него обрушиваются все ужасы перед окончательным посвящением, с дрожью, трепетом, пóтом, изумлением; затем его озаряет волшебный свет, он попадает в чистые области и на чистые луга, где его окружают голоса и пляски и величие святых звуков и форм; завершивший посвящение привольно ходит среди них и, освобожденный, в венке присоединяется к божественному кругу и беседует с чистыми и святыми мужами, созерцая тех, кто живет здесь без посвящения, — грязную толпу, копошащуюся у его ног, одетую в грязь и туман, коснеющую в своем ничтожестве, страшащуюся смерти и не верующую в тамошние блаженства.

Плутарх, *О душе* в изложении Стобея, IV; см. G.E. Mylonas, *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*, Princeton, Princeton University Press, 1961, pp. 246–265.

150
ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА КИБЕЛЫ: ТАВРОБОЛИОН

(Пруденций, «Перистефанон», X, 1011–1050)

Того, кто принимает посвящение в верховные жрецы, они уводят под землю в глубокую яму; он украшен изумительной диадемой, его виски убраны венком, волосы зачесаны назад под золотой венец, на нем шелковая тога, подхваченная габинским поясом.

Над ним сооружают деревянный настил с широкими зазорами между досок; затем настил сверлят и подпиливают, протыкая древесину острым орудием, так чтобы в ней образовалось множество дырочек.

Сюда приводят огромного быка — свирепого и косматого, перевитого по бокам цветочными гирляндами; на его рога надеты чехлы; поистине, лоб жертвы сверкает золотом и блеск металлических пластин расцвечивает его шерсть.

Здесь зверю суждено быть закланным, и они пронзают его грудь священным копьем; из зияющей раны исторгается волна горячей крови, и дымящийся поток плещет на деревянный настил и заливает его до краев.

Затем через множество отверстий в настиле бушующий ливень устремляется вниз омерзительной росой, которую ловит погребенный внизу жрец, подставляя свою бесстыжую голову под капли, оскверняя и одежду свою и все свое тело.

Воистину, он запрокидывает голову, он подставляет щеки под поток крови, он размазывает кровь за ушами и губами, он подставляет ноздри, он омывает этой жидкостью даже глаза, причем не щадит даже и глотки, увлажняя язык и жадно глотая черную запекающуюся массу.

После этого *фламины* стаскивают окоченевший и обескровленный труп с настила, и понтифик — жуткое зрелище — выходит наружу и демонстрирует всем свою мокрую голову, бороду, отяжелевшую от крови, влажные повязки и пропитавшиеся одежды.

Этого человека, осквернённого такой заразой и перемазанного в запекшейся крови недавней жертвы, все прославляют и почитают[1], находясь на почтительном удалении, ибо нечестивая кровь[2] и мертвый бык очистили его, пока он пребывал в своей грязной яме.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Все прославляют и почитают.* Освященный жрец, выходящий из кровавой бани с даром божественной жизни (почерпнутой у священного быка), сам становится

божественным и поэтому удостаивается поклонения. Прошедшие *тавроболион* именуются «возрожденными для вечности» (*renatus in aeternum*, C I.L., VI, 510; *тавроболиону* посвящено множество других надписей, доказывающих, что этот обряд совершался уже в начале II века нашей эры).

[2] *Нечестивая кровь*. Следует помнить, что Пруденций был христианином и что для него кровь была нечестивой (*vilis*), а весь обряд не просто отталкивающим, но и богохульным.

C K. Barrett, *The New Testament Background*, London, SPCK 1956, pp 96–97

151

ЭПИФАНИЯ МИСТЕРИАЛЬНОГО БОГА

Аристид описывает, как ему довелось видеть «свет, исходивший от Исиды, и другие невыразимые вещи, ведущие к спасению. В ту же ночь явились Серапис и сам Асклепий, оба изумительной красоты и стати, кое в чем похожие друг на друга» (*Orat. Sac.*, III, p. 500). Ослепительный свет был атрибутом всех античных *эпифаний*. Порфирий знает, что «телесному глазу не вынести» яркости богоявлений (*De Mysteriis*, II, 8). Об этом известно и Апулею, который «и видел солнце, сияющее в полночь» и «вблизи поклонился (*adoravi de proximo*) богам». В культе Аттиса эпифания предварялась восклицанием «Здравствуй, Жених, здравствуй, новый Свет». В «Литургии Митры» (Dieterich, 10) мы читаем: «Ты узришь юного бога, прекрасного на вид, с рыжими локонами, в белой тунике и алом плаще, с ярким венцом в руках».

S Angus, *The Mystery Religions and Christianity*, London, 1925 pp. 135–136

152

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С МИСТЕРИАЛЬНЫМ БОГОМ

Посредством мистического отождествления Луций после таинства посвящения был «украшен, словно солнце, и выставлен, словно статуя бога перед зрителями (Апулей, «Метаморфозы», XI, 24). *Мисты* Аттиса сами превращались в Аттиса... В одном греческом папирусе сохранилась магическая молитва, основанная на герметической теологии, в которой встречаются слова: «Войди в мой дух и мои мысли на всю жизнь, ибо ты еси я, а

я есмь ты; твое имя я храню как заклинание в моем сердце». В похожей молитве мы читаем: «Я знаю тебя, Гермес, а ты знаешь меня: Я есмь ты, а *ты еси я*».

S Angus, *The Mystery Religions and Christianity*, London, 1925, pp 109–110

153
«ОБЕССМЕРТИВАНИЕ» (APOTHANATISMÓS)

«Я, человек... родившийся из смертного лона... сегодня снова порожден тобой, один из стольких мириад соделан бессмертным в этот час благою волею Бога по его изобильной благости» (так называемая «Литургия Митры»). «Прекрасная цель для тех, кто обрел знание, — Обожествление», читаем мы в герметической литературе («Поймандр», I, 26); на память приходит знаменитое утверждение Климента Александрийского, согласно которому истинный гностик «упражняется в бытии Богом». В благодарственной молитве «Совершенного Слова» встречается фраза: «Спасенные Тобой... мы радуемся тому, что даже в наших смертных телах Ты обожествляешь нас благодаря Созерцанию Тебя» (греческий текст см. R. Reitzenstein, *Die Hellenistische Mysterienreligionen*, 2nd ed., p. 114).

S. Angus, *The Mystery Religions and Christianity*, London, 1925, pp 110–111

154
ПЛАТОН ОБ ИНИЦИАЦИИ

(«*Федон*», *69c*)

Неоплатоник Олимпиодор, комментируя этот отрывок, замечает: «Он переиначивает стих Орфея».

И быть может, те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но на самом деле еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов. Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, «много тирсоносцев, да мало вакхантов»,

и «вакханты» здесь, на мой взгляд, не кто иной, как только истинные философы.

Перевод С П Маркиша (Платон Собрание сочинений т II — М Мысль, 1993, с 21)

155
ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА ИСИДЫ

(Апулей, «Метаморфозы», XI, 1–26)

Апулей из Мадавры (Северная Африка) жил во II веке нашей эры. Он был адвокатом, писателем и оратором. Его знаменитые «Метаморфозы», со временем получившие второе название — «Золотой осел», — это роман в одиннадцати книгах, с едва завуалированным апологетическим и автобиографическим содержанием, полный очаровательных новелл (например, «Купидон и Психея» — IV, 8–VI, 24). Герой романа, Луций, проявлявший нездоровое любопытство к магии, случайно превратился в осла. Возвращение ему человеческого облика по милосердию Исиды и его посвящение в ее обряды образуют кульминацию произведения; считается, что рассказ об этом основан на непосредственном знакомстве с мистериями Исиды.

Вступление

[Начало XI книги овеяно благими предзнаменованиями и атмосферой таинственности. Уснув, Луций проводит ночь на теплом песке на берегу моря]

(1) Около первой ночной стражи, внезапно в трепете пробудившись, вижу я необыкновенно ярко сияющий полный диск блестящей луны, как раз поднимающейся из морских волн. Невольно посвященный в немые тайны глубокой ночи, зная, что владычество верховной богини простирается особенно далеко и всем миром нашим правит ее промысел, что чудесные веления этого божественного светила приводят в движение не только домашних и диких зверей, но даже и бездушные предметы, что все тела на земле, на небе, на море то, сообразно ее возрастанию, увеличиваются, то, соответственно ее убыванию, уменьшаются...

Эпифания Исиды

[Луций решает воззвать к Исиде об избавлении от ослиной шкуры, и богиня отвечает ему. В своей молитве (§ 2) он называет ее Царицей Небесной, Церерой, Прозерпиной, небесной Венерой.]

(3) Излив таким образом душу в молитве, сопровождаемой жалобными воплями, снова опускаюсь я на прежнее место, и утомленную душу мою обнимает сон. Но не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из средины моря медленно поднимается божественный лик, самим богам внушающий почтение. А затем, выйдя мало-помалу из пучины морской, лучезарное изображение всего тела предстало моим взорам. Попытаюсь передать и вам дивное это явленье, если не помешает мне рассказать бедность слов человеческих или если само божество ниспошлет мне богатый и изобильный дар могучего красноречия.

Прежде всего густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались по божественной шее, самую макушку окружал венок из всевозможных пестрых цветов, а как раз посредине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или, скорее, — верный признак богини Луны. Слева и справа круг завершали извивающиеся, тянущиеся вверх змеи, а также хлебные колосья, надо всем приподнимавшиеся... многоцветная, из тонкого виссона, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римские тоги, он свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромою. (4) Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди полная луна излучала пламенное сияние. Там же, где волнами ниспадало дивное это покрывало, со всех сторон была вышита сплошная гирлянда из всех цветов и плодов, какие только существуют. И в руках у нее были предметы, один с другим совсем несхожие. В правой держала она медный погремок (sistrum), узкая основа которого, выгнутая в кольцо, пересекалась тремя маленькими палочками, и они при встряхивании издавали все вместе пронзительный звон. На левой же руке висела золотая чаша в виде лодочки, на ручке которой, с лицевой стороны, высоко подымал голову аспид с непомерно вздутой шеей. Благовонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев. В таком-то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии Счастливой, удостоила она меня божественным вещанием:

(5) — Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу [numen unicum], чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная... богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим

моим именем — царственной Исидой. Вот я пред тобою, твоим бедам сострадая, вот я, благожелательная и милосердная. Оставь плач и жалобы, гони прочь тоску — по моему промыслу занимается уж для тебя день спасения. Слушай же со всем вниманием мои наказы. День, что родится из этой ночи, день этот издавна мне посвящается. Зимние непогоды успокаиваются, волны бурные стихают, море делается доступным для плаванья, и жрецы мои, спуская на воду судно, еще не знавшее влаги, посвящают его мне, как первину мореходства. Обряда этого священного ожидай спокойно и благочестиво.

[Богиня сообщает Луцию, что он должен смешаться с толпой на празднике Плеафесий и пробраться к жрецу, который будет украшен гирляндой из роз. Предупрежденный богиней во сне, жрец будет готов к тому, что случится, — к тому, что Луций (по-прежнему в ослиной шкуре) набросится на гирлянду и съест розы, после чего к нему возвратится человеческий облик. Так и происходит. Снова став человеком, Луций внемлет ободряющим речам одного из жрецов, «чье ласковое лицо божественным было проникнуто изумлением».]

(15) — Вот, Луций, после стольких всевозможных страданий, после великих гроз, воздвигнутых Судьбою, пережив величайшие бури, достиг наконец ты спокойной пристани Отдохновения, алтарей Милосердия. Не впрок пошло тебе ни происхождение, ни положение, ни даже сама образованность, которая тебя отличает, потому что, сделавшись по страстности своего молодого возраста рабом сластолюбия, ты получил роковое возмездие за несчастное свое любопытство. Но все же слепая Судьба, злобно терзая тебя и подвергая самым страшным опасностям, сама того не зная, привела тебя к сегодняшнему блаженству. Пусть же идет она и пышет неистовой яростью, придется ей искать для своей жестокости другую жертву. Ведь над теми, кого величие нашей богини призвало посвятить жизнь служению ей, не имеет власти губительная случайность. Разбойники, дикие звери, рабство, тяжкие пути и скитания без конца, ежедневное ожидание смерти — чего достигла все этим свирепая Судьба? Вот тебя приняла под свое покровительство другая Судьба, но уже зрячая, свет сиянья которой озаряет даже остальных богов. Пусть же радость отразится на твоем лице в соответствии с праздничной этой одеждой. Ликуя, присоедини свой шаг к шествию богини-спасительницы. Пусть видят безбожники, пусть видят и сознают свое заблуждение: вот избавленный от прежних невзгод, радующийся промыслу великой Исиды Луций празднует победу над своей судьбой! Но чтобы защититься еще надежнее и крепче, запишись в святое это воинство [т. е. вступи в орден Исиды] (веление принять такую присягу и прозвучало для тебя недавно), посвяти себя уже отныне нашему служению и наложи на себя ярмо добровольного подчинения. Начав служить богине, насладишься ты в полной мере великим плодом своей свободы.

Посвящение Луция

[*Так пророчествовал и взывал к Луцию жрец, и Луций послушал его и* присоединился к процессии среди насмешек верующих. Но, как и в случае со *многими другими, его обращение было медленным, и лишь* постепенно он начал отождествлять себя со жрецами Исиды, ведь, как и многие другие, он полагал, что строгое исповедание религии окажется для него слишком тяжким: «Непросто повиноваться обетам целомудрия и воздержания» (§ 19). И все же он продолжал посещать богослужения (§ 21) и в конце концов всерьез возжелал быть допущенным к таинствам Исиды. Это произошло в ночь, «посвященную богине».]

(22) Таковы были слова жреца, и послушание мое уже не нарушалось нетерпением, но, погруженный в тихий покой и в похвальную молчаливость, усердными ежедневными служениями воздавал я почитание святыне. И не обманула мои ожидания спасительная благость могущественной богини: не мучила меня долгой отсрочкой, но в одну из темных ночей, отнюдь не темными повелениями, ясно открыла мне, что настает для меня долгожданный день, когда она осуществит величайшее из моих желаний, и сколько я должен потратить на искупительное молебствие, что для исполнения священных обрядов назначается тот самый Митра, верховный ее жрец, которого связывает со мною, — вещала она, — какое-то божественное сродство светил.

Возрадовавшись в душе от этих и тому подобных благоприятных сообщений верховной богини, я при первом свете зари, стряхнув с себя сон, сразу же направляюсь к жилищу жреца и, встретив его как раз на пороге (он уже выходил из дому), приветствую и следую за ним. Я уже намеревался настойчивее, чем все прошлые разы, требовать у него посвящения, как должного, но он сам, едва увидел меня, воскликнул: «О, Луций мой, счастлив ты и блажен — какой великой милости удостоила тебя небесная владычица! Что же ты теперь стоишь праздно, что же теперь ты сам медлишь? Вот наступает для тебя давно желанный день, в который, по божественному повелению многоименной богини, своими руками введу я тебя в пречистые тайны священного служения!» Тут любезнейший старец, положив свою правую руку мне на плечо, немедленно ведет к самым вратам обширного здания; там по совершении пышного обряда открытия дверей, исполнив утреннее богослужение, он выносит из недр святилища некие книги, написанные непонятными буквами; эти знаки, то изображением всякого рода животных сокращенно передавая слова торжественных текстов, то всевозможными узлами причудливо переплетаясь и наподобие колеса изгибаясь, тайный смысл чтения скрывали от суетного любопытства. Из этих книг он прочел мне о приготовлениях, необходимых для посвящения.

(23) Сейчас же ревностно и даже с некоторым избытком закупается все, что требуется для обряда — частью мною самим, частью моими друзьями. Наконец жрец объявляет, что час настал, и ведет меня, окруженного священным воинством, в ближайшие бани; там после обычного омовения призвав милость богов, он со всей тщательностью очищает меня окроплением и снова приводит к храму. Две трети дня были уже позади, когда он поставив меня у самых ног богини и прошептав мне на ухо некоторые наставления, благостное значение которых нельзя выразить словами, перед всеми свидетелями наказывает мне воздерживаться от чревоугодия, десять дней подряд не вкушать никакой животной пищи, а также не прикасаться к вину. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения, и солнце, склоняясь к закату, привело на землю вечер Тут со всех сторон стекаются толпы народа и, по стародавнему священному обычаю, каждый приносит мне в знак почтения какой-нибудь подарок. Но вот жрец, удалив всех непосвященных, облачает меня в плащ из грубого холста и, взяв за руку, вводит в сокровенные недра храма...

Итак, внимай и верь, ибо это — истина. Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии, в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал перед богами подземными и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, должен оставаться в прежнем неведении.

Но передам то единственное, что могу открыть я, не нарушая тайны, непосвященным слушателям.

(24) Настало утро, и по окончании богослужения я тронулся в путь, облаченный в двенадцать священных стол; хотя это относится к святым обрядам, но я могу говорить об этом без всякого затруднения, так как в то время масса народа могла это видеть. И действительно, повинуясь приказанию, я поднялся на деревянное возвышение в самой середине храма, против статуи богини, привлекая взоры своей одеждой — виссоновой, правда, но ярко расписанной. С плеч за спину до самых пят спускался у меня драгоценный плащ, и со всех сторон, откуда ни взгляни, был я украшен разноцветными изображениями животных: тут индийские драконы, там гиперборейские грифоны, порожденные другим миром и подобные крылатым птицам. Стола эта у посвященных называется олимпийской. В правой руке я держал ярко горящий факел; голову мою окружал великолепный венок из листьев ослепительно прекрасной пальмы, расходившихся в виде лучей Вдруг завеса отдернулась и, разукрашенный наподобие Солнца словно воздвигнутая статуя, оказался я перед взорами народа...

[Затем был задан веселый пир и обильное угощение, а на третий день — торжественная трапеза, бывшая завершением поста. Не в силах поначалу вынести расставание с образом богини, обливаясь слезами, Луций обращается к ней в последний раз:]

(25) — О, святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью. Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость Судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе; ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посевы, подымаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздаяния похвал тебе — нищ разумом, для жертв благодарственных — беден имуществом... Что ж, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому, но неимущему: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу.

Помолившись таким образом верховной богине, я бросаюсь на шею жрецу Митре, ставшему для меня вторым отцом, и, осыпая его поцелуями, прошу прощения, что не могу отблагодарить его как следует за его благодеяния.

(26) Я долго и пространно изливал ему свою благодарность, наконец, расстаюсь с ним и сразу пускаюсь в путь, чтобы вновь увидеть отеческий дом после столь долгого отсутствия. Но остаюсь я там всего несколько дней, потому что по внушению великой богини, поспешно собрав свои пожитки, сажусь на корабль и отправляюсь в Рим. Вполне благополучно, при попутном ветре, я быстро достигаю Августовой гавани; пересев там в повозку, лечу дальше и к вечеру, накануне декабрьских ид, прибываю в святейший этот город...

Перевод М А Кузмина (Апулей, *Апология Метаморфозы. Флориды* — М Наука, 1993, с 298—313)

156

ЛИЧНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (II ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ)

(Апулей, «Апология», 55—56)

Апулей защищается от обвинения в магии, а особенно в том, что он носил с собой магические предметы, завернутые в носовой платок.

...Ты спрашиваешь, Эмилиан [обвинитель], что я держал в платке. Я мог бы вовсе отрицать, что какой-то мой платок лежал в библиотеке у Понтиана, или, в крайнем случае, признавая это, все же утверждать, что в нем ничего не было завернуто Если бы я так говорил, меня невозможно было бы уличить ни свидетельскими показаниями, ни каким-либо доводом ведь нет никого, кто держал бы платок в руках, и только один вольноотпущенник, по твоим словам, видел его. Тем не менее, повторяю я, ладно — я согласен, пусть в нем действительно было что-то, наполнявшее его до самых краев. Думай, если угодно, так, как думали некогда товарищи Улисса похищая надутый ветрами мех в надежде найти сокровище. Ты хочешь чтобы я сказал, что это за вещи, завернутые в платок, я поручил охранять ларам Понтиана? Твое любопытство будет удовлетворено.

В Греции я был посвящен во многие священные обряды. Некоторые знаки и эмблемы (signa et monumenta), подаренные мне жрецами на память, я тщательно сохраняю. Я вовсе не имею в виду чего-нибудь необыкновенного, чего-нибудь неведомого. Вот хоть вы, мисты отца Либера, присутствующие здесь, вы знаете, что запираете и прячете в доме и что втайне чтите, удалившись от всех непосвященных. А я, как уже сказал, из любви к истине и из почтения к богам изучил разнообразные священнодействия (sacra), многочисленные ритуалы и различные обряды. Я не выдумал этого ради нынешнего удобного случая: прошло ведь уже около трех лет с тех пор, как в первые дни после моего прибытия в Эю, выступая публично на тему о величии Эскулапа, я открыто говорил то же самое и перечислил все священные обряды, которые мне известны. Эта моя речь пользуется широкой популярностью, ее повсюду читают, она в руках у каждого, она имеет успех у благочестивых жителей Эи благодаря не столько моему красноречию, сколько упоминанию имени Эскулапа. Пусть кто-нибудь, если случайно помнит, скажет наизусть начало этого отрывка. Слышишь ли, Максим [председательствующий магистрат], как мне подсказывают со всех сторон? Да что там — вот уже и книгу несут! Я попрошу прочесть этот отрывок, потому что, судя по очень приветливому выражению твоего лица, ты не отказываешься выслушать его. [Упомянутый отрывок зачитывают вслух.]

Может ли еще кому бы то ни было казаться удивительным (если у человека сохранились хоть какие-то воспоминания о благочестии), что лицо, посвященное в столь многие божественные таинства, хранит у себя в доме несколько амулетов, связанных со священными обрядами, и заворачивает их в полотно, которое является самым чистым покровом для святынь? Ведь шерсть вырастает на теле чрезвычайно ленивом, состригают ее с глупого животного, и уже со времен законов Орфея и Пифагора это — чисто светское одеяние Напротив, лен, чистейшее из растений, один из самых лучших плодов земли, употребляется не только для верхнего и нижнего облачения благочестивых египетских жрецов, но и как покров для священных предметов.

Я знаю, правда, что кое-кто, и в первую очередь — этот самый Эмилиан, балагурства ради насмехаются над религией. Действительно, как я слышал от некоторых жителей Эи, которые его знают, он вплоть до этого самого времени не молился никаким богам и не посещал никаких храмов. Проходя мимо какой-нибудь святыни, он считает грехом поднести руку к губам в знак почтения. Даже деревенским богам, которые его кормят и одевают, он вовсе не уделяет первин от своей жатвы, виноградника или стада. В его поместии нет ни одного святилища, ни одного посвященного богам места или рощи. Да что говорить о роще и святилище?! Те, кто бывали в его владениях, говорят, что не видели там даже камня, умащенного маслом, или ветви, украшенной гирляндой (ramum coronatum). Вот он и получил два прозвища: Харона, как я уже сказал, за безобразное тело и душу, а второе (оно ему нравится больше), за презрительное отношение к богам, — Мезенция. Поэтому я легко могу понять, что мое длинное перечисление посвящений в мистерии кажется ему вздором; и, возможно, именно из-за этого упорного пренебрежения к религии он не в силах заставить себя поверить в мою правдивость, когда я говорю, что свято оберегаю знаки, напоминающие мне о многих священнодействиях. Но что бы ни думал обо мне Мезенций, я и пальцем не шевельну в его сторону. Остальным же я громко заявляю: если есть здесь случайно какой-нибудь участник тех же мистерий, что и я, подай знак, и ты сможешь услышать, что я сохраняю. Потому что никогда никакая опасность не заставит меня сообщить непосвященным о том, что мне поведали, взяв клятву молчать.

Перевод С П Маркиша (Апулей, *Апология Метаморфозы. Флориды* — М Наука, 1993, с 56—58)

157

ПОСВЯЩЕНИЕ КУКАЯ В ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

(«Кобо Дайси Дзенсю», I, 98 сл)

Кукай (774—835) получил образование в Китае и был первым, кто познакомил Японию с направлением буддизма, известного как «Истинные слова» (Мантраяна — на санскрите, по-японски — Сингон). В данном изводе буддизма таинства передаются из уст в уста от учителя к ученику. Этот эзотерический буддизм стал важнейшим религиозным течением хэйанской Японии.

Публикуемый ниже фрагмент взят из «Памятного списка новопривезенных сутр», составленного Кукаем для императора по возвращении первого

из поездки в Китай. Кукай сообщает о результатах своих исследований и осторожно рассказывает о пройденной им инициации.

В шестой месяц 804 года я, Кукай, отплыл в Китай на главном корабле в свите господина Фудзивара, посла при дворе Тан. Мы доситигли побережья Фукиен в восьмой месяц и через четыре месяца прибыли в столицу Чанъань, где поселились в официальной резиденции для гостей Посольство выехало назад в Японию 15 марта 805 года, но во исполнение императорского указа я остался один в храме Си-Мин, где прежде жил настоятель Юн-Чун.

Однажды, во время одного из посещений видных буддийских учителей столицы, я случайно повстречал настоятеля Зала Восточной Пагоды храма Зеленого Дракона. Этот великий священнослужитель, чье буддийское имя — Хуи-ко, был избранным учеником индийского наставника Амогхаваджры Добродетель снискала ему почтение современников, его учения были достаточно возвышенны, чтобы ими руководствовались императоры. Трое властителей почитали его как своего наставника и были возведены им на трон. Четыре разряда верующих искали у него наставлений в эзотерических учениях.

Я отправился к настоятелю в обществе пяти или шести монахов из храма Си-Мин. Едва меня завидев, он радостно улыбнулся и приветливо сказал. «Я знал, что ты придешь! Я ждал тебя так долго! Как я рад наконец-то тебя увидеть! Жизнь моя клонится к концу, и до тебя мне некому было передать учения. Приходи, не мешкая, к жертвеннику посвящения с ладаном и цветком». Я вернулся в храм, в котором остановился, и принес все необходимое для церемонии. В самом начале шестого месяца я вступил в покой посвящения. Я встал перед Мандалой Чрева [*Гарбха Мандала*] и бросил цветок, как было предписано[1]. Цветку случилось упасть на тело Будды Вайрочаны в центре. Учитель радостно восклинул: «Изумительно! Совершенно изумительно!» Он повторил эти слова три или четыре раза с радостью и удивлением. После этого мне было преподано пятикратное окропление и наставление в Трех Тайнах, которые обеспечивают божественное заступничество. Затем я был научен санскритским формулам Мандалы Чрева и изучил йогическое созерцание всех Почтенных.

В начале седьмого месяца я вступил в покой посвящения Алмазной [*Ваджра*] Мандалы для второго окропления. Когда я бросил цветок, он снова упал на Вайрочану, и настоятель поразился, как и в первый раз. В начале следующего месяца я также был посвящен в ачарьи*. В день посвящения я задал пир полутысяче монахов. На пиру побывали все священнослужители храма Зеленого Дракона, и все остались довольны.

---

* Наставник (*санскр.*)

Потом я изучал йогу Алмазного Венца и пять толков учения Истинного Слова и посвятил некоторое время изучению санскрита и санскритских гимнов. Настоятель сообщил мне, что эзотерические писания столь трудны для понимания, что их смысл может быть донесен только с помощью искусства Ввиду этого он приказал придворному художнику Ли Шену и примерно дюжине других живописцев изготовить десять свитков Мандалы Чрева и Алмазной Мандалы и собрал более двадцати писцов для того, чтобы они сделали копии Алмазной Сутры и других важных эзотерических писаний Он также приказал бронзовых дел мастеру Шао У отлить пятнадцать ритуальных орудий. Приказы художникам и писцам были отданы в разное время.

Однажды настоятель сказал мне: «Давным-давно, когда я был молод, я повстречал великого учителя Амогхаваджру. С первого же мига он обращался со мной как с сыном, и когда он посещал двор и когда возвращался в храм, я был неразлучен с ним, словно тень. Он сообщил мне по секрету. «Ты будешь восприемником эзотерических учений. Старайся изо всех сил! Старайся!» Затем он посвятил меня в учение Чрева и Алмаза, а также в тайные *мудры*[*]. Остальные его ученики — и монахи, и миряне — проходили только одну из мандал, либо только Почтенную, либо только один обряд, но не все, как я Скольким я ему обязан, этого мне не выразить никакими словами.

Ныне мое существование на земле близится к концу, и мне недолго осталось. Поэтому я настаиваю на том, чтобы ты взял две мандалы и двести томов эзотерических учений вместе с ритуальной утварью и этими дарами, которые мне оставил мой учитель. Возвращайся на родину и распространяй эти учения там.

Когда ты только пришел, я боялся, что мне не хватит времени научить тебя всему, но теперь мои наставления подошли к концу, а работа писцов и художников тоже завершена. Спеши вернуться на родину, покажи эти вещи при дворе и распространяй учения по всей стране, чтобы увеличить счастье народа. Тогда твоя страна узнает мир, и все будут довольны. Таким путем ты воздашь благодарность Будде и своему учителю. При этом ты выкажешь свою преданность своей стране и своей семье. Мой ученик И-мин продолжит учение здесь Твоя задача — передать их жителям Восточной Страны. Старайся изо всех сил! Старайся!» Таковы были его последние наставления — как всегда, теплые и терпеливые. В ночь последнего полнолуния в году он очистился посредством ритуального омовения и, возлежа на правом боку и совершая *мудру* Вайрочаны, испустил дух.

В ту ночь, когда я сидел, медитируя, в Зале, мне явился настоятель в своем обычном облике и сказал: «Мы должны с тобой распространять эзотерические учения. Если я снова появлюсь на свет в Японии, то на этот раз я буду твоим учеником».

---

[*] Особые ритуальные жесты

Я не входил в подробности всего, что он сказал, а передал общий смысл наставлений Учителя [5-е декабря 806 года].

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Мандала — это весьма сложный геометрический узор, состоящий из окаймляющей окружности и одного или нескольких концентрических кругов, описывающих квадрат, разделенный на четыре треугольника; в центре каждого треугольника и в центре самой мандалы находятся другие круги, содержащие образы богов или их эмблемы. Во время инициации *гуру* завязывает ученику глаза и дает ему цветок, ученик бросает его на мандалу и по участку, в который падает цветок, определяет, какое божество будет к нему особенно благосклонно О символизме и ритуалах мандалы см. M. Eliade, *Yoga*, New York, Bollingen Series LVI, 1958, pp. 219ff; G Tucci, *The Theory and Practice of the Mandala*, London, 1961.

Перевод и вступление см Wm. Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 144–146, 137ff Примечание М Элиаде

См. также тексты 193, 216, 217, 243–246.

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ, ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ, ЭСХАТОЛОГИЯ

БОГИ, ГЕРОИ И СМЕРТЬ

158
НИСХОЖДЕНИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Иштар, богиня жизни и плодородия, решает посетить свою сестру Эрешкигаль, богиню смерти и бесплодия С Иштар, прокладывающей себе путь через врата в подземный мир, срывают платья и одежды. Нагая и беспомощная, она наконец приходит к Эрешкигаль, которая не мешкая предает ее смерти. Без Иштар плодородию на земле приходит конец, и боги вскоре замечают ее исчезновение. Эа создает прекрасного евнуха Аснамира, который хитростью вынуждает Эрешкигаль оживить Иштар с помощью живой воды и отпустить ее. Конец мифа неясен; возможно, Таммуз, возлюбленный Иштар, был отпущен вместе с нею. Как и эпос о Гильгамеше, миф о нисхождении Иштар в подземный мир имеет свой шумерский прототип (см. S.N. Kramer, *'Inanna's Descent to the Nether World'*, ANET, pp. 52—57). Однако аккадская версия существенно отличается от шумерского оригинала, ни в коей мере не являясь рабским переводом с шумерского. Шумерская версия мифа датируется первой половиной второго тысячелетия до н. э., семитские версии возникли не ранее конца второго тысячелетия до н. э.

I

К стране безысходной, земле обширной
Синова дочь, Иштар, свой дух склонила,
Склонила Синова дочь свой дух пресветлый
К обиталищу мрака, жилищу Иркаллы[1].
К дому, откуда вошедший никогда не выходит,
К пути, на котором дорога не выводит обратно;
К дому, в котором вошедший лишается света,
Света он больше не видит, во тьме обитает;
Туда, где питье его — прах и еда его — глина,
А одет он, словно бы птица, одеждою крыльев

II

На дверях и засовах простирается прах,
Перед вратами разлилось запустенье.
Ворот Преисподней едва достигнув,
Иштар уста открыла, вещает
К сторожу врат обратила слово·
«Сторож, сторож, открой ворота,
Открой ворота, дай мне войти.
Если ты не откроешь ворот, не дашь мне войти,
Разломаю я дверь, замок разобью,
Разломаю косяк, побросаю я створки.
Подниму я усопших, едящих живых,
Станет больше живых тогда, чем усопших».

III

Сторож уста открыл и вещает,
Обращается он к великой Иштар:
«Постой, госпожа, не сбрасывай двери,
Обожди ты снаружи, внутрь я войду,
Доложу твое имя царице Эрешкигаль».
Входит сторож, вещает царице Эрешкигаль:
«Сестра твоя это, Иштар, стоит у дверей,
Корчемница это великих пиров,
Возмутившая воды перед Эа — царем»

IV

Эрешкигаль, такое услышав,
Словно срубленный дуб, в лице пожелтела,
Как побитый тростник, почернели губы:
«Что ее сердце ко мне приносит,
Что ее чрево на меня замышляет?
Что же, и я с нею воссяду,
С Ануннаками вместе пить буду воду,
Наместо хлеба есть буду глину,
Пить, наместо вина, мутную воду,
О мужьях буду плакать, оставивших жен,
Буду я плакать вместе о женах,
Взятых от лона своих супругов,
Буду я плакать о малютке, о нежном,
Ранее срока прочь унесенном![12]»

V

«Ступай, о сторож, открой врата ей,
Поступи с ней согласно древним законам».
Приходит сторож, открыл врата ей:
«Входи, госпожа! Ликует Куту[3]!
Дворец Преисподней о тебе веселится!»

VI

В одни врата ее ввел и снимает, убирает большую тиару с ее головы.
«Зачем убираешь ты, сторож, большую тиару с моей головы?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В другие врата ее ввел и снимает, убирает подвески с ее ушей.
«Зачем убираешь ты, сторож, подвески с моих ушей?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В третьи врата ее ввел и снимает, убирает ожерелье с ее шеи.
«Зачем убираешь ты, сторож, ожерелье с моей шеи?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В четвертые врата ее ввел и снимает, убирает щиточки с ее грудей.
«Зачем убираешь ты, сторож, щиточки с моих грудей?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В пятые врата ее ввел и снимает, убирает пояс рождений с ее чресел.
«Зачем убираешь ты, сторож, пояс рождений с моих чресел?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В шестые врата ее ввел и снимает, убирает запястья с ее рук и ног.
«Зачем убираешь ты, сторож, запястья с моих рук и ног?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».
В седьмые врата ее ввел и снимает, убирает платочек стыда с ее тела.
«Зачем убираешь ты, сторож, платочек стыда с моего тела?»
«Входи, госпожа! У царицы Земли такие законы».

VII

Как издревле Иштар к Преисподней сходила —
Эрешкигаль, ее видя, пред ней взъярилась,
Иштар не смутилась и к ней ступила.
Эрешкигаль уста открыла, вещает:
«Ступай, Намтар, во дворце затвори ее,
Наведи шестьдесят болезней на сестру, на Иштар:

Болезнь очей на очи ее,
Болезнь ушей на уши ее,
Болезнь рук на руки ее,
Болезнь ног на ноги ее,
Болезнь сердца на сердце ее,
Болезнь главы на главу ее,
На всю на нее, на все ее тело».

VIII

Как Иштар, госпожа, сошла к Преисподней. —
Бык на корову больше не скачет,
Осел ослицы больше не кроет,
Жены при дороге не кроет супруг,
Спит супруг в своей спальне, спит жена у себя.

IX

Папсуккаль, посол великих богов,
Омрачился видом, в лице потемнел,
Оделся в худое, облекся в траур.
Отошел Папсуккаль к Эа-отцу,
И перед Эа бегут его слезы:
«Иштар под землю сошла, не восходит.
С той поры, как Иштар сошла к Преисподней,
Бык на корову больше не скачет,
Осел ослицы больше не кроет,
Жены при дороге не кроет супруг,
Спит супруг в своей спальне, спит жена у себя».

X

Эа в глуби сердечной задумал образ,
Создал Аснамира, евнуха:
«Ступай, Аснамир, к вратам Преисподней лик обрати,
Семь ворот Преисподней пред тобой распахнутся,
Эрешкигаль, тебя увидав, тебе да ликует,
Отдохнет ее сердце, ее чрево взыграет,
Ты заставь ее клясться, клясться великими богами,
<.....> создала <.....> в утробе.
Голову кверху, к меху Хальзику дух устреми!
«О госпожа, пусть дадут мне Хальзику, из него изопью я!»[4]

XI

Эрешкигаль, такое услышав,
Ударила бедра, прикусила палец·
«Пожелал ты, Аснамир, чего не желают!
Я тебя прокляну великою клятвой,
Наделю тебя долей, незабвенной вовеки:
Снедь из канавы[5] *будешь ты есть,*
Сточные воды будешь ты пить,
В тени под стеною будешь ты жить,
На черепицах будешь ты спать,
Голод и жажда сокрушат твои щеки».

XII

Эрешкигаль уста открыла, вещает,
К Намтару-послу обращает слово:
«Ступай, Намтар, во дворец [Эгальгину[6]*],*
Постучи в черепицы из белого камня,
Изведи Ануннаков, на трон золотой посади их,
Иштар живою водой окропи, приведи ее».
Пошел Намтар во дворец, ударил <...>
Постучал в черепицы из белого камня,
Ануннаков извел, на трон золотой посадил их,
Иштар живою водой окропил и привел ее.

XIII

«Ступай же, Намтар, возьми ты Иштар;
А если она не даст тебе выкупа — верни ты ее»[7].
И Намтар ее взял, <...>

XIV

В одни врата ее вывел и вернул ей большую тиару с ее головы
В другие врата ее вывел и вернул ей подвески с ее ушей.
В третьи врата ее вывел и вернул ей ожерелье с ее шеи.
В четвертые врата ее вывел и вернул ей щиточки с ее грудей
В пятые врата ее вывел и вернул ей пояс рождений с ее чресел
В шестые врата ее вывел и вернул ей запястья с ее рук и ног.
В седьмые врата ее вывел и вернул ей платочек стыда с ее тела.

XV

<...> <...>
«На Таммуза, дружка ее юности,
Чистую воду возлей, лучшим елеем помажь;
Светлое платье пусть он наденет,
И лазурная флейта разобьет его сердце,
И веселые девы полонят его мысли».

XVI

Перед Белили[8] сокровища разложены,
Камни-глазочки[9] полнят подол ее,
Жалобу брата услышала — и разбила Белили сокровища.
Камни-глазочки рассыпались по небу:
«Брат мой единый, не плачь обо мне!»
«В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья!»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Второе имя Эрешкигаль, царицы подземного мира

[2] Т. е. Эрешкигаль будет о чем сожалеть, если все обитатели подземного мира будут освобождены Иштар.

[3] Подземный мир.

[4] Аснамир замышляет испить «живой воды» Замысел, очевидно, удается, так как Эрешкигаль, отвлеченная красотой Аснамира (чье имя означает «Его внешность ослепительна»), приходит в себя, когда уже слишком поздно.

[5] Вероятно, подразумевается «навоз».

[6] «Дворец Правосудия».

[7] Заключительная часть мифа и ее аллюзии, особенно на сюжет с Таммузом, неясны

[8] Вероятно, Иштар

[9] Бусы?

Перевод В К Шилейко*
Примечания М Элиаде

---

* Русский перевод (В К Афанасьевой) шумерского варианта поэмы о нисхождении Инанны (Иштар) в страну смерти см в кн С Н Крамер, *История начинается в Шумере* — М , 1991, с 163—168. — *Прим. ред.*

159
ГИЛЬГАМЕШ В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ

Первоначально записанный на аккадском, эпос о Гильгамеше был переведен на несколько ближневосточных языков и стал самым знаменитым литературным творением древних вавилонян. Гильгамеш, царь Урука, на две трети бог, а на одну — человек. Он подобен «дикому быку». В начале сказания знать Урука жалуется богам на Гильгамеша, чьи неугомонность и высокомерие разоряют город. Его мать, богиня Аруру, создает Гильгамешу товарища — дикого человека Энкиду, живущего со зверями в пустыне. Укрощает Энкиду и придает ему человеческий облик храмовая блудница. Затем он попадает в Урук, где борется с Гильгамешем. Борьба заканчивается вничью, и соперники становятся неразлучными друзьями.

Однажды вечно ищущий приключений Гильгамеш предлагает Энкиду отправиться вместе с ним в далекий кедровый лес и убить его злого стража Хуваву. Энкиду возражает, что путь слишком далек, а Хувава — свиреп, но Гильгамеш полон решимости, и в конце концов они отправляются в путь. Предприятие оказалось успешным и друзья покрывают себя славой.

Но Энкиду уже предчувствует несчастье. Когда они возвращаются в Урук, богиня Иштар замечает красоту Гильгамеша и предлагает ему разделить с ней ложе. Герой отвечает отказом, напоминая ей об участи ее прежних возлюбленных. Иштар приходит в ярость и упрашивает Ану послать священного небесного быка для нападения на Гильгамеша. Когда друзья убивают быка, боги вскипают гневом — это уже слишком. В наказание Энкиду должен умереть.

Смерть Энкиду служит исходным пунктом для включенного в эту книгу раздела — вершины и кульминации эпоса. Гильгамешу впервые пришлось столкнуться с фактом смерти, и это смутило и ужаснуло его. Надеясь узнать тайну бессмертия, он совершает долгое и трудное путешествие в поисках Утнапишти — единственного человека, ставшего бессмертным. Утнапишти рассказывает знаменитую историю о потопе. Но Гильгамеш — только человек. Он очень устал и засыпает. Утнапишти собирается уже отправить его назад, когда вмешивается его жена, сжалившаяся над Гильгамешем. От нее герой узнает о чудесном цветке бессмертия, который растет на дне моря. Гильгамеш его добывает; но когда он останавливается, чтобы освежиться в тихом пруду, змея уносит цветок. Потерпев полную неудачу, Гильгамеш возвращается в Урук, и текст завершается тем, что он гордо показывает свой город корабельщику Уршанаби.

Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
«И я не так ли умру, как Энкиду?
Тоска в утробу мою проникла,
Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапишти[1], сына Убар-Туту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно, —
Главу подымая, молюсь я Сину[2],
И ко всем богам идут мои молитвы...»

Он слыхал о горах, чье имя — Машу,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
Внизу — преисподней их грудь достигает, —
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры — гибель,
Их мерцающий блеск повергает горы —
При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце, —
Как только их Гильгамеш увидел —
Ужас и страх его лицо помрачили.
С духом собрался, направился к ним он;
Человек-скорпион жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам, — плоть богов — его тело!»
Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну — человек он!»
Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
Потомку богов вещает слово:
«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»

[Оставшаяся часть столбца отбита. В следующем далее тексте Гильгамеш отвечает:]

«К Утнапишти, отцу моему, иду я поспешно,
К тому, кто, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем:
Я спрошу у него о жизни и смерти!»

Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
Не ходил никто еще ходом горным:
На двенадцать поприщ простирается внутрь он:
Темнота густа, не видно света...»

[Далее текст фрагментарен. Гильгамеш настаивает, в конце концов человек-скорпион открывает ему гору.]

Гильгамеш, когда услышал это,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша[3] стопы он направил.
Первое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть...

[Гильгамеш проходит восемь поприщ в полном мраке. В начале девятого поприща он чувствует северный ветер, дышащий ему в лицо. Малопомалу он выходит из пещеры.]

На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
Поспешил он, рощу из каменьев увидев:
Сердолик плоды приносит,
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурит растет листвою —
Плодоносит тоже, на вид забавен.

[Дальнейшая часть таблички испорчена или утрачена Существуют две довольно полные версии эпизодов следующей таблички — Старовавилонская и Ассирийская рецензии, а также две более фрагментарные версии. Мы начнем со Старовавилонской версии. Верхушка таблички отбита.]

Шамаш, разгневанный, ему вещает:
«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты».
Отвечает Гильгамеш Шамашу-герою:
«Для того ли я прошел, стремясь, пустыни,
Чтобы голову склонить земле на сердце,
Чтобы спать мне там вовеки все годы?
Пусть глаза мои увидят солнце,
Чтобы светом я мог себя наполнить!

Темнота всегда от света отступает.
Если бы умерший видел сияние солнца!»

[Здесь снова лакуна. Гильгамеш обращается к Сидури[4], которая, согласно Ассирийскому изводу, «обитает у глубокого моря»:]

«Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
Не предавая его могиле, —
Пока в его нос не проникли черви!
Устрашился я смерти, не найти мне жизни!
Словно разбойник, брожу в пустыне...
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали,
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!»

[Остаток беседы утрачен. Ассирийский текст дает другую версию ответа Сидури:]

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Теперь, хозяйка, где путь к Утнапишти?
Каков его признак, дай его мне ты,
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, здесь бывавший издревле, —
Шамаш-герой переправится морем, —
Кроме Шамаша, кто это может?
Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем, —
Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?
Есть, Гильгамеш, Уршанаби, корабельщик Утнапишти,
У него есть идолы[5], в лесу он ловит змея[6];
Найди его и с ним повидайся,
Если возможно — с ним переправься,
Если нельзя, то вспять обратися».
Гильгамеш, как услышал эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Меж деревьев углубился в заросль,
Словно копье, упал между ними[7]...

[Текст слишком отрывочен для перевода. Когда он снова становится читаемым, Гильгамеш отвечает на расспросы Уршанаби. Он снова рассказывает о смерти Энкиду и своих поисках и спрашивает, как ему найти Утнапишти. Уршанаби предупреждает его о том, что, разбив идолов, он усложнил себе переправу. Но соглашается помочь Гильгамешу и отправляет его нарубить шестов. Они отплывают и вскоре достигают вод смерти, где Уршанаби велит Гильгамешу: «Отстранись, Гильгамеш, и шест возьми ты,/ Воды смерти рукою не тронь, берегися!» Наконец они прибывают на остров Утнапишти. Утнапишти задает Гильгамешу вопросы, а тот пересказывает ему все снова:]

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Я же, чтоб дойти до дальнего Утнапишти,
Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
Я скитался долго, обошел все страны,
Я взбирался на трудные горы,
Через все моря я переправлялся,
Сладким сном не утолял свои очи,
Мучил себя непрерывным бденьем,
Плоть свою я наполнил тоскою,
Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,

Оленей и серн, скот и тварь степную,
Ел их мясо, их шкурой ублажал свое тело...»

[Утнапишти заключает свой ответ словами:]

«Разве навеки мы строим домы?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их,
То сбираются Ануннаки, великие боги,
Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!»
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Гляжу на тебя я, Утнапишти,
Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.
Не страшно мне с тобою сразиться:
Отдыхая, и ты на спину ложишься —
Скажи, как ты, выжив, в собранье богов был принят
и жизнь обрел в нем?»
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов расскажу я»...

[Утнапишти открывает Гильгамешу предание о потопе (см. с. 144). Он был причислен к бессмертным по воле богов после того, как спасся от потопа, разрушившего Шуриппак.]

«Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
Только он сел, раскинув ноги, —
Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Утнапишти ей вещает, своей подруге:
«Посмотри на героя, что хочет жизни!
Сон дохнул на него, как мгла пустыни».
Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Прикоснись к нему, человек да проснется!
Тем же путем да вернется спокойно,
Через те же ворота да вернется в свою землю!»
Утнапишти ей вещает, своей подруге:
«Лжив человек! Тебя он обманет[b]:
Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,
И дни, что он спит, на стене помечай-ка».
Пекла она хлеба, клала у изголовья,
И дни, что он спит, на стене отмечала.
Первый хлеб его развалился,
Треснул второй, заплесневел третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый был черствым, шестой был свежим,
Седьмой — в это время его он коснулся, и тот пробудился.
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Одолел меня сон на одно мгновенье —
Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Встань, Гильгамеш, хлеба сосчитай-ка,
И дни, что ты спал, тебе будут известны:
Первый твой хлеб развалился,
Треснул второй, заплесневел третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый был черствым, шестой был свежим,
Седьмой — в это время ты пробудился».
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!»

Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби,
«Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет,
Кто на берег пришел, тот к нему и стремися!
Человек, которого привел ты, — рубище связало его тело,
Погубили шкуры красоту его членов.
Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
Пусть свое платье он добела моет,

Пусть сбросит шкуры — унесет их море,
Прекрасным пусть станет его тело,
Новой повязкой главу пусть повяжет,
Облаченье наденет, наготу прикроет
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым!»
Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
Добела вымыл он свое платье,
Сбросил шкуры — унесло их море,
Прекрасным стало его тело,
Новой повязкой главу повязал он,
Облаченье надел, наготу прикрыл он
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым.
Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.

Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Гильгамеш ходил, уставал и трудился, —
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»
А Гильгамеш багор уже поднял,
Лодку к берегу он направил.
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод»
Когда Гильгамеш услышал это,
Открыл он крышку колодца,
Привязал к ногам тяжелые камни,
Утянули они его в глубь Океана.
Он схватил цветок, уколов свою руку;
От ног отрезал тяжелые камни,
Вынесло море его на берег.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,

Ибо им человек достигает жизни
Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю·
Если старый от него человек помолодеет,
Я поем от него — возвратится моя юность»
Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились
Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
Спустился в него, окунулся в воду
Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу.
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы;
Обращается к кормчему Уршанаби·
«Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
Для кого же кровью истекает сердце?
Себе самому не принес я блага,
Доставил благо льву земляному!
За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
Открывая колодец, потерял я орудья, —
Нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!
И на берегу я ладью оставил!»
Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились,
И прибыли они в Урук огражденный

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби·
«Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай —
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?»
.....

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Герой вавилонского предания о потопе, на шумерском его имя Зиусудра
[2] Бог луны
[3] Путь Шамаша пролегает, по-видимому, с востока на запад
[4] Хозяйка божественной харчевни
[5] По-видимому, это каменные фигурки с неизвестными свойствами

[6] Смысл не ясен. Возможно, это некие магические символы, обладающие теми же свойствами, что и идолы.

[7] Между идолами.

[8] Заявив, что он совсем не спал.

Перевод И. М. Дьяконова, *Поэзия и проза Древнего Востока*. — М.: Художественная литература, 1973, с. 200—220, примечания. — I. Mendelson, in I. Mendelson (ed.) *Religions of the Ancient Near East*, New York, Library of Religion paperbook series, 1955.

См. также текст 73.

СМЕРТЬ И ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ

160
МОМЕНТ СМЕРТИ В УПАНИШАДАХ

Когда этот Атман, впав в слабость, словно впадает в умопомрачение, то эти жизненные силы собираются вокруг него. Взяв с собой эти частицы света, он спускается в сердце. Когда *пуруша* (человек) в глазу возвращается назад, он спускается в сердце, то <человек> перестает познавать образы.

«Став единым, он не видит», — так говорят «Став единым, он не обоняет», — так говорят. «Став единым, он не пробует на вкус», — так говорят. «Став единым, он не говорит», — так говорят. «Став единым, он не слышит», — так говорят. «Став единым, он не мыслит», — так говорят. «Став единым, он не осязает», — так говорят. «Став единым, он не познает», — так говорят. Конец его сердца начинает светиться, и с этим светом Атман выходит через глаз, или через голову, или через другие части тела. Когда он выходит, за ним выходит жизненное дыхание, когда выходит жизненное дыхание, за ним выходят все жизненные силы. Он становится познанием, он и следует за познанием. Тогда им овладевают знание, и деяние, и прежний опыт. («Брихадараньяка упанишада», IV 4 1–2)

Поистине, когда человек (*пуруша*) покидает этот мир, он приходит к ветру. Там тот <ветер> раскрывается для него, словно отверстие колеса колесницы. Благодаря ему он поднимается вверх, он приходит к солнцу. Там <солнце> раскрывается для него, словно отверстие *ламбары* (разновидность барабана). Благодаря ему он поднимается вверх, он приходит к месяцу. Там <месяц> раскрывается для него, словно отверстие барабана. Благодаря ему он поднимается вверх, он приходит в мир, свободный от жары, свободный от холода. Там он живет вечные годы. (Там же, V. 11 1.)

Пер А Я Сыркина, цит по Упанишады Книга первая Брихадараньяка упанишада — М , 1992, с 124–125, 137

161

БУДДИЙСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОМЕЖУТОЧНОМ СОСТОЯНИИ

(«Саддхарма-смритьюпастхана-сутра». XXXIV)

Китайский перевод этого текста (лежащий в основе настоящей публикации) датируется примерно 542 годом н. э.

Когда человек умирает и собирается перевоплотиться в другого человека... когда время его смерти приближается, он видит такие знаки: он видит огромную скалистую гору, нависшую над ним, словно тень. Он думает про себя: «Гора может упасть мне на голову», и делает жест рукой, точно отталкивает эту гору. Его братья, родичи и соседи видят это, но им кажется, что он просто выбрасывает руку в пустоту. Тут ему кажется, что гора сделана из белой ткани, и он карабкается вверх по ней. Потом ему кажется, что она из красной ткани. Наконец, с приближением смерти он видит яркий свет, и с непривычки в мгновение смерти он чувствует себя смущенным и запутавшимся. Он видит всевозможные вещи, словно во сне, так как дух его смущен. Он видит соитие своих (*будущих*) *родителей, и при их виде его дух пронзается мыслью, в нем* возникает *порочность* (*випарьяса*). Если ему суждено снова родиться мужчиной, то он видит себя совокупляющимся с собственной матерью, а отец ему в этом препятствует; если ему суждено снова родиться женщиной, то он видит себя совокупляющимся с собственным отцом, а мать ему в этом препятствует. В *этот-то момент уничтожается Промежуточное Существование, возникают* жизнь и сознание, возобновляет свое действие причинность. Это похоже на след от краски; краска погибает, а узор остается запечатленным.

Conze et al., *Buddhist Texts through the Ages*, Oxford, Bruno Cassirer (Publishers), 1954

162

«ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ»: СМЕРТЬ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Бардо тхе-дол[*], «Тибетская книга мертвых», — руководство для умерших и умирающих. Первая ее часть, *Чхи-кха'и Бардо*[**], описывает момент смерти

[*] «Избавление [посредством] слушания о бардо» — *Прим. ред.*

[**] «Бардо врат смерти» — *Прим. ред.*

Вторая часть, *Чхе-ньи Бардо* , трактует состояния, непосредственно следующие за смертью. Третья часть, *Сид-па'и Бардо* , рассматривает происхождение полового инстинкта и события, предшествующие рождению.

Когда выдыхание прекратится, жизненная сила погрузится в нервный центр Мудрости[1], и Знающий[2] ощутит Ясный Свет природного состояния[3]. Затем, после того как жизненная сила будет отброшена назад и полетит вниз по правому и левому нервам[4], мгновенно забрезжит Промежуточное Состояние (*бардо*)

Вышеприведенные [указания] должны быть применены прежде, [чем жизненная сила] устремится в левый нерв, [после того как она пересечет нервный центр в области пупка].

Время, [обычно необходимое для этого движения жизненной силы,] длится до тех пор, как происходит вдыхание, или примерно столько, сколько уходит на обед

Способ применения [наставлений] следующий:

Когда дыхание вот-вот прекратится, лучше всего действенным образом применить Перенос; если [применение] оказалось недейственным, тогда так [обратись к умершему]:

«О благородный [такой-то такой-то], ныне пришло тебе время искать Путь [в действительность]. Твое дыхание вот-вот прервется. Твой *гуру* поставил тебя лицом к лицу перед Ясным Светом; и теперь ты переживешь его Действительность в состоянии *Бардо*, в котором все вещи подобны пустому и безоблачному небу, а нагой, незапятнанный разум подобен прозрачной пустоте, не имеющей ни периметра, ни центра. В это мгновение познай себя, и пребывай в этом состоянии. Я тоже в это время ставлю тебя лицом к лицу».

Прочтя эти слова, повтори их много раз на ухо умирающему, как раз перед тем, как выдыхание прервется, чтобы запечатлеть их в уме [умирающего].

Если выдыхание вот-вот прекратится, переверни умирающего на правый бок — это положение называется «Лежащий Лев». Пульсирующие артерии [с правой и левой стороны горла] должны быть сжаты.

Если умирающего будет клонить ко сну, если его будет одолевать дремота, это следует пресечь и бережно, но твердо сжать артерии. Благодаря этому жизненная сила не сможет вернуться из нерва срединной артерии и наверняка изойдет через отверстие Брахмы[5]. Теперь надлежит применить настоящее поставление-лицом-к-лицу.

---

* «Бардо дхармовости» — *Прим. ред.*

** «Бардо существования». — *Прим. ред*

В этот миг всем разумным существам впервые открывается *Бардо* Ясного Света Реальности, или Непогрешимого Духа Дхарма-Кайи.

После того как выдыхание окончательно пресечется, крепко нажми на сонные нервы, и ламе, или человеку более высокородному или ученому, чем ты сам, внуши такие слова:

«Достопочтенный господин, ныне воспринимающий Основополагающий Ясный Свет, постарайся пребыть в том состоянии, которое ты ныне переживаешь».

И также в случае с любым другим лицом читатель должен поставить его лицом к лицу так:

«О благородный [такой-то и такой-то], слушай. Ныне ты воспринимаешь Сияние Ясного Света Чистой Реальности. Узнай его. О благородный твой наличный разум, в действительности пустой, не оформленный ни с точки зрения [иных] особенностей, ни цветом, по природе пустым, — это сама Реальность, Все-Благо.

Твой разум, который ныне — пустотность, но это не пустотность ничтожности, но бытие самим разумом — непрепятствуемым, сияющим, будоражащим и блаженным, это — само сознание, Всеблагой Будда.

Твое сознание, не приобретшее никакого образа, в действительности пустое, и разум, сияющий и блаженный, — они нераздельны. Их союз — Дхарма-Кайя, состояние Совершенного Просветления[6].

Твое сознание, сияющее, пустое, неотделимое от Великого Тела Сияния, не знает ни рождения, ни смерти, оно — Неизменный Свет, Будда Амитабха

Этого знания достаточно. Сознавать, что пустотность твоего разума — само существо Будды, и считать его своим собственным сознанием — значит пребывать в [состоянии] божественного ума Будды».

Повтори это ясно и отчетливо три или [даже] семь раз. Это напомнит разуму [умирающего] прежнее [т. е. прижизненное] поставление-лицом-к-лицу, совершаемое *гуру*. Во-вторых, благодаря этому нагое сознание будет опознано как Ясный Свет, и в-третьих, опознав [таким путем] собственное «я», человек окончательно соединяется с Дхарма-Кайей, и освобождение будет несомненным.

[Достигнув этого состояния, умирающий может остановить колесо рождений и немедленно обрести освобождение. Однако такая духовная исключительность настолько редка, что рядовой умирающий не способен удержаться в состоянии, в котором сияет Ясный Свет. За этой стадией следует поступательное нисхождение во все более низкие состояния существования *Бардо*, и наконец, новое рождение. Непосредственно вслед за первым состоянием *Чхи-кха'и Бардо* наступает вторая стадия, когда сознающее начало покидает тело и спрашивает себя: «Мертво я или не мертво?» не в силах найти ответ]

Но даже если не опознается Первичный Ясный Свет, опознание Ясного Света второго *Бардо* приносит освобождение Если освобождения не достигнуто и здесь, тогда брезжит третье *Бардо*, или *Чхе-ньи Бардо*.

В третьем *Бардо* загораются кармические иллюзии. Очень важно читать Великое-поставление-лицом-к-лицу *Чхе-ньи бардо*: в нем большая сила, и оно может принести много хорошего

Примерно в это время [умерший] может видеть, что пища отставлена прочь, что с тела сняты одежды, что место спального коврика подметено[7]; он слышит плач и причитания друзей и родичей, и хотя он видит их и слышит их слова, обращенные к нему, они его не слышат, и он отходит неудовлетворенный.

В эту пору воспринимаются три вещи — звуки, свет и лучи. Они пугают, устрашают, наводят ужас и очень утомляют В это мгновение следует применить поставление-лицом-к-лицу с *Бардо* [восприятия] Реальности. Позови умершего по имени, правильно и отчетливо объясни ему вот что:

«О благородный, слушай со всем вниманием, не отвлекаясь. Существует шесть состояний-*Бардо*, как-то: природное состояние-*Бардо* пребывающего в чреве; *Бардо* спящего; *Бардо самадхи* во время погруженности в медитацию; *Бардо* мгновения смерти; *Бардо* [восприятия] Реальности, *Бардо* возврата в сансарическое существование. Их шесть.

О благородный, ты испытаешь три *Бардо*: *Бардо* мгновения смерти, *Бардо* [восприятия] Реальности и *Бардо* ищущего новое рождение. Из них до вчерашнего дня ты пережил *Бардо* мгновения смерти. Хотя тебе забрезжил Ясный Свет Реальности, ты не сумел удержаться, и поэтому вынужден скитаться здесь. Отныне ты испытаешь два [других] *Бардо*: *Чхе-ньи Бардо* и *Сид-па'и Бардо*[8].

Ты будешь неотрывно внимать тому, лицом к лицу с чем я собираюсь поставить тебя, и держаться этого.

О благородный, то, что называется смертью, пришло Ты отходишь из этого мира, но ты не единственный; [смерть] приходит ко всем. Не прилепляйся по любви и слабости к этой жизни. Даже если ты прилепишься по слабости, ты не в силах остаться здесь. Ты не обретешь ничего большего, чем скитание в этой *сансаре*[9]. Не привязывайся [к этому миру]; не будь слабым. Помни о Драгоценной Троице[10].

О благородный, какие бы страхи и ужасы ни обуяли тебя в *Чхе-ньи Бардо*, не забывай эти слова; и, помня сердцем их смысл, иди вперед; в них заключена жизнетворная тайна опознания:

Увы! Когда Неопределенное Восприятие Реальности забрезжит мне здесь, Отвергнув мысленный испуг, страх и ужас перед всеми [видимыми явлениями],

Да опознаю я появляющиеся [видения] как отражения моего сознания
Да познаю я их по сути как явления в Бардо
В этот наиважнейший момент [возможного] достижения великой цели
Да не устрашат меня сонмы Мирных и Гневных [Божеств] мои собственные мысленные образы

Повтори эти [стихи] отчетливо и, памятуя об их значении при повторении, иди вперед [о благородный] Поэтому, какие бы страхи и ужасы ни появлялись, узнание несомненно, и не забывай об этом жизненно важном тайном искусстве, лежащем внутри

О благородный когда твое тело и дух разлучались ты не мог не пережить прозрение Чистой Истины, тонкой, искрящейся, ослепительной, славной и устрашающе прекрасной, явленной, словно мираж, движущийся по *весеннему простору единым дрожащим потоком Не дрожи, не пугайся, не* ужасайся Это блеск твоей истинной природы Узнай ее

Из среды этого сияния возникнет естественный звук Реальности, отражающийся, точно тысячи одновременно гремящих громов Это естественный звук твоей подлинной души Не дрожи, не пугайся, не ужасайся

Тело, которое есть у тебя теперь, называется мысленным телом[11] пристрастий Поскольку ты не имеешь материального тела *из плоти и крови*, что бы ни произошло — ни звуки, ни свет, ни лучи — не может повредить тебе Ты не можешь умереть Тебе вполне достаточно знать, что эти явления суть твои собственные мысленные образы Опознай их как *Бардо*

О благородный, если ты не узнаешь теперь свои собственные мысленные образы, то какие бы медитации и поклонения ни совершал ты в человеческом мире если ты не повстречался с настоящим учением, то свет потрясет тебя, звуки устрашат тебя, а лучи ужаснут тебя Не знай ты этого наиважнейшего ключа к учениям — не умей ты распознать звуки, свет и лучи, — тебе пришлось бы скитаться в *сансаре*»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Нервные центры — это «психические центры» (чакры) «Нервный центр мудрости» расположен в сердечном центре (*анахата чакра*)

[2] «Знающий т е разум в своих когнитивных функциях

[3] *Разум* в своем природном или изначальном состоянии

[4] Т е «психические каналы» *пайнгала нади* и *ида нади*

[5] *Брахмарандхра* щель в верхней части черепа отождествляемая с *sutura frontali*

[6] Из единения двух состояний ума или сознания рождается состояние Совершенного Просветления существо Будды Дхарма Кайя («Тело Дхармы») символизирует *чистейшее и высшее состояние бытия состояние надмирного сознания*

Речь идет о пище отделяемой умершему во время погребальных обрядов группе подготавливаемом к савану ложе или спальне

[8] *Чхе ньи Бардо* — промежуточное состояние во время восприятия Реальности *Сид па и Бардо* — состояние в котором умершии стремится к новому рождению

[9] *Сэнсара* — универсальное становление

[10] Т е Будда Дхарма (Закон Учение) Сангха (универсальная община монахов и отшельников)

[11] «Мысленное тело или ментальное тело родившееся из прежнего земного существования

W Y Evans Wentz (tr & ed) *The Tibetan Book of the Dead* Oxford 1957 pp 90—92 95—97 101—104

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

163
«ЗЕМЛЯ, ОТКРОЙ ЕМУ ЛЕГКИЙ ДОСТУП»: ВЕДИЙСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ГИМН

(Ригведа, X. 18)

1. Смерть[1], ступай прочь по другому пути —
По своему, иному, не по дороге богов.
Тебе говорю, глазастая-ушастая;
«Не вреди у нас ни потомству, ни мужам!»
2. Вы, что пришли, давая возможность затоптать след Смерти[2],
Надолго продлевая век <своей> жизни —
Изобилуя потомством и богатством,
Будьте безукоризненны, чисты, достойны жертвы!
3. Вот эти живые отделились от мертвых.
Славное было у нас сегодня призывание богов!
Мы пришли, склонные к пляске и смеху˟,
Надолго продлевая век <своей> жизни.
4. Я воздвигаю эту ограду для живых:
Теперь пусть никто из тех (т. е. мертвых) не перейдет за этот рубеж[1]
Да проживут эти (т. е. живые) сто долгих осеней.
Да погребут они смерть в этой горе![3]
5. Как дни следуют один за другим,
Как за одной порой <года> чином наступает другая,
Как потомок не бросает предка —
Так, о Дхатар[4], устрой их жизни!
6. Достигайте <полноты своего жизненного> века, облюбовав старость
Вы, те, что устремляетесь друг за другом[5].
Пусть Твашта[6], рождающий доброе, единый (с нами),
Сотворит нам здесь долгий век для жизни!

˟ Из этого явствует, что за погребальным обрядом следовало веселье. — *Прим. ред.*

7. Эти жены, невдовые, с добрыми мужьями,
Пусть войдут <сюда>, умащенные растопленным жиром.
Без слез, не страдающие от недугов, с добрыми украшениями —
Пусть сначала эти женщины поднимутся на лоно![7]
8. Вставай, о жена, ступай в мир живых!
Оставь его (т. е. умершего): жизненная сила ушла <из него>.
Ты стала супругой своего мужа,
Взявшего тебя за руку в желании овладеть тобой[8].
9. <Он> забирает лук из руки мертвого,
Чтобы тот послужил нашей власти, блеску и силе
Ты (т. е. мертвый), несомненно, там, а мы с добрыми мужами — здесь.
Да победим мы всех враждебных соперников!
10. Подползай[9] к этой Матери-Земле —
Пространноохватной, широкой, ласковой.
Она мягка, как шерсть, как юница, для подателя вознаграждения.
Да спасет она тебя из лона Погибели!
11. Вверх вздымайся, Широкая, вниз не дави,
Открой ему легкий доступ, поспеши <к нему>!
Как мать <заворачивает> сына в подол —
Так, о Земля, заверни его!
12. Пусть Широкая, воздымаясь, прочно стоит,
Пусть поддержит ее тысяча подпорок!
Пусть они будут ему домами, источающими жир,
Пусть повсюду будут у него там убежища.
13. Я подпираю тебя, Широкую.
Укладывая этот ком, да не понесу я ущерба!
Пусть Отцы поддержат этот столб,
А Яма возведет тебе там жилище[10].
14. На закате дня они меня
Уложили, словно оперение стрелы.
Закатное слово я удержал,
Словно коня — уздечкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мритью, олицетворение смерти, тогда как Яма (см строфу 13, ниже) — это бог, царящий над духами мертвых.

[2] Т е «освобождая» Смерть, стирая ее следы и препятствуя ее приближению Строфа обращается к собравшимся на погребальные обряды

[3] Очистив живых от скверны, жрец *адхварью* поднимает в этот момент камень или ком земли, уподобляемый «горе», чтобы поставить еще одну преграду Смерти и ограничить ее царство

[4] Дхатар, божественное существо, являющееся творцом, устроителем и вседержителем, чаще всего ассоциируется с браком и плодородием

[5] Людские жизни (в идеале, «в сто осеней») должны сменять друг друга столь же упорядоченно, как времена года

[6] Божественный ремесленник, творец форм, бог, прославляемый за свою производительную силу

[7] В этот момент женщины поднимаются на возвышенное «место» (*йони* означает также «лоно», «место происхождения») где жена возлежит рядом с телом умершего

[8] Строфа адресуется вдове — либо жрецом, либо братом умершего, ее призывают возвратиться в царство живых (Левиратный брак упоминается и в других местах десятой мандалы Ригведы, например, 40.2)

[9] Обращение к покойному

[10] После предания тела земле жрец, видимо, клал поперек могилы балку или брусок чтобы «укрепить землю» и сделать место упокоения столь же надежным, как и место предоставляемое Ямой духу умершего в ином мире Это жреческое действие, однако совершалось со всеми предосторожностями, так как из контакта со скверной смерти мог произойти ущерб Строфа 14 является, очевидно, позднейшим добавлением

Перевод А Н Ковали по изданию Th Aufrecht, *Die Hymnen des Rigveda* Berlin, Dritte Auflage 1955

164

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У АСТЕКОВ

(Бернардино де Саагун)

Когда один из астеков умирает «соломенной смертью», жрец произносит перед его телом такие слова: «Наш сын, для тебя закончились страдания и изнурительные труды этой жизни. Наш Господь соизволил забрать тебя отсюда, ибо у тебя не было вечной жизни в этом мире; наше существование — как луч солнца. Его милость позволила тебе узнать нас и участвовать в нашей общей жизни. Теперь бог Миктлантекутли и богиня Миктлансиуатль [Господин и Госпожа преисподней] взяли тебя, чтобы ты разделил с ними их жилище. Мы все последуем за тобой, ибо это наша судьба, а в их жилище хватит места, чтобы принять весь мир. Мы больше ничего о тебе не услышим. Смотри, ты ушел в царство тьмы, где нет ни света, ни окна. И ты не вернешься, и тебе не нужно будет печься о возвращении, ибо твое отсутствие — навсегда. Ты оставляешь детей бедными и осиротевшими, они не знают ни своей цели, ни того, как они справятся с изнурительными трудами этой жизни. Что до нас, то мы не замедлим присоединиться к тебе там, где ты будешь». Затем, точно во второй раз совершая крещение, жрец окропляет голову умершего несколькими каплями воды и ставит рядом с ним сосуд с

водой: «И вот, вода, которой ты пользовался в этой жизни; это для твоего путешествия». В надлежащий момент на мумиеобразный труп кладутся некие письмена, подобно еще одной Книге мертвых: «И вот, с этим ты минуешь две сталкивающиеся горы... С этим ты минуешь дорогу, где тебя поджидает змеи... С этим ты минуешь логово зеленой ящерицы... И вот, с этим ты пересечешь восемь пустынь... И восемь холмов... И посмотри, с чем ты перейдешь место ветров, что гонят тебя обсидиановыми ножами». Таковы опасности, которые предстоит одолеть на Подземном Пути, прежде чем оказаться перед Миктлантекутли: оттуда, четыре года спустя, умерший должен пойти дальше, пока с помощью собаки, принесенной в жертву на его могиле, он не переправится через Девять Потоков, а затем и хозяин, и пес вступят в вечную обитель мертвых — Шикомемиктлан.

H B Alexander, *The World's Rim* (Lincoln, Neb University of Nebraska Press, 1953), pp 201—202, сокращенный пересказ из книги Bernardino de Sahagun, *Historia de las Cosas de la Nueva España*, Mexico 1946, Книга III, Приложение 1

165
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ТОРАДЖА (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СУЛАВЕСИ)

У тораджа было два погребения, отделенных одно от другого значительным промежутком времени. Сначала тела помещались во временные хижины за пределами деревни, затем кости очищались и окончательно погребались в пещерах

Оплакивание умершего начиналось сразу же после того, как он испускал дух. Оно всегда было импровизированным, но подчинялось определенным стереотипам: оплакивающие говорили о том, как тоскуют о нем, спрашивали, почему они не могут занять его место и почему его достоинствам пришел конец. По крайней мере, для многих из них то была чисто формальная обязанность, никак не связанная с чувством привязанности к покойному. Могло показаться, что многие девушки участвуют в оплакивании лишь для того, чтобы покрасоваться своими голосами. Мужчины участия в нем практически не принимали, а некоторых оно даже раздражало.

Труп выносился вскоре после смерти, по возможности кем-нибудь из тех, кто доставлял кости для вторых похорон (*тонггола*), в ином случае — старшим членом семьи. Омовения не производилось, одежда обычно не снималась, а новые, красивые вещи либо надевались на старое, либо укла-

дывались на тело. Одежда подвязывалась вокруг колен, локтей и головы под подбородком, чтобы тело было легче нести и не раскрывался рот. Иногда в рот умершему вкладывали золотой песок, кусочек золота или бусины (предпочтительно белые), по-видимому, в качестве еды для его *ангга*[1]. В Пуумбото по этому поводу говорилось: «Таким же белым, как эти бусины, будет рисовое зерно, которое ты дашь нам. Не приходи к нам в облике свиней, мышей или птиц; дай нам зерно (*по'оэ*)». Иногда на глаза помещали бусины, на грудь — зеркальце, а на щеки и лоб — монетки.

У покойника отрезали пряди волос и кусочки ногтей, которые заворачивали вместе с ножом, использовавшимся для этого. Их носили с собой или хранили дома (чаще всего — у ближайшего родственника, хотя из других сообщений явствует, что на волосы и ногти людей любимых или почитаемых существовал большой спрос) весьма долго — иногда при жизни шести поколений. Во время первых похорон, с того момента, как тело выносилось из дома, до исполнения *моомбэ уэ*, сверток с волосами и ногтями служил субститутом покойного, и перед ним выставляли все те яства, которые тот любил при жизни. Считалось, что волосы и ногти хранятся для того, чтобы «его *таноана*[2] передалась нам». Многие говорили, что таким образом ослаблялась их тоска по умершему, а другие утверждали, что хранят волосы и ногти для того, «чтобы не забыть умершего, и тогда умерший благословит нас». Их также использовали как лекарство для посевов; говорилось, что «если бы мы не обрезали мертвецу ногти, то он выщипал бы ими ростки риса или подрыл бы корни растений». Вдова хранила волосы умершего мужа, «чтобы их *таноана* не разлучались друг с другом», но, выйдя замуж вторично, выбрасывала их.

Обряженное тело укладывали на циновку в самой удобной части дома и над ним сооружали навес (*батували*). *Батували* (слово это, вероятно, имело значение «комната») состояла из четырех бамбуковых шестов с перекладинами, накрытых хлопковой тканью или подстилкой в виде крыши, и имела занавеси, свисавшие с перекладин. Цветы арековой пальмы свисали над головой умершего с шестов и перекладин. Рядом с телом находилась корзина с плодами арековой пальмы и яйцом, служившими ему пищей. *Батували* украшали различными изделиями из хлопка, часть которых позднее доставалась в подарок умершему.

Пока тело оставалось в доме, ему приносили пищу, которую ставили перед умершим и забирали через час, чтобы отдать рабу. В определенный момент закалывали быка и несколько свиней, причем первый должен был служить своему хозяину средством передвижения в подземном мире. Дом всегда был полон народа, особенно ночью. Вокруг *батували* образовывалось плотное кольцо, чтобы защитить умершего от ведьм или душ мертвых. Более того, надлежало поддерживать огонь в очаге, следить за тем, чтобы горели факелы. Люди, несущие стражу, не могли заснуть ни на секунду, так как это поставит-

ло бы под угрозу не только умершего — их собственная *таноана* могла бы быть легко похищена и унесена в подземный мир. В эти ночи запрещалось водить хороводы (*каджори, раэго*) и устраивать песенные игры, хотя другие самые разнообразные игры устраивались специально по этому случаю. Главными из них были *джонджо ава* и *лина*, служившие прекрасным развлечением для молодежи. Первая заключалась в декламации импровизированных куплетов, чередовавшихся с рефреном, начинавшимся со слов *джонджо ава*. По мнению Круйта, эти слова восходят к выражению *нджо'у-нджо'у вава*, что означает «иди, иди, сопровождай его» или «забери его» и относится к мертвецу. *Лина* — это жалобная песня, каждая строчка которой заканчивалась бессмысленным словом *лина*, которую Круйт возводил к *линга*, «петь», а сами тораджа отождествляли с *инэ*, «мать». Эти игры чередовались. Считалось, что они исполняются, дабы развлечь и утешить *ангга*, которой предстоит покинуть землю, и с их помощью *ангга* впервые отправлялась в другую страну и отводилась в подземный мир, или, по крайней мере, на *Буджу мпотуманги*, «*гору плача*», где ее передавали другим душам мертвых, пришедших ее навестить. При прощании с *ангга* ее просили не уносить с собой в подземный мир *таноана* риса и других растений, что вызвало бы неурожай. Во время *джонджо ава* и *лина* мужчина и молодая девушка ведут пикантные беседы...

Гроб называли либо *бангка*, либо *джуму*. Второе слово обозначает любой «покров», тогда как первое имело значение «лодка» и в этом смысле употреблялось при мне в Пуумбото. Что гроб действительно мыслился лодкой, явствует из того факта, что если кому-то во сне привиделся человек, идущий на веслах, то считалось, что гребец вскоре умрет. Гроб делался из выдолбленного ствола дерева, расколотого продольно на две части, причем крышка называлась *лакинджа*, «мужчина», а нижняя часть — *тинанджа*, «женщина». Если не считать ручек с обоих боков, иногда вырезавшихся в виде звериных голов (Круйт видел ручки в форме свиных и козлиных голов) и не имевших, предположительно, особого значения, гробы оставались неукрашенными...

Перед выносом гроба из дома женщина-шаман совершала *мовураке мпо'онто таноана*, «шаманский обряд, удерживающий *таноана*», над ближайшими родственниками, по-видимому, чтобы удержать их души от следования за гробом. Они садились на корточки перед гробом и накрывались дорогой старинной тканью (*бана*). Затем она прикасалась к их головам, накрытым тканью, и к гробу с помощью *раре*, состоявшей из листа молодой аренговой пальмы, колокольчика и корзинки, в которой находилась ветка кордилины. Она повторяла это семь раз, а затем семь раз прикасалась к трупу с ног до головы, читая заупокойную молитву ..

К сожалению, Круйт не записал заупокойные молитвы, читавшиеся в этих случаях, так что их смысл невозможно установить со всей достоверно-

стью, однако представляется, что во всех случаях их целью было подготовить людей к рискованному путешествию. По Круйту, погребальный обряд совершался для того, чтобы удержать *таноана* живых ближних родственников от следования за усопшим, но, как мы увидим, считалось, что в продолжение траура они тоже находятся в подземном мире, поэтому не исключено, что церемония служила для подготовки их к этому переходу. Возможно, что тот же смысл имело семикратное прикосновение *раре* к покойнику. Во всяком случае, именно так объясняли тораджа *монтенде раре* — обряд, совершаемый над телом шамана.

После выноса гроба и на пути к его временному пристанищу за пределами деревни делалось все возможное для того, чтобы помешать душе умершего найти обратную дорогу домой, если только речь не шла о мертвецах, не оставивших после себя родичей, которые принадлежали бы к тому же поколению. Гроб выставлялся через окно, если же оно было слишком мало, то для этой цели сносилась стена, а иногда (обычно в случае погребения младенцев) его протаскивали под полом...

Хижина, служившая мертвецу временным пристанищем (*тамбеа*), представляла собой свайное сооружение, возведенное неподалеку от северной, южной или западной окраины деревни. Она никогда не строилась на востоке, так как в этом случае деревня оказалась бы на пути *анггa*, направляющейся на запад. Во внимание принимали также направление ветра, чтобы свести к минимуму проникновение в деревню запаха разложения. Хижина строилась весьма крепкой, без стен и с низкой крышей. Крыша укладывалась иначе, чем в жилых домах; лестницей служил выдолбленный ствол дерева — причем ступеньки смотрели вниз, так как мертвец виделся все перевернутым. Вокруг устанавливались длинные бамбуковые шесты, к каждому из которых привязывали клочок белой хлопковой ткани...

По прибытии на место гроб помещали в хижину ногами к западу. В полу проделывалось отверстие, в которое вставляли длинный бамбук, доходивший до земли и служивший для отвода жидкостей, образующихся при разложении. Затем (во всяком случае, в Лаге, а по мнению Круйта, повсюду) шаман совершала обряд, чтобы отозвать *таноана* членов семьи, случайно попавшие в гроб, чтобы *анггa* не унесла их с собой в подземный мир. Затем гроб накрывали крышкой и обвязывали ротанговой веревкой — восемь раз, если умер мужчина, и девять — если женщина. Наконец щели между двумя половинами заполняли грибами и накрывали полосками черной ткани. Циновка, корзина для еды, котелок, сумка и меч умершего и некоторые другие предметы подвешивались к потолку или укладывались на крышу хижины.

По отношению к телу шаманки соблюдались несколько иные обычаи. По Круйту, это объясняется тем фактом, что ее душа (*анггa*) отправлялась не в подземный мир (*Торате*), но в *Мунгку лпе'анта-анта*, на «гору упокое-

ния», в «страну небесных духов *вураке*» Считалось, что это место находится на пересечении дорог из нижнего и верхнего миров. К сожалению, однако, в заупокойной молитве, приводимой Круйтом по этому случаю, говорится, что ее душа идет в *Нангги* или *Линдуджу*, т. е. в подземный мир. Предположительно, чтобы показать, что ее «душа» идет на небо, в ее уста вставляли маленький бамбуковый стебель, через который она выдувала свое «дыхание» (*иноса*) в небо. Но как мы уже видели, *иноса* — это «жизненная сила», близкородственная *таноана*, а значит, решительно отличается от *анггa*. Обряд, посредством которого, по Круйту, душа шаманки доставлялась на небо, назывался *монтенде раре*, «подбрасывание *раре*». По сообщению тораджа, он служил «для снаряжения *анггa* покойной (в путь)»..

К крыше хижины также привязывали курицу или петуха — в зависимости от пола умершего...

К телу важного лица приставляли раба в качестве *тандоджае*; согласно первому изданию Круйта и Адриани, это имело место, по крайней мере, в Ондаэ, Лаге и Ламуса. Ночи он проводил в хижине, поддерживая горение факела, а днем отгонял насекомых и обтирал труп. Его главной обязанностью было мешать колдуньям «пожрать» тело. Ему запрещалось разговаривать с кем бы то ни было, а питался он чем придется...

После помещения гроба в хижину происходило прощание с покойным. Установленной формулы не существовало, хотя выражаемые чувства были, по-видимому, всегда одни и те же. Например. «О отец (мать), мы сложили здесь для тебя все. Оставайся здесь. Твои (умершие) родичи придут, чтобы составить тебе компанию, а среди них такой-то и такой-то: он скажет тебе, что делать, а что не делать. А нам, тобой оставленным, тоже нужен кто-то, чьим велениям подчиняться». «Это конец нашего родства. До сих пор мы были твоими детьми и в твоей власти. Мы красим ступени твоего дома в черный цвет. Не возвращайся к нам». «Здесь у тебя твоя еда. Подай нам дождь, чтобы наш рис был обильным, и подай нам ведро, чтобы мы могли жечь дрова на полях. Не напускай на наш рис птиц, мышей или свиней». Позднее люди время от времени захаживали сюда, чтобы принести еды для *анггa* (*мело'а*) — например, когда разносился клич собираться для работы на полях (*месале*) В противном случае мертвец отправлялся добывать пищу сам.

Даже после официального прощания с мертвым его душа якобы по-прежнему навещала живых, особенно в первую ночь после переноса гроба, и по этой причине *батували* мужчины оставляли стоять еще восемь дней после смерти, *батували* женщины — девять. Если *батували* ломалась до истечения этого срока, ее роль исполняла циновка. Поддерживался огонь факела и очага, а рядом помещали *вирих* и пищу Предотвратить эти посещения могла шаман, так как она видела *анггa*. В первую ночь после выноса тела она тоже спускалась в подземный мир, чтобы доставить назад *таноана*

родичей, которые могли последовать туда за душой умершего, и в течение восьми (девяти) дней после выноса она совершала обряд с помощью *вураке*, чтобы спасти *ангга* от соков разлагающегося трупа (*моомбе уэ*)

Наряду с обычным трауром особые ограничения накладывались на вдову или вдовца. До выноса тела вдова (нижеследующее, если не оговорено особо, относится и к мужчинам и к женщинам) оставалась у его изголовья вместе с близкой родственницей, скорбевшей о ней у ее ног. Мужчина тоже разделял скорбь с близким родственником (в окрестностях Лаке вдову окружали восемь подруг, мужчину — девять друзей). После выноса тела вокруг нее сооружали каморку из дождевых подстилок и черной материи, где она оставалась, как правило, на протяжении трех дней, иногда меньше, «до тех пор, пока шаманка не закончит свою работу...»

Но если умирала важная особа, то траур прекращался не раньше, чем покойнику доставлялась голова. До тех пор скорбящие не могли носить новую одежду и собирать кокосовые орехи. Если деревня находилась в состоянии войны, тогда голову отрубали врагу, в противном случае из другой деревни приводили раба или подозреваемого в колдовстве и разрубали его на куски. Первый удар наносил тот, кто внес наибольший вклад в покупку жертвы; он же забирал голову. Траур мог быть завершен также в том случае, если при необходимости голову доставали в другом племени Близкие родичи умершего несли ответственность за доставку головы или жертвы Вдовец не осмеливался возвращаться до тех пор, пока тем или иным путем не добывал голову, — даже если на это уходило три года или больше...

Во время обрядов, завершающих траур вдову просили не оставаться в подземном мире, ибо она освобождена от траурных запретов благодаря победе. Шесты вокруг хижины, в которой находился гроб, срубались, и в одно из углублений на ручках гроба вставлялся клочок скальпа жертвы. Затем мертвеца умилостивляли песней: «Оставайся лежать внизу, умерший, в жилище мертвых (*Нангги*) — пристанище для твоей души». После этого все возвращались в деревню, где вдовьи одежды разрывали на клочки и объявляли о завершении траура. Начальник отряда охотников за головами делал зарубку на коньковом шесте в восточной стороне дома и вставлял в нее кусочек скальпа; вслед за этим все отправлялись в храм, где старик обращался к умершему, траур по которому только что завершился: «Не приходи к нам в обличье мышей или свиней, ибо мы оплакали твою смерть Будь счастлив отныне, мы будем бить в барабаны и петь, позаботься о том, чтобы рис был обильным». Ударив несколько раз в барабан, он продолжал. «Каждый, кому есть что потребовать у другого, пусть потребует плату у должника; кто хочет двинуться на врага или жениться, пусть сделает это, ибо траур кончен».

Некоторое время спустя происходило погребение костей — когда именно, зависело от различных обстоятельств. Во-первых, ввиду огромного количества потребляемой еды был необходим обильный урожай, и поэтому он

обычно предшествовал окончательному погребению Кроме того, после сбора урожая появлялось достаточно свободного времени Однако ежегодное проведение этой церемонии в одной деревне было невозможно ввиду высоких издержек, поэтому деревня либо ждала несколько лет, пока накопится достаточно покойников, либо проводила обряд совместно с соседними деревнями Если правильные похороны оказывались затруднительными и некоторые знамения, например, болезнь или нашествие грызунов, вынуждали к этому, проводился экстренный обряд, длившийся только один день, гостей на него не приглашали .

Часов в одиннадцать утра первого дня собиратели костей (*тонггола*) доставляли кости, проводили поспешную сортировку и упаковывали в мешки. По возвращении в деревню старейшая из *тонггола* прикасалась одним из черепов ко всем, кто чувствовал хотя бы малейшее недомогание. Затем кости переносили на праздничную площадку, где *тонггола*-мужчины закалывали привязанного буйвола...

Шаманы вызывали из подземного мира души тех, чьи кости были собраны. Число их во время *момпемате* могло быть любым, но во время *монтенгке* их должно было быть пять и еще два мужчины-помощника Заупокойная молитва описывает, как мертвецы пробуждаются, одеваются и проходят по подземному царству к араковой пальме, по стволу которой они взбираются на землю и выходят на поверхность в Мори (к востоку от мест обитания тораджа), чтобы, наконец, быть приведенными в храм или пиршественную хижину. Там их приветствуют и развлекают песнями и плясками родичи и остальные участники празднества. Песни рассказывали мертвым о том, что произошло у живых со дня их смерти. Во время этого обряда, длившегося всю ночь от сумерек до рассвета, мужчина мог попросить девушку остаться с ним. Мужчина обнимал ее за плечи и получал право трогать ее лицо и грудь, а за это дарил ей саронг или какой-нибудь другой подарок. Когда ей это надоедало, она накидывала на плечо белый саронг из хлопка или древесной коры, давая понять, что свидание кончено. Все то время, пока они были вместе, они считались мужем и женой.

На следующий день шаманы отводили *анггa* на место их последнего упокоения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Призрак, личность умершего

[2] Духовная часть человека

R E Downs, *The Religion of the Bare s Speaking Toradja of Central Celebes*, The Hague Uitgeverij Excelsior, 1956, pp 77—89

ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ

166
УМЕРШИЙ ФАРАОН ВОСХОДИТ НА НЕБО

(Из «Текстов пирамид»)

Так называемые «Тексты пирамид» — это религиозные тексты, записанные на внутренних стенах пирамид некоторых фараонов пятой и шестой династий (около 2425–2300 гг. до н. э.). «Тексты пирамид» содержат древнейшие аллюзии на египетскую космологию и теологию, но изначальная их цель — обеспечить триумфальный переход мертвого фараона в его новую, небесную обитель.

Два твоих крыла простерты, как крылья сокола с густым оперением, как [крылья] ястреба, парящего в вечернем небе. (§ 1048)

Летит летящий; сей царь Пиопи улетает от вас, смертные. Он принадлежит не земле, он принадлежит небу... Сей царь Пиопи летит на небо, как облако, как мачтовая птица; сей царь Пиопи лобзает небо, как сокол, сей царь Пиопи достигает неба, как бог горизонта (Хорахте). (§ 890–891)

Ты воспаряешь к небу, как сокол, оперение твое, как у гуся. (§ 913)

Царь Унис идет на небо, царь Унис идет на небо! Против ветра! Против ветра! (§ 309)

Ступени на небо выложены для него, чтобы он взошел по ним на небо. (§ 365)

Царь Унис восходит по лестнице, сделанной для него его отцом Ра (богом Солнца). (§ 390)

Атон сделал то, что, говорят, он делал прежде, для сего царя Пиопи II, связав для него веревочную лестницу, сбив (деревянную) лестницу для сего царя Пиопи II; (итак,) сей царь недоступен злобе людей. (§ 2083)

«Как прекрасно смотреть, как приятно созерцать, — говорят боги, — когда сей бог (т. е. царь) восходит на небо. Бесстрашие на его челе, ужас рядом с ним, магические заклятья перед ним». Геб сделал для него то же,

что и для себя. Боги и души Буто, боги и души Нехена, боги неба и боги земли приходят к нему. Они несут царя Униса на руках. Ты восходишь, о царь Унис, на небо. Взойди на него по этой «Лестнице». (§ 476—479)

[Снова и снова мы находим уверения, что двойные врата неба открыты перед фараоном.]

Распахнуты двойные врата горизонта; отперты их засовы. (§ 194, NB: это постоянный рефрен в «Текстах пирамид», ср. § 603, 604, 1048 и т. д.)

[Глашатаи царя спешат объявить богу Солнца о его приходе.]

Твои вестники идут, твои быстрые вестники бегут, твои глашатаи спешат. Они объявляют Ра, что ты пришел, ты, сей царь Пиопи. (§ 1539—1540)

Сей царь Пиопи застал богов стоящими, одетыми в их одежды, обутыми в их белые сандалии. Они сбросили свои белые сандалии на землю, они сорвали с себя одежды. «До твоего прихода не было радости в нашем сердце», — говорят они. (§ 1197)

[Чаще приход фараона возвещают сами боги.]

О Ра-Атон! Сей царь Унис приходит к тебе, нетленно прославленный, владыка дел места твоих четырех столпов (неба) Твой сын приходит к тебе. Сей царь Унис приходит к тебе. (§ 217)

[Умерший фараон дерзко обращается к богу Солнца со словами:]

Я, о Ра, тот, о ком ты сказал... «Сын мой!» Ты мой отец, о Ра... Взгляни на царя Пиопи, о Ра. Сей царь Пиопи — твой сын... Сей царь Пиопи сияет на востоке, как Ра, он восходит на западе, как Хепри. Сей царь Пиопи живет тем же, чем живет Хор (сын Ра), повелитель неба, по велению Хора, повелителя неба. (§ 886—888)

Царь восходит на небо среди богов, живущих на небе. Он стоит на великом [помосте], он выслушивает (на суде) тяжбы людей. Ра находит тебя на берегах неба у озера, которое есть Нут (богиня неба). «Прибывающий приходит!» — говорят боги. Он (Ра) подает тебе руку на лестнице в небо «Приходит знающий свое место», — говорят боги. О Чистый, воссядь на своем троне в лодке Ра и плыви по небу... Плыви с Нетленными Звездами, плыви с Неутомимыми Звездами. Принимай «дань» Вечерней Лодки, стань духом, живущим в Дуат. Живи сладостной жизнью, какой живет повелитель горизонта. (§ 1169—1172)

J H Breasted, *Development of Religion and Thought in Ancient Egypt*, Chicago, 1912, pp. 109—115, 118—120, 122, 136

167
УМЕРШИЙ ФАРАОН СТАНОВИТСЯ ОСИРИСОМ

(Из «Текстов пирамид»)

Многие «Тексты пирамид» изображают различные фазы ритуального отождествления умершего фараона с Осирисом.

Как он (Осирис) живет, так сей царь Унис живет; как он не умирает, так сей царь Унис не умирает; как он не погибает, так сей царь Унис не погибает. (§ 219)

[Умерший фараон занимает трон Осириса и становится, как и он, царем мертвых.]

Хо! Царь Неферкара (Пиопи II)! Как это прекрасно! Как прекрасно то, что твой отец Осирис сделал для тебя! Он дал тебе свой трон, ты правишь тем, кто в тайных местах (мертвыми), ты глава их величия, все славные следуют за тобой. (§ 2022–2023)

J H. Breasted, *Development of Religion and Thought in Ancient Egypt*, Chicago, 1912, pp. 145- 146

168
ОСИРИС — ПРОТОТИП КАЖДОЙ ДУШИ, НАДЕЮЩЕЙСЯ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ

(«Тексты саркофагов», I, 197)

Так называемые «Тексты саркофагов», записанные на внутренней стенке саркофагов, восходят к Среднему царству (2250–1580 гг. до н. э.). В них отражена «демократизация» древнего погребального обряда фараона. Как древний фараон притязал на причастность к судьбе Осириса, так теперь каждая душа надеялась достичь ритуального отождествления с богом.

Теперь ты сын царя, царевич,
пока существует твоя душа, пока твое сердце пребудет с тобою.
Анубис помнит о тебе в Бусирисе,
твоя душа ликует в Абидосе, где твое тело счастливо на Высоком Холме
Твой бальзамировщик ликует везде.
Ах, поистине, ты избранный!

Ты целостен в этом твоем достоинстве, что передо мной,
сердце Анубиса радуется делам его рук,
и сердце Господина Дворца Богов трепещет,
когда он созерцает этого благого бога,
Повелителя тех, что были, и Правителя тех, что будут.

R T Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, London, 1960, p 134

См. также тексты 88, 109.

169

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В КАЧЕСТВЕ БА И ЖИЗНЬ В ГРОБНИЦЕ ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА

Ты вошел и вышел, с ликованием в сердце, по милости Господина богов, ты [удостоился] добрых похорон, дожив до почтенной старости; когда пришел срок, ты занял свое место в гробу и соединился с землей на западной возвышенности.

Ты превратишься в живое Ба[1], и оно, несомненно, сможет добывать хлеб, воду и воздух; и ты примешь облик журавля или ласточки, сокола или выпи — как тебе будет угодно.

Ты переплывешь на другую сторону на лодке и не обернешься, ты поплывешь по водам потока, и твоя жизнь начнется сызнова. Твое Ба не отлучится от твоего тела, и твое Ба будет говорить с тобой, и ты будешь равным среди других, получая то, что есть на земле. У тебя будет власть над водой, ты будешь вдыхать воздух и ты насытишь желания своего сердца. Глаза будут даны тебе, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и рот, чтобы говорить, и ноги, чтобы ходить. Ты будешь двигать руками и плечами, твоя плоть будет крепка, твои мускулы будут послушны, и ты возликуешь всеми своими членами. Ты исследуешь свое тело и найдешь его целым и невредимым, к тебе не пристанет никакое зло. Твое истинное сердце будет с тобой, поистине, у тебя будет твое прежнее сердце. Ты поднимешься на небо и проникнешь в Подземный мир в любом обличье, в каком только пожелаешь.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Мертвеца, которого считали живущим одушевленной жизнью после смерти называли *Ба*. *Ба* означает «одушевленность, проявление»

A Gardiner, *The Attitude of the Ancient Egyptians to Death and the Dead*, Cambridge, Eng , 1935, pp 29–30

170

ЕГИПЕТСКАЯ СТРАНА МОЛЧАНИЯ И ТЬМЫ

В этой песне женщина оплакивает смерть мужа

Как скорбен спуск в Страну Безмолвия. Бодрствующий спит, не смыкавший глаз по ночам лежит недвижим навеки Хулители говорят: жилище обитающих на западе бездонно и темно В нем нет ни дверей, ни окон, ни света, чтобы осветить его, ни северного ветра, чтобы освежить сердце. Солнце не встает там, но они вечно лежат во тьме. . Страж был взят в Страну Бесконечности.

Обитающие на Западе отсечены, и жизнь их презренна; омерзительно присоединиться к ним Невозможно описать их существование: вовеки покоятся они во тьме.

Henri Frankfort, *Ancient Egyptian Religion*, New York, Columbia University Press, 1948

ПУТИ В ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

171

ПОСВЯЩЕННЫМ В ОРФИКО-ПИФАГОРЕЙСКОЕ БРАТСТВО ОТКРЫВАЕТСЯ ПУТЬ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР

(Погребальные золотые пластинки)

[Пластинка из Петелии, Южная Италия, IV—III вв. до н. э.]

Слева от дома Аида ты найдешь родник,
А рядом с ним — белый кипарис.
К этому роднику не подходи.
Но ты найдешь другой, из Озера Памяти
Струящуюся холодную воду, а перед ним — стражи
Скажи: «Я сын Земли и звездного Неба;
Но род мой — от [одного] Неба. Знайте это
Но я иссох от жажды и погибаю. Дайте скорее
Холодной воды, струящейся из Озера Памяти».
И они сами дадут тебе напиться из святого родника,
А затем ты найдешь свой высокий удел среди других героев

[Пластинка из Элевфер на Крите, II в. до н. э.]

Я иссох от жажды и погибаю — но дай мне испить
Из вечно струящегося родника справа, где стоит кипарис
Кто ты?...
Откуда ты? — Я сын Земли и звездного Неба.

[Пластинка из Фурий, Южная Италия, IV—III вв до н э]

Но как только дух покинет свет солнца,
Иди направо, пока не придешь, но будь весьма осторожен.

Здравствуй, отстрадавший. Так ты не страдал никогда прежде.
Ты стал богом из человека.
Козленок, ты попал в молоко.
Здравствуй, здравствуй, прошедший правым путем
По святым лугам и рощам Персефоны.

[Три другие пластинки из Фурий, датируемые примерно тем же временем, что и предыдущая.]

Я прихожу от чистой, чистой Царицы подземных.
Евклей и Евбулей, другие боги и демоны:
Я заверяю, что принадлежу к вашему благословенному роду.
Я понес наказание за несправедливое дело,
Судьба ли повергла меня или бессмертные боги
Или... перуном.
Я выскользнул из скорбного, утомительного круга.
Я прошел быстрой стопой к желанному венцу.
Я погрузился в лоно Владычицы, Царицы подземного мира.
И ныне я прихожу просителем к святой Персефоне,
Чтобы милостью своей она направила людей к престолам Чтимых.
Счастливый и благословенный, ты стал богом, а не смертным.
Козленок, я упал в молоко.

W.K.C. Guthrie, *Orpheus and Greek Religion*, London, 1935 pp. 172–173

См. также тексты 148–155.

172
ИРАНСКИЙ ЗАГРОБНЫЙ МИР: ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОСТ ЧИНВАТ И ПУТИ НА НЕБО И В ПРЕИСПОДНЮЮ

(«Меног и Храт», I, 71–122)

По представлениям зороастрийцев, душа умершего пребывает рядом с телом три дня. На четвертый день она предстает на суд на мосту Воздаяния (мосту Чинват), где «праведный» Рашн беспристрастно взвешивает ее добрые и злые деяния. Если добрые дела перевешивают, душе дозволяется взойти на небо; если, напротив, преобладают злые дела, то ее утаскивают в преис-

поднюю. Но для зороастрийцев преисподняя не вечна. В конце времен, на Страшном Суде, тела воскресают и воссоединяются с душами. Затем совершается последнее вселенское очищение, из которого все люди без исключения выходят незапятнанными и вступают в рай.

(71) Не полагайся на жизнь, так как в конце концов тебя настигнет смерть, (72) и (твой) труп разорвут собаки и птицы, и кости («скелет») упадут на землю, (73) и в течение трех дней и ночей душа будет сидеть у изголовья, (74) а на рассвете четвертого дня она с помощью праведного Сроша, благого Ветра, могущественного Вахрама и при противодействии Аствихада (демона смерти), злого Ветра, *дэвов* Фрезишт и Назишт, злонамеренных действий Хешма, злодея с кровавой дубинкой, (достигнет) страшного высокого моста Чандвар[1], к которому приходят все — и праведный, и грешный. И там произойдет много споров, (75) а в желании зла Хешм с кровавой дубинкой и Аствихад, что пожирает все творения, не знают насыщения. (76) И (это случится) при посредничестве Михра, Сроша и Рашна и взвешивании, что (осуществляет) справедливый Рашн на небесных весах и («который») не наклоняет их ни в какую сторону ни для праведных, ни для грешных, ни для господ, ни для правителей, (77) так что он не изменит (склонение весов) ни на волос и не замыслит вреда. (78) А к тому, кто господин, правитель и *рат*[2], он относится так же справедливо, как и к человеку незначительному.

(79) И когда душа праведного проходит по этому мосту, этот мост становится шириной в один *фрасанг*[3], (80) и эта душа праведного проходит (его) с помощью Сроша. (81) И то, что является его (т. е. праведного) благими деяниями, выходит ему навстречу в образе девушки, которая красивее и лучше всех девушек в мире. (82) И душа праведного говорит: «Кто ты («Кем ты можешь быть»), что я никогда не видела в мире девушку красивее и лучше тебя?» (83) В ответ этот девичий образ говорит: «Я не девушка, а твои благие деяния, о юноша с благими мыслями, благими речами, благими деяниями и благой верой! (84) Так как, когда ты видел в мире почитание *дэвов*, то ты воздерживался (от него) и почитал богов. (85) И когда ты видел, что кто-то притеснял, грабил, обижал и оскорблял хорошего человека и преступным образом захватывал (его) богатство, то ты удерживал его от притеснения и грабежа людей («творений»). (86) И ты думал о хорошем человеке, давал (ему) приют и принимал (его), и давал подаяние тому, кто пришел из близких мест или же издалека. (87) И ты обретал богатство честным путем. (88) И когда ты видел, что (надо) вынести лживый приговор, дать взятку и принести ложные показания, то ты отстранился (от этого) и твоя речь (была) правдивой и искренней. (89) Я есмь те твои добрые мысли, добрые слова и добрые деяния,

которые тобой подуманы, сказаны и сотворены, (90) так как если я была уважаема, то тобою таким образом я сделана еще более уважаемой, и если я была ценна, то тобою таким образом я сделана еще более ценной, и если я была восхитительна, то тобою таким образом я сделана еще более восхитительной».

(91) И когда она (т. е. душа праведного) идет оттуда дальше, то ей встречается ароматный ветер, который ароматнее всех ароматов. (92) Душа праведного спрашивает Сроша: «Что это за ветер, что я никогда не встречала («не соприкасалась») в мире такого ароматного ветра?» (93) Тогда праведный Срош отвечает той праведной душе: «Этот ветер, что такой благоуханный, — из рая».

(94) Затем первым шагом он (т. е. праведный) поднимается на (небо) благой мысли, вторым — благого слова, третьим — благого дела. Четвертым шагом он достигает неба бесконечного света всеблагого. (95) и все боги и *амахраспанды*[4] выходят ему навстречу и спрашивают его: «Как ты пришел из того опасного, страшного и очень злого мира в этот мир безопасный и защищенный? Кто ты, о юноша с благими мыслями, благими словами, благими делами и благой верой?»

(96) Тогда говорит господь Ормазд: «Не спрашивайте его, ибо, отделенный от того, что (было) дорогим телом, он пришел этой опасной дорогой. (97) И принесите ему лучшее из яств, то есть масло *маозаръм*[5], чтобы его душа отдохнула от того моста, (длиною) в три ночи, на который она ступила, (спасаясь) от Аствихада и других *дэвов*. (98) И усадите его на («полностью») разукрашенный трон». (99) Как известно, праведным мужчине и женщине после (их) смерти приносят лучшее из яств небесных богов, и прежде всего масло *майбōзаръм*, и усаживают их на («полностью») разукрашенный трон, (100) так что они пребывают — навсегда и навечно — во всеблаженстве, навеки с небесными богами.

(101) А когда умирает грешный, то его душа трое суток блуждает вокруг головы этого грешника и плачет: «Куда мне идти? Что мне сделать убежищем?» (102) И всякую вину и грех, что он свершил в этом мире, он видит в эти трое суток. (103) А на четвертый день приходит *дэв* Визарш и связывает душу грешника самыми ужасными способами. И при противодействии праведного Сроша он ведет ее на мост Чандвар, (104) и тогда праведный Рашн обвиняет душу грешника в греховности.

(105) Затем *дэв* Визарш хватает эту душу грешника, безжалостно и жестоко бьет ее и мучает. (106) И душа грешника громко плачет и рыдает. сильно умоляет и просит, страстно («много») борется за жизнь, (но) безуспешно (?). (107) И так как ее борьба и просьбы не помогают и никто ни из благочестивых, ни из *дэвов* не придет ей на помощь, то («но») *дэв* Визарш в злобе тащит ее в самый нижний (?) ад.

(108) И тогда девица, которая не похожа на (других) девушек, выйдет (ей) навстречу, (109) и душа нечестивого скажет этой злой девице: «Кто ты, что я никогда не видела в мире девицы хуже и страшнее тебя?» (110) В ответ она («ей») говорит: «Я не девица, а твои дела, о страшилище со злыми мыслями, злыми речами, злыми делами и злой верой! (111) Потому что, даже когда ты (т. е. грешник) видел почитание богов, то ты и тогда воздерживался (от него) и поклонялся *дэвам* и демонам. (112) И даже когда ты видел, что (следует) дать приют и принять хорошего человека, дать подаяние (тому), кто пришел из близких (мест) или же издалека, то и тогда ты оскорблял и унижал хорошего человека, не давал подаяние и даже закрывал (перед ним) дверь. (113) И когда ты видел, что надо вынести справедливый приговор, не дать взятку, принести правдивые показания и сказать искреннюю речь, то и тогда ты отстранился (от этого), вынес лживый приговор, дал ложные показания и сказал подлую речь».

<...> (116) Затем первым шагом он (т. е. грешник) вступает (на небо) злой мысли, вторым — злого слова, третьим — злого дела, а с четвертым шагом он оказывается перед лживым Злым духом и другими *дэвами*. (117) И *дэвы* насмехаются и издеваются над ним, мол: «Каковы были твое неудовольствие и неудовлетворенность господом Ормаздом, *амахраспандами*, благоуханным и блаженным раем, что ты надумал увидеть Ахримана, *дэвов* и темный ад, где мы учиним тебе зло. не пощадим (тебя) и ты в течение долгого времени будешь видеть зло?»

(118) А Злой дух рычит на *дэвов*: «Не спрашивайте его, ибо, отделенный от того, что (было)» дорогим телом, он пришел этим ужаснейшим путем. (119) И принесите ему самую грязную и ужасную пищу, которую употребляют в аду».

(120) И приносят отраву, змеиный яд, скорпионов и прочих вредных тварей, что (находятся) в аду, и дают ему есть. (121) И вплоть до воскрешения мертвых и конечного воплощения (ему) надлежит пребывать в аду во зле и различных наказаниях. (122) И (это) прежде всего — еда, которую там придется есть, а она — не что (иное), как (нечто) напоминающее кровь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Более употребительная форма этого названия — Чинват. Слово «Чандвар» можно перевести как «качающаяся дорога». — *Прим. ред.*

[2] *Раты* — главы («судьи») каждого класса живых существ и предметов. — *Прим. ред.*

[3] «*Фрасанг* — мера, равная тому, на сколько дальнозоркий взглянет, увидит (вьючное животное) и поймет, черное оно или белое, а другой признает, что (это) так» («Бундахишн», гл. XXVII [с 59], пер. О. М. Чунаковой) — *Прим. ред.*

[4] *Амахраспанды* — «бессмертные святые», шесть божеств, порожденных Ормаздом — *Прим ред.*

[5] *Майбōзаръм*— в «Авесте» название божества первого времени года (весны), а здесь — название масла (или вина?), подаваемого в качестве «весенней» пищи (напитка?) умершему на его пути в потусторонний мир. — *Прим. ред.*

«Дадестан Меног-и храд» («Суждения Духа разума»), пер О М Чунаковой *Зороастрийские тексты.* — М , 1997 с 84—88

173

СИБИРСКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ (НАНАЙЦЫ): ШАМАН ПРОВОЖАЕТ ДУШУ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР

У нанайцев имеется два погребальных обряда: *нимган*, который длится семь дней или даже больше (два месяца) после смерти, и *касатаври*, великая церемония, справляемая через некоторое время после первой; в конце ее душа уводится в подземный мир. Во время *нимгана* шаман входит в дом умершего со своим бубном, ищет душу, захватывает ее и заставляет войти ее в своего рода подушку (*фанья*). За этим следует пир, в котором участвуют все родичи и друзья умершего, присутствующего в *фанье*; шаман подносит ему крепкий спиртной напиток. *Касатаври* начинается таким же образом. Шаман облачается в свой наряд, берет бубен и отправляется на поиски души поблизости от юрты. Все это время он пляшет и перечисляет тяготы пути в подземный мир. Наконец он захватывает душу и приносит ее в дом, где вводит ее в *фанью*. Пир продолжается до поздней ночи, а оставшаяся пища бросается шаманом в огонь. Женщины вносят в юрту ложе, шаман кладет на него *фанью*, накрывает ее одеялом и велит умершему спать. Затем он укладывается и засыпает в юрте сам.

На следующий день он снова надевает свой наряд и будит покойника ударяя в бубен. Начинается новый пир, и ночью (ибо церемония может продолжаться несколько суток) он снова кладет *фанью* на ложе и укрывает ее. Наконец однажды утром шаман начинает петь и, обращаясь к умершему, советует ему побольше есть, но пить поменьше, так как путь в подземный мир чрезвычайно труден для пьяного. На закате совершаются приготовления к отходу. Шаман поет, пляшет и вымазывает лицо сажей. Он призывает духов-помощников и умоляет их вести его и умершего

на той стороне. На несколько минут он выбегает из юрты, карабкается вверх по дереву, снабженному насечками и стоящему неподалеку; отсюда он обозревает дорогу в подземный мир. (Фактически, он взобрался на Мировое Древо и находится на вершине мира.) В то же время он видит множество других вещей: обильный снегопад, успешную охоту и рыбалку и т. д.

Возвращаясь в юрту, он призывает на помощь двух могучих духов-охранителей: *бутчу*, одноногое чудовище с лицом человека и перьями, и *кори*, длинношеюю птицу. Без помощи этих двух духов шаман не сможет вернуться из подземного мира; самую трудную часть обратного пути он проделывает, сидя на спине *кори*.

После того как камлание истощит его до предела, он садится лицом к западу на доску, изображающую нарты. *Фанья* с душой умершего и корзинка с едой ставятся рядом с ним Шаман просит духов пристегнуть собак к саням, а «помощника» составить ему компанию в пути. Несколько мгновений спустя он отправляется в страну мертвых.

Напевы, которые он бормочет, и слова, которыми он обменивается со «слугой», позволяют проследить его маршрут. Поначалу дорога легка, но чем ближе страна мертвых, тем больше трудностей. Путь преграждает широкая река, и только хороший шаман способен переправить своих спутников и сани на другой берег. Некоторое время спустя он видит знаки человеческой деятельности: следы, пепел, щепки — деревня мертвых неподалеку. Теперь и в самом деле вблизи слышен собачий лай, виден дым, поднимающийся над юртами, появляется первый запряженный олень. Шаман и покойник добрались до страны мертвых. Тут же собираются мертвецы и спрашивают у шамана его имя и имя новичка. Шаман старается не назвать свое настоящее имя; в толпе духов он отыскивает близких родичей умершего, чтобы доверить его им. Передав им душу, он спешит вернуться на землю и по прибытии пространно рассказывает о том, что видел в стране мертвых, и передает впечатления покойника, которого он сопровождал. Каждому из слушателей он передает приветы от умерших родичей и даже раздает маленькие подарки от них. В конце обряда шаман бросает *фанью* в огонь. Все строгие обязательства живущих перед мертвым теперь уничтожены.

M Eliade, *Shamanism Archaic Techniques of Ecstasy*, tr by W Trask, New York, Bollingen Series, pp 210–212, сокращенный пересказ из кн Uno Harva, *Die religiosen Vorstellungen der altaischen Volker*, Helsinki, 1938, pp 334–345.

См. *также тексты 204, 205, 208, 209.*

174
ДОРОГА В СТРАНУ МЕРТВЫХ (ИНДЕЙЦЫ ВИННЕБАГО)

Прежде чем дух покойника начнет путешествие в подземный мир, он получает подробные наставления о неожиданностях и опасностях пути, а также основательно инструктируется о том, как их преодолеть.

Думаю, что ты не ушел далеко: ты здесь, позади меня. Вот табак и во трубка, которые ты должен держать перед собой всю дорогу. Вот огонь и вот еда, приготовленные для твоего путешествия твоими близкими.

Ты должен выступить утром, когда восходит солнце. Ты уйдешь не очень далеко, когда перед тобой возникнет широкая дорога. По ней ты и должен идти. Тебе кое-что встретится на пути. Возьми свою боевую дубину, нанеси удар и зашвырни это за спину. Продолжай идти и не оглядывайся. Продвигаясь все дальше, ты снова наткнешься на некое препятствие. Нанеси удар, зашвырни это за спину и не оглядывайся. Дальше ты столкнешься с какими-то животными — ты должен поразить их и зашвырнуть за спину. Продолжай путь и не оглядывайся. Предметы, которые ты швыряешь за спину, достанутся твоим близким, которых ты оставляешь за собой на земле. Они означают победу на войне, богатство и мясо для пропитания.

Ты недалеко уйдешь от того места, где ты бросал животных за спину, и тут перед тобой возникнет круглый вигвам, там ты встретишь старуху. Она расскажет тебе, что делать дальше. Она спросит тебя: «Внучек, как тебя зовут». Ты должен ответить ей. Затем ты должен сказать: «Бабушка, когда я только собирался покинуть землю, мне вручили эти предметы [трубку, табак и пищу], чтобы я мог действовать как посредник между тобой и людьми». Затем вложи черенок трубки в старухин рот и скажи: «Бабушка, все мои близкие осиротели — мои родители, братья и все остальные. Поэтому я хочу, чтобы они одержали победу и получили почести на войне. Вот чего я хотел, покидая их в унынии на земле. Я хочу, чтобы всю их жизнь у них было то, что я оставил за собой на земле. Вот о чем они просили. А еще они просили меня, чтобы им не пришлось пойти этой дорогой еще какое-то время. Они также просили, чтобы их благословили всем тем, что обычно есть у людей на земле. Они хотели, чтобы я просил тебя об этом, когда я только покидал землю. Они наказали мне пройти по четырем ступеням с голубыми отметинами, бабушка». — «Хорошо, внучек. Ты молод, но мудр. Хорошо. Я приготовлю тебе поесть».

Так она ответит тебе, а затем поставит котел на огонь и сварит тебе риса. Ты поешь, и у тебя заболит голова. Тогда она скажет: «Внучек, у тебя

болит голова, давай я тебе пущу кровь». Она вскроет тебе череп, вынет твой мозг, и ты совсем забудешь о твоем народе на земле и о том, откуда ты пришел. Ты перестанешь беспокоиться о близких. Ты превратишься в святой дух. Твои мысли не будут достигать до земли, ибо в тебе не останется ничего плотского.

Рис, который отварит тебе старуха, окажется на самом деле вшами. Поэтому в тебе не останется ничего злого. Затем ты продолжишь путь по четырем упомянутым раньше ступенькам, которые будут отмечены голубой глиной. Ты должен будешь пойти по ним, ибо здесь дорога раздваивается. Там будут все родичи, которые умерли до тебя. Продолжая путь, ты подойдешь к огню, который протянулся через всю землю — от одного конца до другого. Над ним будет мост, но пройти по нему трудно, ибо он все время раскачивается. Однако ты пройдешь по нему невредимым, так как рядом с тобой будут все проводники, о которых тебе говорили воины. Они переправят тебя и позаботятся о тебе.

Вот мы рассказали тебе о хорошей дороге, которой ты должен идти. Если кто-то скажет ложь о дороге духов, то ты упадешь с моста и сгоришь. Но не беспокойся, потому что ты перейдешь через него невредимым. Дальше тебе выйдут навстречу духи: они проводят тебя в деревню, где живет вождь. Ты отдашь ему табак и попросишь о тех вещах, о которых мы говорили тебе, — о тех же самых, о которых ты просил старуху. Там ты встретишься со всеми родичами, что умерли прежде тебя. Они будут жить в большом вигваме. Туда ты должен вступить.

Paul Radin, *The Winnebago Tribe*, in Thirty-eighth Annual Report, Bureau of American Ethnology, Washington, D C , 1923, pp. 143–144

175

ДОРОГА В МИР ДУШ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ТОМПСОНОВСКИХ РЕЧНЫХ ИНДЕЙЦЕВ (БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ)

Страна душ находится под нами, в той стороне, где заходит солнце; тропа проходит через тусклые сумерки. Видны следы людей, прошедших по ней последними, и их собак. Тропинка петляет до тех пор, пока не выходит на другую дорогу: это путь напрямик, которым пользуются шаманы, когда они пытаются перехватить ушедшую душу. Здесь тропа становится более прямой и ровной; она раскрашена охрой. Немного дальше она сворачивает на запад, спускается по длинному покатому хол-

му и обрывается у широкой мелкой реки с очень чистой водой. Через нее проложено длинное тонкое бревно, на котором видны следы душ. Перейдя на другую сторону, путник снова оказывается на тропе, которая поднимается на вершину, где свалена огромная груда одежды — это то, что души принесли с собой из земли живых и что они должны оставить здесь. Начиная отсюда, тропа идет по ровному месту, а вокруг постепенно светлеет. Три стража охраняют эту дорогу, по одному на берегах реки, а третий — в конце тропинки; их обязанность — возвращать назад души, которым еще рано вступать в страну мертвых. Некоторые души проходят мимо двух стражей, но третий, самый главный из стражей, отсылает их обратно; иногда третий страж отправляет с возвращающимися душами весточку живым. Все стражи очень старые, седоголовые, мудрые и почтенные. В конце тропы стоит большой вигвам, похожий на холм, с входами на восточной и западной сторонах, с двойным рядом протянувшихся через него огней. Когда скончавшиеся друзья ожидают душу умершего, они собираются здесь и говорят о его смерти. Когда умерший достигает входа, он слышит, что по другую сторону говорят, смеются, поют и бьют в барабаны. Некоторые стоят у входа, приветствуя его и называя по имени. Вошедший видит простершуюся перед ним большую страну. До него доносится благоухание цветов, он видит повсюду густые травы и кусты, отягощенные спелыми ягодами. Воздух приятен и тих, здесь всегда светло и тепло. Больше половины людей танцуют и поют под аккомпанемент барабанов. Все наги, но, видимо, этого не замечают. Люди рады видеть новичка, поднимают его на свои плечи, бегают с ним и громко шумят.

H.B. Alexander, *North American Mythology*, Boston, 1916. pp. 147–149; пересказ отрывка из кн. James Teit, *Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia*, Boston and New York, 1898.

176

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ДЕДА: ВЕРОВАНИЕ ГУАРАДЖУ (ВОСТОЧНАЯ БОЛИВИЯ)

Вскоре после похорон освобожденная душа умершего начинает долгое и опасное путешествие в страну мифического предка Тамои, или Деда, который живет где-то на западе. Сначала она должна выбирать из двух дорог. Одна — широкая и легкая. Другая — узкая и густо заросшая сорной травой и табаком, но душа — если она была великодушна и

отважна — выбирает именно ее. Вскоре душа приходит к большой реке, через которую следует переправиться на спине свирепого аллигатора. Аллигатор перевезет душу только в том случае, если та умеет произнести заклятие аллигатора, ритмично постукивая своим бамбуковым посохом. Затем она подходит к другой реке, которую можно пересечь, только запрыгнув на бревно, которое на огромной скорости курсирует туда-сюда между двумя берегами. Если душа не удержится на бревне, то ее разрывают на куски хищные рыбы. Вскоре после этого она приближается к жилищу Идзои-тамои, Деда Червей, который издалека выглядит огромным, но по мере приближения становится все меньше и меньше. Но если умерший был плохим человеком, все происходит наоборот: Дед Червей вырастает в гиганта и рассекает грешника на две части. Затем душа должна пройти через мрак, где она освещает себе путь зажженным пучком соломы, который родственники положили в могилу. Однако она должна нести факел за спиной, иначе пламя потушат огромные летучие мыши. Когда душа подойдет к прекрасному дереву *сейба*, унизанному колибри, она омывается в ручье и подстреливает несколько птиц, не причиняя им боли; и обрывает их перья для головного убора Тамои. Затем душа ударяет о ствол дерева, извещая родичей о своем приходе. Следующим препятствием являются Итакару — две сталкивающиеся скалы, преграждающие дорогу. Камни оставляют для души узкий проход, если она знает, как к ним обратиться.

На перекрестке душу проверяет гриф, удостоверяющийся в том, что, как и подобает доброму гуараджу, у нее проколоты губы и уши. Если это не было сделано, то птица указывает неверный путь. На пути душу подстерегают еще два испытания: ее будет щекотать обезьяна, и она должна удержаться от хохота; она должна пройти мимо магического дерева, не вслушиваясь в доносящиеся с него голоса и даже не посмотрев на него. Это дерево знает все о прежней жизни души. Чтобы противостоять этим искушениям, душа колотит о землю своим посохом. Следующая опасность — разноцветная трава, ослепляющая душу и сбивающая ее с пути. Наконец, душа выходит на широкую дорогу, по краям которой растут цветущие деревья, унизанные певчими птицами; это знак того, что она достигла земли Деда. Она объявляет о своем приходе, стуча о землю бамбуковым посохом. Дед встречает душу приветливыми словами и омывает ее волшебной водой, которая возвращает ей молодость и красоту. С этого момента душа живет счастливо, пьет чичу и выполняет обычные обязанности своей прежней жизни.

Alfred Métraux, *The Native Tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso*, Bureau of American Ethnology, Bulletin 134, Washington, D.C., 1942, pp. 105–106.

177

ПОЛИНЕЗИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАГРОБНЫЙ МИР

Эта история... была рассказана господину Шортленду [Эдварду Шортленду, на чьем сообщении основывается этот рассказ] его слугой по имени Те Вхаревера. У этого человека умерла тетка, жившая в одинокой хижине у берегов озера Роторуа. Ее, как знатную даму, оставили в хижине, дверь и окна накрепко закрыли, а жилище не тронули, так как ее смерть сделала его табу. Но день или два спустя, когда Те Вхаревера проплывал рано утром со своими спутниками в каноэ мимо этого места, он увидел фигуру на берегу, знаками подзывавшую их к себе. То была его тетка, вернувшаяся к жизни, но только ослабевшая, замерзшая и голодная. Приведенная в себя их своевременной помощью, она рассказала свою историю. Покинув тело, ее дух полетел к Северному мысу и прибыл ко входу в Реигну. Там, держась за вьющийся стебель *акеаке*, она спустилась в пропасть и очутилась на песчаному берегу реки. Оглянувшись по сторонам, она заметила вдалеке огромную птицу, выше человека ростом, стремительно сокращавшую расстояние между ними. Это ужасное создание так ее напугало, что сначала она подумала о том, не подняться ли ей назад по крутому обрыву; но, увидев старика, который плыл в небольшом каноэ, она подбежала к нему и так ускользнула от птицы. Благополучно переправившись на другой берег и назвав имя своей семьи, она спросила старого Харона, где живут духи ее родичей. Идя по дороге, которую указал ей старик, она с изумлением обнаружила, что по такой же дороге она ходила на земле; виды окрестностей, деревья, кусты и поля были ей хорошо знакомы. Она подошла к деревне и среди собравшейся толпы нашла отца и многих других близких родственников; они приветствовали ее заунывной песней, с которой маори всегда обращаются к людям, увиденным после долгой разлуки. Но когда отец начал расспрашивать ее о живых родственниках и особенно о ее ребенке, он сказал ей, что она должна вернуться на землю, потому что там не осталось никого, кто позаботится о его внуке. По его приказу она отказалась прикасаться к пище, которую предлагали ей мертвые люди, и не обращая внимания на их попытки ее удержать, отец благополучно провел ее к каноэ, переплыл с ней на другой берег и на прощание дал ей два огромных батата, чтобы она посадила их дома специально для его внука. Но когда она снова стала карабкаться по обрыву, за ней вдогонку помчались два духа младенцев, и ей удалось ускользнуть только тогда, когда она бросила им корнеплоды: они остановились, чтобы их съесть, а она поднялась на скалу по стеблю *акеаке*. Достигнув земли, она полетела туда, где оставила свое тело. Вернувшись к жизни, она обнаружила, что находится в

темноте, а случившееся показалось ей сном, пока она не поняла, что ее покинули, плотно закрыв дверь, и решила, что она действительно умерла и воскресла. На заре сквозь щели в стенах стал пробиваться свет, и она увидела на полу рядом с собой тыкву-горлянку, частично наполненную красной охрой, смешанной с водой; она с жадностью выпила все до капли и, почувствовав себя немного лучше, сумела открыть дверь и добраться до берега, где ее и нашли друзья. Слышавшие ее рассказ были твердо убеждены в невыдуманности ее приключений, но очень сожалели о том, что она не принесла с собой хотя бы один огромный батат в подтверждение ее пребывания в стране духов.

Sir Edward Burnett Tylor, *Religion in Primitive Culture*, New York, Harper Torchbook, 1958, pp 136—138, выдержка из кн Edward Shortland, *Traditions and Superstitions of the New Zealanders*, London, 1854, pp 150 ff Первое издание книги Тэйлора носило название «Первобытная культура».

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ

178

«...ЕСТЬ И В АИДОВОМ ДОМЕ ПОДЗЕМНОМ ДУХ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ...»

(Гомер, «Илиада», XXIII, 62–81, 99–108)

Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня, пред высокой стеной Илиона.
Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
Стала душа над главой и такие слова говорила:
«Спишь, Ахиллес? неужели меня ты забвению предал?
Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?
О! погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!
Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
Мне предназначенный жизнью, меня поглотил невозвратно.
Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть! .»
Рек, — и жадные руки любимца обнять распростер он;
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,

И руками всплеснул, и печальный так говорил он:
«Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!
Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Все мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

Перевод Н И. Гнедича

179

«... АСФОДИЛОНСКИЙ ЛУГ, ГДЕ ВОЗДУШНЫМИ СТАЯМИ ДУШИ УМЕРШИХ ЛЕТАЮТ...»: МИР ИНОЙ У ГОМЕРА

(Гомер, «Одиссея», XXIV, 1–18)

Эрмий тем временем, бог киллений ский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, —
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают
Первая им повстречалася тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.

Перевод В А Жуковского (Гомер Одиссея — М Художественная литература, 1986, с 242–243)

180

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЛАЗАМИ РИМЛЯН: СОН СЦИПИОНА

(Цицерон, «О государстве», VI, 14–26)

«Сон Сципиона» завершает цицероновский трактат «О государстве», написанный, по всей вероятности, в 54 г. до н. э. Время действия диалога — Латинские праздники 129 г. до н. э., место действия — сады Сципиона Африканского Младшего. Сципион рассказывает сон, в котором он видел своего деда Сципиона Африканского Старшего. «Когда я его узнал, я содрогнулся от страха, но он сказал: «Смелей, Сципион, не робей, но тщательно запоминай то, что я тебе скажу».

(14) В этот момент я был очень напуган, страшась не столько смерти, сколько коварства моих ближних. Все же я [продолжал и] спросил Африкана, жив ли он, а также жив ли мой отец Павел и другие, которых мы считаем умершими.

«Конечно, они живы, — ответил он. —Они освободились от уз тела, словно вырвались из темницы. Ваша так называемая жизнь [на земле] — это в действительности смерть. Разве ты не видишь своего отца Павла, который подходит, чтобы встретиться с тобой?»

Увидев отца, я не выдержал и заплакал. Но он обнял меня, поцеловал и велел мне осушить слезы. (15) Как только я совладал со своим горем и мог говорить, я начал: «Почему, о лучший и безупречнейший из отцов, если [только] здешняя жизнь заслуживает этого имени, как только что я слышал от Африкана, почему я должен жить мертвой жизнью на земле? Почему я не могу поспешить, чтобы соединиться с тобой здесь?»

«Нет, не можешь, — отвечал он. — Пока Бог, чьим храмом является все видимое мироздание, не освободит тебя из темницы тела, ты не можешь получить доступ сюда. Людям дана жизнь ради возделывания небесного тела под названием Земля, которую ты видишь в центре этого храма. Каждый из них получил душу, [искорку] от этих вечных огней, которые вы называете звездами и планетами, имеющих округлую и шаровидную форму и одушевляемых божественным разумом; с поразительной быстротой вращаются они на своих установленных орбитах. Посему, как и все богобоязненные люди, Публий, ты должен оставить душу на страже тела, и не должен покидать жизнь на Земле, пока тебя не призовет тот, кто дал ее тебе; иначе ты окажешься нарушителем долга, предначертанного Богом человеку.

(16) Но, Сципион, как этот твой дед, как я, твой отец, поддерживай справедливость и чувство долга [*pietas*], которые важны не только по отношению к родителям и родственникам, но и еще больше по отношению к родине. Такая жизнь [посвященная служению родине] — это прямой путь на небо, в общество тех, кто завершил свою земную жизнь и был освобожден от тела, а теперь обитает в месте, которое ты видишь вон там (он указал на ослепительно блиставшую окружность, сверкавшую среди звезд) и которое вы, заимствовав название у греков, называете Млечным Путем»

С этого высокого наблюдательного пункта все казалось мне удивительным и прекрасным. Я видел звезды, которые не видны с Земли, а их размеры были куда больше, чем мы могли подозревать. Самой меньшей из них была самая дальняя от Неба и ближайшая к Земле, та, что светит чужим светом [Луна]. Звезды были куда больше, чем Земля. И действительно, последняя казалась столь маленькой, что я испытал унижение вместе с нашей империей, которая не более чем точка на поверхности земного шара...

(18) Оправившись от изумления перед этим грандиозным зрелищем и придя в себя, я спросил: «Скажи, что это за громкая сладостная гармония наполняет мой слух?»

Он ответил: «Эта музыка создается под воздействием движения самих этих сфер. Неравные интервалы между ними подчиняются строгой пропорции, так что высокие ноты согласно смешиваются с низкими, порождая многообразные сладостные гармонии. Разумеется, столь грандиозные вращения не могут совершаться с такой скоростью и в тишине, и вполне естественно, что в одной ее части рождаются низкие тона, а в противоположной — высокие. Соответственно, высшая сфера неба, которая несет звезды и вращается быстрее, производит высокий пронзительный звук, тогда как нижняя сфера, сфера Луны, вращается с самым низким звуком. Земля, конечно, или девятая сфера, остается неподвижной в центре вселенной. Но другие восемь сфер, две из которых вращаются с одинаковой скоростью, производят семь различных звуков — между прочим, это число является ключом почти ко всему. Люди опытные воспроизводят эту небесную музыку на струнных инструментах, открывая тем самым себе возвращение в эту небесную область, подобно тем выдающимся людям, которые проводят свою жизнь на Земле в изучении божественных вещей»...

(26) «Да, ты должен стараться из всех сил, — ответил он. — И будь уверен, что смертен не ты, а твое тело; и не тебя представляет твой внешний облик. Не телесный образ, на который можно показать пальцем, а твой дух — вот твое истинное «я». Таким образом, познавай себя, чтобы быть богом, если бог и в самом деле существо, которое живет, чувствует, помнит и предвидит, которое ведет, направляет и движет тело, над которым

оно поставлено, подобно тому, как высший Бог над нами правит этим миром. И, как этот вечный Бог движет вселенную, которая отчасти подвержена смерти, так и вечный дух движет хрупкое тело...»

F Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion paperbook series, New York, 1957, pp 147–156

181

ЭМПЕДОКЛ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

(Фрагменты 115, 117, 118)

Есть оракул Необходимости, древнее постановление богов, вечное, скрепленное широкими клятвами: если кто из полубогов, чей удел долгая жизнь, преступно осквернит свои члены кровопролитием или, повинуясь вражде, принесет ложную клятву, тридцать тысяч лет блуждает он вдали от блаженных, перерождаясь в это время во всевозможные смертные создания, сменяя одну гибельную стезю на другую. Мощь воздуха загоняет его в море, море извергает его на сушу, земля отбрасывает его под лучи жаркого солнца, а солнце — в вихри воздуха. Его принимают одна стихия за другой, но всем он ненавистен. И я один из них, изгнанник из общества богов и скиталец, доверившийся яростной вражде. (115)

Я вскричал и заплакал, увидев незнакомое место. (118)

Ибо был я уже мальчиком и девочкой, кустом и птицей и немой морской рыбой. (117)

G S Kirk, J E Raven, *The Presocratic Philosophers*, Cambridge, 1957

182

ПЛАТОН О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ: МИФ ОБ ЭРЕ

(«Государство», X, 614b–615c)

Я передам тебе не Алкиноево повествование, а рассказ одного отважного человека, Эра, сына Армения, родом из Памфилии. Однажды он был

убит на войне; когда через десять дней стали подбирать тела уже разложившихся мертвецов, его нашли еще целым, привезли домой, и когда на двенадцатый день приступили к погребению, то, лежа уже на костре, он вдруг ожил, а оживши, рассказал, что он там видел.

Он говорил, что его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то чудесному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти направо, вверх на небо, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым — идти налево, вниз, причем и эти имели — позади — обозначение всех своих проступков. Когда дошла очередь до Эра, судьи сказали, что он должен стать для людей вестником всего, что здесь видел, и велели ему все слушать и за всем наблюдать.

Он видел там, как души после суда над ними уходили по двум расселинам — неба и земли, а по двум другим приходили: по одной подымались с земли души, полные грязи и пыли, а по другой спускались с неба чистые души. И все, кто бы ни приходил, казалось, вернулись из долгого странствия: они с радостью располагались на лугу, как это бывает при всенародных празднествах. Они приветствовали друг друга, если кто с кем был знаком, и расспрашивали пришедших с земли, как там дела, а спустившихся с неба — о том, что́ там у них. Они, вспоминая, рассказывали друг другу — одни, со скорбью и слезами, сколько они чего натерпелись и насмотрелись в своем странствии под землей (а странствие это тысячелетнее), а другие, те, что с неба, о блаженстве и о поразительном по своей красоте зрелище.

Но рассказывать все подробно потребовало бы, Главкон, много времени. Главное же, по словам Эра, состояло вот в чем: за всякую нанесенную кому-либо обиду и за любого обиженного все обидчики подвергаются наказанию в десятикратном размере (рассчитанному на сто лет, потому что такова продолжительность человеческой жизни), чтобы пеня была в десять раз больше преступления. Например, если кто стал виновником смерти многих людей, предав государство или войско, и многие из-за него попали в рабство или же если он был соучастником в каком-нибудь другом злодеянии, за все это, то есть за каждое преступление, он должен терпеть десятикратно бо́льшие муки. С другой стороны, кто оказывал благодеяния, был справедлив и благочестив, тот вознаграждался десятикратно согласно заслугам.

Что Эр говорил о тех, кто, родившись, жил лишь короткое время, об этом не стоит упоминать. Он рассказывал также о еще большем воздаянии за непочитание — и почитание — богов и родителей и за самоубийство.

Перевод А Н Егунова (Платон Собрание сочинений т III — М Мысль, 1994, с 413–414)

183

ПЛАТОН О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

(«Менон», 81b–c)

МЕНОН. Но что же именно и кто говорил тебе?

СОКРАТ. Говорили мне те из жрецов и жриц, которым не все равно, сумеют ли они или не сумеют дать ответ насчет того, чем они занимаются. О том же говорят и Пиндар и многие другие божественные поэты. А говорят они вот что (смотри, правда ли это): они утверждают, что душа человека бессмертна, и, хотя она то перестает жить [на земле] — это и называют смертью, — то возрождается, но никогда не гибнет. Поэтому и следует прожить жизнь как можно более благочестиво:

Кто Персефоне пеню воздаст
За все, чем встарь он был отягчен,
Души тех на девятый год
К солнцу, горящему в вышине,
Вновь она возвратит.
Из них возрастут великие славой цари
И полные силы кипучей и мудрости вящей мужи, —
Имя чистых героев им люди навек нарекут[1].

А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала...

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Пиндар, фрагмент 133.

Перевод С А. Ошерова (Платон Собрание сочинений т. I — М. Мысль, 1990, с 589–590)

См. также тексты 149, 159.

МИФЫ ОБ ОРФЕЕ

184
ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ ОРФЕЙ

Маорийский герой Хуту спустился в подземное царство в поисках души принцессы Паре, которая покончила с собой, не стерпев нанесенного ей оскорбления. Это предание вызывает в памяти нисхождение в Аид Орфея, пытавшегося вернуть душу своей жены Евридики.

Однажды, когда брошенное Хуту копье привело его к дверям Паре, молодой знатной женщины, чье сердце было завоевано искусностью и видом юноши, она призналась ему в любви и восхищении и пригласила войти в дом. Но он отказался и ушел. Обуреваемая стыдом, она «повелела служанкам убрать все в доме и навести порядок. После этого она села в одиночестве и плакала, а потом встала и повесилась». Раскаявшись и страшась народного гнева, Хуту решился спасти ее душу из нижнего мира. Первым делом он сел и запел жреческие заклинания, относящиеся к смерти и жилищу мертвых; затем он встал и двинулся в путь. Он встретил Хинеиуитепо (Великую-госпожу-ночи), правящую в Стране Теней. Злокозненная, как обычно, она указала ему дорогу, по которой идут в нижний мир души собак; но в конце концов он завоевал ее благосклонность, подарив ей палицу просителя, украшенную драгоценным зеленым камнем. Смягчившись при виде подарка, богиня показала ему правильную дорогу, приготовила ему корень папоротника и положила в корзину, в то же время наказав есть поменьше, так как этой еды должно хватить на все путешествие. Если же он отведает пищу нижнего мира, то, вместо того чтобы вернуть дух Паре в мир света, он сам будет обречен навеки остаться в нижних областях. Еще богиня ему посоветовала: «Когда полетишь из этого мира, нагни голову, спускаясь в темный мир; но когда ты окажешься вблизи от нижнего мира, тебе в лицо подует ветер и снова поднимет твою голову, и тогда нужно встать на ноги...» Хуту прибыл в нижний мир целым и невредимым и, расспрашивая, где найти Паре, узнал,

что она «в деревне». Хотя девушка и знала о том, что Хуту явился и разыскивает ее, стыд побудил ее спрятаться. Надеясь выманить ее из дома, он устроил состязания метателей дротика, так как знал, что она любит такие игры. Но она не появлялась. Тогда раздосадованный Хуту сказал остальным: «Принесите очень длинное дерево и обрубите у него ветки». После того как это было исполнено, к верхушке дерева привязали веревку, а крона была притянута к земле людьми, тянувшими веревки. Хуту вскарабкался наверх, посадив на спину мужчину. Тогда Хуту крикнул: «Давайте!» И дерево подбросило молодого храбреца и его товарища высоко в небо. Обрадованные этим представлением, все закричали и возликовали. Этого Паре уже не могла выдержать, и она пришла посмотреть на новую игру. Наконец она сказала: «Подбрось и меня, но я хочу сидеть у тебя на плечах».

Вне себя от радости, Хуту ответил: «Держись за мою шею, Паре!» Верхушку дерева снова пригнули к земле и отпустили по сигналу Хуту, они подлетели к небу с такой силой, что успели закинуть веревки на дно верхнего мира, где те запутались в траве у входа в царство теней. Карабкаясь по веревке с Паре за спиной, Хуту выбрался в светлый мир. Никуда не сворачивая, он пошел туда, где лежало мертвое тело Паре, и дух юной дочери вождя вошел в ее тело, и оно ожило.

J White, *The Ancient History of the Maori*, Wellington, 1887–1890, vol II, pp 164–167, в изложении E S Craighill Handy, *Polynesian Religion*, Bernice P. Bishop Museum Bulletin 34, Honolulu, 1927, pp 81 ff.

185

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ОРФЕЙ: МИФ ЙОКУТОВ ТАЧИ

Миф об «Орфее» популярен также среди североамериканских индейских племен, особенно в западной и восточной частях континента.

У одного тачи была красавица жена, которая умерла и была похоронена. Муж пришел к ее могиле и вырыл подле нее отверстие. Здесь он оставался на страже, не ел, пользовался только табаком. Спустя две ночи он увидел, как она вышла на поверхность, стряхнула с себя землю и отправилась на остров мертвых. Он попытался схватить ее, но удержать не смог. Она пошла на юг, а он последовал за ней. Всякий раз, как он пытался ее схватить, она ускользала. Но он не переставал и задержал ее. На рассвете она остановилась. Он тоже остановился, но потерял ее из виду. Когда

начало темнеть, женщина снова встала и пошла дальше. Она повернула на запад и пересекла озеро Туларе (или его залив). На рассвете он снова попробовал ее схватить, но удержать не смог. Он остался на том же месте, но снова потерял ее из виду. Там была хорошая тропа, и на ней он разглядел следы своих умерших друзей и родичей. Вечером его жена снова поднялась и пошла дальше. Они пришли к реке, текущей на запад к Сан-Луис-Обиспо, — реке туламни (описание подходит Санта-Марии, но туламни находятся в водной системе Туларе, на берегах и над озером Буэна-Виста). Там он нагнал жену, и там они стояли весь день. У него по-прежнему не было еды. Вечером она снова пошла, на этот раз на север. Где-то к западу от земли тачи он снова нагнал ее, и они провели там день. Вечером женщина поднялась, и они пошли на север, через реку Святого Хоакина, к северу или востоку от нее. Он снова поравнялся с женой. Тогда она спросила: «Что ты собираешься делать? Теперь я — ничто. Как ты вернешь мое тело? Ты думаешь, у тебя это получится?» Он ответил: «Думаю, да». Она сказала: «А я думаю, нет. Я направляюсь сейчас совсем в другое место». С рассвета он оставался там. Вечером женщина опять пустилась в путь и пошла вниз по течению реки; но он снова ее настиг. Она с ним не разговаривала. Потом они стояли весь день, а ночью опять пошли. Теперь они были близко от острова мертвых. С сушей его соединял крутой мост, называвшийся *челели*. Под мостом текла быстрая река. По нему проходили мертвецы. Когда они были на мосту, внезапно рядом с ними пронеслась птица и напугала их. Многие попáдали в реку, где превратились в рыб. Тут вождь мертвых сказал: «Кто-то пришел». Ему сказали: «Их двое. Один из них живой; от него воняет». Вождь сказал: «Не давайте ему перейти». Когда женщина пришла на остров, он спросил ее: «Ты со спутником?», и она ответила: «Да, это мой муж». Они спросили: «Ты хочешь прийти в нашу страну?» Он сказал: «Да». Тогда они возразили: «Подожди, мы спросим вождя». Они сказали вождю: «Он говорит, что хочет прийти в нашу страну. Мы думаем, он говорит неправду». — «Хорошо, пропустите его». Тогда они замыслили напугать его на мосту. Они сказали: «Проходи. Вождь говорит, ты можешь перейти». Тогда в воздух поднялась птица (*кача*) и попыталась напугать его, но у нее не получилось сбросить его с моста в воду. Его привели к вождю. Вождь сказал: «Это плохая страна. Ты не должен был приходить. У нас душа (*шит*) только твоей жены. Она оставила свои кости в теле. Не думаю, что мы можем вернуть ее тебе». Вечером они плясали. Это был хоровод, и они кричали. Вождь сказал мужу: «Посмотри на жену среди толпы. Завтра ты никого не увидишь». И вот муж оставался там три дня. Тогда вождь сказал кому-то из людей: «Приведи ту женщину. Ее муж хочет с ней поговорить». Они привели женщину к нему. Он спросил ее: «Это твой муж?» Она ответила: «Да». Он спросил ее. «Думаешь, ты вернешься к нему?» Она ответила:

«Нет. Чего ты хочешь?» Вождь сказал: «Нет. Ты должна остаться здесь Ты не можешь вернуться. Ты теперь никуда не годишься». Затем он сказал мужу: «Ты хочешь спать со своей женой?» Тот ответил: «Да, хоть недолго. Я хочу спать с ней и говорить с ней». Тогда ему разрешили лечь с ней в ту ночь, и они говорили. На рассвете женщина исчезла, и он спал рядом с упавшим дубом. Вождь сказал: «Вставай. Уже поздно» Тот открыл глаза и увидел дуб вместо жены. Вождь сказал: «Ты видишь, мы не можем сделать твою жену такой, какой она была. Сейчас в ней нет ничего хорошего. Лучше тебе вернуться. Там у тебя хорошая страна». Но муж ответил: «Нет, я останусь». Вождь возразил: «Нет, не оставайся. Возвращайся, куда хочешь, но уходи сейчас же». И все равно муж оставался там шесть дней. Тогда он сказал: «Я возвращаюсь». И вот утром он отправился домой. Вождь сказал ему: «Когда придешь, спрячься, а через шесть дней выйди и устрой пляску». И вот муж вернулся. Он сказал родителям «Постройте мне домик. Через шесть дней я выйду и спляшу». И он оставался там пять дней. Тут его друзья разузнали, что он вернулся. «Наш родич вернулся», — сказали все. А тот муж слишком поспешил. Через пять дней он вышел. Он пустился в пляс вечером, и плясал всю ночь, рассказывая, что он видел. Утром, прекратив пляску, он пошел омыться Тут его укусила гремучая змея. Он умер. Так он пошел опять на остров Он теперь там. Это благодаря ему люди знают, где остров. Каждые два дня остров наполняется мертвецами. Тогда вождь собирает народ: «Вы должны плавать», — говорит он. Люди прекращают плясать и омываются Тут птица пугает их, и одни превращаются в рыб, а другие — в уток; лишь немногие выходят из воды, оставшись людьми. Так освобождается место, когда остров переполнен. Того вождя зовут Кандзидзи.

A.L. Kroeber, *Indian Myths of South Central California*. University of California Publications, *American Archaeology and Ethnology*, vol IV, N4 1906–1907, pp 216–218

РАЙ

186
РАЙ МАХАЯНЫ: ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ

(«Сукхавативьюха», главы 15–18)

15. Этот мир Сукхавати, Ананда, являющийся вселенной Господа Амитабхи, богат и процветающ, удобен, плодороден, радостен и полон множеством богов и людей. И в этой вселенной, Ананда, нет ни преисподних, ни зверей, ни призраков, ни асуров, ни всевозможных несчастливых мест нового рождения. И в этом нашем мире никакие драгоценные камни не сравнятся с теми, что существуют во вселенной Сукхавати.

16. И эта вселенная Сукхавати, Ананда, испускает множество благоухающих ароматов, она богата разнообразнейшими цветами и плодами, украшена драгоценными деревьями, на которых гнездятся стаи сладкоголосых птиц, вызванных чудодейственной силой Татхагаты. И эти драгоценные деревья, Ананда, имеют различные расцветки, множество расцветок, много сот тысяч расцветок. Они состоят из различных сочетаний семи драгоценностей — золота, серебра, берилла, хрусталя, коралла, красного жемчуга или изумрудов. Такие драгоценные деревья, и купы банановых деревьев, и ряды пальмовых деревьев — все из драгоценных материалов — растут в стране Будды повсюду. Со всех сторон она окружена золотыми сетями и повсюду усеяна цветами лотоса, состоящими из всех драгоценных материалов. Окружность одних цветов лотоса — полмили, других — до десяти миль. И каждый драгоценный лотос испускает тридцать шесть сот тысяч *коти** лучей. И на конце каждого луча распускаются тридцать шесть сот тысяч *коти* будд с золотистыми телами, на которых тридцать два знака сверхчеловека и которые во всех десяти направлениях входят в бесчисленные вселенные и там являют Дхарму.

Коти (санскр.) — десять миллионов — Прим. ред.

17. И кроме того, Ананда, в этой стране Будды нигде нет никаких гор — черных гор, драгоценных гор, Сумеру, царей гор, круглых гор и великих круглых гор. Но страна Будды повсюду ровная и гладкая, как ладонь, и во всех ее частях почва изобилует всевозможными драгоценными камнями и самоцветами...

18. И множество разных рек протекают во вселенной Сукхавати. Там есть великие реки — в милю шириной и даже в пятьдесят миль шириной, глубиной — двенадцать миль. И эти реки текут кротко, их вода благоухает всевозможными приятными запахами, в них букеты цветов, к которым пристали разнообразные самоцветы, и они оглашаются разнообразными сладостными звуками. И звук, издаваемый этими великими реками, приятностью подобен звуку музыкального инструмента, состоящего из сотен тысяч *коти* частей и издающего небесную музыку в умелых руках. Он глубок повелителен, отчетлив, ясен, радует слух, трогает сердце, веселит, услаждает, он приятен и никогда не утомителен, каждому он по нраву, точно слова «Непродолжительный, мирный, кроткий, отрекшийся от себя». Таков звук достигающий слуха этих существ.

И, Ананда, оба берега тех великих рек усажены различно благоухающими драгоценными деревьями, и с них свисают гроздья всевозможных цветов, листьев и ветвей. И если те существа желают предаться утехам, полным небесных услад, на тех речных берегах, тогда, после того как они вступят в воду, вода всегда поднимается на желаемую высоту — до лодыжек, до колен, до бедер, до боков или до ушей. И начинаются небесные услады. А если они хотят, чтобы вода была холодна, для них она становится холодна; если хотят, чтобы она была горяча, для них она становится горяча; если они хотят, чтобы она была и холодна и горяча, для них она становится и холодна и горяча, чтобы доставить им удовольствие. И эти реки текут, полные вод, благоухающих тончайшими ароматами и покрытых прекрасными цветами, оглашаемых пением множества птиц; легко переходимые вброд, они чисты от ила, а на дне у них золотистый песок. И о чем бы ни помыслили те существа, все их желания исполняются, поскольку они праведны.

А приятный звук, исходящий от воды (тех рек), достигает всех частей этой страны Будды. И каждый слышит приятный звук, который ему угоден: он слышит о Будде, Дхарме, Сангхе, о (шести) совершенствах, о (десяти) ступенях, о силах, основаниях уверенности в себе, особых дхармах Будды, рассудочном знании, пустоте, о том, что не имеет признака и желания, о непретерпевающем, о нерожденном, о не-творении, не-существовании, непрекращении, о покое, кротости и мире, о великой дружественности, великом сострадании, великой радости сочувствия, великой уравновешенности, о терпеливом приятии вещей, которые невозможно создать, и о достижении ступени, на которой дается освящение (в качестве Татхагаты) И, слыша

это, обретаешь восторженное ревнование и радость, которая близка к беспристрастности, невозмутимости, покою, прекращению, Дхарме и создает умонастроение, ведущее к полному озарению. И нигде во вселенной Сукхавати не услышать ни о чем нездоровом, нигде — о препятствиях, нигде — о состояниях наказания, состояниях муки и дурных судьбах, нигде — о страдании. Даже о чувствах, в которых нет ни приятности, не неприятности, не услышать здесь, а тем более о страдании! И поэтому, Ананда, эта вселенная зовется «Счастливой Землей» (Сукхавати). Но все это — только краткое, не подробное описание. Целая эпоха подошла бы к концу, пока мы провозглашали бы причины блаженства в мировой системе Сукхавати, и еще одна ушла бы (на перечисление) причин блаженства.

Sukhāvatvyha, 15–17, 18 in Conze *et al*, *Buddhist Texts through the Ages*, Oxford. Bruno Cassirer (Publishers) Ltd., 1954.

187

СОЗЕРЦАНИЕ АЛЛАХА В МИРЕ ИНОМ

Хаммад б. Сулайман сказал: После того как блаженные вступят в рай и утвердятся там в радости и неге, в величественном царстве, в благородной обители, где пребывают в безопасности и безмятежности, они забывают о том, что в этом мире обещали узреть [однажды] Аллаха и посетить Его, так заняты они блаженствами и негами, которыми они там наслаждаются. И вот, когда они так, смотри, ангел из тех, что перед Аллахом, — могуч и велик Он — взирает на них с одной из могучих стен Рая, с возвышения столь высокого, что ничто в Раю не укрывается от него. [Эта стена] сделана из блестящего жемчуга, чье сияние досягает Престола и доходит до высшей точки неба. Этот ангел воскликнет во всю высоту своего голоса: «О пребывающие в Раю, мир вам», но голос этот будет столь полон сострадания, что, несмотря на громкость, все уши устремятся к нему и все лица повернутся к нему, все души будут тронуты им, радоваться ему и ревностно отвечать ему. Все они услышат голос и поймут, что это глашатай из тех, что перед Аллахом, — могуч и велик Он. Голос не разбудит в них сомнения, и они ответят: «Лаббайка! Лаббайка![1] О вестник от Аллаха, нашего Господа. Мы слышали и мы отвечаем!» Тогда он скажет: «Привет вам, о святые Аллаха! Привет! Добро пожаловать! Аллах — могуч и велик, Он — посылает вам приветствие мира, говоря, что Он доволен вами, [и спрашивая,] довольны ли вы Им». Они ответят: «Хвала Аллаху, приведшему нас сюда, ибо не были бы мы такими, какими были под руководством, если бы Аллах не руководил нами. (VII, 43/41) Хвала Ему, ибо Он доволен нами

и исполнил нас довольства. Ему наша хвала и благодарение, ибо он щедр к нам и дал нам [все это]». Тогда [ангел] скажет: «О святые Аллаха, Аллах — слава Ему — посылает вам приветствие мира и говорит: «Исполнил ли Я обеты, которые сделал вам в мире, или в чем-нибудь их не довершил?» Они ответят: «Хвала Аллаху, от Него дары и милости. Он воистину исполнил Свои обеты и одарил нас щедротами Своими, этим Раем, в котором мы расхаживаем, где пожелаем». Тогда [ангел] скажет им: «Аллах — слава Ему — дает вам приветствие мира и напоминает вам, что в том мире Он обещал вам, что в Раю вы отправитесь к Нему, приблизитесь к Нему и увидите Его. Ныне Он исполняет обещанное вам, поэтому здесь и сейчас Он позволяет вам подготовиться к тому, чтобы ваше блаженство исполнилось до конца в присутствии Его».

Когда они это услышат, все, чем они наслаждались до сих пор, и все, что они достигли в Раю до сих пор, покажется им малостью в сравнении с этим все превосходящим великим блаженством. Поистине, все, что вмещает в себя Рай, покажется незначительным по сравнению с тем, что Аллах доволен ими и [позволяет им] посетить Его и увидеть Его. Тогда они подготовятся к посещению своего Господа, облекшись в лучшие и прекраснейшие свои наряды. Они облачатся в самые дорогие платья и украсят себя ароматнейшими благовониями, воссядут на прекраснейших кобыл и благороднейших скакунов — самое дорогое, что у них есть, и, надев на голову венцы, выступят — каждый из своего дворца и сада, пока не достигнут границы своего достояния и не выйдут на дороги Рая, предшествуемые и ведомые *вилданом*[2], который будет показывать им путь к самому блестящему Царю. Между тем они возвысят свои голоса, чтобы воспеть память и хвалу и славу (*тахлил*), и когда кто-нибудь будет выходить на дороги Рая, он встретит там своего брата [мусульманина], вышедшего с той же целью, что и он.

Так они будут идти, пока не придут на широкий простор у границ Рая, где земля необременена, пуста, бела и пахнет камфорой: почва ее — смесь камфары с мускусом и амброй, а камни — жемчуг и гранат. Там они соберутся под началом призвавшего их ангела, который шел перед ними, пока не доставил к Эдемскому Саду. Аллах повелит этому Саду, молвив: «Укрась себя, ибо Я призвал Моих святых посетить Меня на твоей земле», так что Сад украсится самым изысканным и восхитительным убором, а его служители и *вилданы* тоже приведут себя в готовность. Итак, когда святые прибудут к вратам Сада, ангел будет возглавлять их, имея с собой людей Рая, и все они вскричат: «Привет вам, о ангелы Господа нашего» Тут перед ними отворится дверь, шириной в расстояние между востоком и западом здесь, на земле. Эта дверь из зеленого изумруда, а над ней занавеси столь яркого цвета, что можно потерять зрение. Они войдут и вольются в долину, чей огромный простор по длине и ширине ведом лишь Тому, кто

сотворил ее Своей силой и создал Своей мудростью. Почва ее из прекраснейшего мускуса, шафрана и амбры, камни ее — гранаты и самоцветы, галька и пыль на ней — золотые, по краям ее раскидистые деревья с низко склонившимися ветвями, на которых — плоды и сладкоголосые птицы и которые ярко сияют окраской и цветами; от деревьев веет дуновение [столь приятное], что оно лишает значения все другие радости, одного наперстка его хватило бы, чтобы исцелить всех больных на земле.

Под этими деревьями кресла и скамейки из яркого света, кресла и скамейки из граната и самоцветов, из червонного золота, зеленого изумруда, мускуса и амбры, поставленные для пророков, вестников, затем для святых и благочестивых, затем для мучеников и праведников, затем для Благословенных из всего остального народа. На [эти сиденья] наброшены дорогие сатин, парча и зеленый шелк; шелк расшит и окаймлен гранатами и самоцветами, а на [них] — подушки из красной парчи. Им позволят воссесть на них сообразно чести и достоинству каждого. Их встретят крики приветствия и одобрения, перечисляющие заслуги их и почести. Тогда каждый из них воссядет сообразно мере чести, которую он имеет у Господа, и близости к Нему и Его милости, тогда как ангелы и *вилданы* выкажут им величайшее уважение, рассаживая их. После того как все рассядутся сообразно чину, будет приказано подать им прекраснейшие яства. Они будут есть и наслаждаться так сильно, что забудут все то, что ели прежде, и все, что они знали прежде, покажется им незначительным. [Яства подадут] на блюдах, каких они никогда не видели раньше, поставят на столы, каких они не видывали прежде. Тогда будет приказано, чтобы им подали прекраснейшие плоды, каких они никогда не видели, и они отведают плоды и насытятся ими, как пожелают. Тогда будет приказано подать всевозможное питье, какого они никогда не пивали; [и его подадут] в сосудах из жемчуга и граната, которые сверкают ослепительно, озаряя все блеском невиданной красы и силы. И они будут пить и радоваться, и тогда будет приказано [надушить] их благовониями, каких они не обоняли прежде. Тогда им прикажут облачиться в [почетные] одеяния, подобных которым они не видели даже в Раю, такой красы и блеска, какими они не наслаждались никогда прежде.

Таково будет их состояние, поэтому не спрашивай о их счастье и их радости там, ибо все, что было у них до сих пор, кажется им теперь ничтожным. Тогда Аллах — слава Ему — скажет: «О Мои святые, о Мои слуги, исполнил ли Я то, что обещал вам в мире? Щедро ли исполнил Я Мой обет?» Они ответят: «Да, Господь наш, Своей мощью Ты исполнил для нас Свой обет и щедро выполнил то, что обещал нам». Тогда Он — слава Ему — скажет: «Нет, клянусь Моей мощью, остается для вас еще одно, чего вы алчете еще больше и что цените еще выше. Не для того ли вы пришли ко Мне, чтобы вам было позволено взглянуть на Меня и чтобы ваше блаженство

стало окончательным?» Тогда Он — слава Ему — повелит подняться завесам света, а благоговейному ужасу — отступить в сторону. Тогда Он — слава Ему — откроет Себя им, и они будут взирать на Него. Так они увидят Его, не претерпевая никакого ущерба или вреда, и никакая радость не сравнится с их радостью, никакое счастье или наслаждение не сравнится с их счастьем. И они падут перед Господом ниц в глубочайшем смирении и возгласят: «Слава Тебе, Господь наш. Хвала Тебе: Ты благословен и возвышен, и благословенно имя Твое».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это восклицание, смысл которого неясен, издревле использовалось теми, кто приближался к мекканскому святилищу. Оно до сих пор употребляется современными мусульманами. Благочестивое произнесение этого восклицания обозначается термином *талбийя*.

[2] Каждый из Благословенных в Раю имеет слуг и служанок небесного происхождения. *Вилданы* — это прислуживающие им юноши, а *гурии* — небесные служанки.

A. Jeffery, *Islam: Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp. 98–103; tr. from Ibn Makhluf, Kitab al'Ulum al-fakhira fi'n-nazr fi Umur *al-Akhira*, Каир, 1317 г. Хиджры = 1899 н. э.), II, pp. 151–153

КОНЕЦ СВЕТА

188
АХУРА МАЗДА УЧИТ ЙИМУ, КАК СПАСТИ ВСЕ ЛУЧШЕЕ И ПРЕКРАСНЕЙШЕЕ В МИРЕ

(«Видевдат», фрагард II)

Приближается страшная зима, зима, которая уничтожит все живое. Йима, первый человек и первый царь, получает совет построить хорошо защищенную ограду (*вар*), в которую он должен поместить лучших представителей каждого вида животных и растений. Там они ведут совершенно счастливую жизнь.

(46) И Ахура Мазда так сказал Йиме:

«О прекрасный Йима, сын Вивахванта! На телесный мир надвигаются злые зимы, которые принесут с собой лютый, убийственный мороз; на телесный мир надвигаются злые зимы, которые обрушатся густыми снегопадами, и снег глубиной в *Ардви** будет лежать на вершинах самых высоких гор.

(52) И скот, что живет в дикой местности, на вершинах гор и в долинах, укроется в прочных загонах.

(57) Перед этой зимой земля родит обилие травы для скота, прежде чем воды затопят ее. А после того, как стает снег, о Йима, место, где можно будет увидеть след овцы, покажется телесному миру чудом.

(61) Поэтому построй *вар* (ограду), длиной в лошадиный бег с каждой из четырех сторон, и принеси туда семя овец и быков, людей, собак, птиц и красных пылающих огней.

Поэтому построй *вар*, длиной в лошадиный бег с каждой из четырех сторон, чтобы была она жилищем людей; *вар*, длиной в лошадиный бег с каждой из четырех сторон, для быков и овец.

---

* Ардви — самая глубокая река на Земле — *Прим. ред.*

(65) Проведи там русло вод длиной в *хатру*[*]; там ты поселишь птиц, на невянущей зелени, среди пищи, которая всегда в изобилии. Там ты построишь жилища — дома с балконом, внутренним двором и портиком.

(70) Туда ты принесешь семя мужчин и женщин, самых больших, лучших и прекраснейших на этой земле; туда ты принесешь семя каждого вида скота — самого крупного, лучшего и прекраснейшего на этой земле.

(74) Туда ты принесешь семя каждого вида деревьев, высочайших и благоуханнейших на этой земле; туда ты принесешь семя каждого вида плодов, вкуснейших и благоуханнейших. Все эти семена ты принесешь, по два от каждого вида, чтобы они были в изобилии, пока эти люди остаются в *варе*.

(80) Там не будет ни горбатого, ни пузатого; ни бессильного, ни лунатика; ни злодея, ни лжеца; ни злобного, ни ревнивого; ни гнилозубого, ни прокаженного — никого с печатями, которые накладывает Ангра Манью на тела смертных.

(87) В самой большой части этого места ты проведешь девять улиц, в средней части — шесть улиц, в наименьшей — три улицы. К улицам самой большой части ты принесешь тысячу семян мужчин и женщин, к улицам средней части — шесть сотен, к улицам наименьшей части — три сотни. Ты запечатаешь *вар* золотой печатью и сделаешь дверь и окно, сияющее изнутри».

(93) Тогда Йима сказал про себя: «Как справиться мне со строительством *вара*, который приказал мне сделать Ахура Мазда?»

И Ахура Мазда сказал Йиме: «О прекрасный Йима, сын Вивахванта! Топчи землю подошвами и меси ее руками, как делает гончар, меся гончарную глину»

J. Darmesteter, *The Zend-Avesta*, part I, in *Sacred Books of the East*, IV, Oxford, 1895, pp. 15–18

189

БУДДА ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ВЕРЫ

(«*Анагатавамса*»)

Хвала Бхагавану, араханту, совершенному Будде.

Так я слышал: однажды Господь остановился близ Капилаваттху в монастыре Баньян на берегу реки Рохани. Тогда достопочтенный Сарипутта (Шарипутра) спросил Господа о будущем Победителе:

[*] Хатра — тысяча двойных шагов. — *Прим. ред.*

«Герой, что последует за тобой,
Будда — каким он будет?
Я хочу услышать о нем сполна.
Пусть Провидящий опишет его».

Услышав эту речь Старейшины,
Господь сказал так:
«Я скажу тебе, Сарипутта,
Прислушайся к моей речи.

В этой благословенной кальпе
Три вождя до сих пор было:
Какусандха (Кракуччханда), Конагамана (Канакамуни).
А третий — вождь Кассапа (Кашьяпа).

Ныне я совершенный Будда;
А будет еще Меттейя [т. е. Майтрейя]
Прежде чем эта благословенная кальпа
Достигнет предела своих лет.

Совершенный Будда, Меттейя
Зовущийся, превосходящий мужей».

[Далее излагается рассказ о предыдущем существовании Меттейи... а затем следует описание постепенного упадка религии:]

«Как это случится? После моего ухода произойдут сначала пять исчезновений. Какие? Исчезновение достижения (в Избавлении), исчезновение надлежащего поведения, исчезновение учения, исчезновение внешней благопристойности, исчезновение реликвий. Таковы будут эти пять исчезновений.

Достижение здесь означает, что только тысячу лет после полной нирваны Господа смогут монахи упражняться в различающем созерцании. С течением времени эти мои ученики становятся не-возвращающимися, однажды-возвращающимися и вступившими-в-поток. Для них не будет исчезновения достижения. Но с угасанием последнего вступившего-в-поток достижение исчезнет.

Вот что такое, Сарипутта, исчезновение достижения.

Исчезновение надлежащего поведения означает, что, разучившись упражняться в джхане, озарении, Путях и плодах, они перестанут соблюдать четыре цельных чистых заповеди нравственности. Со временем они будут остерегаться только четырех прегрешений, влекущих за собой погибель. Пока будет оставаться хотя бы сотня или тысяча монахов, остерегающихся и помнящих о четырех прегрешениях, влекущих за собой погибель, надле-

жащее поведение не исчезнет. И только когда последний монах преступит через нравственность или угаснет, исчезнет и надлежащее поведение.

Вот что такое, Сарипутта, исчезновение надлежащего поведения.

Исчезновение учения означает, что пока в трех питаках незыблемо сохраняются тексты и комментарии, относящиеся к слову Будды, до тех пор не будет исчезновения учения. С течением времени появятся безродные цари, не являющиеся мужами Дхармы; их служители и прочие не будут мужами Дхармы, а следовательно, и жители царства и прочие не будут мужами Дхармы. А раз так, то и дождей не будет подобающих. Поэтому поля зачахнут, и те, кто жертвует общине монахов, не смогут дать им требуемое. Не получая требуемого, монахи не получат учеников. Со временем учение начнет приходить в упадок. Первой придет в упадок великая *Паттхана**. Этот упадок затронет также *Ямаку*, *Катхаваттху*, *Пуггаланнятти*, *Дхатукатху*, *Вибхангу* и *Дхаммасангани*. Когда придет в упадок *Абхидхамма-питака*, то в упадок придет и *Суттанта-питака*. Когда *Суттанты* придут в упадок, то первой придет в упадок *Ангуттара*. Когда она придет в упадок, то и *Самьютта Никая*, *Маджхима Никая*, *Дигха Никая* и *Кхуддака Никая* придут в упадок. Они будут помнить только *джатаку* вместе с *Виная-питакой*. Но только добросовестные (монахи) будут помнить *Виная-питаку*. Со временем, не в силах удержать в памяти даже джатаку, сначала они забудут *Вессантару-джатаку*. Когда она придет в упадок, то и *Апаннака-джатака* придет в упадок. Когда джатаки придут в упадок, они будут помнить только *Виная-питаку*. Со временем и *Виная-питака* придет в упадок. Пока среди людей будет существовать хотя бы четырехстишие, учение не исчезнет. Когда царь, имеющий веру, повелит привесить на спину слону кошелек с тысячей (монет) в позолоченной шкатулке и ударить в барабан (возвещения) два или три раза, возвещая: «Кто знает четверостишие, произнесенное Буддами, пусть возьмет эту тысячу монет вместе со слоном», — и все равно не найдет никого, знающего четверостишие, а кошелек с тысячей монет придется вернуть во дворец — тогда и произойдет исчезновение учения.

Вот что такое, Сарипутта, исчезновение учения.

Настанет время, и каждый из последних монахов, неся платье, чашу и зубочистку, как джайнские отшельники, взяв тыквенную бутыль и превратив ее в чашу для милостыни, пойдет с ней в руках или подвесив на шею. Настанет время, и, подумав: «Что толку в этом желтом платье», он отрежет от него кусочек и, приставив его к носу, уху или волосам, пойдет, чтобы кормить жену и детей земледелием, торговлей и тому подобным. Тогда он принесет дар Южной общине за людей (дурного поведения). Я скажу, что тогда он

* Здесь и далее перечисляются разделы и книги буддийского палийского канона *Прим. ред.*

обретет неисчислимый плод подарка. Настанет время, и, подумав: «Что толку в этом для нас», он сбросит желтое платье и начнет истреблять зверей и птиц в лесу. К этому времени исчезнет внешняя благопристойность.

Вот что такое, Сарипутта, исчезновение внешней благопристойности.

Когда после Избавления Совершенного Будды пройдет пять тысяч лет, реликвии, не получая почестей и благоговения, попадут туда, где их будут почитать и где будут благоговеть перед ними. Со временем нигде не останется ни почтения к ним, ни благоговения. Когда Избавление придет в (забвение), все реликвии, прибывшие отовсюду: из жилища змей и мира дэвов и мира Брахмы, собранные вокруг великого дерева Просветления, образовав подобие Будды и совершив «чудо», подобное близнечному чуду, будут учить Дхарме. Там не будет никого из людей. Все дэвы из десяти тысяч вселенных, собранные вместе, услышат Дхарму и многие тысячи из них достигнут Дхармы. И они воскликнут: «Смотрите, дэвата, через неделю наш Один Десятисильный достигнет совершенной нирваны». Они заплачут: «Отныне для нас наступит мрак». Тогда реликвии, разогревшись, сожгут это подобие дотла.

Вот что, Сарипутта, зовется исчезновением реликвий.

E. Conze et al., *Buddhist Texts through the Ages*, Oxford, Bruno Cassirer (Publishers) Ltd., 1954

190

ИРАНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ: ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ И ПОСЛЕДНЕЕ ТЕЛО

(«Большой Бундахишн», гл. 30)

«Бундахишн» («Сотворение основы», «Первотворение») — самое значительное зороастрийское произведение на пехлевийском (среднеперсидском) языке. Он представляет собой пересказ утраченной книги «Дамдад-наск», входившей в Авесту; она была посвящена космогонии и космологии. «Бундахишн» дошел в двух вариантах: «индийском» (собственно «Бундахишн», отражающий ортодоксальный зороастризм) и «иранском» («Большой Бундахишн»); в последнем, объем которого превышает первый на 15 глав, много «апокрифических» мифов, фольклорных мотивов и т. п.

Рассказ о «конце света» и воскресении мертвых приводится здесь по «индийской» версии, которая, впрочем, не так уж значительно отклоняется в данной главе от «иранского» варианта. Он переведен О. М. Чунаковой

по «пазендской» рукописи (т. е. рукописи на пехлевийском языке, записанной авестийским письмом). Комментарии к тексту составлены переводчиком и редактором.

(1) О сущности воскрешения мертвых и конечном воплощении он (т. е. Ормазд) говорит в Авесте, что, поскольку Машйа и Машйане[1], которые выросли из земли, сначала питались водой, потом растениями, потом молоком, потом мясной пищей, то и люди, когда пришло время их смерти, сначала перестают есть мясо, потом <пить> молоко, потом есть хлеб, и до тех пор, пока не умрут, они питаются водой.

(2) Таким образом, в тысячелетие Хушидармаха[2] уменьшится и сила алчности людей, так что в течение трех суток они будут пребывать в сытости только от <вкушения> освященной пищи. Затем они перестанут есть мясную пищу и будут есть растения и <пить> молоко, потом перестанут пить молоко и употреблять растительную пищу и будут питаться водой. И в течение десяти лет до прихода Сошйанса они будут оставаться без пищи и не умрут.

(3) Тогда Сошйанс подготовит воскрешение («поднятие») мертвых. Как он говорит, Зардушт (Заратуштра) спросил Ормазда: «Откуда опять возьмется тело, которое унес ветер и увлекла вода? Как произойдет воскрешение мертвых?» Ормазд ответил: «Если мною (было создано) небо без колонн, на невидимой («духовной» — *меног*) опоре далеко простирающегося света из вещества — блестящего металла; если мною была создана земля, которая несет весь материальный мир, и ничто не держит мир, кроме нее; если мною были направлены в воздушное пространство светил («светящихся тел») солнце, луна и звезды; если мною было сотворено зерно, которое, когда его разбрасывают по земле, прорастает и умножается; если мною были созданы разного рода цвета́ в растениях; если мною был создан огонь в растениях и в других предметах без <их> сожжения; если мною был сотворен и сформирован (?) в утробе матери сын и были созданы по отдельности кожа, ногти, кровь, ноги, глаза, уши и другие части <тела>; если мною были созданы ноги для воды, так что она бежит, и было создано облако, которое уносит воду с земли и проливает дождем там, где пожелает; если мною был создан воздух, который силой ветра поднят с земли наверх и колышется («веет») согласно <своему> желанию, и он виден глазом, а схватить его рукой невозможно; то каждое из того, что было <сотворено> мною, было для меня труднее, чем <осуществить> воскрешение, потому что мне при воскрешении поможет то, что они <уже> есть. А если бы они созданы не были, <это> было бы <сотворением> из <того, чего> не было (?).

(4) Знай, что, если я уж создал то, чего не было, то почему же для меня невозможно воссоздать то, что было? Поскольку в то время <людям>

понадобится от духа земли — кость, из воды — кровь, из растений — волосы, из огня — глаза[3], <которые> они получили при «сотворении основы» (т. е. мира)».

(5) Сначала поднимутся кости Гайомарда, затем — Машйа и Машйане, затем — остальных людей. За пятьдесят семь лет Сошйанс подготовит всех мертвых, и все люди восстанут: и те, кто праведен, и те, кто грешен, — каждый поднимется с того места, где уйдет его душа. <...>

(7) Тогда люди узна́ют, то есть душа и тело узна́ют: «Это — мой отец, это — моя мать, это мой брат, это моя жена, это — еще какой-то мой ближайший родственник». Затем будет собрание Исадвастара[4], и все люди, <что> на этой земле, предстанут на нем. И каждый увидит свои хорошие и дурные дела, и тогда грешный будет так заметен, как белая овца среди черных.

(8) На том собрании, если <праведный> на земле был другом грешнику, грешный будет жаловаться на того праведного: «Почему на земле он не известил меня о добрых делах, которые творил сам?» И если тот, кто праведен, не известил его, то ему придется устыдиться на том собрании.

(9) Потом праведного отделят от грешного, и затем праведного отправят в горний рай (Гаронман, «Место Песнопений»), а грешного — в ад. Три дня и <три> ночи <грешного> в аду будут наказывать телесно[5], а праведный в эти три дня в горнем раю телесно испытает радость.

(10) Как он (Ормазд) говорит, в тот день, когда праведный будет отделен от грешного, слезы каждого упадут к его ногам. Когда сына отделят от отца, брата от его брата, друга от его друга, каждый из них будет страдать из-за своих дел и плакать — праведный над грешным, а грешный над собой, потому что бывает, что отец праведный, а сын — грешный, один брат праведный, а другой — грешный. <...>

(13) Когда Гозихр[6], что на небе, с лунной вершины упадет на землю, земля испытает такую же боль, какую испытывает овца, на которую набрасывается волк.

(14) Затем огонь и бог Арйаман расплавят металл, <что> в горах и на холмах, и он останется на земле подобно реке. Затем они заставят всех людей войти в расплавленный металл и очиститься. Тому, кто праведен, тогда покажется так, словно он идет в теплом молоке, а тому, кто грешен, тогда покажется так, словно он на земле идет в расплавленном металле[7].

(15) Затем все люди соберутся в самой большой любви: отец и сын, брат и друг. И спросит один другого: «Где ты был так много лет? Что за суд был над твоей душой? Ты был праведен или грешен?» Сначала душа увидит тело, спросит его этими словами <и получит ответ>.

(16) Все люди станут одним голосом и громко вознесут хвалу Ормазду и *амахраспандам*[8]. К этому времени Ормазд завершит <свое дело>, и творения будут <такими>, что ему не надо будет выполнять другую работу, и тем, кто воскрешает мертвых, не надо будет делать никакую другую работу.

(17) Сошйанс и <его> помощники совершат жертвоприношения ради воскрешения мертвых. Для этого жертвоприношения они убьют быка Хадйош и из жира этого быка и белого *хома*[9] изготовят напиток бессмертия и дадут всем людям, и все люди станут бессмертны навсегда и навечно. <...>

(19) И каждому дадут жену и ребенка, и они так <же> будут сожительствовать с женами, как теперь на земле, но <у них> не будут рождаться дети. <...>

(22) Затем Ормазд схватит Ахримана (Злого Духа), Вахман (Благая Мысль) — Акомана (Злую Мысль); Ардвахишт (Лучшая Истина) — Андара; Шахривар (Желанная Власть) — Савара, Спандармад (Святое Благочестие) — Тарумада, который Накаед; Хордад (Целостность) и Амордад (Бессмертие) — Тарева и Зарева; Правдивая Речь — Лживую Срош (Послушание) — Хешма[10].

(23) Тогда останутся два демона — Ахриман и Аз (Алчность). И Ормазд явится на землю и сам <станет> первым жрецом (*зот*), а Срош — вторым жрецом (*распиг*). Они возьмут в руки священный пояс и сделают беспомощнейшими Злого Духа и Аза, разбитых посредством (?) гатовской молитвы, и по проходу, по которому <Злой Дух и Аз> пробрались на небо они опять свалятся во мрак и тьму.

(24) Змей Гозихр сгорит в этом расплавленном металле, и зловоние и грязь, что были в аду, сгорят в этом металле, и <ад> очистится, а Ахриман, Злой Дух, свалится в этот металл. <Ормазд?> возьмет землю ада и принесет ее для расширения мира,

(25) и в <материальном> мире произойдет воскрешение, и, согласно <его> воле, мир станет бессмертным навсегда и навечно.

(26) И еще он (Ормазд) так говорит, что земля станет гладкой (?) ровной, и <на ней не будет> ни холмов, ни вершин, ни гор, ни ям, ни возвышенностей, ни низин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Прародители человечества, выросшие из семени Первочеловека Гайомарта (авест. Гайомарт «Жизнь Смертная»), которое он испустил, умирая. Их имена означают буквально «Смертный» и «Смертная»

[2] Сын Зардушта (Заратуштры), один из Спасителей мира, который появится за тысячелетие до прихода последнего Спасителя — Сошйанса (Сошьянта)

[3] В некоторых пехлевийских рукописях — «душа» (*джан*)

[4] Старший сын Зардушта (Заратуштры), который после его смерти станет главой жрецов

[5] В некоторых пехлевийских рукописях — «телом и душой» (*джан*)

[6] Змей, он же созвездие Дракона

[7] Это представление восходит к так называемым «ордалиям» — обычаю «Божьего суда», распространенному у многих народов Один из вариантов ордалий таков подозреваемому в преступлении дают подержать (лизнуть и т п) раскаленный металл Если он невиновен («праведен»), то никакого вреда ему не будет

[8] Пехлев *амахраспанды* (авест *Амеша-Спента*, «Бессмертные Святые») — шесть (семь и т д) божеств-эманаций Ормазда, его помощники Их имена (с переводами) см ниже, § 22

[9] Хом (авест Хаома) — божество, священное растение и его сок, выжимаемый при жертвоприношении Соответствует ведийскому Соме

[10] Перечисляются верховные *дэвы*, враждебные божествам зороастризма Ахриман (Злой Дух), Акоман (Злая Мысль), Тарев и Зарев — видимо, Разрушение и Старость Ряд *дэвов*, возможно, соответствует ведийским божествам Андар — Индре, Савар — Шарве (эпитет Рудры), «Тарумад, который Накаед» — Насатьям (эпитет Ашвинов) К Хешму (авест Айшма — «Ярость»), очевидно, восходит Асмодей библейских апокрифов (Айшма-даэва)

Пер О М Чунаковой по кн Сотворение основы (Бундахишн) и другие пазендские тексты // *Зороастрийские тексты* Пер О М Чунаковой — М , 1997, с 305–309

191

МУХАММАД ГОВОРИТ О СУДНОМ ДНЕ

(Коран, LVI, 1–56; LXIX, 13–37)

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Когда упадет падающее, —
нет ничего отрицающего его падение! —
унижая и возвышая,
когда сотрясется земля сотрясением,
когда сокрушатся горы сокрушением
и станут рассыпающимся прахом,
и станете вы тремя группами,
то владыки правой стороны, — что это за владыки правой стороны?
И владыки левой стороны, — что это за владыки левой стороны?
И предварившие — предварившие?
Эти — те, которые будут приближены
в садах благодати, —
толпа первых и немного последних,
на ложах расшитых,
облокотившись на них друг против друга

Обходят их мальчики вечно юные
с чашами, сосудами и кубками из текучего источника —
от него не страдают головной болью и ослаблением —
и плодами из тех, что они выберут,
и мясом птиц из тех, что пожелают.
А черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому —
в воздаяние за то, что они делали.
Не услышат они там пустословия и укоров в грехе,
а лишь слова: «Мир, мир!»
А владыки правой стороны, — что это за владыки правой стороны? —
среди лотоса, лишенного шипов,
и талха, увешанного плодами,
и тени протянутой,
и воды текучей,
и плодов обильных,
не истощаемых и не запретных,
и ковров разостланных.
Мы ведь создали их творением
и сделали их девственницами,
мужа любящими, сверстницами, —
для владык правой стороны.
Толпа первых
и толпа последних!
А владыки левой стороны, — что это за владыки левой стороны? —
в самуме и кипятке,
и тени черного дыма,
не прохладной и не благой.
Они ведь до этого были избалованы
и упорствовали в великом грехе
и, бывало, говорили:
«Разве, когда мы умрем и станем прахом и костями, — разве мы
действительно будем воскрешены,
или наши отцы первые?»
Скажи: «Поистине, первые и последние,
конечно, будут собраны к сроку известного дня!
Потом, поистине, вы — заблудшие, обвиняющие во лжи,
будете есть с дерева заккум,
и наполнять им животы,
и пить за этим кипяток,
и пить, как пьют истомленные жаждой».
Это — угощение их в день суда. (LVI, 1—56)

И когда дунут в трубу единым дуновением,
и спасена будет земля и горы, и раздроблены единым дроблением, —
вот в тот день падет падающее,
и небо расколется, и будет оно в тот день слабым.
И ангелы по краям его, и понесут трон Господа твоего над ними в тот день восемь.
В тот день будете вы выставлены, и не утаится у вас тайное.
И вот тот, кому будет дана его книга в правую руку, он скажет:
«Вот вам, читайте мою книгу!
Я ведь думал, что встречу свой расчет».
И он — в жизни довольной,
в саду высоком,
плоды которого близки.
«Ешьте и пейте во здравие за то, что вы совершили раньше в дни прошлые!»
А тот, кому дана его книга в левую, он скажет: «О, если бы мне не дана была моя книга!
И я бы не знал, каков мой расчет!
О, если бы это было кончающим!
Не избавило меня мое достояние.
Погибла у меня моя власть!»
«Возьмите его и свяжите!
Потом в огне адском сожгите!
Потом в цепь, длина которой семьдесят локтей, его поместите!
Ведь он не верил в Аллаха великого,
и не побуждал накормить бедняка.
И нет для него сегодня здесь друга,
и нет пищи, кроме помоев.
Не ест ее никто, кроме грешников». (LXIX, 13—37)

Перевод И Ю. Крачковского

МЕССИАНСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА И МИЛЛЕНАРИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

192
ПРОРОЧЕСТВО О МАЙТРЕЙЕ, ГРЯДУЩЕМ БУДДЕ

(«Майтрейявьякарана»)

Майтрейя явится в будущем, примерно через тридцать тысяч лет. Считают, что сейчас Майтрейя пребывает на небе Тушита, ожидая своего последнего перерождения, которое случится, когда приспеет время. Его имя произведено от слова *митра*, «друг»: дружелюбие — это основная буддийская добродетель, наподобие христианской любви.

Шарипутра, великий полководец учения, премудрый и блестящий, спрашивал Бхагавана из сострадания к миру: «Прежде ты говорил нам о грядущем Будде, который будет предводительствовать миру в будущем и чье имя — Майтрейя. Я хотел бы услышать побольше о его силах и чудесных дарах. Расскажи мне о них, о лучший из людей!»

Бхагаван ответил: «В то время океан потеряет много воды, и ее останется куда меньше, чем теперь. Поэтому правителю мира не составит труда перейти по нему. Индия, этот материк Джамбу, будет повсюду гладким, размером в десять тысяч лиг, и все люди удостоятся права жить здесь. Здесь будут бесчисленные жители, которые не будут совершать преступлений и злодеяний, но с удовольствием будут творить добро. В то время почва будет свободной от шипов, гладкой, покрытой свежей зеленой порослью травы; если прыгать по ней, она будет подаваться, становясь мягкой, точно листья хлопкового дерева. Она приятно благоухает, и на ней растет вкусный, никем не возделываемый рис. Богатый шелк и другие пестрые ткани произрастают на деревьях. Деревья будут одновременно пускать листья,

цветы и плоды; они возвышаются, насколько достигает голос, и живут восемь мириад лет. Люди в то время лишены изъянов, им неведомы пороки, и они полны ревнования и радости. Тело у них — крупное, цвет кожи — нежный. Сила их огромна. Лишь три недуга известны им — они должны опорожняться, есть, стареть. Женщины выходят замуж только по достижении пятисот лет.

В то время столицей будет город Кетумати. В нем будет жить правитель мира по имени Шанкха, который будет править землей до пределов океана; и он утвердит торжество Дхармы. Он будет великим героем, вознесенным в этот чин силой сотен достойных деяний. Его духовным советником будет брахман по имени Субрахмана, очень ученый муж, сведущий в четырех Ведах, впитавший всю мудрость брахманов. И будет у него жена по имени Брахмавати, прекрасная, привлекательная, статная и знаменитая.

Майтрейя, лучший из мужей, покинет тогда небо Тушита и для последнего своего перерождения войдет в чрево этой женщины. Десять полных месяцев будет она носить его сияющее тело. Затем она отправится в рощу, полную прекрасных цветов, и там — не сидя и не лежа, а стоя, схватившись за ветку дерева, — она родит Майтрейю. Он, превосходящий людей, выйдет из ее правого бока: так сияет солнце, одолевшее гряду облаков. Не более осквернённый нечистотами чрева, чем лотос — каплями воды, он заполнит весь этот Тройной мир своим сиянием. Едва родившись, он сделает семь шагов, и куда бы он ни ступил, там вырастет самоцвет или лотос. Он устремит свои очи в десяти направлениях и произнесет эти слова: «Это мое последнее рождение. После этого не будет больше перерождений. Я никогда сюда не вернусь, но, чистый всецело, я обрету нирвану!»

И когда его отец увидит, что сын отмечен тридцатью двумя знаками великого мужа, и постигнет их смысл в свете святых мантр, он преисполнится ликования, ибо узнает, что мантры указывают два пути его сыну: он будет вселенским самодержцем или высшим Буддой. Майтрейя будет взрослеть, и Дхарма все больше будет овладевать им, и он поймет, что все живущее обречено на страдание. У него будет небесный голос, слышный издалека; кожа его будет золотистой, тело его будет излучать яркое сияние, грудь его будет широка, члены — крепки, а глаза — как лепестки лотоса. Тело его будет восьмидесяти локтей в высоту и двадцати — в ширину. В свите у него будет восемьдесят четыре тысячи человек, которых он будет наставлять мантрам. С этой свитой он отправится однажды скитаться вдали от дома. Под драконовым деревом на него сойдет просветление; ветви дерева поднимаются на пятьдесят лиг, крона его простирается в необозримую даль. Под ним Майтрейя, лучший из мужей, достигнет просветления — в

этом не может быть сомнения. И он обретет просветление в тот же день, когда отправится в странствия.

И затем, великий мудрец, совершенным голосом он начнет проповедовать Дхарму, которая благотворна и устраняет всякий недуг, т. е. наличие недуга, происхождение недуга, последствия недуга, и арийский восьмичастный путь, который дает безопасность и ведет к нирване. Он разъяснит четыре Истины, ибо увидит, что это поколение по вере готово к ним, и слушавшие его Дхарму вслед за этим далеко продвинутся в вере. Они соберутся в парке, полном прекрасных цветов, и их собрание растянется на сотню лиг. Руководимые Майтрейей, сотни тысяч живых существ примут монашескую жизнь.

А вслед за этим Майтрейя, милосердный учитель, озирает собравшихся вокруг него и говорит им: «Шакьямуни видел всех вас, он — лучший из мудрецов, спаситель, истинный защитник мира, вместилище истинной Дхармы. Это он поставил вас на путь облегчения, но прежде чем окончательно его достигнуть, вы должны были дождаться моего учения. И потому что вы поклонялись Шакьямуни зонтиками, стягами, флагами, благовониями, гирляндами и умащениями, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение. И потому что вы подносили святилищам Шакьямуни умащения из сандалового дерева или измельченный шафран, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение. И потому что вы всегда искали прибежища у Будды, Дхармы и Сангхи, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение. И потому что по завету Шакьямуни вы стали соблюдать нравственные заповеди и действительно поступали так, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение. И потому что вы одаривали монахов — платьями, питьем, едой и разными снадобьями, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение. И потому что вы всегда соблюдали дни отдохновения, прибыли вы сюда, чтобы услышать мое учение»...

Шестьдесят тысяч лет Майтрейя, лучший из людей, будет проповедовать истинную Дхарму, милосердную ко всем живым существам. И когда он закалит в своей истинной Дхарме сотни и сотни миллионов живых существ, тогда этот вождь войдет наконец в нирвану. И после того как этот великий мудрец вступит в нирвану, его истинная Дхарма простоит еще десять тысяч лет.

Поэтому возвысь свои мысли, веруя Шакьямуни, Победителю! Ибо тогда ты узришь Майтрейю, истинного Будду, лучшего из людей! Чья душа настолько темна, что ее не просветит безмятежная вера, когда ей будут рассказывать об этих удивительных делах, столь могучих в будущем благе! И пусть те, кто жаждет духовного величия, выказывают почтение Дхарме, пусть помнят о почитании Будд!»

E. Conze, *Buddhist Scriptures*, Penguin Books, 1959, pp. 238–242.

193

НИТИРЭН СОЗЕРЦАЕТ ЯПОНИЮ КАК ЦЕНТР ВОЗРОЖДЕНИЯ БУДДИЗМА

Нитирэн (1222–1282) — японский религиозный учитель, основатель одной из буддийских сект.

Когда, в один прекрасный день, утвердится союз государственного права и буддийской Истины, и между ними будет достигнута совершенная гармония, и властитель и подданные искренне предадутся Великим Таинствам, и тогда золотой век — сродни векам правления древних царей-мудрецов — осуществится в дни вырождения и испорченности, во времена Последнего Закона. Тогда пожалованием императора и указом Диктатора завершится утверждение Святого Престола на месте, не менее выдающемся, нежели Рай пика Коршуна. Нам нужно только дождаться наступления этого времени. Тогда нравственный закон (*кайхо*) будет осуществлен в действительности. Святой Престол станет местом, где все жители трех стран [Индии, Китая и Японии] и люди со всей Джамбудвипы [со всего света] будут посвящаться в таинства исповеди и искупления; и даже великие божества, Брахма и Индра, сойдут в святилище и примут участие в посвящении.

Masaharu Anesaki, *Nichiren, the Buddhist Prophet*, Cambridge, Mass., 1916, p. 110; цитируется по кн. Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, p. 230.

194

ДВИЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ СИУ: РЕЛИГИЯ «ПЛЯСКИ ДУХОВ»

Великий основополагающий принцип учения о «пляске духов» гласит, что настанет время, когда вся индейская раса, живые и мертвые, воссоединится на возрожденной земле, чтобы жить в изначальном счастливом состоянии, свободном от смерти, болезни и страдания. На этом фундаменте каждое племя возвело надстройку из собственной мифологии, а каждый апостол и верующий дополнил ее деталями сообразно своим умственным способностям или представлениям о счастье с прибавлением подробностей, полученных в состоянии транса. Кроме того, некоторые изменения, несомненно, обусловлены передачей учения через несовершенное посредство знакового языка...

Все это будет совершено верховной духовной силой, которая не нуждается в помощи людей; и хотя некоторые знахари были предрасположены предвосхищать индейское тысячелетнее царство, проповедуя сопротивление дальнейшим посягательствам белых, эти учения не составляют части подлинного учения, и только там, где хроническое неудовольствие усугублялось свежими обидами, как у сиу, данное движение нашло воинственное выражение. Напротив, все верующие призывались готовиться к достойной встрече предсказанного счастья, отказавшись от воинственности и утверждаясь в честности, миролюбии и доброй воле по отношению не только друг к другу, но и к белым при общении с ними. Некоторые апостолы считали даже, что все расовые различия должны быть преданы забвению и что белые вместе с индейцами будут соучаствовать в грядущем блаженстве; но кажется бесспорным, что это тоже противоречило изначально проповедуемому учению.

В разное время исполнение пророчества приурочивалось к различным датам. Что касается времени года, то, по общераспространенному, и вполне естественному, мнению, возрождение жизни и обновление всего живого произойдет в начале весны. Иногда ожидаемым временем был июль, в частности четвертое июля. Нелишне отметить, что это примерно совпадало со временем проведения великой ежегодной церемонии солнечных плясок, справлявшихся прежде племенами прерий. Сам мессия время от времени назначал различные даты, так как одно за другим предсказания не сбывались, и в своем послании к шейеннам и арапахо в августе 1891 года он оставляет вопрос открытым. В годы, непосредственно предшествующие восстанию сиу, ожидания всех племен были нацелены на весну 1891 года. Весна пришла и ушла, лето наступило и угасло, осень сменилась зимой, а их надежды и стремления не сбылись, и тогда учение постепенно приобрело его нынешнюю форму: в одно прекрасное время индейцы соединятся со своими ушедшими друзьями, чтобы вечно пребывать на вершине счастья, и это счастье может быть предвосхищено — хотя и не приближено в действительности — в сновидениях благодаря серьезному и частому посещению сакрального танца...

Поскольку я всегда обнаруживал сочувствие к их идеям и переживаниям да к тому же и совершил далекое путешествие к самому мессии, стоившее мне значительных тягот и трудностей, индейцы наконец полностью удостоверились в том, что я действительно желаю узнать истину об их новой религии. Через несколько дней после моего визита к Левой Руке некоторые из делегатов, высланных в августе прошлого года, спустились навестить меня, возглавляемые шейенном по имени Черный Короткий Нос. После взаимных приветствий он констатировал, что шейенны и арапахо теперь убедились в том, что я хочу рассказать правду об их религии, а поскольку они любят свою религию и жаждут того, чтобы белые узнали о том, что их

религия хороша и не содержит ничего дурного и враждебного, они дают мне послание, которое дал им сам мессия, чтобы я мог взять его с собой и показать в Вашингтоне. Затем он достал из расшитой бисером сумки и дал мне письмо, которое оказалось посланием, или изложением учения, доставленным Вовокой делегатам от шейеннов и арапахо, одним из которых был Черный Короткий Нос, по случаю их последнего визита в Неваду в августе 1891 года; послание было записано там же на ломаном английском одним из делегатов арапахо Каспаром Эдсоном, молодым человеком, который получил некоторое английское образование в правительственной школе для индейцев в Карлайле, Пенсильвания. На обратной стороне листа имелась копия на более приличном английском, написанная дочерью Черного Короткого Носа, школьницей, под диктовку отца по его возвращении. Эти письма содержали весть, с которой должны были ознакомиться оба племени, и, как ясно утверждается в тексте, она не предназначалась для глаз белого человека. Дочь Черного Короткого Носа попыталась стереть фразу об этом перед тем, как ее отец принес письмо ко мне, но эти строки все равно были хорошо различимы. Это подлинное официальное изложение учения «пляски духов», преподанное самим мессией своим ученикам...

Письмо мессии (вольный перевод)

Вернувшись по домам, вы должны устроить пляску продолжительностью пять дней. Пляшите четыре ночи подряд, и в последнюю ночь продолжайте плясать до утра пятого дня, когда все должны омыться в реке и разойтись по домам. Вы все должны сделать это одинаково.

Я, Джек Уилсон, люблю вас всех, и мое сердце исполнено благодарности за дары, принесенные вами. Когда вы воротитесь домой, я дам вам доброе облако [дождь?], чтобы вы чувствовали себя хорошо. Я дам вам хороший дух и дам вам хорошую краску. Я хочу, чтобы вы снова пришли через три месяца, по нескольку человек от каждого племени оттуда [с индейской территории].

В этом году будет большой снег и немного дождя. Осенью будет такой дождь, какого я еще никогда не давал вам прежде.

Дедушка [общераспространенный среди индейцев почтительный титул, в данном случае мессия] говорит, что, когда умирают ваши друзья, не следует плакать. Никому не причиняйте ущерба или вреда. Вы не должны воевать. Поступайте всегда справедливо. Я дам вам удовлетворение в жизни. У этого юноши хорошие отец и мать. [Возможно, это относится к Каспару Эдсону, молодому арапахо, записавшему это послание Вовоки к делегации.]

Не говорите об этом белым. Иисус теперь на земле. Он появляется, как облако. Все мертвые снова живы. Я не знаю, когда они будут здесь;

может, этой осенью или весной. Когда придет время, больше не будет болезней, и каждый будет снова молод.

Не отказывайтесь работать на белых и не причиняйте им беспокойства пока не расстанетесь с ними Когда земля трясется [при наступлении нового мира], не бойтесь. Это не повредит вам.

Я хочу, чтобы вы плясали раз в шесть недель. Устройте на плясках пир и соберите еду, чтобы ее мог есть каждый Потом омойтесь в воде. Это все. Как-нибудь вы снова получите от меня добрые слова. Не лгите.

Мифология учения затронута здесь очень бегло, но принципиальные пункты приведены. Все мертвые воскресают, и толпы духов приближаются и уже прибыли к границам этой земли; их возглавляет воскреситель в виде смутно различимого облака. Дух-предводитель мертвых всегда изображается с помощью этого неясного уподобления. Великие перемены будут возвещены сотрясением земли, которое, ободряет мессия, не должно устрашить верующих. Надежда здесь та же, что и одушевлявшая христиан на протяжении девятнадцати столетий — счастливое бессмертие и вечная молодость. Что касается срока, то мессия пророчествует столь же осторожно, как и его предшественник, провозгласивший, что «никто не знает времени, ни даже ангелы Бога». Его погодные предсказания примерно столь же определенны, как вдохновенные вещания Дельфийского оракула...

Мы можем теперь рассмотреть детали учения в изложении различных племен, начиная с пайюте, у которых оно возникло. Лучшие сведения о вере пайюте содержатся в рапорте Военному министерству капитана Дж. М Ли, направленном осенью 1890-го для изучения нравов и боевой мощи пайюте и других индейцев в окрестностях форта Бидвелл в северо-восточной Калифорнии. Мы приводим сведения, полученные им однажды у вождя Дика, пайюте, в откровенном разговоре, состоявшемся, когда все индейцы покинули комнату:

«Давно, двадцать лет тому назад, индеец-знахарь в долине Мейсена у озера Уокер говорил то же самое, что ты слышишь сейчас. Примерно через год, как он начал говорить, он умер. Три года назад другой знахарь начал те же речи. Они все время разрастаются. Индейцы слышат их повсюду. Индейцы приходят издалека, чтобы его послушать. Они приходят с востока они делают знаки. Два года назад моя пошел в Виннемуку и к озеру Пирамиды, моя видела индейца Сэма, вождя, и Джонсон Сайдс. Сэм, он говорит мне, что только что видел индейца-знахаря, слышал его беседу Сэм говорит, знахарь так говорил.

«Все индейцы должны плясать повсюду, не переставать. Очень скоро следующей весной, идет Большой Человек [Великий Дух]. Он приведет назад всякую дичь. Дичь будет кишеть всюду. Все мертвые индейцы вернутся и снова будут жить. Они все будут сильные, как юноши, будут моло-

дые опять. Старый слепой индеец снова видит, и становится молодым, и имеет хорошее время. Когда Старик [Бог] придет таким путем, тогда все индейцы идут на горы, повыше от белых. Потом, когда индейцы высоко наверху, *большая вода придет как потоп и все белые погибнут, утонут.* После этого вода уйдет и потом никого, кроме индейцев повсюду, и все будет кишеть разной дичью. Тогда знахарь сказал индейцам оповестить всех индейцев, *чтобы плясали не прекращая, и хорошее время наступит.* Индейцы, которые не пляшут, которые не верят этому слову, уменьшатся и будут ростом фут, да так и останутся. Некоторые из них превратятся в дерево *и сгорят в огне».* Вот что *рассказывал мне* Сэм *о разговорах знахаря».*

Лейтенант Н.П. Фистер, собравший часть материала, вошедшего в *рапорт капитана Ли, подтверждает это общее изложение и дополняет его* некоторыми подробностями. Потоп будет состоять из ила и воды, и когда верующие поднимутся в горы, скептики останутся внизу и превратятся в камень. Пророк утверждает, что получил эти откровения непосредственно от Бога и духов мертвых индейцев во время своих трансов. Он также уверяет, что является неуязвимым и что если солдаты попытаются убить его, они упадут, как будто у них нет костей, и умрут, а он останется жить, даже разрубленный на кусочки.

Одним из первых и самых выдающихся вестников, познакомивших с этим учением племена прерии, был шейенн Дикобраз, который осенью 1889 года перешел через горы с несколькими спутниками, посетил Вовоку и побывал на пляске у озера Уокер, Невада. В рассказе о своих впечатлениях, изложенном несколько месяцев спустя одному офицеру, он утверждает, что Вовока называет себя самим Христом, вернувшимся через много веков после первого отказа от него, чтобы, жалея, наставлять своих детей. По его словам, пророк говорил:

«Я нашел, что дети мои нехороши, тогда я вернулся на небо и покинул их. Я сказал им, что через много сотен лет я вернусь, чтобы увидеть моих детей. В конце этого времени *я был послан назад, чтобы попытаться* наставить их. Мой отец сказал мне, что земля стареет и изнашивается, людям все хуже, и я должен обновить все и улучшить.

Он также сказал нам, что все наши мертвые должны быть воскрешены; что они все должны вернуться на землю и что раз земля слишком мала для нас и них, то он возьмется за небо и сделает саму землю достаточно большой, чтобы вместить нас всех; мы должны сказать всем людям, что мы встречались насчет этих вещей. Он говорил с нами о войне и сказал, что это плохо и мы должны воздерживаться от нее, что потом на земле все будет хорошо, и мы все должны быть друзьями друг другу. Он сказал, что осенью того года молодость всех добрых людей возобновится, так что никому не будет больше сорока лет, и что если они будут вести себя хорошо, то

после этого весной к каждому будет возвращаться молодость. Он сказал, что если мы будем добрыми, он пошлет к нам людей, которые смогут исцелять все наши раны и болезни одним касанием, и что мы будем жить вечно. Он велел нам не спорить, не враждовать, не бить и не ранить друг друга — все белые и индейцы должны быть одним народом. Он сказал, что если кто-то не подчинится его приказам, его племя будет стерто с лица земли; мы должны верить всему, что он сказал, не должны сомневаться в нем или говорить, что он лжет; он все равно узнает об этом; он будет знать наши мысли и поступки, в какой бы части мира он ни находился».

Здесь перед нами утверждение, что обе расы должны жить вместе как одна семья. Перед нами также учение об исцелении прикосновением. Было ли это существенной частью учения, неизвестно, но несомненно то, что адепты верят, что великое физическое благо выпадет им, их детям и больным благодаря наложению рук жрецами пляски, не говоря уже о способности, доставляемой таким способом, — способности видеть вещи духовного мира.

Здесь представлена и другая идея, а именно, что земля стареет и дряхлеет, нуждаясь в возобновлении своей молодости в конце определенных великих циклов; ее разделяют многие племена, и она занимает важное место в древнейших религиях мира. Арапахо, владеющий английским, говорил об этом так: «Эта земля слишком старая, трава слишком старая, деревня слишком старая, наши жизни слишком старые. Тогда все будет новым опять». Капитан Х. Л. Скотт также обнаружил среди южных равнинных племен аналогичное представление о том, что реки, горы и сама земля изнашиваются и нуждаются в обновлении; обнаружил он и смутную идею о том, что обе расы должны одновременно погибнуть, чтобы воскреснуть в новых, но отдельных мирах...

Способ последней метаморфозы и уничтожение белых получали различные толкования по мере удаления учения от своего первоначального центра. К востоку от гор распространено убеждение, что на верующих снизойдет глубокий сон, во время которого произойдет катастрофа, и верующие проснутся к бессмертию на новой земле. Шошоны в Вайоминге говорят, что этот сон будет длиться четыре ночи и дня и что на утро пятого дня все откроют глаза в новом мире, где обе расы будут жить вместе вечно. Шейенны, арапахо, кайова и другие индейцы в Оклахоме говорят, что новая земля со всеми воскресшими мертвецами, с бизонами, лосями и прочей дичью прибудет с востока и накроет поверхность нынешней земли, как правая рука накрывает левую. По ее приближении индейцы вознесутся наверх с помощью пера для священной пляски, которое они носят в руке и которое поднимет их ввысь, словно крылья. Они потеряют сознание на четыре дня и, пробудившись от транса, обнаружат себя среди своих прежних друзей в окружении всей старинной обстановки. Апостол арапахо Сидя-

чий Бык полагал, что приближение новой эры будет предваряться стеной огня, которая прогонит белых за океан, туда, откуда они пришли, тогда как индейцам благодаря священным перьям удастся взлететь над пламенем и достигнуть земли обетованной. Когда белых больше не останется, огонь будет погашен дождем, который продлится двенадцать дней. Некоторые верят, что ураган с громом и молнией уничтожит одних белых. Говорят, что этого представления придерживались также валапи в Аризоне, которые распространяли эту участь также и на неверующих индейцев. Учение, которого придерживаются каддо, вичита и делавары в Оклахоме, практически не отличается от учения арапахо и шейеннов, у которых оно было ими заимствовано. Все эти племена верят, что уничтожение или устранение белых совершится целиком и полностью сверхъестественными силами, и сурово порицают сиу за то, что те спровоцировали конфликт своим нетерпением, вместо того чтобы дождаться божественного избавления в должное время.

Все племена, принявшие новую веру, полагают, что частое благоговейное участие в пляске отгоняет болезни и возвращает здоровье, причем это относится не только к непосредственным участникам, но и к их детям и друзьям. Идея получения мирских благ в награду за благочестивое исполнение религиозных обязанностей слишком естественна и универсальна, чтобы требовать комментария. Очищение с помощью парной бани, образующее у сиу важный предварительный этап перед пляской, будучи по замыслу делом благочестия, вероятно, имеет в то же время санитарное действие.

Среди могущественных и воинственных дакотских сиу, пребывавших в брожении из-за давних и недавних обид, а в последнее время поставленных на грань голодной смерти сокращением пайков, это учение быстро приобрело враждебный смысл, а некоторые специфические черты получили серьезное развитие, ввиду чего это племя заслуживает особого рассмотрения. Первые слухи о новом мессии достигли сиу через посредство западных племен зимой 1888/89 годов, но первые определенные известия были привезены делегацией, перебравшейся через горы, чтобы посетить мессию осенью 1889 года, и весной 1890-го вернувшейся обратно. Рассказ делегатов тут же положил начало священным пляскам, которые распространились столь стремительно, что в течение нескольких месяцев новая религия была принята большей частью племени.

Возможно, лучшее изложение «пляски духов» у сиу дано Джеймсом МакЛафлином, заслуженным агентом из агентства «Стэндинг Рок». В официальном письме от 17 октября 1890 года он пишет, что под влиянием Сидячего Быка сиу чрезвычайно возбуждены близким пришествием индейского тысячелетнего царства, или «возвращением духов», когда белый человек будет уничтожен и индейцы снова обретут верховную власть, тем более что знахари обещали, что оно наступит не позднее весны, когда

«зазеленеет трава». Им было сказано, что Великий Дух наслал на них расу господ, чтобы покарать их за грехи, и что теперь грехи искуплены и время избавления вот-вот наступит. Их поредевшие ряды должны быть усилены всеми когда-либо умершими индейцами, и эти духи уже выступили в путь, чтобы снова населить землю, изначально принадлежавшую индейцам, и гонят перед собой огромные стада бизонов и прекрасных пони. Великий Дух, столь надолго покинувший своих краснокожих детей, снова с ними и против белых, и порох белого человека более не способен прострелить пулей кожу индейца.

Вскоре сами белые потерпят поражение, их накроет глубокий оползень, их придавят дерн и деревья, и те немногие, кому удастся ускользнуть, превратятся в мелкую речную рыбешку. Чтобы достигнуть чаемого результата, индейцы должны веровать и устраивать «пляску духов».

James Mooney, *The Ghost-Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890*, Fourteenth Annual Report, part 2, Bureau of American Ethnology, Washington, D.C., 1896, pp. 641–1110.

195

РЕЛИГИЯ «ПЛЯСКИ ДУХОВ» (СИУ): ЦЕРЕМОНИЯ

Как правило, пляска начинается во второй половине дня или позже, после захода солнца. В первом случае всегда бывает перерыв на один-два часа для ужина. О пляске объявляют кричальщики, старики, занимающие эту должность, очевидно, по общему молчаливому согласию; они обходят лагерь, громко призывая народ готовиться к пляске. Предварительное раскрашивание и одевание занимает обыкновенно около двух часов. Когда все готово, зачинатели выходят на площадку для пляски и с отсутствующим взглядом берут друг друга за руки, образуя небольшой круг. Затем, оставаясь на месте, они запевают первую песню — по предварительному соглашению, вполголоса. Пропев ее дважды, они повторяют ее во весь голос, на сей раз медленно кружась в пляске. Их па отличаются от тех, что приняты в большинстве индейских танцев, но при этом они очень простые: танцоры движутся справа налево, следуя ходу солнца, отставляя левую ногу и перенося вслед за ней правую, почти не отрывая стопы от земли. Поэтому у шошонов этот танец называется «волочащимся». Все песни приспособлены к простому размеру плясового ритма. Песня крепнет, и поодиночке или группами люди подходят с разных сторон, один за другим присоединяясь к кругу, пока в пляску не втянутся от пятидесяти до пятисот мужчин, женщин и детей. Если круг невелик, каждая песня повторяется через несколько оборотов. Если же он

разросся, то каждая песня повторяется через один оборот, отмеряемый возвращением зачинателей к начальному пункту. Каждая песня запевается на один и тот же манер, сперва вполголоса, когда певцы стоят недвижно на местах, а затем во весь голос, когда они пускаются в пляс. В интервалах между песнями, особенно когда начинаются трансы, танцоры размыкают руки и усаживаются на несколько минут, чтобы поговорить. В такие моменты зачинатели иногда произносят короткие речи или проповеди либо пересказывают свежие впечатления от транса. Держась за руки, танцоры обычно сплетают пальцы, а не захватывают ладони, как это принято у нас. Старики, ковыляющие, опираясь на посох, и малые дети, только-только вставшие на ноги, иногда тоже становятся частью круга, и более энергичные танцоры соразмеряют движение с их силами. Часто можно увидеть женщину, присоединившуюся к кругу, с младенцем за спиной; она пляшет вместе с другими, но едва она выкажет малейший признак надвигающегося возбуждения, бдительные друзья уводят ее прочь, чтобы ребенок не претерпел ни малейшего вреда. Собак отгоняют как можно дальше от круга, чтобы они не подбегали к впавшим в транс и таким образом не разбудили их. Сами танцоры следят за тем, чтобы не тревожить находящихся в трансе, пока их души пребывают в духовном мире. Используется полное индейское облачение с оленьей кожей, краской и перьями, но у сиу женщины отбрасывают пояса, украшенные кругляшками из немецкого серебра, так как этот металл попал к ним от белого человека. У южных племен, напротив, во время танца надевают шляпы, хотя это и не в полной мере отвечает требованиям учения.

Ни барабан, ни трещотка, ни другие музыкальные инструменты во время пляски не используются, разве что иногда — одним из танцоров, который подражает видениям, созерцаемым в трансе. В этом отношении «пляска духов» разительно отличается от любой другой индейской пляски. Насколько известно, ни одно племя, за исключением валапаи, не разбивает костров внутри круга. Впрочем, северные шейенны сооружали четыре костра специфического вида за пределами круга. Большинством племен пляска исполнялась вокруг дерева или шеста, установленного в центре и разнообразно украшенного. Однако на южных равнинах, по-видимому, только кайова следовали этому методу, танцуя иногда вокруг кедра. Разомкнув круг в конце пляски, участники подбрасывали свои одеяла или платки в небо с целью отогнать всяческое зло. Согласно позднейшим наставлениям мессии, после этого все спускались омыться в реке, мужчины и женщины отдельно, прежде чем разойтись по жилищам. Идея очищения от злотворных влияний, как духовных, так и земных, путем омовения в проточной воде тоже слишком естественна и универсальна, чтобы требовать комментария...

Самая важная черта «пляски духов» и тайна трансов заключаются в гипнотизме... Сразу же по прибытии к арапахо и шейеннам в 1890 году я слышал многочисленные рассказы о чудесах, случавшихся во время «пляс-

ки духов»: люди умирали, восходили на небо и возвращались; они беседовали с умершими друзьями и приносили вести из другого мира. Упоминались многие, «умершие» таким образом, и их приключения в стране духов излагались на редкость подробно, но поскольку большинство свидетельств дошло от белых, ни один из которых не был очевидцем пляски, я хранил научное, скептическое к ним отношение. Насколько можно установить, ни один из разумных представителей агентства не считал этот предмет достойным серьезного рассмотрения, чтобы разбираться в их истинности или ложности. Беседуя с индейцами, я обнаружил в их рассказах о видениях полное единодушие и начал подумывать, что в этом, возможно, что-то есть.

Первым ключом к объяснению стало описание собственного опыта, данное Полом Бойнтоном, чрезвычайно смышленым учащимся из Карлайла, который был моим толмачом. Незадолго до этого у него умер брат, и так как Пол страшно хотел увидеть его и поговорить с ним, возможность чего обещала новая религия, то он принял участие в ближайшей «пляске духов» и, возложив руки на голову Сидячего Быка, сообразно правильной формуле, попросил его помочь увидеться с умершим братом. Пол — человек пытливый, и наряду с естественным желанием еще раз повидаться с умершим братом им двигало еще и желание, по его словам, испытать «все эти индейские трюки». Он рассказывал, что затем Сидячий Бык загипнотизировал его орлиным пером и движением рук; он потерял сознание и действительно увидел брата, но проснулся в тот самый момент, когда собирался заговорить с ним, вероятно, потому, что один из танцоров случайно коснулся его распростертого на земле тела. Он запечатлел свое переживание в песне, которая позднее распевалась во время пляски. Из его рассказа со всей очевидностью явствует, что секрет заключался в гипнотизме.

James Mooney, *The Ghost-Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890*, Fourteenth Annual Report, part 2, Bureau of American Ethnology, Washington, D.C., 1896, pp. 920–923.

196

ДЖОН ФРАМ: МИЛЛЕНАРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАННЕ (НОВЫЕ ГЕБРИДЫ)

Милленаристские тенденции были отмечены перед самым началом XX века, когда появились слухи о том, что Иисус сойдет в мир и выведет христиан на небо, тогда как Танна и язычники будут уничтожены огнем. Но первые значимые признаки брожения среди туземцев проявились гораздо позднее. В начале 1940 года обнаружились признаки беспокойства.

обостренного, несомненно, падением цен на копру. Вдруг стали устраиваться собрания, на которые не допускались белые и женщины. Целью собраний было получение вести от некоего Джона Фрама (иногда его имя произносили «Джонфрам»), которого описывают как «таинственного низкого человека с бесцветными волосами, высоким голосом, в плаще с блестящими пуговицами». Он был «талантливым постановщиком... приходил ночью, при слабом свете костра, к людям, находящимся под действием кавы». Джон Фрам выступал с пацифистскими нравственными порицаниями лености, побуждал к совместному возделыванию садов и кооперации и призывал плясать и пить каву. Поначалу его весть была обращена против белых, а его пророчества носили традиционный характер.

Пророка считали представителем или земным воплощением Караперамуна, бога самой высокой горы на острове Тукосмеру. Караперамун явился в облике Джона Фрама, которого надлежало прятать от белых и женщин.

Джон Фрам проповедовал грядущий катаклизм, в результате которого Танна станет плоской, вулканические вершины осядут и наполнят русла рек, образовав плодородные равнины, а Танна соединится с соседними островами Эроманга и Анеитьюм, образовав новый остров. Тогда явит себя Джон Фрам, неся с собой царство блаженства, туземцы снова обретут молодость, и не будет ни болезней, ни необходимости возделывать сады, ухаживать за деревьями или свиньями. Белые уйдут; Джон Фрам учредит новые школы вместо миссионерских и будет платить вождям и учителям.

Лишь одна трудность препятствовала немедленному достижению этого счастливого состояния — присутствие белых, которых и надлежало прогнать первым делом. Следовало также отказаться от использования европейских денег. Венцом учения было восстановление многих древних обычаев, запрещенных миссионерами, — прежде всего питья кавы, а также плясок, многоженства и т. д. Иммигрантов с других островов следовало отправить по домам.

Его программа не сводилась просто к «регрессии». Возрождению подлежали не все древние обычаи, а те, что были запрещены миссиями. И чаемое будущее было не восстановлением древнего трайбализма и ручного земледелия, но новой жизнью со «всеми материальными богатствами европейцев», перешедшими к туземцам. Джон Фрам обещал снабдить всех необходимыми деньгами.

Туземцы устроили настоящую оргию трат в европейских магазинах, с тем чтобы избавиться от денег европейцев, заменив их деньгами Джона Фрама, на которых был бы отчеканен кокосовый орех. Некоторые даже выбрасывали свои старинные сбережения в море, полагая, что «когда на острове не останется денег, белые торговцы вынуждены будут убраться, так как здесь им больше будет нечего делать». Для избавления от еды

устраивались пышные застолья. Таким образом, в общих радостных ожиданиях большинства не было ничего пуританского или похожего на средневековый европейский «аскетизм». Скорее в этой оргии потребления воплощалась солидарность между богатыми и бедными, так как существующие состояния не имели никакого смысла в свете грядущих баснословных богатств. Пятница, на которую было назначено наступление тысячелетнего царства, стала священным днем, тогда как по субботам устраивали пляски и пили каву. «Праздникам сопутствовала известная распущенность», — замечает Гуярт. Можно быть уверенными в том, что в этом выражалось некое социально признанное нарушение существующих условностей.

Организаторами движения были вестники, прозванные «веревками Джона Фрама». Энтузиасты покидали существующие христианские поселения, построенные миссиями и отданные во власть вождей-христиан, маленькими семейными ячейками рассеиваясь по «первобытным хижинам» либо присоединяясь к язычникам в глубине острова. Этот процесс, хотя формально и противоположный исконному коммунизму на Санто, символизирует тот же фундаментальный социальный факт: разрыв с поселениями, находящимися под контролем миссий, и старинной моделью коллективной жизни.

Первая волна джонфрамизма в апреле 1940 года не вызвала особой тревоги, но возрождение движения в мае 1941 года произвело заметный переполох. Внезапно туземцы начали приносить огромные количества денег. Появились даже золотые соверены, лежавшие под спудом с 1912 года, когда их выплатили вождям, признавшим власть правительства; возможно, это символизировало отказ от прежнего соглашения. Иные туземцы приносили более 100 фунтов наличными; они забивали коров и свиней, пили каву и целыми ночами плясали в поселениях Грин-Пойнта на западном побережье, где находился центр движения. В воскресенье, 11 мая, пресвитерианские миссии обнаружили, что на службу никто не пришел. Один из самых влиятельных вождей отдал распоряжение оставить миссию и ее школы. Доминиканские службы также не посещались.

По прошествии недели Найкол [британский агент] посетил Грин-Пойнт только для того, чтобы найти его покинутым; он застал лишь несколько жинщин и детей. Для подкрепления он вызвал из Вилы двадцать полицейских и с помощью одного из вождей арестовал лидеров джонфрамистов. Грозная толпа шла за ним, восклицая: «Держитесь твердо за Джона Фрама!»

На суде выяснилось, что Джон Фрам — это туземец лет тридцати пяти по имени Манехиви. Он был неграмотен (хотя и делал вид, что умеет читать) и отказывался сказать, где получил свой плащ с золотыми пуговицами. Манехеви был приговорен к трехлетнему заключению и пятилетней

ссылке с Танны; девять остальных получили по году тюрьмы; Найкол велел привязать Манехиви к дереву и выставить его на день на всеобщее обозрение как шарлатана; по его настоянию, пятеро вождей подписали акт об отречении Джона Фрама и оштрафовали его на 100 фунтов.

Несмотря на репрессии, движение разрасталось. В декабре 1941 года произошла новая крупная вспышка. Новости о Пирл-Харборе просочились даже к туземцам с Танны, хотя победа приписывалась немцам, которые вот-вот выиграют войну. Ввиду растущих антибританских настроений Найкол арестовал двадцать туземцев и отослал их в Вилу, рекомендуя учредить постоянный полицейский отряд.

А между тем вожди джонфрамистов в Виле не теряли времени даром. Манехиви не был настоящим Джоном Фрамом, говорили в народе; последний по-прежнему на свободе. Миссионеры перехватили послания из Вилы, подписанные вторым Джоном Фрамом — полицейским Джо Нальпином — и адресованные вождю с западного побережья и двум другим туземцам. В них возникает новая тема: Джон Фрам — это то ли король Америки, то ли он собирается послать своего сына в Америку на поиски короля, то ли его сын прибывает из Америки, то ли его сыновья должны искать Джона Фрама в Америке. На горе Тукосмеру «приземлятся невидимые самолеты Джона Фрама». Фактически Нальпин помогал направлять новую стадию движения из тюрьмы, где он отбывал девятимесячный срок.

Появившиеся в январе австралийские патрульные летающие лодки, вероятно, положили начало слухам о том, что трое сыновей Джона Фрама — Исаак, Иаков и Ластван (Last-One — букв. «Последний») — приземлились на противоположной Грин-Пойнту стороне острова. Ночью и днем устраивались посиделки (junketings), так как считалось, что пришествие Джона Фрама неминуемо. Появление первых американцев и множества самолетов подлило масла в огонь...

Американцы выдвигались навстречу японской угрозе, и новости об их прибытии разлетались по островам. Арестовали туземца, утверждавшего, будто на горе Тукосмеру «полно солдат»; в один прекрасный день это откроется, и солдаты будут сражаться за Джона Фрама. Но самой потрясающей новостью было то, что многие из американских солдат были *черными*! Пророчествовали, что множество черных американцев придут, чтобы править туземцами. Их доллары станут новой валютой: они освободят заключенных и выплатят жалованье.

Таким образом, американцы встретили блестящий прием, когда начали нанимать местных рабочих. Движение на Танне возродилось, а питье кавы и пляски вернулись в повестку дня, особенно на восточном побережье; миссии по-прежнему бойкотировались. Были произведены новые аресты, арестованных отослали в Вилу, где многим разрешили работать на Военно-Воздушные Силы США...

В октябре Найкол вернулся. Его приезд спровоцировал новую джонфрамистскую демонстрацию, разогнанную полицией. Вооруженные ружьями и дубинами туземцы оказали сопротивление, и пришлось вызвать дополнительные силы. Новый лидер на севере острова, Нелоайг (Нилавиханг), провозгласил себя Джоном Фрамом, королем Америки и Танны. Он организовал вооруженный отряд, занявшийся мобилизацией рабочих для строительства аэродрома, который, как ему якобы говорили американцы, строится для самолетов Американского Освободителя, доставляющих товары от отца Джона Фрама. Несколько туземцев воспротивились насильственной мобилизации и были ранены. Районный агент сделал вид, что требует предоставить ему корабль для эвакуации с острова, и тайно радировал о помощи. Он арестовал Нелоайга, когда последний пришел к нему в офис.

Арест Нелоайга вызвал требования о его освобождении. Сторонники Джона Фрама продолжали упорно и лихорадочно строить взлетную полосу, а отряд приверженцев Нелоайга даже предпринял попытку освободить его из тюрьмы. На взлетную полосу Джона Фрама были немедленно высланы полицейские подкрепления вместе с двумя американскими офицерами. Там они обнаружили двести рабочих, которых окружали вооруженные туземцы. После того как последние были разоружены, американский офицер обратился к туземцам, пытаясь убедить их в нелепости всей затеи. Его слова были подкреплены демонстрацией мощи автомата Томпсона, из которого был расстрелян плакат Джона Фрама, приколотый к ближайшему дереву. Многие в панике бежали; тогда полиция сожгла хижину Джона Фрама и арестовала сорок шесть человек. Нелоайг получил два года, десять его сподвижников — по году, а остальные по три месяца тюрьмы. Позже Нелоайг сбежал и три года скрывался в пустынных землях, прежде чем сдаться властям. В апреле 1948 года он был помещен в дом для душевнобольных. Его жену задержали в Виле, но жители северной Танны по-прежнему выказывали ей свое уважение.

Будучи неграмотным, Нелоайг делал вид, что умеет читать, и организовывал собственные школы. Когда в 1943 году миссионеры в Ленакеле попытались возобновить обучение, в классы пришли всего пятьдесят детей, тогда как все население составляло 2 500 человек. Пляски и питье кавы по-прежнему процветали, и поселения пришли в упадок. Джонфрамизм цвел пышным цветом. Его ряды пополнялись также и за счет язычников: языческие лидеры давно уже пытались противопоставить миссиям правительство; был среди них и отец Нелоайга.

Peter Worsley, *The Trumpet Shall Sound: A Study of 'Cargo' Cults in Melanesia*, London, MacGibbon & Kee, 1957, pp. 153–159.

197
МЕССИАНСКИЙ НАГОЙ КУЛЬТ В САНТО (НОВЫЕ ГЕБРИДЫ)

Примерно в 1944–1945 годах общины аборигенов центрального Санто (т. е. Эспириту Санто) охватило любопытное умонастроение, которое мы, вслед за аборигенами Санто, будем называть Нагим Культом (Naked Cult). Они называли последователей культа *маламала* — нагим народом.

Поход, предпринятый нами в 1948 году, представил все это движение в совершенно новом свете. Мы обнаружили, что чем глубже продвигаемся на запад, тем больше встречаем вовлеченных в него людей. Мы посетили немало деревень, население которых открыто практиковало Культ, весьма значительно видоизменив свои традиционные языческие обычаи. Мы столкнулись даже с определенной враждебностью, что немаловажно для выяснения того, какая движущая сила находилась в основе Культа.

Приблизительное количество активных приверженцев Культа установить не просто, но, на мой взгляд, их было не менее пятисот. Таким образом, они составляли примерно одну треть языческого населения Санто, где утвердился Культ. Хотя мы посещали деревни, где насчитывалось более 100 таких последователей, в действительности мы не заходили достаточно глубоко на западные возвышенности, где находилось настоящее сердце движения. Ниже, однако, приводятся показания местных вождей, которых ненадолго принудили участвовать в Культе, или же тех, которые сумели отразить его эмиссаров, навещавших их деревни...

Все, что я смог узнать за прошлый год с помощью расспросов, — это то, что движущей силой Культа был человек по имени Тьека (англ. — Джек). На вопрос, где он живет, мне неопределенно ответили «наверху», что на пиджине означает «в глубине острова». В этом году я получил о нем новые сведения. Он живет на реке Бьераи, на восточных склонах Тава Масана, и владеет двумя деревнями, расположенными в шести милях друг от друга; деревни называются Наку и Лори. Он молод, ему, насколько я могу судить, лет тридцать пять — сорок. По словам моих информаторов, он никогда не работал на белых, в отличие от некоторых из своих людей, которые работали на белых в прошлом. Он имеет двух жен (по словам другого информатора, только одну).

Война уже подходила к концу, когда он начал проповедовать Культ, выслав тридцать своих людей из соседних деревень в крестовый поход по деревням внутреннего Санто. Повсюду они провозглашали одно и то же:

1. Снимите свои набедренные повязки. Женщины должны снять свои накидки из листьев. Следует снять ожерелья из бус и браслеты. Все эти вещи оскверняют.

2. Уничтожьте все свое имущество, которое вы получили от белых, — ситец, деньги, орудия; кроме того, забросьте все свои ремесла, такие, как плетение корзин и циновок. Лучше с этим не связываться.

3. Сожгите все свои нынешние дома и отстройте их по такому новому плану:

а) В каждой деревне должны быть построены два больших общинных дома — один для того, чтобы в нем спали ночью мужчины; другой для того, чтобы в нем спали ночью женщины. Совместное проживание мужей и жен запрещается.

б) При каждом общинном доме должны быть построены кухни. В общинных домах готовить пищу запрещается.

4. Вся пища должна готовиться по утрам. Готовить вечером запрещается.

5. Работать на белого человека запрещается.

6. Убейте всех животных в своих деревнях: собак, кошек, свиней и т. д.

7. По-видимому, им также давались обещания о скором пришествии «Америки»; они получат всевозможные блага; они никогда не умрут и будут жить вечно.

8. Всеми последователями Культа был принят общий язык «маман», несмотря на то что деревни принадлежали к совершенно разным языковым группам.

9. Многие древние табу упразднялись: запрет на брак внутри тотемной группы, период изоляции после родов, необходимость выкупать невест; погребальный обряд был изменен таким образом, что теперь тело выставлялось на деревянной платформе в буше (как в некоторых районах Малекулы), а не погребалось в полу дома умершего (как принято в центральном Санто).

Не все деревни подчинились этому учению. Основным требованием было сбросить набедренную повязку. В трех разных поселениях мы познакомились с интересными сообщениями о том, что происходило по прибытии отряда устрашения. Они были достаточно сильны, чтобы запугать обычную общину аборигенов, состоящую из двадцати—сорока душ, а тот факт, что они наносили повторные визиты, демонстрировал известную решимость настоять на своей точке зрения.

J. Graham Miller, 'Naked Cult in Central West Santo', *The Journal of the Polynesian Society*, vol. 57, 1948, pp. 330–341.

ГЛАВА V

ПРОФЕССИОНАЛЫ САКРАЛЬНОГО: ОТ ЗНАХАРЕЙ ДО МИСТИКОВ И ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ РЕЛИГИЙ

ШАМАНЫ И ЗНАХАРИ

Шаманизм — это религиозный феномен, свойственный сибирским и урало-алтайским народностям. Слово «шаман» имеет якутское происхождение («саман») и проникло в европейскую научную терминологию посредством русского языка. Хотя наиболее полное выражение шаманизма обнаруживается в арктическом и центральноазиатском регионах, его распространение не ограничивается этими областями. Он встречается, например, в Юго-Восточной Азии, Океании и среди многих аборигенных племен Северной Америки. Однако надлежит различать религии, в которых шаманистическая идеология и шаманистические техники преобладают (как в случае с сибирской и индонезийской религиями), и религии, в которых шаманизм выступает в качестве второстепенного явления.

Шаман — это знахарь, жрец и душеводитель; иными словами, он лечит болезни, руководит общественными жертвоприношениями и провожает души мертвых в иной мир. Все это возможно благодаря тому, что он владеет техниками экстаза, т. е. способен покидать свое тело по собственной воле. В Сибири и Северо-Восточной Азии человек становится шаманом посредством наследственной передачи профессии шамана, спонтанного призвания или «избрания». Реже встречаются шаманы, ставшие таковыми по своей воле или по просьбе рода, но такие шаманы считаются более слабыми, чем те, кто наследует профессию или «избирается» сверхъестественными существами. С другой стороны, в Северной Америке главенствующим методом является добровольное «искание» силы. Вне зависимости от способа отбора шаман признается таковым только после череды инициационных испытаний, которыми завершается обучение у сведущих наставников.

В Северной и Центральной Азии испытания происходят, как правило, в течение неопределенного срока, во время которого будущий шаман болеет и остается в своем шатре или бродит по безлюдной местности, ведя себя столь эксцентрично, что может быть принят за безумца. Несколько авторов дошли до того, что объясняют арктический и сибирский шаманизм как ритуализованное выражение психоментального заболевания, в частности арктической истерии. Но «избранный» становится шаманом только в том случае, если он способен истолковать свой патологический кризис как религиозный опыт и ему удастся себя излечить. Серьезные кризисы, иногда сопровождающие «избрание» будущего шамана, должны рассматриваться как посвятительные испытания. Каждое посвящение влечет за собой символическую смерть и воскресение неофита. В снах и галлюцинациях будущего шамана обнаруживается классическая модель посвящения: его терзают демоны, тело его раздирается на куски, он спускается в преисподнюю или восходит на небо и в конце возвращается к жизни. Иными словами, он обретает новый образ существования, что позволяет ему вступать в сношения со сверхъестественными мирами. Шаман приобретает способность «видеть» духов, а сам он ведет себя, подобно духу; он может покидать тело и в состоянии экстаза посещать все области мира. Но одного лишь экстатического опыта недостаточно для того, чтобы стать шаманом. Неофит должен получить у наставников знания о религиозных традициях племени, он учится распознавать различные болезни и лечить их.

У некоторых сибирских народов посвящение шамана является публичным событием. Так, у бурятов неофит забирается на березу, символ мирового древа, что мыслится как восхождение на небо. Восхождение на небо — одна из специфических черт сибирского и центральноазиатского шаманизма. По случаю принесения в жертву коня алтайский шаман восходит на небо для того, чтобы поднести небесному богу душу принесенного в жертву коня. Восхождение осуществляется так: шаман взбирается по стволу березы, отмеченному девятью зарубками, каждая из которых символизирует особое небо.

Самая важная функция шамана — целительство. Поскольку болезнь мыслится как утрата души, шаман должен первым делом выяснить, далеко ли ушла душа больного от поселения, была ли она похищена демонами и заключена в мире ином. В первом случае исцеление не слишком трудно: шаман пленяет душу и возвращает ее в тело больного. Во втором он должен спуститься в нижний мир, что является сложным и опасным предприятием. Не менее захватывающе путешествие в иной мир шамана, провожающего душу покойного в его новое жилище; шаман рассказывает присутствующим обо всех происшествиях, случающихся по пути.

198

ВОСПИТАНИЕ ЗНАХАРЯ: ПЛЕМЯ ВИРАДЖУРИ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АВСТРАЛИЯ)

Мой отец — Йибаи-дтхулин. Когда я был маленьким, он отвел меня в буш готовить к тому, чтобы я стал Вулла-муллунг. Он положил два больших кварцевых кристалла мне на грудь, и они исчезли внутри меня. Я не знаю, как они прошли, но я почувствовал, что они проходят через меня, как тепло. Это было для того, чтобы сделать меня дельным и толковым. Он еще дал мне несколько предметов, похожих на кристаллы кварца, в воде. Они выглядели как лед, вода была вкусной. После этого я стал видеть вещи, которых не видела моя мать. Бывая с ней, я спрашивал: «Что это там, как будто человек идет?» А она отвечала: «Дитя, там нет ничего». То были духи (*jir*), которых я начал видеть.

Когда мне было лет десять, меня взяли на Бурбунг[1], и там я увидел, что могут делать с собой старики; а когда мне выбили зуб, старики погнались за мной с *валлунгами*[2] во рту, крича: «*Нгаи, Нгаи*» и протягивая ко мне руки. На какое-то время я ушел в буш, и ко мне туда пришел старик-отец. Он сказал: «Выйди ко мне» и показал мне кусочек кварцевого кристалла, который был у него в руке, и я увидел, как он подходит, весь покрытый красной пылью. Меня это очень напугало. Тогда он сказал: «Подойди ко мне», и я подошел, а он сказал: «Попробуй создать валлунг». Я попробовал, и у меня получилось. Тогда он сказал: «Пойдем со мной в одно место». Я увидел, что он стоит рядом с дырой в земле, которая ведет в могилу. Я вошел внутрь и увидел мертвеца, который натер меня всего, чтобы сделать меня умным, и дал мне несколько валлунгов. Когда мы вышли, отец показал мне на Гунр (тигровую змею) и сказал: «Это твой *буджан*[3]; мой тоже». К хвосту змеи была привязана нитка, которая тянулась к нам. Это была одна из тех ниток, которые производят из себя знахари...

Он взялся за нить и сказал: «Последуем за ней». Тигровая змея проползла сквозь несколько деревьев, а мы прошли за ней. Потом мы пришли к большому дереву Курраджонг, и прошли сквозь него, а после этого оказались у дерева с большим наростом вокруг корней. Как раз в таких местах живет Дарамулун. Тут Гунр спустился под землю, мы последовали за ним и очутились внутри дерева, которое было пустым. Там я увидел несколько маленьких Дарамулунов, сыновей Байаме. После того как мы снова вышли наружу, змея провела нас в большое отверстие в земле, где было несколько змей, которые потерлись об меня, но вреда не причинили, так как они были моим *буджаном*. Они делали это для того, чтобы я стал умнее, стал Вулла-муллунг. Тогда отец сказал мне: «Мы поднимемся в лагерь

Байаме». Он сел верхом на *Мауир* (нить) и посадил меня на другую, и мы взялись за руки. На конце нити был Вомбу, птица Байаме. Мы миновали облака, и на другой стороне было небо. Мы прошли через то место, через которое проходят лекари: оно открылось и захлопнулось очень быстро. Мой отец сказал, что если оно касается проходящего лекаря, то это вредит его духу, и по возвращении домой он заболевает и умирает. На другой стороне мы увидели Байаме, сидящего в своем лагере. То был очень большой старик с длинной бородой. Он сидел, поджав ноги, и от его плеч отходили два огромных кварцевых кристалла к небу над ним. Там было также много сыновей Байаме и его народа — птиц и зверей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обряды посвящения.
[2] Кварцевые кристаллы.
[3] *Буджан* — тайный личный тотем.

A.S. Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*, London. 1904, pp. 406–408.

199

ИНИЦИАЦИЯ ЗНАХАРЯ: ПЛЕМЯ КУРНАИ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АВСТРАЛИЯ)

Рассказывает знахарь:

«Когда я был подростком и у меня начинала пробиваться борода, я был в Альбертоне вместе с моим народом. Там был Бунджиль-гворан и другие старики. Несколько раз мне приснился отец, и три раза я видел сон об одном и том же. В первый и во второй раз он пришел с братом и другими стариками и надел мне на голову убор из перьев лирохвоста. Во второй раз они все были натерты найал (красной охрой) и одеты в бридда-бридда. В третий раз они обвязали вокруг моей шеи и груди веревку из китовых жил, подняли меня в воздух, пронесли над морем у бухты Корнер и опустили на землю близ Илука [мыс Уилсона]. Я оказался перед большой скалой, похожей на переднюю часть дома. Я заметил, что в скале было что-то вроде отверстия. Отец что-то повязал мне на глаза и ввел внутрь. Я понял это по тому, что скала громко захлопнулась за мной. Затем он снял повязку у меня с глаз, и я обнаружил, что нахожусь в месте, где светло, как днем, а вокруг меня собрались все старики. Отец показал мне несколько сияющих ярких предметов, схожих со стеклом, на

стенах и велел мне взять несколько из них. Я взял один предмет и плотно сжал его в руке. Когда мы вышли наружу, отец показал мне, как спрятать эти вещи в ногах и как их снова извлечь наружу. Он также научил меня бросать ими в людей. После этого он с другими стариками отнес меня обратно в лагерь и поместил на верхушку большого дерева. Он сказал: «Закричи и скажи им, что ты вернулся». Так я и сделал. Я услышал, что люди в лагере просыпаются, а женщины бьют в ковры, приглашая меня спуститься, потому что я был теперь Мулла-муллунг. Тут я проснулся и обнаружил, что лежу на суку дерева. Тут появились старики с палочками для разжигания огня, и когда они подошли к дереву, я был уже внизу. Я стоял рядом с деревом и держал в руке предмет, который дал мне отец. Он был похож на стекло, и мы называем его *Киджн*. Я все рассказал старикам, и они сказали мне, что я лекарь. С этого времени я мог извлекать из людей разные вещи и по вечерам бросать *Киджн* в людей, словно молнию, говоря ему: «*Блапан*» (иди!). Таким путем я поймал несколько человек. Несколько лет спустя я начал пить и тогда потерял мой *Киджн* и всю свою силу; с тех пор у меня ничего не получалось. Я хранил его в сумке из шкуры опоссума, в дупле. Однажды мне приснилось, что я уснул в лагере и жена бросила в меня *крук* [менструальная кровь], и после этого *Киджн* пропал из сумки. Я не знаю, куда он делся. Я спал под деревом, где я оставил его, надеялся, что сила вернется, но я больше не нашел *Киджн*, и он мне больше не снился».

A.S. Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*, London, 1904, pp. 408–410.

200

ИНИЦИАЦИЯ ЗНАХАРЯ БИНБИНГА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВСТРАЛИЯ)

Бинбинга убеждены, что знахари освящаются духами Мундаджи и Мунканинджи (отцом и сыном). Колдун Куркутжи рассказал о том, как он, войдя однажды в пещеру, наткнулся на старика Мундаджи, который схватил его за горло и убил.

Мундаджи разрезал его [Куркутжи] посередине, вынул все его внутренности и заменил их своими. В то же время он положил в его тело несколько священных камней. После этого к нему подошел дух молодого Мунканинджи, который воскресил его и сказал, что теперь он — знахарь; он показал ему, как вынимать из людей кости, и научил другим видам колдовства. Затем он отвел его на небо и доставил на землю неподалеку от лагеря, где он услышал, что аборигены оплакивают его, считая мертвым.

Долгое время он не мог прийти в себя, но понемногу очнулся, и аборигены поняли, что он стал знахарем. Во время его операций дух Мунканинджи якобы находится поблизости и наблюдает за ним; простые люди, разумеется, Мунканинджи не видят. Вынимая кость (эта операция обычно проводится под покровом темноты), Куркутжи первым делом изо всей силы впивается губами в живот пациента и извлекает некоторое количество крови. Затем он делает пассы над телом, сопровождая свои действия увесистыми шлепками, ударами и засосами, пока наконец кость не выйдет наружу; тогда он незамедлительно, пока ее не увидели зрители, отбрасывает ее в ту сторону, где в качестве безмолвного созерцателя сидит Мунканинджи. После этого Куркутжи сообщает аборигенам, что должен пойти спросить Мунканинджи, не разрешит ли он ему, Куркутжи, показать им кость; получив позволение, он идет туда, где предварительно положил ее, и возвращается с нею.

B. Spencer and F.J. Gillen, *The Northern Tribes of Central Australia*, London, 1904, pp. 487–488.

201

ИНИЦИАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО ЗНАХАРЯ: ПЛЕМЯ УНМАТЖЕРА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВСТРАЛИЯ)

Как в североазиатских или американских общинах, так и в Австралии шаманом становятся тремя способами: путем наследования профессии, по призванию или избранию, в результате личного поиска. Однако какой бы путь ни был избран, кандидат считается знахарем лишь после того, как его признают несколько знахарей, как он пройдет обучение у кого-нибудь из них и — прежде всего — как он подвергнется более или менее трудной инициации. В большинстве случаев инициация сводится к экстатическому переживанию, во время которого кандидат претерпевает воздействие на него со стороны мифических существ и предпринимает восхождение на Небо или спуск в подземный мир. (Ср. M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series LXXVI, 1964, pp. 45 ff.)

Ниже приводятся слова Илпаилуркны, знаменитого колдуна из племени унматжера, в изложении Спенсера и Джиллена.

Однажды, до того как он стал знахарем, к нему пришел очень старый лекарь и бросил в него из копьеметалки несколько камней *атнонгара*[1].

Несколько камней ударили его в грудь, другие попали ему в голову и убили. Потом старик вырезал все его внутренности: кишки, печень, сердце, легкие — все-все — и оставил его на всю ночь лежать на земле. Утром старик пришел на него посмотреть и положил в его тело, руки и ноги несколько камней *атнонгара*, покрыв его лицо листвой. Затем он запел над ним, пока тело не раздулось. После этого он снабдил его полным набором новых внутренностей, вложил в него еще несколько камней *атнонгара* и хлопнул его по голове, отчего он ожил и вскочил. Затем старый лекарь дал ему пить воду и есть мясо, в которых были камни *атнонгара*. Очнувшись, он не имел ни малейшего представления о том, где находится, и сказал: «Тжу, тжу, тжу» — «Кажется, я заблудился». Но, оглянувшись по сторонам, он увидел стоявшего рядом старика-лекаря, и тот сказал: «Нет, ты не заблудился. Я убил тебя давным-давно». Илпаилуркна совершенно забыл, кто он и что с ним было до этого. Некоторое время спустя старик отвел его назад и показал ему лагерь, сказав, что увиденная им женщина — его жена, потому что сам он совсем ее забыл. Такое его возвращение и странное поведение тут же дали аборигенам понять, что он стал знахарем.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Камни *атнонгара* представляют собой маленькие кристаллические образования, которые каждый знахарь должен уметь извлекать из своего тела, по которому они якобы распределены. Фактически именно обладание этими камнями наделяет знахаря присущей ему силой.

B. Spencer and F.J. Gillen, *The Northern Tribes of Central Australia*, London, 1904, pp. 480–481.

202

КАК ЛЕБИД СТАЛ ШАМАНОМ (ИНДЕЙЦЫ КВАКИУТЛЬ)

«Лебид долго болел, — поведал сказитель. — Три зимы он лежал в постели, кожа да кости. Была середина зимы, стояли лютые холода...

[После того как Лебид умер, тело его завернули в одеяла и положили в дальнем конце деревни Гвекелис. Было слишком холодно, чтобы его кремировать.]

Настала ночь. Когда все гвасила легли спать, неподалеку от Гвекелис завыли волки. К вою одного волка вскоре присоединилось множе-

ство волков. Они собрались вокруг скалы, где был выложен завернутый в одеяла Лебид. Тут гвасила догадались, что волки собираются пожрать его. Вероятно, волки расселись вокруг мертвеца, потому что они подняли дружный вой. Гвасила не спали, потому что были напуганы Перед рассветом вой не прекращался, выло много волков. Тут все гвасила услышали, что Лебид запел свою священную песнь среди воющих волков, и поняли, что он стал шаманом. Наутро волки убрались в лес, и Лебид тоже ушел в лес, распевая священную песнь. Он держался вместе с волками. Напрасно сестры Лебида и его последняя жена Махмаклодалаогва бегали по округе, отыскивая его труп, выложенный на скалы. Они видели следы Лебида, шедшего среди волков. Тогда шаманы наквахдах попросили гвасила омыться вместе с женщинами и детьми, утром и вечером, чтобы очиститься. Так они и сделали. Его не было два дня, и его священную песнь слышали в лесах, соседствовавших с Гвекелис... Утром, когда наступил день, гвасила отправились за дровами. Жена, дочери и сестры Лебида чисто убрали его дом... Все гвасила очистились. Вечером, когда стемнело, он пришел, распевая свою священную песнь. Они почти не слышали его в лесу. Гвасила немедленно развели костер посреди дома. В дом вошли все мужчины, женщины, у которых не было месячных, и дети. Всем пришедшим шаман из наквахдах велел принести палочки. Когда у всех в руках были палочки, шаман из наквахдах по имени Оживляющий (Квелкулагила) велел гвасила отбивать быстрый ритм. Все они начали стучать палочками. Прошло много времени, прежде чем они прекратили отбивать ритм. Голос Лебида, распевавшего священную песню, слышался ближе. Гвасила трижды отбили быстрый ритм. Тут звук священной песни раздался перед самым домом. Они снова застучали палочками; на четвертый раз Лебид вошел в дверь — совершенно голый, только голова и шея у него были перевязаны тсугой. Он был очень тощий. Гвасила отбивали ритм. Он обошел вокруг костра посреди дома, продолжая напевать священную песнь. Вот ее слова:

1. Волшебная сила небес, сокровище увели меня далеко в глубь земли, на край света, ха, во, хо.

2. Лишь тогда я был ею исцелен, когда она действительно проникла внутрь меня, прошлая жизнь, приносящая Науалакумэ, сокровище, ха, во, хо.

3. Я пришел лечить исцеляющими средствами Науалакумэ, сокровища. Поэтому я буду приносить жизнь, ха, во, хо.

4. Я пришел с водой жизни, которую вручил мне Науалакумэ, средствами, возвращающими к жизни, сокровищами, ха, во, хо.

Потом Лебид пропел другую священную песнь:

1. Он поворачивается направо, бедняк, сверхъестественный, чтобы обрести сверхъестественного, ха, во, хо.

2. Пусть сверхъестественный будет подателем жизни, сверхъестественным, ха, во, хо.

3. Пусть живет этот бедняк с помощью подателя жизни Науалакумэ, ха, во, хо.

4. Бедняк приходит, этот сверхъестественный приходит, чтобы защитить защитными средствами Науалакумэ, ха, во, хо.

После его пляски из дома вышли все, кроме шаманов. После этого в доме расселись настоящие шаманы гвасила. Лебид уселся на новую подстилку в задней части дома. Все старые шаманы выкрасили свои лица черной краской, все надели шаманские головные кольца из красной кедровой коры. Все надели на шею шаманские ожерелья из красной кедровой коры. Потом все легли на спину и молчали. Только Лебид, новый шаман, вернувшийся к жизни, сидел на своей новой подстилке... Они дожидались того момента, когда уснут все мужчины и женщины, которые не были шаманами. Когда же они решили, что все уснули, они послали четырех настоящих шаманов на разведку, чтобы те заглянули во все дома гвасила и убедились в том, что их двери заперты. Разведчики обнаружили, что все двери закрыты. Они вернулись в собрание шаманов и заперли дверь дома. Они сидели. Какое-то время они сидели в молчании, когда поднялся один из шаманов по имени Приносящий-Жизнь-из-Лесов (Куламольтесила). Он заговорил: «Поистине, друзья, поистине, так это и бывает, ибо мы пришли в этот дом, чтобы присоединившийся к нам недавно Лебид, наш друг, рассказал нам, как он превратился в шамана. Он расскажет нам, как он вернулся к жизни. Он ничего не утаит от своих друзей». Сказав это, он снова сел.

Тогда заговорил Лебид: «Поистине, друзья, братья-шаманы, так вы и должны поступать с новым шаманом. Я расскажу вам, друзья. Я сильно болел, и туда, где я лежал, пришел человек и позвал меня за собой. Я тут же поднялся и пошел за ним. Тогда я увидел, что тело мое осталось лежать и стонать. Мы немного углубились в лес, подошли к дому и вошли в него. Другой человек попросил меня пойти и сесть в дальней части дома. Когда я уселся, заговорил человек, сидевший по правую сторону от входа в дом. Он сказал: «Говори, Науалакумэ, великий шаман, как нам поступить с пришельцем, сидящим среди нас», — вот что он сказал. Тут подошел человек с толстой головной повязкой из красной кедровой коры и с тонким ожерельем из кедровой коры. Он сказал: «Наш друг не останется в стороне, ибо я хочу, чтобы он вернулся к своему племени, стал великим шаманом и лечил больных в своем племени. И он будет называться моим именем. Отныне его имя будет Науалакумэ. И я возьму дыхание из его тела, чтобы удержать его», — сказал он, выходя из дверей дома. Он скоро вернулся и сказал: «Теперь его тело мертво и лежит на земле, ибо я

удерживаю его дыхание, которому принадлежит душа нашего друга. Я дам ему сейчас мою шаманскую силу», — сказал он и изрыгнул кристаллик кварца. Тут все присутствующие начали отбивать ритм на деревяшках. Он пел священную песнь и вставлял в это время кристаллик в нижнюю часть моей грудной кости, а когда рассвело, я стал шаманом. Тогда Науалакумэ сказал: «Сегодня вечером мы еще раз будем отбивать ритм для нашего друга», — вот что он сказал. Тогда все волки, бывшие до того людьми, отправились спать. Вечером они собрались в доме, ибо Лебид по-прежнему сидел там. А когда все собрались, Науалакумэ запел священную песнь и вышел из дома. Потом он вошел. На тыльной стороне его трещотки была изображена фигура волка, вырезанная из тиса. Он обошел вокруг огня в центре дома. Обойдя вокруг него четыре раза, он сел рядом со мной и правой рукой надавил мне на макушку, потом отложил трещотку и надавил на макушку левой рукой; затем он пропел свою священную песнь. Затем он сжал мою голову обеими руками с двух сторон, вдавив их в туловище. Когда его руки соединились, он соединил их ладонями вверх, поднял ладони и отбросил прочь болезнь Лебида. Он проделал эту процедуру четыре раза, и все было кончено... Тут все присутствующие надели волчьи маски, а когда все они облачились, то вышли из дома, и вместе с ними Лебид. Как только он вышел, все волки завыли. Лебид шел вместе с ними, а Науалакумэ удерживал дыхание его тела, ибо только его душа была схвачена волками. Они пришли к камням, где было оставлено тело Лебида. Едва они оказались там, Науалакумэ попросил других волков стянуть подстилку, накрывавшую тело, и две пары одеял, в которые было завернуто тело. Как только это было сделано, Науалакумэ подошел ближе. Он позвал Лебида сесть рядом с ним. Он вложил дыхание ему в рот. Затем он вдул его в уста тела Лебида. Он сказал волкам, чтобы они облизали тело умершего. «Моя душа сидела на земле и просто смотрела на волков, лижущих тело. Скоро оно начало дышать. Тогда Науалакумэ надавил обеими руками на голову души Лебида. Душа принялась уменьшаться и уменьшилась до размеров большой мухи. Он взял ее, поместил Лебиду на макушку и вдул ее внутрь. Лебид тут же встал и пропел священную песнь. Он пел в окружении волков, которые с воем отходили в лес, чтобы вернуться в свой дом. Лебид пошел за ними. Той ночью волки снова отбивали ритм. И тогда они действительно научили Лебида, который звался теперь Науалакумэ, лечить больных. Он сказал, что не умеет отбрасывать (болезнь прочь); а другие гвасила говорят, что он мог отбрасывать (болезнь прочь) — тот, кто звался теперь Науалакумэ. Тогда великий шаман волков [т. е. Лебид] сказал, что он всегда будет напоминать ему во сне «что надлежит делать, леча больных, и наставлять его». А потом я пришел в этот дом, где мы сейчас сидим».

F. Boas, *The Religion of the Kwakiutl Indians*, vol. II, New York, Columbia University Press, 1930, pp. 46–50.

203

«ПРОСВЕТЛЕНИЕ» ЭСКИМОССКИХ ШАМАНОВ (ИГЛУЛИК)

Во время шаманской инициации наставник помогает ученику обрести «свет», или «просветление», *ангакок*, или *куаманек*.

Ангакок представляет собой «таинственный свет, чье присутствие в своем теле — в голове, в мозгу — вдруг ощущает шаман. Этот неизъяснимый сноп света, яркий огонь позволяет ему видеть в темноте — как в буквальном, так и в метафорическом смысле слова, — ибо теперь он даже с закрытыми глазами может смотреть сквозь темноту, видя вещи и приближающиеся события, которые сокрыты от других: таким образом они проникают в будущее и в чужие тайны».

Шаман обретает этот таинственный свет после долгих часов ожидания, сидя на скамье в своей хижине и призывая духов. Когда свет нисходит на него впервые, ощущение такое, «будто дом, в котором он находится, вдруг поднимается; он видит далеко вперед, сквозь горы, как если бы земля была одной большой равниной, и его взгляд достигает конца земли. Отныне ничто от него не сокрыто; он способен не только видеть далекие, очень далекие вещи, но и находить души, похищенные души, которые спрятаны в далеких, странных землях или уведены в Страну Мертвых».

M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series LXXVI, 1964, pp. 60–61; цитируется Knud Rasmussen, *Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos*, Copenhagen, 1930, pp. 112–113.

204

ИНИЦИАЦИОННЫЙ СОН САМОЕДСКОГО* ШАМАНА

Об одном самоедском шамане А.А. Попов рассказывает следующее. Заболев оспой, будущий шаман три дня оставался без сознания и едва не

* «Самоеды» — устаревшее название народов, говорящих на языках самодийской группы: ненцев, энцев, нганасан и селькупов, а также некоторых исчезнувших ныне народностей. В данном случае речь идет о нганасанах (тавгийцах), живущих на полуострове Таймыр. Нганасанский язык разделяется на два диалекта: авамский и вадеевский. Более обстоятельные и свежие сведения о нганасанском шаманстве см.: Грачёва Г. Н. Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX в.). — Л.: Наука, 1981, с. 69—89. — *Прим. ред.*

умер, так что на третий день его уже собрались хоронить. В это время и состоялось его посвящение. Он помнит, что его носило по открытому морю. Там Болезнь (т. е. оспа) заговорила с ним: «От Владык Воды ты получишь дар шаманской силы. Твое шаманское имя — *Хуоттарие* (Ныряльщик)». Затем Болезнь вздыбила воды моря. Он вышел на сушу и начал взбираться на гору. Здесь он повстречал нагую женщину и стал сосать ее грудь. Женщина, которая, по-видимому, была Владычицей Воды, сказала ему: «Ты мое дитя; поэтому я позволяю тебе сосать мою грудь. Тебя ожидает множество трудов, и ты очень устанешь». Затем муж Владычицы Воды, Владыка Подземного мира, дал ему двух проводников — горностая и мышь, чтобы они отвели его в преисподнюю. Когда они оказались на возвышенности, проводники показали ему семь чумов с сорванными крышами. Он вошел в первый чум и нашел там обитателей преисподней и людей Великой Болезни (сифилиса). Они вырвали его сердце и бросили в кастрюлю. В других шатрах он повстречал Владыку Безумия, Владык всех нервных расстройств и злых шаманов. Так он изучил различные недуги, которыми болеет род человеческий.

Следуя за проводниками, он вступил в Страну Шаманки, которая укрепила его глотку и голос. После этого он перенесся на берега Девяти Морей. Посреди одного из них стоял остров, а в центре острова росла молодая береза, поднимавшаяся до небес. То было Древо Владыки Земли. Рядом с ней росло девять трав — прародителей всех земных растений. Дерево было окружено морями, в каждом из которых плавала птица со своим выводком. Там было несколько видов уток, лебедь и ястреб-перепелятник. Он побывал на каждом из морей; одни из них были солеными, другие — настолько горячими, что он не мог приблизиться к берегу. Потом он поднял голову и на вершине дерева увидел людей разных национальностей — нганасан, русских, долган, якутов и тунгусов. До него донеслись голоса: «Решено, что у тебя будет бубен (т. е. корпус бубна) из ветвей этого дерева». Он взлетел вместе с плававшими по морям птицами. Когда он оторвался от берега, его призвал Владыка Древа: «Моя ветвь только что упала; возьми ее и сделай из нее обечайку (обод), которая прослужит тебе всю твою жизнь». От ветки отходили три побега, и Владыка Древа велел ему сделать обечайки для трех бубнов, которые должны храниться у трех женщин; каждый бубен был предназначен для особой церемонии: первый — для помощи роженицам, второй — для исцеления больного, третий — для нахождения людей, заблудившихся в снегах.

Владыка Древа раздал ветки всем тем, кто сидел на вершине дерева. Выступив из ствола дерева по грудь в образе человека, он добавил: «Лишь одну ветвь я не даю шаманам, а берегу ее для остальных людей. Они могут делать из нее жилища и использовать ее для своих нужд. Я — Древо, дающее жизнь всем людям». Крепко сжав ветвь, будущий шаман хотел

было продолжить полет, но снова услышал человеческий голос, который открыл ему целебные свойства семи растений и научил его некоторым шаманским приемам. Но, добавил голос, он должен жениться на трех женщинах (что он и сделал впоследствии, женившись на трех девочках-сиротах, которых вылечил от оспы).

А после этого он пришел к бескрайнему морю и нашел на берегу деревья и семь камней. С каждым камнем у него состоялась беседа. У первого камня были зубы, как у медведя, и впадина, похожая на корзину; оказалось, что на этом камне держится вся земля; своей тяжестью он давит на поля, чтобы их не унес ветер. Второй камень был предназначен для плавки железа. Он провел рядом с камнями семь дней и узнал о том, чем они могут быть полезны людям.

Затем его проводники — горностай и мышь — отвели его на высокую круглую гору. Он увидел перед собой отверстие и вошел в ярко освещенную пещеру, увешанную зеркалами, а в центре пещеры находилось что-то похожее на огонь. Он увидел двух женщин — нагих, но заросших густыми волосами, точно северные олени. Затем он увидел, что это не огонь, а свет, падающий из отверстия вверху. Одна из женщин сказала ему, что беременна и родит двух северных оленей, один из которых будет жертвенным животным долганцев и эвенков, а другой — нганасан. Она дала ему волос, который пригодится ему в будущем, когда он будет колдовать над оленем. Другая женщина тоже родила двух оленей, которые символизировали животных, помогающих человеку во всех его делах и служащих ему пищей. В пещере было два отверстия — северное и южное; через эти отверстия женщины послали по оленю служить лесному народу (долганам и эвенкам). Вторая женщина тоже дала ему волос. Шаманствуя, он мысленно возвращается в ту пещеру.

Затем он попал в пустынную местность и увидел далекую гору. Он дошел до нее за три дня, вступил в отверстие и встретил нагого мужчину, раздувающего кузнечные мехи. На огне стоял казан размером «с полземли». Мужчина заметил пришельца и схватил его огромными клещами. Будущий шаман подумал: «Мне конец!» Кузнец отсек его голову, разрубил тело на кусочки и все сложил в казан, в котором тело варилось три года. В пещере стояло три наковальни, и на одной из них кузнец ковал голову будущего шамана; эта наковальня предназначалась для ковки самых лучших шаманов. Затем он бросил голову в один из стоявших рядом сосудов, где была самая холодная вода. Он рассказал будущему шаману, что когда его позовут лечить больного и вода в ритуальном сосуде будет слишком горяча, то камлать бесполезно, потому что больного уже не спасти; если вода теплая, то больной поправится; если же она холодна, то человек здоров.

Затем кузнец выловил кости шамана из реки, составил их и снова покрыл их плотью. Он пересчитал кости и сообщил, что их слишком много,

поэтому шаману потребуется три шаманских наряда. Он выковал голову и научил шамана читать помещенные внутри нее буквы. Он переделал ему глаза; поэтому-то, когда он камлает, он видит не телесными, а этими таинственными глазами. Кузнец проколол ему уши, чтобы он понимал язык растений. Затем будущий шаман оказался на вершине горы и в конце концов проснулся в своем чуме, среди семьи. Отныне он мог петь и камлать, сколько ему вздумается, не зная устали.

M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series LXXVI, 1964, pp. 38–42; по кн. Попов А.А. *Тавгитцы. Материалы по этнографии авамских и ведейских тавгитцев. — М.; Л., 1936*, с. 84 сл.

205

МИСТИЧЕСКИЙ БРАК СИБИРСКОГО ШАМАНА (НЕНЦЫ)

Ненцы проводят четкое различие между духом-хранителем (*айами*), который избирает шамана, и духами-помощниками (*сивен*), которые подчиняются ему и даруются ему самим *айами*. По Штернбергу, ненцы считают, что между шаманом и его *айами* существует сложная сексуальная связь. Ниже приводится рассказ ненецкого шамана.

Однажды я был болен и уснул. Тут ко мне приблизился дух. То была очень красивая, стройная женщина. Ростом она была в пол-аршина (71 см). Ее лицо и одежда были как у наших женщин ненок. Волосы ниспадали ей на плечи короткими черными прядями. Другие шаманы говорят, что видели женщину, у которой одна половина лица черная, а другая — красная. Она сказала: «Я *айами* твоих предков, шаманов. Я учила их камлать. Теперь я пришла, чтобы научить тебя. Старые шаманы умерли, и некому лечить людей. Ты будешь шаманом».

Затем она сказала: «Я люблю тебя. У меня нет сейчас мужа, ты будешь мне мужем, а я тебе женой. Я дам тебе духов-помощников. С их помощью ты будешь лечить, а я буду тебя учить и поддерживать. Пищу нам принесут люди».

Я почувствовал себя разочарованным и попробовал сопротивляться. Тогда она сказала: «Если не будешь меня слушаться, то тем хуже для тебя. Я тебя убью».

С тех пор она приходила ко мне, и я спал с ней, как со своей женой, но детей у нас не было. Она живет одна, без родичей, в хижине на горе, но

часто находит новое жилище... Иногда она приходит в обличье старухи, иногда — волка, так что смотреть на нее страшно. Иногда она приходит в облике крылатого тигра. Я сажусь на нее, и она показывает мне разные страны. Я видел горы, где живут одни старики и старухи, и деревни, где одна молодежь: они похожи на ненцев и говорят по-ненецки, а иногда превращаются в тигров.

Теперь моя *айами* приходит не так часто, как прежде. Раньше, когда она учила меня, она приходила каждую ночь. Она дала мне трех помощников — «яргу» (пантеру), «донто» (медведя) и «амбу» (тигра). Они приходят ко мне во сне и появляются всякий раз, когда я зову их во время камлания. Если кто-нибудь из них отказывается прийти, *айами* заставляет их подчиниться, но говорят, что есть и такие, которые не повинуются даже «айами». Во время камлания я одержим «айами» и духами-помощниками; малые или большие, они проникают в меня, словно дым или пар. Когда «айами» внутри меня, то она говорит моими устами и все делает сама. Когда я ем «сукду» (приношения) и пью свиную кровь (ее пьют только шаманы, простым ненцам запрещено к ней прикасаться), то это *айами* ест и пьет, а не я.

M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series LXXVI, 1964, pp. 72–73; по кн. L. Sternberg, *'Divine Election in Primitive Religion'*, 1924, pp. 476 ff. Ср. *Shamanism*, pp. 421 ff., где приводятся автобиографии южноиндийских шаманов и шаманок савара, чьи браки с духами являются яркой параллелью к фактам, собранным Штернбергом.

206
МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ШАМАН (АПАЧИ)

«Мой белый брат, — сказал Ригану шаман из апачей, — ты, наверно, не поверишь, но я всемогущ. Я никогда не умру. Если ты выстрелишь в меня, пуля не войдет в мое тело, а если и войдет, то не причинит никакого вреда... Если ты воткнешь мне нож в горло и дернешь его вверх, то нож выйдет из верхушки моего черепа... Я всемогущ. Если я хочу кого-то убить, мне достаточно протянуть руку, коснуться его, и он умирает. Я могуществен, как бог».

Albert B. Reagan, *Notes on the Indians of the Fort Apache Region*, American Museum of Natural History, Anthropological Papers, XXXV, part V, 1930, p. 391.

207

ПОТЕРЯВШИЙ ДУШУ И МАГИЧЕСКОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ (ИНДЕЙЦЫ АПИНАЙЕ, ВОСТОЧНАЯ БРАЗИЛИЯ)

Когда шестилетняя дочь Меоки заболела дизентерией, Катам (как он сам мне рассказывал) исцелил ее следующим образом:

«Я пошел вместе с Ире [женой Катама] к ручью, чтобы искупаться. Когда мы проходили мимо плантации, я услышал детский плач. «Ты что-нибудь слышала?», — спросил я у Ире. «Нет, — ответила она. — Я ничего не слышу». Но сам-то я слышал плач отчетливо и подумал: «Кто бы это мог быть?» Я оставил жену ждать и пошел на звук. Вдруг я увидел тень дочери Меоки, которая сидела на плантации, прямо среди теней белых дынь, которые уже были убраны и съедены, от которых остались только ножки. Ведь в эту пору тени всех культурных плодов пляшут на плантации. Малышку взяли на ферму и угостили дыней, а тени плодов захватили тень девочки.

Я пошел к ее матери и сказал ей, чтобы она не плакала, потому что ее девочка поправится. Я посоветовал ей подождать несколько дней, когда тень должна сама вернуться. Бабушка думала, что тело девочки уже слишком ослаблено и не выдержит. Тогда я пошел туда и привел тень назад».

Я [Nimiendaju] был очевидцем последней процедуры. После полудня Катам раскрасился и пошел на плантацию. Мать сидела перед дверью с больной девочкой на коленях; вокруг них собралось несколько женщин. Какое-то время спустя Катам медленно вернулся с поля. Он нес незримую душу-тень точь-в-точь так, словно держал в руках ее тело. Увидев его, женщины в голос заплакали, воображая, как тень ребенка проводит свои дни в одиночестве среди теней плодов, без огня и крова. Катам возложил тень на голову девочки и растирающими движениями вернул ее в тело.

Незадолго до этого Катам схожим образом вылечил своего ребенка, чья тень была пленена тенями плодов; а несколько дней спустя он обнаружил тень еще одного больного малыша у купальни на ручье и привел ее назад. Мать малыша взяла его с собой купаться и потеряла его тень в воде. Катам услышал и заучил жалобную песню потерявшейся души и вечером пропел ее женщинам, которые сначала заплакали, а потом подхватили мелодию.

Kurt Nimuendaju, *The Apinayé*, Washington, D.C., 1937, pp. 144–145.

208

КАМЛАНИЕ У ЮКАГИРОВ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ)

Шаман долго сидит на земле и трясет бубен, а потом призывает духов-хранителей, подражая голосам животных. «Мой праотец, мои предки, встаньте рядом со мной. Встаньте рядом со мной, чтобы помочь, мои духи-девушки...» Он снова принимается трясти бубен и, поднявшись с помощью своего ученика, подходит к дверям и глубоко втягивает в себя воздух, чтобы поглотить души предков и других вызванных им духов. «Душа больного, похоже, прошла по пути в Царство Теней», — объявляют голосом шамана духи предков. Родственники больного подбадривают его: «Будь сильным, не жалей сил!» Шаман отбрасывает бубен и ложится лицом вниз на шкуру северного оленя; он остается недвижим, а это значит, что он покинул свое тело и путешествует вне его. Он спустился в Царство Теней «через бубен, как через воды озера». Долгое время он лежит, не шевелясь, и все присутствующие терпеливо дожидаются, когда он придет в себя. О его возвращении свидетельствует движение его тела. Две девушки растирают ему ноги, и, полностью придя в себя, он заменяет душу в теле больного. Затем он подходит к двери и распускает духов-помощников.

В конце одного такого камлания шаман сообщил Йокельсону подробности своего экстатического путешествия. В сопровождении духов-помощников он шел по дороге, ведущей в Царство Теней. По пути он набрел на домик и пса, который начал лаять. Охранявшая дорогу старуха вышла из дома и спросила, навсегда ли он пришел или на время. Вместо того, чтобы отвечать, шаман обратился к своим духам: «Не слушайте, что говорит старуха, идите, не останавливайтесь». Вскоре они подошли к реке. Там была лодка, а на другом берегу шаман увидел чумы и людей. Все еще сопровождаемый духами, он сел в лодку и переплыл реку. Он встретил души мертвых родичей больного и, войдя в их чум, нашел там его душу. Поскольку родичи отказались отдать ее, ему пришлось отобрать ее силой. Чтобы в целости и сохранности доставить душу на землю, он вдохнул ее в себя и заткнул уши, чтобы она не улетела.

M Eliade, *Shamanism Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series, LXXVI, 1964, pp 247–248, по кн W Jochelson, *The Yukaghir and the Yukaghirize Tungus*, Leiden and New York, 1924–1926, pp 196–199

209

ЭСКИМОССКИЙ ШАМАН СПУСКАЕТСЯ НА ДНО ОКЕАНА

Нисхождение в обитель Таканакапсалук, Матери Морских Зверей, предпринимается по просьбе отдельного человека — иногда из-за болезни, иногда из-за неудач на охоте; только в последнем случае шаман получает плату. Но иногда случается, что дичь вообще невозможно найти и поселку угрожает голод; тогда все его жители собираются в доме, где происходит камлание, и экстатическое путешествие шамана совершается от лица всей общины. Присутствующие должны распустить свои пояса и шнурки, закрыть глаза и хранить молчание. Какое-то время шаман тяжело дышит и молчит, прежде чем призвать духов-помощников. Когда они собираются, шаман начинает бормотать: «Путь для меня приготовлен; путь передо мной открывается!», а его земляки хором отвечают: «Да будет так». Земля раскрывается, шаман долго сражается с неведомыми силами и наконец восклицает: «Вот теперь путь открыт». Ему вторит хор зрителей: «Пусть будет открыт путь перед ним; пусть будет ему путь». Тогда сначала под лежанкой, а затем издалека доносится крик: «Халала-хе-хе-хе, халала-хе-хе-хе»; это значит, что шаман отправился в путь. Крик все удаляется, и в конце концов его уже невозможно расслышать.

Все это время зрители, закрыв глаза, поют хором, и иногда одежда шамана, которую он снял перед камланием, оживает и начинает летать по жилищу над головами зрителей. Слышны голоса и тяжелое дыхание давно умерших людей; это мертвые шаманы, которые собрались, чтобы помочь своему коллеге на его трудном пути. Кажется, что их голоса и дыхание доносятся откуда-то издалека, из воды, как будто эти звуки издают морские животные.

Достигнув океанского дна, шаман находит там три больших камня, которые постоянно двигаются и преграждают ему путь; он должен проскользнуть между ними, рискуя быть раздавленным. (Это еще одна разновидность образа «ворот пролива», которые мешают проникнуть к высшим существам всем «непосвященным», т. е. тем, кто не умеет вести себя, словно «дух».) Успешно миновав это препятствие, шаман идет по дороге и подходит к какому-то заливу; на холме возвышается каменный дом Таканакапсалук, в который ведет узкий вход. Шаман слышит, как пыхтят и сопят морские звери, но не видит их. Вход сторожит пес с оскаленной пастью; пес опасен для того, кто его боится, но шаман проходит над ним, и тот понимает, что идет очень могущественный волшебник. (Все эти преграды предстоит одолеть рядовому шаману, но действительно могущественный шаман достигает морского дна и попадает прямо в обитель Таканакапсалук, ныряя под ярангу или хижину из снега и скатываясь вниз, словно по трубе.)

Если богиня гневается на людей, то перед ее домом вырастает огромная стена. И шаман должен снести ее плечом. Другие говорят, что у дома Таканакапсалук нет крыши, чтобы богиня лучше могла видеть поступки людей со своего места у огня. В заводи по правую руку от огня собраны всевозможные виды морских животных, крики и дыхание которых отчетливо слышны. Волосы свисают богине на лицо, она грязна и неряшлива; причина тому — людские грехи, от которых она вот-вот заболеет. Шаман должен приблизиться к ней, дотронуться до ее плача и расчесать ей волосы (потому что у богини нет пальцев, чтобы держать гребень). Однако перед этим он должен преодолеть еще одно препятствие — отца Таканакапсалук, который принимает его за мертвеца, идущего в Страну Теней, пытается схватить, но шаман кричит: «Я из плоти и крови!», и ему удается пройти.

Расчесывая волосы Таканакапсалук, шаман рассказывает, что у людей больше не осталось тюленей. И богиня на языке духов ему отвечает: «Путь животным преграждают тайные выкидыши у женщин и нарушение табу — ведь вы едите вареное мясо». Теперь шаман должен собрать все свои силы, чтобы успокоить ее гнев; наконец она открывает заводь и выпускает зверей наружу. Зрители слышат, как они двигаются на морском дне, и вскоре дыхание шамана учащается, как будто он только что вынырнул из воды. Наступает долгая пауза. Наконец шаман говорит: «Я хочу кое-что сказать». Все отвечают: «Слушайте, слушайте». И шаман на языке духов требует исповедаться в грехах. Все поочередно признаются в выкидышах и нарушениях табу и каются в этом.

M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, New York, Bollingen Series LXXVI, 1964, pp. 294–296; цитируется Knud Rasmussen, *Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos*, Copenhagen, 1930, pp. 124 ff.

210

ЧЕРНАЯ МАГИЯ: АВСТРАЛИЙСКИЙ КОЛДУН (АРНЕМЛЕНД)

Одним из самых известных убийц на северо-востоке страны мурнгин был Лаинджура, который многих уничтожил с помощью черной магии. Своими личными качествами он мало чем отличался от своих рядовых соплеменников, хотя, возможно, и был чуть проворнее, чем остальные. Он был хорошим охотником и вырезал прекрасные деревянные изображения, имел нескольких жен и много детей. В нем не было ничего зловещего, эксцентрического или психопатического; он вел себя, как совершенно нор-

мальный человек. Соплеменники относятся к нему так же, как и к другим своим собратьям. Однако мне было очень непросто внушить Лаинджуре такое доверие к себе, чтобы он разговорился о своей колдовской деятельности. Хотя мы и были с ним на дружеской ноге, только во время моей второй экспедиции в тот район он подробно рассказал мне о своих убийствах.

Невозможно с окончательной ясностью оценить, насколько Лаинджура и другие убийцы верят в те истории, которые они мне рассказали. Лично я не сомневался в том, что Лаинджура действительно верит в большую их часть. Поскольку друзья и враги считали его виновником некоторых смертей, сначала он мог притворяться, что это его рук дело, а потом и сам в это поверил. Черному колдуну, которому приписывается множество убийств, живется несладко, и обладателя такой славы ждет, как правило, больше трудностей и неприятностей, чем рядового человека. Поэтому маловероятно, что ему свойственно то двуличие, о котором, казалось бы, свидетельствует приведенная ниже история, если только его положение, с нашей точки зрения, не является и впрямь из ряда вон выходящим.

Убийство жены Бомлитжирили. «Мы все расположились лагерем на острове Марунга. Мы искали устриц. Та женщина, которую я собирался убить, в тот день собирала лилии, а остальные женщины пошли на поиски устриц. Вооружившись топориком, я следил за ней. Она собирала луковицы лилий, а потом ушла с болота, вернулась на песок и прилегла в тени. Чтобы согреться, она укрылась тонкой корой, ведь она ходила по воде и замерзла. Из-под коры выглядывала только ее голова. Она ничего не видела.

Я подкрался и ударил ее обухом промеж глаз. Она дернулась и попыталась подняться, но не смогла. Глаза у нее закатились, как у мертвой. Я взял ее за подмышки, отволок в мангровые заросли и положил на землю Она была совсем молоденькой.

Я срубил и заточил мангровую палку. Сначала я взял немного *джелкурк* (луковиц орхидеи) и приготовил их. У меня не было с собой копье-металки, поэтому я взял топорище, ввел его под кожу на ее венерином бугорке рядом с ее влагалищем и оттянул назад. Я стянул с нее кожу до самого пупка.

Ее крупные кишки выступали наружу, точно густая красная кашица. Я смазал руку и палку соком орхидеи. Я сжал палку в ладони, так чтобы мой большой палец лег под острие. Когда она вдыхала, я немного продвигал руку, а когда выдыхала, останавливался. Мало-помалу я просунул руку ей внутрь. Наконец, я коснулся ее сердца. Большим пальцем руки, которая сжимала палку, я воткнул острие ей в сердце. У нее было очень большое сердце, и мне пришлось приложить больше усилий, чем обычно.

Я вытащил палку наружу. Я стоял позади нее, поддерживая ее за груди. Она сидела на корточках.

Кровь из ее сердца вытекала в корзину, которую я специально поставил. Она текла все медленнее и наконец остановилась. Я уложил ее и унес корзину подальше. Кровь я спрятал. Я вернулся и снял с дерева гнездо зеленых муравьев. Я положил его рядом с ней. Я положил живых муравьев ей на кожу. Я не задавил их, потому что очень спешил, ведь я боялся, что ее родичи пойдут ее искать. Под укусами муравьев ее кожа сама собой свернулась и накрыла ее кости над венериным бугорком.

Затем я принес немного сухого ила из старой заводи. Я капнул в него капельку своего пота и подогрел все это на огне. Я приложил эту смесь к ранке, чтобы убрать следы своих действий. Я позаботился о том, чтобы в ее влагалище не осталось лобковых волос, где их мог почувствовать муж или увидеть другие женщины. Я не убирал ил до тех пор, пока влагалище не приобрело прежний вид. Я подмешал к илу кровь и пот, нагрел и поместил их ей в чрево. Я сделал это еще раз — используя ил, пот и кровь. Я делал это шесть или восемь раз. Теперь внутренности выглядели как прежде.

Я перевернул ее. Ее внутренности выпирали на несколько футов. Я стряхнул на них несколько муравьев. Кишки немного втянулись. Я снова стряхнул муравьев, и кишки снова чуть-чуть втянулись. Я опять стряхнул муравьев, и все втянулось окончательно. Теперь все было хорошо. Никаких следов раны.

Я взялся за рукоять топора, на которой была кровь из ее сердца, и повращал ею над головой женщины. Голова пошевелилась. Я снова повращал топорище. Она еще больше пошевелилась. Тогда дух той мертвой женщины вошел мне в сердце. Я это почувствовал. Я еще раз покрутил топорищем, и она сделал вдох. Я прыгнул над ней и выровнял ее носки и пальцы. Она сделала выдох, и все было в порядке.

Дело было после полудня. Я сказал ей: «Пойди, поешь лилий». Она встала и пошла прочь. Она ушла другой дорогой. Я сказал ей: «Ты проживешь два дня. В один день ты будешь радоваться, а на другой — заболеешь». Женщина вернулась туда, где я ее нашел. Она уснула. Я взял ее кровь и ушел прочь. Пришли другие женщины, которые собирали устриц. Они смеялись и болтали. Они разбудили девушку. Она подобрала луковицы лилий и вместе с женщинами пошла в лагерь.

На следующий день она гуляла, играла, смеялась, болтала, веселилась и собрала много устриц и лилий. Вечером она вернулась в лагерь. Она принесла с собой все, что собрала. Она слегла и в ту же ночь умерла».

W. Lloyd Warner, *A Black Civilization*, New York, 1958, pp 188–190

СВЯТЫЕ

211
АФРИКАНСКИЙ БОЖЕСТВЕННЫЙ ЦАРЬ (НЬЯСАЛЕНД)

Мбанде — это холм на равнине в Северном Ньясаленде, с которого открывается превосходный вид на окрестности и который отлично приспособлен для обороны. Его западная сторона обрывиста, а у подножья раньше было болото; с севера холм защищает широкая река Лукулу. Мбанде — это священное место, которое при жизни многих поколений служило жилищем для «божественного царя», Кьюнгу. Как и Лвембе, он был живым воплощением героя и избирался представителями наследственной знати из двух родственных династий, причем при наличии подходящих кандидатур эту должность занимали выходцы из этих родов поочередно. Избранник должен был быть крупным мужчиной, имеющим женатых сыновей, а не юношей, ибо, по мнению знати, «юноши всегда жаждут войны и губят страну». Он должен быть мудрецом (*гуа махала*), щедро кормящим свой народ.

Жизнь Кьюнгу подчинялась табу еще более строгим, чем жизнь Лвембе. Он не должен болеть, должен избегать ранений — даже малейшей царапины, из которой могла бы выступить капелька крови, так как его нездоровье или капелька его крови, упавшая на землю, обернутся болезнью для всей страны. «Люди опасаются, что кровь Кьюнгу попадет на землю, они говорят: «Это — его жизнь». Если у него болит голова, то его жены (если они его любят) просят его не говорить об этом, они скрывают его недомогание; но если знатные люди приходят и видят, что он болен они выкапывают ему могилу, приговаривая: «Он — правитель (*нтеми*). ему нельзя болеть». Тогда он думает: «Пожалуй, они правы» (и безнадежно машет рукой)».

Чтобы уберечь его здоровье, принимались самые тщательные меры предосторожности. Он жил в отдельном доме и имел сильнодействующие лекарства. Еду ему готовили не достигшие половой зрелости мальчики, чтобы исключить контакт с ней менструирующей женщины или юноши, который спал с женщиной, из-за чего он мог бы заболеть. Его многочисленные жены были заточены в царской «ограде» — за высоким частоколом — и ревностно охранялись, ибо считалось, что неверность с их стороны может обернуться болезнью их мужа, а значит, и всей страны.

Когда Кьюнгу заболевал, то жившие рядом с ним на Мбанде представители знати его убивали и тайно хоронили вместе с двадцатью, или даже больше, живыми людьми — рабами, которых погребали под ним, и одной-двумя женами и сыновьями простолюдинов, которых погребали над ним. Посреди этой бойни знать подводила к могиле овцу, чтобы мертвый Кьюнгу был кроток (*мололо*), как овца!

Считалось, что живой Кьюнгу — податель дождя и пищи, а его дыхание и растущие части его тела — ногти, волосы, выделения из носа — магическим образом связаны с плодородием долины Нгонде. Убитому Кьюнгу закрывали ноздри, чтобы он был похоронен «с дыханием в теле»; у мертвеца первым делом отстригали волосы, ногти и извлекали выделения из носа, и знать Нгонде хоронила его в черной грязи у реки. Делалось это для того, чтобы «защитить страну от голода», накрепко ее запереть, сохранить ее богатство и плодородие, как если бы он оставался жив.

Его смерть держали в секрете — что было относительно несложно, так как он жил отшельником — и один из представителей знати (Нгоси) играл его роль, нося его одежду. Через месяц-два после того, как знать решала, кого избрать его преемником, несчастного призывали на Мбанде: «Отец зовет тебя». Он приходил вместе со своими спутниками и входил в дом; его хватали, надевали на него священную одежду и усаживали на трон «Кисумби», приговаривая: «Ты — Кьюнгу, ты — это он», и он становился Кьюнгу. После этого ударяли в барабан Мвенекелва, и все знали, что старый Кьюнгу умер, а на его место назначен новый. Люди страшно боялись быть избранными Кьюнгу, так же как они боялись быть избранными Лвембе, ибо жизнь божественного царя была недолгой. Историки Нгонде сообщают о нескольких сыновьях Кьюнгу, которые бежали, чтобы не быть посаженными на трон; те же, кто был на него посажен, уже не дерзали бежать, страшась смерти...

Во время засухи знать Нгонде приходила к прорицателю, чтобы узнать, чей гнев стал причиной бедствия; они перечисляли все священные рощи Кьюнгу, а прорицатель должен был указать им нужную. Они сообщали обо всем живущему Кьюнгу, а тот давал им быка или овцу и немного пива — они брали один из чанов с пивом, находившийся в его доме и принесенный в качестве дани народом. Он давал им муки и одежду. Затем они отправлялись вместе с

полученными дарами в рощу и сооружали там маленькую хижину. Они убивали животное и вешали часть мяса на дерево — остальную часть они съедали за пределами рощи. Затем они рвали одежду и прикрепляли ее кусочки к хижине — «чтобы одеть его». И наконец, они выливали часть пива и рассеивали муку. Почти всякая засуха сопровождалась постройкой хижины и жертвоприношением в роще Кьюнгу, названной прорицателем.

Однако иногда, если один из вождей недавно оскорбил живущего Кьюнгу, они приходят к заключению, что гневается сам Кьюнгу. Они отправляются к прорицателю и перечисляют имена всех мертвых Кьюнгу, но он отказывается их принять: «Нет... нет». Наконец он говорит им, что разгневан живой Кьюнгу, потому что его оскорбил такой-то. Тогда жертвоприношение в роще не совершается, а знатные лица Нгонде отправляются к тому, кто оскорбил Кьюнгу, обвиняют его в этом и спрашивают его, зачем он так поступил: не затем ли, чтобы вся страна погибла от голода? Преступник должен отдать Кьюнгу корову, а тот после этого обращается к знати с такими словами: «Если засуха настала из-за моего гнева, тогда будет дождь (потому что я больше не гневаюсь). Но если дождя не будет, тогда дело не во мне, а должен быть кто-то [из мертвых Кьюнгу], кого вы забыли об этом спросить». «И если вскоре после этого идет дождь, то маловероятно, что кто-нибудь решится оскорбить Кьюнгу вновь»...

Таким образом, оскорбление Кьюнгу было не просто «изменой родине», но кощунством, и считалось, что в отместку вся страна будет проклята и пострадает от засухи или болезни. «Оскорблением» могло выступать любое игнорирование обязательств вождей, знати и простонародья перед их владыкой...

Величество (*убусисья*) Кьюнгу почиталось разными способами. Он умащался мазью из львиного жира, а его ложе изготавливалось из слоновых бивней и львиных шкур. Он восседал на священном железном троне Кисумби, у него было копье Камиса и Мулима, «похожий на рот» пористый кусок железа для вызывания дождя — все эти атрибуты передавались из поколения в поколение со времен первого Кьюнгу. Во время войны и молитвы теням Кьюнгу машет хвостами зебр, к которым прикреплены роговые рукояти со снадобьями; у него также имеется знаменитый барабан, окропленный кровью ребенка.

Однако большинство подданных поклонялись ему, не питая к нему ни страха, ни священного трепета. Ни один из простолюдинов не может ступить в священную ограду на Мбанде; это привилегия местной знати и старейших вождей, которой они пользуются лишь изредка. Когда же Кьюнгу путешествует по стране, при его приближении убегают все, кроме самых дряхлых старцев. О его путешествии предпочитают говорить почтительными описательными фразами — «страна движется», «великий холм движется», «тайна приближается». И старикам, остающимся, чтобы посмотреть на него, и тем, кто попадает за священную ограду, запрещено привет-

ствовать его обычным образом. Единственный способ приветствовать Кьюнгу — пасть на колени и хлопуть в ладоши.

Мужчины в ужасе убегали и от жен Кьюнгу, боясь оказаться скомпрометированными и быть сброшенными с обрыва Мбанде; этот обычай еще более сгущал атмосферу благоговейного ужаса перед Кьюнгу, будучи зримым его выражением.

Monica Wilson, *Communal Rituals of the Nyakyusa*, London, Oxford University Press, 1959, pp. 40–46.

212

СМЕРТЬ ОРФЕЯ

Орфей, сын Эагра и музы Каллиопы, был царем македонян и страны одрисов. Он был искусным музыкантом и прекрасно играл на лире, а поскольку фракийцы и македонцы очень любят музыку, он стяжал громкую славу у своего народа. Погиб он следующим образом: его разорвали на куски фракиянки и македонянки, потому что он не допускал их к своим религиозным обрядам либо по какой-то иной причине; говорят, что после несчастья с его женой он стал ненавистником всех женщин. В назначенные дни толпа вооруженных фракийцев и македонян собиралась обычно в Либефрах; они приходили в большое здание, хорошо приспособленное для посвятительных обрядов; входя для участия в обрядах, они складывали свое оружие перед дверью. Женщины заметили это и, разъяренные неуважением к себе, захватили оружие, убили тех, кто пытался их одолеть, и разорвали Орфея на части, сбросив останки в море. Женщины не понесли никакого наказания, и страну поразила чума. Ища спасения от бедствий, жители страны получили оракул, гласивший, что для избавления им необходимо найти и похоронить голову Орфея. С немалым трудом они отыскали его с помощью одного рыбака в устье реки Мелес. Голова пела, как и прежде, и море не причинило ей никакого вреда; не случилось с ней и того, что обычно бывает с телами умерших. Даже по прошествии долгого времени она оказалась не подверженной тлению и была полна жизни. Они похоронили голову под высоким курганом и окружили оградой, которая поначалу была святилищем героя, но позднее стала храмом. Иными словами, там приносятся жертвы и все прочие почести, полагающиеся богам. В священную ограду не смеет ступить нога женщины.

Конон, *Мифы*, 45, в кн. Kern, *Testt.* 39, 115.

См. *также тексты 147, 148–154.*

213

ЭМПЕДОКЛ ШЕСТВУЕТ БЕССМЕРТНЫМ СРЕДИ СМЕРТНЫХ

Друзья, живущие в цитадели великого города на берегу золотого Акраганта, мужи, помышляющие о благодеяниях, незнакомые со злом, гостеприимные к странникам, — привет вам. Я хожу среди вас как бессмертный бог, а не смертный, почитаемый, как и подобает, увенчанный цветами и свежими венками. Куда бы я ни пришел со своими последователями и последовательницами, все меня почитают; они следуют за мной огромными толпами, спрашивая, где лежит путь к прибытку, ища пророчеств, тогда как другие, поверженные мучительными недугами, умоляют меня молвить слово, которое лечит от всех болезней. (Фрагмент 112.)

Но в конце концов они становятся на земле пророками, певцами, врачами и властителями; а из них вырастают боги, могучие славой, разделяющие стол и очаг с другими бессмертными, не причастные ни к человеческим скорбям, ни к усталости. (Фрагменты 146, 147.)

G.S. Kirk and J.E. Raven, *The Presocratic Philosophers* Cambridge, Eng., Cambridge University Press, 1957, p. 354

214

ФЛАМИН-ДИАЛ И ЕГО СУПРУГА

(Авл Геллий, «Аттические ночи», X, 15)

На фламина-диала возлагается великое множество обрядов и множество запретов [*castus multiplices*, табу], о которых мы читаем в книгах «О жрецах народа», а также в Первой книге труда Фабия Пиктора. Из того, что там сказано, на память мне приходит следующее: фламину-диалу запрещается [*religio est*] ездить верхом; равным образом ему запрещено взирать за «построением разрядов» за померием [священной границей Рима], т. е. вооруженными и выстроенными в боевом порядке гражданами; поэтому фламин-диал крайне редко становится консулом, так как консулам поручается ведение войны; он также не вправе [*fas numquam est*] носить кольцо, если только оно не высеченное и не пустое [т. е. без драгоценного камня?]. Он также не вправе

выносить огонь из *фламиниа*, т. е. из жилища фламина-диала, иначе как для священных целей; если в дом входит закованный в кандалы, то его следует освободить, а кандалы поднять через *имплувий* [отверстие в потолке *атрия* или жилой комнаты] на крышу и сбросить оттуда на улицу. У него не должно быть узлов ни на головном уборе, ни на поясе, ни в какой-либо другой части его одеяния. Если к его ногам припадает человек, которого хотят подвергнуть бичеванию, то бичевание в тот же день проводить нельзя [*piaculum est*]. Волосы фламину может стричь только свободный. Согласно обычаю [*mos est*], фламин не может называть козу даже по кличке или притрагиваться к сырому (?) мясу, плющу и бобам.

Он не должен проходить под решеткой, на которой растет лоза. Ножки его кровати должны быть обмазаны толстым слоем глины, и он не должен ночевать в другом месте три ночи подряд; никто другой не может спать на его кровати. У ножек кровати должен находиться ящичек, в котором хранятся священные пироги. Состриженные ногти и волосы фламина должны быть сожжены на земле под здоровым деревом. Для него каждый день — священный [*feriatus est*]. Он не должен выходить на улицу [*sub divo*] с непокрытой головой — в доме ему это позволено, но с недавних пор: так решили понтифики, о чем свидетельствует Мазурий Сабин; говорится также, что они отменили и упразднили некоторые другие церемонии.

Он не имеет права прикасаться к хлебу, испеченному из заквашенной муки [т. е. с использованием дрожжей]. Свое исподнее [«внутреннюю тунику»] он снимает в закрытых местах, чтобы не оказаться нагим под открытым небом, которое тождественно глазам Юпитера. На пиру выше него может сидеть только верховный жрец [*rex sacrificulus*]. Если у него умирает жена, то он должен уйти со своей должности. Его брак может расторгнуть только смерть [*dirimi ius non est*]. Он никогда не заходит на кладбище и не притрагивается к трупам. Ему, однако, позволяется [*non est religio*] посещать похороны.

Почти те же предписания относятся и к фламинике диала [т. е. к его жене]. Говорят, что она соблюдает и некоторые другие правила: так, она носит крашеное платье и продевает веточку плодового дерева в покрывало [под которым она прячет лицо во время жертвоприношения]; ей запрещено [*religiosum est*] подниматься выше, чем на три ступеньки, а когда она посещает Аргеи [праздник, во время которого двадцать четыре куклы сбрасывались в Тибр], ей нельзя ни пользоваться гребнем, ни убирать волосы.

Frederick C. Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion Paperbook series, New York, 1957, pp. 30–32.

215
АВГУСТ — «ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА» (ГАЛИКАРНАСС)

Ниже приводится надпись, обнаруженная в Галикарнассе и составленная после 2 г. н. э.

Поскольку вечная и бессмертная природа вселенной увенчала свои безграничные благодеяния человечеству, оказав высшее благодеяние для нашего счастья и благополучия и даровав нам Цезаря Августа, отца своего отечества, божественного Рима, Зевса отеческого и спасителя всего рода человеческого, в котором провидение не просто исполнило, но превзошло мольбы всех людей: земля и море пребывают в мире, города процветают под началом закона во взаимном согласии и преуспеянии; каждый достиг предела счастья и изобилия; поскольку все человечество исполнено радостных надежд *на будущее и довольно настоящим, [подобает почтить бога]* публичными играми и статуями, жертвоприношениями и гимнами.

Frederick C. Grant, *Ancient Roman Religion*, Library of Religion Paperbook series, New York, 1957, pp. 174–175.

216
НИТИРЭН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СЕБЯ БОДХИСАТТВОЙ ВОЗВЫШЕННОГО ДЕЯНИЯ

Нитирэн (1222–1228) — японский проповедник.

Я, Нитирэн, муж, рожденный в век конца Закона, почти исполнил задачу по возвещению Совершенной Истины, задачу, возложенную на Бодхисаттву Возвышенного деяния (Вишиштачарита). Вечная сущность Будды Шакьямуни, как он самораскрылся в главе о длительности жизни, в согласии со своей первичной сутью; Будда Прабхутаратна, явивший себя в Небесном святилище, в главе о его явлении, и представляющий сущность Будды в проявлении его действенности; святые [бодхисаттвы], родившиеся на земле, о чем извещает глава о Возникновении на Земле — свидетельствуя о них, я стал первым среди [увековечивающих Истину]; воистину, слишком высокая честь для меня, обычного смертного!

Я, Нитирэн, тот, кто предводительствует внеземными святыми. Тогда разве я не один из них? Если я, Нитирэн, — один из них, то разве все мои ученики и последователи не их родичи? Писание говорит: «Если кто-то

проповедует Лотос истины, даже одно всего предложение из него, то он, знайте, — посланник татхагаты, порученец татхагаты и свершитель дела татхагаты». И разве не таков я?..

Всеми средствами пробуждайте веру, ухватившись за эту возможность! Проживите всю свою жизнь как вместилище Истины и шествуйте по ней без колебаний родичами Нитирэна! Если ты одной веры с Нитирэном, ты — один из внеземных святых; если таково твое предназначение, то как же ты можешь сомневаться, что от века являешься учеником господа Шакьямуни? В этом убеждают слова Будды, который говорит: «Я всегда, от века, поучал и пробуждал все эти существа». Не следует обращать внимания на различие между мужчинами и женщинами среди тех, кто распространяет Лотос совершенной истины в дни конца Закона. Поистине, произносить Священное Звание — это привилегия внеземных святых...

Когда Будда Прабхутаратна сидел в Небесном святилище бок о бок с татхагатой Шакьямуни, оба Будды подняли стяг Лотоса совершенной истины и объявили себя Полководцами [в грядущей битве с пороком и мороком]. Как может это быть обманом? Действительно, они тем самым согласились возвысить нас, смертных, до звания Будды. Я, Нитирэн, не присутствовал на этом собрании, и все же нет причины сомневаться в свидетельствах Писания. Возможно ли, чтобы я был там? Заурядный смертный, я не слишком хорошо знаю прошлое, но ныне я, несомненно, один из тех, что осуществляют Лотос истины. В будущем мне наверняка суждено участвовать в общении на Священном месте. Заключая о прошлом из настоящего и будущего, я не могу не думать, что я обязательно присутствовал при общении на небесах. [Настоящее предопределяет будущую судьбу, а будущая судьба немыслима без своей причины в прошлом.] Настоящее, будущее и прошлое не могут быть отделены друг от друга...

В этой грамоте записаны самые дорогие мне истины. Читай и перечитывай; вчитывайся в буквы и накрепко их запоминай, веруя тем самым в Высшее существо, свидетельство о котором дано самым удивительным образом! Еще настоятельнее советую тебе быть крепким в вере и находиться под покровительством тройственного Будды. Упорно шествуй путями труда и учения! Без труда и учения буддийская религия уничтожается. Тренируйся и наставляй других! Будь уверен в том, что труд и учение — плоды веры! Пока есть в тебе силы, проповедуй, пусть с уст твоих слетает только фраза или слово [из Писания]! *Наму Мехо-ренге-ке! Наму Мехо-ренге-ке!* [Поклонение Лотосу совершенной истины].

Masaharu Anesaki, *Nichiren, the Buddhist Prophet*, Cambridge, Mass., 1916, pp. 83–85; см. Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 228–229.

217

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИВУЩЕГО В УЕДИНЕНИИ НИТИРЭНА

Это место среди гор отрезано от мирской жизни, и в его окрестностях — на юге ли, севере, востоке или западе — не найти ни одного жилища. Я живу теперь в полном уединении, но в грудь мою, в плоть Нитирэна, скрыто вложена великая тайна, которую Господь Шакьямуни открыл и доверил мне на горе Коршуна. Поэтому я знаю, что моя грудь — это место, где все Будды погружены в созерцание, что они вращают Колесо истины на моем языке, что их порождает моя глотка, что они достигают Высшего Просветления у меня во рту. Это место — обитель человека, который тайно постиг Лотос истины в своей жизни; несомненно, такое место не менее достойно чем Рай на горе Коршуна. Истина благородна, и благороден человек, в котором она гнездится; благороден человек, и благородно место, в котором он пребывает. В главе о «Тайной силе татхагаты» мы читаем:

«Будь это в лесу, у корней дерева или в монастыре... на том месте возведи ступу, посвященную татхагате. Ибо его нужно почитать как место, на котором все татхагаты достигли Высшего Совершенного Просветления; на том месте все татхагаты вступили в великий Покой». И вот, приходящий на это место очистится от всех грехов и пороков, которые собрались в нем от века, и все его злодеяния тотчас преобразятся в заслуги и добродетели.

Masaharu Anesaki, *Nichiren, the Buddhist Prophet*, Cambridge, Mass., 1916, p. 129, см. Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, p. 231.

См. также тексты 157, 193, 246.

ВИДЫ АСКЕТИЗМА

218
ИНДИЙСКИЙ АСКЕТ

(«Законы Ману», VI, 33–65)

33. Третью четверть срока жизни проведя в лесной чащобе,
Пусть в четвертой, сбросив узы, ходит по миру скитальцем.
34. Перейдя на новый а ш р а м, *чувства жертвами осилив,*
Утомясь даяньем, странник после смерти возрастает[1]
35. Уплатив три <главных> долга, пусть о м о к ш е[2] *помышляет .*
Не уплатит — канет в бездну <даже> тот, кто ищет м о к ш и.
36. Изучив, как должно, в е д ы, *породив детей по* д х а р м е,
Совершив по силам жертвы, пусть о м о к ш е *помышляет ..*
41. Выйдя из дому, молчальник, очищенье[3] *накопивший,*
Пусть бродяжит, равнодушен к подвернувшимся усладам.
42. Пусть один стремится к цели, внятной только одиночке:
<Никого> такой не бросит, <никому> его не бросить.
43. Очага лишен и крова, пусть идет в село за пищей
Без забот и колебаний, к Бытию[4] *прикован мыслью*
44. Миска <сбора подаяний>, <ночью — сон в> корнях древесных,
Одеяние из лыка и <скитанья> в одиночку.
Ровный дух в любых <условьях> — вот приметы избавленья
45. Пусть не радуется смерти, пусть не радуется жизни,
Выжидая час урочный, как слуга — вознагражденье.
46. Пусть с оглядкою ступает, пьет процеженную воду[5],
Правду чистую вещает, мысли чистые лелеет.
47. Пусть выносит оскорбленья, никого не презирает,
Ни с единым не враждует тела <гибельного> ради.

48. Не гневясь на гневных, добрым словом пусть встречает окрик,
Не ведет речей обманных, по семи дверям рассеяв[6].
49. Тешась <лишь> А т м а н о м горним, без забот и плотской сласти,
Лишь с самим собою знаясь, пусть живет здесь ради блага[7]...
61. Пусть он зрит пути людские, следствия дурных деяний,
Низверженье в ад кромешный и мученья в доме Ямы,
62. Разлучение с приятным, сопряженье с неприятным,
Стариковское бессилье и терзанья от недугов[8],
63. И разлуку с этим телом, и рожденье в новом чреве,
И скитания А т м а н а через маток миллиарды[9],
64. Горе тех, что в этом теле поступали не по д х а р м е,
И нетленное блаженство, что приносят д х а р м а с а р т х о й[10]
65. Йогой пусть постигнет тонкий строй Всевышнего Атмана
И его в телах наличье — и в возвышенных, и в низких.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Ашрам* — одна из четырех стадий жизни *брахмана*: изучение *вед* (*брахмачарья*), ведение домашнего хозяйства (*грихастха*), отшельничество в лесу (*ванапрастха*) и, наконец, скитания и сбор милостыни (*санньяса, паривраджа, бхикшучарья, ятитва*). Об этом же речь идет в предыдущей строфе. «Утомясь даяньем» — т. е истощив свое имущество двумя видами пожертвований: людям (*бхикша*) и духам (*бали*). «Возрастает» — т. е. блаженствует.

[2]Т. е к освобождению, избавлению.

[3]Букв. «очистители». Обычно под этим понимаются способности, обретенные на предыдущих стадиях жизни. Другое толкование — посох странника и сосуд для милостыни и воды.

[4]Т. е. к *Брахману*.

[5]«С оглядкою ступает» (букв. «очистив место взором») и «пьет процеженную воду» (букв. «воду, очищенную тканью») — чтобы не причинить вреда мелким живым существам (насекомым и т. д.) и не наступить на нечистое. Вся эта строфа строится на слове «очищенный» (*пута*).

[6]Не совсем ясное место. «По семи дверям» — возможно, по семи телесным отверстиям.

[7]«Лишь с самим собою знаясь»: можно перевести иначе — «Знаясь лишь с одним *Атманом*». «Здесь» — т. е. «в этом мире».

[8]Почти дословно эта фраза неоднократно повторяется в буддийских текстах

[9]Букв.: «через десятки миллиардов».

[10]То есть долг, исполненный на двух предыдущих *ашрамах*: в качестве домохозяина (*артха*) и лесного отшельника (*дхарма*).

Перевод А. Н. Коваля по изданию: *Mānavadharmaçāstra*, ed J Jolly, London, 1887.

219
ГАУТАМА БУДДА РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ АСКЕЗЕ

(«Маджджхиманикайя», XII [«Махасиханада-сутта»])

Гаутама Будда обращается к Сарипутте (санскр. Шарипутра), одному из своих любимых учеников.

Воистину, Сарипутта, я жил всеми четырьмя видами высшей жизни: был я аскетом из аскетов, как никто бывал я отвратителен, всех превосходил неусыпностью, глубже всех погружался в уединение.

(i) До того я доходил в аскезе своей, что наг был я, презирал благопристойность, облизывал пальцы после трапезы, не обращал внимания на тех, кто кричал мне идти или остановиться, никогда не принимал пищу, принесенную мне до прогулки или для меня одного состряпанную, никогда не принимал приглашения, никогда не брал еду прямо из котла или кастрюли или внутри помещения или среди вязанок хвороста и пестиков, никогда не брал ее у беременной или у кормящей или у совокупляющейся, никогда не собирал колоски (во время голода), никогда не брал еды там, где поблизости была собака или собираются (голодные) мухи, никогда не прикасался к мясу, крепким напиткам или пиву из зерна. За целый день лишь в одном доме я бывал и брал там лишь крошку; или же я бывал в двух или от силы семи домах и брал в каждом только две или от силы семь крошек; за весь день я съедал одно лишь блюдце, или два, или не больше семи блюдец; я ел всего раз в день, или раз в два дня, а то и раз в семь или даже четырнадцать дней, строжайше смиряя голод. Я питался одними зелеными травами, семенами дикого проса и риса, кусочками шкуры, водными растениями, крохами истолченного риса пополам с шелухой, накипью рисового отвара, мукой масличного семени, травой или коровьим навозом. Я питался дикими плодами и кореньями или одними лишь паданцами. Одеянием моим были конопляные или пеньковые лоскуты, холстина, пыльные лохмотья, кора, шкура черной антилопы — целая или разорванная пополам, трава, полоски коры или древесины, одеяло из волос людей и животных, совиные крылья. Во исполнение обетов я вырывал волосы из головы и волосы из подбородка, никогда не садился, а только стоял, сидел на корточках, не вставая, ходил только на корточках, лежал на колючках, до наступления ночи трижды ходил к реке, чтобы смыть (внутреннее зло). Самыми различными способами пытал и истязал я свое тело — до такой аскезы я доходил.

(ii) До того доходил я в омерзительности своей, что на теле своем много лет собирал я грязь и нечистоты, пока они не отваливались сами — так

отвратительные многолетние наросты спадают со ствола дерева тиндука Но ни разу не приходила мне в голову мысль смыть грязь своими руками или позволить это другим — до такой омерзительности я доходил.

(iii) До того доходил я в неусыпности своей, что шаги свои вперед и назад окружал я такой бдительной заботой, что пробуждалось во мне сострадание даже к капле воды, ведь я боялся навредить крохотным существам в расщелинах — до такой неусыпности я доходил.

(iv) До того доходил я в одиночестве своем, что, когда мое жилище находилось в чаще лесной и видел я вдалеке пастуха, косильщика, сборщика хвороста или съедобных кореньев, этого достаточно было для того, чтобы я бежал из леса в лес, из чащи в чащу, из долины в долину и с холма на холм — дабы не увидели они меня, а я их. Как олень при виде человека скачет через холм и долину, так и я убегал при одном виде пастуха, чтобы не увидели они меня, а я их — до такого одиночества я доходил.

Когда пастухи выгоняли свои стада из хлева, я пробирался ползком, чтобы питаться выделениями отелившихся коров. Пока были во мне экскременты и моча, был я сыт. Вот какой я дрянью питался.

Я поселялся в страшных дебрях лесных; говорили, будто только бесстрастный осмелится войти туда, так что волосы не встанут у него дыбом. Когда в холодное время года наступали промозглые бурные ночи, когда в темную половину месяца сыпал снег, я жил по ночам под открытым небом, а днем в сырой чаще. А когда наступал последний жаркий месяц лета перед дождями, я жарился на солнцепеке днем и спал в удушливой чаще ночью. Тогда-то и пришли мне в голову эти строки, до тех пор не произнесенные никем:

То на жаре, то на холоде, в глухом лесу, в одиночку,
нагой, без огня, исполненный решимости,
борется отшельник с чистотой, чтоб победить.
В склепе ложусь я на ночь, подкладывая под голову обугленные кости.

Когда мимо проходят мальчики-пастухи, они плюют и мочатся на меня, забрасывают грязью и втыкают мне в уши деревяшки. Но — заявляю я — никогда во мне не возникала злоба против них. Столь уравновешен был я в своем равнодушии.

[80] Некоторые отшельники и брахманы утверждают, будто чистота приходит через пищу, и поэтому провозглашают, что питаются лишь плодами ююбы, которые — в том виде или ином — единственная их пища и питье. Я же могу сказать, что жил одним плодом ююбы целый день. Если вы решите из-за этого, что этот плод был крупнее в минувшие дни, то вы ошибетесь: потому что он был точь-в-точь такой же, как сейчас. Я съедал за весь день один-единственный плод, и тело мое иссохло; я ел так мало, и члены мои — большие и малые — уподобились узловатым сочленениям

увядших ползучих растений, буйволиному копыту уподобились мои иссохшие ягодицы, ниткам каната уподобился мой хребет, на покосившиеся балки полуразрушенной крыши походили мои изможденные ребра; словно звездные отблески на поверхности воды в глубине колодца были мои блестящие глаза, глубоко сидящие в своих глазницах; и как стягивается и ссыхается на жаре кожура срезанной тыквы, так стянулась и ссохлась кожа на моей голове — и все потому, что ел я так мало. Когда я хотел ощупать живот, рука моя хватала позвоночник, когда хотел я ощупать позвоночник, рука хватала живот — так присох живот к позвоночнику — и все потому, что я ел так мало. Когда я растирал члены, чтобы успокоить тело, волосы, сгнившие у своих корней, выпадали при одном моем прикосновении — и все потому, что я ел так мало

Есть другие отшельники и брахманы. Они говорят и утверждают, что чистота приходит через пищу, провозглашают, что питаются только бобами, кунжутом или рисом — и это вся их еда и питье.

[81] Я же могу сказать, что за целый день съедал всего один боб — одно кунжутное зернышко — одно зернышко риса; и [последствия были одни и те же]. Никогда эти упражнения, этот пост и эта суровая аскеза не приносили мне облагораживающих даров сверхчеловеческого знания и прозрения. А почему? — Потому что не приводят они к тому благородному постижению, которое, будучи обретено, приводит к Избавлению и достигшего его направляет к полному угасанию всякого недуга.

Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, I, London, 1926, pp 53–57

220

ГАУТАМА БУДДА ПРЕДАЕТСЯ СТРОЖАЙШЕЙ АСКЕЗЕ И ДОСТИГАЕТ СОВЕРШЕНСТВА В ЙОГЕ

(«Маджджхиманикайя», XXXVI [«Маласиланада-сутта»])

Тогда подумал я про себя: ну-ка, стисну я зубы, прижму язык к небу, силой одного духа смирю, стесню, покорю свое сердце. Так и сделал я, пока пот не заструился из подмышек Как силач, хватающий слабака за голову или плечи, смиряет, стесняет и покоряет его, так и я, стиснув зубы и прижав язык к небу, силой одного духа смиряю, стесняю и покоряю свое сердце, пока пот не заструился из подмышек. Решительным становилось мое неколебимое упорство; укрепилась во мне недремлющая бдительность,

хотя тело мое было потрясено и угнетено, ибо измучили меня эти боренья Но даже столь неприятные чувства, как те, что я испытал, не овладе\и моим духом.

Подумал я про себя: ну-ка, достигну я *самадхи*, что увлекает бездыханного. Тогда перестал я дышать — вдыхать и выдыхать носом и ртом воздух ревел в моих ушных раковинах, как могучая тяга в кузнечных мехах Решительным становилось мое упорство... не овладели моим духом.

Подумал я про себя: ну-ка, достигну я еще большего *самадхи*, что увлекает бездыханного. Тогда перестал я дышать — вдыхать и выдыхать носом и ртом и ушами; и тогда могучие ветры обрушились мне на голову, как если бы силач поразил мой череп острием меча. Решительным становилось мое упорство... не овладели моим духом.

Подумал я про себя: ну-ка, достигну я еще большего *самадхи*, что увлекает бездыханного. Сдерживал я дыхание — не вдыхал и не выдыхал носом и ртом и ушами; и тогда лютая боль сдавила мне голову, как если бы силач стянул ее кожаным ремнем. Решительным становилось мое упорство... не овладели моим духом.

Подумал я про себя: ну-ка, достигну я еще большего *самадхи*, что увлекает бездыханного. Сдерживал я дыхание — не вдыхал и не выдыхал носом и ртом и ушами, и тогда могучие ветры пронзили мои внутренности, как если бы опытный мясник или его подручный рассекли мне внутренности своими острыми ножами. Решительным становилось мое упорство... не овладели моим духом.

Подумал я про себя: ну-ка, достигну я еще большего *самадхи*, что увлекает бездыханного. Сдерживал я дыхание — не вдыхал и не выдыхал носом и ртом и ушами; и тогда во мне вспыхнул яростный пожар, как если бы два силача, схватив слабака за руки, поджаривали его в раскаленной печи. Решительным становилось мое упорство... не овладели моим духом

Глядя на меня, одни боги говорили, что я мертв, другие — что я еще не мертв, но умираю, третьи же — что я архат, а архаты живут именно так!

Подумал я про себя: ну-ка, откажусь я совсем от еды. Тогда пришли ко мне боги умолять меня не делать этого, иначе будут они кормить меня небесными яствами через поры, чтобы я жил. Если, думалось мне, я совсем откажусь от еды, а эти боги будут все время меня кормить небесными яствами через поры, чтобы я оставался жить, то я окажусь обманщиком Поэтому я отверг их предложения раз и навсегда.

Подумал я про себя: ну-ка, ограничусь-ка я крохотными порциями пищи — жидкостью, в которой варились бобы, вика или горох. Так вот я и питался, и тело мое истощилось до крайности. Мои члены — большие и малые — уподобились узловатым сочленениям увядших ползучих растений... (и т. д., как в «Сутта», XII)... при одном моем прикосновении — и все потому, что я ел так мало.

Подумал я про себя: из всех приступов острой и сильной боли, от которых страдали, будут страдать и страдают отшельники и брахманы, мои — самые лютые; невозможно помыслить более страшные. Но несмотря на эти суровые упражнения, я не смог возвыситься над заурядными человеческими пределами и подняться к благороднейшему постижению и прозрению. Нет ли другого пути к Просветлению?

Тут я вспомнил, как однажды, сидя в прохладной тени сизигиума в земле отца моего, царя шакьев, отрешившись от чувственных наслаждений и заблуждений ума, я вступил в состояние первого *самадхи* и пребыл в нем, испытал я тогда ревнование и удовлетворение, ведь состояние это вскармливается внутренним равнодушием, но не чуждо наблюдению и размышлению. Не это ли путь к Просветлению? И откликнувшись на воспоминание, разум мой подсказал мне, что это и есть истинный путь к Просветлению.

Подумал я про себя: страшусь ли я блаженства, которое ускользает от чувственных наслаждений и заблуждений ума? — И сердце подсказало мне, что не боюсь.

Подумал я про себя: нелегко достичь этого блаженства, когда тело твое столь иссохло. Ну-ка, поем-ка я твердой еды, риса и сладкого творога, и поел.

Было со мной тогда пятеро нищих, ждавших, что я объявлю им истину, которой достиг; но когда я поел риса и сладкого творога, они покинули меня с отвращением, говоря, что меня соблазнила нега и я, прекратив борьбу, обратился к неге.

Итак, поев твердой пищи и восстановив силы, я вступил в состояние Первого *самадхи* и пребыл в нем. Однако возникшие тогда во мне приятные ощущения не овладели моим умом; не случилось этого и тогда, когда я вступал в состояние второго, третьего и четвертого *самадхи*.

Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, I, London, 1926, pp 174–177

См. также тексты 225–230, 282–289.

221

УЧЕНИЕ И ПРАКТИКА НЕНАСИЛИЯ (АХИМСА) В ДЖАЙНИЗМЕ: ПРИМЕР МАХАВИРЫ

(«Ачаранга-сутра», I, 8, i 3–iv.8)

Вардхамана Махавира («Великий герой») был старшим современником Будды. Рассказывают, что тридцати лет он покинул дом и двенадцать лет скитался в поисках спасения. В сорок два года он обрел

Просветление и стал «победителем» (*джина*, отсюда «джайнизм»). Махавира основал орден нагих монахов и около тридцати лет проповедовал свое учение спасения. Он умер в 468 году до н. э., семидесяти двух лет от роду, в деревне близ Патны.

I. 3. Год и месяц он не снимал с себя одежду. С этого времени Преподобный, отдав одежду, стал нагим, покидающим мир, бездомным (мудрецом).

4. Он медитировал тогда на ходу, взор его был прикован к квадрату, который он нес перед собой на расстоянии вытянутой руки. Многие сбегались посмотреть на это диковинное зрелище; они били его и кричали.

5. Зная (и порицая) женский пол в смешанных собраниях, он медитировал, находя свой путь самостоятельно: я не веду мирской жизни.

6. Отказавшись от общества имущих, он медитировал. На вопросы он не отвечал; он шел и не преступал правильного пути.

7. Некоторым нелегко (делать то, что он делал) — не отвечать на приветствия; его били палками, грешники обижали его...

10. Более двух лет он жил монашеской жизнью и не пользовался холодной водой; он жил в одиночестве, берег тело, обрел прозрение и был безмятежен.

11. Досконально зная тела — землю, воду, огонь и ветер, — лишайники, семена и побеги,

12. Он постиг, что они — при ближайшем рассмотрении — полны жизни, и избегал навредить им: он, Великий Герой.

13. Неподвижные (существа) становятся подвижными, а подвижные — неподвижными; существа, рождающиеся в различных формах, отвечают за совершенные грехи.

14. Преподобный понимает так: подчиняющийся условиям (существования) — этот глупец испытывает боль. Досконально зная (карму), Преподобный сторонится греха.

15. Мудрец, постигая двойную (карму), провозглашает бесподобную деятельность, знающий; знающий поток мирской жизни, поток греховности и побуждение.

16. Утверждаясь в безгреховном воздержании от убийства, он не действовал ни сам, ни с помощью других; он знал, что женщины — причина всех греховных действий, и видел (истинное состояние мира)...

III. 7. Перестав пользоваться палкой (т. е. быть жестоким) по отношению к живым существам, не заботясь о теле, бездомный (Махавира). Преподобный переносит колючки деревень (т. е. оскорбления крестьян), будучи полностью просветленным.

8. Словно слон во главе битвы, был победоносен Махавира. Иногда он не доходил до деревни в Ладхе.

9. Когда свободный от желаний приближался к деревне, жители встречали его на окраине и нападали на него со словами: «Убирайся отсюда!»

10. Его били палками, кулаками, пиками, в него бросали плоды, комья грязи, черепки. Избивая его, многие кричали.

11. Когда он сидел, недвижим, они протыкали его плоть, больно дергали его за волосы или обмазывали его грязью.

12. Они подбрасывали его и не ловили или мешали ему сидеть в йогических позах; оставив попечение о теле, Преподобный смиренно терпел боль, ведь он был свободен от желанья.

13. Махавира был подобен окруженному со всех сторон герою во главе битвы. Перенося все трудности, не смущаемый ничем, Преподобный продвигался (по пути к нирване)...

IV. 1. Преподобный умел воздерживаться от потакания плоти, хотя его никогда не брали болезни. Раненый или не раненый, он не желал попечения врача.

2. Слабительное и рвотное, умащения тела и купание, мытье головы и чистка зубов ему не подобали, после того как он узнал (что тело есть нечто нечистое).

3. Отвратившись от чувственных впечатлений, Брахман ходил по земле и был немногословен. Порой в холодное время года Преподобный медитировал в тени.

4. Летом он не прячется от жары, сидит на корточках на солнцепеке; он ест грубую (пищу): рис, истолченные плоды ююбы и бобы.

5. Такой пищей Преподобный поддерживал себя в течение восьми месяцев. Иногда Предопобный не пил по полмесяца, а то и по месяцу.

6. А порой он не пил больше двух месяцев, или даже шесть месяцев, ни днем ни ночью, не испытывая желания (пить). Иногда он ел протухшую пищу.

7. Иногда он ел лишь один раз из шести, восьми, десяти, двенадцати; не испытывая желаний, он не прерывал медитаций.

8. Премудрый, Махавира не грешил сам, не побуждал грешить других и не потакал чужим грехам.

H. Jacobi, *Jaina Sūtra*, part I, in *Sacred Books of the East*. Oxford, 1884, pp. 85–87.

222

МИЛАРЭПА ПРЕВОЗНОСИТ «ПЯТЬ УТЕШЕНИЙ»

Волшебник, йог и поэт Миларэпа (Ми-ла-рас-па, 1040–1123), ученик Марпы из Лхо-брага (1012–1097), является, пожалуй, самой знаменитой личностью в религиозной истории Тибета. Все его поэтические произве-

дения были собраны в книге «*Мила Гумбум*», «Сто тысяч песен Милар
пы». Ниже приводится отрывок из «*Мила Кхабум*», «Биографии Ми
рэпы», написанной таинственным йогом Сангэ Гяльцэн по прозвищу Ца
нен Херука («Безумный йог из Цана») в 1488 году.

Однажды ночью в мою пещеру вошел человек, думавший, что у меня ес
какое-то добро, и начал воровато обшаривать все углы. Увидев это, я ра
смеялся и сказал: «Попробуй что-нибудь найти ночью там, где я ничего н
нахожу днем». Он тоже не удержался от смеха и ушел.

Примерно через год после этого какие-то охотники из Тса, не сумев
шие сыскать дичи, случайно проходили мимо пещеры. Поскольку я пр
бывал в *самадхи*, а одежду мне заменяла головная повязка, они дотро
нулись до меня концами луков, желая узнать, человек я или *бхута*.
Видя, в каком состоянии мое тело и одежда, они решили уже было, что я
бхута. Пока они обсуждали это между собой, я разомкнул уста и
сказал: «*Будьте уверены, я — человек*». *Увидев мои зубы, они призна*
ли во мне человека и спросили, не Тхепага* ли я. Когда я ответил
утвердительно, они попросили меня дать им немного еды и пообещали
щедро мне отплатить. Они сказали: «Мы слышали, что ты заходил к
себе домой всего лишь раз за много лет. Неужели все это время ты был
здесь?» Я ответил: «Да, но я не могу предложить вам пищи, которую вы
стали бы есть». Они возразили, что все, что годится мне, сойдет и им
Тогда я предложил им развести огонь и сварить крапиву. Так они и
поступили, но потом пожелали сдобрить суп какой-нибудь приправой
— бросить в него мясо, кость, костный мозг или жир. Я же сказал
«Если бы у меня было это, то у меня была бы пища с вкусовыми
качествами; но такой пищи у меня не было уже много лет. Используй
те вместо приправы крапиву». Тогда, чтобы сделать суп погуще, они
спросили у меня муки или крупы. Я ответил им, что если бы у меня это
было, то у меня была бы еда с питательными качествами, но такой еды
у меня не было уже несколько лет; используйте вместо этого семена
крапивы. В конце концов они спросили у меня немного соли, на что я
снова ответил, что соль придала бы моей пище вкус; но я обхожусь без
соли уже много лет; добавьте вместо соли еще крапивы. Они сказали
«Ты питаешься столь скудно и носишь столь убогую одежду: неудиви
тельно, что тело твое пребывает в столь жалком состоянии. Ты пере
стал быть похож на человека. Зачем? Ведь если бы ты был даже
слугой, то наедался бы досыта и носил теплую одежду. Ты — самый
жалкий и несчастный человек на всем свете». Я сказал им: «О друзья

* «Добрая весть» — детское имя Ми-ла — *Прим. ред.*

мои, не говорите так. Я один из самых счастливых и лучших среди всех, кто когда-либо был человеком. Я повстречался с переводчиком Марпой из Лхо-брага и узнал от него истину, которая дарует Пробуждение еще при жизни; и теперь, полностью избыв мирские помыслы, я провожу свои дни в строгой аскезе и в одиночестве, вдалеке от людского жилья. Я обретаю то, что поможет мне в Вечности. Отказывая себе в пошлом удовольствии от еды, одежды и славы, я одолеваю Врага [Невежество] еще при жизни. Среди всех живущих на свете я один из отважнейших и вдохновляюсь величайшими чаяниями...

Тогда я пропел им песнь о моих Пяти Утешениях:
«Владыка! Милостивый Марпа! Я припадаю к Твоим Стопам!
Помоги мне отказаться от мирских целей.
Это — Средняя Пещера Драгкар-Тасо,
В верхней точке Средней Пещеры,
Не заботясь о пище, одежде и мирских целях,
Я, тибетский йог по имени Рэ-па,
Поселился, чтобы обрести совершенное Пробуждение.

Утешает меня жесткая подстилка подо мной,
Утешает непальское стеганое одеяло из хлопка надо мной,
Утешает лента для медитаций, связывающая мои колени,
Утешает тело, привыкшее к скромной пище,
Утешает Ясное Сознание, различающее нынешние страсти и Конечную Цель;
Нет ничего неутешительного; все утешительно.

Если вы все сможете, подражайте мне;
Но если вас не вдохновляет цель аскетической жизни,
Если вы крепко держитесь учения себялюбия,
То приберегите для себя свою неуместную жалость,
Ибо я — йог, на пути обретения Вечного Блаженства.

Последние лучи солнца озаряют вершины гор,
Возвращайтесь в свои жилища.
Что до меня, то я скоро умру, не ведая часа смерти,
Поставив себе цель обрести совершенное Пробуждение.
У меня нет времени, чтобы тратить его на пустую болтовню;
Поэтому я вхожу сейчас в умиротворяющее самадхи».

W Y Evans-Wentz, *Tibet's Great Yogi Milarepa*, Oxford, 1928, pp 199–202

223

АЛЬ-ХАСАН ПРЕВОЗНОСИТ АСКЕТИЗМ

Аль-Хасан аль-Басри (624—728) был знаменитым проповедником и основателем суфийского братства. В письме к омейядскому халифу Омару ибн Абд аль-Азизу (717—720), известному своей безупречной нравственностью, аль-Хасан утверждает, что практика аскетизма и нищенства восходит к самим пророкам.

Всячески остерегайся этого мира, ибо он подобен змею: он гладок на ощупь, но жало его смертоносно. <...> Чем больше он тебя услаждает, тем осмотрительнее будь: ведь всякий раз, как человек этого мира чувствует себя в довольстве и безопасности, мир ввергает его в какую-нибудь беду, стоит ему достичь хотя бы малейшего довольства, как мир опрокидывает его вверх тормашками. Еще и еще раз: остерегайся это мира, ибо его надежды ложны, его чаяния обманчивы, его легкость — сама тяжесть, его ясность мутна. <...> Даже если бы Всемогущий не создал для него уподобления. <...> то мир и сам пробудил бы дремлющего и взволновал бы невнимательного; насколько же лучше видеть, что Бог Сам ниспослал нам предостережение! <...> Ведь в глазах Бога у мира нет ни ценности, ни веса — настолько он хрупок. <...> Он был преподнесен нашему Пророку со всеми своими ключами и сокровищами, но тот отказался принять его, хотя ничто не мешало Пророку его принять: ведь в глазах Бога его ничто не может умалить, но ему претило любить то, что ненавистно Творцу, и возносить то, что унизил Владыка. Мухаммад привязывал к чреву камень, когда был голоден, а у Мусы (Моисея) кожа на животе казалась от этого зеленой, как трава, <...> и рассказывают, что Господь вещал ему: «Муса, когда ты увидишь, что приходит нищета, скажи: «Приветствую тебя, ибо ты — мета праведности!», а когда увидишь, что приходит богатство, скажи: «О, это грех, за который воздается в той жизни!» <...> Иса (Иисус) говорил: «Мой повседневный хлеб — голод, моя мета — страх, моя одежда — власяница, мой скакун — нога, мой факел в ночи — луна, <...> и нет человека богаче меня!»

J. A. Williams, *Islam*. New York, 1961, pp. 139—140 Частично использован перевод И. М. Фильштинского по кн.: Фильштинский И. М. История арабской литературы X—XV века. — М., 1991, с. 319.

ПРОРОКИ И ОСНОВАТЕЛИ РЕЛИГИЙ

224
ВСЕ ОТВЕРНУЛИСЬ ОТ ЗАРАТУШТРЫ

(«Ясна», 46)

В начале этой гаты Заратуштру отвергают все. Он знает причину неудачи: он беден «людьми и скотом». Поэтому он обращается к Мудрому Владыке (Ахура Мазда) — как друг к другу (строфа 2). В своих молитвах он просит о переустройстве жизни, которое должно совершиться однажды благодаря деяниям Спасителя. Он, Заратуштра, был избран Владыкой, чтобы объявить эту благую весть (строфа 3). Следующие строфы (4, 7–11) рассказывают о враждебности, с которой злодеи встречают тех, кто служит Праведности. В строфах 12–17 Заратуштра вводит новую тему, перечисляя своих покровителей. Каждый, кто споспешествует обновлению мира, находясь на стороне Заратуштры, обретет благополучие в грядущей жизни (строфы 18–19).

1. *В какую землю мне бежать, куда я направлюсь?*
Удаляют меня от родни и от племенной знати,
Община меня вовсе не признает,
И не принимают меня лживые правители страны:
Как, о Мазда, служить тебе, о Владыка (Ахура)?
2. *Знаю я, о Мазда, отчего бессилен я:*
Мало стад у меня и мало людей.
К тебе взываю, погляди, о Ахура,
Окажи мне помощь, словно друг, поддерживающий друга,
Научи меня с помощью Праведности (Арты) обрести Благую Мысль.
3. *Когда же, о Всеведущий Мазда, быки полудня*[1]
Появятся в мире ради Наилучшего Распорядка (Арты)

И Спасители (Саошьянты) стран с их мудростью?
К кому на подмогу явится Благая Мысль?
Тебя избрал я, полагаясь на заветы твои, о Ахура.
4. *Злодей с дурной славой, с мерзкими делами,*
Приспешник лжи, мешает последователям Арты
Разводить быков в области и в стране.
Кто лишит его царства или жизни, о Мудрый (Мазда),
Тот проложит путь доброму учению...
7. *О Мазда, кого дадут в защитники таким, как я,*
Когда приспешник лжи будет покушаться на меня,
Кроме твоего Огня и твоей Мысли,
Силой которых вызревает царство Праведности?
Объяви эту тайну моей душе!
8. *Кто стремится навредить моему дому и имуществу —*
Пусть его дела не принесут мне напасть!
Пусть обратятся на него самого, терзая
Его, лишая спокойной жизни,
Но не дурной жизни лишая — его злые дела, о Мазда!
(Слушающий:)
9. *Кто тот верный, что первым научил нас*
Считать тебя лучшим помощником,
Святым праведным Судьей над всеми делами?
То, что Праведность, что Праведность возвестила Творцу быка —
Это хотят они услышать через твою Благую Мысль.
10. *Всякому мужчине, всякой женщине,*
Кто даст мне то, что ты считаешь лучшим для жизни,
Тому в награду за праведность дай царство через Благую Мысль.
Я буду убеждать их поклоняться вам
И с ними вместе перейду через Мост Разделения (Чинвад).
11. *Приносящие <лживые> жертвы и владыки карапанов*[2]
Подчинили людей игу своей власти,
Чтобы уничтожить жизнь злыми делами;
Их будет мучить их собственная душа, их совесть,
Когда они придут к Мосту Чинвад,
Чтобы навек поселиться в доме зла...
13. *Всякий смертный, кто мил Спитаме Заратуштре*
(своим послушанием?),
Заслуживает, чтобы его услышали.
Мудрый даст ему жизнь,
А Благая Мысль поможет его живому достоянию.
За его праведность (?) мы сопричислим его к твоим верным друзьям.
18. *Кто привержен мне, тому я обещаю через Благую Мысль*
Лучшее из того, чем обладаю;

Но вражду — тем, кто стремится с нами враждовать.
Я следую вашей воле, о Мазда и Арта!
Таково решение моего духа и разума.
19. *Кто по Праведности совершит для меня то,*
То́ совершит для Заратуштры, что ближе всего к моим желаниям,
Тому, заслужившему грядущую жизнь, будет наградой
Пара стельных коров <с быком> и все, чего он желает мыслью.
Ты сделаешь это, о Мазда, умеющий давать наилучшее!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Быки полудня» — очевидно, утренняя заря.

[2] Жрецы культов, враждебных зороастризму.

Перевод и вступительная статья по кн.: J. Duchesne-Guillemin, *The Hymns of Zarathustra*, London, 1952, pp. 75—83. Частично использованы переводы Е. Э. Бертельса и И. С. Брагинского по кн.: «Авеста» в русских переводах (1861—1996). — Спб., 1997, с. 137—140.

225

ЦАРЕВИЧ СИДДХАРТХА СТАЛКИВАЕТСЯ СО СТАРОСТЬЮ, БОЛЕЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

(«Дигханикайя», XIV [«Махападана-суттанта»])

И вот по прошествии многих дней молодой господин Гаутама велел вознице приготовить царскую колесницу и сказал: «Подготовь колесницу, добрый возничий, и поедем через парк, чтобы осмотреть его раздолье». «Да, мой господин, — ответил возничий, снарядил колесницу и известил Гаутаму: — Повозка готова, мой господин; поступай, как тебе угодно». Тогда Гаутама сел в царскую повозку и выехал в парк.

По дороге в парк молодой господин увидел дряхлого старика, согбенного, как конек крыши: опираясь на палку, он ковылял по дороге — несчастный, давно миновавший пору расцвета. При виде его Гаутама спросил: «Добрый возничий, что такого сделал тот человек, что ни волосами, ни телом не похож на других людей?»

«Таких, как он, называют стариками, мой господин».

«Но почему его называют стариком?»

«Его называют стариком, мой господин, потому что ему недолго осталось жить».

«Но тогда, добрый возничий, я тоже буду стариком, ведь я еще не достиг старости?»

«Вы, мой господин, и мы тоже, мы все состаримся, ведь мы еще не достигли старости».

«Что ж, добрый возничий, достаточно мы сегодня погуляли. Отвези меня назад в мои покои».

«Слушаюсь, мой господин», — сказал возничий и привез его назад. И придя в свои покои, он пребывал в печали и грусти, думая: «Поистине позор тому, что называют рожденьем, ибо рожденному в таком виде являет себя старость!»

После этого раджа послал за возничим и спросил его: «Ну, добрый возничий, веселился ли мальчик в парке? Хорошо ему было?»

«Нет, мой господин, не хорошо».

«Что же он увидел по дороге?»

(И возничий рассказал радже все.)

Тогда раджа подумал: «Нельзя Гаутаме отказаться от власти. Нельзя отпустить его из дома жить без крыши над головой. Нельзя, чтобы сбылось предсказание брахмана-прорицателя».

И вот, чтобы этого не произошло, он окружил юношу новыми чувственными усладами. И Гаутама продолжал жить среди чувственных удовольствий.

И вот, по прошествии многих дней, молодой господин снова повелел возничему запрягать и ехать, как в прошлый раз...

И по дороге в парк Гаутама увидел недужного — тот страдал и был очень болен, падал и барахтался в собственной моче, другие его поднимали, другие его одевали. При виде этого Гаутама спросил: «Добрый возничий, что такого сделал тот человек, что глаза его не похожи на глаза, а голос на голос других людей?»

«Таких называют больными, мой господин».

«Но что значит «больной»?»

«Это значит, мой господин, что трудно ему будет оправиться от его болезни».

«Но тогда, добрый возничий, я тоже могу заболеть; или для болезни я недосягаем?»

«Вы, мой господин, и мы тоже, мы все можем заболеть; для болезни мы досягаемы».

«Что ж, добрый возничий, достаточно мы сегодня погуляли. Отвези меня назад в мои покои».

«Слушаюсь, мой господин», — сказал возничий и привез его назад. И придя в свои покои, он пребывал в печали и грусти, думая: «Поистине

позор тому, что называют рожденьем, ибо рожденному в таком виде являет себя болезнь!»

После этого раджа послал за возничим и спросил его: «Ну, добрый возничий, веселился ли мальчик в парке? Хорошо ему было?»

«Нет, мой господин, не хорошо».

«Что же он увидел по дороге?»

(И возничий рассказал радже все.)

Тогда раджа подумал: «Нельзя Гаутаме отказаться от власти. Нельзя отпустить его из дома жить без крыши над головой. Нельзя, чтобы сбылось предсказание брахмана-прорицателя».

И вот, чтобы этого не произошло, он еще щедрее окружил юношу чувственными усладами. И Гаутама продолжал жить среди чувственных удовольствий.

И вот, по прошествии многих дней, молодой господин снова повелел возничему запрягать и ехать, как в прошлый раз...

И по дороге в парк Гаутама увидел великое сборище людей, одетых в платья разных цветов, сооружающих погребальный костер. И при виде этого он спросил возничего: «Зачем собрались эти люди в одеждах разного цвета и зачем они сооружают эту кучу?»

«Потому, мой господин, что кто-то закончил свои дни».

«Тогда подведи колесницу к тому, кто закончил свои дни».

«Да, мой господин», — ответил возничий и поступил, как ему велели. А Гаутама увидел труп закончившего свои дни и спросил: «Добрый человек, что значит закончить свои дни?»

«Это значит, мой господин, что ни мать, ни отец, ни другой родич его больше не увидит, а он не увидит их».

«Но тогда я тоже могу умереть; или я для смерти недосягаем? И ни раджа, ни его супруга и никто другой из моей родни больше не увидят меня, а я не увижу их?»

«Вы, мой господин, и мы тоже, мы все подвластны смерти; для нее мы досягаемы. Ни раджа, ни его супруга и никто другой из вашей родни больше вас не увидят, а вы не увидите их».

«Что ж, добрый возничий, достаточно мы сегодня погуляли. Отвези меня назад в мои покои».

«Слушаюсь, мой господин», — сказал возничий и привез его назад. И, придя в свои покои, он пребывал в печали и грусти, думая: «Поистине, позор тому, что называют рожденьем, ибо рожденному в таком виде являют себя увядание, болезнь, смерть!»

После этого раджа расспросил возничего, как и прежде, и, как и прежде, окружил Гаутаму новыми наслаждениями. И Гаутама продолжал жить среди чувственных удовольствий.

И вот, по прошествии многих дней, молодой господин снова повелел возничему запрягать и ехать, как в прошлый раз...

И по дороге в парк он увидел бритого наголо человека — отшельника в желтой одежде. И при виде его он спросил возничего: «Добрый возничий, почему его голова и одежда не такие, как у других людей?»

«Таких называют отшельниками, мой господин, ибо он из тех, кто далеко ушел».

«Что значит «далеко ушел»?»

«Это значит, мой господин, что он отличился в монашеской жизни, отличился в мирной жизни, отличился добродеяниями, отличился похвальным поведением, отличился в непричинении вреда, отличился в доброте ко всем тварям».

«Воистину, превосходен, добрый возничий, тот, кого называют отшельником, ибо он отличился во всех этих отношениях. Давай поэтому подъедем к этому далеко ушедшему человеку».

«Да, мой господин», — ответил возничий и подъехал к отшельнику. Тогда Гаутама обратился к нему со словами: «Наставник, почему ваша голова и одежда не такие, как у других людей?»

«Я, мой господин, тот, кто далеко ушел».

«Что это значит, наставник?»

«Это значит, мой господин, что я отличился в монашеской жизни, отличился в мирной жизни, отличился добродеяниями, отличился похвальным поведением, отличился в непричинении вреда, отличился в доброте ко всем тварям».

«Воистину, превосходно, наставник, сказано про тебя, что ты ушел далеко, ведь ты отличился во всех этих отношениях». Тогда господин Гаутама приказал возничему: «Давай, добрый возничий, возьми повозку и поезжай отсюда во дворец. А я здесь же постригу волосы, облачусь в желтое платье и уйду из дома жить без крыши над головой».

«Да, мой господин», — ответил возничий и поехал назад. А царевич Гаутама тотчас постригся, надел желтое платье и ушел из дома жить без крыши над головой.

И вот в Капилаваттху, столице раджи, множество народу, примерно восемьдесят четыре тысячи душ, прослышало про то, что сделал царевич Гаутама, и подумали: «Поистине, это не обычный монашеский устав, это больше чем просто «уйти вперед», ведь сам царевич Гаутама остриг волосы, надел желтое платье и ушел из дома жить без крыши над головой. И если так поступил царевич Гаутама, то почему бы и нам не сделать того же?» И они все остригли головы, облачились в желтые одежды и в подражание Бодхисаттве ушли из дома жить без крыши над головой. И вот Бодхисаттва проходил через деревни, поселения и города в окружении этой толпы.

И подумалось Гаутаме Бодхисаттве, когда он размышлял в одиночестве: «Поистине, не подобает мне жить в такой осаде. Лучше бы мне жить одному, вдали от толпы».

И вот некоторое время спустя он зажил один, вдали от толпы. Восемьдесят четыре тысячи отшельников пошли одной дорогой, а Бодхисаттва — другой.

И подумалось Гаутаме Бодхисаттве, когда он пришел к себе и размышлял в одиночестве: «Поистине, этот мир не избежал тягот: человек рождается, стареет и умирает, сегодня он один, а завтра — другой. И более того: никто не ведает, как избежать страдания, как избежать увядания и смерти. Когда же откроется выход из страданий — путь, ведущий прочь от увядания и смерти?»

E H Brewster, *Life of Gotama the Buddha*, pp 15–19

226

ПЕРВЫЕ НАСТАВНИКИ ГАУТАМЫ: КАЛАМА И РАМАПУТТА

(«Маджджхиманикайя», XXVI [«Арияпариесана-сутта»])

И я тоже во дни, предшествовавшие моему полному просветлению, когда я был лишь Бодхисаттвой и еще не достиг полного просветления, — я тоже был подвластен новым рожденьям, смерти и всему остальному и избирал то, что тоже было им подвластно. Но тут пришла мне в голову мысль: зачем я избираю то, что, как и я, подвластно новым рожденьям и всему остальному? Разве, будучи подвластным этому, я не должен раскрыть свои глаза на опасности, которыми чреваты эти вещи, и стремиться к высшему покою нирваны, которому не ведомы ни новые рождения, ни увядание, ни болезни, ни смерть, ни скорбь, ни скверна?

В молодости я владел богатством черных, как уголь, волос, не тронутых сединой, и был во всей красе цветущего возраста; и тогда вопреки желанию своих родителей, плакавших и скорбевших, обрил голову, надел желтые одежды и ушел из дома, чтобы странствовать, не имея крыши над головой. Странник, ищущий правды и превосходного пути к бесподобному покою, я пришел к Аларе Каламе и сказал: «Я хочу, достопочтенный Калама, вести возвышенную жизнь по твоему Учению и Уставу». — «Оставайся с нами, почтенный господин, — отвечал он. — Учение мое таково, что разумный человек сможет вскоре самостоятельно постичь, воплотить все то, чему учит его наставник; он сможет проникнуть в Учение и пребыть в нем». Прошло совсем немного времени, и я знал его учение наизусть. Я мог по памяти пересказывать первоначальное учение (основателя школы) и толкования старейшин; я мог, вместе с остальными, утверждать, что знаю

и понимаю его до конца. Тогда мне и пришло в голову, что Алара Калама не просто принимал и проповедовал это Учение, но проник в него и пребывал в нем после того, как постиг и осуществил его самостоятельно; несомненно, он обладал подлинным знанием и пониманием Учения. Тогда я пришел к нему и спросил его о том, до какой степени он сам постиг и осуществил Учение, в которое он проник и в котором пребывал.

«Я проник в Ничто», — отвечал он.

После этого я подумал, что Алара Калама не единственный, кто обладает верой, упорством, бдительностью, увлеченной сосредоточенностью и проницательностью. Почему бы и мне, спросил я у себя, не стремиться к осуществлению Учения, в которое он, по его словам, проник и в котором пребывает после того, как постиг и осуществил его сам? Прошло совсем немного времени, и я постиг и осуществил его Учение сам, проник в него и пребывал в нем. Тогда я пошел к наставнику и спросил его о том, до той ли степени, что и он, я постиг и осуществил Учение, которое он проповедовал. Он ответил утвердительно, и я сказал, что я тоже достиг этой точки. «Это великое дело, — сказал он. — Очень великое для нас, что в тебе, почтенный господин, мы нашли такого товарища по возвышенному образу жизни. Ты сам постиг, осуществил и укрепился в Учении, которое я постиг и осуществил я сам, в котором я сам укрепился. И я сам постиг, осуществил и укрепился в Учении, которое постиг и осуществил ты сам, в котором ты сам укрепился. Я знаю Учение, и ты знаешь; ты знаешь Учение, и я знаю. Как я, так и ты; как ты, так и я. Прошу, господин, давай вместе блюсти эту общину!» Вот что говорил Алара Калама, мой наставник, мне, ученику; он признал во мне равного себе и выказал мне величайшее почтение. Но помня о том, что его Учение ведет всего лишь к Ничто, а не к Отречению, бесстрастию, прекращению, покою, различению, просветлению и нирване, я не стал цепляться за его Учение и пошел своей дорогой.

По-прежнему ища правды и превосходного пути к бесподобному покою, я пришел к Уддаке Рамапутте и сказал: «Я хочу, достопочтенный господин, вести возвышенную жизнь по твоему Учению и Уставу». — «Оставайся с нами... подлинным знанием и пониманием». Тогда я пришел к Уддаке Рамапутте и спросил его о том, до какой степени он сам постиг и осуществил Учение, в которое он проник и в котором пребывал.

«До той степени, где нет уже ни восприятия, ни невосприятия», — отвечал он. После этого я подумал, что Уддака Рамапутта не единственный, кто обладает верой... выказал мне величайшее почтение. Но помня о том, что его Учение ведет всего лишь туда, где нет ни восприятия, ни невосприятия, а не к Отречению, бесстрастию, прекращению, покою, различению, просветлению и нирване, я не стал цепляться за его Учение и пошел своей дорогой.

По-прежнему ища правды и превосходного пути к бесподобному покою, я миновал, собирая подаяния, Магадху и пришел в Урувелу, где и поселил-

ся. Сказал я себе, увидев это место: как хороши эти рощи и чистая река с ее гхатами и прелестными уголками. Чего еще может желать юноша, чье сердце объято стремлением? Там я и поселился, не нуждаясь более ни в чем для своего стремления.

Будучи подвластен новым рождениям, увяданию, болезни, смерти, скорби и скверне и видя опасность во всем, что подвластно им, я стремился к высшему покою нирваны, которому неведомы ни скорбь, ни увядание, ни болезнь, ни смерть, ни скверна, — вот к чему я стремился, вот что я обрел; и тогда прозрел я и убедился в том, что теперь мое Избавление несомненно, что родился я в последний раз и никогда не появлюсь на свет снова.

Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, I, London, 1926, pp. 115–118.

227

ПОСЛЕ ПРОСВЕТЛЕНИЯ БУДДА ПРОВОЗГЛАШАЕТ: «Я СВЯЩЕН В ЭТОМ МИРЕ, Я ВЫСШИЙ УЧИТЕЛЬ»

(«Махавагга», I, 7–9)

Однажды Упака, один из аджывиков (т. е. нагих аскетов), увидел Бхагавана (Блаженного), который проходил мимо дерева Бодхи; увидев его, он сказал Бхагавану: «Твое лицо, друг, безмятежно; ты чист и ясен телом. Ради кого, друг, ты удалился от мира? Кто твой наставник? Чье учение ты исповедуешь?»

После того как Упака-аджывик молвил это, Бхагаван обратился к нему с такими словами: «Я одолел всех врагов; я мудр; я свободен от всех пороков; я оставил все и достиг свободы, уничтожив желание. Достигнув знания, кого назову я своим наставником? У меня нет учителя; мне нет равных; в мире людей и богов нет схожих со мной. Я священ в этом мире, я высший учитель, только я — подлинный Самбуддха; я обрел прохладу (погасив все страсти) и достиг нирваны. Чтобы основать царство истины (Дхармы), иду я в город Каси (Бенарес); я буду бить в барабан Бессмертного во мраке этого мира».

(Упака ответил:) «Так ты называешь себя, друг, священным, подлинным Джиной[1]?»

(Будда сказал:) «Мне подобны все Джины, которые добились угасания асав[2]; я превозмог всяческую греховность; поэтому, Упака, я — Джина».

Когда он молвил это, Упака-аджывик ответил: «Может, и так, друг», покачал головой и пошел другой дорогой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Джина* — «Победитель», один из эпитетов, общих основателям буддизма и джайнизма.

[2] *Асава* — чувственность, страсти и привязанности.

T.W Rhys Davids and H. Oldenberg, *Vinaya Texts*, part I // *Sacred Books of the East*, XIII, Oxford, 1881, pp. 90–91

228

БУДДА ГАУТАМА РАЗМЫШЛЯЕТ: «СКОЛЬКО МУК И УСИЛИЙ Я ПОЛОЖИЛ НА ЭТО — ПУСТЬ ЖЕ МОЕ ПРОЗРЕНЬЕ ОСТАЕТСЯ ПРИ МНЕ!»

(«Маджджхиманикайя», XXVI [«Арияпариесана-сутта»])

Я подумал: «Поистине, мною постигнута эта Дхарма, глубокая, незримая, труднопостижимая, благая, совершенная, невыводимая путем рассуждения и логического исследования, тонкая, доступная только знатокам. Но род человеческий предан наслаждению и счастлив тем, к чему он привязан. Потому ему трудно понять причинные отношения и цепь причинности, трудно понять усмирение всех дурных порывов, отречение от всех мирских уз, уничтожение жажды <бытия>, бесстрастие, покой и нирвану. Если я, поистине, буду проповедовать эту Дхарму и ее не поймут, это не принесет мне ничего, кроме усталости, это не принесет мне ничего, кроме терзаний». И в этот миг в моем уме возникли стихи, которых прежде никто не слышал:

Сколько мук и усилий я положил на это —
Пусть же мое прозренье остается при мне:
Людям, обуреваемым злобой и вожделеньем,
Это мое Ученье вряд ли дано понять.
Это Ученье, острое, идущее против теченья,
Тонкое и глубокое — трудно его постичь.
Им его не усвоить, воспламененным страстью,
Мечущимся бесцельно под пеленою мглы!

«О почтенный, пусть Бхагаван проповедует учение! Есть существа, чье духовное око замутнено лишь одной пылинкой; но, если они не услышат слова Учения, им не обрести спасения. Они поймут Учение!»

Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, I, London 1926, pp. 118–119.

229

ГАУТАМА БУДДА ВСПОМИНАЕТ СВОИ ПРЕЖНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

(«Маджджхиманикайя», IV [«Бхайя-бхерава-сутта»])

Сосредоточив, очистив и прояснив свое сознание, устранив из него все нечистое, приготовив его к работе, сделав его непоколебимым и неизменным, я направил его к распознаванию воспоминаний о своих прежних существованиях. Я вызвал в сознании мои различные существования в прошлом — одно рождение, второе, третье... <и т. д.> , стотысячное, великое множество рождений в эпоху распада мира, в эпоху его восстановления, и в новую эпоху распада, и в новую эпоху восстановления. Я вспомнил, какое имя я носил в каждом из них, к какому принадлежал роду, к какому сословию, какой вел образ жизни, какие наслаждения и страдания испытывал и каков был конец каждой из моих жизней. Покинув одну из них, я рождался где-нибудь в другом месте, где меня звали так-то и так-то, где я принадлежал к такому-то роду — и так далее. Наконец я дошел до нынешней жизни здесь. Итак, я припомнил мои различные существования в прошлом во всех их особых чертах и подробностях. — Таково, о брахман, было знание, обретенное мною в первую стражу той ночи. Невежество было устранено, возникло знание, тьма рассеялась, воссиял свет. Так происходит с тем, кто пребывает бдительным, усердным и решительным!

<Затем, > сосредоточив сознание, я направил его на смерти и перерождения других живых существ. Божественным, чистым, сверхчеловеческим зрением я видел смерть и перерождение людей из знатного или презренного сословия, живущих счастливо или влачащих жалкое существование соответственно своей *карме*. Одни из них делом, словом и мыслью были преданы злу. Они бранили Благо, отстаивали ложные воззрения и получили то, чего заслуживали: после смерти их уделом стали страдания, невзгоды и муки в аду. Другие же делом, словом и мыслью были преданы добру. Они хвалили Благо, отстаивали верные воззрения и получили то, чего заслуживали: после смерти их уделом стало блаженство на небесах. Все это я увидел божественным зрением. — Таково, о брахман, было знание, обретенное мною во вторую стражу той ночи. Невежество было устранено, возникло знание, тьма рассеялась, воссиял свет. Так происходит с тем, кто пребывает бдительным, усердным и решительным!

<Затем, > сосредоточив сознание, я направил его к постижению уничтожения связывающих влияний (*асава*). В должное время я осознал <истину>: «Вот страдание. Вот причина страдания. Вот прекращение страдания. Вот путь, ведущий к прекращению страдания». В должное время я

осознал сущность связывающих влияний (*асава*): их происхождение, прекращение и путь, ведущий к этому прекращению. Когда я понял и узрел это, мое сознание освободилось от *асавы* чувственного наслаждения (*кама*), от *асавы* тяги к новому рождению, от *асавы* ложных воззрений и от *асавы* неведения (*авиджджа*). Когда же мое сознание освободилось от них, ко мне пришло знание об избавлении и убежденность: нового рождения больше не будет! Сделано то, что следовало сделать; по ту сторону мира для меня ничего нет. — Таково, о брахман, было знание, обретенное мною в третью стражу той ночи. Невежество было устранено, возникло знание, тьма рассеялась, воссиял свет. Так происходит с тем, кто пребывает бдительным, усердным и решительным!

Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, I, London 1926, pp 15–17

230
БУДДА ВХОДИТ В НИРВАНУ

(*Ашвагхоша, «Буддхачарита», XXVI, 83–86*)

Затем Будда повернулся к ученикам и сказал: «Все приходит к концу, даже если длится целую эру. В конце всегда настает час расставания. Я сделал то, что мог, для себя и для других. Оставаться здесь больше нет никакого смысла. Я воспитал — на небе и на земле — всех тех, кого мог воспитать, и поместил их в поток. С этих пор моя Дхарма, о монахи, пребудет среди всех поколений живых существ. Поэтому признайте истинную природу живого мира и не тревожьтесь, ведь разлука все равно неизбежна. Признайте, что все живущее подчиняется этому закону, и стремитесь отныне к тому, чтобы этого больше не было! Когда свет знания развеял мрак невежества, когда все сущее было увидено как бы невещественным, то после завершения жизни наступает покой, который, кажется, наконец исцеляет долгую болезнь. Все неподвижное и движущееся обречено в конце на погибель. Поэтому будьте зоркими и бдительными! Настало мне время войти в нирвану. Это — мои последние слова!»

После этого Непревзойденный в искусстве самадхи вошел в первое *самадхи*, вышел из него и вступил во второе — и так должным порядком он пережил все *самадхи*, не пропустив ни одного. А затем, завершив восхождение на все девять ступеней созерцательного постижения, великий Провидец проделал все то же в обратном порядке и вновь вернулся к первому *самадхи*. И снова он вышел из него, и снова шаг за шагом поднялся до четвертого *самадхи*. Когда же с этим было покончено, он встретился лицом к лицу с вечным Покоем.

И вот, когда Мудрый вошел в нирвану, земля содрогнулась, точно лодка, на которую налетела буря, а с неба упали горящие головешки. Небеса полыхали сверхъестественным огнем, который горел без топлива, без дыма, не раздувался ветром. Страшные молнии ударяли в землю, в небе бушевали разъяренные ветры. Свет луны затмился, и хоть небо было безоблачно, повсюду разлилась жуткая тьма. Реки, словно обезумев от горя, наполнились кипящей водой. Прекрасные цветы выросли вдруг на деревьях над ложем Будды, и деревья склонились над ним и усыпали его золотистое тело цветами. Словно множество богов, пятиглавые Наги стояли неподвижно на небе: глаза их покраснели от горя, капюшоны закрылись, тела застыли; с глубокой преданностью взирали они на тело Мудрого. Но укрепившееся в соблюдении высшей Дхармы собрание богов вокруг царя Вайшраваны не было опечалено и не проливало слез — столь велика была их приверженность Дхарме. Хотя боги Чистой обители и не выказывали большого почтения к Великому Провидцу, они оставались безучастными, а их души нетронутыми, ибо они ни во что не ставили дела этого мира. Цари Гандхарвов и Нагов, цари Якшей и Дэвов, радующиеся истинной Дхарме, — все они стояли на небе, скорбя и горюя. Но воинство Мары радовалось, что сбылось их пламенное желание. В ликовании они издавали бешеные крики, плясали, шипели, как змеи, и, вне себя от радости, били в барабаны, гонги и тамтамы. А мир, когда Царевич Провидцев ушел из него, стал похож на гору, чью вершину затмил сполох молнии, на небо без луны, на пруд, чьи лотосы увяли под дыханием холодов, на ученость, немощную из-за нищеты.

E Conze, *Buddhist Scriptures*, Penguin Books, 1959, pp 62–64

231

ПРИЗВАНИЕ МУХАММАДА (АТ-ТАБАРИ)

Ахмад ибн Утман, известный под именем Абу-л-йавза, рассказывал мне со слов Вахба ибн Йарира, который слышал от отца, слышавшего от ан-Нумана ибн Рашида, что аз-Зухри из Урвы, из рода Аиши, говорил: «Сначала откровение (*вахи*) пришло к Посланцу Аллаха — да пребудет с ним благословение и мир Аллаха — через неложные сны, которые приходили к нему, словно утренняя заря. Затем он полюбил одиночество и стал часто приходить в пещеру на Хире[1], где по ночам совершал *таханнут*[2], прежде чем вернуться к семье. Потом он возвратился к семье и готовился к тому же числу [ночей], как вдруг ему явилась истина.

Он [Джабраил] пришел к нему со словами: «О Мухаммад, ты — Посланец Аллаха (*расул*[3])». Посланец Аллаха — да будет с ним благословение и мир Аллаха — сказал: «Тогда пал я на колени там, где стоял, и, дрожа всем телом, приполз к Хадидже[4] со словами: «Укутай меня! Укутай меня!»[5], пока ужас не покинул меня. Затем [в другой раз] он пришел ко мне снова и сказал: «О Мухаммад, ты — Посланец Аллаха», и [это так смутило меня], что я был готов сброситься с какой-нибудь высокой скалы. Но когда я уже собирался это сделать, он явился передо мной и сказал: «О Мухаммад, Я — Джабраил, а ты — Посланец Аллаха». Потом он сказал мне: «Читай!», а я ответил: «Что мне читать?» Тогда он больно схватил меня три раза, пока я не выбился из сил. Он сказал: «Читай, во имя Господа твоего, который сотворил...» (сура XCVI, 1). Я прочел эти слова и вернулся к Хадидже, которой сказал: «Я боюсь за себя». Потом я все ей рассказал. Она молвила: «Радуйся, ибо, клянусь Аллахом, Аллах никогда не выставит тебя на позор. Клянусь Аллахом, ты заботишься о родичах, говоришь правду, отдаешь то, что дали тебе на время, несешь бремена, всегда радушно принимаешь гостей и делаешь все, чтобы поддержать правое против ложного». Затем она отвела меня к Вараке ибн Науфалу ибн Асаду, [которому] она сказала: «Открой слух тому, что [имеет сообщить] сын твоего брата». Он расспросил меня, и я рассказал ему все Он сказал: «Это *намус*[6], который был ниспослан Мусе, сыну Амрама. О, если бы я был вновь дюжим юношей, [чтобы принять участие в этом]. О, если бы я был жив, когда твои люди изгонят тебя». — «А они изгонят меня?» — спросил я. «Да, — ответил он. — Никогда еще человек, приходивший с такой вестью, как твоя, не избег изгнания. О, если бы я был с тобой, когда придет твой день. Тогда я оказал бы тебе мощную поддержку».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гора в окрестностях Мекки

[2] По-видимому, искаженное еврейское *тихиннот* — «молитвы».

[3] *Расул* — буквально «вестник».

[4] Первая жена Мухаммада — пожилая и богатая мекканская вдова, вышедшая за него замуж за несколько лет до того

[5] См Сура LXXIII, 1

[6] Происходит из сирийской транслитерации греческого слова *номос*, «закон» в Септуагинте и Новом Завете обозначающего закон Моисея, т е Тору

Arthur Jeffery, *Islam Muhammad and His Religion*, New York Liberal Arts Press, 1958, pp 15—17

232

МУХАММАД — ПОСЛАННИК БОЖИЙ

(Коран, XLVIII, 29)

Мухаммад — посланник Аллаха, и те, которые с ним, — яростны против неверных, милостивы между собой. Ты видишь их преклоняющимися, падающими ниц. Они ищут милости от Аллаха и благоволения. Приметы их — на их лицах от следов падения ниц. Таков образ их в Торе, но в Евангелии образ их — посев, который извел свой побег и укрепил его; он стал твердым и выровнялся на стебле, восхищая сеятелей, — чтобы разъярить ими неверных. Обещал Аллах тем из них, которые уверовали и творили благое, прощение и великую награду!

Перевод И Ю Крачковского

233

МУХАММАД ПРОВОЗГЛАШАЕТ КОРАН, «РУКОВОДСТВО — НЕТ СОМНЕНИЯ В ТОМ — ДЛЯ БОГОБОЯЗНЕННЫХ»

(Коран, II, 2–23)

Эта книга — нет сомнения в том — руководство для богобоязненных, тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву и из того, чем Мы их наделили, расходуют, и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и в последней жизни они убеждены.

Они на прямом пути от их Господа, и они — достигшие успеха.

Поистине, те, которые не уверовали, — все равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не веруют.

Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса. Для них — великое наказание!

И среди людей некоторые говорят: «Уверовали мы в Аллаха и в последний день». Но они не веруют.

Они пытаются обмануть Аллаха и тех, которые уверовали, но обманывают только самих себя и не знают.

В сердцах их болезнь. Пусть же Аллах увеличит их болезнь! Для них — мучительное наказание за то, что они лгут.

А когда им говорят: «Не распространяйте нечестия на земле!» — они говорят: «Мы — только творящие благое». Разве нет? Ведь они — распространяющие нечестие, но не знают они.

А когда говорят им: «Уверуйте, как уверовали люди!» — они отвечают «Разве мы станем веровать, как уверовали глупцы?» Разве нет? Поистине, они — глупцы, но они не знают!

И когда они встречают тех, которые уверовали, они говорят: «Мы уверовали!» А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: «Мы ведь — с вами, мы ведь только издеваемся».

Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо!

Это — те, которые купили заблуждение за правый путь. Не прибыльна была их торговля, и не были они на верном пути!

Подобны они тому, кто зажег огонь, а когда он осветил все, что кругом него, Аллах унес их свет и оставил их во мраке, так что они не видят.

Глухие, немые, слепые, — и они не возвращаются [к Аллаху].

Или как дождевая туча с неба. В ней — мрак, гром и молния, они вкладывают свои пальцы в уши от молний, боясь смерти, а Аллах объемлет неверующих.

Молния готова отнять их зрение; как только она им осветит, они идут при ней. А когда окажется над ними мрак, они стоят. А если бы Аллах пожелал, то унес бы их слух и зрение: ведь Аллах над всякой вещью мощен! О люди! Поклоняйтесь вашему Господу, который сотворил вас и тех, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! — который землю сделал для вас ковром, а небо — зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитанием для вас. Не придавайте же Аллаху равных, в то время как вы знаете!

А если вы в сомнении относительно того, что Мы ниспослали Нашему рабу, то принесите суру, подобную этому, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы.

Если же вы этого не сделаете, — вы никогда этого не сделаете! — то побойтесь огня, топливом для которого люди и камни, уготованного неверным.

И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое, что для них — сады, где внизу текут реки. Всякий раз, как им даются в удел оттуда какие-нибудь плоды, они говорят: «Это — то, что было даровано нам раньше», — тогда как им доставлено только сходное. Для них там — супруги чистые, и они там будут пребывать вечно.

Перевод И Ю. Крачковского

234

АЛЛАХ РАССКАЗЫВАЕТ МУХАММАДУ ОБ АВРААМЕ

(Коран, XIX, 42–51)

И вспомни в книге Ибрахима: поистине, он был праведником, пророком.

Вот сказал он своему отцу: «Отец мой, почему ты поклоняешься тому, что не слышит и не видит и не избавляет тебя ни от чего?

Отец мой, у меня явилось такое знание, которое не достигло тебя; следуй же за мной, я поведу тебя верным путем!

Отец мой, не поклоняйся сатане: сатана ведь ослушник Милосердному!

Отец мой, я боюсь, что тебя коснется наказание от Милосердного и ты будешь близким сатаны!»

Он сказал: «Разве ты отказываешься от наших богов, о Ибрахим? Если ты не удержишься, я непременно побью тебя каменьями. Удались же от меня на некое время!»

Он сказал: «Мир тебе! Я буду просить прощение для тебя у моего Господа: ведь Он ко мне милостив.

Я отделюсь от вас и от того, что вы призываете, помимо Аллаха. Я призываю своего Господа, может быть, я не буду в призывании своего Господа несчастным».

И когда он отделился от них и от того, чему они поклонялись помимо Аллаха, Мы даровали ему Исхака и Йа'куба, и всех сделали Мы пророками.

И Мы даровали им от Нашей милости и сделали язык истины для них высоким.

Перевод И Ю Крачковского

235

АЛЛАХ ОТКРЫВАЕТ МУХАММАДУ, КАК ОН СПАС СЫНОВ ИЗРАИЛЯ

(Коран, XVII, 103–108)

Мы даровали Мусе девять знамений ясных. Спроси сынов Исра'ила, когда он пришел к ним и сказал ему Фир'аун: «Я думаю, что ты, Муса, очарован».

Он сказал: «Ты знаешь, что низвел эти только Господь неба и земли, как наглядные знамения, и я думаю, что ты, Фир'аун, погибший».

И пожелал он сдвинуть их с земли, и потопили Мы его и тех, кто с ним всех.

И после него сказали сынам Исра'ила: «Живите в стране, и когда придет обещание последней, Мы со всеми вами придем вместе». И в истине Мы его ниспослали, и в истине он нисшел. И послали Мы тебя только вестником и увещателем.

И Коран Мы разделили, чтобы читал ты его людям с выдержкой, и ниспослали Мы его ниспосланием.

Скажи: «Веруйте в него или не веруйте, — те, кому даровано было знание до него, когда он читается им, падают на бороды, поклоняясь, и говорят: «Хвала Господу нашему! Поистине, обещание Господа нашего исполняется».

Перевод И.Ю. Крачковского

236

АЛЛАХ НИСПОСЫЛАЕТ ТОРУ, ПРОРОКОВ И ИИСУСА, СЫНА МАРИИ

(Коран, V, 50–52)

И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором — руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных.

И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах. А кто не судит по тому, что низвел Аллах, те — распутники.

И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь.

Перевод И.Ю. Крачковского

237

МУХАММАД — ПРОРОК ОТКРОВЕНИЯ

(Коран, XLII, 50–53)

Не было, чтобы Аллах говорил с человеком иначе, как в откровении, или позади завесы, или посылал посланника и открывал ему по Своему изволению, что желал. Поистине, Он — высокий, мудрый!

И так Мы внушили тебе дух от Нашего веления: ты не знал, что такое книга и вера, но Мы сделали его светом, которым Мы ведем кого угодно из Наших рабов, и ты ведешь на прямой путь, путь Аллаха, которому принадлежит то, что в небесах и на земле. О да, ведь к Аллаху обращаются все дела!

Перевод И.Ю. Крачковского

См. *также тексты 43, 252, 268, 269.*

ДУХОВНЫЕ ТЕХНИКИ И МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

238

ФИЛОСОФ-НЕОПЛАТОНИК О ВИДАХ И СЛЕДСТВИЯХ ЭКСТАЗА

(Ямвлих, «О египетских мистериях», III, 4–6)

Сириец Ямвлих жил между 250 и 325 годами нашей эры. Книга «О египетских мистериях» написана в форме ответа некоего Абаммона на письмо Порфирия «К Анебону» и представляет собой апологию ритуалистической магии или теургии. Ямвлиховская версия неоплатонизма, вобравшая в себя немало народных суеверий, сильно проигрывает возвышенному учению Плотина.

(4) < > Вот величайшее доказательство <божественной одержимости>: ведь многие не обжигаются, когда к ним подносят огонь, поскольку огонь их не касается благодаря божественному вдохновению. Многие, даже обжигаясь, этому не противятся, поскольку в это время не живут жизнью живого существа. Далее, одни, вонзая <в себя> вертела, ничего не ощущают, а другие, рубя себя топорами по спинам или рассекая кинжалами руки вовсе этого не замечают. И действия их совсем не человеческие, поскольку даже недоступное становится доступным для тех, кто движим богом и в огонь они входят, и через огонь проходят, и реки пересекают, как жрица в Кастабаллах[1]. Этим доказывается, что те, в кого вошел бог, не сознают самих себя и не живут жизнью ни человека, ни живого существа — ни в ощущении, ни в порыве страсти, — но взамен получают некую иную, более божественную жизнь, которой они вдохновляются и которая полностью ими завладевает.

(5) Так вот: есть много видов божественной одержимости, многообразно пробуждается божественное вдохновение, а потому есть и много его разли-

ных признаков. Ведь в этом отношении отличаются <друг от друга> боги, от которых мы получаем вдохновение, и вдохновение они внушают разное, и изменения в <каждом из> способов богоодержимости приводят к тому, что бог движет <людьми> по-разному В самом деле. либо бог овладевает нами, либо мы полностью начинаем принадлежать ему, либо производим общее с ним действие. Далее, иногда мы становимся причастны низшей способности бога, иногда — средней, а иногда — высшей. Кроме того, иногда возникает простая сопричастность, иногда — общение, а иногда и единение всех этих видов богоодержимости Либо одна только душа испытывает ее, либо она причаствует ей вместе с телом, либо даже как цельное живое существо

Из-за этого оказываются многообразными и признаки тех, на кого нисходит вдохновение: движения тела или некоторых его частей, его совершенная неподвижность, стройные ряды и пляски, благозвучные голоса — либо противоположное этому. Далее, тело видится или возносящимся, или растущим, или парящим и несущимся по воздуху — либо кажется, что с ним происходит нечто противоположное этому. Кроме того, наблюдается или полная равномерность голоса по высоте, или его звучание прерывается долгими паузами, или же оно становится неравномерным, иногда звуки растягиваются и повышаются музыкально, а иногда — иначе.

(6) Тому, кто ведом богами, видится самое величественное: нисходящий и проникающий дух — сколько его и каков он; и тогда он мистически повинуется и управляется. Кроме того, прежде чем принять <в себя бога>, принимающий видит образ огня. Иногда даже всем созерцающим становится очевидно, когда бог нисходит или удаляется. Благодаря этому для сведущих становится постижимым самое истинное, могущественное и наиболее упорядоченное в нем, а также то, о чем ему свойственно вещать истину и какую силу он предоставляет или проявляет. Но те, кто тайком совершает вызывание духов без этих блаженных зрелищ, словно шарят на ощупь в темноте и не ведают, что творят — за исключением весьма мелких признаков богоодержимого человека, проявляющихся телесно, и прочих зримых воочию <симптомов>, — и не знают всей <истины> о боговдохновенности, скрытой во мраке.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Город в Киликии, о котором Страбон сообщает «В Кастабалах есть святилище Артемиды Перасийской, где, как говорят, жрецы безболезненно ходят босиком по раскаленным углям» («География», XII 2 7) В наши дни этим искусством славятся, например, болгарские *нестинары*

Частично использован перевод Л Ю Лукомского в кн Ямвлих О египетских мистериях — М , 1995, с 107—109

ЙОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ

239
КОНЦЕНТРАЦИЯ «НА ОДНОЙ ТОЧКЕ»

Отправным пунктом йогической медитации является концентрация на одном предмете, и неважно, физический ли это объект (пространство между бровями, кончик носа, что-нибудь светящееся и т. д.), мысль (метафизическая истина) или бог (Ишвара). Упорная и продолжительная концентрация, называемая *экаграта* («на одной точке») достигается путем сведения воедино психоментального потока (*сарвартхата*, «разнонаправленное, прерывное, расслабленное внимание»). Точная дефиниция йогической техники гласит: *йогаш читтавритти-ниродхах*, т. е. йога — это прекращение деятельности сознания («Йога-сутра», I, 2).

Непосредственный результат *экаграты*, или концентрации на одной точке, — это быстрое и отчетливое снятие всех отвлекающих и самопроизвольных моментов, которые владеют профанным сознанием, или, точнее говоря, составляют это сознание. Человек, находящийся во власти ассоциаций (которые в свою очередь, порождаются ощущениями и *васанами**), живет в «разбросанном» состоянии, обусловленном бесчисленным множеством не связанных друг с другом моментов, которые для него являются, так сказать, посторонними. Ощущения или подсознательное постоянно вводят в сознание объекты, которые его направляют и изменяют в зависимости от их формы и интенсивности. Ассоциации рассеивают сознание, страсти насилуют его, «жажда жизни» предает его, ориентируя *вовне*. Даже в своих интеллектуальных усилиях человек сохраняет пассивность, так как обыденным мыслям (которые контролируются не *экаграта*, но лишь изменчивыми моментами концентрации — *кшипта-викшиптами*) суждено быть всего лишь мысленными представлениями объектов. Под видимостью мысли скрываются в действительности бесконечные и неупорядоченные колебания, подпитываемые ощущениями, словами и памятью. Первая обязанность йога — мыслить, что означает — не позволять себе мыслить *самостоятельно*. Именно поэтому йогическая практика начинается с *экаграты*, которая перекрывает ментальный поток и тем самым создает «психическую массу», устойчивый и единообразный континуум.

Практика *экаграты* стремится поставить под контроль два источника душевной неустойчивости: деятельность ощущений (*индрийя*) и деятельность подсознательного (*самскара*). Контроль — это способность произ

* *Васана* — впечатление, привычная мысль, устойчивое желание — *Прим. ред.*

вольно и напрямую вмешаться в функционирование двух источников ментальных «водоворотов» (*читтавритти*). Йог способен произвольно восстанавливать прерывность сознания; иными словами, он может в любое время и в любом месте сосредоточить свое внимание на «одной точке» и утратить чувствительность к любому другому сенсорному или мнемоническому возбудителю. Посредством *экаграты* создается подлинная воля — т. е. способность свободно регулировать важный сектор биоментальной деятельности. Разумеется, *экаграта* достигается только путем множества упражнений и специальных приемов, в которых психология играет первостепенную роль. Так, *экаграта* не может быть достигнута в том случае, если тело пребывает в утомительной или даже неудобной позе, если плохо организован, неритмичен процесс дыхания. Именно поэтому, по Патанджали, йогическая техника подразумевает несколько категорий физиологических приемов и духовных упражнений (называемых *ангами*, «членами»), которыми должен овладеть тот, кто стремится к достижению *экаграты* и, в конце концов, высшего сосредоточения — *самадхи*. «Члены» йоги можно рассматривать и как совокупность методов, и как этапы ментального аскетического пути, цель которого — окончательное освобождение. Это: (1) ограничения (*яма*), (2) дисциплины (*нияма*), (3) позы и положения тела (*асана*), (4) дыхательный ритм (*пранаяма*), (5) освобождение сенсорной активности от подчиненности внешним объектам (*пратьяхара*), (6) концентрация (*дхарана*), (7) йогическая медитация (*дхьяна*), (8) *самадхи* («Йога-сутра», II, 29).

Каждый класс (*анга*) приемов и дисциплин имеет определенную цель. Патанджали выстраивает иерархию «членов йоги» таким образом, что йог может опустить один из них лишь в определенных случаях. Две первые группы, *яма* и *нияма*, несомненно, являются необходимыми предпосылками любого типа аскезы, поэтому в них нет ничего специфически йогического. Ограничения (*яма*) очищают от некоторых грехов, которые осуждаются всеми нравственными системами, но допускаются общественной жизнью. Таким образом, здесь (в отличие от обыденной жизни) уже невозможно нарушение нравственного закона без прямой опасности для ищущего избавления. В йоге каждый грех незамедлительно влечет за собой последствия. Пять ограничений суть следующие: *ахимса* — «не убий», *сатья* — «не солги», *астея* — «не укради», *брахмачарья* — «половое воздержание», *апариграха* — «отказ от алчности».

Наряду с этими ограничениями йог должен пройти *ниямы*, т. е. ряд телесных и психических «дисциплин». «Дисциплины зиждутся на чистоте, безмятежности (*самтоша*), аскетизме (*тапас*), самообучении, стремлении сделать бога (*Ишвара*) мотивом всех своих поступков» («Йога-сутра», II, 32).

M Eliade, *Yoga Immortality and Freedom*, New York, Bollingen Series LVI, 1958, pp. 47–50

240

ЙОГИЧЕСКИЕ ПОЗЫ (АСАНА) И ДЫХАТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ (ПРАНАЯМА)

Собственно говоря, йогическая методика начинается только с третьего «члена йоги» (*йоганга*). Третий член — это *асана*, обозначающая широко известную йогическую позу, которую «Йога-сутра» (II, 49) определяет как «устойчивую и приятную» (*стхирасукхам*). *Асана* описывается во множестве трактатов хатха-йоги; Патанджали обрисовывает ее очень кратко, так как *асане* учатся у *гуру*, а не из описаний. Важно, что *асана* придает телу устойчивую неподвижность, в то же время сводя физические усилия к минимуму. Таким образом, удается избежать раздражения и усталости, слабости в некоторых частях тела, регулировать физические процессы и обратить все свое внимание на текучую часть сознания. Поначалу *асана* неудобна и даже невыносима. Но при определенной практике усилия по поддержанию тела в одном и том же состоянии становятся незначительными. Теперь (и это очень важно) усилие должно исчезнуть, а поза для медитации — стать естественной; только после этого возможна дальнейшая концентрация. «Совершенство *асаны* достигается при [полном] снятии напряжения, благодаря чему прекращаются [все] движения тела. Или же *асана* реализуется при сосредоточении сознания на бесконечном» (Вьяса к «Йога-сутре», II, 47). А Вачаспатимишра, комментируя толкования Вьясы, пишет: «Человек, практикующий в соответствии с наставлением эту особую *асану*, должен сделать усилие, суть которого — в снятии естественного напряжения. Иначе эта *асана* неосуществима». Что же касается «сосредоточения сознания на бесконечном», то это означает полное переключение внимания с собственного тела.

Асана — одна из характерных методик индийского аскетизма. Она обнаруживается в упанишадах и даже в ведической литературе, однако чаще всего упоминается в «Махабхарате» и пуранах. Естественно, в литературе хатха-йоги *асаны* играют гораздо большую роль; тридцать две их разновидности описываются в «Гхеранде-аамхите». Здесь, например, описывается самая легкая и распространенная из медитационных позиций — *падмасана*: «Помести правую стопу на левое бедро, а левую — на правое бедро, скрести руки за спиной и крепко схвати большие пальцы скрещенных ног (правой рукой — большой палец правой ноги, а левой — большой палец левой ноги). Прижми подбородок к груди и устреми взгляд на кончик носа» (II, 8). Списки и описания *асан* встречаются в большинстве тантрических и хатха-йогических трактатов. Цель этих поз всегда одна и та же: «прекращение воздействия парных противоположностей» («Йога-сутра», II, 48). Таким путем достигается некая

«нейтральность» ощущений; сознание более не обременяется «присутствием тела». Так осуществляется первая фаза изоляции сознания, начинается возведение мостов, позволяющих поддерживать связь с сенсорной активностью.

На уровне «тела» *асана* — это *экаграта*, концентрация на одной точке; тело «напряжено», сконцентрировано в одном положении. Как *экаграта* прекращает колебания и разбросанность состояний сознания, так *асана* делает тело негибким и неподвижным, сводя бесчисленное множество возможных поз к единственной архетипической, иконографической позе. Отказ двигаться (*асана*), увлекаться за бурным потоком состояний сознания (*экаграта*) находит свое продолжение в длинном ряду отказов различного толка.

Важнейшим — и несомненно наиболее «йогическим» — из этих разнообразных отказов является тренировка «дыхания», или, иными словами, отказ дышать как большинство людей, т. е. неритмично. Вот как говорит об этом отказе Патанджали: «При нахождении в *асане* [совершается] *пранаяма*, то есть прекращение (*виччхёда*) движения вдыхаемого и выдыхаемого воздуха» («Йога-сутра», II, 49). Патанджали говорит о «прекращении», приостановке, дыхания; однако *пранаяма* начинается с того, что ритм дыхания максимально замедляется, и это является ее первой задачей. Этой индийской аскетической методике посвящен целый ряд текстов, но большинство из них ограничиваются повторением традиционных формул. Хотя *пранаяма* — это специфическое йогическое упражнение, причем очень важное, Патанджали посвящает ему всего лишь три сутры. Его в первую очередь интересуют теоретические основы аскезы; технические детали обнаруживаются в комментариях Вьясы, Бходжи и Вачаспатимишры, а особенно в трактатах по хатха-йоге.

Замечание Бходжи раскрывает глубинный смысл *пранаямы*: «Функция дыхания предшествует всем функциям органов (между соответствующими функциями дыхания и сознания всегда существует связь); когда все функции органов приостанавливаются, дыхание обеспечивает концентрацию сознания на одном предмете» (к «Йога-сутре», I, 34). Утверждение о постоянной связи между дыханием и ментальными состояниями представляется нам крайне важным. Оно содержит в себе не просто наблюдение голого факта; так, дыхание разгневанного человека прерывисто, тогда как сосредоточившийся (пусть даже случайно и без всякой йогической цели) дышит ритмично и автоматически замедляет дыхание, и т. д. Бходжа говорит об отношении, связывающем дыхательный ритм с состояниями сознания; вне всяких сомнений, оно наблюдалось и ощущалось йогами с самого начала, служа им инструментом для «объединения» сознания. «Объединение» следует понимать в том смысле, что, ритмизуя и последовательно замедляя дыхание, йог способен «проникнуть» (т. е. совершенно отчетли-

во ощутить) в определенные состояния сознания, которые недоступны бодрствующему, в частности состояния сознания, присущие спящему. Ибо не приходится сомневаться в том, что респираторная система спящего работает медленнее, чем у бодрствующего. Войдя в этот «спящий» ритм с помощью *пранаямы* и не поступаясь отчетливостью, йог проникает в состояния сознания, сопровождающие сон.

Индийские аскеты признают четыре модуса сознания (наряду с энстатическим «состоянием»): дневное сознание, сознание спящего со сновидениями, сознание спящего без сновидений, «каталептическое сознание». Таким образом, посредством *пранаямы*, или поступательного продления вдоха и выдоха (цель упражнения в том, чтобы пауза между двумя моментами дыхания стала как можно более продолжительной), йог может проникнуть во все модусы сознания. Для непосвященного между несколькими модусами существует разрыв; поэтому он переходит от сна к бодрствованию бессознательно. Йог должен поддерживать непрерывность сознания — т. е. проникать в каждое из состояний по своей воле и с максимальной ясностью.

Однако переживание четырех модусов сознания (каждому из которых соответствует, естественно, свой дыхательный ритм) вместе с *объединением* сознания (которое возникает после того, как йог устранит разрыв между модусами) достигается только после длительной практики. Непосредственная цель *пранаямы* скромнее. С ее помощью обретается прежде всего «непрерывность сознания», без которой невозможна никакая йогическая медитация. Дыхание обычного человека, как правило, неритмично; оно меняется в зависимости от внешних обстоятельств или настроения. Его неправильность порождает опасную психическую текучесть, которая ведет к неустойчивости и рассеянности внимания. Чтобы стать внимательным, нужно приложить к этому усилие. Но, с точки зрения йоги, усилие — это овеществление. Дыхание должно сделаться ритмичным, пусть и не таким, чтобы о нем совсем можно было забыть, но хотя бы таким, чтобы нам не доставляла забот его прерывность. Поэтому через *пранаяму* человек пытается избавиться от дыхательного усилия; ритмичное дыхание должно стать настолько самопроизвольным, чтобы йог мог о нем забыть.

Ритмичность достигается благодаря гармонизации трех «моментов» — вдоха (*пурака*), выдоха (*речака*) и удержания воздуха в легких (*кумбхака*). Каждый из трех моментов должен занимать равный промежуток времени. С помощью упражнений йог может научиться существенно продлевать эти моменты, ибо, по словам Патанджали, цель *пранаямы* — задерживать дыхание сколь возможно долго; к этому ведет последовательное замедление его ритма.

M. Eliade, *Yoga: Immortality and Freedom*, New York, Bollingen Series LVI, 1958, pp. 53–58.

241

ЙОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ И МЕДИТАЦИЯ

Асана, пранаяма и *экаграта* — при условии, что каждое упражнение занимает определенное время, — уничтожают человеческую бренность. Неподвижный, ритмично дышащий, сосредоточивший взгляд и внимание на одной точке йог выходит за пределы обыденного существования. Он начинает становиться автономным по отношению к космосу: внешние трудности его более не удручают (выйдя из-под власти «противоположностей», он равно нечувствителен к жаре и холоду, к свету и тьме и т. д.); сенсорная активность уже не влечет его вперед, по направлению к объектам ощущений; психоментальный поток более не загромождается и не направляется памятью, отвлекающими и самопроизвольными привычками; сознание «сконцентрировано», «объединено». Выход за пределы космоса сопровождается погружением в себя, глубина которого прямо соответствует удаленности от космоса. Йог возвращается к себе, овладевает собой, окружает себя все более сильными «оберегами», защищающими его от вторжения извне — словом, он становится неуязвим...

Ритмизация и максимально возможная прерывистость дыхания чрезвычайно облегчают концентрацию (*дхарана*). По словам Патанджали («Йога-сутра», II, 52, 53), благодаря *пранаяме* разрывается покров тьмы, и интеллект приобретает способность (*йогьята*) к концентрации. Йог может проверить качество своей концентрации с помощью *пратьяхары* (этот термин обычно переводят как «устранение ощущений», или «отвлечение чувств»; мы предпочитаем переводить его как «способность освободить чувственную активность из-под власти внешних объектов»). Согласно «Йога-сутре» (II, 54), *пратьяхару* можно понимать как способность, посредством которой ум (*читта*) владеет ощущениями, которые как бы следуют его внутренней форме.

Выведение сенсорной активности из-под власти внешних объектов (*пратьяхара*) является заключительной стадией психофизиологической *аскезы*. Начиная с этого момента йог уже не может «отвлечься» или «быть удручен» чувствами, сенсорной активностью, памятью и т. д. Всякая активность приостанавливается. *Читта*, или психическая масса, упорядочивающая и освещающая поступающие извне ощущения, может служить зеркалом, в котором объекты отражаются без вмешательства ощущений. Непосвященный неспособен обрести эту свободу, ибо его дух неустойчив и постоянно подвергается натиску ощущений, подсознания и «жажды жизни». Благодаря *читтавритти ниродхах* (т. е. подавлению психоментальных состояний) *читта* пребывает в себе (*сварупаматре*). Однако такая «автономность» интеллекта не приводит к подавлению явлений. Даже

отрешившись от явлений, йог продолжает их созерцать. Вместо познания посредством форм (*рупа*) и ментальных состояний (*читтавритти*), как прежде, йог напрямую созерцает сущность (*таттва*) всех предметов.

Автономия в отношении возбудителей из внешнего мира и динамики подсознания — автономия, достигаемая через *пратьяхару*, — позволяет йогу перейти к тройственной методике, называемой в наших текстах *самьяма*.

Данный термин означает последние стадии йогической медитации, последние три «члена йоги» (*йоганга*). Это концентрация (*дхарана*), медитация в собственном смысле слова (*дхьяна*) и статическое равновесие (*самадхи*).

Дхарана (корень *дхри*, «крепко держать») является, по сути, разновидностью *экаграты*, «сосредоточения на одной точке», но его содержание строго понятийное. Иными словами, *дхарана* (и этим она отличается от *экаграты*, единственное назначение которой — задержать психоментальный поток и «сосредоточить его на одной точке») достигает такого «сосредоточения» ради *постижения*. Патанджали определяет ее так: «сосредоточение сознания на одном [определенном] месте» (*дешабандхаш читтасья дхарана*, «Йога-сутра», III, 1); Вьяса добавляет, что концентрация обычно направлена на «центр [*чакра*] пупка, на лотос сердца, на свет внутри головы, на кончик носа, на кончик языка или любое внешнее место или объект». Вачаспатимишра далее добавляет, что *дхараны* невозможно достичь без помощи объекта, на котором фокусируется мысль.

В «Йогасаре-самграхе» Виджнянабхикшу приводит отрывок из «Ишвара-гиты», согласно которому *дхарана* длится столько же, сколько двенадцать *пранаям*. «Время, необходимое для концентрации ума на предмете [*дхарана*], равно времени двенадцати *пранаям* (т. е. двенадцати контролируемых, равных и замедленных вдохов и выдохов). Благодаря двенадцатикратному продлению концентрации на объекте можно достичь «йогической медитации», *дхьяны*. Патанджали определяет *дхьяну* как «концентрацию ментальных усилий (*пратьяйя*) на этом [месте]» («Йога-сутра», III. 2), а Вьяса дополняет определение глоссой: «концентрация непрерывной протяженности однородных (*эка*) ментальных усилий (*пратьяйя*) на данном объекте». Виджнянабхикшу объясняет этот процесс следующим образом: *дхьяна* достигается, когда по достижении *дхараны* на некоей точке духу удается достаточное время удержаться перед собой в виде объекта медитации, причем этот процесс не должен прерываться вторжением никаких других функций.

M. Eliade, *Yoga: Immortality and Freedom*, New York, Bollingen Series LVI, 1958, pp. 66–72.

242

САМАДХИ

Переход от «концентрации» к «медитации» не требует применения какой-либо новой методики. Схожим образом йогу не требуется дополнительных упражнений для достижения *самадхи* после того, как ему удалось «сконцентрироваться» и «медитировать». *Самадхи*, йогическое «статическое равновесие», является итогом, или венцом, всех духовных усилий и упражнений аскета. Термин *самадхи* имеет значение «единства», «цельности»; «поглощенности», «полной концентрации ума»; «соединения». Обычно его переводят словом «концентрация», но тогда легко может возникнуть путаница с *дхараной*. Поэтому мы предпочли переводить его как «статическое равновесие» и «соединение».

...Патанджали и его комментаторы различают несколько видов или стадий высшей концентрации. Когда *самадхи* достигается с помощью некоего объекта или идеи (т. е. сосредоточением мысли на точке в пространстве или на идее), статическое равновесие называют *сампраджнята самадхи* («поддерживаемым равновесием»). Когда, с другой стороны, *самадхи* достигается помимо всякого «отношения» (будь-то внешнего или внутреннего) — т. е. когда достигается «соединение», в которое не приходит никакая «инакость, но которое представляет собой просто полное постижение бытия, — тогда речь идет уже о *асампраджнята самадхи* («ничем не поддерживаемом равновесии»). Виджнянабхикшу добавляет, что *сампраджнята самадхи* является средством освобождения постольку, поскольку делает возможным постижение истины и кладет конец всем видам страдания. Но *асампраджнята самадхи* уничтожает «впечатления [*самскара*] всех предшествующих ментальных функций» и даже задерживает кармические силы, приведенные в движение прошлыми поступками йога. Во время «поддерживаемого равновесия», продолжает Виджнянабхикшу, все ментальные функции «берутся под стражу» («наталкиваются на препятствие»), кроме тех, что «мысленно направлены на объект», тогда как при *асампраджнята самадхи* всякая «сознательность» исчезает, вся совокупность ментальных функций блокируется. «Во время этого равновесия исчезают все следы мыслительной деятельности [*читта*], кроме впечатлений [*самскара*], оставленных ею в прошлом. Если бы этих впечатлений не было, то не было бы и возможности снова прийти в сознание».

Мы, таким образом, столкнулись с двумя резко различными классами «состояний». Первый из них достигается с помощью йогических методов концентрации (*дхарана*) и медитации (*дхьяна*); второй охватывает только одно «состояние» — т. е. беспричинное равновесие, «экстаз». Несомнен-

но, даже *асампраджнята самадхи* всегда обусловлено длительными усилиями йога. Это не дар и не состояние благодати. Его трудно достичь, не приобретя значительного опыта в *самадхи*, входящих в первый класс. Это венец бесчисленных предшествующих «концентраций» и «медитаций». Но оно наступает само по себе, без особых приготовлений, а не откликаясь на зов. Поэтому его и можно называть «экстазом».

Очевидно, «поддерживаемое равновесие», *сампраджнята самадхи*, охватывает несколько этапов. Дело в том, что они поддаются совершенствованию и не являются абсолютным, нередуцируемым «состоянием». Обычно различают четыре стадии или рода таких *самадхи*: «направленное» (*савитарка*), «ненаправленное» (*нирвитарка*), «рефлексивное» (*савичара*), «нерефлексивное» (*нирвичара*). Патанджали пользуется иным набором терминов: *витарка, вичара, ананда* («блаженство»), *асмита* («яйность»: от *асми* — «[я] есмь») («Йога-сутра», I, 17). Но, воспроизводя этот перечень, Виджнянабхикшу замечает: «Эти термины имеют чисто технический смысл, и традиционно их относят к различным формам осуществления». Четыре формы, или стадии, *сампраджнята самадхи*, продолжает он, представляют собой восхождение; в некоторых случаях благодать Господа (Ишвара) позволяет достичь непосредственно более высоких состояний, и тогда йогу не нужно возвращаться назад и проходить предварительные этапы. Однако при отсутствии благодати йог должен последовательно пройти все четыре стадии, используя один и тот же объект медитации (например, Вишну). Четыре ступени, или стадии, известны также как *самапатти*, «соединения» («Йога-сутра», I, 41).

Все четыре стадии *сампраджняты самадхи* именуются *биджа самадхи* («*самадхи* с семенем») или *саламбана самадхи* («с поддержкой»); Виджнянабхикшу сообщает, что они пребывают в связи с «субстратом» (поддержкой) и производят на свет тенденции, подобные «семенам» будущих функций сознания. *Асампраджнята самадхи*, напротив, суть *нирбиджа*, «без семени», без опоры. Пройдя четыре стадии *сампраджнята*, йог приобретает «мудрость, несущую истину» («Йога-сутра», I, 48). Тем самым открывается доступ к *самадхи* «без семени», ибо истинная мудрость выявляет онтологическую полноту, в которой *бытие* и *знание* более не отделены друг от друга. Сконцентрированное в *самадхи* сознание (*читта*) может теперь непосредственно созерцать «я» (*пуруша*). Благодаря самому факту созерцания (в действительности являющегося «причастием») уничтожается мука существования.

Вьяса (к «Йога-сутре», III, 55) резюмирует переход от *сампраджнята* к *асампраджнята самадхи* следующим образом: благодаря спонтанному озарению (*праджня*, «мудрость») на стадии *дхарма-мегха-самадхи* йог достигает «обособленности» (*кайвалья*) — т. е. освобождения *пуруши* из-под власти *пракрити*. Со своей стороны, Вачаспатимишра говорит, что

«плод» *сампраджнята самадхи* — это *асампраджнята самадхи*, а плод последнего — это *кайвалья*, освобождение. Было бы ошибкой считать этот модус бытия Духа простым «трансом», во время которого сознание лишено всякого содержания. Неограниченное равновесие не является абсолютной пустотой. «Состояние» и «знание» обозначают полное отсутствие объектов в сознании, а не его абсолютную пустоту. Напротив, в такой момент сознание насыщается прямым и полным прозрением бытия. Мадхава говорит: «Не следует воображать, будто *ниродха* [окончательное подавление всякого психоментального переживания] — это несуществование; скорее, это поддержка конкретного состояния Духа». Это равновесие абсолютной пустоты, ничем не обусловленное состояние, которое является уже не «опытом» (так как между сознанием и миром не осталось более никакой связи), но «откровением». Интеллект (*буддхи*) исполнил свою миссию и удаляется, отрешаясь от «я» (*пуруша*) и возвращаясь к *пракрити*. «Я» остается свободным и автономным: оно созерцает самое себя. «Человеческое» сознание подавлено; оно более не действует, составляющие его элементы вновь поглощены первичной субстанцией. Йог достигает освобождения; он, словно покойник, более не связан с жизнью; он «мертв при жизни». Он — *дживан-мукта*, «освобожденный при жизни». Он более не живет во времени, во власти времени; он живет в вечном настоящем, в том самом *nunc stans*, которое Боэций использовал для определения вечности.

M. Eliade, *Yoga: Immortality and Freedom*, New York, Bollingen Series LVI, 1958, pp. 77, 79–81, 83–84, 93–94.

ЯПОНСКИЙ БУДДИЗМ

243

КУЯ: «УЛИЧНЫЙ СВЯТОЙ», ПРОВОЗВЕСТНИК БУДДИЗМА ЧИСТОЙ ЗЕМЛИ

Буддизм Чистой Земли был не просто продуктом нового феодального общества, переводом на язык религии глубоких социальных перемен, свершившихся в то время. Уже в конце хэйанского периода мы обнаруживаем, что отдельные монахи понимали необходимость приблизить буддийское учение к разумению простого человека и тем самым предвосхищали мас-

совые религиозные движения Средневековья. Одним из них был Куя (903—972), монах с горы Хиэй, превративший мысленное созерцание Будды Амиды (санскр. Амитабха), которое давно уже практиковалось в монашеской жизни, в настоящий обряд. Куя плясал на улицах, позвякивая колокольчиком, который висел у него на шее, выкликая имя Амиды и распевая незамысловатые куплеты собственного сочинения.

Всегда сумеет
Достичь Лотосовой страны Блаженства
Тот, кто призывает,
Пусть даже всего однажды,
Имя Амиды.

Я слышал, говорят,
Что очень, очень далек Рай;
Но желающие идти
Могут попасть туда всего за день.

На рыночных площадях к нему присоединялись люди самых разных сословий, чтобы плясать вместе с ним и взывать в песнях к Амиде — «Наму Амида Буцу» («Поклон Будде Амиде»). Когда в столице разразилась страшная эпидемия, он предложил своим спутникам воздвигнуть статую Амиды на площади, заметив, что простой народ может сравняться с подвигом своих правителей, которые воздвигли Великого Будду в Наре, — стоит лишь попытаться. В сельских районах он строил людям мосты и рыл колодцы, если в том была необходимость, а чтобы показать, что райское благословение не заказано никому, он посетил земли айнов и первым принес им евангелие буддизма.

Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 193—194

244

ХОНЭН И ПРИЗВАНИЕ АМИДЫ, БУДДЫ БЕЗГРАНИЧНОГО СВЕТА

Хонэн (1133—1212) верил в то, что единственной несомненной подмогой спасению является призывание имени Амиды — *Наму Амида Буцу*. Эта формула получила название *Нэмбуцу* — термин, который прежде

означал медитацию над именем Амиды и только позднее — ревностное повторение его имени.

Жена бывшего сегуна, Канэдзанэ Цукинова, уже обратившаяся в веру Хонэна, задала ему несколько вопросов о практике *Нэмбуцу*. Вот что ответил ей Хонэн:

Мне выпала честь обратиться к тебе по поводу твоих расспросов о *Нэмбуцу*. Я рад узнать, что ты призываешь святое имя. Поистине, совершение *Нэмбуцу* — лучшее средство для тех, кто хочет достичь *Одзе*[1], ибо оно было предписано Исконным Заветом Амиды. Дисциплина, предписываемая Сингон, и медитация Тэндай поистине превосходны, но их нет в Завете. *Нэмбуцу* было поверено[2] самим Шакьей своему ученику Ананде. Что касается других форм религиозной практики как созерцательного, так и несозерцательного рода, то сколь бы хороши сами по себе они ни были, великий Наставник не поручал Ананде обязательно передать их потомству. Более того: *Нэмбуцу* подтверждается всеми Буддами шести сторон света; и хотя ученики экзотерических и эзотерических школ в отношении как видимого, так и невидимого миров действительно великолепны, Будды не осенили их своим безусловным одобрением. И поэтому, хотя существует множество видов религиозных практик, *Нэмбуцу* далеко превосходит их все благодаря тому, что с ним достигается Одзе. Находятся, однако, люди, которые, будучи незнакомы с тем, как происходит рождение в Чистой Земле, утверждают, что, раз *Нэмбуцу* столь просто, то оно предназначено для тех, кто неспособен соблюдать предписания Сингон или Тэндай, но их придирки нелепы. Я хочу сказать, что я отбрасываю обряды, не включенные в Завет Амиды, не предписанные Шакьямуни, не подтверждаемые Буддами всех сторон мироздания, и держусь только Исконного Завета Амиды, сообразно авторитетному учению Шакьямуни и в согласии с тем, что явно одобрено Буддами шести сторон света. Я отказываюсь от своих недалеких планов спасения и целиком посвящаю себя чрезвычайно действенному совершению *Нэмбуцу* с искренней мольбой о рождении в Чистой Земле. Именно поэтому настоятель храма Гэнсин в своем сочинении «Основы учения о возрождении в Раю» (*Одзейесю*) называет *Нэмбуцу* самым важным. Поэтому тебе следует отказаться от всех других религиозных дел, держаться только *Нэмбуцу*, причем важно, чтобы твое внимание не отвлекалось ни на что другое. Шэнь Дао[3], который сам достиг совершенного прозрения (*самадхи*), постигающего истину, ясно и полно излагает смысл этого в своем комментарии к «Сутре созерцания», а в «Двухчастной сутре» Будда (Шакья) говорит: «Предавайся всей душой повторению имени Будды, который есть бесконечная жизнь». Говоря о «всей душе», он хочет противопоставить ее

душе, разделенной на две или три части, каждая из которых преследует собственную, отдельную цель, и призывает отложить в сторону все, кроме этого. Молясь за любимых, ты найдешь, что *Нэмбуцу* — самая верная дорога к счастью. В «Основах учения» говорится, что *Нэмбуцу* превосходит все другие деяния. Также и Дэнге Дайси, рассказывая о том, как покончить с несчастьями, проистекающими из семи зол, побуждает совершать *Нэмбуцу*. И действительно, найдется ли где-нибудь что-то, что превосходит его в способности приносить счастье в нынешней или будущей жизни? Ты должна всеми силами предаваться лишь *Нэмбуцу*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Возрождение в Чистой Земле.

[2] Речь идет об отрывке из «Сутры созерцания», где говорится. «Будда сказал Ананде: «Хорошо сохрани эти слова. Я имею в виду, хорошо сохрани имя Будды Бесконечной Жизни».

[3] Китайский патриарх секты «Чистой Земли» (VIII в.)

Перевод и примечания Rev. Harper Havelock Coates, Rev. Ryugaku Ishizuka, *Honen, the Buddhist Saint*, III, Kyoto, 1925, pp. 371–373.

245

СИНРАН: «ИСТИННО ЛИШЬ НЭМБУЦУ»

Синран (1173–1262), называвший себя истинным учеником Хонэна, считается основателем важнейшей из сект «Чистой Земли». Возлагая все свои надежды на мощь Амиды, Синран дает новое толкование *нэмбуцу*. По его словам, достаточно всего лишь одного, искреннего произнесения нэмбуцу, тогда как все последующие будут лишь выражением благодарности Амиде.

Принято считать, что изречения Синрана были собраны и записаны его учеником Юйэн-бо (1222–1289), встревоженным возникновением ересей и расколов среди последователей Синрана и желавшим дать бесспорное изложение веры своего учителя. Этим обстоятельством объясняется заглавие труда Юйэн-бо: «Таннисе» («Избранные записи скорбящего об отступничестве»). В этом сочинении, видимо, впервые в японской истории с необычайной силой высказана идея трансцендентного единого Бога, столь отличная от представлений прежнего шаманистического буддизма.

[Раздел 2]

Чтобы увидеть меня, каждый из вас пересек границы более чем десяти провинций, не смущаясь соображениями телесной безопасности, — и все только затем, чтобы узнать способ рождения в краю благодати. Но если вы искали во мне особых знаний о пути рождения помимо Молитвы (*Нэмбуцу*) и знакомства с писаниями, учащими ей, то вы совершили большую ошибку. В таком случае вам лучше было бы посетить знаменитых ученых Южной столицы и Северной горы[1] и подробно узнать у них об основных принципах возрождения. Я же в учении Синрана доверяюсь всецело тому, что говорил праведный муж[2]: «Произноси Имя <Амиды>, и будешь спасен», — и более ничего.

Я не знаю, станет ли Молитва причиной моего рождения в Чистой Земле, или это акт *кармы*, за который мне суждено спуститься в ад. Даже если бы я был обманут святым Хонэном и, произнося Молитву, был бы ввергнут в ад, я не сожалел бы об этом. Человек, способный достичь единства с Буддой другими способами служения, возможно, и пожалел бы, что был обманут, если бы попал в ад за Молитву. Но для таких, как я, любой путь сложен, поэтому, что бы я ни делал, мое жилище — ад.

Если Изначальный Обет Амиды[3] правдив и истинен, проповеди Шакьямуни[4] не могут быть лживыми. Если учение Будды правдиво и истинно, комментарии Шэнь Дао не могут быть лживыми. Если комментарии Шэнь Дао правдивы и истинны, может ли сказанное Хонэном быть ложью? Если сказанное Хонэном правдиво и истинно, тогда и мои слова наверняка не могут быть пустыми.

Такова в основе Истинная Вера, которой придерживаюсь я, ничтожный. И затем вверите ли вы себя Молитве или откажетесь от нее — зависит от вашего собственного решения.

Так говорил <Учитель>.

[Раздел 3]

«Даже добродетельный человек может достичь рождения в Чистой Земле, и уж само собою — порочный»[5].

Хотя такова истина, люди обыкновенно говорят: «Даже порочный человек обретает рождение, и уж конечно — праведный». На первый взгляд это утверждение кажется разумным, но оно противоречит значению Иной Силы, объявленному в Изначальном Обете. Ибо человек, уповающий на добро, достигнутое своими силами, не может довериться всем сердцем Иной Силе и, значит, не соответствует Изначальному Обету Амиды. Когда же он откажется от приверженности собственным силам и всецело доверит себя Иной Силе, то обретет рождение в Истинной Земле Воздаяния[6].

Для нас, исполненных слепых страстей, невозможно избавиться от рождения-смерти с помощью какого-либо служения. Скорбя об этом, Амида произнес Обет, основной целью которого является достижение разума Будды дурным человеком. Поэтому дурной человек, вверивший себя Иной Силе, как раз и обладает истинным залогом возрождения.

Оттого <Учитель> и говорил: «Даже добродетельный человек возрождается в Чистой Земле, и уж само собою — порочный».

[Раздел 6]

Среди приверженцев Единой Молитвы[7] возникли споры по поводу причисления верующего к своим или чужим ученикам. Споры эти совершенно бессмысленны.

У меня нет ни одного ученика. Когда бы я сам по собственному замыслу и собственным силам проводил кого-либо к Молитве, он был бы моим учеником; однако называть своим учеником человека, произносящего Имя исключительно по воле Амиды — нелепо.

Человек следует за <Учителем>, когда его влечет к нему *карма*, и покидает <Учителя>, когда этого требует *карма*. Вопреки этому полагать, что, даже произнося Имя, человек не достигнет возрождения, если он перешел от одного учителя к другому, неуместно. Не угрожают ли те, кто говорит так, забрать назад дарованную Амидой Истинную Веру, словно это их собственность? Это поистине недопустимо.

Если <ученик> пребывает в согласии с реальностью истины (*дзинри*), то, несомненно, <когда-нибудь> откроет для себя благость Будды и Учителя.

Так говорил <Учитель>.

[Послесловие]

<...> Синран часто говорил: «Когда я серьезно задумываюсь об Обете Амиды, родившемся из пяти *кальп*[8] глубокого размышления, я осознаю, что он был принят ради меня одного! Какую благодарность испытываю я тогда к Изначальному Обету, в котором Амида предрешил мое спасение, хотя я так отягощен *кармой*!»

Еще раз задумавшись нынче над этим выражением сокровенных мыслей Синрана, я прихожу к заключению, что это не отличается от драгоценных слов Шэнь Дао: «Знай же, кто ты есть в действительности: ничтожный глупец, существо кармического зла, пойманное в <сети> рождения-смерти, от незапамятных прошлых *кальп* погруженное в пучину перерождений и скитающееся в них без малейшей возможности когда-либо достичь освобождения».

Поэтому благодарность вызывают слова святого, в которых он на своем примере показывает нам, в каком заблуждении мы пребываем, не зная глубин собственного кармического зла и вершин милости Амиды.

Поистине, я и другие озабочены только тем, хороши мы или плохи, не задумываясь о благодетельности Амиды. Среди высказываний Синрана было и такое: «Я не знаю ничего о том, что такое добро и зло. Если бы я мог знать доподлинно, как Амида, что тот или иной поступок добр, тогда бы я знал значение добра. Если бы я мог знать исчерпывающе, как Амида, что поступок злой, я знал бы, что такое зло. Но для глупца, полного слепых страстей в этом бренном мире, в этом горящем доме, все без исключения есть ложь и вздор, абсолютно лишенный правды и искренности. Одна Молитва Истинна и реальна».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т. е города Нара и горы Хиэй.

[2] Т е. Хонэн.

[3] Имеется в виду описанная в «Сутре бесконечной жизни» (санскр *Амитайюрнама-сутра*, японск. *Муредзю-кё*) 18-я клятва Будды Амитабхи: спасти все живое до собственного погружения в *нирвану*.

[4] Т. е. «Сутра бесконечной жизни».

[5] В одних текстах этот знаменитый афоризм приписывается Хонэну, а в других — самому Синрану.

[6] *Синдзицу ходо* (Истинная Земля Воздаяния) — в противоположность *Хобэн кадо* (Земле Приуготовления к Благодати).

[7] *Сэнсю нэмбуцу*: предпочтение всех прочих видов религиозной практики молитве с прославлением Амитабхи

[8] *Кальпа* (санскр.): циклический период существования феноменального мира Само это выражение взято из «Сутры бесконечной жизни».

Перевод и примечания В П Мазурика, цит по кн Буддизм в Японии — М , 1993, с 492–508

246

НИТИРЭН И «ПОКЛОНЕНИЕ ЛОТОСУ СОВЕРШЕННОЙ ИСТИНЫ»

Нитирэн (1222–1282) утверждал, что в «Лотосовой сутре» излагается окончательное и высшее учение Будды Шакьямуни, открывается единственный путь спасения. В то время как ведущие школы японского буддизма выдвигают на первый план одну ипостась Будды за счет других, одна лишь «Лото-

совая сутра» утверждает истину триединого Будды (т. е. Дхармакайи, Самбхогакайи и Нирманакайи). По мнению Нитирэна, только эта троица обеспечивает всеобщее спасение. Поэтому на устах у каждого буддиста должно быть название «Лотосовой сутры», а не имя Амиды Будды.

Если вы желаете достичь просветления немедленно, сложите стяг гордыни, отбросьте палицу негодования и положитесь на единственную Истину. Слава и прибыток — это лишь суета земной жизни; гордыня и упрямство — это лишь кандалы, приковывающие к будущей жизни... Когда вы падаете в бездну, а кто-то спускает канат, чтобы вытянуть вас наверх, то разве не ухватитесь вы за канат, даже сомневаясь в силе помощника? Разве не объявил Будда: «Я один — защитник и спаситель»? Это — сила! Разве не учат нас, что вера — единственный путь к спасению? Вот — канат! Кто не решается за него ухватиться и не произносит Святую Истину, — тот никогда не сможет вскарабкаться на кручу Бодхи (Просветления)... Наши сердца болят, а рукава промокли [от слез], но вот мы видим вблизи изящную фигуру Того, кто говорит нам: «Я — ваш Отец». При этой мысли наши сердца бьются громче, словно мы созерцаем сверкающие облака в вечернем небе или бледный лунный свет в стремительно наступающих сумерках... Можно ли провести хоть одно время года, не думая о сострадательном обещании: «Я постоянно думаю о вас»? Можно ли прожить хоть месяц или день, не обращаясь почтительно к учению о том, что нет человека, который не мог бы достичь Просветления?.. Всем сердцем предавайтесь «Поклонению Лотосу Совершенной Истины», произносите эти слова сами и поощряйте других. Таково ваше дело в этой земной жизни.

Masaharu Anesaki, *Nichiren, the Buddhist Prophet*, Cambridge, Mass., 1916, pp. 46–47, in Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 222–223.

См. также тексты 193, 216, 217.

ДЗЭН-БУДДИЗМ

Принести спасение, доступное рядовому человеку, — такова была общая цель буддийских сект, множившихся в средневековой Японии. Однако чтобы достичь одной и той же цели и провести людей через неопределенность, смуту и страдания трудной эпохи, новые движения зачастую использовали совершенно различные средства. Секты «Чистой Земли» и Нитирэна отстаивали необходимость полной веры в нечто, находящееся вне личности, — спасительную силу Амиды или «Лотосовой сутры». Чтобы обрести спокой-

ствие и безопасность, говорили они, человек и его мир должны обратиться к Миру Иному. Окрепший в эту же эпоху дзэн-буддизм, напротив, твердо отвергал представление о том, что просветление следует искать вне себя самого или в ином мире. В каждом человеке заложена «сущность Будды», для воплощения которой нужно лишь обратить свой взор внутрь себя. Самопознание и опора на собственные силы — вот лейтмотивы дзэн-буддизма.

На средство достичь внутреннее самоосуществление указывает сам термин «дзэн», который означает «медитацию», или «концентрацию». Однако говорить о «средстве» можно лишь применительно к специфической процедуре, присущей медитационной практике — «позе лотоса», в которой адепт неподвижно восседает с прямой спиной, скрестив ноги и сконцентрировав сознание, чтобы достичь сначала безмятежности, а затем активного озарения. Однако в свете этого озарения метод и его осуществление видятся тождественными — никакие «средства» не используются, никакие «цели» не достигаются.

Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 232.

247

ПОСТИЖЕНИЕ РАЗГАДКИ (ДОГЭН, «ГЕНДЗЕ КОАН»)

Догэн (1200—1253) — великий дзэнский наставник, основатель школы Сото-дзэн. Стремился восстановить чистоту «первоначального» дзэн-буддизма, делая упор на сидячей медитации (дзадзэн), а не на *коанах*. В отличие от Риндзай-дзэн, другой крупнейшей японской школы, Догэн обращал свое учение прежде всего к крестьянам и мелкому провинциальному самурайству. Трактат «Гэндзе коан» («Постижение изначального, присущего всему состояния»), написанный в 1233 г., открывает собою основной труд Догэна «Себо гендзё» («Сокровищница глаза истинного Закона»).

[Против учения о том, что просветление — это цельное, одномоментное переживание.]

Познать путь Будды — значит познать себя. Познать себя — значит забыть себя. Забыть себя — значит постичь <суть> всех *дхарм*. Постичь <суть> всех *дхарм* — значит отринуть <разделение на> тело и сердце собственного «я» и тела и сердца иных «я».

Есть прерывание прекращения следов просветленности; уничтожаемых следов просветленности следует вечно избегать[1].

[Против идеи о том, что объективный мир — лишь проекция индивидуального сознания.]

Когда, сев на корабль, человек вертит головой, ему ошибочно кажется, что перемещается берег. Сосредоточив взгляд на корабле, он понимает, что движется корабль; так и при возмущении тела и сердца, разделяя, постигают <сущность> всех *дхарм*, ошибочно считая постоянным пребывание своего сердца и своей природы. Если же обратиться к глубинной сути всех повседневных дел, станет очевидным принцип Пути: все *дхармы* нам не принадлежат.

[Полнота просветления.]

«Обретение» человеком просветления подобно отражению луны в воде. Луна не промокает, вода не расплескивается. Она и велика, и широка, а помещается в маленькой лужице; вся луна, все великое небо помещаются в росинке на траве, в одной капельке <воды>. Просветленность не изменяет человека, так же как луна не расплескивает воду[4]. Просветленного человека невозможно загрязнить, так же как капля и роса не загрязняют небо и луну. <Просветленность> глубока, <как вода>, высока, <как луна>, безгранична.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Просветленность — это не тот процесс, в котором можно было бы выделить стадии; у нее нет и не может быть никакой «остаточности». Поскольку такова истинная реальность, необходимо постоянно иметь в виду, что на пути совершенствования отсутствуют любого рода «ступени».

[2] Догэн порицает ложное разделение на «воспринимающего» и «воспринимаемое» (на субъект и объект).

[3] Буквально: «не разбивает».

[4] Просветленность — не какое-то определенное, обретаемое состояние, а исходная природа всего сущего.

Перевод и примечания А. Г. Фесюна, цит. по кн.: Буддизм в Японии. — М., 1993, с. 595–596.

248

ДЗАДЗЭН И КОАН

В следовании Пути [буддизму] нет ничего важнее, чем сидячая медитация [*дзадзэн*]... Размышляя о различных «судебных делах» (*коанах*) и

**Коан* — японская передача китайского понятия *гун-ань*, обозначающего специфические для дзэн (чань)-буддизма тексты (высказывания, загадки, вопросы, диалоги и т. п.), призванные помочь ученику достичь «просветления». Буквально *гун-ань* означает «публичный отчет». Вот как толкует это слово чаньский (китайский) наставник Чжунфэнь Минбэнь (XIII–

диалогах патриархов, можно, пожалуй, уловить их смысл, но тогда собьешься с пути Будды, нашего основоположника. Просто сидеть прямо, не мысля о приобретении, не стремясь к просветлению — вот путь Основоположника. Это правда, что наши предшественники рекомендовали и *коан* и сидячую медитацию, но на первый план они всегда выдвигали сидячую медитацию. Были и такие, что достигли просветления через разгадку *коана*, но истинной причиной их просветления была действенность и заслуга сидячей медитации. Поистине, заслуга заключена в сидячей медитации.

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, p 253

249

ВАЖНОСТЬ ДЗАДЗЭН

Когда я останавливался в дзэнском монастыре Тянь-Дун [Китай], преподобный Чен имел обыкновение сидеть до предрассветных сумерек, потом делал короткую передышку и рано утром снова вставал, чтобы сидеть. В зале для медитаций мы сидели с другими старейшинами, не пропуская ни одной ночи. В это время многие монахи засыпали. По залу ходил старейшина и бил спящих кулаком или тапочком, веля им просыпаться. Если же их по-прежнему одолевала сонливость, то он выходил в прихожую и звонил в колокольчик, созывая монахов в отдельную комнату, где читал им наставления при свете свечи.

«Что толку собираться в зале, если вы засыпаете? Разве ради этого вы оставили мир и стали монахами? Даже среди мирян — императоров, князей или чиновников — сыщется ли такой, кто живет в свое удовольствие? Правитель должен исполнять обязанности монарха, придворные — служить ему верой и правдой, а простолюдины — осушать и возделывать

XIV вв.): «Слово *гун*, или «всеобщий» («гласный», «публичный»), означает, что *гун-ань* кладут конец частному пониманию, слово *ань*, или «запись случаев» («отчет»), означает, что они находятся в соответствии с буддами и патриархами» Понятие *гун-ань* одноименно с гласным судебным разбирательством Поэтому проводится аналогия между деятельностью чиновника, ведущего судебное разбирательство, и проповедью чаньского наставника. Когда человек не может сам решить свой вопрос, он обращается в суд, где чиновник решает его на основе имеющихся «записей» (прецедентов). Так и ученик обращается со своей духовной проблемой к чаньскому наставнику, который решает дело на основе гун-ань (записей прецедентов «просветления») По работе Нестеркин С. П Гун-ань в культурно-психологической традиции чань-буддизма (анализ доктринальных основ) // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока Новосибирск, 1990, с. 22—43. — *Прим. ред.*

почву: ни один из них не живет в свое удовольствие. Бежать от этого бремени и прохлаждаться в монастыре — куда это годится? Велика загадка жизни и смерти, поистине, ненадежно наше преходящее существование. С этими истинами согласны и школы писания, и школы медитации. Какая болезнь поразит нас сегодня вечером, какая смерть постигнет завтра? Пренебрегать при жизни законом Будды, тратить время на сон — что может быть глупее? Из-за такой вот глупости увядает буддизм в наши дни. Когда он был в расцвете, монахи посвящали себя практике сидячей медитации (*дзадзэн*), но в наши дни не все настаивают на этой практике, вот и теряет буддизм почву под ногами».

В другой раз служители сказали ему: «Монахи чрезвычайно утомлены, многие заболели, а некоторые подумывают о том, чтобы покинуть монастырь — и все из-за того, что их заставляют слишком долго просиживать в медитации. Нельзя ли сократить продолжительность сидения?» Наставник пришел в крайнее негодование: «Это было бы большой ошибкой. Конечно, монах, не слишком усердный в вере, легко может заснуть через полчаса или час. Но тот, кто действительно предан монашеской жизни, кто исполнен решимости твердо исполнять свои обязанности, в конце концов полюбит практику сидения, независимо от ее длительности. В молодости я частенько посещал настоятелей различных монастырей, и один из них объяснил мне: «Прежде я так поколачивал спящих монахов, что едва не отбил кулаки. Сейчас я стар и слаб, поэтому не могу бить их, как следует. Поэтому мне и трудно готовить хороших монахов. Ныне во многих монастырях настоятели не слишком пекутся о сидении, вот буддизм и приходит в упадок. Чем крепче ты их колотишь, тем лучше», — советовал он мне».

Из *Shōbō genzō zuimonki*, pp 50–52, in Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp 253–254

250

ПРЕЗРЕНИЕ К ПИСАНИЯМ

Многие дзэнские учителя хором отрицают, что в сутрах содержится истинное учение Будды. «Только от одного патриарха другому передавалось существо истины, только в предании патриархов можно обнаружить изысканные и глубокие тайны Будды». Такие утверждения — вершина глупости, это слова безумцев. В подлинном предании патриархов нет ничего тайного или особенного, в нем не найти ни слова, ни фразы, которые

расходились бы с буддийскими сутрами. Подлинное учение Будды Шакьямуни равными образом запечатлелось и в сутрах, и в предании патриархов. Единственное различие между ними в том, что предание патриархов прямо переходило из уст в уста. И кто же тогда дерзнет пренебрегать сутрами Будды? Кто смеет отказываться от того, чтобы изучать их и читать вслух? Мудро говорили древние: «Это ты заплутал в сутрах, а не сутры тебя запутали». Многие из наших достопочтенных предшественников изучали Писания. Следовательно, этим бойким на язык молодцам следует сказать: «Отбрасывать сутры Будды, как вы говорите, — значит отвергать сознание Будды, отвергать тело Будды Отвергать сознание и тело Будды — значит отвергать детей [последователей] Будды. Отвергать детей Будды — значит отвергать учение Будды. А если следует отвергнуть само учение Будды, то почему бы тогда не отвергнуть и учение патриархов? А когда вы покинете учение Будды и патриархов, то что останется, кроме нескольких лысых монахов? Поделом вас тогда отхлещут палкой. Вы заслуживаете не только того, чтобы вас поработили властители земные, но и того, чтобы вас низвергли в Ад для наказания».

Wm Theodore de Bary (ed), *Sources of Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp 255–256

ИСЛАМ

251

ВОЗНЕСЕНИЕ МУХАММАДА

Каждый год по всему мусульманскому миру в ночь на 27-й день месяца Раджаб справляется праздник *Лайлат ал-Мирадж*, т. е Ночь Вознесения Пророка. Его коранической основой является сура XVII, 1: «Хвала Тому, Кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной [в Мекке] в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений». В эту ночь мечети ярко освещены и справляются оособые торжественные службы, на которых принято читать книги, более или менее подробно рассказывающие о знаменитом Ночном Путешествии. Приводимый ниже краткий рассказ о Мирадже взят из известного собрания Преданий — «Масабих ас-Сунна» ал-Багхави (Каир, 1318 год Хиджры — 1900 г. н. э., II, 169–172).

[Сообщается] со слов Куатады, который слышал об этом от Анаса ибн Малика — да будет с ним милость Аллаха, — а тот — от Малика ибн Сасаа, говорившего, что Пророк Аллаха — да будет с ним благословение и мир Аллаха — рассказывал им о той ночи, когда он был взят в небесное путешествие: Когда я был в ал-Хатиме[1] (а может, он говорил: когда я был в ал-Хиджре) и отдыхал, ко мне пришел кто-то[2], рассек мне тело отсюда досюда (т. е. от глотки до лобка) и вынул мое сердце. Затем был принесен золотой таз, наполненный верой, в котором он омыл мое тело и мои внутренности, а затем возвратил их [на место]. По другому преданию, [Пророк] говорил: «Затем он омыл мой желудок водой Замзама[3] и наполнил его верой и мудростью. Затем был приведен белый скакун, который был меньше мула, но больше осла; каждый его прыжок доставлял его туда, куда только простирался его взор. Я сел на него верхом, и Джабраил отправился вместе со мной. Мы прибыли к первому небу, и он попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной был Адам. [Джабраил] сказал: «Это твой отец Адам, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный сын, праведный пророк». Затем Джабраил сел со мной на скакуна, и мы прибыли ко второму небу. Джабраил попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной были Йахья [Иоанн Креститель] и Иса [Иисус], двоюродные братья по матери. [Джабраил] сказал: «Это Йахья и Иса, поприветствуй их». Я приветствовал их, и они ответили мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный брат, праведный пророк». Затем он взошел со мной на третье небо и попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной был Йусуф [Иосиф]. [Джабраил] сказал: «Это Йусуф, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный брат, праведный пророк». Затем мы поднялись на четвертое небо, и он попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он

«Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной Идрис [Енох]. [Джабраил] сказал: «Это Идрис, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный брат, праведный пророк». Затем мы поднялись на пятое небо, и он попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной Харун [Аарон]. [Джабраил] сказал: «Это Харун, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный брат, праведный пророк». Затем мы понялись на шестое небо, и он попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной Муса [Моисей]. [Джабраил] сказал: «Это Муса, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный брат, праведный пророк». Когда я проходил мимо, он заплакал. Его спросили, почему он плачет, и он ответил: «Я плачу потому, что юноша, ниспосланный Аллахом после меня, приведет в Рай больше своих последователей, чем я». Затем [Джабраил] поднялся со мной на седьмое небо и попросил нам открыть. «Кто это?» — спросили его. «Джабраил», — ответил он. «А кто это с тобой?» — «Мухаммад», — сказал он. «А с ним ли откровение, ниспосланное ему?» — «Конечно», — ответил он. «Тогда добро пожаловать. Благословен приход». После этого [ворота] открылись, и когда я проник внутрь — вот, передо мной Ибрахим [Авраам]. [Джабраил] сказал: «Это твой отец Ибрахим, поприветствуй его». Я приветствовал его, и он ответил мне тем же: «Добро пожаловать, о праведный сын, праведный пророк».

Затем я поднялся к Сидрат ал-Мунтаха, чьи плоды были размером с хаджарские[4] сосуды, а листья — с уши слона. [Джабраил сказал:] «Это Сидрат ал-Мунтаха»[5]. Там я увидел четыре реки — две внутри и две снаружи — и спросил: «Что это, Джабраил?» — «Две реки внутри — это реки Рая, а две снаружи — это Нил и Евфрат». Затем я был вознесен в Храм Посещения, где мне поднесли сосуд с вином, сосуд с молоком и сосуд с медом. Я выбрал молоко, на что он сказал: «Это *фитра*[6] для тебя и твоей общины». Затем на меня возложили обязанность совершать пятьдесят молитв в день, и я отправился назад. Когда я проходил мимо Мусы, он спросил: «Что тебе было приказано?» — «Со-

вершать пятьдесят молитв в день», — ответил я. «Но твоя община, — сказал он, — не сможет совершать по пятьдесят молитв в день. Клянусь Аллахом, я узнал людей прежде тебя, и мне пришлось помучиться с Детьми Израиля. Вернись к своему Господу и попроси Его облегчить бремя для твоей общины». Тогда я пошел назад, и Он уменьшил число молитв на десять. Затем я вернулся к Мусе, но он сказал то же, что и прежде, поэтому я пошел назад, и Он уменьшил число молитв еще на десять. Но когда я вернулся к Мусе, он снова сказал то же самое поэтому я вернулся, и Он уменьшил число молитв еще на десять. Когда я вернулся к Мусе, он опять сказал то же самое, поэтому я пошел назад, и мне было велено совершать десять молитв в сутки. Когда я вернулся к Мусе, он повторил свои слова, поэтому я возвратился, и мне было приказано совершать пять молитв в день. Когда я вернулся к Мусе, он сказал: «А что тебе было приказано на сей раз?» — «Мне велено, — ответил я, — молиться пять раз в сутки». — «Твоя община, — сказал он, — не сможет молиться по пять раз в день. Я узнал людей прежде тебя, и мне пришлось помучиться с Детьми Израиля. Вернись к своему Господу и попроси Его облегчить бремя для твоей общины». — «Я просил об этом моего Господа, — возразил я, — пока не устыдился. Я доволен и я покоряюсь». Когда я проходил, Глашатай возгласил: «Я утвердил свою волю и облегчил бремя для Моих слуг».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хатим — полукруглая, низкая и толстая стена к северо-востоку от Каабы в Мекке. Хиджр — пространство между стеной Хатим и самой Каабой.

[2] Букв. «пришел пришелец» — обычный способ сообщить о приходе сверхъестественного посетителя. Из нижеследующего рассказа можно заключить, что то был архангел Джабраил.

[3] Священный колодец на территории мекканского святилища, из которого пьют воду набожные паломники, причащаясь к лежащему на нем благословению.

[4] Хаджар — область в Аравии, включающая в себя Бахрейн на берегу Персидского залива. *Сидрат ал-Мунтаха*, или «лотос крайнего предела» — небесное древо, обозначающее границу, выше которой запрещено подниматься твари. Оно упоминается в суре LIII, 14.

[5] Небесная Кааба, пуп небесного мира, расположенный прямо над земной Каабой.

[6] *Фитра* — естественная, врожденная склонность. Смысл данного места в том, что мусульманская община будет «срединной» общиной, как молоко, у которого нет ни опьяняющих свойств вина, ни приторной сладости меда.

Вступительная статья и примечания А. Jeffery, *Islam: Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp. 35–39

252

ВСТРЕЧА МУХАММАДА С ГОСПОДОМ

Излюбленный эпизод рассказов о Вознесении Мухаммада повествует о том, как Пророк был приведен пред лицо Аллаха. Как Енох «ходил» с Богом, Авраам был другом Бога, Моисей говорил с Богом лицом к лицу на горе Синай, Иисус был сыном Отца, так и этот рассказ должен был показать, что Мухаммад тоже был близко знаком со своим Господом. Имеется множество версий данной легенды. Мы приводим рассказ из «ас-Суйюти ал-Лаали ал-маснуса» (Каир, 1317 год Хиджры — 1899 г.н. э., I, 39).

Когда во время Ночного Путешествия я приближался к Престолу, ко мне спустился зеленый, неописуемо прекрасный *рафраф*[1], и тогда Джабраил подошел и посадил меня на него. После этого он должен был оставить меня, закрыв очи ладонями из страха ослепнуть от искрящегося света Престола, и громко заплакал, обращая к Аллаху *тасбих*, *тахмид* и *татхнийя*. По соизволению Аллаха, в знак Его милости ко мне и совершенства Его благосклонности ко мне, *рафраф* вознес меня в [присутствие] Господа Престола — величие его невозможно ни пересказать, ни вообразить. Зрение мое настолько затмилось, что я боялся ослепнуть. Поэтому я закрыл глаза по великой милости ко мне Аллаха. После того как я набросил на свое зрение пелену, Аллах перенес Его [из моих глаз] в мое сердце, чтобы я взирал сердцем на то, что увидел до этого глазами. Там был свет, искрившийся столь ярко, что я никогда не смогу передать вам, что из Его величия я увидал. Тогда я попросил Господа довершить его милость ко мне, подарив мне благую возможность твердо взирать на Него своим сердцем. Господь оказал мне такую милость, и я смотрел на Него сердцем, пока оно не укрепилось и взор мой не прояснился.

С лика Его упала пелена, и Он был передо мной — восседая на Престоле в достоинстве, силе, славе, возвышенности, но больше я не смею сказать вам о Нем. Да пребудет с Ним слава! Сколь величествен Он! Сколь щедры Его деяния! Сколь возвышенно Его положение! Сколь ослепителен Его свет! Тогда Он снизошел ко мне с высоты Своего достоинства и приблизил меня к Себе, о чем он сказал в Своей книге, сообщая вам, как Он поступает со мной и уважает меня: «Обладатель могущества; вот Он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и спустился и был на расстоянии двух луков или ближе» (LIII, 6–9). Это означает, что, когда Он наклонился ко мне, Он приблизил меня к Себе на расстояние между двумя концами лука или даже еще ближе. «Затем Он открыл Своему слуге то, что Он открыл» (V, 10), т. е. то, что Он решил повелеть мне. «Сердце его не солгало ему о том, что он видел» (V, 11), т. е. зрение моего сердца. «Поистине, он видел один из величайших знаков своего Господа» (V, 18).

И вот, когда Он снизошел ко мне с высоты Своего достоинства — да пребудет с Ним слава, он положил ладонь мне на плечи, и я на миг ощутил на сердце прохладу его пальцев; я почувствовал такую сладость, такой приятный аромат, такую отрадную свежесть, такую гордость за [то, что мне] даровано] созерцать Его, что весь мой трепет прошел, все страхи улеглись, сердце мое успокоилось. Затем я преисполнился радости, глаза мои освежились, мной овладели такая радость и счастье, что я начал раскачиваться направо и налево, как будто меня одолела дремота. Поистине, мне казалось, что небо и земля вымерли, ибо я не слышал голосов ангелов и, созерцая Господа, не видел никаких темных тел. Господь держал меня в таком состоянии, сколько Ему было угодно, а затем привел меня в чувство, словно пробудил спящего. Я пришел в себя и был безмятежен, понимая, где нахожусь, и наслаждаясь тем, что мне оказано величайшее благодеяние и выказано явное предпочтение.

Тогда мой Господь — слава и хвала Ему — сказал мне: «О Мухаммад, знаешь ли ты, о чем рассуждает Высший Совет?» Я ответил: «Господи, Ты знаешь это и все другое лучше меня, ибо Ты — знающий тайны» (ср. V 109/108). «Они рассуждают, — сказал Он, — о степенях (*дараджат*) и превосходствах (*хасанат*). Знаешь ли ты, Мухаммад, что такое степени и превосходства?» — «Ты, Господи, — ответил я, — знаешь лучше и более мудр». Тогда Он сказал: «Степени относятся к омовениям, которые совершаются, когда это необходимо, посещениям собраний верующих, радостному ожиданию следующего часа молитвы, когда совершена предыдущая молитва. Что же до превосходств, то они заключаются в том, чтобы накормить голодного, распространять мир и совершать ночную молитву *тахаджуд*, когда другие спят». Никогда не слышал я ничего более сладостного и приятного, чем мелодичный звук Его голоса.

Столь сладостен был Его мелодичный голос, что я набрался решимости и заговорил с Ним о своем. Я сказал: «Господи, Ты избрал Ибрахима в друзья, Ты говорил с Мусой лицом к лицу, Ты возвысил Идриса, Ты даровал Сулайману [Соломону] царство, какого уже ни у кого не будет, а Дауду [Давиду] — Псалтырь. А что есть у тебя для меня, Господи?» Он ответил: «О Мухаммад, я избрал тебя в друзья, как Ибрахима, я говорю с тобой лицом к лицу, как когда-то говорил лицом к лицу с Мусой. Я дарую тебе *Фатиху* (сура I) и заключительные стихи *ал-Бакары* (II, 284–286), которые суть сокровища Моего Престола и которые Я не даровал никому из пророков, бывших до тебя. Я посылаю тебя пророком к белому народу земли и к черному народу, и к красному народу, к джиннам и людям на земле, хотя никого до тебя я не посылал пророком к ним ко всем. Я назначаю землю — ее сушу и море — тебе и твоей общине для очищения и поклонения. Я дарую твоей общине право на добычу, какой еще никто не получал до нее. Я помогу тебе такими ужасами, которые обратят в бегство твоих врагов.

когда тебе еще будет оставаться месяц пути до них. Я ниспошлю тебе Владыку и стража всех книг — Коран, который Мы Сами разделили на части (XVII, 106/107). Я прославлю твое имя для тебя (XCIV.4), так что оно даже будет сочетаться с именем Моим, чтобы ни одно из предписаний Моей религии не упоминалось без того, чтобы ты был упомянут вместе со Мной».

Затем Он доверил мне то, что я не смею разглашать, и, заключив со мной Свой завет, он держал меня при Себе столько, сколько ему было угодно. Он снова воссел на Престоле. Слава Ему в величии, достоинстве, могуществе Его. Затем я увидел, как что-то пробежало между нами, и перед Ним появилась завеса света, столь яркого, что она видна на Бог весть каком удалении, и столь жаркого, что он мог бы спалить все сотворенное Аллахом. Затем зеленый *рафраф* мягко спустил меня в Иллийин[2]... пока не доставил меня туда, где нас ожидал Джабраил, который снял меня с *рафрафа*. После этого *рафраф* взмыл вверх и скрылся из виду.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как явствует из словарей, одно из значений слова *рафраф* — «узкий лоскут парчи». Издревле считалось, что при восхождении на небо человек нуждается в провожатом. До сих пор проводником Мухаммада был Джабраил, но теперь он не смеет идти дальше, поэтому свыше ниспосылается волшебный ковер, чтобы доставить Пророка в обитель Бога.

[2] Иллийин — самое верхнее из небес. Оно упоминается в суре LXXXIII, 18–21.

Вступительная статья и примечания: A. Jeffery, *Islam. Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp. 42–46.

См. также тексты 43, 237, 268, 269.

253

СУФИЙСКИЙ МИСТИК ГОВОРИТ СО СВОИМ БОГОМ

Ниже приводятся отрывки из сочинений египтянина Зу-н-Нуна (769—861).

Боже, я никогда не вслушивался в голоса зверей и шелест деревьев, плеск воды и пение птиц, свист ветра и раскаты грома, но я ощущаю в них свидетельство Твоего Единства (*ваханийя*) и доказательство Твоей Несравненности;

Ты — Всепобеждающий, Всеведущий, Всемудрый, Всесправедливый, Всеистинный, и нет в Тебе ни гибели, ни неведения, ни глупости, ни несправедливости, ни лжи. Боже, я признаю Тебя в подтверждение Твоего искусства и на основании Твоих деяний; сделай, о Боже, так, чтобы я находил удовлетворение в Твоем Удовлетворении, а Радость Отца — в Его дитяти, помня о Тебе и любя Тебя в безмятежном покое и твердой решимости.

[В своей поэзии Зу-н-Нун говорит на страстном языке верного возлюбленного, как это делала до него Рабиа из Басры, и тем самым закрепляет традицию, которая впоследствии займет столь заметное место в суфийской литературе.]

Я умираю, но во мне не умирает
Пламень моей любви к Тебе,
И Твоя Любовь, моя единственная цель,
Не утоляет пламени моей души.

К Тебе одному взывает мой дух;
К Тебе одному устремляется мое честолюбие,
И все равно Твое Богатство недосягаемо высоко
Для нищей моей и крохотной любви.

К Тебе обращаю свои мольбы,
В Тебе обрести хочу вечный покой;
К Тебе устремляю свои громкие песни,
Ты живешь в моих тайных мыслях.

Сколько бы ни продлилась моя болезнь,
Мой утомительный недуг,
Никогда не расскажу я людям
О бремени, которое Ты заставляешь меня нести.

Тебе одному открыты
Тяжкие муки моей груди,
Ни родичи, ни соседи не знают
Мою скорбь, переливающуюся через край.

Пламень сжигает мне сердце
И опаляет все части моего тела;
Он сокрушил мою силу и опору,
Иссушил душу.

Не Ты ли ведешь по пути
Седока, утомленного своей ношей,
Избавляя от смертельных круч
Странствующего путника?

Не Ты ли возжег маяк
Для тех, что обрели истинное Руководство,
Но даже самую малую искорку огня
Не смогли прибрать к рукам.

Даруй же милость мне Свою,
Чтобы я мог ею жить,
И ослабь Своею благодатью
Тиски моей нищеты.

A J Arberry, *Sufism. An Account of the Mystics of Islam*, London, 1950, pp 52–54

254
МИСТИЧЕСКОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ АБУ ЙАЗИДА

Перс Абу Йазид (Байазид) из Бистама (ум. 261/875*) первым использовал тему Вознесения Пророка (*мираджа*) для того, чтобы поведать о своем мистическом опыте. Тем самым он задал направление, по которому позднее прошли многие суфии.

Я видел, как мой дух вознесся на небо. Он не смотрел ни на что, ни на что не обращал внимания, хотя ему открылись Рай и Ад, ибо он был освобожден от явлений и покровов. Затем я превратился в птицу, чье тело было из Единства, а крылья из Бессмертия, и продолжал лететь к Всесовершенному, пока не вступил в область Очищения, не узрел по́ля Вечности, на котором стояло древо Единства. Озираясь, я был всем этим. Я воскликнул: «Господи, из-за своего себялюбия я не могу достичь Тебя и не могу ускользнуть от своекорыстия. Что мне делать?» Бог изрек: «О Абу Йазид, ты должен освободиться от себялюбия, следуя моему Возлюбленному [Мухаммаду]. Пусть застелет твой взор прах ног его, непрерывно следуй за ним».

A J Arberry, *Sufism An Account of the Mystics of Islam*, London, 1950, pp 54–55

* Первая дата — по Хиджре (с 16 июля 622 г), вторая — по христианскому летоисчислению — *Прим ред*

255

АЛ-ДЖУНАЙД О ЕДИНСТВЕ И РАЗДЕЛЕНИИ

Ал-Джунайд из Багдада (ум. 298/910), прозванный потомками «шейхом ордена», был самым оригинальным и проницательным мыслителем среди суфиев своего времени. Он разработал последовательную систему мусульманской теософии.

Теперь я знаю, Господи,
Что заключено в моем сердце;
Втайне, вдали от мира
Язык мой говорил с Обожаемым мною.

Каким-то образом
Мы объединены и суть Одно;
Однако в остальном нам навеки
Суждено разделение.

Хотя от моего проницательного взора
Твой лик был скрыт благоговейным ужасом,
Я чувствую в удивительной и восхитительной
Благодати, как Ты прикасаешься к глубинам моего сердца.

A.J. Arberry, *Sufism, An Account of the Mystics of Islam*, London, 1950, p. 59.

256

АЛ-ХАЛЛАДЖ ГОВОРИТ О БОГЕ: «Я ЕСМЬ ТОТ, КОГО ЛЮБЛЮ...»

Хусайн ибн Мансур ал-Халладж (ум. 309/922) избрал образцом для подражания Христа и провозгласил: «Я есмь Истина» (Ана ал-Хакк) (Ср. Евангелие от Иоанна, 14:6.) Поскольку ал-Хакк, Истина, — это одно из имен Бога, он был обвинен в самообожествлении, подвергнут публичному истязанию и распят.

Между мною и Тобою сохраняется терзающее меня «это Я».
Ах, милостив будь, устрани это «Я», что меж нас.

Я есмь Тот, Кого люблю, а Тот, Кого я люблю, — это я.
Мы — два духа, живущих в одном теле.
Если ты видишь меня, то видишь Его,
А если ты видишь Его, то видишь меня.

Ибрахим ибн Фатик, его слуга, сказал: «Когда ал-Халладжа привели на место казни и он увидел крест и гвозди... он произнес молитву из двух частей, а я стоял рядом с ним. В первой части он прочел Начало Корана и стих «Мы испытываем вас злом и добром» (сура 21:35). Во второй он прочел Начало и стих, который начинается со слов: «Всякая душа вкусит смерти» (сура 29:57). После этого он произнес несколько слов, которых я не запомнил; но вот что я запомнил: «...Боже, открывающий себя во всем и не содержащийся ни в чем, я молю Тебя истиной твоего Божественного Слова, объявившего, что я есмь, и истиной моего слабого человеческого слова, объявляющего, что Ты еси: сохрани во мне благодарность к милости Твоей, ведь Ты сокрыл от других то, что Ты открыл мне, — славу Лика Твоего, и запретил им то, что дозволил мне — созерцать вещи, сокрытые Твоей тайной.

А этих служителей Твоих, собравшихся, чтобы убить меня из ревнования к тебе, ищущих благосклонности Твоей, — прости их. Ибо если бы Ты открыл им то же, что и мне, они не сделали бы того, что сделали; если бы Ты не дал мне того, что не дал им, то это бедствие не постигло бы меня. Хвала Тебе во всем, что Ты делаешь; хвала Тебе во всем, чего Ты желаешь».

Затем он замолчал. Пастух шагнул к нему и нанес ему сокрушительный удар, который сломал ему нос, и кровь брызнула на его белое платье. Суфий аш-Шибли, находившийся в толпе, громко заплакал и разодрал на себе одежды, а Абу Хусайн ал-Васити упал в обморок, как и другие знаменитые суфии, находившиеся там, так что едва не вспыхнул бунт. Затем палачи приступили к своей работе

J.A. Williams, *Islam*, New York, 1961, pp. 148–149, по L. Massignon, Kraus (eds.), *Akhbar al Hallaj*, Paris 1936, pp. 7–8.

257

«ОТКРОВЕНИЕ» АН-НИФФАРИ

Ниже приводится отрывок из «Китаб ал-Мавакиф» Мухаммада ибн Абна ал-Джаббара ан-Ниффари (ум. 350/961).

Автор представляет себя стоящим перед Богом (*маукиф* — данный термин, по-видимому, относился изначально к описанию Судного дня), и его дух слышит то, что говорит ему Бог.

И Он явил мне Смерть; и я видел, что деяния, каждое из них, — это И я видел, как Страх одолевал Надежду, и я видел Богатства, преданны огню и ввергнутые в огонь; и я видел враждебную Бедность, приводящую доводы, и я видел, что ни одна вещь не имеет власти над другими вещами и я видел, что мир — это иллюзия, и я видел, что небеса — это обман И я воскликнул: «О Знание!» — и оно не отвечало мне. И я воскликнул. «О Премудрость!» — и она не отвечала мне. И я видел, что все вещи покинули меня, и видел, что все сотворенные вещи бежали от меня; и остался один. И тогда пришло ко мне деяние, и я увидел в нем тайное воображение, и тайная его часть была устойчива; и ничто не помогло мне, кроме Милосердия Господа. И он сказал мне: «Где твое знание?» И я увидел Огонь. Он спросил: «Где твое деяние?» И я увидел Огонь. Он спросил «Где твоя премудрость?» И я увидел Огонь. И Он снял для меня завесу со знания о Его Единственности, и Огонь угас. И Он сказал мне: «Я твой Друг». И я успокоился. Он сказал мне: «Я твоя Премудрость». И я заговорил. Он сказал мне: «Я ищу тебя». И я пошел дальше.

A J Arberry, *Sufism. An Account of the Mystics of Islam* London, 1950, pp 64–65

258

ОБРАЩЕНИЕ АЛ-ГАЗАЛИ В СУФИЗМ

Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад ал-Газали (451/1059–505/1111) был видным ортодоксальным теологом и правоведом, однако его не удовлетворял рационалистический и законнический подход к вере; ал-Газали стремился к более личному познанию Бога. В автобиографическом сочинении он рассказывает о своем обращении в суфизм.

Затем я обратил внимание на Путь суфиев. Я знал, что его не пройти до конца, не сочетая учения и практики, и что суть учения заключается в одолении плотских желаний, освобождении от злых намерений и низменных свойств плоти, причем сердце должно быть очищено от всего, кроме Бога; средством же очищения является *зикр Аллах*, т. е. памятование о Боге и сосредоточение на Нем всех своих помыслов. А поскольку учение давалось мне легче, чем практика, то я начал с его усвоения с помощью книг и речений шейхов, пока не прошел ту часть их Пути, которую можно одолеть, учась и слушая; и тут я понял, что самое главное, свойственное только им, невозможно постичь с помощью учебы — оно достигается лишь непосредственным опытом

экстазом и внутренним преображением. Я убедился в том, что приобрел все возможные познания в суфизме, которые приобретаются через изучение; что до остального, то нет никакого другого способа, кроме как зажить мистической жизнью. Я посмотрел на себя — каков я есть. Мирские увлечения окружали меня со всех сторон. Даже мое учительство — лучшее из всего, чем я занимался, — казалось неважным и бесполезным с точки зрения грядущей жизни. Когда же я рассмотрел мотивы своего учительства, то понял, что я занимаюсь им не ради одного Бога, но ради славы и репутации. Я понял, что стою на краю пропасти и упаду в адский огонь, если только не исправлюсь... Сознавая свою беспомощность и полностью отказавшись от собственной воли, я бросился искать защиты у Бога, как потерявший надежду страдалец, которому больше негде укрыться. Бог внял моей молитве и помог мне презреть репутацию, богатство, жену, детей и друзей.

A J Arberry, *Sufism, An Account of the Mystics of Islam*, London, 1950, p 80

259

РУМИ НЕ УЗНАЕТ СЕБЯ

Джалал ал-Дин Руми (ум. 1273) был учеником суфия Шамса Тебризского, погибшего от рук разъяренной толпы. В память о наставнике Руми назвал сборник своих стихов (Диван) «Диваном Шамса Тебризского».

О правоверные, себя утратил я среди людей.
Я чужд Христу, исламу чужд, не варвар и не иудей.

Я четырех начал лишен, не подчинен движенью сфер,
Мне чужды запад и восток, моря и горы — я ничей.

Живу вне четырех стихий, не раб ни неба, ни земли,
Я в нынешнем, я в прошлом дне — теку, меняясь, как ручей.

Ни ад, ни рай, ни этот мир, ни мир нездешний — не мои,
И мы с Адамом не в родстве — я не знавал эдемских дней.

Нет имени моим чертам, вне места и пространства я,
Ведь я — душа любой души, нет у меня души своей.

Отринув двойственность, я вник в неразделимость двух миров,
Лишь на нее взираю я, и говорю я лишь о ней.

Но скорбь, раскаянье и стыд терзали бы всю жизнь меня,
Когда б единый миг провел в разлуке с милою моей.

Ты до беспамятства, о Шамс, вином и страстью опьянен,
И в целом мире ничего нет опьянения нужней.

Перевод Д. Самойлова, в кн.: Классическая арабская поэзия БВЛ, М., Художественная литература, 1974, с. 180—181

ГЛАВА VI

УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ И БОГЕ

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

260
ЕГИПЕТСКИЙ ПЕССИМИЗМ СПОР О САМОУБИЙСТВЕ

До нас не дошло имени автора «Спора разочарованного со своей душой» Текст сохранился на иератическом папирусе в Берлинском музее, другие его редакции неизвестны Палеографы датируют папирус временем Среднего Царства (ок 2000—1740 до н э) Представляется вероятным, что «Спор» был сочинен несколькими столетиями ранее, в Первый переходный период (ок 2280—2000 до н э), как и «Поучение царя Мерикара», когда переживаемые трудности подталкивали людей к переоценке религиозных и этических убеждений

«Спор» написан в форме диалога между безымянным героем, уставшим от жизни, и его душой Герой говорит от первого лица и пытается убедить свою душу в желательности самоубийства и смерти Ход рассуждений проследить трудно, местами текст очень темен, особенно в его первой половине, изобилующей притчами и метафорами, соль которых зачастую ускользает от современного читателя Не кажется невероятным, что герой последовательно выступает в защиту самоубийства, а душа столь же последовательно пытается его переубедить, но текст настолько труден, что иногда позиция души не ясна, и ученые по-разному интерпретируют смысл некоторых ее речей

Моя душа открыла свои уста, чтобы ответить на сказанное мною Если ты припомнишь похороны, то это грустная вещь Они несут слезы, повергают человека в грусть Они вытаскивают человека из дома и швыряют на косогор Ты никогда не поднимешься, чтобы увидеть солнце Строящие из гранита[1] и вырубающие себе покои в прекрасных пирамидах — когда построившие стали богами, их жертвенные стелы[2] были разрушены так же, как и стелы тех страдальцев, что умерли в сточной канаве Не стало

человека, и вода берет свое, как солнце, с которым говорят рыбы у речных берегов. Послушайся меня.

Ибо благо человеку — слушать. Следуй за удовольствием и забудь заботы...

Я открыл свои уста, чтобы ответить на сказанное ею.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо...
Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как напраслина, которой
Очернили жену перед мужем.
Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как навет непристойный[3]
На отрока, чистого сердцем...
Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны.
Друзья охладели.
Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый...
Кому мне открыться сегодня?
Худу мирволят повсюду,
Благу везде поруганье.
Кому мне открыться сегодня?
Над жертвой глумится наглец,
А людям потеха — и только!
Кому мне открыться сегодня?
Злодею — доверие,
Брата врагом почитают.
Кому мне открыться сегодня?
Не помнит былого никто.
Добра за добро не дождешься...
Кому мне открыться сегодня?
Потуплены взоры,
От братьев отвернуты лица.
Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку — искать в них опоры?
Кому мне открыться сегодня?
Нет справедливых,
Земля отдана криводушным...
Кому мне открыться сегодня?

Бремя беды на плечах,
И нет задушевного друга.
Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,
Нет ему ни конца, ни края.
Мне смерть представляется ныне
Исцеленьем больного,
Исходом из плена страданья.
Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.
Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьяненья.
Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой,
Возвращеньем домой из похода.
Мне смерть представляется ныне
Небес прояснением,
Постижением истины скрытой.
Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.
Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.
Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.
Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.

Вот что сказала мне моя душа: «Отрешись от заботы, мой друг и брат. Соверши приношение на жаровне и прилепись к жизни, как я[4] говорила. Желай меня здесь и отвергни Запад, но желай достичь Запада, когда твое тело попадет в землю, чтобы я вознеслась, когда ты устанешь[5]. Тогда давай вместе построим жилище».

ЗАВЕРШАЕТСЯ ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА, КАК ЭТО БЫЛО ЗАПЕЧАТЛЕНО В ПИСЬМЕ.

ПРИМЕЧАНИЯ

Строящие из гранита — цари и знать Древнего Царства строили великие пирамиды и изящные гробницы чтобы навеки сохранить свои бр и останки Сохранение физического тела было совершенно необходимо д загробной жизни Смысл данного места в том что цари и аристократы т в положении не лучшем чем бедняки умершие под открытым небом без кров головой и без близких которые исполнили бы для них погребальные обря Вскоре после того как великие *стали богами* (умерли) их пирамиды и гроб цы подвергались разграблению их стелы уничтожались что низводило и уровня нищих

[2] *Жертвенные стелы* были необходимы для культа мертвых Считалось умерший нуждается после смерти в еде и питье Стелы возводились снаружи гробницы возле которой совершались приношения Ведать ежедневными прино ниями богачи поручали специальным жрецам тогда как люди менее состоятель полагались в этом на родственников и друзей

[3] Обвинение в незаконнорожденности

[4] В подлиннике «как ты сказал»

[5] Уставать — эвфемизм для умирать

Перевод В Потаповой в кн Поэзия и проза Древнего В ка — БВЛ М Художественная литература 1973 с 97 100 вступительная статья и примечания Г W Thacker и D Winton Thomas (ed) *Documents from Old Testa t Times* London Thomas Nelson 1958

261

ЕГИПЕТСКАЯ ПЕСНЬ АРФИСТА* «ИЗ УШЕДШИХ ТУДА НЕ ВОРОТИЛСЯ НИКТО

Сколь благополучен этот добрый владыка[1]
Это добрая судьба что умаляется тело
Уходя когда другие остаются
Со времен предков
Богов бывших до начала времен

---

* Песнью арфиста в египтологии называют комплекс из 10 текстов частью Сре него частью Нового Царства Эти тексты исполнялись арфистами и были своеобра дополнением к заупокойному ритуалу хотя по существу начисто его отрицали С подробная версия относится к эпохе фараона XI династии Интефа (конец III тысяч тия до н э) — *Прим ред*

Покоящихся в своих пирамидах
Благородные и славные уходили все так же
Их погребали в пирамидах
Те, что строили их (усыпальницы) храмы —
Их больше нет
Гляди на то что внутри
Я слышал слова Имхотепа и Джедедохора[2]
(Слова) премного прославленные как их речения
Гляди на эти места
Их стены ободраны
Их больше нет
Словно и не было никогда

Оттуда не приходит никто
Чтобы поведать (нам) о своем житье
Чтобы поведать (нам) о своей доле
Чтобы насытить наши сердца
Пока мы (тоже) не удалимся
Туда куда ушли они

Ободряй свое сердце чтобы не помнить
Радостно следуй за желаньем
Пока живешь
Умасти голову мирром
Надень одежды из тонкого льна
Нарядись в дивные украшения —
Настоящее достояние богов

Истовее предавайся наслаждениям
И пусть (не) томится твое сердце
Следуй своему желанию и благу
Устраивай свои дела на земле
По велению собственного сердца
(Пока) не пришел к тебе день скорби
Тогда замолкшее сердце не услышит плача
А тот что в гробнице не придет на тризну

Справляй радостный день
Не унывай
Увы, никто не уносит свое с собой
Поистине из ушедших туда не воротился никто

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Покойный царь, в чьей гробнице была записана песнь

[2] *Имхотеп* — великий визирь, главный архитектор и знаменитый мудрец, живший при фараоне III династии Джосере (XXX век до нашей эры) *Джедедхор* — царевич, сын Хуфу (т. е. Хеопса) из Гизы, отсюда его связь с величайшей пирамидой. Он жил примерно через столетие после Имхотепа. После смерти оба они перешли в разряд образцовых мудрецов.

J. H. Breasted, *Development of Religion and Thought in Ancient Egypt*, 1912, pp. 182–183.

262

РАЗОЧАРОВАНИЕ И ОТЧАЯНИЕ: НАСТАВЛЕНИЯ ЕГИПТЯНИНА ИПУ

«Наставления» датируются XXII веком до нашей эры.

Бывало, говорили, что он — пастырь каждого человека, что в его сердце нет зла, что как бы незначительна ни была его паства, он тратит целый день на заботы о ней... Ах! Если бы понимал он нравы людей в первом поколении, то он произнес бы проклятие и поднял бы на них свою руку. Он уничтожил бы их наследников, даже если бы они были его собственным семенем. Но он желал, чтобы рождения продолжались... это не могло кончиться до тех пор, пока были эти боги (праведные цари прошлого). Потомство по-прежнему выходит из лона египтянок, но их не встретить [играющими?] на дороге. Разбой и насилие над слабым — вот что совершили эти боги [последние цари]. В их время не было истинного кормчего. Где он? Часом, не уснул ли? Смотри, нет никаких знаков его всемогущей силы!

A. H. Gardiner, *The Admonitions of an Egyptian Sage*, Leipzig, 1909, in R. T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, New York, 1960, pp. 68–69.

См. также тексты 18–20, 166–170, 272, 273.

263

ДЖАЙНСКАЯ ПРИТЧА: ЧЕЛОВЕК В КОЛОДЦЕ

(Харибхадра, «Самарайччакаха» [санскр: «Самарадитья-катха», т. е «Повесть о царе Самарадитье»], II, 55—88)

Один человек, угнетаемый муками бедности,
Покинул свой дом и направился на чужбину.
Он шел по стране, мимо сел, городов и гаваней,
И через несколько дней потерял дорогу.

И он пришел в густую лесную чащу... полную диких зверей. Там он остановился, оторопело глядя на неровные тропки... жертва жажды и голода, он увидел бешеного, яростно трубящего слона, наставившего на него свой бивень. Тут же перед ним явилась злейшая дьяволица с острым мечом, ужасная лицом и фигурой, смеющаяся визгливо и громко. При виде их, смертельно напуганный, он задрожал всеми членами и стал озираться вокруг. К востоку от себя он увидел большое баньяновое дерево...

И он быстро помчался и достиг могучего дерева.
Но тут он пал духом, ибо оно было слишком высоким — даже птицы
не летали над ним,
И он не мог вскарабкаться по его высокому гладкому стволу...
Всеми членами он задрожал от лютого страха,
Пока, оглядевшись по сторонам, он не увидел поблизости старый
колодец, поросший травой.
Страшась смерти, стремясь продлить жизнь хоть на миг,
Он бросился в колодец у корней баньянового дерева.

---

* Эту широко распространенную притчу вряд ли можно назвать «джайнской» В том или ином варианте она хорошо известна в Индии ее использовали не только джайны, но и буддисты (в «Трипитаке», сохранившейся лишь в китайском переводе), и «традиционалисты» («Махабхарата», XI, 5—6) Мало того устные фольклорные варианты этой притчи, бытующие в Индии по сей день, заставляют сделать вывод о том, что она вполне «внеконфессиональна» — или, скорее, «доконфессиональна» Однако к ней обращались представители самых различных вероисповеданий например, персидский суфийский поэт Джалаледдин Руми В Европу эта притча попала в христианском изводе благодаря «Повести о Варлааме и Иосафате», в которой содержалось немало индийского материала В XIX в немецкий поэт Ф Рюккерт использовал версию Руми для собственного переложения этой притчи («Es ging ein Mann in Syrerland»), которое завоевало чрезвычайную популярность в тогдашней Германии и было переведено на русский язык В А Жуковским Наконец, эта притча пересказывается в самом начале «Исповеди» Л Н Толстого, который почерпнул ее, скорее всего, из русского варианта «Повести о Варлааме и Иосафате» — *Прим ред*

Из уходящий в глубину стены рос тростник, и он за него ухватился,
А внизу он увидел страшных змей, разъяренных звуком его падения:
А с самого дна доносилось дыхание черного могучего змея
С разверстой пастью, толстого, как бивень небесного слона, с лютыми
красными глазами
Он подумал: «Моя жизнь продлится, пока выдержит тростник»,
И поднял голову; и там, у корней тростника увидел двух крупных мышей —
Белую и черную, острыми зубами грызущих побег тростника.
А между тем наверху появился бешеный слон и, ярясь из-за неудачи,
Раз за разом налетал он на ствол баньяна.
От удара его бивня медовые соты, висевшие на большой ветке
Над старым колодцем, попадали наземь.
Тело несчастного облепил рой свирепых пчел,
Но тут случайно капля меда упала ему на голову,
Скатилась по лбу и достигла губ,
Подарив ему миг услады. Он возжелал других капель,
И забыл о питоне, змеях, слоне, мышах, колодце и пчелах,
Возбужденный алканьем новых капель меда.

Притча эта обладает силой очищать умы тех, кто на пути к свободе.
Услышь ее истинное толкование.
Человек — это душа, его скитанья по лесу — четыре вида
существования
Бешеный слон — это смерть, дьяволица — старость.
Баньяновое дерево — спасение, где не страшен слон-смерть,
Но на него не взобраться чувственному человеку.
Колодец — человеческая жизнь, змеи — страсти,
Так одолевающие человека, что он не знает, как поступить.
Стебель тростника — отпущенный ему срок, в продолжение
которого существует душа в теле:
Мыши, грызущие тростник, — его черные и светлые дни.
Жалящие пчелы — всевозможные болезни,
Которые терзают человека, пока он не потеряет всякую радость
жизни
Жуткий змей — преисподняя, завладевающая человеком, ослепленным
чувственностью
Попав в которую, душа страдает тысячекратно.
Капли меда — пошлые услады, страшные в конце.
Как может желать их мудрец среди стольких опасностей и тягот?

A.L. Basham, in Wm Theodore de Bary (ed.), *Sources of Indian Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, pp. 56–58.

264

НЕРАЗРУШИМАЯ, ВЕЧНАЯ ДУША: ПОУЧЕНИЕ КРИШНЫ АРДЖУНЕ

(«Бхагавадгита», II 16–26, 47)

16. То, что есть, никогда не исчезнет:
что не есть — никогда не возникнет:
этих двух состояний основу
ясно видят зрящие сущность.
17. То, чем весь этот мир пронизан,
разрушенью, знай, неподвластно;
это непреходящее, Партха,
уничтожить никто не может.
18. Лишь тела эти, знай, преходящи,
Воплощенного; Он же — вечен.
Не погибнет Он, неизмеримый:
потому — сражайся без страха!
19. Один мыслит Его убитым,
другой думает: «Это убийца»;
в заблужденье и тот, и этот:
не убит Он и не убивает.
20. Никогда не рождаясь, Он не умирает,
Он не тот, кто, родившись, больше не будет:
нерождаемый, вечный, древний, бессмертный.
Он при гибели тела не гибнет.
21. Тот, кто знает Его неизменным,
нерождаемым, неразрушимым, —
разве, Партха, Он убивает?
разве он побуждает к убийству?
22. Как одежду изношенную бросая,
человек надевает другую,
так, сносив это тленное тело,
Воплощенный в иное вступает.
23. Знай, мечи Его не рассекают
и огонь не сжигает, Партха,
не увлажняет Его вода,
Его ветер не иссушает.
24. Нерассекаемый, несожигаемый,
неувлажняемый, неиссушаемый,

неколеблем, знай, этот Вечный —
вездесущий, стойкий, нетленный.
25. Его знают невообразимым,
неколеблемым и неизменным;
потому — ты, таким Его распознав,
сокрушаться уж больше не должен.
26. Но и если Его полагаешь
вечно гибнущим, вечно рожденным —
все равно, о могучерукий,
ты не должен о Нем сокрушаться...
47. Лишь на действие будь направлен,
от плода же его отвращайся;
пусть плоды тебя не увлекают,
но не будь и бездействием скован.

Перевод В. С. Семенцова (В. С. Семенцов. Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. — М., 1986. с. 151–154)

265

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ

МИМНЕРМ КОЛОФОНСКИЙ (VI в. до н. э.)

Что за жизнь, что за радость, коль нет золотой Афродиты!
Смерти я жаждать начну, если мне скажут «прости»
Прелести тайной любви, и нежные ласки, и ложе.
Только ведь юности цвет людям желанен и мил;
Старость же горе несет, красавца с уродом равняя.
Стоит приблизиться ей, сразу томиться начнет
Черными думами сердце, и солнца лучи золотые
Старца не радуют взор, сердцу не нужны они:
Юношам он опостылел и девам внушает презренье.
Вот сколь тяжелым ярмом старость ложится на нас.
.....
Вдруг распускаемся мы, как листва под весенним дыханьем:
Быстро в зеленый убор солнце оденет леса.
Ах, но недолог прелестный расцвет! Мимолетна услада
Дней тех, когда от богов нет нам ни счастья, ни мук.
Счастье — в неведенье милом. Но близятся черные Керы,

Старостью мрачной одна, смертью другая грозит.
Шире палящий пожар простирает лютое солнце:
Бурая сохнет листва, блекнет одежда лугов.
Лучше тогда умереть, чем влачить безотрадное бремя,
Если настала пора юной красе увядать.

Перевод Вяч. Иванова

КАЛЛИН (VII в. до н. э.)

Требует слава и честь, чтоб каждый за родину бился,
Бился с врагом за детей, за молодую жену.
Смерть ведь придет тогда, когда мойры прийти ей назначат...

Перевод Г. Церетели

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ (VII в. до н. э.)

Внимай, дитя, над всем — один властитель: Зевс.
Как хочет, так вершит гремящий в небесах.
Не смертным разум дан. Наш быстротечный день,
Как день цветка, и мы в неведенье живем:
Чей час приблизил бог, как жизнь он пресечет.
Но легковерная надежда всех живит,
Напрасно преданных несбыточной мечте...
Все беды налицо — но Керам нет числа,
И смертных горести не выразить, не счесть...

Перевод Я. Голосовкера

СИМОНИД КЕОССКИЙ (556—467 гг. до н. э.)

Люди? Мала их
сила, хлопоты <их> — бесполезны.
Их краткий век — забота на заботе,
И все равно нависает <над ними> неизбежная смерть!
Равная доля у ней для всех: что для добрых,
Что для дурного (фр. 15. 1—16. 1).
Бог — вот кто все знает! А <людям>
Ничто не дается без горя (фр. 21. 3—4).

Перевод А. Коваля

266

ЯЗЫЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ О ПОЧИТАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ БОГОВ

(Максим Тирский. «Речь», VIII. 10)

Максим Тирский — софист и эклектический философ, много путешествовавший и выступавший с лекциями в Афинах и в Риме.

Ибо Бог, Отец и Творец всего сущего, который старше солнца, старше неба, более велик, чем время и вечность и весь непрерывный ток природы, не может быть именуем никаким законодателем, не может быть произнесен ничьим голосом, не может быть увиден ничьим оком. Но мы, не в силах постичь его сущность, пользуемся звуками и именами и картинами из золота, слоновой кости и серебра, образами растений и рек, горных вершин и вихрей, стремясь к знанию о нем и по слабости нашей именуя все, что есть прекрасного в этом мире, по его естеству. То же бывает с любящими, для них сладчайшим зрелищем будет настоящий вид их детей, но сладостным будет и воспоминание о них — они будут счастливы [при виде] лиры маленького копья или кресла, может, площадки для бега и всего того, что пробуждает память о любимых. Да и зачем мне исследовать и выносить суждение об изображениях? Пусть все знают, что́ божественно; пусть знают, и это все. Если греки трепещут при напоминании о боге с помощью Фидиева искусства, то египтяне — почитая зверей, другие — реку, а третьи — огонь. Только пусть они знают, пусть любят, пусть помнят.

F. C. Grant, *Hellenistic Religions*, New York, 1953, p. 168

267

РЕЛИГИОЗНЫЙ СКЕПТИЦИЗМ В ЭПОХУ ЦИЦЕРОНА

(Цицерон. «О природе богов», III. 79—95)

Данное сочинение Цицерона — одно из важнейших свидетельств истории античной религиозной мысли и философии религии. Оно знаменует вершину и поворотный пункт в вечной дискуссии, так как Цицерон видел

трудности, с которыми сталкивались его образованные современники, утратившие веру в традиционных богов и в божественное провидение (т. е. божественное управление миром) и в то же время полуосознанно стремившиеся к рациональной и обоснованной вере в божественный промысел.

Диалог «О природе богов» написан летом 45 г. до н. э. Его рамка проста: Котта собрал друзей на своей вилле во время Латинского праздника летом 76 года до нашей эры. Гай Веллей — ведущий римский знаток эпикуреизма, Бальб — знаменитый стоик, тогда как хозяин, Котта, — остроумный и выдающийся глашатай воззрений Новой Академии. При разговоре присутствует Цицерон. В первой книге Веллей излагает основные принципы эпикурейских учений о бытии и природе богов (§18—56). Оставшаяся часть первой книги отведена возражениям «академика» Котты, который не оставляет камня на камне от эпикурейской теологии и показывает, что философия полностью уничтожает религию (§ 57—124).

Вторая книга устами Бальба подробно излагает положительные учения стоической теологии, распадающиеся на четыре главных темы: (1) многочисленными аргументами доказывается бытие богов (§ 4—44); (2) описывается их природа (§ 45—72), провиденциальное управление миром (§ 73—153) и (3) их провиденциальная забота о человеке (§ 154—168). Третья книга содержит возражения Котты, с точки зрения Академии критикующего бальбовское изложение стоицизма.

«Впрочем, я уже и так слишком много наговорил о совершенно очевидных вещах. Теламон[1] одним только стихом выразил ту мысль, что боги пренебрегают людьми:

Если б боги опекали, было б хорошо хорошим
Людям, худо — злым; да что-то не бывает так теперь!

(80) Если бы боги действительно пеклись о роде человеческом, то они должны были бы сделать всех людей добрыми или, по меньшей мере, особенно опекать добрых. Так почему же двух Сципионов, мужей храбрейших и добрейших (optimi), одолел в Испании пуниец?[2] Почему Фабий Максим похоронил своего сына, консуляра?[3] Почему Ганнибал предал смерти Марцелла?[4] Почему Канны отняли жизнь у Эмилия Павла?[5] Почему тело Регула стало жертвой карфагенской жестокости?[6] Почему стены собственного дома не защитили <Сципиона> Африканского?[7]

Но это все из прошлого, и можно было бы привести еще много примеров. Рассмотрим некоторые, более близкие к нашему времени. Почему мой дядя, Рутилий[8], муж невиннейший и ученейший, находится в изгнании? Почему мой друг, Друз, был убит в своем доме?[9] Почему верховный понти-

фик Квинт Сцевола[10], образец сдержанности и благоразумия, был зверски убит перед статуей Весты? Почему незадолго до этого столько знатнейших граждан нашего государства (principes civitatis) были загублены Цинной?[11] Почему коварнейший из всех Гай Марий[12] смог приказать Квинту Катулу[13], человеку превосходнейших достоинств, чтобы тот наложил на себя руки?

(81) Дня не хватило бы, если бы я стал перечислять, скольким добрым людям пришлось плохо, или если бы я стал вспоминать, сколько бесчестных счастливо прожили свою жизнь! Почему тот же Марий, в седьмой раз став консулом, счастливо умер в своем доме глубоким старцем? Почему кровожаднейший Цинна столь долго продержался у власти?

Но, скажешь, кара его в конце концов все же постигла. Лучше было бы не допустить, не дать ему погубить стольких прекрасных людей, чем когда-то покарать погубившего их. <...> Мы знаем, что Анаксарх[14], ученик Демокрита, был изрублен на куски кипрским тираном, что Зенон Элейский[15] был после жестоких пыток казнен. А что уж скажешь о Сократе, смерть которого я обычно оплакиваю, читая Платона? Так неужели ты не видишь, что боги, если и рассматривают человеческие дела, то, судя по их приговорам, не видят <между добродетелью и злодейством никакой> разницы.

(83) Диоген-киник обычно говаривал, что Гарпал, который в его времена прослыл самым удачливым разбойником, является наиболее верным свидетельством против богов, раз ему так долго улыбается счастье. Дионисий[16], о котором я уже упоминал, ограбив храм Прозерпины в Локрах, отплыл в Сиракузы. Попутный ветер помогал плыть его кораблям, и он, смеясь, сказал: «Смотрите, друзья, как благоприятствуют бессмертные боги плаванию святотатца». Этот остроумец после столь удачного начала и в дальнейшем придерживался тех же взглядов. Пристав со своим флотом к берегам Пелопоннеса, он вторгся в храм Юпитера Олимпийского и стащил с бога золотой плащ тяжелейшего веса (этим одеянием украсил Юпитера тиран Гелон из добычи, которая досталась ему после победы над карфагенянами). И при этом Дионисий еще издевательски пошутил: «Летом, — сказал он, — золотая одежда тяжела, зимою — холодна» — и, накинув на статую шерстяной плащ, добавил: «Вот эта одежда — на все времена года».

Он же приказал снять у Эскулапа в Эпидавре золотую бороду: не пристало-де сыну быть бородатым, когда отец во всех храмах безбородый. Дионисий приказал также вынести из всех храмов серебряные жертвенники, на которых, по обычаю древних греков, была надпись: «Добрым богам», говоря при этом, что он хочет воспользоваться добротой богов. <...>

(86) Но, скажешь, это потому, что боги пренебрегают мелочами, не приглядывают за каждым клочком земли, за отдельной виноградной лозой

И если даже головня или град причинят какой-то вред, то это не Юпитера забота. И в царствах царя о всяких мелочах не заботятся (вы ведь именно так и говорите); как будто я перед этим сетовал[18], что Публий Рутилий потерял одно только свое Формианское поместье, а не лишился благосостояния и родины.

Все люди придерживаются того мнения, что внешние блага: виноградники, посевы, оливковые насаждения, изобилие плодов земли — вообще все, что составляет жизненное благополучие и процветание — они имеют от богов. Добродетель же никто и никогда не считал полученной от бога. (87) И это очень верно. За добродетель мы законно восхваляемы, добродетелью мы справедливо гордимся, что не могло бы быть, если бы она была даром от бога, а не зависела от нас самих. Если мы неожиданно были почтены какой-нибудь новой почестью, или случайно увеличилось наше богатство, или мы случайно приобрели что-нибудь *приятное для нас, или избежали* неприятности, и мы за это благодарим богов, то этим самым мы признаем, что в этом никакой нашей заслуги нет и хвалить нас не за что. А кто когда возносил благодарность богам за то, что он добрый человек? За то, что богатый, что в почете, что здоров и невредим, благодарят. <...>

(89) Но, скажешь, иногда и хорошим людям сопутствует успех. Верно, только мы безо всяких оснований приписываем его бессмертным богам. Диагор (тот, кому присвоили прозвище «Безбожник»[19]), приехал однажды в Самофракию, и там один его друг задал ему вопрос: «Вот ты считаешь, что боги пренебрегают людьми. Но разве ты не обратил внимания, как много <в храме> табличек с *изображениями и с надписями*, из которых следует, что они были пожертвованы по обету людьми, счастливо избежавшими гибели во время бури на море и благополучно прибывшими в гавань?» — «Так-то оно так, — отвечал Диагор, — только здесь нет изображений тех, чьи корабли буря потопила, и они сами погибли в море».

(90) Ты говоришь: не на все обращают внимание боги, так же, как цари[20]. Но что это за сравнение! И на царях лежит большая вина, если, зная, они оставляют то без внимания. Но бога-то не может извинить незнание. Вы ведь сами распрекрасно защищаете богов, говоря, что сила богов такова, что, если кто умрет, так и не понеся заслуженной кары за свои преступления, то должны ожидать наказания его дети, внуки, еще более далекие потомки[21]. О поразительное правосудие богов! Разве потерпело бы любое государство такого законодателя, который бы внес такой закон, чтобы за преступление, совершенное отцом или дедом, был осужден сын или внук? <...>

(93) <Ты говоришь, что> Провидение не печется об отдельных людях. Ничего удивительного: оно не печется ведь и о целых городах. Городах? Даже о целых народах и племенах! А если так, то не удивительно, что ему вообще безразличны судьбы всего рода человеческого. Но каким же

образом вы, утверждая, что боги отнюдь не занимаются мелкими делами, в то же время учите, что они распределяют и делят между людьми сны? Поскольку это вы верите в вещие сны я предоставляю тебе разобраться в этом

Кроме того вы говорите что богам также нужно давать обеты Обеты же дают отдельные люди, стало быть божественный ум прислушивается также и к отдельным личностям Как видно он не так уж занят как вы считали? Но пусть он завален делами, поворачивает небо, наблюдает над землею, распоряжается морями Почему же он терпит что столь многие боги ничего не делают, бездельничают? Почему не возложит заботу о человеческих делах на некоторых, ничем не занятых богов, а таких, по твоим же словам, Бальб, бесчисленное множество?

Вот, приблизительно, то, что я хотел сказать о природе богов, не для того чтобы отвергнуть их, но чтобы вы поняли, насколько темен этот вопрос какие трудности он представляет для разъяснения»

(94) Этими словами Котта закончил свою речь Луцилий же заметил «Ты, Котта, очень сурово раскритиковал учение стоиков о провидении богов, учение, которое они выработали весьма благоговейно и продуманно Но так как уже вечереет, то ты дашь нам, наверное, какой-нибудь другой день чтобы мы ответили на твою критику Потому что я намерен вступить с тобой в спор об алтарях домашних богов, о храмах и святилищах и о стенах Рима, которые вы, понтифики, считаете священными и защищаете Рим религией более, чем он защищен этим стенами От всего этого отступиться *я считаю для себя непозволительным, пока я жив*»

(95) «А я, — ответил Котта, — и сам хотел бы, чтобы ты, Бальб опроверг меня Я предпочел бы, чтобы ты все мои доводы рассеял, а не *согласился со мною Я даже уверен, что ты легко победишь меня*»

«Еще бы, — сказал Веллей, — всего можно ожидать от человека который считает, что Юпитер посылает нам даже сны, сны же, какими бы они ни были пустыми, все же не так пусты, как речи стоиков о природе богов»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Теламон — древний царь Саламина герой одноименной трагедии Энния откуда взят этот стих (фр 330)

[2]Во время Второй Пунической войны в Испании братья Сципионы — Публий и Гней — потерпели поражение от карфагенян и были убиты

[3]Квинт Фабий Максим — диктатор во время Второй Пунической войны Консуляр — лицо побывавшее в должности консула

[4]Марк Клавдий Марцелл герой Второй Пунической войны завоеватель Сиракуз (212 г до н э) в 208 г до н э он был разбит Ганнибалом и пал в бою

[7]Марк Эмилий Павел — консул (216 г до н э) В том же году он потерпел поражение от Ганнибала при Каннах и погиб в этом сражении

[8]Марк Аттилий Регул — консул во время Первой Пунической войны В 255 г до н э он попал в плен к карфагенянам и был ими казнен Считался образцом римского гражданина и патриота

Публий Корнелий Сципион Африканский — противник гракханских реформ в 129 г до н э был найден убитым в собственном доме

[9]Публий Рутилий Руф — консул (105 г до н э) выступил против злоупотреблений которые чинили в провинциях всадники публиканы сборщики налогов В 92 г до н э всадники добились его осуждения и изгнания

[10]Марк Ливий Друз — народный трибун (91 г до н э) также выступал против всаднического сословия

[11]Квинт Муций Сцевола современник и сторонник Суллы В 82 г до н э спасаясь от марианцев он укрылся в храме Весты и был там убит

[12]Луций Корнелий Цинна — один из активнейших сторонников Мария После отъезда Суллы на Восток Цинна устроил жестокое избиение сторонников Суллы в Риме

[13]Гай Марий (156 – 86 гг до н э) — римский полководец и политический деятель вождь популяров Неоднократно избирался консулом провел военную реформу одержал победу над Югуртой тевтонами и кимврами В гражданской войне возглавлял противников оптиматов После поражения бежал от Суллы в Африку в 87 г захватил Рим и устроил расправу над своими противниками

[14]Квинт Лутаций Катул — консул (102 г до н э) вместе с Марием провел в 101 г до н э победоносную войну против кимвров Позже выступил против Мария и тот заставил Катула покончить с собой в 81 г до н э

[15]Анаксарх Абдерский — философ современник Александра Македонского

[16]Зенон Элейский (ок 490–430 гг до н э) — греческий философ ученик Парменида автор знаменитых *апорий* («неразрешимых задач) «Ахилл и черепаха «Стрела» и т д Погиб участвуя в неудачном заговоре против тирана Не желая выдать других заговорщиков он откусил себе язык и был предан мучительной смерти

[17]Дионисий Старший был тираном в Сиракузах в 405–367 гг

[18] Аполлон отец Эскулапа (Асклепия) всегда изображался безбородым

[19]См выше § 80

[20] Диагор Мелосский по прозвищу Безбожник (2 я половина V в до н э) — философ и поэт ученик Демокрита В юности Диагор был глубоко верующим человеком но перестал верить в богов после того как его предал самый верный из друзей которого при этом не коснулась месть богов Диагор насмехался над обрядами мистериями и самими богами за это афинский суд приговорил его к смертной казни (ок 415 г) но ему удалось бежать а его сочинения были сожжены

[21]Ср выше § 86

[22]Ср Гомер Илиада IV 160–161

Перевод и примечания М Н Рижского цит по кн Цицерон Философские трактаты — М 1985 с 184 190

268
АЛЛАХ БЛИЖЕ, ЧЕМ ШЕЙНАЯ АРТЕРИЯ

(Коран, L, 1–15)

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Каф. Клянусь Кораном славным!

Да! Удивились они, что пришел к ним увещатель из них, и сказали неверные: «Это — дело дивное!

Разве когда мы умрем и станем прахом? . Это — возврат далекий!»

Мы знаем, что земля отнимает от них, и у Нас книга хранящая.

Да, сочли они ложью истину, когда она пришла к ним; и они — в состоянии смятенном.

Разве не смотрели они на небо над ними, как Мы воздвигли его и разукрасили, и нет в нем расщелин?

И землю Мы распростерли и устроили на ней прочно стоящие и произрастили на ней всякие красивые пары

для созерцания и напоминания всякому рабу обучающемуся.

И низвели Мы с неба воду благословенную и произрастили ею сады и зерна посевов,

и пальмы высокие — у них плоды рядами, —

в удел рабам, и оживили ею мертвую страну. Таков исход!

Считали ложью и до них народ Нуха, *и обитатели* ар-Расса, *и* Самуд,

и Ад, и Фир'аун, и братья Лута, и обитатели ал-Айки, и народ Тубб'а, — все сочли лжецами посланников, и оправдалась моя угроза.

Разве ж Мы изнемогли в первом творении? Да — они в сомнении о новом творении.

Мы сотворили уже человека и знаем, что нашептывает ему душа; и Мы ближе к нему, чем шейная артерия.

Перевод И Ю. Крачковского

269
БОГ «ЗНАЕТ МЫСЛИ В ГРУДИ»

(Коран, XXXIX, 5–10)

Поистине, Аллах не ведет прямым путем того, кто лжив, неверен!

Если бы Аллах желал взять для Себя ребенка, то Он избрал бы, что Ему угодно из того, что творит. Хвала Ему! Он — Аллах, единый, мощный!

Он сотворил небеса и землю воистину. Он обвивает ночью день и днем обвивает ночь; он подчинил солнце и луну. Все течет до назначенного предела; Он — великий, прощающий!

Он сотворил вас из единой души, потом сделал из нее ей пару и ниспослал вам из животных восемь парами. Он творит вас в утробах ваших матерей, одним творением после другого в трех мраках. Это (для вас) — Аллах, ваш Господь; Ему принадлежит власть, нет божества, кроме Него; до чего же вы отвращены!

Если вы будете неверными, то Аллах не нуждается в вас, и не соблаговолит Он для Своих рабов на неверие, а если вы будете благодарны, Он соблаговолит на это для вас. И не понесет носящая ношу другой. Потом к Господу вашему ваше обращение. И он возвестит вам то, что вы делаете.

Он ведь знает про то, что в груди!

Перевод И Ю Крачковского

См. *также тексты 73, 237, 252.*

270

«ГДЕ ТА ЗЕМЛЯ, В КОТОРОЙ НЕ УМИРАЮТ?» (НАУАТЛЬ)

Науа — народ, населявший в древности Мексику.

Чем больше я плачу, чем больше печалюсь,
тем острее не хочет этого мое сердце —
отправиться, все сказав, в Страну Тайны.

Здесь, на земле, наши сердца говорят:
«О, друзья мои, если бы мы были бессмертными,
о, друзья, где та земля, в которой не умирают?
Уйду ли я? Там ли живет моя мать? Там ли живет отец?

В Стране Тайны... сердце мое содрогается:
о, если б мне не умирать, если б не погибать...
Я страдаю, и мне больно.

Ты ушел от прочно укрепленной славы,
о владыка Тлакауепантцин.

Дело в том, что все мы здесь рабы.
Люди просто стоят
перед тем, через кого все живет.
Рождение, жизнь приходят на землю.
Она достается нам ненадолго,
слава того, чем все живо
Рождение, жизнь приходят на землю.

Мы приходим только для того, чтобы уснуть,
Мы приходим только для того, чтобы видеть сны.
Неправда, неправда, что мы приходим жить на земле:

Весенней травою становимся мы:
Она рождается, стелится, ликуя, распускает бутоны наших сердец,
цветок нашего тела раскрывает несколько лепестков и увядает!

Laurette Séjourne, *Burning Water*, London, 1957, pp 63–64

271
МЕКСИКАНСКИЙ ПЛАЧ (НАУАТЛЬ)

1. В слезах я, певец, сплетаю песнь из цветов тоски; я вызываю в памяти юношей, черепки, осколки, ушедшие в страну мертвых; благородные и могучие некогда здесь, на земле, юноши иссохли, словно перья, разбились на осколки, словно изумруд, перед лицом и на виду у тех, кто видел их на земле, зная Причину Всего.

2. Увы! Увы! Я пою в печали, вспоминая детей. О, если бы мне вернуться назад; я бы снова взял их за ладошки; о, если бы я мог вызвать их из страны мертвых; о, если бы я мог их вернуть на землю, чтобы они радовались, услаждая Подателя Жизни; возможно ли, чтобы мы, Его слуги, отвергали Его или были неблагодарны? Так я скорблю в моем сердце, я, певец, обозревающий воспоминания, вызывая в памяти грустное и печальное.

3. Если бы я только знал, что они слышат меня, там, в стране мертвых, я спел бы им достойную песню. О, если бы я только мог порадовать их, если бы мог утишить страдание и муку детей. Как этому научиться? Откуда почерпнуть вдохновение? Они там, куда мне не проникнуть, и не достигнет их мое призывание, как если бы они были на земле.

Daniel G Brinton, *Ancient Nahuatl Poetry*, Philadelphia, 1890 p 73

СМИРЕНИЕ, МУДРОСТЬ, ТЕРПИМОСТЬ

ЕГИПЕТСКОЕ УЧЕНИЕ

272

ЕГИПЕТСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ: ПОУЧЕНИЯ МЕРИКАРА

Приводимый ниже отрывок взят из сочинения, составленного египетским фараоном для своего сына Мерикара, ставшего его преемником на троне. Они жили в период смуты и безвластия, известный как Первый Переходной Период, последовавший за падением Древнего Царства (ок. 2280 до н. э.) и предшествовавший подъему Среднего Царства (ок. 2000 до н. э.). Таким образом, наставления Мерикара были составлены во времена насилия и интриг, и именно в этом контексте их следует толковать и понимать...

На Ленинградском Папирусе (единственном, на котором полностью сохранилась эта часть текста) первые предложения обоих абзацев написаны красными чернилами. Заглавные буквы используются для воспроизведения этих подзаголовков.

ТВОРИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПОКА ОБИТАЕШЬ НА ЗЕМЛЕ. Утешай плачущего и не притесняй вдову. Не выгоняй сына из владений его отца. Не причиняй вреда чиновникам из уважения к их должностям[1]. Остерегайся наказывать по ошибке. Не убивай: это ничего тебе не прибавит. Телесные наказания налагай осмотрительно[2] — тогда эта страна[3] будет мирной — за исключением мятежника, когда его замыслы обнаружены, ибо Бог знает коварство сердца и взыщет за его грехи кровью. Кроток человек... Не убивай того, чьи добрые задатки тебе известны, с кем ты декламировал написанное[4] и читал описи... Душа идет в то место, которое ты знаешь: она не может отклониться от вчерашних путей, и никакое колдовство не собьет ее. Она идет к тем, что

СУДЬИ[5], СУДЯЩИЕ ГРЕШНИКА — ты знаешь что их не см
чить в день суда над несчастными, в час исполнения их до
Тяжко, ког
обвинитель обладает знанием[6] Не полагайся на давность лет[7] для них вс
жизнь, как один час Человек живет и после смерти и его дела напомн
даются перед ним Вечно существование там Гли кто не принимает этог
всерьез Кто же достигнет конца, не совершив зла, тот будет жить там к
бог, ступая, словно Владыки Вечности

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Должности* Значение соответствующего египетского слова неясно перевод п
догадке

[2] *Осмотрительно* Значение египетского слово неясно

[3] *Эта страна* — принятое обозначение Египта ср английское «this countr

[4] *С кем ты декламировал написанное* Это выражение по видимому означае
«с кем ты ходил в школу»

[5] *Судьи* — суд богов которые выносят приговоры мертвым сообразно их повед
нию на земле

[6] *Тяжко когда обвинитель обладает знанием* т е когда обвинитель вооружен
фактами, сокрушительными для умершего выступающего перед божественными су
дьями, тому приходится несладко

[7] *Не полагайся на давность лет* Сколько бы времени ни прошло с момента
совершения греха обвинитель и судьи будут о нем помнить

D Winton Thomas (ed), *Documents from Old Testamen
Times* London Thomas Nelson 1958

273

ПОУЧЕНИЯ АМЕНЕМОПЕ

Литературное наследие древних египтян свидетельствует о том, что им
были весьма по вкусу дидактические трактаты, содержащие мудрые изре
чения и провербиальные истины Уже давно высказывались предположе
ния о том, что, по крайней мере, часть еврейских «притч» имела свои прооб
разы в египетской литературе премудрости, но только публикация «По
учения Аменемопе» подкрепила эту догадку неопровержимыми доказа
тельствами Некоторые места египетского текста оказались настолько схо
жими с отрывками из книги Притч, что даже в случае невозможности
доказать прямое заимствование из египетской книги или *vice versa* глубин
ное родство обеих традиций не подлежит сомнению Была высказана ги

потеза о том, что на древнем Ближнем Востоке существовал интернациональный, общий для многих стран и народов корпус «притчевой» литературы Сходства между сочинением Аменемопе и книгой Притч несомненно, свидетельствуют о том, что в ветхозаветную эпоху «притчевая» литература не знала национальных границ

Папирусный свиток «Поучения Аменемопе» был приобретен Британским Музеем в 1888 году... Датировка данного текста спорна Предлагаемые датировки укладываются в интервал между 1000 и 600 годами до нашей эры... Возможно, оригинал был создан в конце XVIII или в начале XIX династий (ок 1300 до н э), когда контакты между Египтом и сиропалестинским регионом были особенно интенсивны

Вторая глава

Остерегайся грабить несчастного
Или кичиться могуществом перед мужем с надломленной рукой
Не простирай свою руку, чтобы отогнать старика
Или перегнать пожилого
Да не будешь ты отправлен с негодным поручением,
5 Не люби того, кто его выполнит
Не возвышай голос против обиженного тобой,
И не перечь ему, чтобы оправдаться
Содеявшего зло покидает речной берег,
10 И затопленная земля уносит его прочь
Северный ветер сходит с неба, чтобы закончить его час,
Вместе с ним идет буря,
Гремит гром, ярятся крокодилы
Горячая голова хорошо ли тебе?
15 Он вопиет, возвышает голос до небес
О Луна освети его преступление!
Правь, чтобы мы перевезли злодея на другой берег,
Ибо мы не будем похожи на него —
Возвысь его, дай ему свою руку,
20 Оставь его (в) руках бога
Наполни его брюхо хлебами, которые есть у тебя
Чтобы насытился он и опустил глаза

ПРИМЕЧАНИЯ

Строки 1 сл Ср Притчи 22 22 *Муж с надломленной рукой* — т е беспомощный, ср схожий оборот в еврейском применительно к слабости фараона (Иез, 30 21сл 24) и Моава (Иер 48 25)

Строка 4. ...перегнать — т. е. не дать пожилому человеку высказаться

Строка 9. ...речной берег покидает его. Возможно, имеется в виду, что он осыпается у него под ногами, из-за того что размыт наводнением.

Строка 16. О Луна. Луна была символом Тота, бога с головой ибиса, который председательствовал на Суде мертвых, когда сердце человека взвешивалось вместе с пером Истины. Эта сцена часто изображалась в копиях Книги Мертвых.

Строки 17—22. Этот примечательный пассаж ярко контрастирует с «законом возмездия» (*lex talionis*) древности.

Строка 18. Ср. Притчи, 24, 29

Строка 20. Ср Второзаконие, 33, 27.

Строки 21 сл. Ср Притчи, 25, 21. *Опустил глаза*, т е устыдился

Шестая глава

Не убирай камень с межи пахотной земли,
Не изменяй положения измерительного шнура;
Не алкай [даже] локтя [чужой] земли
И не передвигай межи вдовы...
5. Остерегайся передвигать межи полей,
Чтобы ужас не унес тебя прочь...
Лучше бедность в стране бога,
Чем богатства в кладовой;
Лучше [есть] хлеб со счастливым сердцем,
10. Чем [обладать] богатствами, терзаясь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Строки 1—4. Ср. Притчи, 23, 10 (также 22, 28)

Строки 5 сл. Ср. Притчи, 23, 11.

Строки 7—10. Ср. Притчи, 15, 16 сл., 17, 1.

Седьмая глава

Не устремляйся сердцем к богатству;
Шаи и Рененут ведают [все].
Не прилепляйся сердцем ко внешнему;
Каждый человек принадлежит своему часу.
5. Не трудись, ища прибытка;
Нужды твои безопасны для тебя.

Если богатства достаются тебе грабежом,
Они не будут ночевать с тобой;
На заре их не окажется в твоем доме:
10. Где они были — увидишь, а сами богатства — нет.
Земля разверзла уста: «Пусть он войдет,
чтобы быть проглоченным»,
Они погружаются в преисподнюю.
Они сделали для себя просторную одежду по своему размеру
И погрузились в кладовую.
15. Словно гуси, они приделали себе крылья
И улетели на небо.
Не радуйся богатствам, (что добыты) грабежом.
И не стенай от бедности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Строка 2. Шаи и Рененут — божества судьбы Возможно, лучший перевод — «Рок и Доля»

Строка 4. своему часу Возможно, это аллюзия на гороскоп

Строки 5—16. Ср примечательную параллель из книги Притч, 23, 4 сл

Строка 11. Пусть он войдет... — описательный эпитет всепожирающих уст земли.

Строка 15. Гуси В книге Притч (23, 5) исчезновение богатств сравнивается с полетом орла

Тринадцатая глава

Не вреди человеку, [воля] тростником по папирусу.
О мерзкий богу!
Не свидетельствуй лживыми словами,
Не ищи погубить другого своим языком.
5. Не тягайся с тем, у кого нет ничего,
Не используй писчий тростник для лжи.
Если ты нашел большой долг за бедняком,
Раздели его на три части,
Две прости, а одна пусть останется.
10. Чтобы найти тебе этим путь в жизни.
Ты будешь лежать — ночь спешит прочь — (вот!) настало утро
Ты встретил его, как благую весть.
Лучше слава любящего людей,

Чем богатства в кладовых;
15. Лучше [есть] хлеб со счастливым сердцем,
Чем [обладать] богатствами, терзаясь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Строка 6. Ср Иер 8, 8

Строки 7—10. Высказано предположение, что трудная для понимания притча о неверном управителе из Евангелия от Луки (16, 1 сл.), отсутствующая в других Евангелиях, может быть реминисценцией этих строк

Строки 13 сл Ср Притчи, 16, 8, 17, 1

Тридцатая глава

Перечитывай эти тридцать глав;
Они услаждают; они поучают;
Они — важнейшие из книг;
Они наставляют несведущего.
5. Если их читать вслух в присутствии невежды,
То он будет очищен благодаря им.
Наполнись ими; помести их в своем сердце
И умей объяснять их,
Толкуя их, как учитель.
10. Что же до писца, опытного в своей службе,
То он будет достоин того, чтобы быть придворным.

Колофон

Подошло к концу
Записанное Сену, сыном Отца Бога Памиу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Строка 1. Ср. Притчи, 22, 20.

Строки 10 сл. Ср Притчи, 22, 29.

Строки 12 сл Колофон фиксирует успешное завершение переписывания текста и содержит имя переписчика. Это обычный эпилог египетских книг. *Отец Бога* — титул, присвоенный классу старших храмовых жрецов.

D. Winton Thomas (ed), *Documents from Old Testament Times*, London, Thomas Nelson, 1958

ГРЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

274
«А Я ВЕДЬ ТОЛЬКО СМЕРТНЫЙ...»

(Эсхил, «Агамемнон», 914–930)

Служанки Клитемнестры расстилают пышный ковер между колесницей и дверью; говорит Агамемнон:

Дочь Леды, дома царского охранница!
Твои слова под стать разлуке длительной:
Ты говорила долго. Но приятнее
Хвалы почетный дар из рук чужих принять.
Не услаждай речами: я не женщина.
Не нужно предо мной, как перед варваром,
С отверстым ртом сгибаться в три погибели,
Не нужно, всем на зависть, стлать мне под ноги
Ковры. Такие почести к лицу богам.
А я ведь только смертный, и по пурпуру
Без страха и сомненья мне нельзя шагать.
Пусть не как бога чтут меня — как воина.
Не пышные подстилки пестротканные —
Молва меня прославит. Да, умеренность —
Вот лучший дар богов, и тот, кто кончит жизнь
В благополучье, тот блажен поистине,
Так я сказал, и слову буду верен я.

Перевод С. Апта

ВЕРОВАНИЯ ДЖАЙНОВ

275
ДЖАЙНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КАРМЕ

(«Сутракританга», I, 2, 1)

Джайны верят в то, что основные положения их учения были оглашены в седой древности (само собой разумеется, в мифическую эпоху) чередой

пророков, или основателей религии, называвшихся Тиртханкарами («Устроителями переправы»). Ришабхадатта, к которому возводится нижеприведенный текст, был первым Тиртханкарой.

(Ришабхадатта сказал своим сыновьям):

Приобретайте совершенное знание Закона! Почему вы не изучаете его? Трудно обрести наставления в нем после этой жизни. Дни (что уж прошли) никогда не вернутся, и нелегко вторично родиться человеком.

Смотрите, юноши и старики, умирают даже дети в материнском чреве. Как ястреб схватывает перепела, так (жизнь) окончится, когда истратится срок.

(Человек) может пострадать ради своих родителей, нелегко ему будет обрести счастье после этой жизни. Благочестивый должен считать это причиной опасности и прекратить действовать.

Ибо в этом мире каждое живое существо страдает за свои деяния, за деяние, совершенное каждым, они обретают (наказание), от которого им не избавиться, пока они его не почувствуют.

Даже боги, гандхарвы, ракшасы и асуры, наземные животные и змеи, цари, простолюдины, купцы и брахманы — все они должны оставить свои чин и страдать.

Несмотря на свои услады и отношения, все люди должны испытать в надлежащее время плоды своих дел; как кокосовый орех, отделяясь от черешка, (падает вниз), так закончится (жизнь), когда истратится срок.

Даже весьма ученый или добродетельный муж, брахман или аскет будет строго наказан за свое деяние, если он предается действиям обмана.

Смотри, (еретики), ищущие познания истины, но не переходящие через сансару, только болтают о высшем благе (не достигая его).

Как ты поймешь, что рядом с тобой, а что далеко? Тем временем ты страдаешь за свои дела.

Тот, кто ходит нагим и тощим, кто ест только раз в месяц, — если он полон обмана, то он будет рождаться бесконечное число раз.

Человек, прекрати грешить! Ибо жизнь людей подойдет к концу. Люди утонувшие (в похоти) и предавшиеся наслаждению, будут обмануты, ведь они не владеют собой.

Упражняй себя и владей собой! Ибо нелегко ходить путями, на которых кишат крохотные живые существа. Следуй заповедям, прекрасно провозглашенным архатами.

Герои (веры), отрешающиеся (от грехов) и справедливо обуздывающие себя, подавляющие гнев, страх и прочее, не станут убивать живых существ; они отрешены от грехов и совершенно счастливы.

Страдаю не только я, страдают все твари в мире, об этом должен помнить мудрый, он должен терпеливо сносить (бедствия), поражающие его, и не давать выхода страстям.

Как стена, оштукатуренная коровьим навозом, истончается от удара, так и монах должен истончать свое тело постом и прочим. Он должен воздерживаться от убийства живых существ. Таков Закон, провозглашенный Мудрым.

Как птица, покрытая пылью, очищает перья, отряхиваясь, так достойный и строгий брахман, раскаиваясь, уничтожает свою карму.

Молодые и старики зовут бездомного шрамана своим, хотя он просит подаяние, согласно Закону, соблюдает правила поведения и предается аскезе. Пусть себе люди рыдают хриплыми голосами, но они не пленят его.

Что бы ни делали они, чтобы разжалобить его, как бы они ни оплакивали своего сына, они не пленят достойного и добродетельного монаха, не заставят его вернуться к домашнему очагу.

Пускай они искушают его удовольствиями, пускай свяжут его и унесут домой, — если он не заботится о (мирской) жизни, они не пленят его и не заставят его вернуться к домашнему очагу.

Отец его и мать, дети и жена, притязающие на него, увещевают его: «Смотри, ты наша единственная опора; не заботься о следующем мире, лучше поддержи нас».

Некоторые люди (неразумно) привязаны к другим, обманывая себя; неправедные заставляют их принять неправедность, и они ликуют в своей злобности.

Поэтому достойный и мудрый человек должен быть осторожен, отрешаясь от греха и будучи совершенно счастлив. Добродетельные герои веры (избрали) большую дорогу, правильный и верный путь к совершенству.

Тот, кто вступил на путь, ведущий к уничтожению (кармы), кто владеет своим духом, речью и телом, кто отказался от имущества и родства и всех начинаний, должен жить, подавляя свои чувства.

H. Jacobi, *Jaina Sutras*, Part II, in *Sacred Books of the East*, XLV6 Oxford, 1895, pp 249–253

БУДДИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР И ФИЛОСОФ: АШОКА

Эдикты Ашоки

Ашока (ок. 274–232 до н. э.) — император и завоеватель, которого охватило раскаяние после краткой, но кровопролитной Калингской войны.

Выводы, извлеченные им из раскаяния, обнаружили в нем настоящего философа — политического философа, выразившего свои взгляды в указах и законах. В Наскальных указах он объявлял о своих идеалах и целях соседям и жившим вдоль границ подданным; Колонные указы воздвигались в важных частях империи, провозглашая нравственные и социальные задачи Ашоки; Пещерными указами учреждались места религиозного культа. Ашока показал себя также этическим философом, для которого завоевание Дхармой (*Дхарма-виджая*), праведностью и нравственностью, стало заменой завоеваний силой оружия. Он был религиозным вождем, обратившимся от внешнего культа к внутренним раздумьям, от временных благ к вечным истинам. Но прежде всего он был учителем, и в первую очередь учителем понимания и терпимости.

Ашока обобщает свое учение одним-единственным словом: «Дхарма». Его эдикты показывают, что он видел свою миссию в определении, обнародовании и пропаганде Дхармы; сила и оригинальность его учения подчеркиваются значением, которое он придал этому неоднозначному термину. «Дхарма» — это прозрения и наставления религии и благочестия; это также принципы и предписания этики и нравственности*. С замечательной ясностью Ашока осознал взаимосвязь различных уровней нравственной жизни — обязанностей человека, обусловленных его жизненным статусом, порядка, лежащего в основе мироздания, и истины, различимой в этом порядке, уз, объединяющих людей в семьи, общины, религии и народы, фундаментальной интуиции, находящей различное выражение в различных культурах и религиях... Нравственность — это руководство к действию, самоосуществлению и счастью; она достигается с помощью действия, укрепляется учением и охраняется законами, обеспечивая, в свою очередь основу политики, воспитания и правосудия; она раскрывается посредством самопознания, размышления и обращения и требует отказа от всего, что ей противоречит.

Свой интерес к Дхарме Ашока мотивирует раскаянием в насильственной и жестокой Калингской войне. Смена умонастроения, к которой его привели размышления о войне, вдохновила его на обнародование указов, целью которых

---

* «Анализ эдиктов Ашоки свидетельствует, что Дхарма включала в себя ряд правил повседневного образа жизни и поведения, которым должны были следовать все жители империи, независимо от их социального статуса, религии, кастового положения, этнической принадлежности. Согласно эдиктам, правила эти предусматривали послушание родителям, уважение к учителям и старшим, почитание брахманов и шраманов, хорошее отношение к рабам и слугам, друзьям, родственникам, щедрость в подаяниях, воздержание от жестокости и скупости, неубиение живых существ и т. д. Дхарма была прежде всего комплексом этических, а не религиозных норм, и ее распространение и утверждение в немалой мере диктовались политическими соображениями — необходимостью укрепления империи». (Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. — М., 1985, с. 242).

была нравственная реформа. Его интересы повсюду обнаруживают практическую ориентацию. Ашока посвятил себя изучению Дхармы, деятельности сообразно Дхарме и внедрению Дхармы, но эти три аспекта неразделимы — изучение Дхармы переводит Дхарму в конкретное действие, действие сообразно Дхарме предоставляет образцы для ее внедрения, а внедрение Дхармы, хотя оно и зависит от обучения, надзора, управления и учреждений, достигается в конце концов только благодаря размышлениям и исследованиям.

The Edicts of Ashoka, ed. and transl. by N.A. Nicam and R. McKeon, Chicago, University of Chicago Press, 1959, pp. 9—12.

276

ЦАРЬ АШОКА О БЕССМЫСЛЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ И «ЦЕРЕМОНИЯХ ДХАРМЫ»

(*«Наскальный указ» IX*)

Царь Приядарши, любимец богов, говорит: люди совершают различные церемонии. Церемонии эти совершаются по различным поводам: по поводу болезни, брака сына или дочери, рождения детей, отъезда в путешествие. Женщины особенно часто прибегают ко множеству разнообразных, пустых и бессмысленных церемоний.

Это правильно, что совершаются церемонии. Но этот их сорт приносит мало плодов. Церемония Дхармы (*Дхарма-мангала*), напротив, весьма плодотворна. Она заключается в надлежащем обращении с рабами и слугами, в почтении к наставникам, в умерении насилия над живыми существами, в щедрости к жрецам и аскетам. Эти и схожие с ними деяния называются церемониями Дхармы.

Поэтому отец, сын, брат, хозяин, друг, знакомый или даже сосед, несомненно, скажет об этих действиях: «Они благи, они должны совершаться, пока не будет достигнута их цель. Я буду совершать их».

Прочие церемонии имеют сомнительную ценность. Иногда они достигают своей цели, иногда нет. Более того, цели, ради которых они совершаются, ограничены этим миром.

Церемония Дхармы, с другой стороны, не ограничена временем. Даже если она не достигает своей цели в этом мире, она производит безграничную заслугу в следующем мире. Но если она достигает своей цели в этом мире, она производит двойное действие: цель, желаемую в этом мире, и безграничную заслугу в следующем.

Сказано также о том, что щедрость похвальна. Но нет большей щедрости, чем дарение Дхармы или помощь Дхармой. Поэтому пусть требует друг, благожелатель, родич или приятель: «Сделай это; это похвально. Поступая так, ты можешь попасть на небо». А что более достойно стремления, чем попасть на небо?

The Edicts of Ashoka, ed and transl. by N.A. Nicam and R McKeon, Chicago, University of Chicago Press, 1959, pp 46–47

277

ПЕРЕМЕНИВ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ, АШОКА ПРОВОЗГЛАШАЕТ ИДЕАЛ ЗАВОЕВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ДХАРМЫ

(*«Наскальный указ» XIII*)

Страна калингов [совр. Орисса] была завоевана царем Приядарши, любимцем богов, на восьмом году его царствования. Сто пятьдесят тысяч человек были уведены в плен, сто тысяч убиты, и многократно большее число людей умерло.

Теперь [возникли] строгая [забота] об охране Дхармы, любовь к Дхарме, [стремление] к наставлению в Дхарме.

Вот появилось раскаяние у Угодного богам после завоевания страны калинов. Ибо он почувствовал глубокую грусть и сожаление оттого, что покорение непокоренного прежде народа влечет за собой резню, смерть и выселение.

Но есть и более веское основание для сожалений царя. *Брахманы* и *шраманы* [жреческие и аскетические ордена*] так же, как последователи иных религий и домоправители, — все те, кто выказывал повиновение начальникам, родителям и учителям, должную любезность и твердую преданность друзьям, знакомым, товарищам, родичам, рабам и слугам, — все они страдают от обид, казней и выселения, постигших тех, кого они любили. Даже те, кто избежал бедствия сам, глубоко потрясены несчастьями, от которых пострадали их друзья, знакомые, товарищи и родичи, к которым они испытывают неослабевающую приязнь. Таким образом, все люди имеют свою долю в несчастье, и это обременяет дух царя Приядарши.

---

* *Жрецы брахманы и аскеты, исповедующие буддизм и другие «неортодоксальные» религии. — Прим. ред*

[Более того, нет ни одной страны, кроме страны яванов [т. е. греков], где не было бы брахманов и буддийских аскетов] и нет такого места, где люди не исповедовали бы ту или иную веру.

Поэтому, даже если бы число людей убитых, умерших или выселенных во время Калингской войны составляло бы только одну сотую или тысячную от их действительного числа, это все равно тяготило бы дух царя.

Ныне царь Приядарши думает, что даже тот, кто вредит ему, должен быть прощен за вред, который поддается прощению.

Царь Приядарши стремится побудить даже лесные народы, подпавшие под его власть [т. е. первобытные народы в отдаленных уголках завоеванной территории], принять его образ жизни и этот идеал. Он, однако, напоминает им, что, несмотря на раскаяние, он располагает карающей властью, чтобы побудить их отказаться от своих преступлений и избежать казни.

Ибо царь Приядарши желает безопасности, самообладания, беспристрастности и радости все живым существам.

Царь Приядарши считает нравственное завоевание [т. е. завоевание посредством Дхармы, *Дхарма-виджая*] самым важным завоеванием. Он совершил это нравственное завоевание неоднократно и здесь и среди народов, живущих за пределами его царства — на расстоянии шестисот йоджан [примерно трех тысяч миль], где правит царь яванов [т.е греков] Антийока, и еще дальше — в царствах четырех царей по имени Турамая, Антикини, Мака и Аликасудра[1], а на юге среди чолов и пандьев [на южной оконечности Индостана] до самого Цейлона.

Также и здесь, в стране царя, среди яванов [жители северо-западной приграничной провинции, вероятно, греки] и камбоджей [соседи яванов], среди набхаков и набхапанкти [вероятно, жили вдоль гималайской границы], среди бходжей и пайтрьяников, среди андхров и паулиндов [народности Индостана], повсюду люди внимают его наставлениям в Дхарме.

Даже в тех странах, куда не доходили послы царя Приядарши, люди слышали о Дхарме, как и о велениях и поучениях Его Величества, посвященных Дхарме, и соблюдают Дхарму и будут соблюдать впредь.

Где бы ни случилось завоевание с помощью Дхармы, оно порождает удовлетворение. Удовлетворение прочно утверждено благодаря завоеванию с помощью Дхармы, [ибо оно не создает противостояния между завоевателями и завоеванными]. Однако даже удовлетворение мало что значит. Царь Приядарши придает высшее значение только последствиям деяния в ином мире.

Указ о Дхарме был написан так, чтобы мои сыновья и внуки, которые придут после меня, не считали бы новые завоевания достойными стремления. Если же они приступят к завоеваниям, то пусть находят удовольствие в умеренности и мягких наказаниях. Пусть знают, что только нравственное завоевание — истинное завоевание.

Таково благо, ныне и во веки веков. Пусть их удовольствие будет удовольствием от нравственности [Дхарма-рати]. Ибо только это — благо ныне и во веки веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пять упоминаемых здесь царей идентифицируются следующим образом Антийока — Антиох II Теос, царь Сирии (261–246 до н. э.); Турамая — Птолемей II Филадельф, царь Египта (285–247 до н. э.), Антикини — Антигон Гонат, царь Македонии (278–239 до н. э.), Мака — Маг Киренский (300–258 до н. э.) Аликасудра — Александр Эпирский (272?–258 до н. э.) Данное место чрезвычайно важно не только для датировки событий в правление Ашоки, но и для понимания обширности международных связей в то время Кроме того, оно указывает на 258 год как на дату, когда все пять царей могли упоминаться одновременно а значит, устанавливает приблизительное время выхода указа

The Edicts of Ashoka, ed and transl by N A Nicam and R McKeon Chicago, University of Chicago Press, 1959, pp. 27–30

278

ЦАРЬ АШОКА ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ

(«Наскальный указ» XII)

Царь Приядарши, угодный богам, поощряет все группы странствующих отшельников, мирских людей даяниями и другими способами. Но угодный богам не столь считается с подаянием и поклонением и [видит главное] в развитии основных положений в учениях всех групп.

Это развитие может принимать различные виды, но его корень — осторожность речи, избегающая превозносить собственную веру и поносить чужую неподобающим или — при возможности — неумеренным образом

Пусть почитается и чужая вера при каждом удобном случае. Если делают так, то развивают свою веру и помогают чужой. Если поступают наоборот, то разрушают свою веру и вредят чужой. Ибо если человек превозносит собственную веру и поносит другую из-за преданности своей вере и желания прославить ее, то он вредит собственной вере.

Посему похвально только согласие, ибо благодаря согласию люди могут усваивать и уважать понимание Дхармы, принятое другими.

Царь Приядарши желает, чтобы люди всех вер знали учения друг друга и обретали здравые учения. Тем, что преданы своей особой вере, надлежит сообщить, что царь Приядарши не ценит ни даров, ни почестей настолько, насколько чтит развитие качеств, необходимых для веры людям всех религий.

Многим чиновникам даны поручения, направленные к этой цели, — ответственным за распространение Дхармы, смотрителям за женщинами в царских дворцах, надзирающим за скотом и пастбищами и другим чиновникам.

Назначение этих мер — это продвижение особой веры каждого и прославление Дхармы.

The Edicts of Ashoka, ed and transl by N A Nikam and R McKeon, Chicago, University of Chicago Press, 1959, pp 51–52.

279

АШОКА ПРОТИВ АГРЕССИИ И ТРЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

(«Калингский указ» II)

Царь Приядарши говорит:

Я повелеваю, чтобы нижеследующие наставления были сообщены моему наместнику в Самапе:

Когда я замечаю нечто правое, я хочу претворить это в жизнь и я хочу, чтобы были выработаны действенные средства для достижения этого Мое главное средство для этого — передать тебе мои наставления.

Все люди — мои дети. Как я стремлюсь к благополучию и счастью моих собственных детей в этом мире и следующем, так же я стремлюсь к благополучию и счастью всех людей.

Пусть дивятся непокоренные народы вдоль границ моих владений моему отношению к ним. Единственное, чего я желаю от них, — это чтобы они не боялись меня, но доверяли мне, чтобы они ожидали от меня только счастья, а не бед, чтобы они понимали, что я прощу те их проступки, которые позволительно простить, чтобы, глядя на мой пример, они пожелали соблюдать Дхарму и чтобы они обрели счастье в этом мире и следующем.

Я передаю тебе эти наставления, чтобы оплатить мой долг [перед ними], наставляя тебя и уведомляя тебя о моей воле, моей несокрушимой решимо-

сти и уверенности. Ты должен исполнять свои обязанности, как я предписываю, и упрочивать их доверие к царю, убеждая их в том, что он для них, точно отец, что он любит их, как любит себя самого, и что они для него как родные дети.

Наставив тебя и уведомив тебя о своей воле, своей несокрушимой решимости и уверенности, я назначу чиновников для исполнения этой программы во всех провинциях. Вы способны внушить приграничным народам доверие ко мне, укрепить их благополучие и счастье в этом мире и следующем. Тем самым вы тоже достигнете неба и поможете мне отдать мои долги народу.

Этот указ был записан здесь, чтобы мои чиновники всегда внушали народам соседних стран доверие ко мне и побуждали их соблюдать Дхарму.

Этот указ должен оглашаться раз в четыре месяца [в начале трех времен года — жаркого, дождливого и холодного] в дни Тисья [т. е. когда луна находится в созвездии Тисья, Сириуса]; он может также оглашаться в промежутках между этими днями, а в подходящих случаях может зачитываться отдельным людям.

Поступая так, вы исполните мои повеления.

The Edicts of Ashoka, ed. and transl. by N. A. Nikam and R. McKeon, Chicago, University of Chicago Press, 1959, pp. 53–54

КОНФУЦИЙ

280

ЗОЛОТОЙ ВЕК: КОНФУЦИАНСКИЙ ВЕК ВЕЛИКОГО ЕДИНЕНИЯ (ДАТУН)

(«Лицзи», 9)

Однажды Конфуций принимал участие в зимнем жертвоприношении. По окончании обряда он пошел прогуляться на вершину городских ворот, огорченно вздыхая. Он вздыхал о царстве Лу.

Его ученик Цзы-лу, находившийся рядом с ним, спросил: «О чем вздыхает господин?»

Конфуций ответил: «Соблюдение Великого Пути, знатные мужи Трех династий — никогда не узнаю я их лично. И все же они вдохновляют мое честолюбие! Когда шли по Великому Пути, Поднебесная принадлежала всем, <для управления> избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчин, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым <считалось> тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя: нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось <работать> только для себя. По этой причине не возникали <злые> замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось Великим Единением (*Датун*).

Путеводными нитями стали ритуал (*ли*) и долг. С их помощью упорядочивают <отношения> государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов. С их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих замыслах, ради них подъемлют оружие. В соответствии с ними избирались <на царство> Юй и Тан, Вэнь-ван и У-ван, Чэнь-ван и Чжоу-гун. Среди этих шестерых благородных мужей не было ни одного, кто не почитал бы ритуал. С ним сверяли свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто не следовал ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называется Малым благоденствием (*Сяокан*).

Wm. Theodore de Bary (ed.). *Sources of Chinese Tradition*. New York, Columbia University Press, 1960, pp. 191–192

281

УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ

(«Луньюй»)

«Конфуций» — это латинизированная форма имени Кун-фу-цзы, или «Учитель Кун», титула, которым его величают обычно в Китае. Конфуций родился в 551 году до нашей эры на территории современной провинции

Шаньдун. Его отец умер, когда он был еще очень мал, поэтому юноше пришлось самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни. Конфуций считал, что его дело — это политика, и посвятил себя упорным поискам в китайских государствах правителя, который пожелал бы воспользоваться его услугами и идеями в управлении. Однако в целом его политическая карьера не удалась, и он все больше сосредоточивался на обучении юношей. Рассказывают, что у него было около трехсот учеников. Он умер в 479 году.

Учитель сказал: В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал Волю Неба. В шестьдесят лет я научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям своего сердца и не нарушал ритуала (II, 4).

Учитель в царстве Ци услышал музыку *шао* и настолько был покорен ею, что в течение трех месяцев не чувствовал потом вкуса мяса (Сыма Цянь, «Исторические записки», X, 17).

Учитель сказал: «Когда трое в пути, то один из них, несомненно, может быть моим Учителем. Я выбираю то, что есть доброго, и следую ему, а недоброе должно предостеречь и помочь исправиться» (VII, 21).

Конфуций сказал: «Я передаю, но не создаю: я верю в древность (*гу*) и люблю ее. В этом я подобен старцу Пэну*» (VII, 1).

Учитель сказал: «Иногда я проводил целый день без пищи и целую ночь без сна, предаваясь размышлениям. От этого не было проку. Лучше учиться» (XV, 30).

Были четыре вещи, которые Конфуций стремился искоренить: предвзятый ум, пристрастные суждения, упрямство и эгоизм (IX, 4).

Учитель сказал: «Знающие истину не могут сравниться с теми, кто ее любит; любящие ее — с теми, кто наслаждается ею» (VI, 18).

Конфуций сказал: «Если на рассвете познаешь Дао, то на закате Солнца можешь умереть» (IV, 8).

Человеколюбие (жэнь)

Фань-чи спросил, что такое человеколюбие. Конфуций ответил: «Это значит любить людей» (XII, 22).

Цзы-чжан спросил Конфуция о человеколюбии. Конфуций ответил: «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять <качеств>, является человеколюбивым. <Цзы-чжан> спросил о них. <Конфуций> ответил

* Старец Пэн (Лао Пэн, Пэн-цзу) — легендарный долгожитель, проживший 767 лет. Этот дар он получил за то, что преподнес Верховному небесному владыке суп из фазана — *Прим. ред.*

«Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то он добивается приязни многих. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, то он добивается успеха. Если человек добр, то он может использовать других» (XVII, 6).

Конфуций сказал: «Без человечности человек не может долго выдерживать несчастья и долго наслаждаться счастьем. Человеческое обретается в человечности; мудрец находит это благотворным» (IV, 2).

Учитель сказал: «Только обладающий человеколюбием может любить <кого-то из> людей и ненавидеть <кого-то из> людей» (IV, 3).

Сыновняя почтительность

Цзы Ю спросил, что такое сыновняя почтительность. Учитель ответил: «Ныне <некоторые> называют сыновней почтительностью то, что они кормят своих родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. Если это делается без глубокого почтения, то в чем здесь разница?» (II, 7).

Цзы Ся спрашивал, что такое сыновняя почтительность. Конфуций сказал: «Образ действий, вот в чем настоящая трудность. Когда что-то надлежит сделать, молодежь берется за это; когда старикам подают вино и еду — разве только в этом состоит сыновняя почтительность?» (II, 8).

Отношение к религии

Цзы Лу спрашивал о почитании призраков и духов. Конфуций сказал: «Мы до сих пор не знаем, как служить людям, как же мы можем знать о служении духам?» — «А что такое смерть», был следующий вопрос. Конфуций сказал: «Мы еще не знаем, что такое жизнь, откуда же нам знать о том, что такое смерть?» (XI, 11).

Фань-чи спрашивал, что такое мудрость. Конфуций сказал: «Посвяти себя подлинным нуждам людей, уважай призраков и духов, но держи их на отдалении, — вот что может быть названо мудростью» (VI, 20).

Wm. Theodore de Bary (ed.), *Sources of Chinese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1960, pp. 24–25, 28–31

БУДДА ОБЪЯСНЯЕТ СРЕДИННЫЙ ПУТЬ

282

ПРИТЧА О СТРЕЛЕ: ГАУТАМА БУДДА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОБСУЖДАТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

(«Маджджхиманикайя», I, 426 сл. [LXII «Чула-малункья-сутта»])

Так я слышал: Однажды Бхагаван жил близ Саваттхи в Джетаване, что в парке Анатхапиндики. И вот старший Малункьяпутта удалился от мира, и когда он предавался размышлениям, ему пришла в голову мысль: «Эти вопросы остались необъясненными Бхагаваном, отставленными в сторону и отброшенными: вечен мир или не вечен, конечен мир или не конечен, одно и то же или нет жизнь души и тела либо душа — это одно, а тело — другое, существует ли Будда (Татхагата) после смерти или не существует, либо же Будда и существует и не существует после смерти, либо же Будда не существует и не не существует после смерти — эти вопросы Бхагаван не разъяснил мне, и то, что он не разъяснил, не радует меня, это не подобает мне. Приближусь я к Бхагавану и спрошу его об этом... Если Бхагаван мне не ответит, то я брошу аскезу и вернусь к мирской жизни»

[Когда Малункьяпутта приблизился и задал свои вопросы, Бхагаван ответил:] «Скажи, Малункьяпутта, разве я когда-либо говорил тебе: «Приходи, Малункьяпутта, чтобы жить со мной отшельнической жизнью, и я отвечу тебе, вечен мир или нет [и на все остальные вопросы]?» — «Нет, почтенный господин». — «Всякий, Малункьяпутта, кто скажет: «Не буду жить с Бхагаваном отшельнической жизнью, пока он не объяснит мне, вечен мир или нет [и т. д.]...» — он умрет, Малункьяпутта, так и не получив разъяснений. Это все равно, как если бы кто-то был ранен стрелой, густо смазанной ядом, и его друзья, товарищи, родичи и соплеменники собирались позвать врача, чтобы исцелить его, а он сказал бы: «Я не дам

вынуть стрелу, пока не узнаю, кем я был ранен, и принадлежит ли он к касте воинов, брахманов, земледельцев или к низшей касте». Или если бы он сказал: «Я не дам вынуть стрелу, пока не узнаю его имя и из какой он семьи... высок он или низок, или среднего роста... черные у него волосы, темные или русые... из какой деревни, поселения или города он происходит... или пока я не узнаю, из какого лука я был ранен, пока не узнаю, из чего была сделана тетива — из сваловня, бамбукового волокна, жилы или пеньки, пока не узнаю, из какого — дикого или культурного — растения было древко... было оно оперено пером коршуна, журавля или ястреба, или павлина или птицы ситхилахану... и было перо обмотано жилой быка, вола, оленя руру или обезьяны... пока не узнаю, была ли то обычная стрела, стрела-бритва или веканда, была ли то железная стрела или стрела из зуба теленка или из листа каравира». Этот человек умрет, Малункьяпутта, так и не узнав ничего из этого.

Отшельническая жизнь вовсе не зависит от того, вечен мир или нет, Малункьяпутта; *вовсе не от того, вечен мир или нет, зависит отшельническая* жизнь. Вечен мир или не вечен, все равно существует новое рождение, старость, смерть, скорбь, плач, страдание, боль и отчаяние, уничтожение которых еще в этой жизни я провозглашаю. Это основано вовсе не на том, что мир конечен... Это основано не на том, что Татхагата существует после смерти... Посему, Малункьяпутта, считай необъясненным то, что я не объяснил, а объясненным то, что я объяснил. И что же, Малункьяпутта, я не объяснил? Вечен ли мир, я не объяснил, или невечен мир... не существует и не не-существует ли Татхагата после смерти, я не объяснил. А почему, Малункьяпутта, я не объяснил этого? Потому, Малункьяпутта, что нет в этом пользы, это не связано с основой отшельнической жизни, не ведет к отвращению, отсутствию страсти, прекращению, безмятежности, сверхъестественной способности, совершенному знанию, нирване, вот поэтому я и не объяснял этого.

А что же, Малункьяпутта, я объяснил? Страдание я объяснил, причину страдания, уничтожение страдания и путь, ведущий к уничтожению страдания, я объяснил. Ибо это, Малункьяпутта, полезно, это связано с основой отшельнической жизни; это ведет к отвращению, отсутствию страсти, прекращению, безмятежности, сверхъестественной способности, совершенному знанию, нирване, и поэтому я объяснил это. Посему, Малункьяпутта, считай необъясненным то, что я не объяснил, а объясненным то, что я объяснил». Так говорил Бхагаван и радостно приветствовал старший Малункьяпутта слова Бхагавана.

E. J. Thomas, *Buddhist Scriptures*, London, 1913, pp. 64–67
Cf. Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, vol. I., London, 1926, p. 304 ff.

283

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К МУДРОСТИ И НАПРАВЛЯЮЩИЙ К НИРВАНЕ

(«Махавагга», I, 6, 17–30)

17. И Блаженный обратился к пяти бхикху с такими словами: Есть две крайности, о бхикху, которых должен избегать тот, кто отказался от мира. Что это за крайности? Жизнь, преданная удовольствиям, посвященная удовольствиям и похоти, —унижающая, чувственная, пошлая, низкая и невыгодная; и жизнь, посвященная умерщвлениям, — мучительная, низкая и невыгодная. Избегая двух этих крайностей, о бхикху, Татхагата обрел знание Срединного Пути, ведущего к озарению, ведущего к мудрости, приводящего к покою, знанию, самбодхи, нирване.

18. Каков же, о бхикху, этот Срединный Путь, знание которого обрел Татхагата, — ведущий к озарению, ведущий к мудрости, приводящий к покою, знанию, самбодхи, нирване? Это святой восьмичастный Путь, а именно, правильный взгляд, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильные средства к жизни, правильное усилие, правильное памятование, правильное сосредоточение. Вот это и есть Срединный Путь, знание которого обрел Татхагата, — ведущий к озарению, ведущий к мудрости, приводящий к покою, знанию, самбодхи, нирване.

19. Такова, о бхикху, Благородная Истина о страдании: рождение — это страдание; старение — страдание; смерть — страдание. Соединение с неприятным — страдание, разлука с приятным — страдание, всякое неудовлетворенное желание — страдание. Короче говоря, пять составляющих (*скандха*) [человека] — страдание.

20. Такова, о бхикху, Благородная Истина о причине страдания: жажда, которая ведет к новому рождению, сопровождаемая удовольствием и похотью, обретающая наслаждение здесь и там. (Эта жажда трояка,) а именно: жажда удовольствия, жажда существования, жажда преуспеяния.

21. Такова, о бхикху, Благородная Истина о прекращении страдания: (оно прекращается) вместе с полным прекращением этой жажды — которое состоит в отсутствии всякой страсти — вместе с оставлением этой жажды, вместе с уничтожением ее, с освобождением от нее, с уничтожением желания.

22. Такова, о бхикху, Благородная Истина о Пути, ведущем к прекращению страдания: благородный восьмичастный Путь, то есть: правильный взгляд, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильные средства к жизни, правильное усилие, правильное памятование, правильное сосредоточение...

29. Так говорил Блаженный. Пятеро бхикху радовались и ликовали, слушая слова Блаженного. А когда он договорил, почтенный Конданна обрел чистый и беспорочный Зрак Истины (т. е. знание следующего:) «Все то, что подлежит возникновению, подлежит также и прекращению».

30. А когда Блаженный основал Царство Дхармы (изложив четыре Благородные Истины), живущие на земле *дэвы* вскричали: Воистину Блаженный основал в Бенаресе, в оленьем парке Исипатана, высшее царство Дхармы, которому не могут противостоять ни саманы, ни брахманы, ни дэвы, ни Мара, ни Брахма и никто другой.

T.W.R. Davids and H. Oldenberg, *Vinaya Texts*, part I, in *Sacred Books of the East*, XIII, Oxford, 1881, pp. 94–97.

284
УЧЕНИЯ ПОЛЕЗНЫЕ И БЕСПОЛЕЗНЫЕ

(«Самьюттаникайя», V, 437)

Однажды Бхагаван жил в Косамби в роще сису. Взяв в руку несколько листиков сису, Бхагаван обратился к монахам: «Как вы думаете, монахи, где больше листьев сису — у меня в руке или в роще?» — «Меньше по числу, господин, тех листьев, которые господин взял в руку: тех же, что в роще сису, куда как больше». — «Вот настолько-то более постигнутое мною, но не поведанное вам; я поведал совсем немногое.

А почему, монахи, я не поведал этого? Потому что в этом нет пользы: это не связано с началами жизни по Дхарме и не ведет к отвращению, отсутствию страсти, прекращению, кротости, высшему знанию, просветлению, нирване. Вот почему я не поведал этого.

А что же, монахи, я поведал вам? Вот это — страдание, поведал я; вот это — причина страдания, поведал я; вот это — прекращение страдания, поведал я; вот это — Путь, ведущий к прекращению страдания, поведал я. А почему, монахи, я поведал это? Потому что это полезно, связано с началами жизни по Дхарме и ведет к отвращению, отсутствию страсти, прекращению, кротости, высшему знанию, просветлению, нирване. Вот почему я поведал это.

Посему, монахи, этому себя посвятите: это — страдание, это — причина страдания, это — прекращение страдания, это — Путь, ведущий к прекращению страдания».

E.J. Thomas, *Early Buddhist Scriptures*, London, 1935, pp. 117–118.

285

БУДДА ИЗЛАГАЕТ БЛАГОРОДНЫЙ ВОСЬМИЧАСТНЫЙ ПУТЬ

(«Самьюттаникайя», V, 8)

«Благородный восьмичастный Путь, монахи, изложу я вам и истолкую. Прислушайтесь к нему, поразмыслите над ним хорошенько, я буду говорить». — «Именно так, господин», — ответили монахи Бхагавану.

Бхагаван сказал: «Что такое, монахи, Благородный восьмичастный Путь? Это — правильный взгляд, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильные средства к жизни, правильное усилие, правильное памятование, правильное сосредоточение.

А что такое, монахи, правильный взгляд? Знание о страдании, знание о причине страдания, знание о прекращении страдания и знание о Пути, ведущем к прекращению страдания: вот что, монахи, называется правильным взглядом.

А что такое правильное намерение? Намерение отречься, намерение не вредить, намерение не ранить: вот что, монахи, называется правильным намерением.

А что такое правильная речь? Воздерживаться от лжи, от злословия, от грубости речи, от непристойной речи: вот что, монахи, называется правильной речью.

А что такое правильное поведение? Воздерживаться от отнятия жизни, от отнятия того, что не давали, от полового общения: вот что, монахи, называется правильным поведением.

А что такое правильные средства к жизни? Здесь благородный ученик, оставляя ложный образ жизни, обеспечивает себе существование с помощью правильной жизни: вот что, монахи, называется правильными средствами к жизни.

А что такое правильное усилие? Здесь монах, не производящий дурные и злые мысли, что еще не возникли, упражняет волю, прилагает усилие, начинает совершать усилие, применяет и напрягает свой ум; рассеивая дурные и злые мысли, которые возникли, он упражняет волю, прилагает усилие, начинает совершать усилие, применяет и напрягает свой ум; производя добрые мысли, что еще не возникли, он упражняет волю, прилагает усилие, начинает совершать усилие, применяет и напрягает свой ум; закрепляя, очищая от путаницы, взращивая, увеличивая, развивая и наполняя добрые мысли, что уже возникли, он упражняет волю, прилагает усилие, начинает совершать усилие, применяет и напрягает свой ум: вот что, монахи, называется правильным усилием.

А что такое правильное памятование? Памятование (1) о теле: монах живет в созерцании тела, ревностный, мыслящий и заботливый, рассеивая свое стремление к миру и уныние перед ним; (2) о чувствах: он живет в созерцании чувств, ревностный, мыслящий и заботливый, рассеивая свое стремление к миру и уныние перед ним; (3) о духе: он живет в созерцании духа, ревностный, мыслящий и заботливый, рассеивая свое стремление к миру и уныние перед ним; (4) о мыслях: он живет в созерцании мыслей, ревностный, мыслящий и заботливый, рассеивая свое стремление к миру и уныние перед ним: вот что, монахи, называется правильной заботой.

А что такое правильное сосредоточение (*самадхи*)? Вот, (1) монах, свободный от страстей и злых мыслей, достигает и пребывает в первом самадхи радости и наслаждения, который сопровождается рассуждением и исследованием и возникает из затворничества. (2) С прекращением рассуждения и исследования, в состоянии внутренней безмятежности, устремив свой дух к одной точке, достигая, он пребывает во втором самадхи радости и наслаждения, который возникает из сосредоточения и свободен от рассуждения и исследования. (3) С равнодушием и безразличием к радости, живет он, заботливый и владеющий собой, пока тело его испытывает наслаждение, которое благородные называют «Жизнь с равнодушием, в счастье и заботе», и достигая, он пребывает в третьем самадхи. (4) Рассеивая наслаждение и боль, и даже еще до исчезновения приподнятости и уныния, достигая, он пребывает в четвертом самадхи, который свободен от наслаждения и боли и сопровождается чистотой заботливости и равнодушия: вот что, монахи, называется правильным сосредоточением».

E. J. Thomas, *Early Buddhist Scriptures*, London, 1935, pp. 94–96.

286

ПРИТЧА ОБ ОГНЕ: ТАТХАГАТА ПОДОБЕН ДОГОРЕВШЕМУ ОГНЮ

(«Маджджхиманикайя». I, 485 сл. [LXXII «Агги-ваччхаготта-сутта»])

«Ваччха, воззрение, считающее мир вечным, — это джунгли, дебри, театральное зрелище, извращение, оковы; оно сочетается со страданием, уничтожением, отчаянием и болью и не ведет к отвращению, отсутствию боли, прекращению, безмятежности, сверхъестественной способности, совершенному знанию, нирване... Считая это невыгодным, Ваччха, я, соответственно, и не придерживаюсь этих воззрений». — «Но есть ли у Гаутамы какое-нибудь воззрение?» —

«Татхагата, Ваччха, свободен от воззрений, ибо вот чего придерживается Татхагата: формы, причины формы, уничтожения формы, ощущения, причины ощущения, восприятия, совокупности качеств, сознания, как они возникают и погибают. Поэтому с уничтожением и безразличием, с прекращением и оставлением всего воображаемого, всех возбуждений, всех ложных воззрений о «я» или о принадлежащем к «я» Татхагата обретает свободу, так я говорю».

«Но где снова рождается монах, господин Гаутама, чей дух освобождается таким образом?» — «Не годится, Ваччха, говорить, что он рождается снова». «Тогда, господин Гаутама, он не рождается снова». — «Не годится, Ваччха, говорить, что он не рождается снова». — «Тогда, господин Гаутама, он и рождается снова, и не рождается снова». — «Не годится, Ваччха, говорить, что он и рождается снова и не рождается снова...» — «Я чувствую, господин Гаутама, что относительно этого вопроса я нахожусь в неведении и запутался, и крупица веры, которую я питал к господину Гаутаме благодаря предыдущей беседе, теперь исчезла». — «Довольно неведения и путаницы, Ваччха, ибо глубоко это учение, трудно для узрения и постижения, хорошо, превосходно, за пределами рассуждения, возвышенно, понятно только мудрецу. Трудно его постичь тебе, придерживающемуся других взглядов, другой веры, других наклонностей, другой дисциплины и имеющему другого учителя. Посему, Ваччха, я спрошу тебя вот о чем, а ты ответь, как тебе угодно. Как ты думаешь, Ваччха, если бы перед тобой горел огонь, то ты знал бы, что перед тобой горит огонь?» — «Если бы передо мной горел огонь, господин Гаутама, то я знал бы, что передо мной горит огонь». — «А если бы кто спросил, от чего зависит горящий перед тобой огонь, то как бы ты это объяснил?..» — «Я сказал бы, что огонь, горящий передо мной, зависит от своего влечения к траве и дровам». — «А если бы огонь перед тобой догорел, знал бы ты, что огонь перед тобой догорел?» — «Если бы огонь передо мной догорел, то я знал бы, что огонь догорел». — «А если бы кто-нибудь спросил тебя: «Ваччха, в каком направлении скрылся огонь — восточном, западном, северном или южном?», если бы тебя спросили, что бы ты ответил?» — «Не годится, господин Гаутама, выражаться таким образом, ведь огонь горел оттого, что зависел от своего влечения к траве и дровам, а пожрав их и не получая прибавки, он остается без пищи и, как говорится, угасает». — «И точно так же, Ваччха, та форма, по которой Татхагате приписывается существование, прекращается, вырывается с корнем, выкорчевывается, как веерная пальма, делается несуществующей и не подлежащей новому возникновению в будущем. Татхагата, освобожденный от того, что зовется формой, глубок, неизмерим, труден для постижения, подобен великому океану. Не годится говорить, что он рождается снова, говорить, что он не рождается снова, говорить, что он и рождается и не рождается снова, или отрицать, что он и рождается и не рождается снова».

E.J. Thomas, *Buddhist Scriptures*, London, 1913, pp. 71–73. Cf. Lord Chalmers, *Further Dialogues of the Buddha*, vol. I, London, 1926, p. 342 ff.

287

ПРИТЧА О МАСЛЯНОЙ ЛАМПЕ: УГАСАНИЕ ВОЖДЕЛЕНИЯ

(«Самьюттаникайя». II. 86)

Будда находился в Саваттхи. «Словом, монахи, в том, кто живет, размышляя о наслаждении вещами, которые опутывают, возрастает стремление. Когда причина — стремление, существует цепляние (за жизнь). Когда причина — цепляние (за жизнь), существует становление (желание быть). Когда причина — желание, существует новое рождение. Когда причина — новое рождение, возникают старость и смерть, скорбь, плач, боль, уныние и отчаяние. Такова причина всей этой глыбы боли.

И как, монахи, благодаря маслу и фитилю горит масляная лампа, горит благодаря тому, что кто-то время от времени будет подливать масло и подрезать фитиль, именно так, монахи, масляная лампа с таким питанием, с таким горючим может гореть весьма долгое время.

Именно так, монахи, в том, кто живет, размышляя о наслаждении вещами, которые лишают свободы, возрастает стремление... Такова-то причина всей этой глыбы боли.

В том, монахи, кто размышляет о гнусности вещей, которые опутывают, прекращаются стремления. Вместе со стремлением прекращается цепляние (за жизнь)... Таково прекращение всей этой глыбы боли.

И как, монахи, благодаря маслу и фитилю горит масляная лампа, и если бы никто время от времени не подливал масло и не подрезал фитиль, именно так, монахи, масляная лампа, исчерпавшая все топливо, оставшись без питания, гаснет.

Именно так, монахи, в том, кто живет, размышляя о гнусности вещей, которые опутывают, прекращается стремление. Со стремлением прекращается цепляние (за жизнь). С цеплянием (за жизнь) прекращается желание. С желанием прекращается новое рождение. С новым рождением прекращаются старость и смерть, скорбь, плач, уныние и отчаяние. Таково прекращение всей этой глыбы боли».

E. J. Thomas, *Early Buddhist Scriptures*, London, 1935, pp. 122–123.

288

СОВЕТ БУДДЫ САРИПУТТЕ

(«Сутта Нипата», 964–975)

Бдительный монах, восторженно шествующий по краю,
Не должен страшиться этих пятерых:
Оводов, жалящих пчел и ползучих созданий,
Нападений людей и четвероногих тварей.

Не должен пугаться он и чужих воззрений,
Увидев великие опасности от них;
Так должен сведущий искатель одолевать
Все прочие трудности, которые настигают здесь.

Пораженный болезнью или муками голода,
Холод и жару должен он выносить;
Больно пораженный ими, этот бездомный человек
Должен бодриться и собираться с силами.

Пусть не крадет и не лжет,
Пусть проявляет дружелюбие к слабым и сильным;
А зная беспокойство духа,
Пусть рассеет его тьму, словно мрак Мары.

Да не падет он добычей гнева и гордыни,
Но, подкопав их корни, пусть стоит в равновесии.
И в сражении пусть одолеет все то,
Что ему дорого, что отбрасывает вспять.

Радующийся милому, ведомый мудростью,
Пусть обратит в бегство все здешние тяготы,
Победит неприязнь к своему одинокому жилищу,
Победит четверку, вызывающую его недовольство:

Своевременно получив пищу и одежду,
Он должен знать в них меру для своего довольства;
Живя таким образом, отстраненный и взнузданный,
Он не говорит в селении грубых слов, даже удрученный.

И пусть он не мешкает, но, склонив глаза долу,
Всегда склоняется к размышлению, бодрствует;
И пусть влечется к равновесию, самоустремленный,
Отсекая сомнение, страстное влечение и раздражительность.

Бдительный, пусть он ликует, укоряемый словами,
Вспахивая целину в своих спутниках,
Произносит своевременно мудрое слово,
Не задумываясь о взглядах и пересудах черни.

Бдительный, пусть он упражняет и закаляет
То, что есть в нем от пяти мирских прахов;
Победить вожделение к образам, звукам и вкусам,
Победить вожделение к ароматам и осязаемым вещам

Подавив свое влечение к ним,
Бдительный, полностью освобожденный духом, сей монах,
Изучая предмет, как подобает, со временем
Один, вознесенный, сможет он разорвать мрак.

Так говорил учитель

E. Conze (ed.), *Buddhist Scriptures*. Baltimore, 1959, pp. 77–79.

289

БУДДИЙСКИЙ «ПУТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ»

(«*Дхаммапада*», отрывки)

Хотя «*Дхаммапада*» была признана на соборе Ашоки в 240 году до н. э. собранием изречений Гаутамы, записана она была несколько поколений спустя. Вероятно, в ней наличествуют позднейшие вставки.

Из главы 4: «О цветах»[1]

47. Человека, срывающего цветы, чей ум рассеян, / смерть уносит, как наводнение — спящую деревню[2].

48. Человека, срывающего цветы, чей ум рассеян, / ненасытного в вожделениях, подчиняет себе кончина.

50. Смотри не на ошибки других, не на то, что сделали или не сделали другие, / но на то, что сделал или не сделал ты сам.

51. Яркому цветку с приятной окраской, но лишенному аромата / подобно хорошо сказанное слово, не приносящее плода в деянии.

51. Яркому цветку с приятной окраской, благоуханному, / подобно хорошо сказанное слово, приносящее плод в деянии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По преданию, Будда обратился со стихами из этой главы к 500 женщинам из касты *брахманов*, собиравшим цветы, чтобы пожертвовать их Брахме в надежде избежать царства Ямы (бога Смерти)

[2] Ср. ниже, строфа 287. Ср. также строфу из «Махабхараты»: «Смерть подбирается к человеку, как будто он срывает цветы, погрузившись в мысли о другом, пока его желания не исполнились. Смерть <уносит> человека, собирающего <цветы>, чьи желания не были удовлетворены, как наводнение уносит спящего тигра».

Из главы 5: «О глупцах»

63. Глупец, осознающий свою глупость, тем самым уже мудр, / а глупца, мнящего себя мудрым, поделом называют глупцом.

Из главы 6: «О мудрецах»

76. Смотри на того, кто обнаруживает <твои> недостатки, словно искатель сокровищ. / Знайся с таким мудрецом, умеющим удержать и упрекнуть <тебя>. / Кто знается с таким — тому будет лучше, а не хуже.

78. Не знайся с дурными друзьями, не знайся с низкими людьми. / Знайся с добрыми друзьями, знайся с людьми возвышенными.

83. Праведники продолжают свой путь при любых условиях[1], сто́ящие люди не болтают от избытка вожделения. / Мудрецы не выказывают перемены <настроения>, что́ бы их ни коснулось — счастье или несчастье.

85. Лишь немногие из людей достигают противоположного берега, / а прочие люди только бегают по этому берегу[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеются в виду восемь «земных условий» (*локадхарма*): счастье и несчастье (упомянутые в этой строфе), а также порицание и похвала, слава и бесславие, выгода и невыгода.

[2] «Этот» и «тот» берег — обычные в буддизме метафоры *сансары* и *нирваны* (ср. ниже, строфа 385).

Из главы 7: «Об архатах»

92. У кого нет запасов <имущества>, кто верно смотрит на вкушение пищи, кто глубоко осознал необусловленное освобождение — путь таких людей труднопостижим, как тропа птиц в небесах.

93. Чьи страсти[1] уничтожены, кто равнодушен к пище, кто глубоко осознал необусловленное освобождение — путь таких людей труднопостижим, как след птиц в небесах[2].

94. Чьи чувства укрощены, словно кони, обузданные колесничим, кто подавил гордость и лишен страстей — тому завидуют даже боги[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Страсти (*асава*): похоть (*кама*). жажда жизни (*бхава*). ложные воззрения (*диттхи*). неведение (*авиджджа*).

[2] Этот мотив см. выше, № 21. гимн Варуне из «Ригведы». «Знает он путь-дорогу птиц, / По поднебесью летающих, / Знает и путь морской ладьи» Ср также «Махабхарата», XII. 6763 «Словно птиц по поднебесью, словно рыб в пучине водной / След не виден — точно так же путь обретшего познанье». Ср. также в библейской традиции, «Книга Премудрости Соломона», 5. 10—11. «10 Как после прохождения корабля, идущего по волнующейся воде, невозможно найти следа, ни стези дна его в волнах; 11. или как от птицы, пролетающей по воздуху, никакого не остается знака ее пути, но легкий воздух, ударяемый крыльями и рассекаемый быстротою движения, пройден движущимися крыльями, и после того не осталось никакого знака прохождения по нему.. »

[3] Сравнение тела и души человека с колесницей и колесничим популярно не только в индийской («Катха-упанишада», «Милинда-паньха» и т. д.) традиции, но и в греческой («Федр» Платона)

Из главы 8: «О тысяче»[1]

100. Тысячи речей, сложенных из бессмысленных слов, лучше одно осмысленное слово, услышав которое, обретают душевный мир.

101. Тысячи стихов, сложенных из бессмысленных слов, лучше одна стихотворная строка, услышав которую, обретают душевный мир.

102. Если кто-нибудь прочтет сотню стихов, сложенных из бессмысленных слов, то лучше будет одна стихотворная строка, услышав которую, обретают душевный мир.

103. Если кто-нибудь тысячекратно победит в битве тысячу человек, а другой победит себя одного, то именно последний — величайший победитель в битвах[2].

104. Победа над собой, несомненно, лучше победы над другими людьми: <она будет за тем, кто> покорил самого себя, кто постоянно сдерживает себя.

105. Ни божество, ни *гандхарва*[3], ни Мара вместе с Брахмой не смогут обратить победу такого человека в поражение.

106. Если месяц за месяцем тысячекратно приносить жертвы в течение сотни лет, а <потом> почтить — пусть хоть на миг — того, кто трудится над самим собой, то такое почитание будет лучше столетних жертвоприношений.

107. Если в течение сотни лет поддерживать в лесу <жертвенный> огонь, а <потом> почтить — пусть хоть на миг — того, кто трудится над самим собой, то такое почитание будет лучше столетних жертвоприношений.

110. Если прожить сотню лет распущенно и невоздержно, то лучше будет один день жизни человека добродетельного и созерцательного.

111. Если прожить сотню лет невежественно и невоздержно, то лучше будет один день жизни человека мудрого и созерцательного.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Согласно традиции, строфы из этой главы Будда произнес в оправдание одного из своих учеников, который мог выучить наизусть лишь один-единственный стих, но все же достиг пробуждения

[2] Ср. в библейской традиции, «Книга Притчей Соломоновых», 16 32: «Владеющий собою лучше завоевателя города»

[3] *Гандхарва* — класс полубогов, небесные певцы и музыканты.

Из главы 10: «О наказании»

141. Ни хождение нагим, ни колтун в волосах, ни болотная тина, ни сон на голой земле, ни зола (букв. «пыль») и грязь, ни сидение на корточках не очистят смертного, не одолевшего сомнений[1].

145. Ирригаторы отводят (nayanti) воду <по каналам>, / изготовители луков справляются (namayanti) со стрелой, / плотники справляются (namayanti) с деревом, / а добродетельные люди обуздывают (damayanti) самих себя.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Характерное для Будды порицание внешних проявлений аскетизма

Из главы 11: «О старости»

146. Что за смех? Откуда радость? Мир пылает непрестанно!
Тьмой объяты непроглядной, вы не ищете лампады?
147. Глянь на этот пестрый образ — тело, скопище изъянов:
В нем болезни, наваждения, нет в нем прочного устоя.
148. Обветшало это тело, бренное гнездо недугов.
Разложилась груда гнили: смерть — конец для всякой жизни.
149. Вот разбросаны, как будто тыквы осенью <на грядках>,
Голубые эти кости — что, приятно их увидеть?
150. Из костей построен город, плотью-кровью он облеплен[1],
Смерть и старость, ложь и чванство замурованы в нем <зодчим>.
151. Расписные царские колесницы
Так же обветшают, как это тело.
Только *дхамма* праведных не ветшает:
Ведь одни других наставляют <в *дхамме*>.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Это характерное для самых разных направлений аскетизма описание телесного тела по своей словесной форме ближе всего напоминает стих из «Законов Ману» (IV. 76), не вошедший в № 218: «*Составленное из костей*, связанное сухожилиями, *облепленное плотью и кровью*, обтянутое кожей, зловонное, полное мочи и испражнений». Метафора «тело = город» также распространена весьма широко.

Из главы 12: «Об атмане (или о своем «я»)»

165. Сам грех совершил — сам себя осквернил. / Сам греха не совершил — сам себя очистил. / И чистота, и нечистота — в самом себе. Одному другого не очистить.

Из главы 13: «О мире»

169. Поступай по *дхамме* праведных поступков, не поступай по <*дхамме*> дурных поступков! / Кто поступает по <праведной> *дхамме*, тому хорошо и в этом мире, и в ином[1].
170. Смотри <на мир>, как на пузырь, смотри, как на мо́рок. / Кто так смотрит на мир — того царь смерти не увидит[2].
174. Ослеплен этот мир, лишь немногие в нем видят <ясно>. / Мало кто отправляется на небо, словно птица, вырвавшаяся из силков[3].

178. <Что> лучше земного единовластия, восхождения на небеса, / владычества над всем миром? — Плод обращения <в буддизм>![4]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По преданию, эту строфу Будда прочел своему отцу Шуддходане.

[2] Близкие формулировки изобилуют и в буддийских («Сутта-нипата», «Самьютта-никайя» и т. д.), и в небуддийских текстах

[3] Ср. Псалом 123 (124): 7: «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились».

[4] В оригинале *сотапатти* («вступление в поток») — первая стадия развития буддийской «благородной личности».

Из главы 14: «О счастье»

197. Как счастливо живем мы, свободные от вражды, среди враждующих! / Среди людей, полных вражды, мы остаемся свободными от вражды.

198. Как счастливо живем мы, свободные от болезней, среди больных! / Среди людей, полных болезней, мы остаемся свободными от болезней.

199. Как счастливо живем мы, свободные от тоски, среди тоскующих! / Среди людей, полных тоски, мы остаемся свободными от тоски.

200. Как счастливо живем мы, у которых ничего нет! / Мы станем питаться радостью, словно сиятельные божества[1].

201. Победа порождает вражду, побежденный живет в горести. / <Но> спокойный живет счастливо, отказавшись и от победы, и от поражения[2].

202. Нет огня пуще страсти, нет зла пуще ненависти. / Нет несчастья горше, чем телесное существование, нет счастья больше, чем умиротворение.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Эта строфа близко напоминает стих из «Махабхараты» (*Книга о мокше*, 9917), вложенный в уста царя Митхилы, охваченной пожаром: «Как счастливо живу я, у которого ничего нет! / Хотя Митхила пылает, ничего моего не сгорит».

[2] Согласно традиции, этот стих Будда произнес, узнав о поражении царя Магадхи

Из главы 16: «О приятном»

211. Поэтому не предавайтесь приятному, ибо расставание с приятным — болезненно. / Нет никаких уз для тех, у кого нет ни приятного, ни неприятного.

212. Из *приятного рождается печаль, из приятного рождается страх.* / Кто освободился от приятного, у того нет печали; откуда <у него> страх?[1]

213. Из приязни рождается печаль, из приязни рождается страх. / Кто освободился от приязни, у того нет печали; откуда <у него> страх?

214. Из наслаждения рождается печаль, из наслаждения рождается страх. / Кто освободился от наслаждения, у того нет печали; откуда <у него> страх?

215. Из вожделения рождается печаль, из вожделения рождается страх. / Кто освободился от вожделения, у того нет печали; откуда <у него> страх?

216. Из *томления рождается печаль, из томления рождается страх.* / Кто освободился от томления, у того нет печали; откуда <у него> страх?

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Согласно традиции, эту строфу Будда прочел четверым монахам, беседовавшим о чувственных удовольствиях

Из главы 17: «О гневе»

223. Безгневностью побеждай гнев, неправедность побеждай праведностью. / Скупость побеждай щедростью, истиной — лжеца[1].

224. Говори правду; не гневайся; если тебя попросят — дай, пусть хоть немного: / благодаря этим трем установкам войдешь в общество богов.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Дословно совпадает со стихом из «Махабхараты» (*Книга о старании*, 38. 73)

Из главы 18: «О скверне»

237. И вот теперь твоя жизнь близится к концу. Ты подошел к самому Яме (бог Смерти), / а тебе негде даже передохнуть по пути, и едой на дорогу ты не запасся.

238. Сотвори сам себе остров[1], немедленно вступай в борьбу, становись мудрым! / Чистый от скверны, беспорочный, ты больше не придешь ни к рождению, ни к смерти.

252. Легко увидеть порок в других, а вот в себе самом — ох, как нелегко <его> увидеть! / Ведь чужие пороки развеивают, будто мякину, / а свои собственные прячут, как нечестный игрок <скрывает> неудачный бросок.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Поскольку в языке пали слова «остров» и «светильник, лампа» звучат одинаково (*дипа*), это можно перевести иначе: «Сотвори сам себе лампаду». Такое понимание подкрепляется еще и тем, что один из эпитетов Будды — *Дипанкара*, т. е. «сотворяющий свет» — сложен из тех же корней, что и первые слова строф 236 и 238: *карохи дипам*, т. е. «сотвори остров (или «лампаду»)».

Из главы 19: «О соблюдающем дхамму»

264. Невоздержный и лживый не станет монахом, <попросту> обрив голову. / Как же тот, кто обуреваем желаниями и вожделениями, станет монахом?[1]

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Ср. в христианской традиции, Фома Кемпийский, «О подражании Христу», I. 17 (§ 59): «Наружный обычай и пострижение немного значит; но изменение нравов и внутреннее умерщвление страстей — вот что совершает истинного монаха» (пер. К. П. Победоносцева).

Из главы 20: «О пути»

286. «Тут я проживу сезон дождей, а тут — зиму и лето». / Так рассуждает глупец, не помышляя о <возможных> помехах.

287. Такого человека, помешавшегося на детях и скоте, чей ум завлечен <мирскими благами>, / уносит смерть, как наводнение — спящую деревню[1].

288. Ни в детях, ни в отце, ни в родственниках нет защиты. / Тому, кого накрыла своей тенью кончина, нет защиты в родных.

289. Осознав эту истину, пусть праведный мудрец / немедленно расчистит себе путь, ведущий к *нирване*.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Ср. выше строфу 47

Из главы 26: «О брахманах»

385. Для кого не существует ни этого берега, ни того берега, ни этого и того вместе, / кто бесстрашен, кто свободен от уз — вот кого я зову *брахманом*.

386. Кто созерцателен, бесстрастен, уравновешен, чей труд завершен, кто лишен пороков, / кто достиг высшей цели — вот кого я зову *брахманом*.

393 Не колтун в волосах, не родословная, не каста творит *брахмана*. / В ком есть истина и *дхамма* — тот и счастлив, тот и *брахман*.

396. И не зову я никого *брахманом* по рождению или по матери / Если он чем-либо владеет, то имя ему будет — *бховадин*[1]. / А кто ничем не владеет, ни к чему не привязан — вот кого я зову *брахманом*.

397. Кто разорвал все путы, кто вправду не дрожит от страха, / кто преодолел привязанности, отрешился <от скверны> — вот кого я зову *брахманом*.

398. Кто разорвал ремень, плеть и цепь с уздечкой, / кто отбросил засов, кто пробудился — вот кого я зову *брахманом*.

400. Безгневного, соблюдающего обеты, добродетельного, безмятежного, / сдержанного, <облаченного в свое> последнее тело — вот кого я зову *брахманом*.

406. Кто не враждебен среди враждебных, кто спокоен, когда другие замахиваются палкой, / кто среди привязанных <к миру> лишен привязанностей — вот кого я зову *брахманом*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бховадин* — т. е. «говорящий *бхо*», человек, использующий в качестве приветствия или обращения в разговоре несколько фамильярное междометие *бхо*, употреблявшееся с равными по рангу или даже с нижестоящими. Отсюда видно, что *брахманы* обращались к Будде именно так — в отличие от буддистов, называвших его *бханте*, т. е. «господин».

[2] Упоминаемые в этой строфе предметы толкуются аллегорически: ремень — ненависть, плеть — похоть, цепь — невежество и т. д.

Перевод А. Н. Ковалёва по изданию: S. Radhakrishnan. *The Dhammapada*. Oxf., 1954. Частично использован перевод и примечания В. Н. Топорова по книге: Дхаммапада. Изд. 1991.

См. также тексты 220, 225–230.

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

290

ЗАРАТУШТРА ВОПРОШАЕТ ВЛАДЫКУ...

(Гаты: «Ясна», 44)

Эту гату можно назвать «Вопросами к Владыке», так как каждая строфа, за исключением последней, начинается с формулы: «Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!»

Строфы 3—7 рассказывают о происхождении мира и его устройстве, а строфы 8—19 — о его будущем, причем четыре последние из них особо останавливаются на миссии Заратуштры и ожидании Спасителя. Они составляют главное содержание гимна, предшествуемое двумя вводными строфами и венчаемое последней строфой.

1. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Может ли в благодарность за мое восхваление
Такой, как ты, открыться такому, как я?
Пусть он, как Праведность, дружески поддержит нас,
сойдя на нас Благой Мыслью.
2. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Как будут заложены основы наилучшей жизни?
Насытятся ли наградами те, кто их желает?
Ибо этот святой благодаря Праведности
Имеет в духе своем силу, которая исцеляет существование,
Благодетельный ко всему, как закадычный друг, о Мудрый.
3. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто был изначальным отцом Арты [Духа огня] при зарождении его?
Кто проложил путь Солнцу и звездам?
Кто заставляет Луну прибывать и убывать?

Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать!
4. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто водрузил землю на место и удерживает здание облаков?
Кто — воды и растения?
Кто впряг в одну упряжку быстрых жеребцов с ветрами и облаками?
Кто был создателем Воху-Маны [Духа скота], о Мазда?
5. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Какой мастер сотворил свет и тьму?
Какой мастер сотворил сон и бодрствование,
Дабы разумному человеку помнить о заботах его?..
11. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Распространится ли Почтительность на тех, кому будет проповедано поклонение тебе?
С самого начала я был избран для этого тобой:
На всех других я буду смотреть враждебно.
12. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто среди слушающих меня — праведен, а кто — грешен?
Кто из них? Нехорош ли я,
Или тот нехорош, кто зловредно препятствует моему спасению?
Как же мне не считать его зловредным?
13. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
(Как) нам избавиться от зла,
Отшвырнув его тем, кто, полон непослушания,
Не заботится о следующей за ним Праведности
И не печется о совете с Благой Мыслью?
14. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
(Как) я предам зло в руки Праведности,
Чтобы она одолела его по законам твоего учения,
Чтобы она произвела раздоры среди злых
И ввергла их в слепоту и вражду, о Мудрый?
16. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто победит и защитит живущих твоим учением?
Ниспошли мне зримые знаки:
Покажи судью, который исцелит жизнь!
И ниспошли повиновение ему через Благую Мысль
Всем тем, в ком ты ищешь этого, о Мудрый!
17. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Достигну ли я цели вместе с тобою, о Мудрый?
Пусть я стану одно с тобой и пусть мое слово обретет силу,
Дабы по твоему велению Здоровье и Бессмертие
Соединились с последователем Праведности

18. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Получу ли я с помощью Праведности свою плату,
Двух кобылиц, жеребца и верблюда,
Которые были обещаны мне, о Мудрый,
Вместе с даром твоим Здоровья и Бессмертия?
19. Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто не отдает платы тому, кто заслужил ее,
И, сдержав слово свое, счел ее своей по праву,
Какое наказание следует ему уже сейчас?
Ибо, что уготовано ему в Конце, известно.
20. Видел ли кто-либо справедливое царствование дэвов?
Но об этом спрошу я приверженцев лживых карапанов[*],
изводящих скот,
Чьи колдуны заставляют стонать его душу,
Кто не орошает пастбища для скота водой,
Чтобы сделать их цветущими благодаря Праведности.

Использован перевод И. С. Брагинского. Цит. по кн.: «Авеста» в русских переводах (1861–1996) — Спб., 1997, с. 135–136.

См. также тексты 37, 60, 303.

291

ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ НАЧИКЕТАСА

(«Катха-упанишада», 1, 1)

Бедный и благочестивый брахман Ваджашравас совершает жертвоприношение и раздает в дар жрецам несколько старых и слабых коров. Его сын Начикетас, потрясенный скудостью жертвенных даров, предложил отцу самого себя в качестве приношения (*дакшина*) жрецу. Так как он настаивал на своем требовании, разгневанный отец сказал: «Яме (смерти) я предаю тебя». Начикетас идет в обитель Ямы и, не найдя его, ждет его три дня и три ночи без пищи. Вернувшись, Яма предлагает ему три дара в воздаяние за задержку и неудобства, доставленные Начикетасу. В первую очередь Начикетас пожелал вернуться живым к отцу, во вторую — узнать, как сделать добрые дела неистощимыми, а в третью — как победить смерть.

---

[*] *Карапаны* — жрецы «дэвовских» религий, враждебных зороастризму. — *Прим. ред.*

20. [Начикетас сказал:] «Сомнение [возникает] после смерти человека — одни [говорят:] Он есть, — другие: Его нет. —

Да узнаю я это, обученный тобой. — Вот третий дар из даров».

21. [Яма сказал:] «Даже боги до сих пор сомневаются здесь, ибо не легко распознать это тонкое рассуждение.

Выбери себе другой дар, Начикетас, не обременяй меня, освободи меня от этого».

22. [Начикетас сказал:] «Даже боги — и то сомневаются здесь, и ты, [бог] смерти, сказал, что [это] не легко распознать.

Не найти мне другого наставника в этом, равного тебе. Нет никакого другого дара, равного этому».

23. [Яма сказал:] «Выбери себе [в дар] сыновей и внуков, что проживут сотню лет; множество скота, слонов, золото, коней;

Выбери себе [во владение] обширные угодья на земле и живи сам [столько] осеней, сколько хочешь.

24. Если ты считаешь это равным даром, выбирай себе богатство и долгую жизнь;

Процветай, Начикетас, на великой земле, я сделаю тебя обладателем [всего] желанного...»

26. [Начикетас сказал:] «Преходящи [эти удовольствия] у смертного, о Антака*, они иссушают силу всех чувств.

Да и жизнь-то вся коротка. Пусть же [остаются] у тебя повозки, танцы, пение.

27. Не должен человек радоваться богатству: разве сможем мы владеть богатством, если увидим тебя?

Будем ли мы жить, пока ты правишь? Лишь этот дар следует мне избрать.

28. Кто из подверженных уничтожению и смерти внизу на земле, приблизившись к неуничтожимости и бессмертию,

Узнав и поразмыслив об удовольствиях, [рожденных] внешней оболочкой и страстью, — [кто из них] станет радоваться слишком долгой жизни?

29. Скажи нам, смерть, о том, в чем сомневаются, что [заключено] в великом переходе, —

Этот дар, проникший в скрытое, и не иной, выбирает Начикетас».

Перевод А.Я. Сыркина, в кн.: Упанишады. книга вторая. — М., 1991, с. 99–100

---

* *Антака* («Кладущий конец» — Terminator) — эпитет Ямы. — *Прим. ред.*

292

«ЧТО ТАКОЕ БРАХМАН.. »

(«Брихадараньяка-упанишада», III, 4, 1–2)

1 Тогда Ушаста Чакраяна спросил его: «Яджнавалкья, — сказал он, — что такое Брахман, который непосредственно присутствует и прямо воспринимается, являющийся самостью во всех вещах?» — «Это твоя самость (Атман) Она находится внутри всех вещей». — «Кто находится внутри всех вещей, Яджнавалкья?» — «Тот, кто вдыхает, когда вдыхаешь ты, — это твоя самость, которая находится во всех вещах. Тот, кто выдыхает, когда выдыхаешь ты, — это твоя самость, которая находится во всех вещах Тот, кто дышит, когда ты дышишь, — это твоя самость, которая находится во всех вещах. Он — твоя самость, которая находится во всех вещах».

2. Ушаста Чакраяна сказал: «Ты разъяснил мне все так, как тот, кто стал бы говорить. «Это — корова», «Это — лошадь». Но что же такое Брахман, который непосредственно присутствует и прямо воспринимается, являющиися самостью всех вещей?» — «Твоя самость находится внутри всех вещей». — «Что находится внутри всех вещей, Яджнавалкья?» — «Ты не видишь видящего видимое, ты не слышишь слышащего слышимое, ты не мыслишь мыслящего мыслимое, ты не понимаешь понимающего понимаемое. Он — твоя самость, находящаяся во всех вещах. Все прочее — от лукавого». Вслед за этим Ушаста Чакраяна замолчал.

S Radhakrishnan (ed and tr), *The Principal Upanishads*, New York, Harper & Row, 1953, pp 219–220

293

«СКОЛЬКО БОГОВ, ЯДЖНАВАЛКЬЯ?» — «ОДИН»

(«Брихадараньяка-упанишада», III, 9, 1)

1. Тогда Видагдха Шакалья стал спрашивать его: «Яджнавалкья, сколько <существует> богов?» Он ответил согласно тому *нивиду* (стихотворному перечню богов): «Столько, сколько упомянуто в *нивиде* <хвалебного гимна> *вишведевам* — три и три сотни, и три, и три тысячи». — «Так, — сказал тот, — сколько же в действительности богов, Яджнавалкья?» — «Тридцать три». — «Так, — сказал тот, — сколько же в действительно-

сти богов. Яджнавалкья?» — «Три». — «Так, — сказал тот. — сколько же в действительности богов, Яджнавалкья?» — «Два». — «Так, — сказал тот, — сколько же в действительности богов, Яджнавалкья?» — «Один с половиной». — «Так, — сказал тот, — сколько же в действительности богов, Яджнавалкья?» — «Один»

Пер А Я Сыркина, цит по кн Упанишады Книга первая Брихадараньяка упанишада — М 1992 с 107—108

294

«ЭТО МОЯ САМОСТЬ... ЭТО — БРАХМАН»

(«*Упанишады*»)

1 Воистину, все это — Брахман Пусть почитают его в спокойствии <. > Воистину, человек состоит из намерения. Какое намерение имеет человек в этом мире, таким он становится, уйдя из жизни. Пусть же он исполняет свое намерение.

2. Состоящий из разума, чье тело — жизненное дыхание, чей образ — свет, чье решение — истина, чья сущность — пространство; содержащий в себе все деяния, все желания, все запахи, все вкусы, охватывающий все сущее, безгласный, безразличный —

3. вот мой Атман в сердце, меньший, чем зерно риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем просяное зерно, чем ядро просяного зерна; вот мой Атман в сердце, больший, чем земля, больший, чем воздушное пространство, больший, чем небо, больший, чем эти миры.

4. Содержащий в себе все деяния, все желанья, все запахи, все вкусы, охватывающий все сущее, безгласный, безразличный — вот мой Атман в сердце, это Брахман Кто <полагает>: «Уйдя из жизни, я достигну его», у того, поистине, не будет сомнений («Чхандогья упанишада», III. 14. 1—4)

Пер А Я Сыркина цит по кн Упанишады Книга третья Чхандогья упанишада — М 1992. с 78—79

Он, этот Атман, <определяется так>. не <это>, не <это>. Он непостижим, ибо не постигается: неразрушим, ибо не разрушается, неприкрепляем, ибо не прикрепляется. . («Брихадараньяка-упанишада», IV. 2. 4)

Пер А Я Сыркина, цит по кн Упанишады Книга первая Брихадараньяка упанишада — М , 1992, с 117—118

Этот Атман — мед для всех существ, все существа — мед для этого Атмана. И этот блистающий, бессмертный *пуруша*, который в этом Атмане, и этот блистающий, бессмертный *пуруша*, который <существует как индивидуальный> Атман, — он и есть этот Атман. Это — бессмертный, это — Брахман, это — все («Брихадараньяка-упанишада», II 5 14)

Пер. А. Я. Сыркина, цит. по кн.: Упанишады. Книга первая. Брихадараньяка упанишада. — М., 1992, с. 92

См. также тексты 56, 101, 300

295

КОГДА ГИБНЕТ ПОРЯДОК (ДХАРМА), В МИР ЯВЛЯЕТСЯ КРИШНА

(«Бхагавадгита», IV, 1–9, 14)

Благой Господь сказал:
1 Эту непреходящую йогу
Я вначале сказал Вивасвату.
Вивасват сообщил ее Ману,
мудрый Ману поведал Икшваку.
2 Друг от друга перенимая,
ее знали цари-провидцы;
постепенно за долгое время
эта йога пришла в упадок.
3 Эту древнюю йогу сегодня
Я тебе возвестил, Арджуна.
Лишь тебе Я доверил, о бхакт Мой,*
величайшую эту тайну.
Арджуна сказал:
4 Но ведь жил Вивасват много раньше
Твоего в этом мире рожденья,
как же мог Ты ему «в начале»
эту древнюю йогу поведать?
Благой Господь сказал:
5 Много раз Я являлся в мире,
много раз приходил ты к рожденью,
но рождений ты прошлых не знаешь
Это знанье лишь мне открыто

* *Бхакт* — почитатель божества, любовно ему поклоняющийся. — *Прим. ред.*

6 Пребывая всей твари владыкой
нерожденным, нетленным вечным,
Я внутри Мне подвластной природы
своей майей Себя рождаю.
7. Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда наглo порок торжествует,
Я Себя порождаю, Арджуна
8 Появляюсь Я в каждой юге
чтоб восставить погибшую дхарму,
чтобы вновь заступиться за добрых,
чтобы вновь покарать злодеев
9. Кто так знает истину эту
Моих дивных рождений и действий,
тот, рождений кольцо разрывая,
после смерти Меня достигнет .
14 Меня действия не пятнают:
ведь плодов Я от них не жажду,
кто таким Меня видит, Партха,
тот цепями действий не скован

Перевод В С Семенцова (Семенцов В С Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике — М., 1986, с 162–164)

296

УЧЕНИЕ БХАГАВАДГИТЫ «ВСЕ, ЧТО ТЫ СОВЕРШАЕШЬ, СОВЕРШАЙ КАК МНЕ ПРИНОШЕНЬЕ»

(*«Бхагавадгита», IX, VI VIII*)

4 Мною весь этот мир пронизан,
но не явлен миру Мой образ:
все живое во Мне существует,
но Я Партха, не в нем пребываю
5. Впрочем, и не во Мне все живое:
такова Моя дивная йога

---

* *Юга* — мировой период, цикл существования Вселенной — *Прим ред*

К жизни всех вызывает Мой Атман.
Он несет их; но знай — не в них Он.
6.Вездесущий великий ветер
непрерывно веет в эфире:
так и все существа, Арджуна,
вечным вихрем во Мне кружатся.
7.К Моей пракрити вечной все твари
устремляются с гибелью мира;
когда ж новый век мира приходит,
Я их вновь из себя порождаю.
8.Я рождаю снова и снова
всех существ неисчетные толпы,
в своей пракрити их зачиная,
их, бессильных, Моею силой.
9.Но не сковывают, Дхананджая,
Меня действия узами кармы;
их свершая, Я к ним не привязан,
словно зритель — всегда безучастен.
10.Под Моим наблюденьем природа
неживое с живым рождает;
такова здесь причина, чьей силой
колесо обращается мира.
11.Такова Моя высшая сущность,
всех владыка существ; но невежды
презирают Меня в смертном теле,
этой сущности вечной не зная...
16.Жертва — Я, Я — ее совершенье.
*возглас «свадха», священная куша**,
заклинание, чистое масло,
Я — огонь, Я — в него приношенье.
17.Мира этого мать и отец Я.
Я — опора его, прародитель,
тех, кто знает Меня, — очищенье.
Я — слог ОМ, Я — Рик, Саман, Яджус.
18 Цель, держава, владыка, свидетель,
Я — жилище, прибежище, друг Я
Я — рожденье, устойчивость, гибель,
Я — сокровище, вечное семя.
19.То, что жжет, — Я, и что увлажняет.
Я — преграда, и Я — излиянье,

* *Куша* — вид травы, использовавшийся при жертвоприношениях — *Прим. ред.*

смерть, бессмертие — Я, Я — сущее
и не-сущее также, Арджуна...
23.Даже те, кто исполнены веры,
жертвы прочим богам приносят —
и они, смысла жертв не зная,
лишь Меня почитают, Партха.
24.Ибо всех этих жертв владыкой
и вкусителем Я пребываю:
но, не зная Моей природы,
отпадают от истины люди.
25.Духов чтущие — к духам уходят,
предкам жертвуя, Партха, — к предкам;
к божествам — кто богов почитает;
Мои бхакты — ко Мне приходят.
26.У того, кто Мне благоговейно
лист, цветок, плод иль воду приносит,
у того, кто Мне, Партха, предан,
Я вкушаю любви приношенье.
27.Если действуешь ты иль вкушаешь,
если жертвуешь, дар если даришь,
если ты совершаешь аскезу —
делай это как Мне приношенье...
30.Даже если ужаснейший грешник
Меня чтит безраздельной любовью,
то и он именуется «садху»,
ибо он рассудил безупречно.
31.Скоро будет душою он в дхарме
и достигнет умиротворенья:
бхакт ведь Мой никогда не гибнет;
твердо помни об этом, сын Кунти!
32.Порождения лон нечистых —
вайшьи, женщины, даже шудры —
все, кто с верой ко Мне припадают, —
и они к высшей движутся цели... (IX, 4–11, 16–19, 23–27, 30–32)
30.Кто повсюду, всегда Меня видит,
кто во Мне весь мир созерцает —
тот Меня никогда не утратит,
не забуду и Я его, Партха.
31.Кто меня сущим в теле всех тварей
почитает, в единство поверив,
этот йогин, где бы он ни был,
лишь во Мне пребывает, Арджуна... (VI, 30–31)

5. Кто о Мне лишь одном помышляет
в смертный час, покидая тело,
тот в Мое бытие приходит;
в этом, Партха, не ведай сомненья.
6. Ведь о ком человек помышляет
в час кончины, с телом прощаясь,
он к тому и приходит, Партха,
побуждаемый силой мысли.
7. Потому — обо Мне постоянно
помышляя, сражайся, сын Кунти!
Погрузи в Меня мысли и сердце!
Только так ты меня достигнешь... (VIII, 5–7)

Перевод В. С. Семенцова (Семенцов В. С. Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. — М., 1986, с. 182–186, 173–174, 179–180).

См. также тексты 28, 117, 264.

297
ДАО, ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

(«Дао дэ цзин», отрывки)

Дао — это путь, которым должны идти те, кто желает «достигать недеянием». Но дао — это не только средство, учение, принцип. Это высшая реальность, в которой объединены все признаки, «она тяжела, как камень, легка, как перо»; это единство, лежащее в основе единства. «Теряя его, люди умирают; обретая его, люди живы. Совершаемое без него терпит неудачу; совершаемое с ним — успешно. У него нет ни корня, ни ствола, ни листьев или цветов. Но от него зависят рождение и рост десяти тысяч вещей, по роду их».

Мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, кто написал «Дао дэ цзин». Но в течение двух тысячелетий авторство книги приписывалось Лао Тану, или Учителю Лао (Лао Цзы).

Глава IV

Путь подобен пустому сосуду,
Из которого, однако, можно черпать,
Никогда его не наполняя.
Он бездонен; истинный прародитель всех вещей в мире.

В нем притупляется все острое,
Все узлы развязываются,
Весь блеск затмевается,
Весь прах[1] *прибивается к земле.*
Он подобен глубокому, непересыхающему озеру.
Есть ли у него родитель? Мы не знаем,
Но как невещественный образ[2] *он существовал перед Предком*[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Прах — даосский символ повседневной суеты и морока.

[2] *Сян* — образ, схожий с ментальными образами, всплывающими в сознании, когда мы мыслим.

[3] Здесь почти наверняка имеется в виду Желтый Предок, отделивший Землю от Неба и тем самым уничтоживший Первичное Единство, за что его часто упрекал Чжуан Цзы.

Глава VI

Дух долины не умирает.
Его называют Таинственной Женой.
И Вход Таинственной Жены —
Это основа, из которой возникли Небо и Земля.
Она здесь, внутри нас безотлучно;
Черпай из нее вволю, она никогда не пересыхает.

Глава VII

Небо — вечно, Земля — бессмертна.
Откуда они произошли? Именно потому, что они не дорожат своей жизнию,
Они живут столь долго.
Поэтому Мудрец
Отходит вглубь; но он всегда впереди.
Остается вне; но всегда внутри.
Не потому ли исполняются все его личные цели,
Что он не стремится ни к чему личному.

Глава XI

Мы составили тридцать спиц и назвали это колесом;
Но польза от колеса зависит от пространства, в котором нет ничего.
Мы вращаем глину, чтобы сделать сосуд;

Но польза от сосуда зависит от пространства, в котором нет ничего.
Мы проделываем окна и двери, чтобы построить дом;
Но польза сосуда зависит от этих отверстий, в которых нет ничего.
Поэтому, пользуясь тем, что есть, мы должны признавать
полезность и того, чего нет

Глава XXII

Чтоб оставаться цельным, будь ущербным!
Чтобы стать прямым, наклонись.
Чтобы стать полным, будь пустым.
Будь оборванным, чтобы обновиться.
Имеющие мало могут получить больше,
Имеющие много пребывают в замешательстве.
Посему Мудрец
Держится Исконного Единства,
Испытывая им все, что под небом.
Он не показывает себя; поэтому он у всех на виду.
Он не выделяется, поэтому он как на ладони.
Он не хвалится тем, что сделает, поэтому он успешлив.
Он не гордится своей работой, и поэтому она долговечна.
Он не спорит,
И по этой самой причине никто под небом не может спорить с ним

Из этого мы видим, что древнее речение «Чтобы остаться цельным, будь ущербным», не было пустым звуком; ибо истинная цельность может быть достигнута лишь возвращением[1].

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] К Пути

Глава XXV

Было нечто бесформенное, но полное,
Существовавшее прежде неба и земли;
Не имевшее звука, не имевшее вещества,
Ни от чего не зависевшее, неизменное,
Всепроницающее, несокрушимое.
Можно подумать, что это — мать всех вещей под небом.
Его истинного имени[1] мы не знаем;
«Путь» — прозвище, которое мы ему дали.

Если бы меня заставили сказать, к какому классу вещей это
принадлежит, я назвал бы это Великим (да).
Ведь да означает также прохождение,
А прохождение означает уход,
А уход означает возвращение[2].
Как Дао[3] *имеет «это величие», как земля его имеет.*
как небо его имеет, так же его может иметь и правитель. Так
«в царстве имеется четыре доли величия», и одна
принадлежит царю. Пути людей обусловлены
путями земли. Пути земли — путями неба. Пути
неба — путями Дао, а пути Дао — путями Самого-по-себе[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т. е. мы не знаем, к какому классу сущего это принадлежит.

[2] Возвращение к тому, «что было вначале».

[3] Начиная с этого места, во избежание многих неудобств я буду использовать китайское слово «Дао» вместо слова «Путь».

[4] Ничем не обусловленное, то, что само по себе таково

Глава XXVII

Совершенное деяние не оставляет после себя следа;
Совершенная речь подобна изнуренному рабочему, чье орудие
не оставляет отпечатка;
Сведущий в счете не сделает ошибки.
Совершенная дверь не имеет ни задвижки, ни засова,
И все же ее не открыть.
Совершенный узел не нуждается ни в веревке, ни в бечевке,
И все же его не развязать.
Посему Мудрец
Все время совершеннейшим образом помогает людям,
Он, конечно, не отворачивается от людей;
Все время совершеннейшим образом помогает живым созданиям,
Он, конечно, не отворачивается от живых созданий...

Глава XXXIV

Великое Дао подобно дрейфующей лодке.
Оно может двигаться так, а может — иначе.
Десять тысяч созданий обязаны ему своим существованием,
и оно не отказывается от них.

Но, породив их, оно не берет их в свое владение.
Дао, покрывающее десять тысяч вещей, словно одежда,
Не посягает на власть над ними
И ничего у них не просит.
Поэтому его по праву называют Смиренным.
Десять тысяч созданий повинуются ему,
Не зная даже, что у них есть повелитель;
Поэтому оно зовется Великим.
Так и Мудрец: никогда не выказывая своего величия, он достигает величия в действительности.

Глава XLII

Дао породило Одно; Одно породило друг за другом две вещи, три вещи, вплоть до десяти тысяч[1]. Эти десять тысяч созданий не могут повернуться спиной к тени так, чтобы солнце не оказалось у них спереди[2], и от этого-то смешения дыхания[3] зависит их лад[4]. Сиротство, нужда, скудость — вот что больше всего ненавидят люди, однако князья и владыки величают себя так. Воистину, «вещи часто возрастают, когда пытаются их принизить, и принижаются, когда пытаются их возвеличить». Изречения, используемые другими в своих учениях, я тоже буду использовать. Покажите мне насильника, пришедшего к доброму концу, и я возьму его себе в учителя.

Комментарий

Владыка — «солнечное», в противоположность «теневому», существо. Но владыка не чувствует себя «слаженным» как следует, если только у него «нет тени за спиной», что достигается смирением самого себя.

Пословица гласит: «Насильник никогда еще не приходил к доброму концу; радующийся победе всегда столкнется с ровней». Другая пословица гласит: «Даже лучший врач не спасет того, чей жизненный срок истек, а насильнику нипочем не тягаться с Небом». Возможно, что Чжань-Лянь, «насильник», в действительности является мифологической фигурой, чем-то вроде Титана, безуспешно сражавшегося с Небом. «Чжань» означает «насильничающий», а «лянь» — «стропила», и хотя взятые вместе они якобы означают «насильник», доказательств этому не приводится, и я подозреваю, что этот Титан прозывался «стропилами» потому, что его изображение вырезалось на концах стропил. Эта теория подкрепляется отрывком из Чжуан-Цзы (VI, 9), где говорится о силаче по имени Чжу-Лянь, «держателе стропил», утратившем «свою силу», как Самсон. Стремясь согласовать начало главы с цитатой из «Хуайнань-цзы», многие современные издатели публикуют ее с изменениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т. е. все.

[2] Это символизирует тот факт, что они сами являются смесью света и тьмы, твердого и мягкого, воды и огня и т. д

[3] Теплое «дыхание» солнца и холодное «дыхание» тьмы. В силу этого «дыхание» начинает означать «состояние атмосферы» в более широком смысле.

[4] Или, сказали бы мы, «равновесие».

Глава LII

То, что было началом всех вещей под небом,
Мы можем называть «матерью» всех вещей.
Постигающий мать[1]
Знает тем самым сыновей[2].
А тот, кто знает сыновей,
Будет крепче держаться за мать
И до конца своих дней не понесет ущерба:
«Перекройте проходы, затворите двери,
И ваша сила останется неубывающей до конца.
Откройте проходы, увеличьте свои деянья,
И до скончания века не видать вам подмоги».
Как хорошее зрение видит крохотные вещи,
Так сила обозначает поддержание того, что слабо[3].
Воспользовавшийся внешним светом[4] *способен вернуться к свету внутреннему,*
И тем предохраняется от любого ущерба.
Вот что значит «прибегнуть к всегда-такому».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дао, Одно, Целое.

[2] Множество, вселенная.

[3] Дао.

[4] Это соответствует «знанию сыновей». *Мин* («внутренний свет») — это самопознание.

Глава LVI

Знающие молчат,
Говорящие не знают.
Перекройте проходы,

Затворите двери,
Пусть все острое затупится,
Все узлы развяжутся,
Всякий блеск затмится,
Весь прах прибьется к земле.
Это называется таинственным выравниванием.
Достигший этого не привлекается к дружбе, не отвергается,
Ему нельзя сделать добро, причинить вред,
Его не возвысить, не унизить,
И по этой-то причине он выше всех созданий под небом.

Глава LVII

«Царства управляемы, если правила соблюдаются;
Битвы выигрываются, если правила нарушаются».[1]
Но приверженность всему, что под небом, обретается только равнодушием.
Откуда я знаю это?
Вот откуда[2].
Чем больше запретов, тем больше избегаются обряды,
Тем беднее народ.
Чем больше «острого оружия»[3],
Тем глубже мрак надо всей страной.
Чем больше хитроумных ремесленников,
Тем больше изобретается пагубных приспособлений[4].
Чем больше издается законов,
Тем больше воров и разбойников.
Поэтому мудрец сказал:
Пока я «не делаю ничего», люди преображаются сами собою.
Пока я люблю покой, люди сами собою идут прямой дорогой.
Пока я действую только бездействием, люди сами собой преуспевают.
Пока у меня нет желаний, люди сами собой возвращаются «к состоянию Необработанной Глыбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная максима, по модели которой автор выстраивает свою даосскую формулу Ср. Lionel Giles, *Sun Tzu*, pp. 34, 35. *Цзи* означает «неожиданный маневр». *Чен*, «соблюдаемые правила», в других местах является техническим военным термином: «открытая атака».

[2] Благодаря тому, что я нашел внутри себя, «в нутре»; благодаря свету интроспекции.

[3] Т. е. пройдох

[4] Ср рассказ у Чжуан-цзы (XII, 11) о человеке, которому идея простого трудосберегающего приспособления внушила чувства, схожие с теми, какие испытал Вордсворт при виде железнодорожного состава.

Глава LXXXI

Истинные слова не благозвучны;
Благозвучные слова не истинны.
Праведник доказывает, не прибегая к аргументам;
Прибегающий к аргументам в доказательстве не праведник.
Истинная мудрость отлична от многознания;
Многознание — свидетельство малой мудрости.
Мудрец не нуждается в запасах;
Отдав свое последнее рубище другим,
Смотри, он имеет больше, чем прежде!
Отдав свое последнее рубище другим,
Смотри, он только увеличил свое достояние!
Ибо путь Неба — заострять, не обрезая,
А путь Мудреца — действовать, не стремясь.

A. Waley, *The Way and Its Power: A Study of the Tao Tê Ching*, New York, Grove Press.

298

ЧЖУАН-ЦЗЫ РАССУЖДАЕТ О ДАО

Вторым крупным представителем раннего даосизма был философ Чжуан-цзы, или Чжуан Чжоу, живший предположительно между 369 и 286 годами до нашей эры, т. е. в одно время с Мэн-цзы. Хотя какое-то время он был, по-видимому, мелким чиновником, бóльшую часть своей жизни он, скорее всего, прожил отшельником, и о нем практически ничего не известно. Книга, носящая его имя, является, вероятно, сборником текстов, созданных как им самим, так и его учениками и эпигонами; книга эта — самое остроумное и вдохновенное произведение во всей китайской литературе. Подобно «Лао-цзы», она обязана своим воздействием не методической аргументации, но притче и аллегории, парадоксу и яркой образности. Излюбленный прием книги — превращение исторического персонажа, например Конфуция, в иллюстрацию даосских идей, так что великие деятели китайской истории становятся персонажами самых причудливых, зачастую полностью вымышленных анекдотов.

Чжуан-цзы разделяет с Лао-цзы центральное представление о Дао как о начале, пронизывающем и направляющем все сущее. Однако он рассматривает Дао не столько как руководство к действию, сколько как то, что само по себе имеет высшую ценность, возвышается над любыми житейскими потребностями... Чжуан-цзы почти безразличен к человеческому обществу. Он не стремится ни к преобразованию положения вещей, ни к его консервации, но лишь к тому, чтобы возвыситься над ним. Философия Чжуан-цзы является, по существу, апологией личной свободы. Но эта свобода имеет духовный смысл: она освобождает индивидуума скорее от ограниченности собственного духа, чем от внешних ограничений. В чем он действительно нуждается, так это в освобождении от собственных предрассудков, одностороннего взгляда на вещи, от стремления все судить по своим меркам.

Тождество противоположностей

Что испортило Дао, так что возникло различение истины и лжи? Что портит речь, так что возникло различение справедливого и несправедливого? Почему Дао ушло и его нет? И разве может существовать речь, не будучи подобающей? Дао испорчено мелкими добродетелями. Речь испорчена цветистым красноречием. Поэтому-то у нас и идут споры между конфуцианцами и моистами, когда одни утверждают то, что отрицают другие, и отрицают то, что другие утверждают. Но если мы стремимся рассудить их утверждения и отрицания, то нет ничего лучше, чем использовать свет разума.

Все имеет собственную самость; все является чем-то иным для другого. Вещи не знают, что они — иное для других вещей; они знают лишь, что они — это они сами. Таким образом, иное возникает из самости, равно как и самость возникает из иного. То есть самость и иное порождают друг друга. Кроме того, где есть жизнь, есть и смерть; а где есть смерть, есть и жизнь. Где есть невозможность, есть и возможность; а где есть возможность, есть и невозможность. Потому что есть справедливое, есть и несправедливое; потому что есть несправедливое, есть и не-несправедливое. В таких условиях мудрецы не приближаются к вещам на этом уровне, но исследуют свет природы. Таким образом, самость — это также иное; иное — также самость. Согласно иному, есть один вид справедливого и несправедливого. Согласно самости, есть другой вид справедливого и несправедливого. Но существуют ли в действительности такие разные вещи, как самость и иное, или таких вещей не существует? Когда самость и иное [или вот это и вот то] утрачивают свою противоположность, тогда перед нами открывается сама сущность Дао. Только сущность Дао может занимать центр окружности и отвечать оттуда на бесчисленные мнения отовсюду. Утверждение

[самости] — одно из бесчисленных мнений; отрицание — другое. Поэтому и говорится, что нет ничего лучше, чем использовать свет разума...

Возможное возможно; невозможное невозможно. Дао действует, и дела идут своим чередом. Вещи таковы, какими их называют. Что они суть? Они суть то, что они суть. Что они не суть? Они не суть то, что они не суть. Все есть то, что есть, а может быть то, что может быть. Нет ничего, что не было бы чем-то, и есть ничто, которое не может быть чем-то. Поэтому, например, ствол и колонна, безобразное и прекрасное, общее и особенное, обманчивое и диковинное — благодаря Дао их великое многообразие сводится к полному единству. Разделение одного есть построение другого, построение одного есть разделение другого. Разделяемые или построяемые, все вещи в конце концов приводятся к единству...

Упадок Дао

Знание древних было совершенно. В чем было оно совершенно? Они еще не отдавали себе отчета в существовании вещей. Это самое совершенное знание; к нему ничего не прибавить. Затем некоторые осознали, что существуют вещи, еще не сознавая, что между ними существуют различия. Затем некоторые осознали существование различий, еще не сознавая, что из них справедливо, а что нет. Когда проявилось справедливое и несправедливое, тогда Дао пришло в упадок. С упадком Дао возросла любовь. Но был ли в действительности рост или упадок? Или роста и упадка не было?

Здесь я должен кое-что сказать [именно, что не существует такой вещи, как справедливое или несправедливое]. Я не знаю, согласуется ли то, что говорю я, со словами других [именно, утверждающими наличие справедливого и несправедливого]. Согласуются ли мои слова со словами других [постулирующих справедливое и несправедливое], они-то, по крайней мере, согласны между собой. Тогда между моими и их словами едва ли есть какое-либо различие. Но как бы то ни было, я попытаюсь объясниться. Было начало. Было не-начало [до начала]. Было не-не-начало [перед не-началом]. Было бытие. Было небытие [до бытия]. Было не-небытие [до небытия]. Было не-не-небытие [до не-небытия]. Внезапно появились бытие и небытие. И все же, глядя на бытие и небытие, я не знаю, что из них действительно бытие, а что действительно небытие. Только что я сказал нечто, но я не знаю, значит ли что-нибудь сказанное мною или не значит вообще ничего.

Великое пробуждение

Опираясь на солнце и луну, неся вселенную в руках, мудрец смешивает все в гармоничное целое. Он не обращает внимания на смятение и уныние,

и уравнивает низменное и почтенное. Толпа стремится и трудится в поте лица; мудрец неприхотлив и не имеет знания. Он постигает десять тысячелетий как единство, цельное и простое. Все вещи суть то, что они суть, и тем самым сводятся воедино.

Откуда мне знать, быть может, любовь к жизни — самообман? Откуда мне знать, быть может, страшащийся смерти похож на того, кто в юности покинул свой дом и забыл вернуться. Госпожа Ли была дочерью стража границы в Аи. Когда ее впервые доставили в царство Цинь, она плакала до тех пор, пока ее платье не вымокло от слез. Но войдя в царский дворец, разделив с царем его роскошное ложе и пышную трапезу, она пожалела о том, что плакала. Откуда мне знать, быть может, мертвые раскаиваются в том, что прежде жаждали жить? Те, кому снится веселая попойка, могут утром застонать и заплакать. Те, кому снятся стенания и плач, могут поутру весело отправиться на охоту. Во сне они не знают, что они спят. Во сне они могут даже попытаться истолковать свой сон. Лишь пробудившись, они начинают сознавать, что видели сон. Мало-помалу приближается великое пробуждение, и тогда мы узнаем, что все это было великим сном. Но глупцы все время мнят себя бодрствующими; в этом они уверены. С кропотливым тщанием они различают владык и возниц. Как глупо! Конфуций и ты родились во сне. А когда я говорю, что ты спишь, то это тоже сон. Такой способ изложения может быть назван парадоксальным. Если бы через десять тысяч поколений мы встретили однажды великого мудреца, ведающего, как объяснить этот парадокс, то это было бы подобно тому, как если бы мы встретили его всего один вечер или одно утро спустя.

Чжуан-цзы и бабочка

Однажды Чжуан Чжоу [т. е. Чжуан-цзы] приснилось, что он — бабочка, порхающая вокруг и радующаяся жизни. Она не знала, что она Чжуан Чжоу. Внезапно он проснулся и снова был Чжуан Чжоу. Но он не знал, был ли он Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он бабочка, или бабочкой, которой снится, что она Чжуан Чжоу. Между Чжуан Чжоу и бабочкой должно быть какое-то различие. Это и есть то, что называется преображением вещей.

Естественное и Искусственное

«Дао не имеет ни начала, ни конца. Вещи рождаются и умирают, и нет в них устойчивости. Они то пусты, то полны и не имеют постоянной формы. Годы не остановить, время не задержать. Рост сменяется убылью, а за каждым концом следует новое начало. Вот что можно сказать о великом порядке [Дао] и принципе, пронизывающем все вещи.

Жизнь вещей проходит, подобно скачущему коню. Каждое движение приносит перемену, и каждый час производит различие. Что следует делать, а чего делать не следует? Поистине, все пойдет своим путем...

Поэтому было сказано, что естественное пребывает внутри, искусственное снаружи, а доблесть (*дэ*) находится в естественном. Зная ход природы и человека, принимая природу за основу и придерживаясь доблести, человек свободен идти вперед или отступать назад, сжиматься или распрямляться, ибо в этом всегда возвращение к сущности и к высшему».

«Что ты подразумеваешь, — спросил Владыка Реки, — под естественным и искусственным?»

«Кони и быки, — отвечал дух Океана, — имеют по четыре ноги. Это — естественное. Взнуздывать коня, запрягать быка — это искусственное.

Поэтому было сказано: пусть искусственное не затмит естественное; пусть усилие не затмит судьбу; пусть удовольствие не приносится в жертву славе. Тщательно и неукоснительно соблюдай эти наставления, и так ты обратишься к изначальной невинности».

«Твердое сокрушится...»

Лао-цзы сказал: «Знай мужское, но поддерживай женское; стань тем самым ложбиной для мира. Знай чистоту, но выноси позор; стань тем самым долиной для мира». Все люди стремятся к первому; он один выбрал последнее. Он сказал: «Прими в себя отречение от мира». Все люди ищут вещественного; он один выбрал пустое. Не накапливая, он имел изобилие; поистине, велико было его изобилие. Он действовал без усилий и расточительности. Он верил в недеяние и смеялся над остроумием. Все люди ищут счастья; он один искал самосохранения через приспосабливание. Он сказал: «Да будем мы свободны от упрека». Он верил в глубину как в основу человека, в простоту как в правило внешнего поведения. Он сказал: «Твердое сокрушится, острое притупится». Он всегда был щедр и терпим к вещам. Он не угнетал других. Это может считаться вершиной совершенства.

Wm. Theodore de Bary, *et al.* (ed.), *Sources of Chinese Tradition*, New York, Columbua University Press, 1960, pp. 64–65, 70–75, 78–79, 85.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОГАХ, «Я» И БОГЕ

299

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ У НУЭР

Слово, которое мы переводим как «Бог», у нуэр звучит *kwoth* и значит «Дух». Нуэр называют его также более определенно — *kwoth nhial* или *kwoth a nhial*, «Дух неба» или «Дух, что в небе». Существуют другие, менее значительные духи, которые зовутся *kuth nhial*, духи неба, или верха, и *kuth piny*, духи земли, или низа. Концепцию Бога я рассматриваю первой потому, что все другие представления о духах зависят от нее и могут быть поняты только в соотнесении с нею...

С полным правом мы можем сказать, что нуэр не считают небо или какое-либо небесное явление Богом, и это явствует из того, что в таких выражениях, как «Дух неба» или «Дух, что в небе», Бог и небо отчетливо различаются. Более того, было бы ошибкой истолковывать «небо» и «в небе» слишком буквально.

Равным образом было бы ошибкой рассматривать связь Бога с небом как чистую метафору: хотя небо — это не Бог, так как Бог вездесущ, он мыслится как пребывающий, в частности, на небе, и в пространственном смысле нуэр обычно мыслят его пребывающим вверху. Поэтому все, что связано с небесным сводом, связывается с ним. Нуэр иногда говорят, что он сходит на землю с дождем или пребывает в молнии и громе...

Как я уже отмечал, мышлению нуэр совершенно чуждо (с их точки зрения, даже абсурдно) говорить, что небо, луна, дождь и т. д. являются сами по себе — поодиночке или все вместе — Богом. Бог — это Дух, который, подобно ветру и воздуху, невидим и вездесущ. Но хотя Бог не является этими вещами, он находится в них в том смысле, что он являет себя в них. В этом смысле он пребывает в небе, сходит на землю с дождем, сияет в солнечных и лунных лучах, присутствует в дыхании ветра. Эти божественные проявления должны пониматься как модусы Бога, а не как его сущность, каковой является Дух.

Бог — вверху, и поэтому все верхнее ассоциируется с Богом. Вот почему с ним ассоциируются небесные тела, их движения и действия. Вот почему духи воздуха считаются *gaat kwoth*, «детьми Бога», в отличие от других духов, ибо они обитают в воздухе и мыслятся также пребывающими в облаках, которые ближе к небу, чем все остальное. Вот почему столь тесно ассоциируются с Богом духи *colwic*, ведь он коснулся их своим небесным огнем и взял их к себе...

Нуэр говорят, что Бог — повсюду, что он «как ветер» и «как воздух». По словам отца Краццолары, к нему иногда прилагаются эпитеты *jiom*, «ветер», и *ghau*, «вселенная», но эти слова относятся к Богу только в стихах или в аллегорическом смысле, иллюстрируя пристрастие, питаемое поэзией нуэр к метонимии и синекдохе. Бог — это не ветер, но *cere jiom*, «словно ветер»; и он не вселенная, *ghau*, а *cak ghaua*, «творец вселенной». Другой поэтический эпитет, который может к нему прилагаться, — *tutgar*. Это — кличка быка породы *wer*; быки этой породы имеют широкие раскидистые рога и являются самыми величавыми среди домашних животных у нуэр. *Tutgar* состоит из двух корней: *tut*, со значением «сила», или «величие», и *gar*, со значением «вездесущий», как в другом именовании Бога — *kwoth me gargar*, «вездесущий Бог» (*gargar* может также значить «беспредельный»). Но чаще всего нуэр пытаются выразить свое представление о природе Бога, уподобляя его ветру или воздуху: эта метафора кажется нам подходящей, так как она обнаруживается в священной литературе всего мира, а нам особенно хорошо известна по Ветхому Завету. У нуэр эта метафора согласуется с отстутствием не только какого-либо фиксированного жилища Бога, но и с отстутствием мест, которые бы мыслились как преимущественные места его обитания, так как воздух и ветер находятся повсюду. В отличие от других духов, Бог не имеет ни пророков, ни святилищ, ни земных обличий.

Бог, Дух, что в небе, схожий с ветром и воздухом, является творцом и двигателем всех вещей. Создавшего мир, его называют в молитвах *kwoth ghaua*, Духом вселенной, т. е. ее творцом. Слово *cak*, употребляемое как существительное, может означать творение, т. е. все сотворенные вещи, а отсюда — природу или характер, присущий лицу или вещи; оно может употребляться в весьма специфическом смысле, обозначая отклонение от нормы, *cak kwoth*, уродца; и (хотя, по-моему, и нечасто) оно используется также в именовании Бога, творца, как в выражении *cak nath*, «творец людей». Как глагол «творить» оно означает творение *ex nihilo* и в данном контексте может относиться только к Богу. Однако оно может обозначать также имагинативные построения людей — например, придумывание имени ребенку, сочинение стихов или сказаний — в том же фигуративном смысле, в каком мы называем актера творцом роли. Таким образом, это слово обозначает не только творение из ничего, но также творение посредством

мысли или воображения, поэтому «Бог сотворил вселенную» имеет смысл «Бог измыслил вселенную» или «Бог вообразил вселенную»...

Идет ли речь о событиях, случившихся *ne walka*, в начале начал или давным-давно, или о событиях вчерашнего или сегодняшнего дня, Бог, творческий Дух является у нуэр конечным объяснением всего. Когда их спрашивают, как все началось или как они стали такими, какие они есть, нуэр отвечают, что их сотворил Бог или что по его воле они стали такими, какие они есть. Небо, земля и наземные воды, звери, птицы, пресмыкающиеся и рыбы были созданы им, и он также — творец обычая и традиции. Нуэр пасут скот, выращивают просо и ловят рыбу потому, что Бог дал это им в пропитание. Он установил брачные запреты. Он наделил ритуальными способностями одних людей, а не других. По его велению нуэр совершали набеги на динку, а европейцы покорили нуэр. Он сотворил одних людей белыми, а других — черными (по одному рассказу, наша белая кожа — Божья кара за кровосмесительную связь нашего прародителя со своей матерью), одних — ловкими, других — медлительными, одних — сильными, а других слабыми. Все, что есть в природе, культуре, обществе и людях, является таким, каким сотворил или пожелал Бог...

Таким образом, в представлениях нуэр о Боге он является творческим Духом. Он также *ran* — живая личность, чье *yiegh*, жизненное дыхание, поддерживает человека. Я никогда не слышал, чтобы нуэр приписывали ему человеческий образ; будучи вездесущим и невидимым, он видит и слышит все происходящее, способен гневаться и способен любить... Как и у других народов, отношения между ним и человеком строятся по модели человеческих социальных взаимоотношений. Он — отец людей...

Очень распространенный способ обращения к Божеству — *gwandong*, «дед» или «предок», буквально, «старый отец», но в религиозном контексте «Отче» или «Отче наш» лучше передает то, что подразумевают нуэр; *gwara* и *gwandan*, «наш отец», уважительное обращение *gwadin*, «отец», также используются часто в молитве или разговоре о Боге. Бог — отец людей в двух отношениях. Он их творец и их покровитель...

Но хотя Бог иногда мыслится присутствующим здесь и сейчас, он также мыслится весьма удаленным, пребывающим на небе. Если он слышит произносимую шепотом молитву, то молящийся возводит очи и руки к далеким небесам. Однако небо и земля, т. е. Бог и человек (так как мы вправе трактовать эту дихотомию анагогически) отделены друг от друга не бесповоротно. Бог приходит и уходит. Он прибирает к себе души тех, кого убивает молнией, и в его лице они покровительствуют своим сородичам; он соучаствует в делах людей через посредничество духов-«ныряльщиков», которые наполняют атмосферу между небом и землей и могут рассматриваться как ипостаси его модусов и атрибутов; кроме того, он присутствует повсюду, и эта его вездесущесть может выражаться только символически посред-

ством метафоры ветра и воздуха. С ним можно общаться посредством молитвы и жертвоприношения, и определенная связь поддерживается с ним благодаря социальному порядку, который он учредил и охраняет...

E E Evans-Pritchard, *Nuer Religion*, London, Oxford University Press, 1957, pp 1–108

См. также тексты 2–7, 51, 67, 91, 126, 127.

300

МУДРОСТЬ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, БЕССМЕРТИЕ

(«Шветашватара-упанишада», III, V, VI)

III, 7. Выше этого — Брахман, высший, великий, скрытый во всех существах, в теле каждого,

Единый, объемлющий вселенную, — познав этого владыку, становятся бессмертными.

8. Я знаю этого *пурушу*, великого, цвета солнца, [находящегося] по ту сторону мрака, —

Лишь познав его, идет [человек] за пределы смерти; нет иного пути, [которым можно было бы] следовать.

9. Выше которого ничего нет, меньше или больше которого ничего нет,

Единый, он стоит, словно древо, утвержденное в небе; этим *пурушей* наполнен весь этот [мир].

10. Лишено образа, свободно от страдания то, что выше этого [мира]:

Те, кто знает это, становятся бессмертными, прочие достигают лишь несчастья.

11. Пребывающий во всех лицах, головах, шеях, в тайнике [сердца] всех существ,

Он — всепроникающий, владыка и потому — вездесущий Шива.

12. Поистине, этот *пуруша* — великий властитель, движущая сила существующего;

Незапятнано это достижение [его, он] — владыка, непреходящий свет.

13. *Пуруша*, величиной с большой палец, постоянно пребывающий внутри тела, в сердце людей,

Постигнут сердцем, мыслью, разумом. Те, кто знает его, становятся бессмертными.

14. Тысячеголовый *пуруша*, тысячеглазый, тысяченогий —

Окружив всю землю, он простирается на десять пальцев над ней

15. Этот *пуруша* — все, что было и что будет,

А также владыка бессмертия и того, что возрастает благодаря пище...

19. Без ног и рук, он быстрый и хватающий: он видит без глаз, слышит без ушей;

Он знает то, что следует знать; его же никто не знает. Его зовут первым великим *пурушей*.

20. Меньше малого, больше большого скрыт Атман в сердце этого существа,

Его, лишенного стремлений, великого владыку, видит [человек], свободный от печали, благодаря умиротворению чувств.

21. Я знаю этого нестарящегося, изначального, всеобщего Атмана, вошедшего во все благодаря [своей] вездесущности,

[Которого] называют прекращением рождений, к которому рассуждающие о Брахмане обращаются как к вечному.

V, 9. Как часть сотой части волоса, разделенной на сто,

Следует распознавать это существо, — и оно способно быть бесконечным.

11. Благодаря воле, осязанию, зрению, заблуждениям, изобилию еды и питья рождается и растет тело.

Соответственно [своим] действиям, наделенный плотью принимает постепенно [разные] образы в [разных] состояниях.

12. Благодаря своим свойствам наделенный плотью выбирает многочисленные образы — грубые и тонкие;

Вызывая соединение с ними, благодаря свойствам [своих] дел и свойствам тела он кажется другим.

13. Познав безначального, бесконечного, [пребывающего] в средоточии беспорядка, всеобщего творца, многообразного,

Единого, объемлющего вселенную, бога, [человек] освобождается от всех уз.

14. Кто знает постигаемого сердцем, бестелесного, творящего бытие и небытие, приносящего счастье,

Бога, творящего элементы, — те осязают [свое] тело.

VI, 1. Одни мудрецы говорят в заблуждении о собственной природе, другие же — о времени,

Но лишь величие бога в мире — то, чем вращается колесо Брахмана.

2. [Тот], которым постоянно покрыт весь этот [мир], кто мудр, творец времени, наделен свойствами,

Под властью того развертывается действие — [то, что] мыслится как земля, вода, огонь, ветер, пространство...

6. Он выше древа [мира], времени и [всех] образов и отличен [от них]; от него распространяется это многообразие [мира].

Познав его как несущего добродетель, удаляющего зло, владыку процветания, пребывающего в нем самом [познающем], бессмертного, всеобщее прибежище, — [человек достигает блаженства].

7. Его — высшего, великого владыку среди владык; его — высшее божество среди божеств,

Высшего господина среди господ, потустороннего — да узнаем мы — бога, властителя мира, досточтимого!

8. Неизвестны его действия и орган действия, не видно [никого] равного ему и превосходящего [его];

Его высшее могущество открывается как многообразное, ему присуща по природе деятельность знания и силы...

10. Кто, словно паук, нитями, возникшими из *прадханы**,

Покрывает себя, [следуя] собственной природе, единый бог — пусть он даст нам достичь Брахмана.

11. Единый бог, скрытый во всех существах, всепроникающий, Атман внутри всех существ,

Надзирающий за действиями, обитающий во всех существах, свидетель, мыслитель, единственный и лишенный свойств;

12. Единый властитель многих бездействующих, что умножает одно семя, —

[Лишь] тем мудрецам, которые видят его в самих себе, [суждено] вечное счастье, и не иным.

13. Познав вечного среди невечных, мыслящего среди немыслящих, единого среди многих, что доставляет [исполнение] желаний, —

Эту причину бога, достижимого *санкхьей* и *йогой*, — [человек] освобождается от всех уз...

16. Он — все делающий, знающий собственный источник, мудрый, творец времени, наделенный свойствами, всеведущий,

Господин *прадханы* и сознающего начала, причина уз, постоянства и освобождения в круговороте бытия.

17. Будучи таковым, он, бессмертный, пребывает владыкой — мудрый, вездесущий, хранитель этого мира,

Который вечно владеет этим миром, ибо неизвестна другая основа [этого] владычества.

18. Кто вначале сотворил Брахмана, кто, поистине, передал ему веды, —

К тому богу, светящемуся собственной способностью постижения, я, стремясь к спасению, поистине, прибегаю, как к защите, —

19. [К нему], лишенному частей, бездействующему, успокоенному, безупречному, незапятнанному,

Высшему мосту, [ведущему] к бессмертию, подобному пламени со сгоревшим топливом.

Перевод А. Я. Сыркина, в кн.: Упанишады, книга вторая. — М., 1991, с. 120—129.

---

* Непроявленная извечная первоматерия или субстанция, из которой создается видимый мир. — *Прим. ред.*

301

ШАНКАРА О ПРИРОДЕ БРАХМАНА

Основоположник образцовой системы философского индуизма, Шанкара (ок. 788–820) был ортодоксальным брахманом, покинувшим родную Южную Индию, чтобы учреждать монастыри и преподавать по всей стране свою философию Адвайты (Не-двойственности). Свои чуждые узкоконфессиональному догматизму учения Шанкара почерпнул из Упанишад, выдвинув на первый план спасение (*мокша*), осуществляемое через медитацию о тождестве индивидуальной души (*атман*) с Абсолютом (*Брахман*). Так как Брахман безличен, феноменальный мир понимается Адвайта-ведантой как видимость, или иллюзия, совершенно внеположная высшей реальности абсолютного Бытия-Сознания-Блаженства.

Но, могут спросить, известен Брахман или не известен (прежде чем входить в исследование природы)? Если известен, то нет нужды приступать к исследованию о нем; если неизвестен, то мы не можем приступить к такому исследованию.

Мы отвечаем, что Брахман известен. Брахман — всезнающий и наделенный всеми способностями, чья сущностная природа есть вечная чистота, разум и свобода, — существует. Ибо если мы примем во внимание происхождение слова «брахман» от корня *brih*, «быть великим», мы тотчас поймем, что Брахману свойственна вечная чистота и т. д. Более того, бытие Брахмана известно на том основании, что он составляет «я» каждого. Ибо каждый осознает существование (собственного) «я» и никогда не думает: «Я не есмь». Если бы существование «я» не было известно, то каждый думал бы: «я не есмь». И это «я» (существование которого сознают все) есть Брахман. Но если Брахман общеизвестен как «я», то для исследования его не остается места! Отнюдь нет, возражаем мы; ибо существует разнобой в мнениях о его специфической природе. Люди неученые и приверженцы локаяты* мнят, будто «я» — это просто тело, наделенное разумением; другие — будто «я» — это органы [чувств] вкупе с разумением; третьи утверждают, что «я» — это внутренний орган; четвертые, с другой стороны, что «я» — это не более чем мгновенное представление; пятые, что «я» — это Пустота. Шестые же (чтобы перейти к мнению тех, что признают авторитет Веды) утверждают, что существует переселяющееся бытие, отличное от тела и т. д., которое одновременно действует и наслаждается (плодами

---

* *Локаята* — древнеиндийская философская школа, которую обычно принято отождествлять с материализмом. — *Прим. ред.*

деяния); седьмые учат, что это бытие только наслаждается, а не действует; восьмые убеждены в том, что наряду с индивидуальными душами существует всеведущий, всемогущий Господь. Наконец, девятые (т. е. ведантисты) утверждают, что Господь — это «я» наслаждающегося (т. е. индивидуальной души, чье индивидуальное существование лишь видимость, продукт Неведения).

Итак, имеется большое многообразие мнений: одни основываются на здравых доводах и священных текстах, другие — на софистических доводах и ложно понятых священных текстах. Поэтому тот, кто, не задумываясь, примкнет к одному из этих мнений, может лишить себя высшего блаженства и понести скорбную утрату. [I, 1, 1]

«Поистине, тот, кто знает этого высшего Брахмана, становится Брахманом».

Вот этот-то высший Брахман составляет — как мы знаем из таких фраз, как «ты еси то» — подлинную природу индивидуальной души [т. е. *атмана*], тогда как ее вторая природа, т. е. та ее сторона, которая зависит от воображаемых ограничительных условий, не есть ее подлинная природа. Ибо пока индивидуальная душа не освободится от Неведения в форме двойственности — каковое Неведение можно уподобить тому, кто в темноте по ошибке принимает столб за человека, — и пока душа не возвысится до знания «я», чья природа — неизменное вечное познание, выражающееся в формуле «я есмь Брахман», — до тех пор она остается индивидуальной душой. Но отбросив совокупность тела, органов чувств и ума, душа познает через Писание, что эта совокупность не есть она сама, что она не образует части переселяющегося существования, но является Истиной, Реальностью, «Я», чья природа — чистый ум; узнав же, что она причастна природе неизменного вечного Познания, она возвышается над суетным мнением о своем единстве с телом и сама становится «Я», чья природа — неизменное, вечное Познание, как гласят такие, например, священные тексты: «Тот, кто знает этого высшего Брахмана, становится Брахманом» («Мундака-упанишада», III, 2, 9). И это подлинная природа индивидуальной души, благодаря которой она исходит из тела и является в собственном образе. [I, 3, 19]

Есть только один высший Господь, вечно неизменный, чья субстанция — познание [т. е. для него познание не является лишь атрибутом], который посредством Неведения раскрывает себя многими путями, как чудотворец принимает различные обличья с помощью своей магической силы... Высшему «Я», вечно чистому, умному и свободному, никогда не меняющемуся, единственному, не соприкасающемуся ни с чем, лишенному формы, ошибочно приписываются противоположные характеристики индивидуальной души; точно так же невежи приписывают голубизну бесцветному эфиру. [I, 3, 19]

Змея и веревка

Порой в темноте человек по ошибке принимает кусок веревки, лежащий на земле, за змею и в ужасе бежит прочь; потом ему говорят: «Не бойся, это всего лишь веревка, а не змея»; и тогда он расстается со страхом, вызванным воображаемой змеей, и успокаивается. Но в продолжение всего присутствия и последующего отсутствия ошибочного представления, спутавшего змею с веревкой, веревка остается одной и той же. Совершенно аналогичен случай с индивидуальной душой, которая в реальности едина с высшей Душой, хотя Неведение заставляет ее выглядеть отличной от Нее. [I, 4, 6]

А поскольку индивидуальная душа и высшее «Я» отличаются только по имени, то установлено, что совершенное знание имеет своим предметом абсолютное единство обоих; бессмысленно настаивать (как делают некоторые) на множественности «я» и утверждать, будто индивидуальная душа отлична от высшего «Я», а высшее «Я» — от индивидуальной души. Ибо «я» в действительности зовется множеством различных имен, но является единственным. Что же до отрывка «Он знает подлинного Брахмана, который есть знание и бесконечен, словно скрытый в пещере» («Тайттирийя упанишада», II, 1), то он не относится к какой-то одной пещере (отличной от жилища индивидуальной души). А что в пещере скрыт не кто иной, как Брахман, мы узнаем из следующего места: «Отправив себя вперед, он вступил внутрь» («Тайттирийя упанишада», II, 6), согласно которому творец только вошел в сотворенное. Настаивающие же на различении индивидуального и высшего «Я» противопоставляют себя истинному смыслу текстов веданты, загораживая тем самым путь к совершенному знанию, являющемуся дверью к совершенному блаженству, и безосновательно принимают избавление за нечто причиненное, а потому не вечное. (И если они пытаются доказать, что *мокша*, будучи причиненной, все-таки вечна), то они входят в противоречие со здравой логикой. [I, 4, 22]

Брахман и мир

Что Брахман — это в то же время действующая причина мира, мы должны заключить из того обстоятельства, что не существует никакого иного руководящего бытия. И действительно, для того чтобы приобрести форму сосудов и украшений, заурядные материальные причины, такие, как комья глины и кусочки золота, зависят от внешних действующих причин — гончаров и золотых дел мастеров; но вне Брахмана как материальной причины нет никакой иной действующей причины, которой бы могла искать материальная причина; ибо Писание гласит, что до творения Брахман был один без второго. Более того. Отсутствие руководящего принципа, отличного от материальной причины, может быть установлено посредством довода из сутры, а именно из согласия обещающих утверждений и нагляд-

ных примеров. Если бы мы допустили руководящий принцип, отличный от материальной причины, из этого вытекало бы, что все не может быть познано одним, и тем самым обещания и наглядные примеры утратили бы силу. Таким образом, «Я» — это действующая причина, так как не существует иного управляющего принципа, и материальная причина, так как не существует другой субстанции, из которой бы произошел мир. [I, 4, 23]

«Когда пробуждается спящий...»

Вся совокупность феноменального существования считается истинной до тех пор, пока не возникнет знание о том, что Брахман есть «Я»; как считаются истинными призраки из сна, пока не проснется спящий. Ибо пока человек не достиг истинного познания единства «Я», до тех пор ему невдомек, что мир следствий с его средствами и объектами правильного знания и его результатами действий неподлинен; скорее, вследствие собственного невежества, он рассматривает заурядные следствия (такие, как тело, отпрыск, богатство и т. д.) как составную часть, принадлежащую его «я», запамятовав о том, что в реальности Брахман — это «Я» всего. Поэтому до тех пор, пока истинное знание не проявит себя, нет никаких оснований к тому, чтобы обычный ход мирских или религиозных дел полетел вверх тормашками. То же самое бывает со спящим, который видит во сне разнообразнейшие вещи и до самого пробуждения убежден в том, что его представления порождаются подлинным восприятием, не подозревая, что это восприятие не более чем видимость. [II, 7, 14]

Shankara, *Commentary on Vedanta Sutra*, in: G. Thibaut, v. I, *Sacred Books of the East*, XXXIV, Oxford, 1890, pp. 14–15, 185–186, 190, 251, 282–283, 285–286, 324.

302
РАМАНУДЖА О БРАХМАНЕ: «РАЗМЫШЛЕНИЕ ДОЛЖНО МЫСЛИТЬ БРАХМАНА СОСТАВЛЯЮЩИМ "Я" РАЗМЫШЛЯЮЩЕГО»

Рамануджа (ок. 1017—1137), южноиндийский вишнуистский наставник, заложивший исходную философскую структуру новых форм основанного на любовном поклонении Богу индуизма (бхакти), возникшего в IX веке в Тамилнаде и распространившегося оттуда на север, учил, как и Шанкара, в различных областях Индии и написал многочисленные комментарии. Его система, Вишишта-адвайта (Ограниченная Не-двойственность), отчасти опиравшаяся на учения панчаратр, отличалась от адвайты в

том, что она утверждала реальность феноменального мира и сущностное различие между индивидуальной душой и личным Богом (Вишну). Спасение через любовное поклонение или упование (прапатти) на божественную благодать приводит атман не к уничтожению и не к слиянию с Богом, но к любви в вечном присутствии Бога.

Но как могут адепты утверждать, что Брахман, будучи отличным от них существом, является их «я»? Дело в том, что тексты позволяют им постичь это отношение как свободное от противоречия. «Обитающий внутри «я» отличен от «я», которое не знает его, для которого «я» — это тело, который управляет «я» изнутри; он — твое «я», внутренний правитель, бессмертный» («Брихадараньяка-упанишада», III, 7, 3); «В Истине все эти существа имеют свой корень, они обитают в Истине, они покоятся в Истине; в ней все сущее имеет свое «я» («Катха-упанишада», VI, 8); «Поистине, все это есть Брахман» («Катха-упанишада», III, 14, 1). Все эти тексты учат, что все разумные и неразумные существа возникают из Брахмана, погружены в него, дышат благодаря ему, управляются им, составляют его тело; так что он — это «я» их всех. Поэтому тем же путем, на основании факта, что индивидуальная душа занимает в теле положение «я», мы образуем такие синтетические суждения, как: «Я есмь бог — Я есмь человек»; тот факт, что индивидуальное «я» имеет природу «я», дает нам право рассматривать наше «я» как принадлежащее к высшему «Я». Опираясь на исходную предпосылку, что все представления в конечном счете основываются на Брахмане, а потому и все слова в конечном счете обозначают Брахмана, тексты выдвигают такие взаимообратимые суждения, как: «Я есмь ты, о святое божество, а ты еси я». При таком взгляде на отношение индивидуальной души и высшего «я» нет настоящего противоречия между противоречащими друг другу, на первый взгляд, рядами текстов — теми, что, с одной стороны, отрицают отличие души от высшего «я»: «И если человек мыслит об ином божестве — «божество — это одно, а я — другое», то он не знает»; «Он не полон, пусть размышляет о Нем как о «я»; «Остается ни с чем тот, кто видит нечто, отдельное от «я» («Брихадараньяка-упанишада», I, 4, 10; II, 4, 6), — и теми, что, с другой стороны, утверждают различие души и высшего «я». «Мыслящий (отдельное) «я» и Движителя различными» («Шветашватара-упанишада», I, 6). Ведь наша точка зрения подразумевает отрицание отличия постольку, поскольку индивидуальное «я» имеет природу «я»; и она также подразумевает признание различия постольку, поскольку допускает, что высшее «я» так же отличается от индивидуальной души, как последняя от своего тела. Фраза «Он неполон» (в одном из цитированных выше текстов) относится к тому факту, что отличный от души Брахман составляет ее «я», в то время как она составляет тело Брахма-

на. Таким образом, мы пришли к несомненному выводу, который гласит, что размышление должно мыслить Брахмана составляющим «я» размышляющего.

Ramanuja, *Commentary on Vedanta-Sutras*, IV, 1, 3 in G. Thibaut, *Sacred Books of the East*, XLVIII, Oxford, 1904, pp. 717–718.

303

ЗОРОАСТРИЙСКИЙ ДУАЛИЗМ: СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(«Шканд-гуманиг-визар», глава VIII)

Мардан-Фаррух, автор «*Шканд-гуманиг-визар*», «Объяснения, *рассеивающего сомнения*», жил в IX веке н. э. По мнению Зенера, его сочинение «в определенном смысле является самой интересной из всех зороастрийских книг, так как выдвигает философское оправдание зороастрийского дуализма в более или менее связном виде; кроме того, оно содержит подробную критику монотеистических вероучений, ислама, иудаизма и христианства, а также отповедь дуалистическому конкуренту зороастрийства — манихейству». Великая заслуга зороастрийского дуализма заключается в том, что он освобождает Бога от всякой связи со злом и объясняет, почему творение было действительно необходимо.

(1) Другое доказательство существования противоположного принципа гласит: (2) в мире наблюдаются добро и зло, (3) и в частности постольку, поскольку и доброе [и дурное] поведение поддаются определению как таковые, (4) подобно тьме и свету, (5) правильному знанию и неправильному знанию, (6) благовонию и зловонию, (7) жизни и смерти, (8) болезни и здоровью, (9) справедливости и несправедливости, (10) рабству и свободе (11) и всем прочим противоположным деятельностям, чье существование неоспоримо и которые наблюдаются во всех землях и странах во все времена; (12) ибо не существует, не существовало и не будет существовать ни земли, ни страны, (13) где бы не существовало прежде и ныне имени добра и зла и того, что это имя обозначает. (14) И нельзя назвать ни времени, ни места, где добро и зло существенно изменили бы свою природу.

(15) Существуют также другие противоположности, чье противоборство проистекает не из сущности, но из функции, вида или природы. (16) Таково взаимное противоборство вещей подобной природы, как, (например), мужского

и женского, (17) (различных) запахов, вкусов и цветов; Солнца, Луны и звезд, чье несходство является не субстанциальным, но функциональным, природным и конституциональным: каждое приспособлено для своего дела. (18) Но несходство добра и зла, света, тьмы и других противоположных субстанций является не функциональным, но субстанциальным. (19) Это явствует из того факта, что их природы не сочетаемы друг с другом и взаимогубительны. (20) Ибо, где благо, там не может быть зла. (21) Где появляется свет, там уходит темнота. (22) Схожим образом и с другими противоположностями: несочетаемость и взаимная губительность обусловлены субстанциальным различием. (23) Это субстанциальное различие и взаимная губительность наблюдаются в явлениях материального мира.

(24) Материальный мир есть следствие духовного, а духовное — его причина, (25) ибо следствие понимается через причину. (26) Что первое свидетельствует о втором, очевидно каждому, кто сведущ в этих вопросах. (27) Что материальное — следствие, а духовное — причина, доказывается тем фактом, что (28) всякая зримая и осязаемая вещь выходит из неявленного в явленное состояние...

(35) Поскольку мы видели, что в материальном мире существуют противоположные субстанции, которые иногда взаимно благотворны, а иногда взаимно губительны, постольку (то же должно быть) и в духовном мире, (36) каковой является причиной материального, (37) а материальные вещи суть его следствия. Что это так, не подлежит сомнению (38) и вытекает из самой природы противоположных субстанций. (39–40) Я показал выше, что смысл и повод для мудрой деятельности Творца, явленной в акте творения, заключаются в существовании Врага...

(57) О благости мудрого Творца можно заключить по акту творения и по тому, что он лелеет и охраняет (свои творения), что он учреждает и показывает путь и способ, с помощью которых отвергается зло и отвращается грех, (58–60) и что он отвергает и отстраняет Врага, нападающего на тело; (это также явствует) из органов и способностей тела, (когда они поражены) болью и недугом, (которые приходят) извне и которые (также) находятся внутри тела...

(64) Страдание и смерть разрушают тело, а не Творец, чья воля блага, который хранит и поддерживает тело. (65) Это несомненно так, ибо мудрый Творец не раскаивается и не сожалеет о том, что он сделал, (66) и не уничтожает свои творения, и не делает их беспомощными, (67) ибо он мудр и всеведущ. (68) Раскаяние и сожаление о содеянном могут быть приписаны лишь тому, чье знание недостаточно, чей разум несовершенен, кто не ведает конечного исхода, (69) ибо знающие и мудрые люди не совершают действий без причины или повода. (70) Схожим образом действия невежд с искаженным разумом, не знающих конечного исхода, будут случайными, не имеющими ни причины, ни повода.

(71) Но мудрый (Творец) будет распоряжаться мудро и действовать рассудительно, отражая от своих творений (Врага), чьи действия случайны и который не ведает конечного исхода. (72) Он, (демон), чьи действия случайны, окружен стеной и пойман в ловушку и силки; (73) ибо очевидно, что движущаяся и живая субстанция не может быть отражена или уничтожена в бесконечной пустоте, и нет никакой защиты от его вредоносности, (74) если только он не пойман, не искоренен и не пленен. (75) Пойманный и взятый в плен, он становится восприимчив к страданию и подлежит тяжкому наказанию. (76) Но пока он не осознает полностью свое страдание и не постигнет, что его деяния основаны на ложном знании, он продолжает придерживаться совершенно ложных взглядов на то, что с ним стряслось. (77) Его опыт страдания вызван абсолютной силой всемогущего Бога.

(78) После того как он окончательно постигнет, какая кара уготована ему всемогущим, мудрый Творец выводит его из действия и низвергает в бесконечную Пустоту. (79) После этого благое творение уже не будет бояться его; оно станет бессмертным и свободным от вражды. (80) Совершенны мудрость и рассудительность всеведущего Бога благих и (совершенно) его предвидение того, что должно быть сделано...

(103) Из этого мы должны заключить, (104) что то, что совершенно и законченно в своем благе, не может порождать зла. (105) Иначе оно не было бы совершенным, (106) ведь когда что-то называется совершенным, то (в нем) не остается места ни для чего другого; (107) а раз в нем нет места для другого, то ничто другое и не может быть им порождено. (108) Если Бог совершенен благостью и знанием, то ясно, что невежество и зло не могут проистекать из Него; (109) а иначе он был бы несовершенен; (110) а если он несовершенен, тогда ему не должно поклоняться как Богу или совершенному благу.

(111) Если, с одной стороны, и добро и зло возникают в Боге, тогда он несовершенен в отношении своей благости. (112) Если он несовершенен в отношении благости, тогда он несовершенен и в отношении правильного знания. (113) А если он несовершенен в отношении правильного знания, тогда он несовершенен в отношении разума, сознания, знания, проницательности и всех прочих познавательных способностей. (114) А если он несовершенен в отношении разума, знания, проницательности и знания, то он по необходимости несовершенен в отношении здоровья; (115) а если он несовершенен в отношении здоровья, то он по необходимости болен; (116) а если он болен, тогда он несовершенен в отношении жизни.

R.C. Zaehner, *The Teachings of the Magi*, London, 1956, pp. 59–66.

См. также тексты 60, 37–39, 290.

304

ЭПИКУР О БОГАХ

(«Письмо к Менекею», 123–126)

Эпикур (342?–270 до н. э.) был основателем и главой философской школы, носящей его имя. Он родился на острове Самос и учил в Афинах, начиная с 306 года до н. э.

Прежде всего надлежит верить в то, что Бог нетленен [т. е. бессмертен и неизменен] и блажен, как явствует из общей идеи Бога, запечатленной в душе; и нельзя приписывать ему ничего противного его нетленности или неподобающего его блаженству, но [следует] верить в то, что сохраняет его блаженство и нетленность. Ибо боги несомненно существуют, ведь знание о них есть дело непосредственного восприятия. Но они не таковы, какими их считает большинство людей. И нечестивец — это не тот, кто отрицает богов большинства, но тот, кто прилагает к богам мнения большинства. Ведь то, что большинство говорит о богах, суть не представления, почерпнутые из ощущения [*prolepseis*], но ложные предположения [*hypolepseis*], гласящие, будто боги ниспосылают злодеям величайшие несчастья, а [добрым] величайшие блаженства. Ведь, привыкнув к собственным добродетелям, люди приветствуют тех, кто схож с ними, но все, что на них непохоже, считают чуждым.

Привыкни к мысли о том, что смерть для нас ничего не значит. Ибо все добро и зло заключается в ощущении, а смерть — это только лишение ощущения. Отсюда реальное понимание того, что смерть ничего для нас не значит, делает конечность [нашей] жизни приятной — не тем, что добавляет к ней неограниченную протяженность времени, а тем, что устраняет жажду бессмертия. Ведь нет ничего страшного в жизни для человека, который действительно постиг, что нет ничего страшного в не-жизни. Так что глуп тот, кто говорит о своем страхе смерти, не потому, что ее приход причиняет боль, но потому, что причиняет боль ее ожидание. Ведь то, что тревожит [нас] в ее приходе, — всего лишь пустая боль, вызванная ее ожиданием. Так что смерть, самая ужасная из зол, для нас ничто, ибо пока мы существуем, смерти для нас нет, а когда смерть приходит, нас уже нет. Поэтому до нее нет дела ни живым, ни мертвым; для первых ее нет, а последние и сами уже не существуют.

Но большинство людей то бегут смерти, словно величайшего зла, то [жаждут ее] как облегчения от [зол] жизни. [Но мудрец и не стремится уйти из жизни,] и не боится перестать жить, ибо ни то ни другое не

удручает его, а небытие не кажется ему чем-то злым. Как и за столом, где он предпочитает не большей доли, а наиболее приятной, так и в жизни: он стремится насладиться [буквально, пожать плоды] не наидлиннейшим отрезком времени, но наиприятнейшим.

F.C. Grant, *Hellenistic Religions*, New York, 1953, pp. 157–158.

См. также текст 139.

305

МУСУЛЬМАНСКОЕ УЧЕНИЕ О БОГЕ

(Джамал ад-Дин ад-Касими)

Вера мусульман в сущностную природу Высокого и Святого гласит, что Он — единственный Бог, не имеющий сотоварищей. Он существует извечно, не имеет ничего предшествующего Ему, и Он будет существовать без конца, не имея ничего последующего Ему. Он вечен, не имеет конца, продолжается, не пресекаясь, Он — тот, кто никогда не прекращал и не прекратит быть. Ему должны приписываться атрибуты Величия. Не предписаны Ему ни уничтожение, ни расчленение по прекращении вечности или истечении установленных сроков. Нет, но поистине (LVII, 3): «Он — Первый и Последний, явный и тайный, и Он о всякой вещи знающ». Однако Он не есть созданное тело, Он не схож ни с одной из сотворенных вещей, и ни одна из сотворенных вещей не схожа с ним. Пространство не обнимает Его, земли[1] и небо не вмещают Его, хотя он восседает на Троне так, как Он о том говорит, в том смысле, какой Он вкладывает в свои слова[2]. Он выше Трона и небес, выше всего, и в то же время ниже глубин водной бездны[3]. Пребывание вверху не приближает его к Трону и небу и не удаляет от земли и водной бездны. Нет, но Он настолько же выше Трона и неба, насколько ниже земли и водной бездны, но несмотря на это, Он близок всякой сущей вещи. Он ближе к человеку, чем яремная вена его (L, 16/15), хотя Его близость не похожа на близость телесную, равно как Его сущность не похожа на сущность телесных вещей. Он не упокоивается ни в чем, как ничто не упокоивается в Нем. Высоко вознесен Он над всяким пространством, далек Он от того, чтобы быть ограниченным временем. Нет, но поистине, Он был до них. Он сотворил время и пространство, и Он таков же, каким и был.

Ум знает, что Он существует в своем сущностном бытии. В этом бытии Он явит себя в Последней Обители[4] по милости Своей и из благожелательности ко праведникам, что будет совершеннейшей из щедрот, ведь Он позволит им взглянуть на свой благородный лик. Он — да превознесется Он — живой, сильный, могучий, одолевающий, свободный от любых недостатков и немочи. «Не овладевает им ни дремота, ни сон» (II, 255/256), и ни убыль, ни смерть не сходят на Него. Он один может творить и изобретать, ибо Он единственный, кто создает и замышляет новое. Он знает все познаваемое, Ему известно все, что происходит — от недр земных до высот неба, так что ни одна пылинка на земле или на небе не ускользает от Его знания. Он знает о черном муравье, ползущем по камню темной ночью, и Он видит движение каждой пылинки в поднебесье. «Он знает и тайну, и более скрытое» (XX, 7/6). Ему ведомы устремления людей, движение их помыслов, самые их сокровенные тайны, [и Он познает все это] знанием древним и вечным, ибо Он обладает этим атрибутом во веки веков.

Он — да превознесется Он — Тот, кто желает бытия сущего, кто управляет преходящими вещами, так что ничто не совершается в мирах видимом и невидимом[5] без Его определения, Его указа, Его решения, Его воли, так что соизволенное Им существует, а не соизволенное не существует, и нет никого, кто мог бы противиться Его велению или изменить его решение. Он — да превознесется Он — и слышит, и видит (XXII, 61/60). Нет ничего слышимого, сколь бы тихим оно ни было, что ускользает от Его слуха, и нет ничего видимого, сколь бы крохотным оно ни было, что сокрыто от Его зрения. Расстояние не притупляет Его слуха, темнота не затмевает Его зрения, но Его слух и Его зрение ничуть не похожи на слух и зрение твари, равно как его сущностное бытие нисколько не схоже с бытием твари. Он также — да превознесется Он — говорит, чтобы повелевать и запрещать, чтобы обещать и угрожать. Коран, Тора, Евангелие и Псалтырь — это Его Писания, ниспосланные Им своим вестникам — мир им. Он также — да превознесется Он — говорил к Моисею речью, которая является атрибутом Его сущности, а не сотворенной вещью, могущей погибнуть, и не атрибутом сотворенной вещи, который мог бы исчерпаться.

И Он — да превознесется Он — [единственный в том смысле], что рядом с Ним нет ни одной сущей вещи, кроме тех, что возникли благодаря Его акту, проистекают из Его справедливости самым прекрасным и совершенным, самым полным и беспристрастным образом. Он мудр во всех Своих действиях, справедлив во всех Своих постановлениях. Все, кроме Него, — люди, джинны и ангелы, небо и земля, животные, растения и камни, постигаемое умом или чувствами, — это новое творение, которое Он создал Своей силой, изведя из небытия и создав как тварь, когда этих вещей еще не было. Существуя в вечности, Он был единственным и не

было другого рядом с Ним. Тогда он совершил творение, в котором явил Свою силу, исполнил то, что прежде пожелал, и подтвердил слово, которое Он произнес в вечности. Он не испытывал в том ни нужды, ни недостатка, ибо это по милости Своей он создает, производит и творит вещи, а не по необходимости, и это благодеяние Его — ниспосылать милости, а не вынужденный акт. Это Он, Единый, ниспосылает милости и благодеяния, благословения и щедроты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Множественное число потому, что земель, как и небес, — семь.

[2] Это знаменитая проблема *истива*, которая серьезно занимала мусульманских богословов. В Коране около семи раз утверждается, что Аллах *истава* на Троне, что применительно к некоторым земным монархам означало «восседать на Троне».

[3] *Ath-thara* в древней космологии есть то, что находится под низшими глубинами. В суре XX, 6/5 сказано: «Ему принадлежит то, что на небесах, что на земле, что между ними и что под *thara*».

[4] *Дар аль-Карар* — одно из названий Рая, так что речь идет о мусульманском учении о блаженном лицезрении Аллаха.

[5] *Mulk wa malakut*: оба слова означают «царство», но в специфическом смысле относятся к царству вещей видимых и царству вещей невидимых соответственно.

A Jeffrey, *Islam: Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp. 90–92.

См. также тексты 70–73, 231–237, 252, 268, 269.

306

СУЩНОСТЬ ИСЛАМА

(Ал-Малати, «Китаб ат-Танибх»)

Ибн Умар сказал: «Ислам построен на пяти столпах: на исповедании того, что нет бога, кроме Аллаха, на совершении молитв (*салат*), законной раздаче милостыни (*закат*), паломничестве к Дому (т. е. Каабе в Мекке) и посте в [месяц] Рамадан. Так его передал нам Посланник Аллаха, но, кроме этого, есть еще священная война (*джихад*), превосходная вещь».

Сказал Удайфа: «Поистине, я знаю людей двух вер среди людей твоей веры, двух вер, которые происходят от адского пламени, а именно: одни говорят, что вера заключается в словах [и человек может быть правовер-

ным], даже если он прелюбодействует и убивает, а другие называют правоверными покровителей заблуждения, утверждающих, что существует не пять ежедневных молитв, а лишь две — утренняя и вечерняя».

Абдаллах аль-Йашкури сказал: «Я отправился в Куфу, чтобы раздобыть несколько мулов, и вошел в мечеть, где был человек по имени Ибн аль-Мунтафик, который говорил: «Кто-то рассказывал мне о Посланнике Аллаха, и рассказ мне так понравился, что я отправился в Мекку, чтобы найти его, но мне сказали, что он в Муне. Тогда я пошел в Муну, чтобы найти его, но мне сказали, что он в Арафате. Наконец я нашел его и приблизился к нему, подъехав так близко, что мог дотронуться до узды его скакуна, так что шеи наших коней соприкоснулись». Я сказал: «Есть две вещи, о которых я хотел бы тебя спросить. Что спасет меня от Ада и что обеспечит мне вход в Рай?» Он взглянул на небо, затем посмотрел на меня и молвил: «Хотя речь твоя и была краткой, ты затронул нечто неизмеримое, и она, поистине, требует длинного ответа. И все же прими от меня это: Ты должен почитать Аллаха, не навязывая Ему сотоварищей, совершать предписанные молитвы, поститься в месяц Рамадан, поступать с людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой, не отворачиваться от приходящих к тебе и отпустить уздечку моего скакуна».

Аль-Хасан сообщал, что Посланник Аллаха говорил: «О сыновья Адама, молитва запрещает безнравственность, но вы не молитесь». Ибн Аббас привел стих (XXXV, 10/11): «К Нему восходит доброе слово, и праведное деяние Он возвысит», и заметил: Доброе слово — это упоминание Аллаха, а праведное деяние — исполнение предписанных религиозных обязанностей (*фараид*). Поэтому всякий, упоминающий Аллаха, исполняя религиозные обяззанности, напоминает Аллаху о себе и возносится на небо; а кто упоминает Аллаха, но не исполняет предписанных обязанностей, тот ставит слова впереди дел, на что он имеет право. Посланник Аллаха сказал: «Первое, в чем человек должен будет дать отчет [на Страшном Суде], это в фарайде. Если же в этом будет обнаружена малейшая недостача, [то Аллах скажет]: «Были ли у раба моего какие-либо добровольные деяния (*таттаву*)?»[1] Если таковые обнаружатся, то Он скажет: «Восполни [недостачу] в фарайде из таттаву»».

По словам Кааба, Посланник Аллаха сказал: «Всякий, кто совершает молитвы, раздает законную милостыню, внемлет и повинуется, имеет лишь посредственную веру, но тот, кто любит и ненавидит только ради Аллаха, кто дает и удерживает только ради Аллаха, достиг совершенной веры». Явившимся к нему представителям из Абд аль-Каис Посланник Аллаха сказал: «Я повелеваю вам четыре вещи, первая из которых — вера в Аллаха. Знаете ли вы, что такое вера в Аллаха?» Они отвечали «Аллах и Его Посланник знают лучше». Он сказал: «Она состоит в свидетельствовании о том, что нет бога, кроме Аллаха, в совершении молитв, раздаче законной милостыни и выделении пятины от добычи[2]».

Ибн Умар сказал: «Есть три [необходимых вещи], и если человек будет иметь лишь две из них, то [его религия] не будет принята. Это молитва, пост и омовение от всего, что́ закон объявляет не́чистым (*джанаба*)».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дела, благие с религиозной точки зрения, но не относящиеся к предписанным религозным обязанностям, входящим в фараид. Например, это дополнительные молитвы помимо пяти обязательных ежедневных молитв.

[2] Ссылка на предписание в суре VIII, 41/42.

A. Jeffery, *Islam: Muhammad and His Religion*, New York, Liberal Arts Press, 1958, pp 81–83

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА I

БОГИ, БОГИНИ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА

БОЖЕСТВА ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ
(дописьменные общества)

1 АВСТРАЛИЙСКИЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА 11
2 НЗАМБИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ БАКОНГО 14
3 ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО ИСОКО (ЮЖНАЯ НИГЕРИЯ) 14
4 НГАИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ КИКУЙЮ 15
5 ЛЕЗА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ БА-ИЛА (СЕВЕРНАЯ РОДЕЗИЯ) 16
6 ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО ГЕРЕРО 17
7 РАЛУВИМБА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ВЕНДА 18
8 ВАКАН ТАНКА, ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО ИНДЕЙЦЕВ ДАКОТА 19
9 «ВЕЛИКИЙ ДУХ» ЛЕНАПОВ 20
10 ТИРАВА, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ПАУНИ 21
11 ВЫСШЕЕ СУЩЕСТВО МАОРИ (ПОЛИНЕЗИЯ) 22
12 ВСЕОБЩАЯ МАТЬ И ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО 24
13 ЮЖНО-АМЕРИКАНСКАЯ ЭПИФАНИЯ СОЛНЕЧНОГО БОГА 24
14 ПОВЕЛИТЕЛЬ ОЛЕНЕЙ 25
15 ХАЙНУВЕЛЕ И «СОЗИДАТЕЛЬНОЕ УБИЙСТВО» (СЕРАМ, НОВАЯ ГВИНЕЯ) 26

БОГИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ДРЕВНЕЙ ИНДИИ И ЯПОНИИ

16 ЭНКИ, ВЕРХОВНЫЙ БОГ ШУМЕРОВ 28
17 ЕГИПЕТСКИЙ ВЕРХОВНЫЙ БОГ В ЭПОХУ ТЕКСТОВ САРКОФАГОВ 31

18 АТОН, ДВУПОЛЫЙ ВЕРХОВНЫЙ БОГ 32
19 СПОР МЕЖДУ ОСИРИСОМ И ВЕРХОВНЫМ БОГОМ 32
20 АМЕНХОТЕП IV (ЭХНАТОН) И ГИМН АТОНУ 33
21 ВАРУНА, ВСЕВЕДУЩИЙ БОГ 38
22 «ЦАРЬ ВАРУНА ЗДЕСЬ» 39
23 ВАРУНА И ИНДРА 40
24 «КАКОГО БОГА ПОЧТИМ ВОЗЛИЯНЬЕМ?» 41
25 «ИНДРА, РОЖДЕННЫЙ ДЛЯ ПЕРВЕНСТВА ОХВАТИВШИЙ БОГОВ СИЛОЙ ДУХА» 43
26 ВЕДИЙСКИЙ ГИМН БОГИНЕ ЗЕМЛИ 44
27 ВИШНУ КОСМИЧЕСКИЙ БОГ 47
28 ЭПИФАНИЯ КРИШНЫ 50
29 КАЖДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ТАТХАГАТА ОТКРЫВАЕТ СВОЕ ИМЯ И ОБЪЯВЛЯЕТ О СВОЕМ ВХОЖДЕНИИ В НИРВАНУ 53
30 БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ СОСТРАДАНИЕ БОДХИСАТТВЫ 54
31 БОГИНЯ СОЛНЦА АМАТЭРАСУ И БОГ БУРИ СУСАНОО 56

ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ И ГЕРОИ ВЫСШЕЕ СУЩЕСТВО ИРАНЦЕВ, АХУРА МАЗДА

32 К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ 58
33 К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ 62
34 ГЕРАКЛ ЕГО ПОДВИГИ, СМЕРТЬ И АПОФЕОЗ 63
35 ДЕМЕТРА И УЧРЕЖДЕНИЕ ЭЛЕВСИНСКИХ ТАИНСТВ 70
36 ЗАЛМОКСИС, БОЖЕСТВО ГЕТОВ 73
37 ЗАРАТУШТРА ИЗЛАГАЕТ ОСНОВЫ СВОЕГО УЧЕНИЯ 75
38 ГАТА ВЫБОРА ЗАРАТУШТРА РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОБРАЗЦОВОМ ВЫБОРЕ, ПРОИЗОШЕДШЕМ В НАЧАЛЕ МИРА 76
39 ВТОРАЯ ГАТА ВЫБОРА 78

ИСЛАМ: АЛЛАХ И ЕГО ПРОРОК

40 МУХАММАД ГОВОРИТ ОБ АЛЛАХЕ «НЕТ БОГА КРОМЕ НЕГО...» 79
41 АЛЛАХ ВСЕЗНАЮЩИЙ, ВСЕМОГУЩИЙ — ТВОРЕЦ! 79
42 АЛЛАХ «ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ» ТВОРЕЦ СОЗДАТЕЛЬ, ОБРАЗОВАТЕЛЬ АЛЛАХ О ВСЯКОЙ ВЕЩИ ЗНАЮЩ 81
43 АЛЛАХ — СВЕТ 82

ГЛАВА II

МИФЫ О ТВОРЕНИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

44 ТВОРЕНИЕ МЫСЛЬЮ 85
45 КОСМОГОНИЯ ОМАХА ВНАЧАЛЕ МИР ПРЕБЫВАЛ В УМЕ У БОГА 86
46 ТВОРЕНИЕ ИЗ ЧИСТОЙ ВИДИМОСТИ 87

47 ИО И КОСМОГОНИЯ МАОРИ 88
48 ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ ТЕОГОНИЯ И КОСМОГОНИЯ (ОСТРОВА ОБЩЕСТВА) 89
49 НЫРЯНИЕ ЗА ЗЕМЛЕЙ МИФ О ТВОРЕНИИ ИНДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ МАЙДУ (КАЛИФОРНИЯ) 90
50 НАЧАЛО МИРА 92
51 АФРИКАНСКАЯ КОСМОГОНИЯ 93
52 «КНИГА БЫТИЯ» МАЙЯ-КИЧЕ 94
53 ЯПОНСКАЯ КОСМОГОНИЯ 96
54 ЕГИПЕТСКАЯ КОСМОГОНИЯ И ТЕОГОНИЯ 97
55 МЕСОПОТАМСКАЯ КОСМОГОНИЯ 99
56 «КТО СКАЖЕТ ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ЭТО?» 110
57 ИНДИЙСКАЯ КОСМОГОНИЯ 112
58 СОТВОРЕНИЕ МИРА ПО УПАНИШАДАМ 114
59 ТЕОГОНИЯ И КОСМОГОНИЯ ГЕСИОДА 115
60 ЗОРОАСТРИЙСКАЯ ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ ОРМАЗД И АХРИМАН 117

МИФ О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ

61 СКАНДИНАВСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТВОРЕНИИ И ПРОРОЧЕСТВЕ О КОНЦЕ СВЕТА (ВЕЛЮСПА) 120

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

62 СОТВОРЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ МАТЕРИ-ЗЕМЛИ (МАОРИ) 130
63 КНИГА БЫТИЯ ЗУНЬИ СОТВОРЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 131
64 БОГ И ПЯТЬ ЖЕНЩИН МИФ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ ОГНЯ, ВОДЫ И ЖЕНЩИНЫ (ТОМПСОНОВСКИЕ ИНДЕЙЦЫ С СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ТИХОГО ОКЕАНА) 134
65 МИФ ТОМПСОНОВСКИХ ИНДЕЙЦЕВ О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА 135
66 МИФ ПАУНИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МАТЬ КУКУРУЗА ВЫВОДИТ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ НА ПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛИ 136
67 АФРИКАНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА (ШИЛЛУК НАРОДНОСТЬ ЖИВУЩАЯ НА НИЛЕ) 137

МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СМЕРТИ

68 СБРОШЕННАЯ КОЖА МЕЛАНЕЗИЙСКИЙ МИФ 138
69 КАМЕНЬ И БАНАН ИНДОНЕЗИЙСКИЙ МИФ 139
70 ЛУНА И ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ АВСТРАЛИЙСКИЙ МИФ 139
71 ЖЕСТОКАЯ ПТИЦА АВСТРАЛИЙСКИЙ МИФ (ПЛЕМЯ АРАНДА) 140
72 МАУИ И ХИНЕНУИТЕПО ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ МИФ 141

МИФЫ О ПОТОПЕ

73 РАССКАЗ О ПОТОПЕ ИЗ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ 144
74 ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ МИФ О ПОТОПЕ 149

ГЛАВА III

ЧЕЛОВЕК И САКРАЛЬНОЕ

САКРАЛЬНЫЙ МИР, САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, САКРАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

75 САКРАЛЬНЫЙ МИР ДАЯКИ БОРНЕО 153
76 САКРАЛЬНЫЙ МИР И САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНАПОВ 156
77 КОСМИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ КУЛЬТОВОГО ДОМА ДЕЛАВАРОВ (ЛЕНАПОВ) 158
78 ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ АВСТРАЛИЙЦЕВ 159
79 СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (АВСТРАЛИЙСКИЕ АБОРИГЕНЫ) 160
80 ФАЗЫ САКРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (ДАЯКИ НГАДЖУ ЮЖНЫЙ БОРНЕО) 162
81 САКРАЛЬНАЯ ЭРА (ДАЯКИ НГАДЖУ ЮЖНЫЙ БОРНЕО) 168
82 ОХОТА КАК СВЯЩЕННОЕ ЗАНЯТИЕ (ИНДЕЙЦЫ НАСКАПИ, ПОЛУОСТРОВ ЛАБРАДОР) 170
83 СВЯТОСТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ АХУРА МАЗДА НАСТАВЛЯЕТ ЗАРАТУШТРУ 171
84 ПОЧТЕНИЕ К ЖИЗНИ У ДЖАЙНОВ 172

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУДЬБА ДУШИ — СИЛЫ МАНА

85 ДУШИ, СНОВИДЕНИЯ СМЕРТЬ, ЭКСТАЗ 174
86 АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ ПРИ ЖИЗНИ И ПОСЛЕ СМЕРТИ 182
87 ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ У СЕВЕРО АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ 184
88 ДУША ЧЕЛОВЕКА ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ С ОСИРИСОМ И С ПРИРОДОЙ 189
89 МАНА МЕЛАНЕЗИЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КАТЕГОРИЯ 190
90 ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МАНА 191

ТИПЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

91 ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НУЭР 197
92 ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕДВЕДЯ У АЙНОВ 202
93 ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ И ВОСХОЖДЕНИЕ ШАМАНА НА НЕБО (АЛТАЙ) 207
94 МАЗДАЯСНИЙСКОЕ (ЗОРОАСТРИЙСКОЕ) ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СОЛНЦУ 212
95 ГОМЕРОВСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕРТВЫМ 213
96 ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ РЕЕ ФРИГИЙСКОЙ БОГИНЕ МАТЕРИ 214
97 ИСКУПЛЕНИЕ УМБРСКОГО ГОРОДА АРХАИЧЕСКОЕ ИТАЛИЙСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ 216
98 ПРИНОШЕНИЕ ЮПИТЕРУ ПЕРЕД СЕВОМ 218

99 РИМСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПЕРЕД СБОРОМ УРОЖАЯ 219
100 DEVOTIO САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ДЕЦИЯ 220
101 КОСМИЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ 222

ОБРЯДЫ, ОРАКУЛЫ, ПРЕДПИСАНИЯ, БОГОПОЧИТАНИЕ

102 ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ (АВСТРАЛИЯ) 225
103 ОЖИВЛЕНИЕ ОСИРИСА 226
104 ЗАКЛИНАНИЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕЕ ОСИРИСА 226
105 СВЯЩЕННАЯ ТРУБКА (ИНДЕЙЦЫ ДАКОТА) 227
106 СМЫСЛ И ЦЕННОСТЬ РИТУАЛОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНФУЦИАНСТВА 230
107 ВОЗДВИЖЕНИЕ СВЯТИЛИЩА АМАТЭРАСУ 232
108 СИНТОИСТСКИЙ ПРАЗДНИК ИСПРАШИВАНИЯ УРОЖАЯ 233
109 ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ОМОВЕНИЕ НОВОРОЖДЕННОГО У АСТЕКОВ 235
110 ЕГИПЕТСКАЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ» 235
111 ИСПОВЕДЬ И ПОКАЯНИЕ У АСТЕКОВ 237
112 КИТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЙ 238
113 ЯВЛЕНИЕ БЕЛОГО ФАЗАНА, БЛАГОПРИЯТНОЕ ЗНАМЕНИЕ (ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ) 239
114 ОРАКУЛ ТРОФОНИЯ В ЛЕБАДИИ 240
115 «ИСПИЛИ МЫ СОМЫ И СТАЛИ БЕССМЕРТНЫМИ» 242
116 МИФ И РИТУАЛ КАК СТАТЬ ГАНДХАРВОЙ 244
117 СОВЕРШАЙ ДЕЯНЬЯ, ОТРЕШАЯСЬ ОТ ИХ ПЛОДОВ 247
118 ЛИЧНЫЙ КУЛЬТ ПУДЖА (ИНДУИЗМ) 248
119 ПУДЖА ВИШНУ И ДРУГИМ БОГАМ 251
120 ЗАСЛУГИ СТРОИТЕЛЯ ХРАМА (ИНДУИЗМ) 252
121 ПРЕДАННОСТЬ БУДДЕ ДЕЯНИЯ И ВОЗДАЯНИЕ 255
122 МУХАММАД ПРОВОЗГЛАШАЕТ ПРЕДПИСАНИЯ ИСЛАМА 256
123 ТЕ, КОТОРЫЕ ОБРАТИЛИСЬ ПОСЛЕ ЭТОГО И СОВЕРШИЛИ БЛАГОЕ 258
124 ПАЛОМНИЧЕСТВО В КОРАНЕ 259

МОЛИТВЫ И ГИМНЫ

125 БУШМЕН ТРЕБУЕТ ПОМОЩИ У СВОЕГО БОГА (ЮЖНАЯ АФРИКА) 261
126 МОЛИТВА ИМАНЕ, ВЕЛИКОМУ ТВОРЦУ РУАНДЫ-УРУНДИ 261
127 ГИМН МВАРИ, БОГУ МАШОНА (ЮЖНАЯ РОДЕЗИЯ) 262
128 МОЛИТВА АРАПАХО 263
129 «ВОЗДАЙ БЛАГОДАРНОСТЬ МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ » (ПЛЕМЯ ПАУНИ, ОКЛАХОМА) 264
130 ТАИТЯНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ МОЛИТВА 264
131 ГАВАЙСКИЙ ПЛАЧ 265

132 ШУМЕРО-АККАДСКИЙ ГИМН ВСЕМ БОГАМ 265
133 ВЕЛИКИЙ ГИМН ШАМАШУ 267
134 «ОСЛАБЬ ГРЕХ НА МНЕ, СЛОВНО ПОЯС» ГИМН ВАРУНЕ 269
135 «КОГДА ЖЕ Я К ВАРУНЕ ВНОВЬ ПРИБЛИЖУСЬ?» 271
136 «ДАЙ ТЫ МНЕ БЕССМЕРТИЕ» ГИМН СОМЕ ПАВАМАНЕ 272
137 ГИМНЫ АГНИ 274
138 МОЛИТВА СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО 276
139 ГИМН КЛЕАНФА К ЗЕВСУ 277
140 МУХАММАД ПРЕДПИСЫВАЕТ МУСУЛЬМАНАМ ЕЖЕДНЕВНЫЕ МОЛИТВЫ 278
141 МОЛИТВЫ ДЕРВИШЕЙ 278

МОДЕЛИ ИНИЦИАЦИИ

142 АВСТРАЛИЙСКАЯ ПЛЕМЕННАЯ ИНИЦИАЦИЯ 280
143 ДУКДУК МЕЛАНЕЗИЙСКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО 283
144 ДИКША ИНДИЙСКИЙ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЙ РИТУАЛ (ИНДУИЗМ) 285
145 ИНИЦИАЦИЯ ВОИНА СОТВОРЕНИЕ БЕРСЕРКА 287
146 ИНИЦИАЦИЯ КУХУЛИНА 288
147 ДИОНИС И ВАКХАНКИ 289
148 ЭЛЕВСИНСКИЕ ТАИНСТВА 292
149 СМЕРТЬ И ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА 294
150 ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА КИБЕЛЫ ТАВРОБОЛИОН 295
151 ЭПИФАНИЯ МИСТЕРИАЛЬНОГО БОГА 296
152 ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С МИСТЕРИАЛЬНЫМ БОГОМ 296
153 «ОБЕССМЕРТИВАНИЕ» (APOTHANATISMÓS) 297
154 ПЛАТОН ОБ ИНИЦИАЦИИ 297
155 ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВА ИСИДЫ 298
156 ЛИЧНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (II ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ) 303
157 ПОСВЯЩЕНИЕ КУКАЯ В ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ 305

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ, ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ, ЭСХАТОЛОГИЯ

БОГИ, ГЕРОИ И СМЕРТЬ

158 НИСХОЖДЕНИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР 311
159 ГИЛЬГАМЕШ В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ 317

СМЕРТЬ И ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ

160 МОМЕНТ СМЕРТИ В УПАНИШАДАХ 327
161 БУДДИЙСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОМЕЖУТОЧНОМ СОСТОЯНИИ 328

162 ТИБЕТСКАЯ «КНИГА МЕРТВЫХ» СМЕРТЬ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ 328

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

163 «ЗЕМЛЯ, ОТКРОЙ ЕМУ ЛЕГКИЙ ДОСТУП» ВЕДИЙСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ГИМН 334
164 ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У АСТЕКОВ 336
165 ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ТОРАДЖА (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СУЛАВЕСИ) 337

ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ

166 УМЕРШИЙ ФАРАОН ВОСХОДИТ НА НЕБО 344
167 УМЕРШИЙ ФАРАОН СТАНОВИТСЯ ОСИРИСОМ 346
168 ОСИРИС — ПРОТОТИП КАЖДОЙ ДУШИ, НАДЕЮЩЕЙСЯ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ 346
169 ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В КАЧЕСТВЕ БА И ЖИЗНЬ В ГРОБНИЦЕ ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА 347
170 ЕГИПЕТСКАЯ СТРАНА МОЛЧАНИЯ И ТЬМЫ 348

ПУТИ В ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

171 ПОСВЯЩЕННЫМ В ОРФИКО-ПИФАГОРЕЙСКОЕ БРАТСТВО ОТКРЫВАЕТСЯ ПУТЬ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР 349
172 ИРАНСКИЙ ЗАГРОБНЫЙ МИР ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОСТ ЧИНВАТ И ПУТИ НА НЕБО И В ПРЕИСПОДНЮЮ 350
173 СИБИРСКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ (НАНАЙЦЫ) ШАМАН ПРОВОЖАЕТ ДУШУ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР 354
174 ДОРОГА В СТРАНУ МЕРТВЫХ (ИНДЕЙЦЫ ВИННЕБАГО) 356
175 ДОРОГА В МИР ДУШ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ТОМПСОНОВСКИХ РЕЧНЫХ ИНДЕЙЦЕВ (БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ) 357
176 ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ДЕДА ВЕРОВАНИЕ ГУАРАДЖУ (ВОСТОЧНАЯ БОЛИВИЯ) 358
177 ПОЛИНЕЗИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАГРОБНЫЙ МИР 360

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ

178 «.. ЕСТЬ И В АИДОВОМ ДОМЕ ПОДЗЕМНОМ ДУХ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ. .» 362
179 «...АСФОДИЛОНСКИЙ ЛУГ, ГДЕ ВОЗДУШНЫМИ СТАЯМИ ДУШИ УМЕРШИХ ЛЕТАЮТ...» МИР ИНОЙ У ГОМЕРА 363
180 ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЛАЗАМИ РИМЛЯН СОН СЦИПИОНА 364
181 ЭМПЕДОКЛ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ 366
182 ПЛАТОН О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ МИФ ОБ ЭРЕ 366
183 ПЛАТОН О БЕССМЕРТИИ ДУШИ 368

МИФЫ ОБ ОРФЕЕ

184 ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ ОРФЕЙ 369
185 КАЛИФОРНИЙСКИЙ ОРФЕЙ МИФ ЙОКУТОВ ТАЧИ 370

РАЙ

186 РАЙ МАХАЯНЫ ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ 373
187 СОЗЕРЦАНИЕ АЛЛАХА В МИРЕ ИНОМ 375

КОНЕЦ СВЕТА

188 АХУРА МАЗДА УЧИТ ЙИМУ, КАК СПАСТИ ВСЕ ЛУЧШЕЕ И ПРЕКРАСНЕЙШЕЕ В МИРЕ 379
189 БУДДА ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ВЕРЫ 380
190 ИРАНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ И ПОСЛЕДНЕЕ ТЕЛО 383
191 МУХАММАД ГОВОРИТ О СУДНОМ ДНЕ 387

МЕССИАНСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА И МИЛЛЕНАРИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

192 ПРОРОЧЕСТВО О МАЙТРЕЙЕ, ГРЯДУЩЕМ БУДДЕ 390
193 НИТИРЭН СОЗЕРЦАЕТ ЯПОНИЮ КАК ЦЕНТР ВОЗРОЖДЕНИЯ БУДДИЗМА 393
194 ДВИЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ СИУ РЕЛИГИЯ «ПЛЯСКИ ДУХОВ 393
195 РЕЛИГИЯ «ПЛЯСКИ ДУХОВ» (СИУ) ЦЕРЕМОНИЯ 400
196 ДЖОН ФРАМ МИЛЛЕНАРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАННЕ (НОВЫЕ ГЕБРИДЫ) 402
197 МЕССИАНСКИЙ НАГОЙ КУЛЬТ В САНТО (НОВЫЕ ГЕБРИДЫ) 407

ГЛАВА V

ПРОФЕССИОНАЛЫ САКРАЛЬНОГО: ОТ ЗНАХАРЕЙ ДО МИСТИКОВ И ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ РЕЛИГИЙ

ШАМАНЫ И ЗНАХАРИ

198 ВОСПИТАНИЕ ЗНАХАРЯ ПЛЕМЯ ВИРАДЖУРИ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АВСТРАЛИЯ) 413
199 ИНИЦИАЦИЯ ЗНАХАРЯ ПЛЕМЯ КУРНАИ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АВСТРАЛИЯ) 414
200 ИНИЦИАЦИЯ ЗНАХАРЯ БИНБИНГА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВСТРАЛИЯ) 415
201 ИНИЦИАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО ЗНАХАРЯ ПЛЕМЯ УНМАТЖЕРА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВСТРАЛИЯ) 416
202 КАК ЛЕБИД СТАЛ ШАМАНОМ (ИНДЕЙЦЫ КВАКИУТЛЬ) 417
203 «ПРОСВЕТЛЕНИЕ» ЭСКИМОССКИХ ШАМАНОВ (ИГЛУЛИК) 421
204 ИНИЦИАЦИОННЫЙ СОН САМОЕДСКОГО ШАМАНА 421
205 МИСТИЧЕСКИЙ БРАК СИБИРСКОГО ШАМАНА (НЕНЦЫ) 424
206 МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ШАМАН (АПАЧИ) 425

207 ПОТЕРЯВШИЙ ДУШУ И МАГИЧЕСКОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ (ИНДЕЙЦЫ АПИНАЙЕ, ВОСТОЧНАЯ БРАЗИЛИЯ) 426
208 КАМЛАНИЕ У ЮКАГИРОВ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ) 427
209 ЭСКИМОССКИЙ ШАМАН СПУСКАЕТСЯ НА ДНО ОКЕАНА 428
210 ЧЕРНАЯ МАГИЯ АВСТРАЛИЙСКИЙ КОЛДУН (АРНЕМЛЕНД) 429

СВЯТЫЕ

211 АФРИКАНСКИЙ БОЖЕСТВЕННЫЙ ЦАРЬ (НЬЯСАЛЕНД) 432
212 СМЕРТЬ ОРФЕЯ 435
213 ЭМПЕДОКЛ ШЕСТВУЕТ БЕССМЕРТНЫМ СРЕДИ СМЕРТНЫХ 436
214 ФЛАМИН-ДИАЛ И ЕГО СУПРУГА 436
215 АВГУСТ — «ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА» (ГАЛИКАРНАСС) 438
216 НИТИРЭН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СЕБЯ БОДХИСАТТВОЙ ВОЗВЫШЕННОГО ДЕЯНИЯ 438
217 ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИВУЩЕГО В УЕДИНЕНИИ НИТИРЭНА 440

ВИДЫ АСКЕТИЗМА

218 ИНДИЙСКИЙ АСКЕТ 441
219 ГАУТАМА БУДДА РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ АСКЕЗЕ 443
220 ГАУТАМА БУДДА ПРЕДАЕТСЯ СТРОЖАЙШЕЙ АСКЕЗЕ И ДОСТИГАЕТ СОВЕРШЕНСТВА В ЙОГЕ 445
221 УЧЕНИЕ И ПРАКТИКА НЕНАСИЛИЯ (АХИМСА) В ДЖАЙНИЗМЕ ПРИМЕР МАХАВИРЫ 447
222 МИЛАРЭПА ПРЕВОЗНОСИТ «ПЯТЬ УТЕШЕНИЙ» 449
223 АЛЬ-ХАСАН ПРЕВОЗНОСИТ АСКЕТИЗМ 452

ПРОРОКИ И ОСНОВАТЕЛИ РЕЛИГИЙ

224 ВСЕ ОТВЕРНУЛИСЬ ОТ ЗАРАТУШТРЫ 453
225 ЦАРЕВИЧ СИДДХАРТХА СТАЛКИВАЕТСЯ СО СТАРОСТЬЮ, БОЛЕЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ 455
226 ПЕРВЫЕ НАСТАВНИКИ ГАУТАМЫ КАЛАМА И РАМАПУТТА 459
227 ПОСЛЕ ПРОСВЕТЛЕНИЯ БУДДА ПРОВОЗГЛАШАЕТ «Я СВЯЩЕН В ЭТОМ МИРЕ, Я ВЫСШИЙ УЧИТЕЛЬ» 461
228 БУДДА ГАУТАМА РАЗМЫШЛЯЕТ «СКОЛЬКО МУК И УСИЛИЙ Я ПОЛОЖИЛ НА ЭТО — ПУСТЬ ЖЕ МОЕ ПРОЗРЕНЬЕ ОСТАЕТСЯ ПРИ МНЕ!» 462
229 ГАУТАМА БУДДА ВСПОМИНАЕТ СВОИ ПРЕЖНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ 463
230 БУДДА ВХОДИТ В НИРВАНУ 464
231 ПРИЗВАНИЕ МУХАММАДА (АТ-ТАБАРИ) 465
232 МУХАММАД — ПОСЛАННИК БОЖИЙ 467
233 МУХАММАД ПРОВОЗГЛАШАЕТ КОРАН, «РУКОВОДСТВО — НЕТ СОМНЕНИЯ В ТОМ — ДЛЯ БОГОБОЯЗНЕННЫХ» 467
234 АЛЛАХ РАССКАЗЫВАЕТ МУХАММАДУ ОБ АВРААМЕ 469

235 АЛЛАХ ОТКРЫВАЕТ МУХАММАДУ, КАК ОН СПАС СЫНОВ ИЗРАИЛЯ 469
236 АЛЛАХ НИСПОСЫЛАЕТ ТОРУ, ПРОРОКОВ И ИИСУСА СЫНА МАРИИ 470
237 МУХАММАД — ПРОРОК ОТКРОВЕНИЯ 471

ДУХОВНЫЕ ТЕХНИКИ И МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

238 ФИЛОСОФ-НЕОПЛАТОНИК О ВИДАХ И СЛЕДСТВИЯХ ЭКСТАЗА 472
239 КОНЦЕНТРАЦИЯ «НА ОДНОЙ ТОЧКЕ» 474
240 ЙОГИЧЕСКИЕ ПОЗЫ (АСАНА) И ДЫХАТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ (ПРАНАЯМА) 476
241 ЙОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ И МЕДИТАЦИЯ 479
242 САМАДХИ 481
243 КУЯ «УЛИЧНЫЙ СВЯТОЙ», ПРОВОЗВЕСТНИК БУДДИЗМА ЧИСТОЙ ЗЕМЛИ 483
244 ХОНЭН И ПРИЗВАНИЕ АМИДЫ БУДДЫ БЕЗГРАНИЧНОГО СВЕТА 484
245 СИНРАН «ИСТИННО ЛИШЬ НЭМБУЦУ» 486
246 НИТИРЭН И «ПОКЛОНЕНИЕ ЛОТОСУ СОВЕРШЕННОЙ ИСТИНЫ» 489
247 ПОСТИЖЕНИЕ РАЗГАДКИ (ДОГЭН «ГЕНДЗЕ КОАН») 491
248 ДЗАДЗЭН И КОАН 492
249 ВАЖНОСТЬ ДЗАДЗЭН 493
250 ПРЕЗРЕНИЕ К ПИСАНИЯМ 494
251 ВОЗНЕСЕНИЕ МУХАММАДА 495
252 ВСТРЕЧА МУХАММАДА С ГОСПОДОМ 499
253 СУФИЙСКИЙ МИСТИК ГОВОРИТ СО СВОИМ БОГОМ 501
254 МИСТИЧЕСКОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ АБУ ЙАЗИДА 503
255 АЛ-ДЖУНАЙД О ЕДИНСТВЕ И РАЗДЕЛЕНИИ 504
256 АЛ-ХАЛЛАДЖ ГОВОРИТ О БОГЕ «Я ЕСМЬ ТОТ, КОГО ЛЮБЛЮ...» 504
257 «ОТКРОВЕНИЕ» АН-НИФФАРИ 505
258 ОБРАЩЕНИЕ АЛ-ГАЗАЛИ В СУФИЗМ 506
259 РУМИ НЕ УЗНАЕТ СЕБЯ 507

ГЛАВА VI

УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ И БОГЕ

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

260 ЕГИПЕТСКИЙ ПЕССИМИЗМ СПОР О САМОУБИЙСТВЕ 511
261 ЕГИПЕТСКАЯ ПЕСНЬ АРФИСТА «ИЗ УШЕДШИХ ТУДА НЕ ВОРОТИЛСЯ НИКТО» 514

262 РАЗОЧАРОВАНИЕ И ОТЧАЯНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ЕГИПТЯНИНА ИПУ 516
263 ДЖАЙНСКАЯ ПРИТЧА ЧЕЛОВЕК В КОЛОДЦЕ 517
264 НЕРАЗРУШИМАЯ, ВЕЧНАЯ ДУША ПОУЧЕНИЕ КРИШНЫ АРДЖУНЕ 519
265 ГРЕЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ 520
266 ЯЗЫЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ О ПОЧИТАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ БОГОВ 522
267 РЕЛИГИОЗНЫЙ СКЕПТИЦИЗМ В ЭПОХУ ЦИЦЕРОНА 522
268 АЛЛАХ БЛИЖЕ, ЧЕМ ШЕЙНАЯ АРТЕРИЯ 528
269 БОГ «ЗНАЕТ МЫСЛИ В ГРУДИ» 528
270 «ГДЕ ТА ЗЕМЛЯ В КОТОРОЙ НЕ УМИРАЮТ?» (НАУАТЛЬ) 529
271 МЕКСИКАНСКИЙ ПЛАЧ (НАУАТЛЬ) 530

СМИРЕНИЕ, МУДРОСТЬ, ТЕРПИМОСТЬ

272 ЕГИПЕТСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ ПОУЧЕНИЯ МЕРИКАРА 531
273 ПОУЧЕНИЯ АМЕНЕМОПЕ 532
274 «А Я ВЕДЬ ТОЛЬКО СМЕРТНЫЙ » 537
275 ДЖАЙНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КАРМЕ 537
276 ЦАРЬ АШОКА О БЕССМЫСЛЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ И «ЦЕРЕМОНИЯХ ДХАРМЫ» 541
277 ПЕРЕМЕНИВ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ, АШОКА ПРОВОЗГЛАШАЕТ ИДЕАЛ ЗАВОЕВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ДХАРМЫ 542
278 ЦАРЬ АШОКА ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ 544
279 АШОКА ПРОТИВ АГРЕССИИ И ТРЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ 545
280 ЗОЛОТОЙ ВЕК КОНФУЦИАНСКИЙ ВЕК ВЕЛИКОГО ЕДИНЕНИЯ (ДАТУН) 546
281 УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ 547

БУДДА ОБЪЯСНЯЕТ СРЕДИННЫЙ ПУТЬ

282 ПРИТЧА О СТРЕЛЕ ГАУТАМА БУДДА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОБСУЖДАТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ 550
283 СРЕДИННЫЙ ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К МУДРОСТИ И НАПРАВЛЯЮЩИЙ К НИРВАНЕ 552
284 УЧЕНИЯ ПОЛЕЗНЫЕ И БЕСПОЛЕЗНЫЕ 553
285 БУДДА ИЗЛАГАЕТ БЛАГОРОДНЫЙ ВОСЬМИЧАСТНЫЙ ПУТЬ 554
286 ПРИТЧА ОБ ОГНЕ ТАТХАГАТА ПОДОБЕН ДОГОРЕВШЕМУ ОГНЮ 555
287 ПРИТЧА О МАСЛЯНОЙ ЛАМПЕ УГАСАНИЕ ВОЖДЕЛЕНИЯ 557
288 СОВЕТ БУДДЫ САРИПУТТЕ 558
289 БУДДИЙСКИЙ «ПУТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ» 559

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

290 ЗАРАТУШТРА ВОПРОШАЕТ ВЛАДЫКУ 568
291 ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ НАЧИКЕТАСА 570
292 «ЧТО ТАКОЕ БРАХМАН» 572
293 «СКОЛЬКО БОГОВ ЯДЖНАВАЛКЬЯ» — «ОДИН» 572
294 «ЭТО МОЯ САМОСТЬ ЭТО — БРАХМАН» 573
295 КОГДА ГИБНЕТ ПОРЯДОК (ДХАРМА) В МИР ЯВЛЯЕТСЯ КРИШНА 574
296 УЧЕНИЕ БХАГАВАДГИТЫ «ВСЕ ЧТО ТЫ СОВЕРШАЕШЬ СОВЕРШАЙ КАК МНЕ ПРИНОШЕНЬЕ» 575
297 ДАО ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 578
298 ЧЖУАН-ЦЗЫ РАССУЖДАЕТ О ДАО 585

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОГАХ, «Я» И БОГЕ

299 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ У НУЭР 590
300 МУДРОСТЬ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, БЕССМЕРТИЕ 593
301 ШАНКАРА О ПРИРОДЕ БРАХМАНА 596
302 РАМАНУДЖА О БРАХМАНЕ «РАЗМЫШЛЕНИЕ ДОЛЖНО МЫСЛИТЬ БРАХМАНА СОСТАВЛЯЮЩИМ "Я" РАЗМЫШЛЯЮЩЕГО» 599
303 ЗОРОАСТРИЙСКИЙ ДУАЛИЗМ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ 601
304 ЭПИКУР О БОГАХ 604
305 МУСУЛЬМАНСКОЕ УЧЕНИЕ О БОГЕ 605
306 СУЩНОСТЬ ИСЛАМА 607

Научно-популярное издание

Мирча Элиаде

СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ НАРОДОВ МИРА

Главный редактор *Л. Михайлова*
Редактор *А. Коваль*
Корректоры *Л. Савельева, Н. Миронова, Н. Шерстенникова*
Технический редактор *В. Нефедова*
Компьютерная верстка *К. Дедич*

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.11.98.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага писчая.
Гарнитура Академия. Усл печ. л. 39. Тираж 8000 экз.
Заказ 01006

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, д. 6
Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике №1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25

#SL